

В.Е.БАГЛАЙ

АЦТЕКИ

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА,
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
СТРОЙ

(Доколониальный период)

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
1998

ББК 63.3(7)

Б14

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 96-01-16067**

Редактор издательства

В. Б. Меньшиков

Баглай В.Е.

Б14 Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй (Доколониальный период). — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 432 с.: ил., схемы. ISBN 5-02-017989-2
В книге впервые в отечественной историографии всесторонне обрисована одна из трех великих древних цивилизаций Америки. Основой работы послужил огромный фактический материал, использование которого превращает ее в компендиум знаний об ацтеках.

Научное издание *Баглай Валентина Ефимовна*

АЦТЕКИ

История, экономика, социально-политический строй

Редактор В.Б.Меньшиков

Художник Э.Л.Эрман. Художественный редактор Б.Л.Резников Технический редактор О.В.Волкова. Корректор

И.И.Чернышева

ЛР № 020910 от 02.09.94

Сдано в набор 19.12.97. Подписано к печати 17.04.98 Формат 60x90/16-Бумага офсетная №1. Печать офсетная Усл. п.л. 27,0+3,5 вкл. Усл. кр.-отг. 27,9. Уч.-изд. л. 31,7 Тираж 1000 экз. Изд. № 7748. Зак. 3627

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Решено... было основать город, и дали мы ему название... Богатый город истинного креста... Избрали управителей города, алькальдов... на рынке водрузили позорный столб, а за городом построили виселицу. Так было положено начало новому городу» [14, т. 1, с. 69]. Именно так, привычно для завоевателей начали покорение ацтекского государства испанские конкистадоры. Позорные столбы и виселицы, разгул христианского религиозного фанатизма, эпидемии, нечеловеческого напряжения труд на плантациях и в шахтах отмечали включение (официальное, но не фактическое!) коренных жителей Нового Света в общечеловеческую историю. Именно так народ и государство, контролировавшие к моменту Конкисты значительную часть Мексики, были сокрушены объективно более прогрессивным, но отнюдь не более гуманным обществом Старого Света.

Культура, почти совершенно сметенная в считанные годы, тем не менее постоянно напоминала о себе. Всем известны огромные политико-экономические последствия для Европы открытия Нового Света. Но знакомство с новыми, неизвестными ранее народами оставило свой след и в европейской культуре. Предполагается, например, что план столицы древнеацтекского государства г. Теночтитлана-Мехико послужил прообразом знаменитого идеального города А.Дюрера. Мексика нового и новейшего времени несет на себе отпечаток этой легендарной культуры, борьба за независимость Мексики на разных ее этапах велась в том числе и под влиянием представлений о ее древнем величии. Входящее в официальную государственную символику изображение орла, сидящего на кактусе, также может быть понято только в свете древнеацтекской истории. Современная Мексика — дитя не только европейской цивилизации, ее живое и оригинальное лицо неразрывно связано с древними этнокультурными корнями, которые живы на этой земле несмотря на все зигзаги истории.

Что же представляла собой древняя Мексика, точнее, предмет нашего исследования — древнеацтекское государство, самый серьезный противник испанских завоевателей к моменту их прибытия в Новый Свет? Совершенно определенно можно сказать, что наряду с месоамериканскими цивилизациями ольмеков, тольтеков, майя, миштеков, давших выдающиеся образцы культуры, представители самой последней данной группы культур — мешики, или ацтеки, — опиравшиеся на достижения своих предшественников, занимают в этом ряду достойное место (при всех сложностях изучения их цивилизации и истории).

Науке известен целый ряд знаменитых древневосточных цивилизаций. Изученные с большей или меньшей степенью полноты, они вызывают заслуженный интерес у исследователей. Что касается ацтекского государства и его культуры, то отношение к ним менялось в разные эпохи, было неодинаковым у тех или иных ученых — в зависимости от их политических симпатий и антипатий, философских установок. Соответственно, весьма широк спектр оценок и методологических приемов: мрачная ортодоксия соседствует в историографии с романтическими и прагматическими взглядами. К сожалению, до сих пор древнеацтекская культура и история чаще всего воспринимаются сквозь призму хрестоматийной «индейской экзотики», которая, в свою очередь, почти всегда сводится к чудовищной, отталкивающей практике человеческих жертвоприношений, достигшей у ацтеков, по словам отдельных раннеколониальных авторов, необычайно широких масштабов. Согласно таким представлениям, жестокие и воинственные ацтеки, с именем которых ассоциируется слепая жажда крови и убийства, были настоящим бедствием для подвластных им центральноамериканских народов. Один из современных исследователей, придерживающийся такой оценки этого общества, уверяет, что оно олицетворяло собой «мечту» и «кошмар», было привлекательным и отталкивающим, поскольку храмы и дворцы, золото и роскошь соседствовали там с кровью и изуверством жестоких человеческих

жертвоприношений [180, с. 13]. Другой, подчеркивая кровожадность ацтеков, выводит даже главную формулу их образа жизни — «убить или не убить» [320, с. 27].

По нашему мнению, подобный подход, сдобренный изрядной долей эмоций, мешает увидеть в древнеацтекской культуре многое весьма важное, существенное и принципиальное, что позволило бы наконец отказаться от представлений о ней как знаменитой главным образом своими человеческими жертвоприношениями. Они, конечно, были. Однако известно, что, например, в Финикии и Китае эпохи Шан-Инь богам и духам предков приносили такие же жертвы. Таким образом, подобная ритуальная практика объединяет доколумбову Мексику и развитые культуры древнего Востока. Понятно, что вследствие этого нельзя ставить знак равенства между указанными обществами. Но из сказанного тем не менее следует, что один отдельно взятый признак не может служить краеугольным камнем при оценке сущности изучаемого общества.

Ведь не только войны и кровь характерны для древнеацтекского общества. Древние мексиканцы создали глубоко своеобразную культуру, сочетавшую в себе грандиозность и величественность храмов и пирамид, поражающий своей точностью календарь, свой вариант и стиль пиктографического письма. Их общество породило оригинальную систему мировоззрения, в котором были тесно переплетены религиозные, военные и общечеловеческие идеи. Оно выработало свою собственную идеологию и систему представлений о мире и человеке, которая определяла не только весь их жизненный уклад, но и цели, форму и содержание искусства. Это было общество, в котором отнюдь не оригинальная архаическая жестокость соседствовала с ловкой и весьма искусной дипломатией, страстной внутри- и внешнеполитической борьбой. Оно жило по древнему принципу, согласно которому боги делают историю, а человек лишь терпеливо следует своей доле. И кровь жертв, принесенных во славу или во имя ацтекских богов, вливалась в гигантскую реку крови, пролитую человечеством в целом на протяжении всей его истории. Сомнительно, чтобы вина древних ацтеков в этом была самой значительной.

Очень важно по возможности всесторонне и на уровне современного знания проанализировать общественно-экономическую и политическую структуру ацтекского общества, его основные идеологические принципы и установки. Основанием для этого служат как письменные источники, так и памятники искусства и культуры.

Важнейшими среди первых являются записки, донесения, работы раннеколониальных авторов как европейского, так и индейского происхождения (Э.Кортес, Б.Диас, Ф.Агилар, Б.Саагун, Т.Б.Мотилиния, Д.Дуран, А.Сорита, Х.Акоста, Х.Мендиета, Ф.А.Тесосомок, Д.Муньос Камарго, Ф.Л.Гомара, А.Эррера, Х.Торкемада, Ф.А.М.Чимальпаин, Ф.А.Иштгилльшочитль, Дж. Карери и др. — см. [14; 31-33; 100; 128; 156; 173-175; 203; 212; 227-229; 291; 307; 308; 353; 384; 385; 388; 389; 409; 410]). Каждому из этих авторов в той или иной степени свойственны про- или антииндейские симпатии (например, Ф.Л.Гомара — ярчайший пример индеофобии, в то время как для работ Ф.А.Тесосомока характерен прямо противоположный подход); у многих в разных пропорциях сочетаются как тот, так и другой настрой в отношении прошлого аборигенов. Естественно, что это сказывалось на степени объективности сообщаемых ими сведений и выводов, которые они делали. В таких условиях очень важно, вопреки возможной предвзятости и односторонности взглядов как индейских, так и европейских авторов, выявить подлинные реалии, беспристрастно их квалифицировать и оценивать.

Главным образом к XVI в. (реже к началу XVII в.) относятся широко используемые в настоящей работе так называемые индейские кодексы.

Задолго до испанского завоевания ацтеки (опираясь на достижения более древних культур региона) создали свою пиктографическую систему сохранения и передачи информации. Она не достигла в своем развитии той стадии, которая характерна для письма древних и представляла собой смесь пиктографии (передача смысла с помощью рисунков-пиктограмм, представлявших собой, по сути, обычную иллюстрацию событий), символики (для передачи, например, слов «песня», «гимн» использовалось изображение особых стилизованных цветков, слова «вода» — сосуда, из которого выливалась вода, и т.п.), зачатков иероглифического письма (таким образом, например, передавалась топонимика и имена собственные) [351, с. 686].

В свете сказанного понятно, почему один из исследователей писал, что «чтение» древнеацтекского письма равнозначно просмотру немого кинофильма: мы знаем сюжет и имена

действующих лиц, но каждый из нас перескажет проиллюстрированную кадрами историю собственными словами [80, с. 79]. Иначе говоря, ацтекские кодексы были своего рода вадемекумами, «путеводителями» по тем событиям, которым они посвящены [309, с. 15]. В раннеколониальный период некоторые из них (к сожалению, не все) были снабжены разъяснениями на европейских языках (чаще на испанском) или на науатль, языке ацтеков, с использованием латиницы. Это очень помогает исследователям при «чтении» кодексов и их интерпретировании.

В качестве писчего материала использовалась оригинальная индейская бумага, выделанная кожа, холст (исп. lienzo — «полотно», «холст»). Древнемексиканские кодексы представляли собой или стопку отдельных листов разного размера, или длинные ленты, складывающиеся чаще в виде ширмы, или гармошки. Пиктографические рукописи писались обычно разноцветными красками по определенным канонам, что превращало их в настоящие произведения искусства. Занимались их написанием специальные писцы-рисовальщики (ацт. tlacuilo). Степень развития этого искусства была столь высока, что еще в доиспанский период сложились особые художественные направления пиктографики. Особенно славилась в ацтекском государстве библиотека в г. Тескоко, где имела своя школа пиктографики.

В кодексах фиксировались разные сведения — хронология (ацт. xiuhtonalamatl), ритуал, генеалогия, размеры землевладений, планы поселений и городов, земельные кадастры и т.п. Поэтому такие документы обычно делят на исторические, генеалогические, календарно-астрологические (прежде всего различные «книги дней» — ацт. tonalamatl, — которые использовали оракулы), мифологические, топографические, а также социально-экономического содержания (особенно важны списки, реестры, фиксировавшие выплаты дани).

Когда речь идет о кодексах и сведениях, содержащихся в них, важно иметь в виду, что, как и аналогичные памятники во всем ми-ре, они несут на себе отпечаток древней идеологии, ее приоритетов, представлений и ценностей того или иного периода. Иногда они менялись и кардинально, что сказывалось на судьбе этих памятников культуры. Так, при ацтекском правителе Итцкоатле в 1427 г., во время одного из крупных социально-общественных переворотов, по его приказу были сожжены те кодексы, которые, как он считал, неверно отражали историю, и написаны новые, в которых содержалась «истинная» ее картина (см. [52, с. 32]). Подобную корректировку истории важно иметь в виду, как и то, что древнеацтекская система летосчисления строилась на 52-летнем цикле. Каждое 52-летие делилось на четыре 13-летия, в котором год обозначался цифрой от 1 до 13 и одним из четырех возможных названий дней в древнеацтекском календаре («тростник», «кремень», «дом», «кролик») (см. табл. 1). Важно также, что в отдельных городах 52-летний цикл начинали с разных годов. Это, естественно, затрудняет историку синхронизацию событий.

Конкиста стала трагедией и для пиктографических рукописей. В 1520 г. враги ацтеков и союзники испанцев, жители города-государства Тлашкалы, войдя в Тескоко, уничтожили библиотеку и архив с древними кодексами. Осада испанцами Теночтитлана в 1521 г. привела не только к ужасающим разрушениям в городе, но и к гибели хранилища с рукописями. В ходе активной христианизации местного населения происходило массовое сожжение кодексов, как связанных с язычеством. Начало этому было положено в 1525 г. [52, с. 31-32], а своего пика подобное варварство достигло при Х. де Сумарага (1468 — 1548), францисканце, первом епископе Мексики [339, с. 136]. Против этих актов вандализма выступили даже отдельные церковные авторы. Ещё жившие тогда ацтекские мудрецы (ацт. tlamati-nime), специалисты по толкованию кодексов, прятали их как могли. В итоге всех этих перипетий мы имеем в своем распоряжении лишь крохи из огромного набора рукописей, пережившие трагедию массового уничтожения. Тем не менее традиция составления кодексов оказалась столь сильной, что пережила Конкисту, первый жестокий напор религиозного фанатизма и до конца XVI в. сохранялась в раннеколониальной Мексике. К ней в конце концов оказались вынужденными прибегать и власти, реорганизовывавшие административную и экономическую структуру завоеванной страны, поскольку иные формы фиксирования данных и информации индейцы еще не освоили. Иногда испанцам была необходима информация о прошлом, тогда по их указанию разрешалось составлять кодексы, которые были фактическими копиями доиспанских, так как составлялись знатоками своего дела. Неудивительно, что среди раннеколониальных документов были и пиктографические рукописи, часто написанные уже на европейской бумаге.

Однако угасание традиции было неизбежным, постепенно утрачивались строгие доиспанские каноны, происходила европеизация изображений. В результате уже к началу XVII в. она фактически исчезает в своем оригинальном виде. Как сообщал один из авторов того периода, когда он хотел найти толкователей тех кодексов, которые сохранились, то среди многих индейцев, опрошенных им, только двое оказались достаточно сведущими.

В настоящей работе используются данные, содержащиеся прежде всего в кодексах, которые можно классифицировать как преимущественно исторические («Кодекс Ботурини» [134], «Кодекс Шолотль» [146], «Кодекс Кинатцин» [49; 285], «Кодекс из Тепешпана» [284], «Тольтеко-чичимекская история» [220], «Анналы Куаутитлана» [37], «Легенда о Солнцах» [267], «История Тлателолько с незапамятных времен» [220], «Генеалогия правителей Аскапотсалько» [199], «Дополнение к генеалогии правителей Аскапотсалько» [379], «Список правителей Теночтитлана» [270], «Список правителей Тлателолько» [271], «История мексиканцев по их рисункам» [218], «Мексиканские анналы» [38], «Трактат о правителе и знати города Сан Хуан Теотиуакан...» [393], «История Мексики» А.Теве [221]). Особое место среди пиктографических кодексов, содержащих информацию социально-экономического характера, занимает документ, известный как «Список (реестр) дани» [289]. Довольно многочисленна группа документальных источников, содержащих данные смешанного характера (экономика, история, религия), которые нельзя было проигнорировать, изучая древнеацтекское общество: «Кодекс Мендосы» [137], «Ватиканский кодекс 3738А (Риос)» [144], «Кодекс Теллериано-Ременсис» [143], «Мексиканский кодекс № 23 — 24» [138]. К ним же относятся и три, связанных общим происхождением (источником для них был ныне утраченный документ, условно называемый «Хроника Х»), — «Кодекс Рамиреса» [140; 141], «Кодекс (Атлас) Дурана» [173 — 175] и «Кодекс (Календарь) Товара» [392]. Они появились между 1568 — 1598 гг. [288, с. 122]. Данную категорию документов завершает так называемый «Атлас Саагуна», или «Флорентийский кодекс» [188].

Кроме развернутых работ и хроник, кодексов, упомянутых выше, в архивах хранятся документы раннеколониального периода, содержащие короткую информацию о доиспанском периоде истории ацтеков, их общественной и хозяйственной жизни. Особый интерес они вызывают тем, что в них содержатся данные не только по центру, но и по периферии. Большинство из них составлено в XVI в., их авторы — главным образом духовные лица или государственные чиновники, имена которых не всегда известны. Сведения из таких документов использовались колониальными властями для наиболее эффективной эксплуатации народов и земель Новой Испании. Среди подобного рода работ представляют интерес «Донесения о поселениях, подчиненных сеньории Тлакопан, и о тех, которые платили дань Мехико, Тескоко и Тлакопану» [287], «Анонимное сообщение, описывающее распределение земель, какое имели индейцы во времена Моктесумы, и порядок, который они имели в их наследовании» [335], «Мнение брата Доминго де ла Анунсиасион относительно порядка, каким должны были выплачивать дань индейцы в период язычества» [322], «Сообщение Бартоломе де Сарате, жителя и рехидора Мехико, относительно истории и управления Новой Испании» [337]. К ним следует отнести и четыре следующих рукописи: «Письменное донесение брата Торибио де Мотолиния и брата Диего де Оларте дону Луису де Веласко-старшему» [111], «Мнение ордена Святого Августина относительно сеньоров и дани у индейцев, 1554» [323], «Анонимное сообщение относительно дани и других дел индейцев» [336] и «Письмо лиценциата Альтамирано Его Величеству» [109].

Любопытна и другая группа документов раннеколониального периода, в которых затрагиваются главным образом хозяйственные проблемы Мексики колониального времени. Тем не менее они могут служить важными косвенными источниками и по доиспанской экономике. Примечательны в этом отношении такие документы, как «Список рыночных цен, утвержденных судьей, Тлашкала, 1545» [268], «Постановления вице-короля о рассмотрении дел, касающихся каналов и распределения воды в районе Койоакана, 1554» [293], «Сообщение о том, как выплачивали дань некоторые города Новой Испании, о том, что можно было выплачивать в качестве дани, и о народе, который населял ее» [338], «Нормы дани города Тескоко и его провинции» [382], «Письмо брата Франсиско де Гусмана Его Величеству» [107], «Письмо Педро де Аумада Суду Мехико» [110] и «Коллективный отчет от 1532 г. относительно состояния дел и населения Новой Испании» [321].

Среди документов раннеколониального периода заслуживают несомненного внимания кодексы в виде карт или планы распределения земель, составленные на основе доиспанских традиций. Замечательный пример тому — так называемый «План на бумаге из агавы». Примером использования этой же традиции могут служить и «Кодекс Вергара» [145], «Кодекс Сан Андрес» [142] и «Кодекс из Семпоалы» [147].

Данные о системе судопроизводства в ацтекском государстве содержатся не только в фундаментальных работах раннеколониальных авторов, но и в иных источниках того же времени. Среди последних следует назвать во многом загадочную рукопись «Законы, которые имели индейцы Новой Испании» (см. [126]). Нельзя обойти вниманием и некоторые частноправовые документы данного периода, в которых вольно или невольно переплетались доиспанские и европейские юридические традиции. Особенно интересны в этом отношении тяжбы по поводу владения землей. Нередко случалось так, что индейцы, доказывая свои права, ссылались на древние установления и решения. В настоящей работе используется несколько таких документов, связанных с гражданскими и уголовными делами. Среди первых — «Завещание Мигеля Осомы, который имеет владение в Сан Франсиско Отемпан» [170] и «Завещание Хуана Рафаэля Тлакочкалкатля» [383], среди вторых — «Кодекс о процессе в Куаутитлане, 8 апреля 1568 г.» [139].

Полезную компаративную социально-экономическую информацию можно почерпнуть и из документов, содержащих сведения о соседних с ацтекским государством районах и народах. Пример такого документа — «Письмо брата Николаса де Витте досточтимому сеньору» [108].

При анализе социальных отношений, идеологам, господствующим в обществе идеалов нельзя обойтись без обращения к двум таким документам, как «Уэуэлатлаколли, или назидания стариков», памятник, в основных своих чертах напоминающий «поучения» из древнего Египта (см. [351]), и «Мексиканские песни», бывшие не чем иным, как религиозными гимнами, исполнявшимися во время различных ритуалов [351, т. 4].

В работе частично использованы документы (кодексы) ритуального, религиозного содержания — настолько, насколько их пиктографика может способствовать анализу рассматриваемых проблем. Среди многих замечательных памятников подобного рода привлекается изобразительный материал из двух кодексов — «Кодекса Борджиа» (рис. 36) и «Кодекса Тудела» (рис. 64).

Лишь фрагментарно используются такие кодексы, как «Холст из Тлашкалы», «Кодекс Уамаштла» и «Кодекс Отласпан».

Завершая анализ кодексов как письменных источников, важно подчеркнуть, что большинство исследователей из всех названных нами выше памятников лишь относительно трех допускают возможность их доиспанского происхождения — «Кодекса Ботурини» [134], «Кодекса Борджиа» [239] и реже упоминаемого в данной связи «Реестра дани» [289].

Кроме письменных источников в настоящей работе используются изображения некоторых образцов древнеацтекского монументального искусства, предметов ритуального и культового назначения. Все они так или иначе связаны с идеологией, и обращение к ним позволяет, как кажется, лучше представить религиозно-идеологическую атмосферу, в которой существовали ацтекские общество и культура.

Что касается историографии, то представление о месте и роли древних ацтеков в мировой культуре и истории, как уже отмечалось, отнюдь не было постоянным.

Начиная с 1519 г. для европейцев стало очевидным существование ранее неизвестной им культуры. Вполне естественно, что на первых порах на этот вновь открытый, неведомый мир Старый Свет глядел глазами очевидцев — испанских конкистадоров и миссионеров, которые, в свою очередь, восприняли его с позиций и представлений привычного им европейского феодального общества, основанного на принципе вассалитета: на вершине социальной лестницы стоит могучий правитель, ниже — военная знать разных рангов, обладающая соответствующим статусом и привилегиями, свойственными феодалам; простой народ, как и положено, не имел ни прав, ни привилегий. Европейцы были ошеломлены и не скрывали своего изумления и восхищения очевидными культурными достижениями этого общества, как не скрывали они и резкого неприятия практики ритуальных человеческих жертвоприношений, описывая которые, впрочем, очень часто и очень многое преувеличивали, не всегда понимая также их реальное место в общей сумме образа жизни местных жителей (см. [14; 156; 173-175; 307; 353; 409; 410]).

Но по мере нарастания appetitов, порожденных колониальным грабежом, возникла необходимость его оправдания, поэтому стали довольно обычными утверждения прямо противоположного свойства, общий смысл которых сводился к тому, что древнеацтекское общество — сборище кровавых дикарей, недостойных жалости. Однако такие взгляды встретили решительное возражение у части деятелей и историков раннеколониального времени, среди которых были и потомки некогда правивших индейских родов, прошедшие школу европейской науки. Они старались защитить индейцев от физического уничтожения, доказывая, что при всех, как говорили тогда, «дьявольских заблуждениях» они способны как к интеллектуальному, так и общественному прогрессу (см. [227-229; 384; 385; 388; 389]).

Эти два основных подхода (с некоторыми вариациями) просуществовали в постоянных столкновениях до второй половины XIX в., когда Л.Г. Морган в своей классической работе «Древнее общество», основываясь на разработанной им эволюционной теории, обрисовал древнеацтекское общество кануна Конкисты в категориях, которые позволяют определить его как соответствующее по стадии своего развития позднеродовой эпохе военной демократии.

Различные исследователи ацтекского общества относили его то к древневосточной модели, то к модели государства классического рабовладения. И в настоящее время в историографии древнеацтекского общества сохраняются крайние точки зрения, используются разные теории в качестве методологической основы. Все они в разной степени и форме так или иначе нашли свое отражение в соответствующих главах настоящей монографии.

Глава 1

АЦТЕКИ В ВЕКАХ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Первопредки и начало истории

Ацтеки, создатели знаменитого государства, известные также как теночки или мешики, были одним из многочисленных народов, которые населяли древнюю Мексику накануне испанского завоевания. Однако, когда первые европейцы (сначала конкистадоры, потом миссионеры и чиновники) познакомились с их прошлым, то обнаружилось, что ацтеки и их соседи отнюдь не являются исконными жителями Мексиканской долины. Из чрезвычайно противоречивых древнемексиканских исторических хроник, содержание которых порой полулегендарно, а в некоторых частях носит чисто мифологический характер (что отмечали многие ученые), вырисовывалась следующая картина.

Некогда, в мифические времена (во всяком случае, таковым было начало этого периода), ацтеки вместе с другими народами жили не в Мексиканской долине, а на общей прародине (см. рис. 2), располагавшейся где-то на севере, в так называемой Чикомосток (ацт. «Семь пещер»)¹. На рисунках в ацтекских кодексах она изображена в виде стилизованной пещеры с семью ответвлениями (рис. 1). В этом образе, надо думать, нашли отражение широко распространенные в мифологиях древних народов Мексики ассоциации пещеры и утробы обожествленной матери-земли: согласно некоторым версиям древнемексиканских мифов, первые люди родились из пещеры, она же стала и их первым жилищем (см. [363, т. 4, с. 3-9]). Правда, саму Чикомосток иногда представляли не в виде райской колыбели человеческого рода, а как ужасную, наполненную дикими зверями область².

Как бы то ни было, согласно одному из вариантов мифа о Чикомосток, в ней жил некий Иланкуэитль, который от двух своих жен имел семь сыновей (ассоциация с «семью пещерами»). Именно они и стали первопредками основных народов древней Мексики: Отомитль дал начало отоми, Мишкоатль — миштекам, Ульмекатль — ольмекам, Тенуч (Теноч) — теночкам, т.е. ацтекам, и т.п. [203, т. 2, С. 215; 307, с. 3-12]. С достаточным основанием можно допустить, что в мифах о пещерах и семье родоначальников отражена чрезвычайно живучая в сознании ранних народов идея рода с его обязательным первопредком.

Но есть мифические версии о Чикомосток, согласно которым она была прародиной не мексиканских народов в целом, а более мелких этнических групп только одной языковой группы науатль. В их число входили и ацтеки, а также так называемые шочимильки, чальки, Тепанеки, глашкальцы [173, с. 9], т.е. предки жителей реальных древнемексиканских городов и городов-государств Шочимилько, Чалько и т.п.³

Важно подчеркнуть, что идея прародины (а также связанные с ней повествования, о которых речь пойдет ниже) в ее окончательном виде была сформулирована в поздний доиспанский период на основе религиозных, мифологических, фольклорных идей, а также реальных фактов. Этим объясняется столь сложное сочетание составляющих данного представления: использование хронологии и календаря, упоминание вполне реальных географических названий, привнесение в повествование элементов культурной жизни, не свойственных эпохе, упоминание лиц, действительно существовавших, и персонажей вымышленных и т.д. Подобное переплетение мифа и реальных сведений весьма затрудняет изучение самого раннего периода истории ацтеков. По нашему мнению, прародина Чикомосток, естественно, должна рассматриваться как мифическая область, хотя есть и реальный географический пункт с таким названием [187, с. 4].

Ацтеки, как известно, были главной политической, военной и духовной силой древней Мексики накануне испанского завоевания. Желая подчеркнуть свое господствующее положение утверждением об особом происхождении, они сформулировали параллельную мифу о Чикомосток идею о собственной прародине, так называемом Ацтлане (Астлане). Практически в каждом источнике по ацтекской истории, особенно XVI-XVII вв., упоминается эта их легендарно-мифологическая колыбель. Кстати, именно от ее имени ацтеки и получили одно из своих названий [362, с. 11]⁴.

Известно одно из традиционных описаний предполагаемой жизни предков ацтеков в Ацтлане, составленное якобы для последнего из доиспанских ацтекских правителей, знаменитого Мотекусомы II Младшего его мудрецами на основе древних рукописей. Согласно этому источнику, прародина Ацтлан располагалась на острове (или представляла собой остров), где была большая гора с пещерами (реминисценция концепции Чикомосток), служившими жилищем (см. рис. 2). Люди там жили в счастье и довольстве. Их окружали прекрасные леса, в которых водилось множество животных и птиц, а реки и водоемы изобиловали рыбой. Предки ацтеков выращивали маис, перец, томаты, бобы и др.

В этом сказании явно просматривается наложение на ранние сюжеты, рисующие жизнь ацтеков как охотников и собирателей, более поздних повествований ацтеков-земледельцев. Не случайно в одном из ацтекских источников отмечается, что по расположению Ацтлан очень напоминал ацтекскую столицу Теночтитлан-Мехико [218, гл. 9 — 10]. По-видимому, представление об Ацтлане строилось по образу и подобию островной столицы. Некоторые народы ацтекского государства, желая, как полагали ацтеки, приобщиться к славе их духа и оружия, пытались утверждать в своих собственных мифах, что и они ведут начало из Ацтлана, однако подобные претензии всячески пресекались и разоблачались простым и весьма остроумным способом: располагая в соответствии с религиозно-мифологическими традициями Ацтлан на острове, ближайшими своими соседями на материке ацтеки называли остальные родственные народы науатль — чалька, шочимилька и т.п. [138, с. 418].

Ацтеки считали, что они отличаются от остальных родственников им этнических групп не только особой прародиной Ацтланом, но и, согласно их религиозно-мифологической концепции, изначальным предназначением.

После долгих лет жизни на своей прародине⁵ однажды народы покинули ее. Что заставило их решиться на этот шаг? Источники в полном соответствии с религиозно-мифологическими и идеологическими концепциями доиспанского периода формулируют два основных ответа на этот вопрос. Поскольку прародина располагалась якобы на севере⁶, ассоциировавшемся в представлениях древних мексиканцев с холодом и бесплодием, то она отнюдь не всегда воспринималась и рисовалась как место счастья и изобилия, что делает вполне объяснимым желание отправиться на поиски более плодородной и благодатной земли. Другой вариант объяснения возник под влиянием военно-экспансионистских идей, под знаком которых ацтекское общество жило и действовало особенно активно в течение нескольких последних десятилетий накануне испанского завоевания. Согласно официальной мифологизированной версии, отраженной во многих источниках, однажды их

племенной бог Уитсилопочтли через своих жрецов призвал ацтеков покинуть Ацтлан и отправиться на поиски другой, более благодатной земли, в которой они будут могущественными владыками [54, с. 40; 140, с. 71-72]. Поскольку добиваться этой власти им придется силой, Уитсилопочтли вручил ацтекам оружие — щит, лук, стрелы. Получили тогда же якобы ацтеки и еще одно имя — мешики (мексиканцы). Происхождение его довольно обычное: во главе ацтеков стоял в то время вождь по имени Мешки [31, с. 325; 140, с. 70-72].

Ацтеки не могли послушаться приказа своего божества и отправились в путь (см. рис. 3, 4). В год «1. кремень» они покинули свой остров, свою прародину Ацтлан, и на лодках перебрались на материк. Там, как и следовало ожидать, они встретились с населявшими эти земли остальными народами науатль. Последние также пожелали отправиться вместе с ацтеками на поиски лучшей страны, и те первоначально не возражали [37, с. 15; 38, с. 9 — 10; 140, с. 68 — 70]. Таким образом, начался своего рода «великий поход» народов из первоначальных мест их жительства⁷.

На протяжении всего долгого странствия ими, согласно легенде, руководил бог Уитсилопочтли, статую которого несли жрецы-теомаме («те, кто несут бога») [218, с. 343]⁸ (см. рис. 5), тщательно укрыв ее в специальном ковчеге из тростника. Народ относился к нему со страхом и почтением, и никто, кроме его служителей, не мог приближаться к идолу. Бог предсказывал своему народу через жрецов (чаще он делал это во время их сна), что в дальнейшем случится с ним, а также давал советы, как следует поступить в том или ином случае [173, с. 13; 140, с. 71-72].

Сначала все шло благополучно. Однако затем произошло событие, которое заставило ацтеков разлучиться со своими попутчиками. Как-то переселенцы остановились на отдых под большим деревом, в дупле которого устроили временный алтарь своего божества Уитсилопочтли. Когда люди приступили к трапезе, дерево совершенно неожиданно сломалось и упало. Все были чрезвычайно напуганы этим невероятным событием и посчитали его дурным предзнаменованием. Когда жрецы обратились к божеству за советом, то получили суровый и окончательный ответ: другие народы не могут идти вместе с ацтеками, ибо у каждого из них своя судьба и свое особое предназначение (см. рис. 5, 6). Ацтекам ничего не оставалось, как подчиниться воле Уитсилопочтли и отказаться от нежелательных попутчиков [38, с. 12 — 15; 91; с. 247]. Тогда, оставив «богоизбранных» ацтеков у злополучного дерева, «отвергнутые» Уитсилопочтли народы самостоятельно отправились дальше, на поиски желанной, благодатной земли. В этом свете понятно сообщение одного из источников, что все переселявшиеся народы вышли из одного места, но двигались вперед с разной скоростью [291, с. 147]. I Согласно некоторым индейским хроникам, переселение началось в 820 г. и продолжалось более 80 лет. На пути делались короткие остановки. Так продолжалось до тех пор, пока «отвергнутые» народы не достигли Мексиканской долины самостоятельно и раньше ацтеков [31, с. 321; 140, с. 68-70; 173, с. 9].

В то время как родственные им племена уже обосновались в Мексиканской долине, сами ацтеки продолжали вести образ жизни кочевников, медленно приближаясь к ее пределам. Как описывали их хроники, составленные в последний период существования ацтекского государства, их путь был чрезвычайно трудным (см. рис. 7, 8). Но он должен был в конце концов завершиться установлением их господствующего положения в Мексиканской долине, которую к моменту их прихода успеют освоить ушедшие ранее народы. Однако конечная цель движения ацтеков была известна, согласно религиозно-идеологической концепции ацтеков, только руководившему ими богу Уитсилопочтли. Чтобы подготовить мешиков-ацтеков к будущей нелегкой борьбе, в период миграции Уитсилопочтли, как увидим далее, намеренно усложнял жизнь переселенцам, посылал всевозможные испытания, а также подвергал их искусу.

Как и хроники многих других народов, ацтекские подробно описывают маршрут их переселения с указанием дат в связи с теми или иными случившимися в пути событиями (порой фантастическими) или остановками в тех или иных местах (чаще реальных географических пунктах). Это лишний раз подтверждает мысль о том, что легендарно-мифологические повествования о переселениях в том виде, в каком они дошли до нас, составлялись незадолго до испанского завоевания и отразили уровень знаний того времени. Для ацтеков начало их исхода из Ацтлана (в год «1. кремень»)⁹ было своего рода точкой отсчета времени их исторического существования в противоположность неопределенно долгой жизни в Ацтлане¹⁰.

Как уже отмечалось выше, их хронология строилась на основе 52-летнего цикла (4 периода по 13 лет), по завершении которого в год «2. тростник» начиналось новое 52-летие, отмечаемое праздником «Нового огня», знаменовавшим начало новой жизни в новом цикле времени. В хрониках, описывающих период странствий ацтеков (да и других народов), год «2. тростник» отмечался в рукописях специальным знаком, напоминающим стилизованное изображение получения огня с помощью трения (см. рис. 27).

На пути ацтеков-мешиков встречалось немало подходящих мест для заселения, однако бог Уитсилопочтли неизменно заставлял покидать их, иногда поступая при этом совершенно беспощадно по отношению к тем, кто осмеливался его послушаться. Так случилось и тогда, когда очередным пунктом остановки мешиков оказался безлюдный и чрезвычайно благоприятный для жизни район оз. Патцкуаро (в современном штате Мичоакан). Поскольку в озере водилось очень много рыбы, пришельцы дали этой области название Мичоакан — «местность, богатая рыбой». Вполне понятно, что Мичоакан не мог не понравиться ацтекам, и они даже подумали, что это и есть обещанная божеством земля. Однако, когда жрецы обратились к Уитсилопочтли, тот отверг такое предположение. Тогда жрецы осмелились предложить божеству такой план: уж если нельзя всем ацтекам поселиться здесь навсегда, то по крайней мере части из них следует остаться. Нельзя, чтобы такая прекрасная земля не была ими заселена. Уитсилопочтли к этому плану отнесся благосклонно, и для его осуществления жрецы по совету бога пошли на хитрость. Однажды, когда часть мужчин и женщин купались в озере, другие, забрав их одежды, ушли. Как говорят источники, сообщающие эту легенду, коварно оставленные соплеменниками так рассердились, что демонстративно не стали даже пытаться устроить погоню и остались жить в Мичоакане.

ДРЕВНЕАЦТЕКСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

52-летний цикл

тростник	(2)	6	10	1	5	9	13	4	8	12	3	7	11
кремень	3	7	11	2	6	10	1	5	9	13	4	8	12
ДОМ	4	8	12	3	7	11	2	6	10	1	5	9	13
кролик	5	9	13	4	8	12	3	7	11	2	6	10	1

260-дневный ритуальный календарь

крокодил	(1)	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7
ветер	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	(1)	8
дом	3	10	4	11	5	12	6	13	7	(1)	8	2	9
ящерица	4	11	5	12	6	13	7	(1)	8	2	9	3	10
змея	5	12	6	13	7	(1)	8	2	9	3	10	4	11
смерть	6	13	7	(1)	8	2	9	3	10	4	11	5	12
олень	7	(1)	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13
кролик	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	(1)
вода	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	(1)	8	2
собака	10	4	11	5	12	6	13	7	(1)	8	2	9	3
обезьяна	11	5	12	6	13	7	(1)	8	2	9	3	10	4
трава	12	6	13	7	(1)	8	2	9	3	10	4	11	5
тростник	13	7	(1)	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6
ягуар	(1)	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7
орёл	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13	7	(1)	8
гриф	3	10	4	11	5	12	6	13	7	(1)	8	2	9
движение	4	11	5	12	6	13	7	(1)	8	2	9	3	10
кремень	5	12	6	13	7	(1)	8	2	9	3	10	4	11
дождь	6	13	7	(1)	8	2	9	3	10	4	11	5	1?

цветок	7	(1)	8	2	9	3	10	4	11	5	12	6	13
--------	---	-----	---	---	---	---	----	---	----	---	----	---	----

Они намеренно изменили стиль одежды, язык и дали, таким образом, начало особому народу Мексики — тараскам.

Так, согласно ацтекской мифологии, ацтеки оказываются связанными общими корнями с народом, с которым в действительности у них нет даже языковой общности (языковая принадлежность тарасков до сих пор точно не определена). Как бы то ни было, именно тараски станут важнейшим военным и политическим противником ацтеков на западных их границах.

С Мичоаканом связаны и другие варианты мифологизированных повествований о переселениях. Согласно одному из них, как-то во время своих странствий ацтеки взяли в плен некую Малинальшочитль. Когда они покидали Мичоакан, то оставили ее там, и от нее якобы и пошло население Мичоакана [173, с. 17-22; 218, гл. 13, 174, гл. 3, с. 17-22]. Впрочем, согласно еще одной версии, Малинальшочитль, ставшую «большой колдуньей», вопреки ее воле оставили там, где позднее появился город ее имени — Малиналько. Кстати, жители данного города, расположенного на юго-запад от Мексиканской долины, пользовались у ацтеков дурной славой колдунов [31, с. 326; 140, с. 73; 173, с. 16-17]. Следует обратить внимание на этот персонаж, поскольку с ним будет связана, как увидим далее, еще одна важная страница в мифологизированной древнеацтекской истории.

Оставив Мичоакан, ацтеки-переселенцы прибыли в начале XII в. к северным границам Мексиканской долины и остановились в Толлане (Туле)¹². Согласно ацтекским хроникам, настроение ацтекских переселенцев, вынужденных оставить столь благоприятный для жизни Мичоакан, было таково, что в любой момент мог возникнуть бунт и открытое неповиновение «указаниям» бога-водителя Уитсилочтли. Чтобы снять напряжение, по прибытии в Толлан он «приказал» ацтекам перекрыть воду местной реки таким образом, чтобы образовалось озеро. Со временем в нем выросло много тростника, оно стало богато рыбой и птицей. Как утверждали ацтекские хроники, выдержанные в духе официальной идеологии, Уитсилочтли приказал все это сделать только для того, чтобы продемонстрировать своему избранному народу, что его ожидает в будущем, если он будет верен ему и будет беспрекословно подчиняться. Но окружающие красоты и изобилие были таковы, что когда наступило время покинуть это место, идти дальше, некоторые из ацтеков не захотели уходить. Бог Уитсилочтли, не терпевший неповиновения, страшно рассердился и жесточайшим образом их наказал. Однажды утром ацтеки проснулись и увидели, что те, кто особенно активно призывали остаться, были мертвы, причем грудь каждого была рассечена, и из нее вынута сердце. По этому мифу, с тех пор якобы у ацтеков и существует подобный жестокий обычай человеческих жертвоприношений [173, с. 21; 384, с. 15].

Наказав строптивых, Уитсилочтли дал указание (как всегда, через своих жрецов) снести сооруженную дамбу и продолжить путь. Испуганные ацтеки не посмели ослушаться бога и, выполнив его приказ, покинули окрестности Толлана. Они продолжили свой путь дальше, сделали остановку в Сумпанго (Цумпанго) в год «2. тростник» (см. рис. 9). В год «8. тростник» они прибыли в Чапультепек на западном побережье оз. Тескоко. С Чапультепекем связаны принципиальные события в судьбе ацтеков, о чем более подробно будет сказано ниже. Сейчас же важно подчеркнуть, что в мифологизированных сюжетах отражены два возможных пути проникновения ацтеков в Мексиканскую долину — с запада (из района Мичоакана) и с севера (через Толлан).

Такова была официальная религиозно-мифологическая традиция, без которой нельзя обойтись, освещая древнеацтекскую историю. Но насколько реально она отражает действительный ход событий?

Мексиканская долина: судьбы народов и культур в доацтекский период

При оценке исторической достоверности повествований о переселениях необходимо учитывать идеологический момент, а значит, возможность и символического истолкования событий. Но кроме бесспорно религиозно-мифологических сюжетов в них нашли отражение и исторические реалии. Мексиканская долина действительно пережила ряд переселений, причем многочисленные

племена (куда входили и ацтеки) принадлежали к последней волне. В повествованиях нашла отражение и ранняя кочевая жизнь народов. Что касается хронологии, то ни о какой точной дате исхода, продолжительности переселения и т.п., конечно же, не может быть и речи. Как уже отмечалось, хронологическая сетка появилась в результате позднего осмысления ацтекскими идеологами прошлого их государства. По современным данным, хотя переселенцы проникали в Центральную Мексику издавна (они известны по древнемексиканским и раннеколониальным источникам под именем «чичимеков» — «собачьего народа», чем подчеркивалась их противоположность культурным земледельческим народам; считается, что язык чичимеков утерян), та волна их переселения, которая в конце концов привела к образованию ацтекского государства, наиболее активно проявила себя с середины XI в.

К моменту прибытия (после долгих странствий) этих народов на территорию Центральной Мексики заключительный этап своего существования переживала важнейшая культура Мексики — тольтекская (середина VIII — середина XI — XII в.) с центрами в Толлане, Отомпане и Колуакане (Кулуакане)¹³. Ее закат был вызван как внутренними (общественное напряжение, голод, болезни), так и внешними причинами (давление все новых и новых волн чичимеков). Во всяком случае, археологически зафиксированы следы пожаров и разрушений (см. [248, с. 56-57]). С 1047 г. («10. тростник») Толлан и Отомпан постепенно теряют свое значение и более важным центром становится Колуакан (основан около 1207 г. после переселения из Толлана части тольтекского населения). Часть тольтеков Толлана переселяется в Коатлинчан, а из Отомпана — в Аскапотсалько¹⁴ и далее в некоторые другие районы южнее Мексиканской долины, в частности в долину Толука. Часть тольтеков двинулась на юго-восток, на Юкатан, в район майя, и на юг — в горную Гватемалу, где, покорив местное население, они создали ряд небольших независимых государств.

С историей тольтеков последнего периода существования их культуры связана легенда о правителе Топильтцине-Кетсалькоатле (жреце Кетсалькоатля, наряду с прочим, бога знаний, искусства), который пытался провести религиозную реформу, имевшую целью замену кровавых жертвоприношений бескровными (цветами, плодами и т.п.). Потерпев поражение в противостоянии с могущественными жрецами, он покинул тольтеков и с группой сторонников отбыл на восток, обещая в будущем вернуться. Когда в 1519 г. появились испанцы (с востока!), ацтеки первоначально приняли Э.Кортеса за вернувшегося Топильтцине-Кетсалькоатля. Некоторые христианские миссионеры, узнав эту легенду, стали развивать идею о том, что в образе данного героя отражен не кто иной, как св. Фома, посетивший якобы Америку (еще до появления здесь испанцев) с целью избавить индейцев от греха язычества.

Около 1224 г. Толлан попал в руки варваров-чичимеков. Они же вместе с остатками тольтеков и составили основное население Мексиканской долины. Пришельцы заняли берега и небольшие долины вокруг трех озер — Тескоко, Шочимилько и Сумпанго. Пришельцы сумели перенять и сохранить некоторые элементы тольтекской культуры (в частности, социальные традиции, искусство, календарь и пр.), элементы которой лучше всего сохранились в Колуакане. Освоение этой культуры упрощалось тем обстоятельством, что язык тольтеков был также из группы науатль, этого *lingua franca* Месоамерики. В дальнейшем весьма важным и ценным считалось все, что имело тольтекские истоки, особенно ценилось родство с потомками тольтеков. Поскольку тольтеки считались цивилизованным народом, то в отличие от них вновь прибывшие чичимеки назывались «пополока», что эквивалентно понятию «варвары» [259, с. 65 — 67].

Период, последовавший за падением тольтекской культуры, характеризовался политической и экономической нестабильностью в Центральной Мексике. Сочетание экологических, демографических и социальных структурных изменений привело к росту населения и соответственно к конфликтам на почве споров относительно границ занятых земель, поскольку пришельцы, ранее занимавшиеся охотой и собирательством, обосновавшись в Мексиканской долине, занялись сельским хозяйством (хотя и не сразу).

В конце XIII в. различные группы чичимеков окончательно обосновались в разных местах долины; в источниках они получили разные названия.

Самыми ранними новыми обитателями Мексиканской долины и ближайших к ней районов были отоми¹⁵. Они, возможно, переселились туда из районов, расположенных западнее, после падения

тольтекской цивилизации. Могущество отоми достигло своего апогея в XIII в. Их центром был г. Шалтокан (основан в 1250 г.) в северной части долины. Через их территорию прошли ацтеки в период своей легендарной миграции. Влияние отоми в Мексике сохранялось не-долго, они были в конце концов оттеснены в гористые районы более активными народами [201, с. 16], где сохранились (вплоть до прихода испанцев) как охотники и собиратели.

Второй важной группой, согласно источникам, были тепанеки (текпанеки) [201, с. 19]¹⁶. Первоначально они были связаны с отоми, возможно, даже представляли собой их ветвь, осевшую в юго-западной части долины в XIII в. Согласно данным документов группы «Хроники X» (Д.Дуран, А.Тесосомок, «Кодекс Рамиреса»), сначала тепанеки расположились на крайнем юге Мексиканской долины (в районе Шочимилько), а после ослабления отоми и их ухода в гористые области заняли большую часть и северо-западных земель [201, с. 16]. Самым известным их центром был г. Аскапотсалько (основан около 1230 г.), о котором еще пойдет речь.

Следующей по времени прихода, но, пожалуй, наиболее значимой для судеб Мексиканской долины того времени была группа колуа (кулуа), занявшая юго-восточное побережье оз. Тескоко. Не случайно позднее ацтеки предпочитали называть себя колуа-мешики. Центром колуа стал уже упоминавшийся г. Колуакан на северо-восточном побережье оз. Шочимилько. О них источники сообщают, что именно колуа первыми (после падения тольтеков) стали «избирать королей и лордов» [228, с. 80].

В натянутых отношениях с Колуаканом находились шочимильки. В повествованиях о массовом переселении шочимильки называются следующими по времени прихода в Мексиканскую долину из Чикомосток [228, с. 80]. Они также оставили важный след в истории древней Мексики.

Соседями шочимильков были чалька, поселившиеся в юго-восточной части Мексиканской долины, их центром стал г. Чалько.

На южном побережье оз. Чалько источники помещают мишчик (главный город — Мишчик). Куитлауаки поселились на юге Мексиканской долины, их центром стал островной город Куитлауак на стыке озер Чалысо-Шочимилько.

Наконец, крупнейшая этническая группа переселенцев, известная как аколоуа (акулуа), заняла восточное побережье оз. Тескоко, севернее колуа. Центром этого района был сначала г. Коатлинчан (где аколоуа обосновались около 1260 г.), а затем г. Тескоко, сыгравший огромную роль во всех последующих событиях истории древней Мексики и ацтекского государства (см. сх. 1).

Отоми, колуа, аколоуа, чалька, шочимилька, тепанеки, мишчик, куитлауака, а также мешики-ацтеки были важнейшими племенами, поселившимися в Мексиканской долине после падения тольтекской цивилизации. Эти народы сохранили свои специфические культурные и религиозные особенности вплоть до прихода испанских завоевателей. Как уже отмечалось, все они принадлежали к языковой группе науатль (за исключением отоми, говоривших на языке отомангской ветви макроотомангской семьи; кстати, очень распространено мнение, что и тольтеки говорили на этом же языке), у каждого из этих народов был своей рассказ о приходе в Мексиканскую долину, всячески его возвеличивавший. Данным обстоятельством во многом объясняется сложность воссоздания исторических, топонимических и хронологических деталей переселения.

Со временем поселения вновь прибывших превратились в небольшие города-государства (ядро которых образовывали храмовые Центры), или, как их часто определяют в историографии, «политии» или «сеньории» [82, с. 40 — 46]. Становление и развитие политий, их взаимоотношения составляют важный этап в истории Мексиканской долины доацтекского периода, во многом обусловивший ход дальнейших событий. В Мексиканской долине и сопредельных территориях образовались, по разным подсчетам, 50 — 60 таких городов-государств площадью 20 — 150 кв. км каждое и населением 5 — 50 тыс. Между ними время от времени возникали непрочные союзы, объединения, благодаря которым на короткое время возвышались те или иные города-государства. Как конкретно развивались события?

В 1244 г. Толлан, бывшую столицу тольтеков (которая, как уже отмечалось, пала несколько раньше), занял большой отряд чичимеков во главе со своим вождем Шолотлем (Текуанитцином), которого, правда, некоторые считают только персонажем фольклорной традиции [87, с. 424-427]. Как и все переселенцы, они первоначально недолго оставались на одном месте. Не составил исключения и разрушенный Толлан, где к тому же, очевидно, свирепствовала какая-то эпидемия. Они направились в

Мексиканскую долину, где после нескольких остановок оказались у Тенайуки, города на западном побережье оз. Тескоко, который издавна заселяли тольтеки. Город был удачно расположен (находившаяся рядом Сиерра де Гвадалупа образовывала своего рода естественную оборонительную стену), в окрестностях были пещеры, которыми чичимеки продолжали пользоваться как жильем (ср. Чикомосток — «Семь пещер»). К этому следует добавить, что этот район был богат дичью. Так как чичимеки первоначально поселились в пещерах, то свое поселение называли сначала Остополко («Место многих пещер»). Позднее, отказавшись от пещер и создав обычное поселение, они возвели вокруг него оборонительные стены. Соответственно их столица стала называться Тенайука («Место стен»)¹⁷ [160, с. 56-57; 199, с. 27-28; 231, с. 108-109]. Кстати, ФАИштлильшочитль, ученый индейского происхождения, писавший в раннеколониальную эпоху, на основе трудов которого во многом воссоздается этот отрезок истории Мексиканской долины, называет Шолотля с учетом только что описанного «императором», что, конечно, не соответствует истине [231, с. 112].

Согласно работам авторов, признающих Шолотля реальной исторической личностью, в период правления последнего его сын Нопальтцин предпринял обследование восточной части Мексиканской долины в районе г. Колуакана [288, с. 20] и нашел место очень удобным для расселения чичимеков. В это время из Колуакана в результате сложных внутренних и внешних конфликтов был изгнан (и позже умер) вождь чичимекского происхождения Уэмак¹⁸. После смерти Шолотля, став правителем Тенайуки, Нопальтцин покорил Колуакан. Под его властью город сохранил значение одного из немногих центров, где сохранялись традиции тольтекской культуры (см. [64, с. 193; 78, с. 63; 231, с. 110; 248, с. 57, 62; 362, с. 14]).

Для внедрения оседлого образа жизни еще Шолотль приказал провести разграничения охотничьих угодий специальными каменными ограждениями и опознавательными знаками; ту же линию продолжил и Нопальтцин [228, т. 2, с. 53; 231, с. 11]. Стремясь утвердить союз чичимеков и тольтеков, он женился на знатной девушке тольтекского происхождения из Толуки. Этот союз стимулировал освоение чичимеками тольтекских достижений. И в Колуакане, и в Тенайуке вновь возрождается ремесло. Керамика того периода специалистами выделяется в особый «тип Тенайука» [231, с. 111]. При Нопальтцине началась широкая окультуризация земель для занятия земледелием, особенно по устройству террас на склонах (например, в Тескотцинко и в самой Тенайуке). Использовались знания тольтеков и труд чичимеков. Одним из следствий такой политики стало восстание охотников-чичимеков, которые теряли свои охотничьи угодья [248, с. 62].

Тлотцин, сын Нопальтцина и внук Шолотля, стал первым чичимекским вождем, имевшим по материнской линии тольтекское происхождение, что, как говорили выше, очень ценилось позднее, в ацтекский период. При Тлотцине охота как основное занятие начинает окончательно уступать место производящему хозяйству — земледелию и ремеслу. Тлотцин продолжил возрождение и насаждение тольтекских традиций и с этой целью установил связи с жившими в Шико (еще одном раннегородском центре) немногочисленными тольтекскими поселенцами, в особенности с их жрецами. От них чичимеки восприняли многие религиозные обычаи, в частности, культ бога и культурного героя Кетсалькоатля, а также традиции и образ повседневной жизни. Они стали предпочитать растительную пищу, а вслед за тем и перешли к использованию одежды из растительных волокон вместо шкур животных. Все это существенно уменьшило значение охоты [259, с. 70].

Еще во времена легендарного Шолотля консолидировались три «сеньории» с центрами в Аскапотсалько (где, как отмечалось, с 1230 г. обосновались тепанеки), в Шалтокане (с 1250 г. занятого отоми) и в Коатлинчане, городе аколуга, с 1260 г. Шолотль не только завязал с ними связи, но и породнился с вождями Аскапотсалько и Коатлинчана, выдав, согласно исторической традиции, за них замуж своих дочерей. Это способствовало сближению различных групп переселенцев. Когда ацтеки появились в районе Мексиканской долины, то наиболее значительными там были именно эти «сеньории» (Шалтокан, Аскапотсалько и Коатлинчан), а также упоминавшийся выше Колуакан.

Из них раньше всех достиг наибольшего влияния (но и раньше всех потерял его) Шалтокан. Уже к 1319 г. он возглавлял целую группу различных поселений. В ходе дальнейших событий Шалтокан, не выдержав противоборства с другими центрами, потерял значение важной политической

силы в Мексиканской долине, а отоми, оттесненные в горы, в ацтекский период истории известны как наименее культурный народ (см. примеч. 15).

«Сеньория» Коатлинчан, основанная аколоа, достигла своего апогея между 1309-1375 гг., в период правления вождей Уэтцина и его сына Аколмитцтли Уитцилиуитля [231, с. 112], т.е. в то самое время, когда в Мексиканскую долину прибыли ацтеки. Коатлинчану подчинялся основанный чичимеками еще около 1216 г. г. Тескоко, который в дальнейших событиях играл одну из ведущих ролей. Как утверждают хроники, в 1318 — 1377 гг. в Тескоко вождем был Кинатцин, сын Топильтецина и внук Шолотля. В 1327 г. недалеко от Тескоко обосновалась новая группа пришельцев — переселившиеся из Оахаки миштеки, носители еще одной высокой культуры древней Мексики¹⁹, а также пришедший из района Пуэблы народ, известный по источникам как чимальпанеки. От них тескоканцы переняли навыки культуры (письмо), ремесла (строительство, производство керамики). Кроме того, Тескоко имел тесные связи с двумя центрами, испытавшими влияние тольтеков, — Колуаканом и Шико. К концу правления тескоканского вождя Кинатцина вследствие военных неудач началось падение влияния Коатлинчана, что способствовало укреплению самостоятельности г. Тескоко [231, с. 111, 113].

Основание Теночтитлана

Как уже отмечалось, прибывшие в Мексиканскую долину ацтеки обосновались на западном берегу оз. Тескоко в районе холма и одноименного источника Чапультепек. Это произошло в 1279 г. («8. тростник»). Очевидно, свой приход они не согласовали с теми, кому принадлежала данная территория. Этим объяснялось враждебное отношение к ним со стороны, если верить источникам, большинства тогдашних важных центров (Колуакан, Аскапотсалько, Шалтокан, Чалько, Шочимилько и др.). В такой ситуации перед ацтеками встал выбор — либо стать данниками более сильных соседей, либо силой оружия отстаивать свои интересы. Они последовательно использовали оба пути. Пытались они с самого начала установить и брачные связи с местными жителями, придавая, конечно, особое значение бракам династическим. Так, своим вождем они избрали Уитцилиуитля. По материнской линии он происходил из ацтекской родовой знати, а по отцовской находился в родстве с правителем одного из городов-государств Сумпанго. Однако в ходе одного из конфликтов с правителем Колуакана Уитцилиуитль был захвачен в плен вместе с дочерью. Их доставили в Колуакан, чтобы принести в жертву. Ацтеки, согласно данным раннеколониального автора индейского происхождения Ф.А.М.Чимальпаина, попытались их выкупить. Колуаканцы согласились, однако пленники гордо отказались, якобы заявив, что поскольку они попали в плен, то это угодно богу Уитсиллопочтли. Хотя колуаканцы отказались выполнить ритуал, отец и дочь сами себя принесли в жертву. Они рассекли себе грудь в том месте, где находилось сердце, т.е. так, как это обычно делали ацтеки (см. [173, с. 24; 247, с. 417-418]).

Как утверждают хроники, ацтеки «причиняли зло» многим жителям долины (по-видимому, как бродячие охотники и собиратели оседлым земледельцам). В ответ отоми Шалтокана и колуа Колуакана нанесли им тяжелый удар. Воспользовавшись тем, что в 1319 г. тепанеки Аскапотсалько привлекли ацтеков как наемников для борьбы с Колуаканом, они, дождавшись ухода воинов, окружили ацтекское поселение в Чапультепекке и взяли в плен оставшихся там (в основном стариков, женщин и детей). Деморализованные ацтеки были разгромлены и фактически разделены (или насильно были разделены) на три части (согласно версии Ф.А.М.Чимальпаина). Одна из них основала поселение Мешикапан в области, подвластной тепанекам Аскапотсалько (возможно, они подчинились тепанекам, чтобы получить возможность поселиться в Мешикапане). Другая часть мешиков-ацтеков расселилась в различных местах Мексиканской долины — в Коатлинчане, Чалько, Шалтокане, Куаутитлане, который, кстати, входил в число немногих, поддерживавших с ацтеками хорошие отношения (видимо, на тех же условиях). Третья часть, наиболее многочисленная, попала на земли Колуакана. Именно с ней, сохранившей свою самобытность, и связана дальнейшая история этого народа. По иной версии, эти события произошли в 1299 г. («2. тростник»), т.е. в год начала нового 52-летнего цикла, знаменуемого праздником «Нового огня» (см. [201, с. 19; 404, с. 126]).

Для того чтобы стала понятна многозначительная символика, сопровождающая дальнейшие события, необходимо вновь вернуться к мифологическому сюжету о Малинальшочитль (колдунье,

оставленной ацтеками в ходе переселения в районе будущего г. Малиналько), точнее, продолжить его. Пока ацтеки, оставив Малинальшочитль, продолжали миграцию (которая, как известно, закончилась остановкой в Чапультепеке), она якобы родила и вырастила сына по имени Копиль. Ему суждено было стать еще одной жертвой на пути утверждения ацтеков в Мексиканской долине. Повествование, связанное с образом Копиля, известно в нескольких вариантах, каждый из которых специфическими мифологическими средствами объясняет важные моменты в ацтекской истории и религиозной практике.

Согласно одному из вариантов, когда Копилю стало известно, как дурно ацтеки поступили с его матерью, он, оставив ее, решил отомстить. Узнав, что ацтеки окружены в Чапультепеке, Копиль поспешил туда, чтобы увидеть, как колуаканцы расправятся с его врагами. Но ничто не могло произойти в судьбе мешиков-ацтеков, согласно их официальной идеологии, без воли и желания бога Уитсилопочтли. Он, как обычно, все рассчитал и поэтому направил ацтеков прямо навстречу Копилю. Ацтеки схватили Копиля, принесли его в жертву, а вырванное из груди сердце выбросили по совету бога далеко в озеро.

Согласно мифу, в том месте, где был убит Копиль, забил ключ, получивший название Акопилько («вода Копиля») [31, с. 327; 173, с. 23- 24]. По другой версии, не менее важной, Копиль не испытывал вражды к ацтекам, однако они захватили его в плен как вражеского воина-лазутчика. Перед тем как принести его в жертву, Копиля заставили участвовать в особом ритуале — ацтекском варианте гладиаторских боев (одному и практически безоружному пленному приходилось сражаться против нескольких хорошо вооруженных воинов-ацтеков, которые его не убивали) [218, гл. 3]. Так у ацтеков возник еще один кровавый ритуал, каким в будущем будет заканчиваться любой военный поход — бои пленников с ацтекскими воинами.

Ацтеки, побежденные Колуаканом, стали племенем, подвластным последнему. Правитель Колуакана Кошкоштли приказал им поселиться в месте, называемом Тисапан («У меловой воды»). Оно оказалось, как сообщают исторические хроники, чрезвычайно неблагоприятным для жизни, так как буквально кишело змеями.

В это время колуа вели борьбу с шочимильками, образовавшими на юге Мексиканской долины «конфедерацию Шочимилько». Столкновения шли с переменным успехом. Кошкоштли решил использовать ацтеков как наемников в борьбе с шочимильками. Пообещав ацтекам свободу, он якобы взамен потребовал представить ему 8 тыс. пленников-шочимильков. Надеясь ослабить таким образом и самих мешиков, Кошкоштли отправил их на шочимильков, даже не обеспечив оружием. Однако ацтеки оказались находчивыми: они обожгли концы больших палок и использовали их в качестве оружия. Ацтеки, отличавшиеся смелостью и воинской доблестью, одержали победу и захватили столько пленных, что даже не смогли привести их в Колуакан. Тогда они отрезали по одному уху у каждого из них и в корзинах доставили Кошкоштли (в знаменитом «Кодексе Ботурини» на последней странице средствами пиктографии показана эта сцена).

Как говорят источники, данный эпизод сильно напугал колуаканцев, увидевших в нем дурное предзнаменование, знак того, что ацтеки станут скоро грозной и опасной силой. Кошкоштли дал им свободу и разрешил обосноваться в Мешикальтцинко, располагавшемся несколько севернее Колуакана. Там ацтеки стали строить жилища, возделывать маисовые поля. Они сумели даже добиться у нового правителя Колуакана, Ачитомитля, разрешения торговать в его городе. Ацтеки, согласно историческим хроникам, полагали, что наконец закончились их долгие странствия и они достигли своей «земли обетованной». Однако настоящая истина была сокрыта от народа и известна только племенному богу Уитсилопочтли, который между тем приготовил для них очередное испытание. Так как на новом месте ему был построен храм, то он «приказал» ацтекам (как всегда, через своих жрецов) попросить у Ачитомитля дочь, с тем чтобы сделать ее своей жрицей и даже живой богиней. Ачитомитль очень любил свою дочь, но прельстился тем, что она будет обладать столь большой властью над ацтеками.

Когда девушку с большими почестями доставили ацтекам, Уитсилопочтли «приказал» убить ее, содрать с нее кожу и надеть на одно-го из ацтекских юношей. Так миф, вплетенный в реальную историю, объясняет происхождение одного из самых отвратительных, отталкивающих древнемексиканских религиозных ритуалов, символизировавших тем не менее самое что ни есть земное явление — созревание и уборку початков маиса: с несчастной содрали кожу так же, как с

созревшего початка обычно снимают листья. Однако погибшая столь ужасным образом девушка действительно стала считаться одним из воплощений богини плодородия Тонатцин («Наша мать»), одной из важнейших в пантеоне²⁰.

Между тем бог Уитсилопочтли «повелел» пригласить ничего не подозревавшего отца, с тем чтобы он совершил жертвоприношение новой богине. Депутация из Колуакана во главе с Ачитомитлем прибыла, как полагалось, с подарками. Можно легко представить гнев и ужас несчастного отца, когда он увидел, что ацтеки сделали с его дочерью (см. [31, с. 328; 173, с. 24-28]). Вполне естественным желанием колуаканцев было отомстить ацтекам. Когда прямая атака не удалась, колуаканцы решили напасть скрытно, ночью. Однако, как всегда, благодаря Уитсилопочтли мешики узнали о планах врага и, не дожидаясь новой атаки, ночью покинули свое поселение. После целого ряда безуспешных попыток обосноваться где-нибудь в другом месте на берегу, преследуемые разгневанными колуаканцами и их союзниками, ацтеки на лодках перебрались на болотистые острова оз. Тескоко, пожалуй, единственное место, где они могли почувствовать себя в относительной безопасности. Ацтекские религиозно-мифологические повествования сообщают, что и после этого долгое время ацтеки бродили среди болот и тростниковых зарослей, не имея возможности ступить на берега озера, ибо их там ожидала неминуемая смерть. Но новые страдания и лишения, как и все предыдущие в период переселения, сложившаяся позднее военно-религиозная идеология трактовала как необходимые Уитсилопочтли для того, чтобы «закалить сердце» своего народа в трудностях, ибо на протяжении всей последующей истории ацтекам были необходимы выносливость, смелость и безжалостность к врагам. Однако в рассматриваемый период ацтеки, вконец уставшие от бесконечных странствий, испытаний и мытарств, начали роптать. Тогда Уитсилопочтли явился в очередной раз во сне жрецам, а также их вождю Теночу и заявил, что совсем скоро ацтеки обретут обещанную землю (см. [218, гл. 19]). Он «приказал» им найти на островах место, где покоится сердце принесенного ранее в жертву Копиля, указав, что там, куда упало солнце, вырос кактус, на котором, поскольку он был очень высоким, свил гнездо орел. Этот орел, «сообщил» Уитсилопочтли, охотится на птиц с прекрасными перьями и каждое утро приветствует поднимающееся солнце взмахами своих длинных и мощных крыльев (см. [173, с. 31; 247, с. 417]).

Наутро по приказу жрецов ацтеки отправились на поиски, которые, естественно, сопровождалась необычными явлениями. Сначала они вышли к ручью с исключительно прозрачной водой, затем, проделав некоторый путь, вновь оказались возле источника, который поразил их и испугал: вода в нем текла двумя потоками — один был голубого цвета, другой красного, напоминающего кровь. Ацтеки, пораженные этими странными превращениями, все же продолжили поиск, пока наконец не нашли то, что искали, — высокий кактус, гнездо и орла в нем. Он держал в когтях птицу с драгоценными, сверкающими на солнце перьями [288, с. 148].

Для того чтобы стали понятны дальнейшие события, необходимо специально остановиться на ключевой идее ацтекской идеологии — идее Солнц. В соответствии с религиозно-мифологическими традициями ацтекские мудрецы в поздний доиспанский период сформулировали свою концепцию истории и мира, определив в ней место своего и соседних народов. Сделано было это на основе заимствованного у предшествующих культур (в частности, у тольтеков) концепции мировых эпох, эр, или Солнц.

Согласно космологическим религиозно-мифологическим представлениям древних ацтеков и основных народов, входивших в состав их государства в канун Конкисты, существующий мир не является раз и навсегда данным. Напротив, он находится в состоянии непрерывного изменения. Иногда они столь существенны, что заканчиваются настоящими мировыми катастрофами, за которыми, однако, следовало новое возрождение мира и всего живого, включая человека. Промежуток между возрождением и новой гибелью мира и является «эпохой», или «Солнцем». Согласно большинству источников, ацтеки насчитывали пять мировых эпох: четыре «доисторические» предшествовали пятой, в которой жили они сами и близкие им по времени народы. Каждая из эпох имела свой состав населения, и последнее согревало собственное солнце, ибо после очередной катастрофы происходило полное обновление мира.

Идея пяти Солнц прекрасно отражена в одном из самых известных ацтекских памятников — знаменитом «Календарном камне», или «Камне Солнца» (см. рис. 21). Есть и письменные версии, среди которых интереснейший ацтекский памятник, известный как «Ватиканский кодекс 3738А

(Риос)», в котором изложен пиктографический вариант этого мифологического представления. В нем каждое из Солнц, или мировых периодов, имело свое название в зависимости от того, какие бедствия сопровождали его гибель: «Солнце воды» завершилось потопом, «Солнце ветра» — ураганом, «Солнце огня» — землетрясением, а четвертое Солнце завершилось мировым голодом и кровавым дождем (см. рис. 28-31). В четвертом мировом периоде жили, по этой версии, тольтеки, создатели наиболее близкой по времени к ацтекам высокой доколумбовой культуры, погибшей как раз к моменту их появления у границ Центральной Мексики. Согласно «Ватиканскому кодексу 3738А (Риос)» во время катастроф выживала только одна человеческая пара, дававшая начало человеческому роду в новом Солнце (по другим версиям, погибало все человечество и боги создавали его заново).

Солнце издревле символизировалось у древнемексиканских народов орлом — птицей мощной, гордой, свободолюбивой и кровожадной. Каждый день солнце, подобно орлу, совершает свой путь по небу, но и каждую ночь в подземном мире ведет борьбу с силами мрака за право утром появиться на востоке и вновь осветить и согреть мир, все живое своими благодатными лучами. Силы же мрака и ночи олицетворялись ягуаром — с его ночным образом жизни и пятнистой шкурой, ассоциирующейся с ночным небом, усеянным звездами.

Согласно ацтекской религиозно-идеологической системе представлений, чтобы солнце имело достаточно сил для такой борьбы, его жизнь необходимо поддерживать самой дорогой ценой, какую может заплатить человек, — кровью человеческой. Однако фатальность, трагическая предопределенность судьбы мира сохраняется, так как человечество, даже ценой собственной крови, не в состоянии поддержать мировой порядок, который зависит только от воли и прихоти божественных сил. Люди, живущие под пятым, современным Солнцем, могут рассчитывать лишь на то, чтобы отдалить мировую катастрофу, которую, согласно особым подсчетам их древних астрономов-астрологов, нужно ждать по истечении каждого 52-летия в день «4. движение» («4. землетрясение») года «2. тростник» (см. рис. 21, 24, 27). Поэтому по истечении очередного 52-летнего периода отмечался уже упоминавшийся грандиозный праздник «Нового огня», символизировавший, по сути, продолжение жизни пятого Солнца (см. также рис. 22, 23, 25, 26).

Явившийся ацтекам орел, сидевший на кактусе, был посланцем Солнца, если не само Солнце. Появление Солнца-орла стало этапным в их судьбе. Этим событием как бы подтверждался заключенный ранее союз между народом и его племенным богом Уитсилопочтли. Ацтеки превращались в «народ Солнца», особый, от деятельности которого зависела судьба ныне существующего мира. Жестокие войны и кровавый ритуал оправдывались этой глобальной целью — напоить, накормить Солнце кровью, с тем чтобы поддержать существование пятого мира (эры). Такие или приблизительно такие рассуждения жрецов легли в основу военно-религиозной доктрины ацтеков, призванную оправдать практику человеческих жертвоприношений. Хотя кровавые жертвы мексиканцы приносили и другим богам, которых было множество, однако в ацтекском обществе кануна Конкисты первенство в этой практике, безусловно, принадлежало культу Солнца, теснейшим образом смыкавшемуся с их военно-экспансионистскими идеями и устремлениями. Отталкиваясь от идеи «спасения» и «укрепления» Солнца пятого мирового периода, действовала военная машина ацтеков.

Конечно, во всех этих космогонических построениях чувствуется идеологическая направленность, хотя некоторые исследователи склонны рассматривать их как чисто религиозные (см. [361, с. 73, 75]). Однако более верна оценка, согласно которой «ацтекские религиозные представления являлись в первую очередь политическим оружием» в руках власти, поэтому принимать всерьез их религиозное объяснение войны — значит «попадать в ловушку официальной пропаганды»; более того, «вера в возвышенную войну более серьезно воспринимается современными исследователями, чем когда-то самими ацтеками» [361, с. 15, 34, 44]. Действительно, несчастные жертвы, погибавшие на алтаре в знак служения сакральной идее, скорее служили показателем политической направленности: положение завоевателей заставляло мещиков-ацтеков не только проявлять жестокость, но и сакрализировать ее концепцией мировых Солнц. Законность притязаний на особое положение среди других народов, положение «богоизбранного народа» (малооригинальная идея) обосновывались тем, что это было обещано и санкционировано их племенным богом Уитсилопочтли.

Как бы то ни было, но именно такое место в мировой истории отводило себе ацтекское государство в период своего наивысшего расцвета, т.е. накануне Конкисты. Разработанная позднее

идеологическая установка была ретроспективно наложена на более ранний период истории ацтеков — время их появления в Мексиканской долине. Именно поэтому и появился красивый миф о божественном орле, которого обнаружили их предки на одном из островов оз. Тескоко и который указал им таким образом, где следует основать новый город. Более того, считалось, что орел был не кем иным, как самим Уитсилопочтли в облике бога Солнца, известного в ацтекской мифологии под именем Тонатиу²¹ (см. рис. 33).

По «приказанию» Уитсилопочтли ацтеки прежде всего возвели ему храм, первый в ряду многих, строившихся позднее в его честь и в честь других богов. Строительство храма ознаменовало основание города (см. [31, с. 329-331; 173, с. 32; 212, т. 4, с. 106-109]). Произошло это, согласно наиболее распространенной официальной версии, в 1325 г. («2. дом») [128, с. 43]. Однако называются и иные даты - от 1194 до 1377г.²²

Вновь основанный город известен под двумя названиями — «Мехико» и «Теночтитлан». Последнее наиболее часто связывают с одним из этнонимов ацтеков — теночки, восходящим в свою очередь к имени их вождя Теноча (Тенуча), при котором город был основан. Соответственно «Теночтитлан» трактуется как «город Теноча» [140, с. 75-80; 291, с. 148]. Известна и иная этимология слова «Теночтитлан» — «место, где растет на камне кактус» [173, с. 14-15].

Что касается названия «Мехико», то, согласно одной из трактовок, оно означает «место мешиков» [173, с. 333]. Как уже отмечалось, мешики (мексиканцы) названы так по имени Меши, жреца и вождя, возглавившего их исход из Ацтлана [173, с. 14-15; 277, с. 60; 280, с. 13]. Есть и другие версии. «Мехико» связывают и с одним из имен бога Уитсилопочтли — Мешитли [280, с. 13; 307, с. 77], и с названием «дикой настурции» («мешитин»), которая во множестве произрастает в этом районе [291, с. 148], и со словом «меситли» — «многочисленные заячьи шкуры» [144, с. 231], ибо в период переселений ацтеки одевались в том числе и в заячьи шкуры. Достаточно любопытна еще одна трактовка — «в месте луны» [140, с. 75-80]. Если она справедлива, то почему «народ Солнца», как называли себя ацтеки, дал своей столице такое название? Предполагается, что до прихода ацтеков там уже жили земледельцы, почитавшие Луну как аграрное божество, связанное с землей и силами плодородия, и называвшие свое поселение на своем языке «Амадетсана» — «в месте луны»²³. Вполне возможно, что ацтеки, прибыв в Мексиканскую долину, только перевели на свой язык готовый топоним, как достаточно часто они поступали и в других случаях²⁴. Для них была характерна практика синкретизма, соединения своих традиций с местными, поэтому неудивительно, что так они поступили и в случае с древним названием «Мехико»²⁵.

Теночтитлан — официальное название города. Не случайно в то время как в пиктографических рукописях знак «Теночтитлан» встречается много раз (кактус, вырастающий на камне, с сидящим на нем орлом), для «Мехико» такой пиктограммы нет [182, с. 123-128]²⁶. Кстати, именно пиктограмма топонима «Теночтитлан» стала основой государственной символики современной Мексики (с добавлением змеи в клюве орла).

Мифологизированным повествованием об основании Теночтитлана завершается история окончательного поселения ацтеков в Мексиканской долине. История переселения — смесь правды и вымысла, мифов, легенд. Рассказ о странствиях сохранился отнюдь не только в устных преданиях, напротив, связанные с ними крупные и мелкие события, иногда реальные, но чаще являющиеся плодом более поздней религиозно-идеологизированной обработки, фиксировались в доиспанский период в особых рукописях, которые у ацтеков, например, назывались «теомоштли» («божественная книга о происхождении»).

Мы рассмотрели более подробно ацтекский вариант переселения, так как именно ацтеки стали ядром, вокруг которого образовалось наиболее сильное государство Центральной Мексики накануне испанского завоевания. Однако подобного рода мифологические повествования были и у других народов, составивших позднее ацтекское государство. Так, аколуга утверждали, что ведут свое начало от храброго и мужественного вождя Аколли. Он был очень высокий и сильный, что подтверждает и его имя, в переводе означающее «плечо» [291, с. 147]. В то время как ацтеки в период странствий несли статую бога Уитсилопочтли, аколуга окружали не меньшим почтением своего племенного бога Тескатлипоку («Курящееся зеркало») [221, с. 16].

Как утверждается в одном из авторитетных раннеколониальных источников, «все древние», населявшие Новую Испанию, имели общее происхождение (что не совсем точно), но когда их стало «слишком много», они стали врагами [307, с. 37].

Как бы то ни было, легендарно-мифологические представления о прародине и исходе из нее играли огромную роль в древнемексиканской идеологии, ибо своими средствами определяли значение каждого народа в истории древней Мексики. Определяющую роль в ней со временем стали играть ацтеки. Как видим, мифические и полупоэтические повествования затрагивали и этнические вопросы, проблемы происхождения народов — чрезвычайно важные для древнемексиканской традиции, о чем можно судить по значительному числу сохранившихся повествований. Свойственное им переплетение реалий и легенд позволяет перебросить мостик от мифа к истории. Вступление ацтеков на историческую арену отнюдь не ознаменовалось освобождением исторической традиции от привнесенных в нее легенд и мифов. От последних она полностью так никогда и не избавилась²⁷.

Но что говорит наука? У современных историков нет единодушия относительно того, что из себя представляли ацтеки в момент их появления в Мексиканской долине. Наиболее распространенная точка зрения состоит в том, что они были «полуцивилизованным народом», одним из «варварских народов», охотниками и собирателями [92, с. 51]. Ведя кочевой образ жизни, они занимались преимущественно охотой, собирательством, а земледелием — только во время небольших остановок; ткачества не знали, в качестве одежды использовали шкуры животных; постоянных поселений, естественно, не имели и строили либо временные жилища, либо использовали естественные Укрытия типа пещер (см. рис. 1). Их религия в период переселения не содержала аграрных ритуалов: главными были обряды, вытекающие из первобытных верований охотников-кочевников.

В свете сказанного нельзя принять концепции, авторы которых, некритически используя данные индейских и европейских источников раннеколониального периода, пытаются увязать образ жизни ацтеков того периода (ассоциируемый с пребыванием в Ацтлане) с явными признаками ранней цивилизации (письмо, земледелие, развитой земледельческий культ и общественная структура). По нашему глубокому убеждению, сторонники такой точки зрения идут на поводу позднего осмысления ацтеками своей истории, когда незадолго перед испанским завоеванием положение господствующей этнической группы государства заставляло их, как уже отмечалось, создавать привлекательные легенды о своих исторических истоках. В действительности в Мексиканскую долину прибыл народ, находившийся на стадии родового строя. Во главе ацтекского общества при основании Теночтитлана в 1325 г. (если признать эту наиболее распространенную в источниках и в научных исследованиях дату) стоял вождь, который управлял жизнью молодого древнеацтекского поселения совместно с десятком других старейшин [291, с. 148]. Это убедительно свидетельствует, что в рассматриваемый период решающая роль принадлежала родовой верхушке [92, с. 53]. Хотя позже (опять-таки по идеологическим потребностям) официальная древнеацтекская история пыталась представить жрецов в качестве важнейших, если не руководящих лиц в общественной структуре, однако на деле их роль была не больше той, что имели, например, шаманы.

Если определить место ацтекской цивилизации в общем ряду культур Мексиканской долины, а также древней Мексики в целом, то, как и тольтекскую, ее следует отнести к Позднему послеклассическому периоду. В рамках последнего она существовала и развивалась на протяжении примерно трех веков (ок. 1200 — 1521) [89, с. 463]. В качестве исходной берется предполагаемая дата их появления в Мексиканской долине; иногда называется и другой отрезок времени, когда точкой отсчета считается год основания Теночтитлана (см. табл. 2) [367, с. 39].

Научная периодизация собственно древнеацтекской истории продолжает вызывать споры. Различные исследователи строят ее на разной основе. В плане последовательности развития основных событий история ацтеков может быть разделена на три периода:

период переселений, который закончился основанием Теночтитлана;

период, в течение которого ацтеки утверждали свое положение в Мексиканской долине (от основания Теночтитлана и до 1428 г., когда начался процесс их постепенного возвышения после обретения полной самостоятельности);

период независимости и расцвета государства, закончившийся испанским завоеванием (1428 — 1521) [70, с. 374].

Есть периодизация, в которой исторические этапы древнеацтекской истории еще более обобщены:

ранний ацтекский период (ок. 1150 — ок. 1350; т.е. время прибытия ацтеков в Мексиканскую долину отнесено к середине XII в., а основание Теночтитлана — к 1350 г.);

поздний ацтекский период (ок. 1350 — 1520) [222, с. 14].

В плане эволюции общественной (а в последний период — и политической) структуры предлагалась периодизация, где за образец взята хорошо известная классическая древнеегипетская периодизация:

додинастический период (ок. 1325 — ок. 1372) — время, когда руководство в обществе принадлежало совету вождей родов;

ранний династический период (ок. 1372 — 1426), начало которого связано с утверждением власти первого собственно ацтекского правителя, а окончание — с обретением древнеацтекским обществом независимости (от более сильных соседей);

поздний династический период (1426-1520) — время последовательного усиления централизации, прерванной испанским завоеванием и гибелью последнего доиспанского правителя Мотекусомы II [349, с. 66].

Особых возражений против предложенных вариантов периодизации нет, так как они действительно отражают наиболее важные этапы истории древнеацтекского общества. В дальнейшем мы будем от них отталкиваться, правда, считая датой падения ацтекской державы не 1520 г., а 1521 г., поскольку с гибелью Мотекусомы II история ацтекского государства, как известно, не завершилась: его агония продолжалась, и в ней падение Теночтитлана в 1521 г. было, пожалуй, решающим моментом. Кроме того, как мы увидим ниже, классического «династического» наследования в ацтекской политической структуре никогда не было.

Акамачитли — первый ацтекский правитель

Первое время после того, как ацтеки обосновались на одном из островов оз. Тескоко, им приходилось туго, так как необходимо было решать две важнейшие проблемы — пищи и пресной воды (поскольку озерная была соленой). Тем не менее обе эти задачи более или менее успешно были решены поселенцами. Воду они стали завозить с материка на лодках, а рыболовство и охота, успешные в условиях заросших тростниковыми зарослями островов, первоначально вполне удовлетворяли потребности ацтекской общины. Однако постепенно с ростом населения, а также в связи с переходом к оседлому образу жизни эти виды хозяйственной деятельности дополнились, как ни странно, земледелием. Поскольку земли, пригодной для возделывания было недостаточно (остров имел в диаметре 10 — 12 км), ацтеки стали использовать издревле известную здесь и, кстати, успешно практикуемую в некоторых местах до сих пор так называемую систему чинамп — сплетенных из ветвей и прутьев, укрепленных растущими в грунте деревьями и кустарниками и засыпанных плодородным слоем земли искусственных островков, на которых выращивали различные культуры. В дальнейшем (с расширением территории расселения) не менее важную роль стало играть и так называемое мильповое земледелие, использовавшееся на материке.

Возможно, именно недостаток земли вынудил часть ацтеков отселиться (в источниках называются четыре рода во главе со старейшинами). Недалеко от города они нашли возвышенное место и основали там новое поселение. От слова тлатолли (ацт. *tlatolli* — «возвышенное место») оно получило название Тлателолько, а его жители стали называться тлателольками [31, с. 331; 173, с. 33; 212, т. 4, с. 109; 228, с. 63]. Источники называют разные даты, когда это произошло: 1337, 1338, 1357, 1358, 1371 гг. [385, с. 75; 152, с. 12; 231, с. 118; 70, с. 376]. Так появились рядом два ацтекских города — Мехико-Теночтитлан и Мехико-Тлателолько.

Приведенная выше трактовка данного события — наиболее распространенная. Но известны и другие версии. По одной из них, после раздела территории нового города между различными родами часть ацтеков оказалась неудовлетворенной той землей, какую они получили, и отделилась (поселилась на соседнем острове). Согласно другому варианту, возник конфликт на религиозной почве. В дошедшей до нас довольно запутанной истории говорится, что между ацтекскими родами начались споры по поводу владения двумя особо почитаемыми реликвиями, бережно хранившимися

во время переселения. Одна из них — священный нефритовый камень, другая — две палочки для добывания огня трением (очевидно, они использовались при ритуале зажигания «нового огня»). Та группа ацтеков, которая позже составила население Тлателолько, при дележе пожелала и получила нефрит, однако якобы затем, убедившись, что приспособление для получения огня более полезно, заявила, что последнее должно ей принадлежать. Возник конфликт, в результате которого тлателольки и отселились от остальных ацтеков [130, с. 67; 276, с. 527; 277, с. 63]. Разумеется, на эту, как и на многие подобные истории следует смотреть лишь как на красивую легенду, причудливо раскрашивающую ход исторических событий.

Между тем в XIV в. в Мексиканской долине продолжалось соперничество между несколькими наиболее крупными городами-государствами. К середине этого столетия древнее чичимекское государство Шолотля с центром в Тенайуке ослабело и в Мексиканской долине на авансцену вышли две сравнительно крупные политические силы: города-государства Аскапотсалько и Тескоко. Аскапотсалько — государство тепанеков в западной части Мексиканской долины, под контролем которого оказались такие города, как Тлакопан, Толтитлан, Куаутитлан, Шалтокан, Такубайя [78, с. 60- 63; 201, с. 17]. Расцвет его связан с именем правителя Тесосомока (1363-1427) — одного из самых значительных деятелей в преацтекский период. Путем искусной дипломатии, интриг, удачных династических браков и, естественно, использования военной силы он сумел создать крупное раннее государство, судьба которого была тесно связана с судьбой ацтеков.

Второй крупный город-государство — Тескоко, расположенный в восточной части Мексиканской долины, где в свое время обосновались аколуга. Центром их, как уже отмечалось, сначала был Коатлинчан, а затем эта роль перешла к Тескоко. Иногда это раннее государство называли Аколукан.

Сохранял свое значение и древний Колуакан, носитель традиций тольтекской культуры на юго-восточном побережье озера Шочимилько.

Ацтеки Теночтитлана и Тлателолько попали в зависимость от Аскапотсалько, поскольку после конфликта с Колуаканом они поселились на подконтрольной ему территории. Поэтому ацтеки Теночтитлана принимали участие в завоевании тепанеками около 1347 г. (по другим данным — в 1367 или 1369 г.) Колуакана, часть жителей которого бежала в Коатлинчан, входивший в тескокское государство, а ацтеки Тлателолько — в покорении Тенайуки в 1371 г. Они же в 1375 г. захватили Чималуакан-Атенко, подчинившийся г. Коатлинчану, что в конечном счете способствовало ослаблению последнего и возвышению Тескоко. Ацтеки вместе с тепанеками Аскапотсалько нанесли серьезные поражения г. Шочимилько (ок. 1352 и ок. 1375), хотя его окончательный разгром произошел гораздо позже [78, с. 60; 148, с. 95; 162, с. 42-43; 201, с. 16; 231, с. 113, 118; 404, с. 126].

Совершенно естественно, что в ацтекском обществе должны были происходить изменения, ведущие к политической консолидации и переходу от родовых форм общественной жизни к более сложной социальной структуре. Этому способствовали и обстоятельства экономического (переход от присваивающих форм хозяйства к производящим со всеми вытекающими отсюда последствиями) и внешнего характера (зависимость от Аскапотсалько, а также вполне реальная опасность захвата Теночтитлана требовали консолидации общества и прежде всего усиления военной власти). Процесс этот был длительный, постепенный, и начало его связано со смертью полубогородного вождя Теноча (ок. 1369 г. или несколько позже)²⁸.

Считается, что, после того как ацтеки помогли тепанекам Аскапотсалько покорить Колуакан, правитель Тесосомок разрешил им «основать династию», т.е. утвердить власть правителей, какие были в других городах-государствах Мексиканской долины, но, разумеется, под собственным контролем. Установление власти сильного вождя-правителя, который в меньшей степени зависел от родовых институтов (прежде всего, от совета старейшин), проходило в условиях как внешней опасности, так и внутренней борьбы. Однако в конце концов часть родовой верхушки Теночтитлана пошла на компромисс с воинами (возможно, не обязательно знатными), с народным собранием, которое в то время еще играло определенную роль. Было принято принципиальное решение, сыгравшее важнейшую роль в дальнейшей судьбе ацтеков, — избрать не вождя-жреца, каковым, видимо, ранее был Теноч, а вождя-воина. Однако в условиях внешней зависимости не могло быть и речи о том, чтобы им был чистокровный ацтек. Кроме того, для внешнего признания необходим был человек, имеющий родственные связи с уже существовавшими правящими фамилиями Мексиканской

долины. В конце концов ацтеки остановили свой выбор (видимо, и не без указки со стороны Тесосомака) на жителе Колуакана, признанного как центр, где сохранились некоторые черты тольтекских традиций. Они решили просить себе в правители двадцатилетнего воина Акамапичтли. Он был сыном поселившегося в Колуакане ацтека Опочтина и местной знатной женщины Атотостли, которая была дочерью правителя этого города Науатля. Для того чтобы уговорить Науатля, ацтеки направили в Колуакан депутацию с богатыми подарками и двумя самыми красноречивыми старейшинами во главе. Правитель, полагая, что он ничего не теряет, а напротив, приобретает влияние над Теночтитланом, дал согласие на то, чтобы его внук стал правителем ацтеков [173, с. 34]. Произошло это в 1376 г. (по другим данным — в 1375 г. [37, с. 31; 138, с. 42; 212, т. 4, с. 109-110; 291, с. 148] или в 1372 г. [349, с. 63]).

Акамапичтли (1376-1396), первый ацтекский правитель, имел весьма символическое имя: оно в переводе означало «пучок стрел» [119, с. 190; 329, с. 107]. Среди чичимеков был ритуал: занятие той или иной территории отмечалось выстрелами из лука в каждую из сторон света [227, с. 27; 407, с. 18]. Таким образом, «пучок стрел», изображение которого в разных вариантах входило в состав пиктограммы имени первого ацтекского правителя, знаменовал приобретение им властных функций. Кроме того, будучи колуаканцем, первый правитель считался наследником тольтекской традиции. Это усиливало легитимность его прав и облегчало их признание окружающими городами-государствами. Ацтекские правители назывались тлатоани (от ацт. *tlatoa* — «говорить», «приказывать»). Таким образом, Акамапичтли стал первым в списке ацтекских тлатоани (см. рис. 13). С приходом его к власти и в дальнейшем жрецы и родовые старейшины постепенно стали терять свое преобладающее влияние, хотя и не утратили его полностью. В частности, в формальной процедуре избрания, кроме вождей родов, воинов, участвовали и жрецы [391, с. 788].

Впрочем, следует сказать, что не все ясно в отрезке истории между основанием Теночтитлана и приходом к власти Акамапичтли. Во всяком случае, это было замечено еще первыми европейцами, занимавшимися изучением древнеацтекской истории, в частности, одним из испанских миссионеров и историков XVI в. Х. Мендиетой. Последний писал, что, согласно имеющимся у него данным, у Акамапичтли был отец (с тем же именем), который правил какое-то время после смерти вождя ацтеков Теноча. Подобное предположение и логично и правдоподобно, поскольку приписываемое Теночу 52-летнее правление (от основания Теночтитлана около 1325 г. и до прихода к власти Акамапичтли-сына в 1376 г.), по мнению Х. Мендиеты, слишком велико для одного человека (к тому же Теноч в момент основания города мог быть уже зрелым человеком). Х. Мендиета далее сообщал, что, по его данным, Акамапичтли-отец был убит неким «тираном», который хотел убить и его сына, но матери удалось на лодке тайно увезти мальчика в Коатлинчан, что спасло ему жизнь [291, с. 148-149].

Почему же ацтекская династическая история начинается с Акамапичтли-сына? Не исключено, что здесь сыграли решающую роль этнические корни последнего, необходимые по идеологическим установкам того времени для утверждения законности ацтекской династии. Его отец, как, впрочем, и Теноч, не имели таковых и, следовательно, не могли считаться основателями ее. Поэтому время, когда у власти находился Акамапичтли-отец, приписали Теночу, «подогнав» период его правления к 52 годам, т.е. к длительности 52-летнего календарного цикла. Несколько искусственной, кстати, в этом свете представляется и дата основания Теночтитлана, произошедшего, согласно таким подсчетам, за 52 года до прихода к власти Акамапичтли-сына.

Не все ясно и с обстоятельствами утверждения во власти последнего. Выше приведена версия, согласно которой приход к власти Акамапичтли означал укрепление власти военных, символом чего стало присвоение ему титула тлатоани. Однако есть источники, в которых сообщается, что сначала Акамапичтли был, как и предыдущие ацтекские правители, вождем-жрецом, занимающимся культовыми церемониями и лишь отчасти управлением, и что только в 1383 г. («8. тростник») он получил титул тлатоани. Более того, в «Кодексе Мендосы» говорится, что первоначально ведущую роль играла его жена Иланкуэитль, бывшая, как и Акамапичтли, колуаканского происхождения²⁹, а он считался лишь одним из старейшин [173, с. 34; 400, с. 95; 407, с. 19], точнее, выполнял роль главного военного вождя, имевшего особый титул *сиуакоатль* (ацт. *Cihuacoatl* — «пернатая змея», сложный синкретический религиозный образ и символ, означавший единство сил земли — змея — и неба — орел, единство противоположностей). Наконец, есть версия, что Акамапичтли и Иланкуэитль

осуществляли своего рода кондоминиум и что только после смерти Иланкуэитль он стал собственно тлатоани [407, с. 19]³⁰.

Как бы то ни было, согласно официальной древнеацтекской истории, с приходом Акамапичтли у ацтеков появился тлатоани и Теночтитлан получил статус «сеньории», или, как это известно по древним источникам, тлатокайотль (ацт. *tlatocayotl* — понятие, означающее «режим правления тлатоани», в противоположность существовавшему до этого правлению совета вождей ацтекских родов) [76, с. 78; 407, с. 20].

Однако те ацтеки, что поселились в Тлателолько, отказались признать нового правителя, и таким образом их конфликт с Теночтитланом продолжался. Кроме того, как утверждает одна из хроник, когда в Теночтитлане появился тлатоани Акамапичтли, у тлателольков уже был правитель. Им был некий Тлакотен, родом из Аскапотсалько, правивший, однако, всего 200 дней. Но именно он положил начало династии в Тлателолько [271, с. 15], которая таким образом, в отличие от Теночтитлана, связанного с Колуаканом, была обязана своим появлением Аскапотсалько. После него правителем Тлателолько стал Куакуапитсауак [352, т. 2, с. 7], который был сыном Тесосомака. Это случилось сразу после прихода к власти Акамапичтли в Теночтитлане. Таким образом, ацтеки Теночтитлана были связаны династически с колуа и тольтеками, а тлателольки — с Аскапотсалько. Была еще одна важная специфическая черта тлателолькской формы правления: в отличие от ацтеков Теночтитлана они до последних дней независимого существования своего города видели в своем главе прежде всего жреца и лишь затем светского и военного вождя. Возможно, потому, что военных завоеваний, сравнимых с теми, что вели ацтеки Теночтитлана, они не вели. Тлателолько развивался как важный торговый центр Мексиканской долины и после длительного скрытого и открытого соперничества в конце концов был покорен Теночтитланом и стал одним из его городских районов (о чем, впрочем, речь пойдет ниже).

Будучи зависимыми от Аскапотсалько, ацтеки, естественно, несли по отношению к нему определенные повинности. Вскоре после прихода к власти Акамапичтли Тесосомак, опасаясь ослабления своей власти над ацтеками, потребовал от них двойной дани за пользование землей в виде рыбы, охотничьих трофеев, плодов земледельческого труда. Сказочные, фольклорные мотивы сопровождают в источнике этот рассказ. Акамапичтли якобы сначала впал в уныние от такого приказа, но его успокоили жрецы всеильного бога Уитсилопочтли. Благодаря его божественному содействию двойную дань ацтеки смогли выплатить. Но Тесосомак не успокоился и отдал новый приказ в духе древнего широко распространенного фольклорного сюжета, где герой (герои) подвергается серии испытаний. В соответствии с приказом правителя Аскапотсалько кроме обычных статей дани ацтеками должны были быть преподнесены утка и цапля, сидящие на яйцах, причем чтобы в тот момент, когда груз прибудет в Аскапотсалько, у обеих птиц должны вылупиться птенцы. И этот приказ с помощью Уитсилопочтли был выполнен. Сами тепанеки были смущены и даже потрясены таким поворотом событий, ибо считали выполнение приказа неосуществимым. В целом ацтеки выплачивали дань Аскапотсалько около 50 лет [173, с. 36-38].

В эпоху Акамапичтли Теночтитлан отстраивался, возникали новые чинампы. Это было связано с ростом численности населения, а также со стихийными бедствиями, имевшими тогда место. Действительно, по данным источников, в год «7. кролик» случилось наводнение и многие ранее построенные чинампы были разрушены. В результате на следующий год («8. тростник») разразился голод и ацтеки вынуждены были питаться только водорослями и рыбой [219, с. 52].

За время правления Акамапичтли произошли важные изменения в социально-политической сфере. Являясь ацтеком только наполовину, он тем не менее, как говорится в источнике, «испытывал симпатию» к ним. Акамапичтли консолидировал ацтеков, участвовал в учреждении новых общественных институтов. В частности, это касается появления особой системы выборов тлатоани. Источник сообщает, что у него были «добрестные сыновья», однако он умер, не назвав наследника, предоставив тем самым свободу выбора тлатоани своему ближайшему окружению, верхушке знати. От него идет меритократическая традиция, в соответствии с которой избирался самый лучший среди целого ряда достойных кандидатов, родственников умершего [31, с. 335; 37, с. 34; 162, с. 47; 173, с. 34; 352, т. 2, с. 1]. Происхождение этого обычая связано, конечно, с обстоятельствами внутривосточной борьбы того времени, он стал формой компромисса между жречеством, родовой

знатью и военными, хотя в источниках его введение и преподносится как личная заслуга Акамапичтли. Впрочем, традиция наследования вскоре изменилась, о чем речь пойдет ниже.

Видимо, к этому времени относятся и первые административные преобразования — разделение Теночтитлана на четыре основных городских района (позже число их увеличилось): Мойотла, Теопантлака, Атсакуалко, Куэпопан [173, с. 40; 384, с. 19].

Участвовал Акамапичтли и в начале государственного оформления официальных религиозных культов. Есть сообщение, что на 6-й год своего правления он приказал сделать для храмов изображения некоторых богов [270, с. 15].

Считается что в его время начала складываться так называемая новая знать, отличающаяся от старой, родовой. Согласно источникам, каждая община города дала Акамапичтли жену и их дети положили начало новой знати [320, с. 17; 347, с. 344]. На деле же ее формирование было связано прежде всего с размахом военных действий, которые во времена Акамапичтли ацтеки по-прежнему вели под эгидой тепанеков Аскапотсалько, хотя в источниках и говорится, будто они сами завоевали те или иные города [291, с. 148]. Среди первых жертв завоеваний после прихода к власти Акамапичтли следует назвать г. Мишшик (1378 г.). Тесосомок, используя ацтеков и покоренный ранее (1375 г.) Чималуакан-Атенко, захватил г. Шико (1381 г.), чем ущемил интересы сформировавшейся к тому времени сильной конфедерации на юге Мексиканской долины — Чалько-Амекамекан [231, с. 113]. В 1393 г. ацтеки и тепанеки Аскапотсалько поставили под контроль на юге небольшой островной город Куитлауак [201, с. 12]. Наконец, в 1396г. после нескольких лет противостояния они сумели сломить древнюю Куэрнаваку (Куаунауак, совр. шт. Морелос), влияние которой простиралось в то время, возможно, до р. Бальсас. Последняя победа была чрезвычайно важна в экономическом плане, поскольку именно из этого района в Мексиканскую долину поступал хлопок, ткани [122, с. 37; 137, т. 1, с. 27; 201, с. 10; 231, с. 120; 267, с. 127; 270, с. 15; 299, с. 241]. Подводя итог времени правления первого ацтекского тлатоани, следует сказать, что оно стало в значительной степени программным для всех последующих тлатоани как в области внутренней, так и внешней политики. Акамапичтли умер после 20 — 21 года пребывания у власти [137, т. 1, с. 27; 267, с. 127; 270, с. 15]³¹.

Правление Уитсилиуитля

Хотя со времен Акамапичтли правила прихода к власти очередного правителя предполагали процедуру выбора его, до определенного периода не все в этом вопросе было вполне четким и определенным. Показателем нестабильности и неясности ситуации может служить сообщение, согласно которому, после того как Акамапичтли умер, не назвав наследника, в течение четырех лет в Теночтитлане не было правителя [219, с. 52 — 53]. Впрочем, в официальной древнеацтекской версии этот факт не зафиксирован: по ней сразу после смерти Акамапичтли собрались старейшины четырех районов Теночтитлана для выборов тлатоани, так как особый совет, имевший такое право, оформится позднее. Показательна информация одного из источников: его выбирали старейшины, а простые люди стояли в стороне и терпеливо ждали результатов [173, с. 48]. Было предложено избрать Уитсилиуитля (ацт. «перо колибри»), сына покойного (см. рис. 13), что и случилось, хотя имелись и другие претенденты³².

При Уитсилиуитле (1396 — 1416) ацтеки по-прежнему находились под властью и контролем Аскапотсалько. Между тем неутомимый и воинственный Тесосомок покорил Шалтокан, совершенно истощенный борьбой с Куаутитланом, происходившей в 1396 -1400гг. На оставшейся непокоренной части территории Шалтокана позднее образовалось раннее государство Метцтитлан. В 1410 г. Тесосомок сломил сопротивление Чалько-Атенко, а Амекамекан (чичимекская «сеньория», основанная еще в 1269 г.) сохранила свою формальную независимость, лишь вступив с ним в союз. Как и прежде, ацтеки принимали участие в походах Аскапотсалько, выполняя свои военные повинности и набираясь, таким образом, военного опыта и искусства [231, с. 113; 232, с. 133]. В источниках сообщается, что Уитсилиуитль завоевал 8 «провинций» и «городов» [137, т. 1, с. 28; 267, с. 128; 288, с. 149], но фактически он был младшим партнером правителя Аскапотсалько, да и некоторые из этих походов были просто карательными экспедициями. При Уитсилиуитле ацтеки в 1400 г. принимали участие в разрушении Шалтокана, боролись против Куаутитлана [231, с. 120; 298,

с. 241]. В ходе подобного рода военных акций в 1399 г. разрушению был подвергнут г. Колуакан (см. рис. 11).

Участие в военных действиях начало приносить ацтекам ощутимую материальную выгоду. Так, после захвата в 1400 г. Шалтокана они получили по указанию Тесосомока свою долю добычи в виде части урожая с определенных земель, принадлежавших этому городу. Что касается тлателольков, то они уже в то время отдавали предпочтение не военной, а торговой деятельности, что делает их город в свое время крупнейшей экономической силой доиспанской Мексики. Они даже участие в военных действиях ставили в зависимость от возможной торговой выгоды. Так, около 1398 г. был захвачен г. Куаутинчан, располагавшийся недалеко от Чолулы, древнего торгового центра, вследствие чего тлателолькские торговцы существенно расширили сферу своей деятельности. Считается, что именно и главным образом поэтому тлателольки были вовлечены тепанеками в данный поход [162, с. 51].

Для дальнейшего утверждения своего положения в Мексиканской долине ацтеки, как и окружающие их народы, старались укреплять и расширять династические связи. Так, надеясь на снижение дани, выплачиваемой Аскапотсалько, они попросили для своего тлатоани Уитсилиуитля в жены одну из дочерей Тесосомока. Тот согласился, и Айауисиуатль стала женой второго ацтекского тлатоани. Есть версия, что это произошло после смерти его первой жены, родом из Такубы, и уже после того, как он якобы обязался взять в супруги дочь правителя Куэрнаваки. В любом случае это был дальновидный шаг. Как сообщают отдельные источники, Тесосомок, уступая просьбам дочери, значительно сократил дань, которую должен был выплачивать Теночтитлан, и свел ее к поставкам рыбы и лягушек (они использовались в пищу) [31, с. 335; 212, т. 4, с. 111; 385, с. 138 — 139]. От этого брака родились два сына, одного из которых по желанию деда, Тесосомока, назвали Чимальпопока, а второго — Илуикамин. Уитсилиуитль пошел на установление династических связей и с другими районами, тем более что принцип полигамии это позволял. В 1396 г. он женился на Миауашиуитль, дочери правителя Куэрнаваки. У них родился сын, названный Мотекусомой. Все трое его сыновей займут свое место в древнеацтекской истории и соответственно в нашем повествовании.

Таким образом, в потомках ацтекских правителей кроме собственно ацтекской и колуаканской (а значит, тольтекской) текла теперь и кровь тепанекских тлатоани. По последнему признаку Теночтитлан встал в один ряд с Тлателолько, городом, уже имевшим династические связи с Аскапотсалько. Так Теночтитлан и Тлателолько, первоначально бывшие сравнительно незначительными среди подчиненных Аскапотсалько городов, после описанных событий начали постепенно получать важные привилегии.

Уитсилиуитль продолжил политику своего предшественника, большое внимание уделяя и внутренним проблемам, которых было достаточно. В 1382г. сильное наводнение разрушило чинампы островного города. И в данном случае помогло родство с правителем Аскапотсалько: Теночтитлан получил помощь, необходимую для восстановления, в том числе и строительными материалами. С именем тлатоани Уитсилиуитля связаны и первые попытки внедрения официальной общегосударственной идеологии. Насколько можно судить по документам, укрепление ацтекского государства он полагал необходимым начать с усиления культа племенных богов. С этой целью Уитсилиуитль всячески способствовал умножению числа храмов, развитию и упорядочиванию ритуала. Он всемерно содействовал распространению культа племенного бога Уитсилопочтли, пронизывавшего позднее все сферы жизни этого общества [173, с. 44]. Только одним из примеров его является использованный выше миф о переселении и роли в нем этого божества.

Уитсилиуитль правил 21 год [267, с. 128] либо 22 года [219, с. 54; 269, с. 16]. Его любили, говорит источник, как «благородные», так и «простолюдины» [173, с. 44]. Умер он сравнительно молодым. Его правление — время затишья перед бурными историческими событиями, назревавшими в Мексиканской долине.

История ацтеков и Мексиканской долины при Чимальпопоке

После смерти Уитсилиуитля в 1416 г. тлатоани был избран его сын Чимальпопока (ацт. «дымящийся щит») (см. рис. 13). Он был в то время еще подростком 9 — 12 лет [173, с. 43 — 44; 212, т. 4, с. 111], но ацтеки считали более подходящим иметь на месте тлатоани внука могущественного

тепанекского правителя Тесосомака, чем его брата Мотекусому, внука побежденного правителя Куэрнаваки³³.

На время правления Чимальпопоки (1416-1428) и на последние годы жизни Тесосомака приходятся важнейшие события в истории Мексиканской долины — прямое столкновение двух крупнейших сил: Аскапотсалько и Тескоко.

Уже упоминавшийся город-государство Тескоко, расположенный на восточном побережье одноименного озера, возвысившись после ослабления Коатлинчана, стал соперником Аскапотсалько, находившегося на западном, противоположном берегу. Столкновение произошло при Иштлильшочитле (1409-1418), правителе Тескоко (см. рис. 12). Став тлатоани, он нашел Тескоко не в лучшем состоянии: город-государство был ослаблен из-за непрерывных распрей между подконтрольными ему районами. Поэтому первое время Иштлильшочитль предпочитал поддерживать мирные отношения с Аскапотсалько, а не бороться с ним за власть в Мексиканской долине. Дело дошло даже до того, что Тесосомак начал посылать хлопок в Тескоко, с тем чтобы его жители, как его данники (хотя фактически они таковыми не являлись), делали ткани для тепанеков. Так продолжалось несколько лет, пока Иштлильшочитль не отказался от уплаты такой своеобразной дани и перестал подчиняться Аскапотсалько. Кроме того, он нанес личное оскорбление Тесосомаку: не пожелав породниться с ним, он взял в жены дочь Уитсилиуитля, сестру Чимальпопоки, очевидно надеясь таким образом вбить клин между Аскапотсалько и Теночтитланом и привлечь ацтеков на свою сторону [146, л. 6].

Наиболее полно последовавшие далее события отражены в знаменитом пиктографическом документе «Кодекс Шолотля» [146] и в историческом сочинении далекого потомка Иштлильшочитля, историка индейского происхождения Ф.А.Иштлильшочитля [228]. Согласно приведенным там данным, в ответ на действия правителя Тескоко Тесосомак объявил его власть незаконной и вместе с правителями Тлателолько, Теночтитлана и десятков других подчиненных ему городов выступил против Иштлильшочитля, который также создал коалицию своих союзников. Борьба двух сил и двух личностей, Тесосомака и Иштлильшочитля, продолжалась три-четыре года. Иштлильшочитль сумел добиться более весомых военных успехов, чем тепанеки, подчинил якобы десять городов и подошел к самому Аскапотсалько. Тесосомак запросил мира и согласия признать власть Иштлильшочитля законной. Однако вскоре ему, видимо, удалось привлечь на свою сторону союзников Иштлильшочитля, повернуть ход событий в свою пользу и взять под контроль ситуацию в Мексиканской долине. Он осадил Тескоко. После 50 дней безуспешной обороны Иштлильшочитль бежал из Тескоко (есть намек на измену в лагере тескоканцев), некоторое время был вынужден постоянно менять пристанище и в конце концов для спасения положения отрекся от власти в пользу своего сына Несауалькойотля, которому в это время было около 16 лет.

По одной версии дальнейших событий, в момент передачи власти Иштлильшочитль был убит людьми из Чалько и Отомпана, по другой — погиб во время бегства. Несауалькойотль по приказу отца вместе с небольшим числом сохранивших им верность людей, укрывшись на деревьях, видел, как отбивался от врагов и погиб его отец [138, с. 445; 146, л. 7; 228, с. 97-104]. После этого тепанеки захватили Тескоко, что случилось в 1418 или 1419 г. Избежавший гибели молодой наследник нашел приют в Тлашкале и Уэшотцинко, независимых городах-государствах, располагавшихся к востоку от г. Тескоко. Судьба его была переменчивой, как переменчивы были и союзники (ими в свое время стали и ацтеки, чему способствовало наряду с прочим то обстоятельство, что он через мать приходился племянником Чимальпопоке); впоследствии он сумел вернуть себе власть в г. Тескоко³⁴. В результате захвата Тескоко Тесосомак расширил свою власть на юго-восток. В завоевании г. Тескоко принимали участие и ацтеки, и два года спустя город перешел к ним с благословения Тесосомака как их военная добыча. К началу XV в. Тесосомак утвердил свою власть над огромной по тем временам территорией и держал под контролем не только почти всю Мексиканскую долину, но и сопредельные районы Толуки, Пуэблы, Идальго и Герреро. Оценивая деятельность Тесосомака, некоторые историки называют его политику примером макиавеллизма в древнемексиканской истории [92, с. 55; 231, с. 115]. Действительно, его государство было создано не только благодаря военному таланту, но и упорству, политическому чутью, хитрости, переходящей в коварство (по его приказу был, например, отравлен правитель Куитлауаки Пичатцин).

Как же была организована эксплуатация покоренных или находящихся в зависимости территорий? Изучение этого вопроса важно и для изложения дальнейшего хода истории, и для сравнения с будущим ацтекским государством.

Наиболее преданные союзники Тесосомока (перешедшие в таковое состояние, как правило, из положения данников) получали свою долю военной добычи. Территории, попавшие под контроль Тесосомока, расчленились. Так, после покорения Тесоко его земли были разделены на восемь частей, из которых две Тесосомок взял себе, а остальные предоставил шести своим союзникам, среди которых был, как уже говорилось, и г. Теночтитлан. Именно в результате этого раздела г. Тесоко оказался под контролем Чимальпопоки [228, с. 104]. Между прочим, как верно заметил один из исследователей, передача г. Тесоко Теночтитлану в перспективе оказалась серьезной ошибкой, поскольку легализовала скрытые связи между правящей фамилией Теночтитлана и находившимся в изгнании Несауалькойотлем [314, с. 43].

Покоренные народы в зависимости от своей численности и размеров занимаемой ими территории выплачивали дань, возделывали поля, урожай с которых предназначался Аскапотсалько и его союзникам, по очереди каждые 13 дней (что соответствует наиболее распространенному счету промежутков времени) выполняли другие работы, в том числе и ремесленные; повинности распространялись и на женщин. Такая система эксплуатации покоренных территорий не являлась изобретением Тесосомока: ее использовали в древней Мексике издавна, и неудивительно, что она позднее применялась и в ацтекском государстве.

Конечно же, по-прежнему важнейшей обязанностью подвластных Аскапотсалько городов было выполнение военных повинностей. Так, ацтеки Теночтитлана, как данники тепанеков, участвовали в других завоеваниях (помимо покорения Тесоко), сведения о которых противоречивы: по одним — при Чимальпопоке были покорены Толтитлан, Куаутитлан, Отомпан, Толлансинго, Аколман [269, с. 16], по другим — всего два города [267, с. 128]. По всей видимости, в этих случаях ацтеки наводили порядок в уже подконтрольных тепанекам городах.

Государство Аскапотсалько часто рассматривается как предтеча ацтекского, модель для последнего, хотя определение его сущности Неоднозначно: по мнению одних исследователей, оно представляло из «федерацию» [222, с. 28 — 29], по мнению других — «империю» [162, с. 44], по мнению третьих — «тиранию» [78, с. 60; 160, с. 64]. Есть исследователи, считающие, что тепанеки Аскапотсалько разрушили последние остатки древней тольтекской культуры, основывавшейся на господстве одной этнической группы над другой, и ввели новую политическую структуру государства, где уже не придавалось такого значения этническим различиям [404, с. 127]. Определенная доля истины в этом есть. Правда и то, что политическая структура обществ Мексиканской долины под контролем Аскапотсалько все же основывалась на непрочной системе выплат дани и союзов, сходной с той, что была там и ранее в отношениях между небольшими городами-государствами. Аскапотсалько, не внося существенных новшеств, лишь укрепил масштабы традиционных политических отношений, существовавших до утверждения его власти. Хотя, конечно, его опыт важен для дальнейшего общественно-политического развития, будучи его важным переходным этапом.

Между тем Теночтитлан под властью Аскапотсалько постепенно сформировался в силу, ему противостоящую. Проходило это на фоне внешне вполне мирных событий.

Поскольку, как известно, озеро, где на острове располагался Теночтитлан, было соленым, проблема пресной воды по-прежнему сохраняла остроту, особенно в связи с непрерывно растущим населением. Ближайшее окружение посоветовало Чимальпопоке попросить у своего деда Тесосомока разрешения брать воду из источника Чапультепек, располагавшегося на материке недалеко от Аскапотсалько. Ответ Тесосомока был положительным. Ацтеки построили из земли, тростника и других материалов дамбу, по которой по земляному желобу пустили воду из Чапультепека в Теночтитлан. Поддерживать в порядке такой канал было очень сложно, так как дамба и желоб, построенные из непрочных материалов, постоянно разрушались. Тогда Чимальпопока попросил у Тесосомока разрешения сделать водовод из более прочного материала — из камня. Согласно ацтекским историческим хроникам, Тесосомоку эта просьба уже не понравилась, как и его советникам, увидевшим в данном проекте опасность укрепления положения ацтеков. Такая, казалось, сугубо мирная проблема привела к обострению отношений между Аскапотсалько и ацтеками.

Следующим шагом стало запрещение тепанекам вступать с ацтеками в торговые отношения [173, с. 47-48]. В Теночтитлане вокруг Чимальпопоки сложилась группа его видных родственников, ратующих за укрепление самостоятельности ацтекского государства. В нее входили Итцкоатль (внебрачный сын первого тлатоани Акамапичтли), Мотекусома (племянник Итцкоатля и брат Чимальпопоки) и еще один племянник Итцкоатля (по другой версии — брат) по имени Тлакаэзель [37, с. 35, 38; 173, с. 48; 217, с. 112; 288, с. 150]. Каждый из них сыграл выдающуюся роль в последующем развитии событий и в дальнейшей ацтекской истории.

Официальные древнеацтекские историки и идеологи позднее драматизировали сложившуюся ситуацию описанием сомнений, которыми якобы мучился Тесосомок. Утверждалось, что такое развитие событий огорчило Тесосома, который, обращаясь к членам своего совета, подчеркнул, что его внук Чимальпопока тепанекского происхождения. На это оппоненты ему возразили, что ацтекский тлатоани близок тепанекам только по материнской линии, однако по главной, основной отцовской, он — ацтек.

Вообще к концу жизни Тесосома ситуация в Мексиканской долине быстро менялась. Нередко бывшие враги становились союзниками и наоборот. К примеру, после гибели отца Несауалькойотль одно время находился в Тлашкале у своего дяди, тамошнего правителя, а затем, когда Тесосомок его простил, возвратился в Тескоко. В дальнейшем он участвовал в военных действиях на стороне Аскапотсалько и первого своего пленного посвятил Тесосомоку, чтобы заслужить его благосклонность.

Тесосомок умер в 1426 г. (по другим данным — в 1427 г.). Он был самым известным долгожителем в древней Мексике: в момент смерти ему было около 100 лет. Его смерть зафиксирована средствами пиктографики наряду с другими событиями на восьмом листе «Кодекса Шолотля» [146, л. 8]. Как сообщают источники, Тесосомок посоветовал своим наследникам убить Несауалькойотля, когда тот придет на его похороны, если они хотят сохранить Аскапотсалько. Дело в том, что незадолго перед смертью Тесосомоку якобы явилось видение Несауалькойотля, превращающегося в орла, ягуара и других животных и птиц, что было (как ему растолковали астрологи и маги) знаком того, что его государство погибнет от рук Несауалькойотля [228, с. 105].

Из трех своих законных сыновей — Маштлы (Маштлатона), Тайатцина и Тлатока Тлиспальтина — Тесосомок выбрал в наследники второго (поскольку Маштла уже с 1410 г. правил в Койоакане). По другим версиям, к концу жизни он фактически поделил подчиненные ему земли между ними [199, с. 22]. Но его смерть не расстроила планов тепанеков устранить ацтеков как политических и военных соперников. Наоборот, она ускорила развязку, и государство, созданное энергией Тесосома, а не ацтекское, погибло вместе с его уходом.

В результате заговора власть в Аскапотсалько через несколько месяцев узурпировал Маштла [138, с. 447].

За спорами между братьями относительно власти в Аскапотсалько последовали уже назревшие антитепанекские выступления как в Теночтитлане, так и Тлателолько. Располагая вполне достоверными сведениями о нелояльности ацтеков, Маштла отменил привилегии, дарованные Тесосомом, и увеличил размер выплачиваемой ими дани.

О том, как протекали дальнейшие события, в источниках сохранилось много версий, что говорит о сложности, запутанности общественно-политической ситуации в Мексиканской долине. Однако все они могут быть разделены на две основные группы.

Согласно наиболее распространенной официальной древнеацтекской версии, тлатоани Чимальпопока, а также Тлакатеотль, правитель Тлателолько, поддержали Тайатцина как законного наследника. Более того, Чимальпопока якобы советовал Тайатцину убить тирана Маштлу. Он же предложил ему и способ, как это сделать: построить новый дом, пригласить Маштлу на праздник по этому случаю и во время пира задушить веревкой, спрятанной в гирлянде из цветов. К несчастью для заговорщиков, их беседа была подслушана карликом, шпионившим в пользу Маштлы. Немедленно последовала расправа. Первым был наказан Тайатцин. Он был казнен тем же способом, которым намеревался расправиться с Маштлой. Правитель Тлателолько, Тлакатеотль, пытался скрыться от расправы, но его настигли люди Маштлы и вместе с лодкой утопили посреди озера.

Естественно, подробнее рассказывается в источниках относительно гибели Чимальпопоки. Есть просто короткое сообщение, что Маштла послал в Теночтитлан своих людей, которые

бесцеремонно затолкали Чимальпопоку в клеть для преступников, некоторое время морили его голодом и затем задушили. Согласно другим вариантам этой же истории, Чимальпопока решил достойно закончить свои дни, когда узнал о готовящейся над ним расправе. Он облачился в одеяние бога Уитсилопочтли, выполнил ритуальный танец и предложил себя для жертвоприношения богам. В тот момент, когда жрецы собирались совершить кровавый ритуал, ворвались люди Маштлы, схватили Чимальпопоку и посадили его в клеть, не снимая с него одеяний и украшений бога Уитсилопочтли. Далее оба варианта совпадают [37, с. 37-38; 40, с. 23-26; 228, с. 108-112; 314, с. 60-61].

По другому, сходному варианту этой версии, тепанеки организовали убийство Чимальпопоки ночью. Когда его охрана спала, люди Маштлы пробрались во дворец, убили тлатоани и его сына, нанеся им большое число ран [173, с. 48-49; 212, т. 4, с. 111]. Другой источник добавляет любопытную подробность: начальник охраны, опасавшийся наказания за то, что не сумел обеспечить безопасность тлатоани, тут же покончил с собой (отравился) [37, с. 38]. Его родственники, в наказание за преступление нерадивого стража, были низведены на положение простолюдинов, и его потомки, несмотря на храбрость, никогда впредь не смогли занимать высоких постов. Вероятнее, однако, что в то время подобных наказаний не было, а официальные историки, описывая это событие, экстраполировали его на прошлые законы ацтекского государства.

Еще раньше Маштла пытался убить Несауалькойотля, когда тот прибыл на похороны Тесосомака, но ему удалось избежать устроенной засады и скрыться в Тлашкале [146, л. 8; 228, с. 108].

При всех различиях приведенных версий в них есть общий момент — убийцей Чимальпопоки был внешний враг ацтеков — тепанеки.

Принципиально иную версию приводит Ф.А.М.Чимальпаин, прямо говоря о причастности Итцкоатля к смерти своего племянника. Дело в том, что узурпатор Маштла пригрозил Чимальпопоке и ацтекам расправой и экономическими санкциями в случае, если они посмеют выступить против власти Аскапотсалько. И Чимальпопока поддался угрозам, готов был капитулировать и, таким образом, выступил за сохранение зависимости от Аскапотсалько. Это вызвало гнев патриотов, группировавшихся вокруг Итцкоатля и Мотекусомы, которые ратовали за войну с Аскапотсалько и обретение независимости. Именно поэтому и именно тогда Итцкоатль организовал убийство Чимальпопоки (см. [347, с. 69]).

Современные исследователи склонны принять эту версию как наиболее заслуживающую доверия. По их мнению, которое разделяем и мы, Маштла, несомненно, был знаком с ситуацией и настроениями в Теночтитлане, поэтому не мог не предпочесть более покладистого Чимальпопоку его воинственному дяде Итцкоатлю и едва ли был заинтересован в устранении законного тлатоани [162, с. 61; 347, с. 69]³⁵.

Как бы то ни было, убийство Чимальпопоки после всего лишь 10 лет правления завершило один из этапов развития ацтеков — так называемый раннединастический период, время зависимости от Аскапотсалько. Об ограниченности власти первых трех тлатоани свидетельствует и традиционное изображение этих персонажей в пиктографических рукописях: они не представлены, как последующие тлатоани, сидящими на троне — символе власти (см. рис. 13). Однако именно этот период послужил стартом для дальнейшего стремительного подъема Теночтитлана и древних ацтеков в Мексиканской долине.

Тлатоани Итцкоатль и его эпоха: обретение независимости и начало подъема ацтекского государства

После гибели Чимальпопоки и его сына в 1428 г. («1. кремень») Итцкоатль стал призывать к мести его убийцам — тепанекам, тем самым стремясь продемонстрировать свою непричастность (если придерживаться официальной точки зрения) к смерти тлатоани. В это же время со всеобщего согласия Итцкоатль («обсидиановый змей») избирается новым, четвертым тлатоани (см. рис. 13) [31, с. 339; 173, с. 51; 212, т. 4, с. 112; 288, с. 150].

Итцкоатль (1428 — 1440) был сыном Акамапичтли от рабыни [137, т. 1, с. 30; 327, с. 107], т.е. незаконнорожденный стал правителем, в то время как имелся законный сын правителя Уитсилиуитля — Мотекусомы. Он-то и должен был быть избран, однако, по данным хроники, отказался якобы в

пользу своего дяди Итцкоатля [37, с. 38]. Взамен Мотекусомы получил один из самых высоких военных постов и титул «тлакатекаль» (ацт. tlacatecatl — «тот, который из дворца»), позволяющий его носителю входить в ближайшее окружение тлатоани, быть советником и соратником последнего. Словом, все обстоятельства убийства Чимальпопки и оттеснения на второй план Мотекусомы являют собой картину узурпации власти Итцкоатлем в ходе внутренней борьбы, из которой вышла победителем группировка высших военачальников, ставившая целью выступление против тепанекской власти. Устранение Чимальпопки ацтекской верхушкой было вызвано стремлением в условиях неизбежно надвигавшегося открытого военного конфликта с тепанеками иметь на посту тлатоани более зрелого и опытного Итцкоатля. Некоторые данные свидетельствуют, что официальная версия ацтекских историков искажала действительный ход событий. Итцкоатль в соответствии с этой версией не имел никакого отношения к смерти Чимальпопки и получил право обвинить в ней Маштлу. Такая версия получила отражение в большинстве хроник, которые дошли до нас.

Таким образом, к моменту начала правления тлатоани Итцкоатля положение Теночтитлана осложнялось внутренней борьбой за власть и обострением вражды с Аскапотсалько, для которых ацтеки стали главным врагом.

Следует подчеркнуть, что события в Аскапотсалько, серия убийств, организованных Маштлой, внесла разлад и в без того достаточно хрупкий политический организм тепанекского государства. Кроме того, увеличение дани, рост политического и экономического давления со стороны нового правителя Аскапотсалько вызвали в некоторых местах открытые восстания против него. Правители других, подконтрольных Аскапотсалько городов-государств если и не стали открыто на сторону жертв Маштлы, то по крайней мере сохранили нейтралитет. Это касается, например, городов Тесоко и Колуакан. Их представители прибыли даже на погребальную церемонию по случаю смерти Чимальпопки вопреки предостережениям Маштлы, где твердо обещали ацтекам не выступать на стороне тепанеков, если возникнет конфликт, развивать торговлю и другие связи [173, с. 45-50; 212, т. 4, с. 112].

Словом, вызванная сложным переплетением интересов политическая борьба захватила Мексиканскую долину в момент прихода к власти Итцкоатля. Становилось ясно, что мира с Аскапотсалько не будет, и ацтеки начали готовиться к войне. Однако не все одинаково относились к ней. Как утверждают источники, часть «простого населения», видя силу тепанеков, считала, что успех в предстоящей войне невозможен. Более того, они якобы уверяли, что правитель тепанеков Маштла — «человек миролюбивый», он простит, если перед ним повиниться (еще одно косвенное доказательство непричастности Маштлы к убийству Чимальпопки?). Противники войны предлагали в знак покорности явиться в Аскапотсалько с идолом ацтекского племенного бога Уитсилопочтли. Эти сведения из источников — бесценный подарок для исследователя, поскольку благодаря им в недрах предельно мифологизированной официальной древнеацтекской истории он может ощутить действительную, земную историю. За стремлением официальной ацтекской истории приписать «простолюдинам» консерватизм, непонимание, трусость и т.п. для современного исследователя открывается гораздо более сложная картина отношений, сложившихся в Теночтитлане в то время.

В этот критический, поворотный момент древнеацтекской истории наряду с решительным Итцкоатлем огромную роль начинает играть его племянник (по другим версиям — брат) Тлакаэзель, о котором уже упоминалось как о представителе военной партии (наряду с Итцкоатлем и Мотекусомой). Тлакаэзель — одна из самых популярных фигур древнеацтекской истории, которая со временем превратится в персонаж легендарный, даже эпический. В официальной древнеацтекской истории, к примеру, запечатленной Д.Дураном, А.Тесосомоком, в «Кодексе Рамиреса», «дух Тлакаэзеля» рассматривается даже как главная побудительная сила в успешных действиях ацтеков на протяжении многих лет. Вполне понятно поэтому, почему в хрониках Тлакаэзелю приписывается необыкновенно длинная жизнь: он был, если верить источникам, соратником и советником нескольких тлатоани. Современные историки единодушно признают, что за образом Тлакаэзеля, возможно, стояли по крайней мере два важных политических лидера ацтеков, занимавших, по сути, место второго человека в государстве после тлатоани.

Но все это в будущем, а в рассматриваемый период Тлакаэзель был всего лишь храбрым юношей, который, разделяя идеи Итцкоатля, призывал ацтеков защитить свою честь и свободу от посягательств тепанеков с оружием в руках. Но поскольку сторонники мира с Аскапотсалько

оказались в тот момент сильнее, разгневанный Итцкоатль предложил им идти на поклон к тепанекам, добавив, что их там непременно убьют. После таких слов никто из жаждавших мира с противником, естественно, не захотел направиться в Аскапотсалько. Тогда решительный Тлакаэлель, активный противник мира с тепанеками, заявил, что раз это необходимо, то он отправится просить мир для ацтеков.

История выполнения Тлакаэлемем мирной миссии в больших подробностях запечатлена в источниках, что объясняется чрезвычайной популярностью этого персонажа, которому официальная древнеацтекская история позже приписывала, по сути, создание самого фундамента будущего могущества их государства.

У ворот Аскапотсалько Тлакаэля остановили два стража и спросили, известно ли ему, что им приказано убивать всякого ацтека, какой попытается войти в город? Тлакаэлель отвечал, что идет с посланием к Маштле и что они ничего не теряют, если впустят его, поскольку смогут убить на обратном пути. Стража пропустила Тлакаэля к правителю, которому он сообщил, что ацтеки просят мира. Маштла якобы ответил, что сам он этот вопрос решить не может и должен посоветоваться со своими людьми, и предложил Тлакаэлелю прийти за ответом на следующий день. При выходе из Аскапотсалько охранники вновь хотели убить Тлакаэля, но он им спокойно сказал, что они еще успеют это сделать, так как завтра он придет за ответом.

На следующий день, перед уходом в Аскапотсалько, Тлакаэлель получил от тлатони Итцкоатля указание: если тепанеки не согласятся на мир, то он должен от имени ацтеков объявить им войну в полном соответствии с общепринятыми обычаями. В третий раз пошел Тлакаэлель мимо стражи, которая пропустила его в Аскапотсалько, так как уже имела возможность убедиться в том, что имеет дело с человеком слова. Когда он появился перед Маштлой, тот объявил, что вожди тепанеков настаивают на войне с ацтеками. Тогда Тлакаэлель, как было поручено ему Итцкоатлем, в соответствии с древними правилами объявил тепанекам войну; он вручил Маштле щит, меч, стрелы, надел ему на голову специальный наряд из перьев и намазал (натер) вождя тепанеков особой черной мазью, которую обычно применяли при погребальном обряде. Этот древний обычай символизировал войну и смерть. Когда Тлакаэлель собрался уходить, правитель Аскапотсалько посоветовал ему идти не через главные ворота, так как охрана получила приказ убить его, а через особый ход в стене, который он приказал проделать своим слугам. Тлакаэлель воспользовался предложением Маштлы и, таким образом, избежал уготованной ему смерти. Когда Тлакаэлель был уже на границе владений Аскапотсалько и Теночтитлана, он крикнул стражникам-охранникам, что их ждет скорая смерть. Тепанеки, крайне удивленные, что он смог ускользнуть от них, бросились на него. Завязался бой, в котором Тлакаэлель убил несколько тепанеков. Когда же к тепанекам прибыло подкрепление, он благоразумно скрылся в Теночтитлане [173, с. 64-65; 212, т. 4, с. 112]. Так, ради того, чтобы прославить Тлакаэля, ацтекские историки вынуждены были, быть может вопреки своему желанию, и врага, «тирана», Маштлу, как часто они его называли, изобразить достаточно благородным, способным оценить ум и смелость этого выдающегося ацтека.

Впрочем, наряду с этим сюжетом сохранился и другой, связанный с моментом объявления войны, в котором тепанеки представлены далеко не благородным образом. В этом варианте тепанеки решили уничтожить верхушку ацтекского руководства, пригласив их для этого на ближайший праздник одного из своих многочисленных божеств. Однако позже от этого коварного плана сами же тепанеки отказались, так как это было бы слишком недостойно и не соответствовало нормам, принятым тогда. Войну же ацтекам они все-таки объявили: когда ацтеки во главе с Тлакаэлем прибыли на праздник и, как обычно, стали обмениваться с тепанеками подарками, каждому высокому ацтекскому гостю была вручена женская одежда. Этот факт, сам по себе оскорбительный, означал, что объявляется война [173, с. 64-69].

Вообще же война с Аскапотсалько была не войной двух сторон, тепанеков и ацтеков, как то пытались представить последние в своих хрониках. Все обстояло значительно сложнее и запутаннее. В течение тех лет, когда Маштла пытался утвердиться как правитель, вошедших в историю как время войны с Аскапотсалько, по сути бурлила вся Мексиканская долина, возникали локальные конфликты, создавались различные коалиции, но столь непрочные, что часто прежние союзники становились со временем врагами.

Вообще же, если судить по источникам, то повод вести борьбу против Аскапотсалько дал Несауалькойотль, пожелавший вернуть отнятый покойным Тесосомоком у его отца Иштлильшочитля и у него самого г. Тескоко. Несауалькойотль (ацт. «койот воздерживающийся»)³⁶, чудом избежавший уготованной ему гибели от рук людей Маштлы, одно время вынужден был переселяться из города в город, меняя место жительства; достаточно долго он жил в Теночтитлане. В конце концов он оказался в Уэшотцинко. Несауалькойотль набрал там войско, в состав которого вошли аколуга, к которым принадлежал сам он, уэшотцинки, тлашкальцы, колуаканцы и др. Вообще очень многие из прежних союзников Аскапотсалько остались либо нейтральными, либо оказали поддержку Несауалькойотлю. Опрометчивая политика Маштлы по отношению к Теночтитлану и Тлателолько (если придерживаться официальной версии) создала почву для объединения знати и этих городов с Несауалькойотлем [146, л. 9]. Хотя сначала ацтеки, как уже отмечалось, несмотря на сильное желание военной верхушки вести войну с тепанеками, не решились выступить открыто, но в поддержке Несауалькойотлю не отказали, Тем более что он находился в родстве с ацтекскими тлатоани. Однако в конце концов и они вынуждены были решиться, поэтому в разное время в военных действиях на стороне Несауалькойотля принимали участие Итцкоатль и Мотекусума [228, с. 150].

Аскапотсалько поддерживали отоми, наименее развитый и культурный народ Мексиканской долины. Сначала союзником его вынужден был выступить и Тлателолько, но вскоре и он перешел на сторону противников Маштлы [298, с. 47]. Не вполне ясную позицию занял тепанекский город Тлакопан.

При описании этих бурных событий источники по-разному определяли, кому в них принадлежала ведущая роль. Ф.А.Иштлильшочитль, дальний потомок Несауалькойотля, именно его считал главным действующим лицом, в то время как Д.Дуран, А.Тесосомок и некоторые другие отдавали предпочтение ацтекам Теночтитлана. Наверное правильное будет сказать, что в ходе борьбы с Аскапотсалько менялись роли и ситуации, враги становились союзниками и т.п., хотя в конце концов история Мексиканской долины того периода вывела на авансцену Несауалькойотля и ацтекских деятелей из Теночтитлана — Итцкоатля, Тлакаэллея и Мотекусому.

В ходе борьбы с Аскапотсалько объединенные войска Несауалькойотля вошли в восточную часть долины и ряд населенных пунктов, в том числе тепанекские центры Коатлинчан и Аколман [92, с. 55; 146, л. 10; 212, т. 4, с. 113]. В западной части Мексиканской долины воины во главе с вождем Теноселотлем из Уэшотцинко в 1428 г. взяли древний чичимекский город Тенайуку, который защищали тепанеки и отоми [228, с. 151; 327, с. 111].

Не сидел сложа руки и Маштла. Среди наиболее серьезных проблем, которые ему следовало решить, укрощая своих бывших данников и союзников, было подавление выступления в Куаутитлане, перешедшем на сторону противников Аскапотсалько. Тлатоани Куаутитлана по иронии судьбы носил имя Тесосомок. Войска Маштлы заняли Куаутитлан, и в наказание рынок рабов, которым уже в то время славился этот город, был перенесен в Аскапотсалько, а на месте рыночной площади Маштла приказал выращивать агаву. Уцелевшие воины Куаутитлана во главе с Тесосомоком соединились с войсками Несауалькойотля [102, с. 56; 404, с. 128]. Объединенные силы начали наступление на Аскапотсалько. После 115 дней осады в 1428г. («1. кремь») ³⁷ он пал, и жители его признали свое поражение [37, с. 47; 173, с. 65-69; 228, с. 150; 367, с. 40; 399, с. 97]. Примечательная деталь: в то время как источники, связанные так или иначе с г. Тескоко (работы того же Ф.А.Иштлильшочитля), приписывают Несауалькойотлю чуть ли не ведущую роль в этих событиях, ацтеко-центричные источники (работы Д.Дурана, А.Тесосомока, «Кодекс Рамиреса») вообще его не упоминают.

Но как бы то ни было, у власти в Аскапотсалько Маштла продержался только около трех лет. После взятия Аскапотсалько ему удалось бежать. Он скрылся в г. Койоакан [219, с. 55].

В 1428 г. противниками Маштлы были захвачены Уэшотла, Аколман и другие города, а на протяжении 1428-1430 гг. Теоколуакан и Койоакан. Обстоятельства захвата Койоакана, города, где укрылся Маштла, описаны в источниках довольно живо. Согласно официальной ацтекской версии, повод для начала военных действий (причин, разумеется, было более чем достаточно) против Койоакана был следующий. Три ацтекские женщины отправились, как обычно, туда на рынок, но по пути их ограбили и оскорбили койоаканские стражники. Женщины возвратились домой и рассказали об этом своим мужьям. По традиционным нормам того времени нападение на торговцев давало повод пострадавшей стороне объявить войну обидчикам, что и было сделано. Она началась в 1429 г.

Итцкоатль перекрыл дороги, ведущие в г. Койоакан, довел город до голода и, захватив, сделал его жителей данниками ацтеков [47, с. 153; 173, с. 65 -69; 318, с. 18].

Судьба Маштлы в источниках освещается по-разному. По одной версии, в момент захвата Койоакана он попал в руки Несауалькойотля и либо погиб в единоборстве с последним, либо был принесен в жертву богам во имя отца Несауалькойотля, Иштлильшочитля [138, с. 449-450; 160, с. 67; 283, с. 48]. По другой версии, после захвата Койоакана Маштла бежал в Куаушимальпан, а затем в г. Таско (совр. Тачко, горный район штата Герреро), где и умер в 1431 г., или, как говорил раннеколониальный историк Х.Мендиета, исчез из анналов истории³⁸.

Ацтеки принимали участие при взятии городов Мишчик (1429 г.) и Истапалапа (1430 г.), в котором Итцкоатль, согласно данным историка Ф.А.М.Чимальпаина, поставил правителем своего сына. Около 1430-1431гг. Несауалькойотль, которому помогали ацтеки, занял г. Тескоко, а с 1433 г. («4. тростник») утвердился там как законный правитель и наследник своего покойного отца Иштлильшочитля [219, с. 55].

События в Мексиканской долине развивались стремительно, и военные действия, первоначально направленные против тепанеков, со временем стали перерастать в противоборство городов, в их борьбу за лидерство, фактически за право занять то место, которое раньше принадлежало Аскапотсалько.

Один из наиболее ранних конфликтов такого рода возник в 1430 г. между ацтеками и г. Шочимилько [47, с. 153; 51, с. 122]. Город-государство Шочимилько, располагавшийся на юге Мексиканской долины, один из центров чинампового земледелия, начал проявлять беспокойство в связи с усилением ацтеков. Но до поры до времени отношения между ними оставались мирными: ацтеки продолжали приходить торговать в Шочимилько, а жители его покупать их товары, Наступил, однако, момент, когда ухудшение отношений стало очевидным. В ацтекофильских источниках говорится о каких-то намерениях шочимильков организовать «заговор против ацтеков». Как обычно в источниках того времени, в описание драматической ситуации вкрапливаются дурные предзнаменования и фантастические явления. Так, во время одного из религиозных праздников якобы произошло событие, чрезвычайно напугавшее шочимильков: в тот момент, когда они начали есть ритуальную пищу, приготовленную из продуктов, купленных у ацтекских женщин-торговок, она на их глазах стала превращаться в груды человеческих голов, рук, ног, сердец — символы будущих кровавых жертв. Это ужасное превращение было совершено, конечно же, ацтекским племенным богом Уитсилопочтли, предостерегавшим таким образом шочимильков от враждебных действий против его народа. Охваченным ужасом шочимилькам их жрецы и предсказатели сообщили, что это является знаком близкой гибели. Город стал готовиться к возможному конфликту с ацтеками.

Тем временем ацтеки не выказывали агрессивности. Они приняли решение построить храм Уитсилопочтли, для чего им необходимо было определенное количество камня и дерева. Так как этих материалов у них не было, они послали послов с подарками в Шочимилько с просьбой передать им необходимые материалы. Шочимильки же посчитали себя оскорбленными и ответили, что не являются данниками ацтеков, обязанными снабжать их. Ацтекская делегация была обескуражена. В источнике говорится, что, несмотря на такой демарш, Итцкоатль приказал ацтекам не нарушать границ Шочимилько. В свою очередь, среди шочимильков некоторые поговаривали о возможности мира с ацтеками, однако их руководители настаивали на жестком курсе.

Между тем жизнь подбросила новый повод для усиления взаимной неприязни двух городов-государств. Однажды ацтекские купцы возвращались из очередной торговой экспедиции с грузом хлопка, который они планировали продать в Теночтитлане. Когда они проходили около Шочимилько, местные воины ограбили и убили их. Когда это стало известно Итцкоатлю, он приказал, в свою очередь, ацтекским воинам проникнуть на территорию шочимильков и устроить потраву самого большого маисового поля, правда, не проливая при этом кровь.

Словом, если верить ацтекской версии событий, ацтеки делали все возможное, чтобы столкновения не было, однако сами шочимилько провоцировали их. Открытое столкновение в конце концов состоялось; шочимильки потерпели поражение и согласились принять самые унижительные условия победителей, только бы избежать полного уничтожения. Шочимильки были одним из самых богатых народов Мексиканской долины (вследствие достигнутого ими высокого уровня земледелия), и ацтекские воины могли бы захватить крупную добычу. Однако Тлакаэзель запретил им входить в

город и грабить его. Вместо этого он приказал шочимилькам возвести дамбу, которая соединила Теночтитлан с материком в районе г. Койоакана. Шочимильки, к которым были добавлены и жители покоренного ранее Койоакана, выполнили эту работу. Дамба шириной около 4,5 м из камня и земли с проходами для лодок, перекрытыми мостами, просуществовала до прихода испанских завоевателей [51, с. 122; 173, с. 73-79; 212, т. 4, с. 113; 318, с. 19].

Помимо выполнения шочимильками этой тяжелой трудовой повинности Итцкоатль лишил их и политической самостоятельности, посадив правителем города своего ставленника, обязанного советоваться с ним обо всем и не принимать никаких самостоятельных решений. Правда, этот правитель получил почетное право посещать обеды в Теночтитлане и есть в присутствии Итцкоатля. Хотя в ацтекофильском источнике говорится, что это было высоко оценено шочимильками, на деле лишение политической самостоятельности едва ли могло вызвать у них восторг. Для ацтеков же включение этого богатейшего сельскохозяйственного района в сферу своего влияния имело огромное значение [148, с. 95]. Интересная и характерная деталь: в отличие от только что приведенной ацтекской версии событий, тескокофильские источники решающую роль в покорении Шочимилько приписывают Несауалькойотлю, правителю г. Тескоко, а Итцкоатлю отводится всего лишь амплуа помощника [201, с. 13].

Как бы то ни было, с покорением Шочимилько не закончились, а напротив, продолжали раскручиваться ацтекские завоевания. Следующим на очереди стал Куитлауака — небольшой островной город (или поселение) на юге оз. Шочимилько. Его жители чувствовали себя в безопасности и не считали нужным, как говорится в источнике, особенно дорожить миром с ацтеками [173, с. 80-81]. Более того, его руководитель Шочитлолинка якобы намеренно стал ухудшать отношения с ними. Сохранилась история развития взаимоотношений между Куитлауакой и ацтеками, в которой последние представлены неизменно миролюбивыми. Для того чтобы удостовериться в том, что куитлауаки действительно затевают что-то против них, ацтеки пошли на хитрость. Они решили пригласить на праздник, посвященный их племенному богу Уитсилопочтли не только знать Куитлауаки, но и их дочерей. Ацтеки полагали, что если будет принято такое приглашение, то, следовательно, куитлауаки не питают к ним вражды, отказ же подтвердит их подозрения. Шочитлолинка отказался принять приглашение, он якобы пришел просто в ярость, заявив послам ацтеков, что слишком дорожит девушками даже самого низкого происхождения, чтобы посылать их на праздник чужого бога. Оскорбил он ацтеков и тем, что отправил послов без обычных в таком случае подарков для тлатоани Итцкоатля. Страсти накалились до предела. Возмущенные ответом, точнее, вызовом Шочитлолинки, ацтеки вновь направили послов в Куитлауаку с требованием подчиниться или готовиться к войне. На это правитель непокорного города ответил, что он не намерен разговаривать с ними. Тогда Итцкоатль призвал всех ацтеков быть готовыми к войне с Куитлауакой.

Однако для успеха предприятия необходимо было заручиться нейтралитетом города-государства Чалько, союзника ацтеков и тескоканцев в борьбе с Аскапотсалько и контролировавшего в то время около 25 городов и поселений [318, с. 19]. В соответствии с рекомендациями ближайших советников, Итцкоатль направил специальных посланников к чалькам. В Чалько им было обещано отказать Куитлауаке в помощи, если она попросит об этом [173, с. 82]. В состоявшейся затем битве успех сопутствовал ацтекам, руководимым Тлакаэллеем. Как и положено мифологизированной древнеацтекской истории, она наполняет описание этого решающего сражения фантастическими сюжетами. Когда куитлауаки, окруженные бесстрашными ацтекскими воинами Тлакаэллея, почувствовали, что терпят поражение, они стали просить помощи у своих богов (почитаемых ими в виде змей, лягушек, рыб, креветок, пиявок, червей и т.п., что обычно для людей, живущих на воде). Но, говорится в ацтекских источниках, их боги ответили, что победить ацтеков нельзя, ибо они мстительны, искусны в военных делах, поэтому все, кто хочет выжить, должны им подчиниться. Куитлауакам ничего не оставалось, как признать свое поражение и стать данниками ацтеков [173, с. 83]³⁹.

Приведенные выше конкретные примеры военной политики Теночтитлана и тлатоани Итцкоатля, конечно, не исчерпывают всех завоеваний. Примерно в то же время был подчинен г. Мишчик на южном побережье Мексиканских озер [201, с. 12]. Некоторые исследователи склонны ограничивать завоевания Итцкоатля и Несауалькойотля Мексиканской долиной [251, с. 41], а

покорение территорий за пределами ее связывают с последующими правителями, прежде всего ацтекскими [70, с. 378]. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой уже при Итцкоатле ацтеки расширили свое влияние на юг и юго-запад от Мексиканской долины, захватив большую часть современного штата Морелос с г. Куэрнавакой [173, с. 84-87]. Это была первая завоеванная территория за пределами Мексиканской долины. Куэрнавака — испанское название, а до Конкисты город назывался Куаунауак. Он был центром раннего государства, занимавшего до 40% территории нынешнего штата Морелос в его западной части. Это был богатый, плодородный район, где выращивали помимо всего прочего хлопок, который не рос в Мексиканской долине [367, с. 42-43]. Там добывали известняк, используемый в строительстве (главным образом храмовом), глину для производства керамики [342, с. 51]. Он считался крупным торговым районом [367, с. 42-43]. С ним народы Мексиканской долины, в частности ацтеки, издавна имели связи, в том числе по линии междинастических браков. Около 1438 г. Куаунауак-Куэрнавака был включен в сферу влияния Теночтитлана. Кажется несколько странным столь быстрый захват такого большого по тем временам государства, однако практика того периода свидетельствует, что завоевывать более или менее централизованные государства было проще, чем небольшие воинственные объединения малых поселений и городов (см. [366, с. 73- 76; 367, с. 40-43]). Кстати, в случае с Куаунауаком, как и в некоторых других, тескоканские источники главные успехи приписывают не ацтекам, а Несауалькойотлю, причем ее завоевание относят к 1433 г. [47, с. 154].

Такой разницей не случаен. Дело в том, что все эти и другие завоевания велись сложившимся на волне борьбы с Аскапотсалько так называемым Тройственным союзом (Тройственным альянсом). Как и во многих иных случаях, точная дата его образования неизвестна. В источниках называются разные годы — 1430, 1431, 1433 и 1434-й. Поэтому, наверное, правильнее будет говорить о первой половине 30-х годов XV в.

Тройственный союз — объединение трех государственных и политических сил — Теночтитлана (включая и г. Тлателолько), Тескоко и Тлакопана, ставшего прибежищем уцелевших сил тепанеков. Персональными учредителями союза были правители Итцкоатль (Теночтитлан), Несауалькойотль (Тескоко), Тотокиуатцин (Тлакопан) [228, с. 153-154]. Этот союз сыграл в дальнейшем огромную роль в истории Центральной Мексики, в создании сильного ацтекского государства.

Существуют различные версии того, как складывался этот альянс. Согласно Ф.А.М.Чимальпаину, правитель Тлакопана сам прибыл в Теночтитлан и был признан членом союза (см. [222, с. 28-29]). Это похоже на правду, хотя бы потому, что Аскапотсалько был разгромлен, а уцелевшие тепанеки вынуждены были пойти на соглашение с победителями, перенеся столицу из Аскапотсалько в Тлакопан. По другим данным, Тлакопан был принят в союз потому, что этот город, небольшой сам по себе и не имевший стратегического значения, остался во время войны с Аскапотсалько либо нейтральным, либо солидаризировался с ацтеками и их союзниками [327, с. 111], поскольку, как дипломатично сообщал один из тескоканских источников, тлакопанцы «испытывали симпатию» к Тескоко и Теночтитлану [228, с. 151].

Совсем по другому обстояли дела с Тескоко и его правителем Несауалькойотлем. В ацтекских источниках приводится хотя и разная по сюжетам, но единая по настрою версия оформления союза с Тескоко. Согласно одному из вариантов, незадолго до смерти Итцкоатль направил послов в Тескоко к Несауалькойотлю и призвал его и его потомков никогда не воевать с ацтеками, поскольку они «родственники» и «друзья». По его же приказу якобы с тех пор правитель Тескоко значился вторым по значению человеком в Тройственном союзе, в то время как третьим должен был считаться правитель Тлакопана [173, с. 86-87]. Сохранилась еще одна любопытная деталь: была проведена якобы «мнимая война» между ацтеками и тескоканцами, в результате которой правитель Тескоко символически был побежден ацтеками и стал союзником [31, с. 346-347; 228, с. 161-165]. Таким образом, в ацтекском варианте история оформления союзных отношений с Тескоко и Несауалькойотлем выглядит достаточно идиллично.

Это противоречит тому, что сообщала тескоканская сторона. Во всяком случае, согласно версии, сохранившейся в работе историка Ф.А.Иштльишочитля, когда победители Аскапотсалько делили сферы влияния в Мексиканской долине, то первоначально у Тескоко и Теночтитлана было равное положение. Однако позднее правитель Теночтитлана якобы потребовал себе больше прав.

Возник конфликт, в ходе которого Несауалькойотль даже предпринял поход на Теночтитлан. Потерпев поражение, Итцкоатль отказался от своих претензий [228, с. 161-165]. Тескоко сохранил свое положение и в дальнейшем в течение долгого времени имел те же права в союзе, что и ацтеки. Какая из версий верна: ацтекская или тескоканская? По нашему мнению, столкновение между бывшими союзниками по борьбе с Аскапотсалько не так уж невероятно, особенно при разделе сфер влияния.

Тройственный союз — объединение неравных в политическом, военном, экономическом и культурном отношении сил. Так, при разделе добычи, дани и иных плодов совместных завоеваний Теночтитлан, Тескоко и Тлакопан получали доли в отношении соответственно 2:2:1 [389, т. 1, с. 175]. Различались соответственно и обязанности в военной области: Тлакопану принадлежала в союзе вторичная роль, и он выполнял главным образом интендантские функции. В политическом плане Тескоко и Теночтитлан строили свои отношения на равных (хотя позже, как увидим, Теночтитлан стал ведущим), а Тлакопан с самого начала оказался под контролем Теночтитлана, который постоянно вмешивался в его внутренние дела. И в культурном отношении их роль была различной: по определению одного из исследователей, если Тескоко был своего рода Афинами древней Мексики, то Теночтитлан — Римом (в смысле вторичности и заимствованности культуры от Тескоко), а о Тлакопане вообще трудно сказать что-нибудь подобное. С самого начала образования Тройственного союза территориально сферы влияния и интересов трех городов-государств делились следующим образом: Тлакопану отводилась западная часть Мексиканской долины (где когда-то господствовал Аскапотсалько), Теночтитлан властвовал на территории ее севера и юга, Тескоко распоряжался в восточной части долины. Это определило, кстати, и первоначальные направления их завоеваний: Итцкоатль направлял свои удары на юг, запад и восток, а Тескоко — на восток.

Вокруг трех основных членов Тройственного союза группировались другие, менее значительные города-государства Мексиканской долины, в результате чего первоначально он был довольно аморфным. К примеру, г. Уэшотла, который занял сторону сил, образовавших позднее Тройственный союз, с 1430 г. числился в его составе. Однако фактически Тройственный союз — это все-таки прежде всего Теночтитлан, Тескоко и Тлакопан.

К 1434 г. Мексиканскую долину в основном контролировал Тройственный союз, однако на юге ее в важном районе чинампового земледелия сложилась федерация городов, известная как Чалько-Амекамекан. Тенанки, или чальки, составляли седьмую группу чичимеков, переселившихся в Мексиканскую долину. Они появились там раньше ацтеков и были, как уже отмечалось, во вражде с ними еще со времени происшествия в Чапультепеке, хотя иногда их отношения несколько смягчались. В состав федерации (или конфедерации) чальков входили г. Чалько (располагавшийся на берегу оз. Чалько) и города Тлалманалько и Амекамекан, находившиеся в некотором отдалении от озера. Всем им были подконтрольны в общей сложности 10 поселений (по другим данным, 13 или даже 25). Чалько и Амекамекан, как самые крупные из членов конфедерации, дали ей название. Столицей считался Амекамекан (совр. Сакраменто), удобно располагавшийся у подножия двух вулканов, что затрудняло нападение на него. Амекамекан славился богатым рынком. При наследнике Итцкоатля произошло столкновение с этой политической, экономической и военной силой на юге Мексиканской долины.

В восточных, сопредельных с Мексиканской долиной районах постепенно формировались еще два будущих противника Тройственного союза — города-государства Тлашкала и Уэшотцинко, уже упоминавшиеся коротко в связи с историей Тескоко и Аскапотсалько.

Тлашкальцы (тласкальцы, тлашкальтеки) состояли из народов отоми и науа (последние, как отмечалось, родственны ацтекам и тескоканцам). Согласно тлашкальским «теомоштли» («божественным книгам о происхождении»), они также были выходцами из Чикомосток («Семи пещер»), прошли через тяжелые скитания (как и ацтеки). Им, как и другим чичимекам, их племенной бог Камаштли (Самаштли, Самаштле) обещал «страну счастья». В теомоштли утверждается, что по крайней мере за 400 лет до прихода испанцев тлашкальцы уже жили в Мексике [173, с. 9-13; 212, т. 3, с. 178; 288, с. 147; 306, с. 45, 74 и др.], придя туда с северо-запада. В период странствий и переселений особо почитаемыми реликвиями у них были две стрелы (что можно рассматривать как свидетельство их изначально охотничьего образа жизни). Тлашкальцы появились на востоке от Мексиканских озер в XIII в. и двигались с севера на юг, отыскивая подходящие места для поселения. Некоторое время

жили в окрестностях Тенайуки, затем, в год «1. кремень», переехали в район г. Тескоко (точнее, в Пойаутлан, на юг от Коатлинчана). Однако там у новоприбывших начались конфликты с жителями г. Тескоко, в результате чего они, потерпев поражение, должны были опять искать новое место для поселения. Спустя некоторое время они обосновались на территории, соответствующей современному штату Тласкала, где основали поселение Тепетикпак (ацт. «На вершине горы»). Это произошло почти одновременно с основанием Теночтитлана. Тем самым было положено начало раннему государству, известному позднее по источникам как «республика Тлашкала (Тласкала)» [159, с. 22-24; 232, с. 107; 288, с. 147; 306, с. 55-58].

Несколько позднее часть жителей Тлашкалы отселилась, образовав новое поселение Осетелолко (на север от совр. г. Тласкалы). Оно быстро стало самым большим и развитым, с самым богатым в области рынком, отчасти потому, что вместе там поселилась и часть жителей г. Чолула (разгромленного, как отмечалось, в 1359 г.), которые принесли с собой древние традиции хозяйства, ремесла, культуры⁴⁰. Впоследствии из Осетелолко, в свою очередь, отселилась одна группа его жителей, выразивших неудовлетворение своим положением. Они основали третью «сеньорию» — Тисатлан. Наконец, в состав Тлашкалы входил и Киауицтлан. Вокруг этих четырех важнейших центров группировались около 30 более мелких поселений. Все они составили «республику Тлашкалу», как ее иногда, следуя некритически за источниками, называют некоторые авторы [159, с. 29, 33, 34; 232, с. 107; 306, с. 81, 96, 101; 327, с. 113].

«Республика Тлашкала» с ее четырьмя центрами, известными по хроникам как «города», образовывала компактную территорию (в диаметре около 100 км). Это был земледельческий район, где выращивали самый лучший в Центральной Мексике маис, о чем свидетельствует этимология самого слова «Тлашкала» (ацт. «люди маиса»; другая трактовка — «место тортильи», изображение тортильи, маисовой лепешки, на ладони входило в пиктограмму, передающую название Тлашкалы). Социально-экономические процессы в тлашкальском обществе были сходны с теми, что происходили у других народов Мексиканской долины того периода. Тлашкала из первоначального племенного союза выросла в союз четырех городов-государств, сохранивших значительную автономию. Руководил им совет из вождей (напоминающих ацтекских тлатоани) этих городов. В их компетенцию входило решение военных вопросов, разрешение пограничных споров, регулирование отношений с соседями. В остальных вопросах (прежде всего внутренних) каждый город сохранял самостоятельность. Наиболее влиятельными считались Осетелолко и Тисатлан. Исходя из сказанного, Тлашкалу ошибочно определяют (стремясь противопоставить ее тем городам-государствам, где у власти находились тлатоани) как «республику», а «совет четырех» — как «аристократический сенат» [159, с. 38; 160, с. 59, 64; 232, с. 108].

В плане взаимоотношений с соседями, и прежде всего ацтеками, тлашкальцы обычно характеризуются как народ воинственный и жестокий. Не случайно, наверное, появилось еще одно название их территории — «Тешкаллан» (ацт. «место стен»), чем подчеркивалась неприступность Тлашкалы. Однако на деле тлашкальцы были не более воинственны, чем ацтеки. В период же правления Итцкоатля и несколько ранее именно Тлашкала оказала приют Несауалькойотлю, ее воины участвовали на стороне союзников в их борьбе с Аскапотсалько. Обострение отношений с Тройственным союзом произошло позднее, тлашкальцы стойко боролись с попытками союзников поглотить их конфедерацию, но сразу же после окончания войны с Аскапотсалько они были настроены довольно мирно и благополучно возвратились на свою территорию.

После разгрома Аскапотсалько принимавшие в нем активное участие воины из Уэшотцинко также удалились на родину. Уэшотцинко находился на расстоянии около 30 км от Тлашкалы в долине Пуэблы на склоне горы [152, с. 388]. Уэшотцинки, жители города-государства, созданного в XIV в., принадлежали к аколуга (как и жители г. Тескоко). Со временем уэшотцинки так усилились, что стали представлять опасность для соседних городов-государств. С 1359 г., после разрушения некогда мощной древней Чолулы, располагавшейся несколько южнее, Уэшотцинко стал в этом районе несомненным лидером. В союзе с Тепейакакой Уэшотцинко достиг состояния, позволявшего (и требовавшего) создания, в том числе и путем завоеваний, более обширного государства. Претендовал он, в частности, на земли Тлашкалы (последнее обстоятельство объясняет неоднозначные отношения этих двух городов-государств в будущем). В войне с Аскапотсалько Уэшотцинко, как и Тлашкала, принял сторону будущих членов Тройственного союза. После разгрома Аскапотсалько уэшотцинки,

как уже говорилось, удалились к себе, не продемонстрировав открыто стремления претендовать на плоды победы (вероятно, из-за отсутствия достаточных военных возможностей). Однако усиление ацтеков стало угрожающим. Касалось оно не только Тлашкалы, но и Уэшотцинко.

Как бы то ни было, остается совершенно неоспоримым тот факт, что к концу правления тлатоани Итцкоатля происходят важнейшие изменения в Центральной Мексике. Теночтитлан, Тескоко и Тлакопан создали Тройственный союз, значительно (даже кардинально) повлиявший на исторические судьбы народов древней Мексики. С его образованием начался отсчет новой политической эры. Эпоха неустойчивых союзов и непрерывных местных, локальных войн, которые характеризовали предыдущий период, подошла к концу. Ее сменило господство Тройственного союза — политической структуры, оказавшейся, как увидим ниже, в состоянии выдержать и неудачи, и восстания, и несколько природных катастроф. Рождение Тройственного союза сопровождалось ускорением тенденций в сторону централизации политической власти с центром в Теночтитлане, причем более четко эти процессы стали проявляться незадолго перед Конкистой.

Во внутреннем положении членов самого Тройственного альянса происходили существенные изменения и социально-политического, и экономического, и идеологического свойства. Прежде всего, с падением гегемонии тепанеков Аскапотсалько ацтеки обрели независимость и начали расширение границ своего государства и зоны его влияния. Они достигали этого прежде всего военным путем. Во главе многих военных предприятий данного периода времени стоял тлатоани Итцкоатль. О нем один из источников сообщал, что он завоевал «24 поселения» [267, с. 128]. Он подчинил большинство «племен» Мексиканской долины, часть современного Морелоса (имеется в виду первое завоевание за пределами долины — покорение Куэрнаваки-Куаунауака в западном Морелосе). При нем границы влияния Теночтитлана расширились на север до Метцтитлана (совр. штат Идальго), на юг — до Таско (совр. Ташко в штате Герреро).

В то же время ацтеки-тлателольки вели и самостоятельные военные действия. К примеру, в 1438 г. они завоевали г. Куаутинчан (на юг от Чолулы) [51, с. 124; 231, с. 122; 367, с. 40], положив, таким образом, начало проникновению ацтеков в районы, находившиеся под влиянием Уэшотцинко. Это в конце концов привело к столкновению интересов Теночтитлана и Уэшотцинко, обострению отношений между ними.

При Итцкоатле происходят важные изменения в экономической жизни ацтекского общества. Включение развитого земледельческого юга долины (прежде всего Шочимилько) в сферу влияния Теночтитлана обеспечило его более или менее гарантированными продовольственными ресурсами, что существенно для островного города, ограниченного в возможностях такого рода. Не менее важным по своим последствиям было и подчинение Куэрнаваки. Ее богатые земли обеспечивали ацтеков основной продовольственной культурой — маисом и важнейшей технической (не произрастающей в Мексиканской долине) — хлопком. Кроме того, развитое ремесло, в частности изготовление керамики, смогло обеспечить потребности растущего населения Теночтитлана. Наконец, Куэрнавака издавна была торговым районом, и ее подчинение способствовало более активному вовлечению ацтеков и в эту сферу экономической деятельности. К тому же дань, наложенная ацтеками на Куэрнаваку, заставляла ее жителей для внесения положенного в нужном количестве и ассортименте еще более активизировать торговый обмен.

Серьезные изменения произошли в социально-политической системе ацтекского государства. Победная война с Аскапотсалько — первая завоевательная кампания, в которой ацтеки участвовали как одна из важнейших военных сил региона. Все исследователи, занимающиеся социально-политическими вопросами истории древнеацтекского общества, отмечают важность этой войны для будущего, хотя их оценки не всегда, с нашей точки зрения, корректны. Так, известны утверждения, согласно которым в результате победной войны с Аскапотсалько в древнеацтекском обществе сложилась «феодалная аристократия» [122, с. 13]. Но война в самом деле привела к изменениям в социальной структуре ацтекского общества, поскольку впервые в руки ацтеков попала земля, определенную долю урожая которой они, как победители, могли распределить среди отличившихся (о чем подробно говорится в некоторых источниках) [173, с. 69-70; 384, с. 57].

Кроме того, с именем Итцкоатля, следуя за хрониками, большинство исследователей связывают появление «института знатности» в древнеацтекском обществе. Действительно, в источниках сообщается об учреждении в его время «21 титула знатности» [173, с. 70 — 72], хотя нет

точных данных о том, как эти титулы передавались (за исключением трех или четырех высших титулов). Появление «титулов знатности» было связано с необходимостью закрепления привилегий, не только родовых, но и тех, что возникли в результате появления нового механизма обогащения верхушки общества — получения земли (точнее, определенной доли урожая с нее) как вознаграждения за военные заслуги. Некоторые исследователи полагают, что исходной точкой для последнего послужили первые захваты за пределами Мексиканской долины — завоевание в 1438 г. Куэрнаваки [366, с. 73]. Считается также, что после падения Аскапотсалько и начала возвышения ацтекской верхушки сложились социальные условия и для появления безземельных в разных районах, подконтрольных ацтекам и Тройственному союзу вообще [118, с. 133]. Этому могли способствовать также периодически неурожайные годы. Так, сильный голод был при Итцкоатле в год «7. кролик» [37, с. 49].

При Итцкоатле значительно укрепилась власть тлатоани, чему отчасти способствовала сама личность вождя, который организовал выступление против тепанекской зависимости и привел ацтеков к победе. Его правление начинается так называемую Позднюю династическую фазу в политическом развитии ацтеков. Существо политической структуры древнеацтекского общества при Итцкоатле определяется по-разному в источниках раннеколониального периода. Одни связывают с его правлением начало «ацтекской империи» [396, с. 44], другие, напротив, истоки «республики» и зачин ее будущей славы [173, с. 84]. Это, конечно, крайности. Для того чтобы понять, что же происходило в действительности, следует рассмотреть роль тлатоани в данный период. В то время, как и при первом тлатоани, Акамапичтли, власть вождя не передавалась по наследству. Действовал своеобразный механизм выборности. Однако по сравнению с Ранним династическим периодом (связанным с именами Акамапичтли, Уитсилиуитля, Чимальпопоки) при Итцкоатле происходят серьезные изменения. До 1426 г., т.е. до начала войны с Аскапотсалько и прихода к власти Итцкоатля, власть тлатоани опиралась на традиционных лидеров, родовых старейшин и вождей, без согласия которых невозможно было принятие каких-либо важных решений. Но с 1426 г. (накануне выступления против Аскапотсалько) сложившаяся в Теночтитлане группировка высших военачальников во главе с Итцкоатлем, Тлакаэлем и Мотекусомой захватила контроль над государственным аппаратом, заставив старейшин покориться. Как конкретно была достигнута эта победа над бастионом традиционных структур, при сегодняшнем уровне знания сказать трудно, хотя описанные выше обстоятельства прихода к власти тлатоани Итцкоатля достаточно красноречивы. Весьма примечательно и еще одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что, укрепив свою власть, Итцкоатль приказал сжечь старые рукописи и заново переписать историю ацтеков, поскольку прежние кодексы, как считали он и его окружение, содержали «ложь» [182, с. 133]. Подобной «реформой истории» Итцкоатль, возможно, хотел уничтожить или хотя бы ослабить память о том времени, когда традиционные лидеры, родовая знать играли ведущую роль в древнеацтекском обществе. Вероятно, именно поэтому появились пробелы при описании ранних периодов истории ацтеков.

Однако несомненно, что если Акамапичтли, первого тлатоани, избирали старейшины (вероятно, лидеры основных общин и родов), то теперь, с усложнением социально-экономической структуры, появился особый верховный совет (Совет четырех), который и выбирал нового тлатоани. Входившие в состав Совета четырех не только были носителями высших титулов, но и обязательно должны быть братьями или родственниками тлатоани. Поскольку вопрос о системе наследования и характере власти будет рассматриваться ниже, скажем лишь, что новый тлатоани избирался не только четверьмя членами совета, но и чаще из их числа. В то же время была заложена практика наследования поста тлатоани его братьями, лишь после их смерти наступал черед сыновей. Таким образом, в то время складывалась система, когда властью распоряжалась фактически особая группа в верхушке общества, которая, однако, как увидим, не навсегда завоевала такие позиции: к кануну Конкисты она в основном потеряет решающее влияние на функционирование государственных структур.

К эпохе Итцкоатля относится и начало важнейших идеологических изменений и нововведений. Правда, они обычно связываются с именем его соратника, легендарного Тлакаэля, и не без основания определяются иногда как идеологический переворот. Действительно, борьба за возвышение ацтеков должна была привести к формированию их собственной военно-политической и

военно-религиозной доктрины, способной конкурировать с наиболее сильными тогда религиозными идеологиями. Самыми почитаемыми в Мексиканской долине были, как уже неоднократно упоминалось, религиозные представления, восходившие к тольтекам и основанные на культе бога и культурного героя Кетсалькоатля, практически единственного из множества богов, не требовавшего (если судить по утверждениям источников) кровавых жертв. Молодой тогда еще Тлакаэзель противопоставил этому культу (не отвергая, впрочем, его) культ племенного бога ацтеков Уитсилопочтли, а с ним вместе и идею, согласно которой ацтеки — единственный народ, способный спасти пятое Солнце от гибели и, значит, являющийся народом, судьбой поставленным над всеми другими. Не случайно в дальнейшем всякий тлатоани обязан был уделять особое внимание культу Уитсилопочтли, а строительство и обновление его храма в Теночтитлане становилось важнейшим долгом и делом всего его времени правления. Делал это и Итцкоатль [173, с. 84]. С его времени идет традиция увековечивать тлатоани с помощью специальных изображений. Во всяком случае, есть сообщение, что он был первым правителем, приказавшим, чтобы «образы» предшествовавших ему тлатоани были запечатлены в камне [173, с. 84]. Позднее эта практика переросла в традицию обожествления тлатоани.

Согласно некоторым источникам, Итцкоатль находился у власти 13 лет [219, с. 56; 267, с. 128] и умер в 1440г.⁴¹ [173, с. 84; 228, 0. 201]. Погребальный ритуал и траур по нему продолжались в течение 80 дней, хотя, как отмечает один из раннеколониальных историков, в те времена похоронные церемонии еще не приобрели той грандиозности, какую они имели позже [173, с. 84]. В целом правление Итцкоатля занимает важное место в истории древнеацтекского государства, является этапным в социальном, политическом и идеологическом отношении. При нем связи ацтеков с внешним миром расширились и укрепились. И хотя строились они на силе оружия, немаловажную роль играла и его политика в рамках Тройственного союза, одним из создателей которого он был.

Мотекусوما I Старший: завоеватель и реформатор

Преемником Итцкоатля, новым ацтекским тлатоани стал Мотекусوما (ацт. «грозный», «суровый») (см. рис. 13). Случилось это в год «13. кремень». Он был внуком Акамапичтли, сыном Уитсилиуитля, племянником Итцкоатля и сводным братом Тлакаэзеля [37, с. 38; 137, т. 1, с. 31; 267, с. 128; 288, с. 150; 305, с. 196; 396, с. 99].

Как это часто бывает в приводимых источниками биографиях выдающихся личностей, его рождение окутано легендой. Согласно романтической истории, мать Мотекусома была дочерью правителя Куэрнаваки — Куаунауаки, который ревностно охранял девушку от всяческих ухаживаний. Однажды Уитсилиуитль, правитель ацтеков, выстрелил из лука, и его стрела, улетев очень далеко, спустилась прямо на руки девушки. Разыскивая свою стрелу, украшенную драгоценными камнями, Уитсилиуитль увидел девушку, которая некоторое время спустя стала его женой⁴². В действительности, как уже говорилось выше, при рассказе о правлении Уитсилиуитля, Чимальпопки и Итцкоатля, Куэрнавака была под контролем сначала Аскапотсалько, а затем и Тройственного союза. Мотекусوما во время прихода к власти Чимальпопки, его брата, был его конкурентом, однако тогда ацтеки предпочли внука тогда еще могущественного тлатоани Аскапотсалько внуку хотя и уважаемого, но побежденного правителя Куэрнаваки⁴³. Вместе с Итцкоатлем Мотекусوما участвовал в борьбе с Маштлой, а значит, в борьбе за освобождение от власти Аскапотсалько, был причастен к образованию Тройственного союза, входил в состав высшего Совета четырех. Являясь членом последнего, он до вступления во власть носил титул «тлакатекатль» («верховный военачальник») [37, с. 38, 50; 173, с. 87; 220, с. 56]. Так как в истории ацтеков был позднее еще один тлатоани по имени Мотекусوما, правивший к моменту прихода испанцев, то первый из них вошел в историю под именем Мотекусома I Старшего (1440-1469)⁴⁴. При нем велось много военных действий, что дало повод одному из исследователей назвать его Тутмосом III ацтекской истории [399, с. 98]. Видимо, поэтому он получил прозвище «Илуикамина» (ацт. «бросающий стрелу в небо»; стрела, направленная в небо, — это пиктограмма, обозначающая Мотекусому I по всем пиктографическим рукописям; см., например, рис. 13). Кстати, возможно, именно она и послужила поводом для появления красивой легенды, о которой речь шла выше⁴⁵. Если допустить, что Мотекусوما действительно родился в 1398

г. («10. кролик»), как об этом сообщается в источнике [173, с. 93]), то власть он получил в достаточно зрелом возрасте — ему было в то время более 40 лет. Кстати, живший и действовавший одновременно с ним на исторической арене не менее знаменитый правитель г. Тескоко Несауалькойотль был на четыре года моложе его⁴⁶.

Среди наиболее серьезных противников Мотекусома I в Мексиканской долине была уже упоминавшаяся конфедерация Чалько-Амекамекан, чьи плодородные земли, в том числе и орошаемые, вызывали зависть еще Аскапотсалько, предшественника Теночтитлана. Около 1446 г. ацтеки начали военные действия против конфедерации. Повод для открытого столкновения с чальками возник в связи с началом строительства нового храма Уитсилопочтли. Мотекусома I созвал правителей союзных и подчиненных ему городов и приказал поставить необходимый для этого строительный материал, прежде всего камень и дерево. Он как будто обратился и к чалькам с просьбой разрешить взять у них камень для изготовления скульптур и украшения храма. Отказ Чалько ацтеки восприняли как оскорбление и подходящий повод для начала войны.

Она была длительной, отдельные ее эпизоды сохранила официальная ацтекская история. Так, она с гордостью сообщает, что во время одной из битв ацтеки во главе с бессменным Тлакаэллеом захватили несколько сот чальков, которых затем принесли якобы в жертву. Правда, не скрывает она и ацтекских потерь, в частности того, что эта длительная и кровопролитная война унесла жизнь и троих братьев самого тлатоани. В ацтекофильских источниках подробно рассказывается об одном знатном юноше-ацтеке, продемонстрировавшем во время войны лучшие качества воина. Однажды он с группой других воинов попал в плен. Узнав, что пленник — родственник тлатоани Теночтитлана, чальки решили освободить его и сделать своим правителем. Однако, согласно военно-религиозным нормам и ацтекскому кодексу чести, воин должен либо погибнуть в бою, либо победить, захватив в плен врага, и принять такое предложение пленный ацтекский воин не мог. Юноша предпочел смерть и во время сложно-то религиозного ритуала, обманув чальков, бросился с вершины храмовой пирамиды. Этим поступком пленника, его мужеством чальки были обеспокоены, хотя остальных пленных ацтеков все же принесли в жертву. Их привязали к столбам и поразили стрелами, стараясь сразу попасть в сердце, чтобы несчастные жертвы не мучились. Считалось, что кровь жертв, обильно стекавшая на землю, орошала ее подобно благодатному дождю и повышала ее плодородие⁴⁷. По завершении этой кровавой церемонии, как сообщают источники, чальки услышали крик совы, что считалось дурным предзнаменованием. И действительно, в последовавшей затем битве с ацтеками чальки потерпели поражение [173, с. 91-98; 212, т. 4, с. 114; 384, с. 83-99].

Это сражение было не последним, противоборство чальков и ацтеков, с которого началось правление Мотекусома I, как уже говорилось, было затяжным, оно продолжалось и тогда, когда ряд районов был покорен ацтеками.

В ходе войны с чальками ацтекам приходилось решать и другие задачи. Так, жители г. Тепеака (совр. Тепеака, штат Пуэбла) убили многих ацтеков и тескоканцев, прибывших туда торговать, и выбросили их тела диким зверям. Этот город был поставлен ацтеками под контроль ранее, поэтому описанные события представляли собой не что иное, как восстание. Для Тройственного союза контроль над Тепеакой был важен, так как она находилась на пути, ведущем в тропики и на побережье Мексиканского залива. В результате последовавшей карательной экспедиции этот город, а также выразившие ему Поддержку города Куаутинчан, Теккали и Акатцинко были приведены к покорности и сурово наказаны: их частично разрушили, причитающаяся с них дань была увеличена вдвое. Подобная мера в дальнейшем обычно применялась по отношению ко всем бунтовавшим и восставшим народам. Кроме того, вожди и знать Тепеаки направились к Мотекусома I и в его присутствии исполнили особый древний обряд «поедания земли», закреплявший их зависимое от Теночтитлана положение (в ходе обряда исполнявшие его касались пальцем сначала земли, а затем губ, клянясь в верности, таким образом, землей; подробнее см. гл. 4). Такая церемония проводилась в дальнейшем всякий раз, когда усмирялось то или иное восстание [173, с. 99-100; 384, с. 100-104].

Первая половина правления Мотекусома I была отмечена стихийными бедствиями, ставшими серьезным испытанием для его государства. В 1446 г. («6. кролик») произошло нашествие саранчи [138, с. 451]. Через несколько лет, в 1450 г., случилось событие, для этих мест достаточно редкое, — выпал снег, столь обильный, что своей тяжестью разрушал жилища и ломал деревья [173, с. 147; 228, с. 205]. По другим версиям, холода и заморозки, уничтожившие посевы, продолжались в общей

сложности три года («11. тростник», «12. кремень», «13. дом»), причем в год «13. дом» случилось и землетрясение, разрушившее чинампы, ирригационные сооружения и дома, а за четыре года до этого, в год «10. кролик», озерных рыб и животных поразил мор [219, с. 56].

В 1454 г. Мексиканскую долину охватила «великая засуха». Она, а также все предшествовавшие стихийные бедствия вызвали сильный голод. Мотекусома приказал раздавать пищу голодающим из государственных продовольственных складов, специально созданных для таких экстренных случаев, и временно отменил сбор обязательной дани. Точно так же поступили Несауалькойотль (г. Тескоко) и Тотокиуатцин (г. Тлакопан). Прошел год, запасы кончились, а голод продолжался. Тлатоани уже ничего не мог сделать. Жители стали покидать свои дома, разбредались во всех направлениях в поисках пищи. Очень многие с семьями добровольно отдавались богатым в рабство, чтобы спастись и не умереть с голода [173, с. 147; 219, с. 57; 228, с. 206].

Тяжелым положением жителей Тройственного союза воспользовались тотонаки, народ, с VI в. занимавший побережье Мексиканского залива в районе современных штатов Веракрус, Табаско и Пуэбла. Этот район — благодатная область для сельского хозяйства. Тотонаки были хорошими земледельцами, возделывающими наряду с прочими культурами также маниоку и батат. У них, как и у миштеков, не сложилось единое сравнительно крупное государство, политически они делились на ряд владений. Зачатки объединения только складывались (в горных районах Сакатлана) [187, с. 8]. Важнейшими центрами тотонаков были города Семпоала и Тахин⁴⁸. Между прочим, именно с их территории позднее испанцы начали завоевание ацтекского государства.

Пользуясь голодом в Тройственном союзе, тотонаки, собравшие хороший урожай, начали за маис покупать в рабство жителей Теночтитлана, Тескоко, Тлакопана, Шочимилько и других городов. На купленных надевали особый рабский ошейник и уводили к их новым хозяевам. Некоторые ацтеки пытались переселиться в тотонакские районы. Изголодавшиеся люди продавались не только в рабство, но и — с целью спасти хоть часть семьи — продавали самих себя жрецам для принесения в жертву (чтобы умиловить природу). По утверждению одного из источников, в одном месте таким образом было принесено в жертву 10 несчастных, в другом — 20. Голод и различные несчастья продолжались до 1455 г. («2. тростник») — года, завершавшего очередное 52-летие, когда пошли обильные дожди, благодаря которым был собран хороший урожай [173, гл. 30; 219, с. 57; 228, с. 205-206; 251, т. 2, с. 283].

Голод и стихийные бедствия только приостановили завоевательную политику Мотекусома I. Новые народы и города вовлекались в орбиту влияния и власти ацтекского государства. Главными направлениями завоеваний этого тлатоани стали восточное (в сторону Мексиканского залива) и южное (в сторону совр. штатов Герреро и Оахака).

На востоке легкой добычей военных завоеваний Мотекусома I считал хуастеков и тотонаков, населявших земли, прилежавшие к побережью Мексиканского залива.

Хуастеки (уастеки) жили в тропиках, в достаточной близости к морю, на стыке современных штатов Веракрус, Сан Луис Потоси и Тамаулипас, и были северными соседями тотонаков. Хуастеки лингвистически родственны майя Юкатана, но тотонаки отрезали их от остальных майя, поэтому они не принимали участия в создании знаменитой культуры древней Мексики [158, с. 1; 183, с. 86; 277, с. 34]. Культура и история хуастеков к настоящему времени изучены недостаточно. При раскопках в хуастекских районах обнаружена керамика, которая может быть разделена на типы, последовательно Демонстрирующие сходство с культурами Мексики разных периодов — от доклассических майя до ацтеков Теночтитлана [277, с. 34]. Высказывалось мнение, что круглые храмовые строения Послеклассического периода, связанные с культом бога Кетцалькоатля в его ипостаси бога ветра (на что намекала их обтекаемая, мягкая форма), берут свое начало у хуастеков, где его почитание якобы и зародилось [183, с. 87].

Экономика у этого народа основывалась, как и у ацтеков, прежде всего на возделывании маиса, бобов, перца, но культивировали они также ваниль, хлопок, какао и другие тропические культуры. Добывали хуастеки и морепродукты, недоступные тем, кто жил в глубине материка, в Мексиканской долине. Ацтеки рассматривали этот район как своего рода «сад Эдема» и называли его Тонакатлалпан (ацт. «Место нашей плоти»), но в то же время самих хуастеков считали людьми аморальными — похотливыми и склонными к пьянству. Независимо от последнего следует признать,

что объективно хуастеки к моменту Конкисты действительно были менее развитым народом, чем ацтеки. Их боялись из-за свирепости и смелости [351, т. 3, с. 202 -204]⁴⁹.

Надо сказать, что в 1450 г. Несауалькойотль, правитель г. Тескоко и один из лидеров Тройственного союза, предпринял поход в направлении Атлантического побережья, и ему удалось как бы вбить клин между хуастеками и тотонаками, лишив их, таким образом, возможности к объединению⁵⁰. Все, казалось, складывалось удачно для Тройственного союза, однако именно в это время начались те стихийные бедствия, о которых говорилось выше.

Однажды в Теночтитлан пришло сообщение, что хуастеки убили ацтекских купцов, которые пришли к ним торговать. Это было нарушением общепризнанных норм, обязывавших не причинять вреда торговцам. Как сообщается в источнике, совершая это преступление, хуастеки понимали, что ацтеки неизбежно попытаются с ними рассчитаться, поэтому стали готовиться к войне и окружили свои поселения оборонительными сооружениями. Для похода на хуастеков Мотекусомы и его советник и полководец Тлакаэзель собрали армию, куда вошли кроме ацтеков и воины союзных земель и городов-данников. Кампания против хуастеков примечательна тем, что впервые ацтеки воевали за пределами Мексиканской долины с народом, не родственным им, отличающимся обычаями, религией, системой ведения военных действий и т.п. Одна из первых битв состоялась в районе г. Туллансинго. В ее ходе каждая из сторон продемонстрировала свои военные приемы. Так, хуастеки пытались устрашить противника, устроив невообразимый шум с помощью специальных трещоток, которые были прикреплены у воинов на спине; ацтеки же прибегли к древней военной хитрости — засаде: спрятавшись в чаще, они неожиданно возникли перед противником, сумели завладеть инициативой, что и обеспечило им победу. В источнике говорится, что ацтеки, как победители, сначала хотели «стереть с лица земли» хуастеков, но затем смирились, так как последние согласились выплатить дань. В действительности же в столкновении принимала участие только часть хуастеков. Теночтитлану так и не удалось окончательно покорить весь этот народ. Крепким орешком оказались они позднее и для испанских конкистадоров. Тем не менее воины Теночтитлана в тот раз дошли до Аулисапана (совр. Орисаба) и до берегов Мексиканского залива [160, с. 76; 173, с. 107; 384, с. 109-121].

Победоносное ацтекское войско возвращалось с толпой хуастекских пленников, которые, как сообщается в источнике, плакали, потому что знали, что их принесут в жертву ацтекским богам. До этой церемонии по приказу Тлакаэзеля пленников разделили между общинами-кварталами Теночтитлана, чтобы их хорошо содержали и охраняли, пока до них не дойдет очередь. По преданию, кровавые жертвоприношения и разнообразные ритуалы продолжались 20 дней [173, с. 108-113; 384, с. 114-119].

Полагая (если придерживаться духа источников), что столь кровавым жертвоприношением они «напугали весь мир», ацтеки отправили послов в тотонакский район Куэтлаштлу (совр. Коташтла в штате Веракрус), центром которого был г. Семпоала. Передав подарки от тлатоани Мотекусомы I, послы сообщили о его пожелании: Куэтлаштла должна поставить в Теночтитлан для культовых целей морские раковины, панцири черепах и другие дары моря. Присутствовавшие на проходившем в то время в Семпоале очередном празднике в качестве гостей представители Тлашкалы, возмущенные домогательствами Теночтитлана, посоветовали тотонакам не только отказать ацтекам, но и убить их послов, что и было сделано. Лишь два человека избежали гибели и сообщили обо всем Мотекусоме, который приказал выступить в поход на Куэтлаштлу. Когда там узнали о приближении ацтеков, то попросили помощи у тлашкальцев, обещавших ее ранее, однако последние не сдержали обещание. Последовала жестокая битва, в которой ацтеки победили, взяв в плен много воинов, которые потом были использованы для ритуальных жертвоприношений. На побежденных была наложена тяжелая дань. Кроме того, Мотекусомы I и Тлакаэзель решили направить правителем в Куэтлаштлу ацтека, и выбор свой остановили на «принце» (т.е. представителе семьи древнеацтекского тлатоани) Пинотле. Он вместе со своими домочадцами отправился в Куэтлаштлу, где помимо прочего следил за сбором и отправкой в Теночтитлан каждые 80 дней назначенной дани [173, с. 113-117; 384, с. 122-130].

Эпоха Мотекусомы I связана с еще одним очень крупным военным предприятием — войнами на юге с миштеками и сапотеками.

В Центральной Мексике следы миштеков и миштекской культуры прослеживаются с VII в., однако только с XII в., после контакта с тольтекской культурой, она получила подлинный импульс к

развитию. Миштеки не создали единого сильного государства, их города-государства образовали конфедерацию, располагавшуюся на территории современного штата Оахака, на юго-восток от Мексиканской Долины. Миштекская конфедерация, известная также как Миштекапан («Страна миштеков»), была одной из самых высокоразвитых цивилизаций Месоамерики. Миштеки не оставили выдающихся архитектурных памятников, но от них дошли, пожалуй, лучшие в древней Центральной Мексике золотые изделия, так как Оахака наряду с районом Герреро была основным золотодобывающим регионом. Они создателями знаменитого пиктографического письма, повлиявшего на ацтекскую пиктографику. Именно им, как полагают некоторые ученые, принадлежат семь из шестнадцати доколумбовых пиктографических рукописей. Нет, таким образом, сомнения, что влияние миштеков в Месоамерике было исключительно велико, особенно в ближайших к ним районах, в Веракрусе и Пуэбле⁵¹.

Миштеки часто конфликтовали с сапотекками (сапотекская группа языков), также жившими в Оахаке. Из 13 индейских народов и племен, населявших центр, юг и юго-восток Оахаки к моменту прихода испанцев, сапотеки были одним из самых развитых. Первоначально важнейшим сапотекским центром был г. Монте-Албан (недалеко от г. Оахаки), хорошо ныне изученный. Затем Монте-Албан стал главным образом религиозным центром (и для соседей — миштеков). Сапотеки создали свое государство, называвшееся в ацтекских источниках Сапотеккапан («Страна сапотеков»). Столицей его стал г. Саахил-Йоо (у совр. деревни Саахила в районе г. Оахака), основанный около 1390 г. и известный также под ацтекским названием Теосапотлан. Сапотеки распространили свое влияние до перешейка Теуантепек (Теуантепек) и поставили под контроль его население — племена соке и хуаве (уаве). Происходило это как раз в то время, когда ацтеки только прибыли в Мексиканскую долину⁵².

Мотекусума I начал экспансию в миштеко-сапотекский район, используя, что примечательно, конфликты, которые возникали там между разными народами. Некоторые исследователи считают, что она началась в 1457 г., т.е. после «великого голода».

На первых порах события связаны с г. Коаиштлауака (испанцы называли его Куиштлауака, штат Оахака). Он был одним из крупнейших городов-государств миштекской конфедерации. Его правитель взимал дань с близлежащих покоренных территорий. Город был знаменит большим и богатым рынком, куда стекались торговцы с разных районов Мексики; он считался также важным пунктом на пути из Оахаки далее на юг и юго-восток. Опасаясь экспансии ацтеков и пытаясь запугать их, правитель Коаиштлауаки в один из торговых дней приказал убить ацтекских купцов, как только они выйдут из города. Приказ был выполнен, лишь немногим купцам-ацтекам удалось спастись и сообщить в Теночтитлан о случившемся. Неумелая попытка запугать потенциального противника обернулась законным поводом для начала военных действий. Причины же для конфликта были более глубокие и существенные. Дело в том, что для ацтеков торговля с миштекскими районами была крайне важна, однако, согласно некоторым сообщениям, миштеки не желали допустить конкуренции ацтекских купцов. Более того, они блокировали продвижение ацтекской торговли далее на юг и юго-восток.

Мотекусума I приказал собрать войско, куда вошли воины и союзных, и покоренных городов. Однако его полководец Тлакаэлель уже постарел, и этим походом руководил не он, а другие, более молодые знатные командиры. В пути ацтекским отрядам пришлось преодолеть большие трудности. Им нужно было пройти по территории еще не покоренных народов — чочо и попола (юг штата Пуэбла и север штата Оахака). В источниках они описываются как свирепые и коварные воины. Но ацтекская армия была многочисленной и хорошо вооруженной (по сообщению Д. Дурана, ее составляли 20 тыс. воинов и 5 тыс. носильщиков, по данным АТесосома — соответственно 200 тыс. и 100 тыс., что маловероятно). Как бы то ни было, дойдя до Коаиштлауаки, ацтеки одержали победу. На побежденных была наложена дань, для наблюдения за ее сбором оставлен специальный чиновник [51, с. 124; 160, с. 76; 162, с. 100; 173, с. 117-118; 384, с. 132-136]. Захваченных в бою многочисленных пленных доставили в Теночтитлан, где, как обычно, раздали кварталам-общинам города до времени очередного жертвоприношения.

По случаю празднования большой победы Мотекусума I по совету Тлакаэллея приказал высечь специальный большой камень-алтарь для ритуальных жертвоприношений (темалакатль, ацт. *temalacatl*), часто называемый «Камень Солнца» (ср. рис. 21), так как кровавые жертвоприношения осуществлялись в угоду солнечному божеству. Резчики по камню высекли на его горизонтальной

поверхности стилизованное изображение Солнца с углублением в его центре, куда должна была собираться кровь жертвы. На боковых сторонах этого круглого камня изображены эпизоды войн, которые ацтеки выиграли, как они думали, благодаря помощи Солнца. Темалакатль был водружен на специальную платформу высотой в человеческий рост, по четырем сторонам которой были сделаны лестницы, соответствующие сторонам света (считалось, что чем выше алтарь, тем ближе человек к Солнцу и, значит, быстрее его жертвы и молитвы дойдут до божества). На кровавый спектакль были приглашены правители союзных и покоренных городов. Мотекусума I и Тлакаэлель открыли праздник, с помощью нескольких жрецов принесли в жертву на темалакатле первых несчастных (которым, чтобы хоть немного смягчить ужас смерти и страдания, давали особый пьянящий, наркосодержащий напиток). В долгом и сложном ритуале важнейшим моментом было извлечение из груди жертвы еще живого сердца (символизирующего жизнь), которое под возгласы присутствующих жрецы поднимали вверх, к Солнцу, показывая божеству его «пищу». Кровь стекала по особому желобу на камне в специальный сосуд — куаушикалли (ацт. «орлиная ваза»; орел — один из солнечных символов), куда бросали и сердца (см. рис. 23, 25)⁵³. На страницах исторических источников сохранилось достаточно описаний и изображений этого ритуала, кровавого и отталкивающего (см. рис. 17). Они вполне достоверны, хотя нет никаких оснований верить совершенно чудовищным цифрам количества погибших под ритуальным ножом, которые нередко приводят эти Источники.

Покая во владениях Мотекусома I не было. Вскоре вспыхнуло восстание в ранее покоренных районах тотонаков, прежде всего в Куэтлаштли. Когда в очередной раз ацтекские посланники прибыли туда за данью, ее жители отказались выполнить их требование и устроили над ними изощренную расправу. В помещении, соседнем с тем, где остановились ацтеки, была подожжена куча перца. Обильный дым был настолько ядовитым, что послы задохнулись. В источнике в подробностях описывается (чтобы, видимо, оправдать последовавшие в дальнейшем суровые карательные меры со стороны Теночтитлана), как восставшие осквернили тела задохнувшихся: они через спину извлекли их кишки и обмотали их вокруг шей трупов. Затем трупы послов украсили богатыми одеяниями, усадили их на почетные места, поставили перед ними всякие яства. Понося их и всячески издеваясь, восставшие якобы спрашивали у мертвецов, почему те ничего не едят. Потом они выбросили тела стервятникам и диким зверям.

Узнав о случившемся, Мотекусума I и Тлакаэлель немедленно направили карательную экспедицию. Между тем тлашкальцы, подтолкнувшие тотонаков на восстание, вновь самоустраились, и Куэтлаштли опять осталась предоставленной самой себе. Руководители восстания проявили трусость и при приближении ацтекского войска укрылись в пещерах. Тогда рядовые жители, пытаясь избежать расправы, сами привели и передали ацтекам зачинщиков. Мотекусума I и Тлакаэлель приказали, чтобы тем в наказание перерезали горло, но не спереди, а сзади, подобно тому как они расправились с ацтекскими посланцами. Когда это было сделано, в Куэтлаштли вместо местного был посажен новый, ацтекский по происхождению правитель [162, с. 103; 173, с. 125-127; 384, с. 142-146]. Так был поставлен под более жесткий контроль богатый и плодородный район, ресурсы которого можно было использовать, в частности, для смягчения угрозы голода в случае неурожая или стихийного бедствия.

Между тем на юге, в Оахаке, вновь начались волнения. По сути, всякий раз, когда наступало время сбора дани (что случалось каждые 80 дней), начинались столкновения, при которых гибли как ацтекские сборщики дани, так и неизбежно затем виновники их смерти. Расправа ацтеков с восставшими в Оахаке в итоге привела к значительным опустошениям. По совету постоянного и главного советника Тлакаэллея, указавшего, что нужно воспользоваться плодородной, но оставшейся невозделанной землей, туда были переселены целыми семьями и родами жители разных районов Мексиканской долины. Пример Оахаки свидетельствует, что Теночтитлан не только посылал наместников, но и направлял при необходимости колонистов [173, с. 143; 384, с. 164-165].

После походов в Оахаку Мотекусоме I удалось-таки, несмотря на многие годы упорного сопротивления, покорить Чалысо-Амекамекан. Это произошло, по одним данным, в 1463 г, по другим — в 1465 г. После этого поражения около 16 тыс. жителей Чалько-Амекамекана, по данным Ф.А.М. Чимальяпина, главного историка чальков, ушли в Уэшотцинко. Оставшиеся стали жителями

ацтекского государства. Однако на протяжении всей последующей истории вплоть до испанского завоевания они неоднократно поднимали восстания.

Одним из экономических последствий завоевания Чалько-Амекамекана стало перераспределение местных плодородных земель в пользу ацтекской знати, прежде всего крепнущей военной. Политическим итогом стало перенесение центра этих земель в Тлалманалько. После окончательного падения Чалько-Амекамекана Тройственный союз фактически утвердил свой контроль над всей Мексиканской долиной, поэтому покорение чальков — второе по важности событие в истории этого региона со времени сокрушения гегемонии Аскапотсалько. Завоевание Чалько-Амекамекана означало установление господства ацтеков в важнейшем земледельческом районе, обеспечивавшем Теночтитлан своей продукцией. Открывался и более свободный и безопасный (Путь на юг торговцам Тройственного союза — до Оахаки и далее — в Шоконочко, Точтепек, Шикаланко (см. гл. 2). Как утверждают хроники, были и религиозные последствия. Именно со времени завоевания Чалько-Амекамекана в источниках особенно много говорится о человеческих жертвоприношениях. Считается, что покровителем г. Чалько был бог Тескатлипока (ацт. «Курящееся зеркало»), одновременно бог земли и плодородия, требовавший человеческих жертв. В этом районе, а также в Уэшотцинко и Глашкале были развиты представления о мистической, «священной» роли войны, которые были заимствованы ацтеками и стали основным содержанием их военно-религиозной доктрины: кровь, пролитая на войне, предотвращает гибель Солнца.

Подчинение Чалько-Амекамекана Мотекусомой I быстро привело к открытой вражде Теночтитлана и Уэшотцинко, связанной с территориальными спорами. Особенно обострились они, когда ацтеки без особых проблем подчинили в 1466 г. г. Тепейакак, наиболее близко связанный с уэшотцинками. Затем ацтеки завладели Ауилисапаном (совр. Орисаба), еще плотнее сомкнув кольцо вокруг уэшотцинков. Аналогичная ситуация сложилась и в отношениях с Глашкойлой, которая оказалась окруженной со всех сторон территориями Тройственного союза.

Как и правление Итцкоатля, эпоха Мотекусы I отмечена важными достижениями и изменениями. При нем Тройственный союз продолжил расширение своих границ и сфер влияния (особенно после того, как удалось преодолеть «великий голод»). Войска Мотекусы I впервые достигли берегов обоих океанов, вели боевые операции в Оахаке и Пуэбле. При нем пределы влияния на севере стабилизировались в районе р. Моктесума (по ней ныне проходит граница между штатами Идальго и Керетаро). Такими они остались вплоть до испанского завоевания. И союзник Мотекусы I, правитель Тескоко Несауалькойотль, также расширял подвластные ему территории на севере современного штата Веракрус. В целом, как говорят источники, при Мотекусе I было завоевано «25 городов» и «33 народа».

Неизбежным следствием изменения международного положения Теночтитлана, расширения завоеванных земель стало некоторое изменение системы управления подвластными ему территориями. Обычной практикой было оставлять местных правителей в покоренных районах, но после подавления восстаний туда обычно направлялся уже ацтекский наместник. Более систематический характер приобрел сбор дани — каждые 80 дней (т.е. раз в четыре древнемексиканских месяца). Назначались и специальные сборщики дани. При Мотекусе I отмечены и первые попытки колонизации, в частности в Оахаке.

Благодаря военным успехам Теночтитлан и члены Тройственного союза утвердили свою власть в крупных земледельческих областях тотонаков и чальков, в богатой золотом Оахаке. Это способствовало укреплению экономических основ Тройственного альянса.

Несколько изменилось и положение самого Теночтитлана в структуре Тройственного союза: оно становилось все более доминирующим, хотя более четко это проявилось при последующих тлатоани.

Богатства, приносимые успешными завоеваниями, концентрировались в руках верхушки ацтеков. Активно шел процесс социального расслоения, которое нашло отражение в законодательной и реформаторской деятельности Мотекусы I (правда, о ней известно по источникам раннеколониального периода, но их авторы опирались на информацию доиспанского происхождения).

Больше всего сведений о внедрении Мотекусомой I норм социальной стратификации. В распоряжениях власти фиксировались четкие различия между вождями и воинами, между знатными и

простолюдинами. Каждому было предписано вести себя в соответствии с занимаемым им положением в обществе. Так, если в доме тлатоани были специальные комнаты для знати различного ранга, то простолюдины могли появиться там только в качестве слуг. За нарушение этого правила их ожидала смерть. Только вожди и знать могли носить обувь и одежду из хлопка, простым людям это запрещалось: на их одежду шла грубая ткань из волокон агавы. Оговаривалась также длина одежды, которую должны были носить представители того или иного социального слоя, украшения и т.п. Наряду с воровством наказывались нарушения принятых норм при строительстве жилья. По приказу Мотекусомы при многочисленных храмах, как в Теночтитлане, так и в подконтрольных землях, были открыты школы, где молодежь проходила религиозную и военную подготовку [173, с. 122, 131-132; 384, с. 153-154].

Следует отметить, что тескокский источник (работа знаменитого историка индейского происхождения Ф.А.Иштлильшочитля) приоритет в законодательстве и проведении реформ, о которых речь шла выше, отдает правителю г. Тескоко, союзнику ацтеков Теночтитлана, Несауалькойотлю [227, с. 237-239; 228, гл. 36-38]. Но Ф.А.Иштлильшочитль, потомок этого правителя, настолько явно все положительное в древней культуре выводит из г. Тескоко, а все отрицательное — из Теночтитлана, что его информация вызывает сомнения. Скорее всего, во времена Мотекусомы I и Несауалькойотля Тескоко и Теночтитлан настолько зависели еще друг от друга, что все нововведения их эпохи являлись результатом совместной деятельности обоих лидеров, исходивших, в свою очередь, из местных традиций.

При Мотекусоме I явно начал складываться такой важный элемент восточной деспотии, как обожествление правителя. Тлатоани появлялся на людях только в исключительных случаях: он был доступен ограниченному кругу приближенных, поскольку начали складываться представления о нем как о божестве. Была продолжена возникшая еще при Итцкоатле практика увековечивания образов тлатоани и наиболее важных событий, случившихся при них. Начиная с Мотекусомы I постоянным местом, где это делали, стала скала в районе Чапультепека. Тлатоани приказал высечь на ней собственное изображение и изображение его сподвижника Тлакаэзеля [173, с. 149], второго человека в государстве. Было высечено и обозначение года «I («2. кролик»), когда случился самый страшный голод. Традиция, заложенная Мотекусомой, была продолжена другими ацтекскими тлатоани вплоть до Конкисты. После испанского завоевания эти изображения сначала пощадили, так как они не были напрямую связаны с местной религией, и историк Д.Дуран мог их видеть в 1580 г. Однако позднее, боясь реанимации аборигенных верований, испанцы их разрушили. Частично сохранилось лишь изображение Ауитсотля (предпоследнего из доиспанских ацтекских правителей) на скале Чапультепека [137, т. 1, с. 31; 173, с. 148; 231, с. 126].

Придавая большое значение культу Уитсилопочтли, Мотекусомы I приказал воздвигнуть его новый храм, причем в строительстве приняли участие в разной форме различные народы и города [76, с. 84; 173, с. 140; 212, т. 4, с. 114].

При Мотекусоме I закрепляются важнейшие религиозные ритуалы, не всегда чисто ацтекские по происхождению. Так, считается, что при нем после страшного голода жрецы ввели повсеместно и официально впечатляющую и устрашающую практику человеческих жертвоприношений на особом жертвенном камне — темалакатле. Эти жертвоприношения рассматривались как средство умилостивить богов и выразить им свою благодарность [65, с. 195; 231, с. 123 -124]. Впрочем, так как все боги требовали крови, жертвоприношения в той или иной форме проводились довольно часто.

Со времени Мотекусомы I и Тлакаэзеля была введена особая инаугурационная церемония — «мытьё ног [в крови]» (ацт. *motlatocara*), в ходе которой всякий новый тлатоани, начиная правление, осуществлял кровавые жертвоприношения в честь Уитсилопочтли⁵⁴.

Считается также, что именно при Мотекусоме I было положено начало и особой, специфической военно-религиозной традиции — «священной войне» или «цветочной войне» («войне цветов»). Непосредственным инициатором ее, своего рода крестным отцом считается Тлакаэзель. Согласно официальной версии, ацтеки, по соглашению с Тлашкалой и Уэшотцинко, а также иногда с Чолулой, устраивали особые битвы, получившие такое название. «Цветы» в них символизировали воинов, участвующих в бою. Считалось, что кровь, пролитая в таких битвах (она изображалась, например, в рукописях в виде стилизованного цветка), равносильно крови жертв. Согласно Ф.А.Иштлильшочитлю начало практики таких боев было связано с жестоким голодом, о котором уже

упоминалось. Причиной этой трагедии ацтекские жрецы объявили гнев богов, почти лишившихся из-за прекращения войн своей «пищи» (крови пленников). Правитель г. Тескоко Несауалькойотль якобы безуспешно пытался им возражать. Дабы умиловить богов, и была введена практика «священной войны». По предварительной договоренности в обусловленном месте сходились на бой отряд Тройственного союза и воины Уэшотцинко, Глашкалы и Чолулы, которые объявлялись «врагами дома». По предложению Несауалькойотля эти бои проходили на особом поле между Куаутепеком и Оселотепеком. Впрочем, проводились они и в окрестностях Чолулы, Глашкалы или Уэшотцинко. Сложились и особые правила, по которым совершались эти бои.

Со стороны «врагов дома» инициатива проявлялась в такой последовательности: Глашкала, Уэшотцинко, Чолула. Как у «врагов дома», так и у членов Тройственного союза «война цветов» получила религиозное обоснование. Каждая из сторон проливала кровь противника в честь своих богов: воины Тройственного альянса — во славу Тескатлипоки и Уитсилопочтли, а «враги дома» — во имя Камаштли. Судя по источникам, подобные битвы происходили каждый месяц [228, с. 206-208; 327, с. 113].

Естественно, возникает вопрос: насколько картина, нарисованная в источниках, адекватна реальности? Культовая сторона вполне соответствует установкам того времени, однако процедурная часть вызывает сомнение. По нашему мнению, при всем том, что могло существовать и специальное поле, и специфические правила, действительность была проще. Как уже говорилось, ацтеки и Тройственный союз со времени Итцкоатля начали активные завоевания, которые при Мотекусоме I приобрели невиданные ранее масштабы. Была покорена вся Мексиканская долина, и лишь три города-государства (те самые «враги народа») не только остались вне их власти, но и стояли на пути дальнейших завоеваний на юге и юго-востоке. Столкновения и стычки между ними были непрерывными. Не так уж трудно было позже, оформляя официальную историю и идеологию, представить подобные бои как угодную богам «войну цветов».

Жертвенной считалась кровь, пролитая не только на поле битвы, но и во время особых ритуальных боев с пленными воинами. Взятых в плен привязывали короткой веревкой за одну ногу к жертвенному камню-темалакатлю, установленному перед храмом бога Уитсилопочтли. У него не было никаких защитных доспехов, кроме щита, вооружен он был деревянным палашом (так называемая макана), в котором обсидиановые лезвия, составлявшие его режущую часть, заменялись птичьими перьями (см. рис. 32). На такого безоружного и стесненного в движениях пленного нападали четыре прекрасно вооруженных воина (два «воина-орла» и два «воина-ягуара»). Понятно, что исход такой схватки, представлявшей собой ацтекский вариант гладиаторских боев, был предрешен заранее. Считается, что первое подобное жертвоприношение было совершено в 1458 г. в связи с голодом, а затем стало обычным и даже популярным среди военной знати.

На время правления Мотекусомы I пришлось такое грандиозное для ацтеков событие, как праздник «Нового огня», отмечаемый каждые 52 года. Ранее подобная церемония имела место в 1403 г., когда ацтеки были еще «вассалами» тепанеков Аскапотсалько. Теперь же ацтеки впервые отмечали подобное событие как независимый народ. Сам ритуал связан с уже упоминавшимся представлением о мировых Солнцах (см. рис. 28 — 31) и воспроизводится во многих сохранившихся письменных источниках и пиктографических рукописях.

Считалось, что если в день «4. землетрясение» («4. движение» — см. рис. 24) года «2. тростник», посвященный Солнцу, случится землетрясение или затмение Солнца, то миру придет конец. Поэтому на протяжении четырех дней («1. ягуар», «2. орел», «3. гриф», «4. землетрясение», или «4. движение») ацтеки совершали различного рода ограничительные ритуалы и посты. «Этот пост был способом приготовления к концу мира, который, как они говорили, должен случиться в день «4. движение» [143, с. 108]. Это был момент космической драмы, когда мир мог закончиться. Все огни в домах гасились, дома тщательно убирались, старая посуда, даже старые фигурки идолов выбрасывались [173, с. 239]. «Поскольку древние мексиканцы думали, что мир закончится с их циклом, — свидетельствует историк и путешественник Дж.Карери, — в последний день цикла они садились на крыши своих домов, повернув лицо в сторону востока, чтобы видеть, возобновит ли Солнце свой путь» [106, с. 113]. Если бы наступил конец мира, то, согласно одной версии, наряду с прочими бедствиями с небес должны спуститься особые чудовища в облике страшных женщин, которые будут пожирать людей. По другой же версии, индейцы не знали, каким образом закончится

пятое Солнце: им известно было со слов мудрецов и жрецов, как закончились предыдущие миры [228, с. 227].

Поскольку тем не менее по завершении каждого очередного 52-летия Солнце благополучно поднималось на востоке, начало нового цикла отмечали тщательно разработанной церемонией. В полночь процессия жрецов, одетых как главные боги ацтеков, шла из Теночтитлана на Холм Звезды — невысокий вулканического происхождения холм Уишачтекатль, который и ныне находится между городами Сан Франсиско Колуакан и Истапалапа. Название свое он получил потому, что на нем совершался ритуал, включавший, наряду с прочим, наблюдение за появлением на небосклоне «Утренней звезды» — Венеры, предвестницы восхода Солнца. Ее восход свидетельствовал, что конца мира не будет и в этот раз. Жрецы трением зажигали новый огонь, сопровождая данный ритуал человеческим жертвоприношением, затем торжественной процессией доставляли огонь в храмы, и уже от него зажигались очаги в домах.

Появление и традиционализация ацтеками столь важного дня и торжественного ритуала обуславливалось тем, что именно в этот день совпадали два календаря, ритуальный и солнечный. Дело в том, что ацтеки использовали сразу два календаря — солнечный, состоящий из 360 дней с пятью добавочными (ацт. *nemontemi* — «несчастливые дни»), т.е. 365-дневный (ацт. *xiuitl* — «бирюза», эзотерическое обозначение огня и Солнца, солнечного года — см. рис. 33), и ритуальный календарь из 260 дней (ацт. *tonalpoualli*). Соответственно завершение 52-летия определялось как «связка лет», или «завязывание лет» (ацт. *xiuhmolpilli*). Дети, родившиеся в это время, получали специфические имена: мальчиков называли Молпилли (ацт. *Molpilli* — «завязанные узлом»), а девочек — Точиумолпилли (ацт. *Toxiuhmolpilli* — «наши годы завязаны», или «завязывание наших лет»). В процедуру имянаречения в таком случае входило сжигание специальной вязанки тростника из 52 стеблей. До наших дней сохранился памятник древнеацтекского искусства — каменный цилиндр, представляющий собой изображение вязанки тростника с датой на боковой поверхности: «2. тростник», соответствующей завершению 52-летнего цикла. Следует, наконец, сказать, что ацтеки следили и за положением Венеры, период обращения которой равен 584 дням. Один раз в 104 года (52 года \times 2) в календарных подсчетах ацтекских жрецов-астрологов совпадали годы ритуальный, солнечный и Венеры. Этот период назывался «старость» (ацт. *se ueutiliztli*)⁵⁵.

Возможно, при Мотекусоме I окончательно оформилось представление о Чикомосток — «Семи пещерах», с рассказа которого начинается данная глава. Во всяком случае, сохранилась фантастическая история, согласно которой Мотекусома I пожелал узнать больше о стране своих предков и решил послать туда воинов. Однако его ближайший советник и главный идеолог Тлакаэлель возразил, что воины не смогут туда попасть, поскольку такое под силу только людям, сведущим в эзотерике, т.е. только магам и жрецам. Тогда на поиски страны, которая дала рождение ацтекскому народу, были посланы 60 колдунов и жрецов.

Нагруженные подарками, посланцы тлатоани добрались до холма Коатепек, что находится в районе г. Толлана. Там они начертили на земле особый, только им известный магический знак, призывая, как говорится в источнике, «демона» и прося его показать им страну предков. «Демон», т.е. их божество, вызванный этими чарами, превратил их в птиц и зверей (ягуаров, шакалов, кошек и т.п.) и повел их за собой. Достигнув берегов большого озера, на середине которого возвышался остров, называвшийся Колуакан, они приняли свой прежний человеческий облик. С берега жрецы увидели рыбаков и позвали их. Последние были удивлены тем фактом, что пришельцы говорят на одном с ними языке, и спросили ацтеков, кто они такие, откуда пришли и что им нужно. Жрецы ответили, что ищут родину своих предков. Тогда рыбаки поинтересовались, какого бога они почитают. Ацтеки ответили, что поклоняются Уитсилопочтли, а послал их великий тлатоани Мотекусома. Рыбаки позвали некоего старика, который приказал пришельцам следовать за ним. Ацтеки, нагрузившись подарками, последовали за ним. Он шел в гору с удивительной легкостью, в то время как жрецы с большим трудом попевали за ним. Когда они добрались наконец до нужного места, то увидели очень старую и безобразную женщину, такую страшную, что и вообразить трудно. Ее лицо было черным от грязи, она выглядела, как говорится в легенде, подобно только что вышедшей «из ада». Оказалось, что это — мать бога Уитсилопочтли. Скорбя об ушедшем когда-то сыне, она с тех пор в соответствии с ацтекским ритуалом не расчесывала волос и не меняла одежды. Женщина рассказала пришельцам, что ее сын когда-то ушел со своим народом, не сказав, когда вернется, а она продолжает ждать его,

надеясь на встречу. Мать бога Уитсилопочтли передала для него подарки вместе с просьбой и пожеланием его скорого к ней возвращения.

Когда послы, отправляясь в обратный путь, стали спускаться с горы, старая женщина окликнула их и сказала: «Смотрите, в стране Предков люди никогда не стареют. Поглядите на спускающегося с горы моего слугу и вашего проводника. К тому времени, как он придет к вам, он станет совсем молодым человеком». И действительно, по мере того как слуга матери Уитсилопочтли спускался с горы, он становился все моложе, пока в конце концов не предстал перед ними 20-летним юношей. Он объяснил послам, что когда будет опять подниматься в гору, то на полпути станет 40-летним мужчиной, а потом и совсем старым. Такие перемены происходят постоянно, Поэтому жители страны предков никогда не умирают и все продолжают жить с тех пор, как ушли из Чикомосток семь племен, в том числе и ацтеки.

Эту часть мифа, вписанного в официальную ацтекскую историю, можно считать достаточно оригинальной, о чем свидетельствует ее грубоватая наивность (за исключением некоторого сходства Уитсилопочтли и его матери с образами Мадонны и Христа, обусловленного влиянием христианства). В концовке же мифа отчетливо просматриваются христианские реминисценции: причины вечной жизни в Чикомосток слуга матери Уитсилопочтли объяснил тем, что ее жители «живут просто» и «одеваются просто», в то время как в Теночтитлане люди стремятся к богатству, которое их и погубит.

Послы, столь же таинственным и магическим образом вернувшись в Теночтитлан, рассказали Мотекусоме обо всем увиденном, и он, выслушав их доклад, приказал якобы, чтобы все принесенные ими подарки были положены на алтарь в храме бога Уитсилопочтли [173, с. 135-139; 206, с. 313; 285, с. 122].

Этот и другие мифы и легендарные повествования, вкрапленные в реальную историю, создают атмосферу самобытности и уникальности древнеацтекского общества, знакомят нас с миром духовных принципов и идей, которыми оно руководствовалось и под воздействием которых существовало.

После 29-30 лет правления Мотекусома I Старший смертельно заболел и умер в 1469 г. [38, с. 452; 173, с. 150; 228, с. 230; 267, с. 128; 384, с. 174]⁵⁶. После тщательно проведенной торжественной погребальной церемонии останки тлатоани были захоронены на территории его дворца, в том месте, где позже свою резиденцию построил Э.Кортес. Один из мексиканских религиозных исследователей XX в. охарактеризовал Мотекусома I как человека, сочетавшего в себе одновременно «чрезмерную амбициозность», «сатанинский фанатизм», «неслыханную жестокость», «талант» и «природную ловкость» [160, с. 69]. Такая характеристика этого действительно видного деятеля ацтекской истории выглядит несколько модернизированной, как результат взгляда с позиций современных этических норм; реальных же оснований для столь эмоциональной оценки все-таки нет.

Ашайакатль: тлатоани-полководец

Согласно официальной древнеацтекской истории, чувствуя приближение смерти, Мотекусома I Старший, у которого не было сыновей, якобы предложил своему постоянному и верному советнику и военачальнику Тлакаэллею стать следующим тлатоани. В случае, если Тлакаэллею умрет раньше Мотекусома, преемником последнего должен был стать один из сыновей Тлакаэллея. Однако после смерти Мотекусома на заседании специального совета по выборам тлатоани, где присутствовали Несауалькойотль и Тотокиуатцин (правители Тескоко и Тлакопана), Тлакаэллею якобы отказался принять власть, так как считал себя слишком старым для нее [173, с. 149; 212, т. 4, с. 114]. Согласно официальной версии, был найден следующий выход из сложившегося положения. Хотя у Мотекусома I не было законных сыновей, он имел дочь Атотоцтли, которая была замужем за Тесосомоком, сыном Итцкоатля. Один из сыновей от этого брака, т.е. внук Мотекусома, Ашайакатль («Водяное лицо»), стал новым правителем [173, с. 149]. Это случилось, по одним данным, в год «2. кремень» [269, с. 17], по другим — на следующий год («3. дом») [37, с. 55], по третьим — еще позже, в год «4. кролик» [138, с. 452]⁵⁷. Кроме Ашайакатля у Атотоцтли были еще два сына — Тисок и Ауитсотль, которые в свое время стали последовательно древнеацтекскими тлатоани [288, с. 150; 396, с. 100] (см. рис. 13). Таким образом, право наследования осталось за родом Мотекусома I.

Однако в реальности приход Ашайакатля к власти был отмечен политическим кризисом и все, связанное с ним, происходило далеко не так, как это представлено в официальной версии. Глухие, неясственные отголоски происходившей тогда острой борьбы дошли до нас благодаря некоторым историческим источникам. Дело в том, что у покойного Мотекусома I Старшего были-таки два законных сына. Первый из них, Икеуатцин, достиг высшего воинского звания и был, следовательно, вполне достоин того, чтобы стать тлатоани. Известно имя и его брата — Мачималли. Однако ни тот, ни другой не стали, как уже говорилось, тлатоани, и Мотекусома I фактически наследовала его дочь Атотоцтли. Ее сын Ашайакатль получил власть практически из рук своей матери. Возможно, именно Атотоцтли и стала непосредственной наследницей Мотекусома, но, поскольку она была женщиной, более поздние доиспанские официальные историки не упоминали о ее самостоятельном правлении. Мы не знаем даже, сколько она правила, неизвестна и точная дата смерти Мотекусома I (приведенная выше — лишь общепризнанная). Есть предположение, что Атотоцтли находилась у власти в 1469-1477 гг., и лишь потом официально тлатоани стал ее сын Ашайакатль. Время ее правления можно рассматривать как своего рода «междоцарствие» (между смертью Мотекусома I и началом правления Ашайакатля). Возможно, она правила страной вместе со своим мужем Тесосомоком, не исключено также, что она официально была опекуной при Ашайакатле.

Можно даже предположить, что ее брат Икеуатцин (Икеуакатцин) смирился и признал свою сестру в качестве наследницы, но был потрясен избранием в качестве тлатоани ее сына и своего племянника Ашайакатля: ведь тем самым его потомки оказались практически исключенными из кандидатов на самые высокие посты, поскольку пост тлатоани закреплялся за потомками Атотоцтли. Законные сыновья Мотекусома I, имевшие право на наследование, не смирились и подняли мятеж против своего племянника, нового тлатоани Ашайакатля. Но предпринятая ими попытка захвата власти закончилась неудачей и их гибелью. По данным хроники «История Тлателолько», борьба была напряженной и сложной, продолжалась она после прихода к власти тлатоани Ашайакатля в общей сложности шесть лет [219, с. 59]⁵⁸.

Но остается вопрос, почему же было отдано предпочтение дочери Мотекусома I, а не одному из его законных сыновей, и прежде всего вполне достойному Икеуатцину. Можно допустить, что отстранение последнего было связано с позицией старого Тлакаэллея. Дело в том, что у него самого было достаточно многочисленное потомство. И он мог рассчитывать, что пост тлатоани наследует рано или поздно один из его сыновей. Но этого, как известно, не случилось, и данный факт лишний раз свидетельствует, что выборное начало при замещении вакантного поста тлатоани в значительной мере еще сохраняло свое значение. Возможно также, что, не добившись власти для собственных сыновей и внуков, Тлакаэльель приложил все силы, чтобы открыть путь к власти 19-летнему Ашайакатлю, которым благодаря его сравнительной молодости легко можно было бы руководить. Так был обойден в тот раз Тисок, старший брат Ашайакатля, который стал тлатоани лишь после него. Не исключено, что Ашайакатль получил поддержку и у тескококского правителя Несуалькойотля. Вероятно, какие-то возражения против кандидатуры Икеуатцина возникли из-за его происхождения по линии матери.

Наконец, можно рассматривать драму Икеуатцина и под другим углом зрения. Атотоцтли, видимо, была женщиной выдающихся способностей. Подобное возвышение женщин у ацтеков происходило и до и после нее. Так, жена первого ацтекского тлатоани Акамапичтли, Иланкуэитль, входила в круг первых лиц Теночтитлана, о чем уже говорилось. После Конкисты дочь Мотекусома II, последнего из до-испанских ацтекских правителей, Текуичпо, уже после гибели ацтекского государства занимала довольно высокое положение в раннеколониальном обществе. Она была женой последовательно трех знатных испанцев и вошла в историю под именем доньи Исабель де Мотекусома [162, с. 125; 219, с. 59; 288, с. 150; 305, с. 196; 327, с. 114; 406, с. 93-95].

Как бы то ни было, итог борьбы за верховную власть в Теночтитлане известен — шестым древнеацтекским тлатоани в конце концов стал именно Ашайакатль.

В те годы происходят важные изменения в структуре руководства союзника Теночтитлана — г. Тескоко. Через несколько лет после смерти Мотекусома I умер и Несуалькойотль (в 1472 г), который был младше Мотекусома на четыре года⁵⁹. Несуалькойотль вошел в историю как знаменитый правитель, законодатель, строитель, наследовавший и развивавший слившиеся воедино тольтекские и чичимекские традиции [173, с. 86-87]. Считая, что при нем г. Тескоко переживал свой

«золотой век», Несауалькойотль сделал его центром интеллектуальной жизни Мексиканской долины. Он рисуется в источниках как покровитель науки, искусства, религии. Есть даже версия, что он якобы пришел к идее единого бога и даже приказал построить ему храм. Далекий потомок Несауалькойотля историк Ф.А.Иштлильшочитль, которому в значительной степени мы обязаны появлением такого идеализированного образа, сообщал, что по инициативе правителя были созданы специальные органы, руководившие соответствующей сферой жизни общества: Законодательный совет, Совет по музыке, искусствам и наукам, Казначейский совет и др. [228, гл. 37 -38]. В действительности Несауалькойотль был, как и Мотекусома I, сыном своего времени, ему были свойственны как привлекательные, так и отталкивающие черты, порожденные его эпохой.

Незадолго до своей смерти Несауалькойотль назвал наследником своего законного (т.е. от официальной, законной жены) восьмилетнего (или семилетнего) сына Несауальпилли (1472 -1515)⁶⁰. Трое братьев Несауальпилли (по отцу), стоявшие во главе Законодательного совета, Совета по музыке, искусствам и наукам, Казначейского совета, враждебно восприняли это решение. Вдохновительницей фракции, выступавшей против Несауальпилли, была одна из фавориток покойного Несауалькойотля, мать руководителей Казначейского совета и Совета по музыке, искусствам и науке. История относит на ее счет раннюю смерть родного брата Несауальпилли — Тетсаупитцинти, который, возможно, был для заговорщиков опаснее восьмилетнего наследника. И только поддержка Акапиотцина, еще одного брата Несауальпилли, главы Военного совета г. Тескоко, а также вмешательство в дела наследования Ашайакатля, правителя Теночтитлана, сохранили за ним власть.

Последнее свидетельствовало, что независимость Тескоко постепенно уменьшалась и он все более переходил на вторые роли в Тройственном союзе. Столкновение между сторонниками и противниками Несауальпилли закончилось компромиссом, в результате которого один из сыновей энергичной фаворитки получил важный чин, г. Чиаутлу в управление и право на часть добычи во вновь покоренных землях. Другие противники Несауальпилли также не остались обделенными, однако, по-видимому, не все были удовлетворены. Во всяком случае, пока Несауальпилли был еще молод, его братья продолжали плести заговоры [37, с. 55; 228, с. 241-243; 313, с. 51-52]. Несауальпилли правил практически весь последующий период доиспанской истории г. Тескоко (он умер за четыре года до прихода испанцев). За это время в Теночтитлане сменилось три тлатоани. И поведением, и образом жизни он повторил жизнь своего отца Несауалькойотля. Во всяком случае, именно таким изображает его Ф.А.Иштлильшочитль.

Произошла смена правителей и в г. Тлателолько, где после смерти в 1467 г. Куаутлатоа главой стал Мокиуиштли (Мокиуш, Мокиуиштцин). Новых вождей городов, входивших в Тройственный союз, уже не объединяли воспоминания об общей борьбе с Аскапотсалько, как их предшественников. Скорее наоборот, все более явным становилось соперничество между ними. История взаимоотношений между Ашайакатлем, Несауальпилли и Мокиуиштли — важный эпизод в судьбе народов Мексиканской долины. И действительно, начало правления нового ацтекского тлатоани было отмечено ужесточением вражды между Теночтитланом и отделившимся вскоре после его основания Тлателолько, который, несмотря на то что в нем также жили ацтеки, сохранял известную автономию в действиях и даже самостоятельно вел завоевания. Обострение отношений вылилось в серьезные инциденты: жители Теночтитлана разрушили (засыпали) канал, служивший для прохода лодок в Тлателолько, молодые люди из Теночтитлана нанесли оскорбление женщинам из Тлателолько и др. [173, с. 151; 384, с. 178]. Тлателольков подобные действия возмутили, поскольку они считали себя людьми тех же корней, что и ацтеки.

По мнению некоторых исследователей, причиной противостояния между соседними и этнически однородными по составу жителей древними островными городами был конфликт между торговцами и воинами, если исходить из главных занятий их жителей [185, с. 214]. Однако если это предположение и справедливо, то лишь отчасти. Действительно, Тлателолько уже ко времени Мотекусома I превратился в своеобразную торговую столицу Мексиканской долины. Причины же обострения отношений были более глубокого политического свойства. Теночтитлан, который вместе с Тройственным союзом контролировал всю Мексиканскую долину и ряд областей вне ее, в то же время не имел полной власти (так сложились исторические обстоятельства) над соседним, также ацтекским городом. Однако в конце концов сам ход событий все расставил на свои места. За год до

смерти Мотекусомы I во главе Тлателолько стал уже упоминавшийся жрец Мокиуиштли [162, с. 129; 219, с. 59]. Когда же Мотекусомы I умер, тлателольки предложили его в качестве нового тлатоани Теночтитлана. Чтобы осуществить свои замыслы, они начали даже искать поддержку, в частности, в Уэшотцинко и Глашкале (которую, правда, там не получили). Теночтитланом все это было расценено как предательство, особенно обращение к враждебным городам-государствам Уэшотцинко и Глашкале.

Между тем Мокиуиштли, правитель Тлателолько, которому суждено было находиться у власти всего девять лет⁶¹, вместе со своим воинственным советником Теконалем начал готовить город к противоборству с Теночтитланом [173, с. 152; 270, с. 5; 351, т. 2, с. 287]. Они очень надеялись на успех, так как полагали, что с военным руководством у ацтеков положение не блестящее: Тлакаэлезль уже стар, а Ашайакатль еще молод. Однако их план осуществить внезапное ночное нападение на Теночтитлан удержать в секрете не удалось. Некая женщина из Теночтитлана повздорила на рынке в Тлателолько с местной жительницей, и последняя в качестве, видимо, последнего аргумента заявила, что ацтекам, дескать, скоро будет плохо, так как на них тлателольки пойдут войной. Именно таким образом, согласно источникам, и стало известно Ашайакатлю о планах соседей. Чтобы узнать подробнее о планах тлателольков, он решил направить к ним разведчиков. Дальнейшие события, как обычно в древнеацтекской истории, обросли позже различного рода легендами, фантастическими событиями и предзнаменованиями, роковыми для противника Теночтитлана.

Мокиуиштли был женат на родственнице Ашайакатля⁶². Однажды, согласно легенде, ей приснился нехороший сон, в котором она спрашивала себя, что же ждет ее в будущем. Встревожившись, женщина рассказала об этом странном сне мужу, который сообщил ей о своих планах и подтвердил, таким образом, пророческий характер сновидений. Она стала горько плакать и просить мужа отказаться от его намерений. Мокиуиштли якобы грустно вздохнул, показывая тем самым, что раскаивается в том, что собирается предпринять, но изменить уже ничего не может, так как его советник Текональ является главным инициатором задуманного. Между тем дурные предзнаменования продолжались. Характеризуя атмосферу безысходности и трагизма среди тлателольков, историческая хроника сообщала, например, что однажды Мокиуиштли увидел некоего таинственного старика, сидящего у огня, который разговаривал с собакой, отвечавшей ему человеческим голосом. На огне был сосуд с кипящей водой, вокруг которого танцевали птицы. В другой раз будто бы ритуальная маска, висевшая на стене дома Мокиуиштли, неожиданно застонала, как живая, и он, испугавшись, разбил ее. Все эти совершенно фантастические видения были дурными знаками, предзнаменованиями для правителя Тлателолько. Тогда Мокиуиштли совершил жертвоприношения, чтобы заручиться поддержкой богов, а враждебные силы направить против Теночтитлана.

Потом он послал разведчиков в Теночтитлан для выяснения обстановки. Те, к своему удивлению, увидели, что тлатоани Ашайакатль беззаботно играет со знатными воинами в мяч (особую ритуальную игру). Но ацтеки таким образом хотели просто ввести тлателольков в заблуждение. Они знали уже, что последние собираются напасть на них ночью, но, хитря, не показывали вида: ацтеков предупредила обо всех планах тлателольков жена Мокиуиштли. В результате ночной удар тлателольков, рассчитанный на эффект неожиданности, был успешно отбит. Обозленные этим тлателольки решились на открытую битву.

Не сидели сложа руки и ацтеки. Их легендарный, но уже весьма старый военачальник Тлакаэлезль направил своего посла в Тлателолько с заданием объявить войну. По традиции того времени объявление войны сопровождалось вручением особой черной мази, символизирующей смерть. Однако Мокиуиштли не принял посла, высокомерно заявив, что эта мазь пригодится самому Ашайакатлю, а появившийся вскоре Текональ убил посла. Его тело было потом подброшено в Теночтитлан. Убийство послов (как и торговцев) считалось оскорблением и служило законным поводом для начала военных действий. В открытой битве воины Теночтитлана очень быстро разбили основные силы тлателольков. Мокиуиштли и Текональ, видя свое поражение, поднялись по ступеням на вершину главной пирамиды для того, чтобы отвлечь ацтеков на себя. Кроме того, была организована «ложная атака» тлателольков: большое число женщин и мальчиков, покрытых ритуальной военной черной мазью, бросились на ацтеков в порыве отчаяния. Однако ацтекским воинам был отдан приказ не убивать их, а брать в плен.

Поднявшись на вершину пирамиды в храме Уитсилопочтли, победитель — тлатоани Ашайакатль убил Мокиуиштли и Теконаля, а их тела приказал сбросить вниз (см. рис. 16) [173, с. 153-159; 231, с. 126; 269, с. 17; 384, с. 183-197]. По другой версии, Мокиуиштли сам бросился с вершины пирамиды [288, с. 150; 351, т. 2, с. 287].

Когда уцелевшие тлателольки увидели, что их вожди убиты, они, ища спасения, пытались скрыться в окружающих тростниковых зарослях. Затем некий знатный человек из Тлателолько, приходившийся дядей Ашайакатлю, стал умолять племянника, чтобы тот отдал приказ прекратить убийство побежденных тлателольков. Ашайакатль согласился, но чтобы унижить тлателольков, велел им кричать, подражая сорокам, уткам и другим птицам. Тлателольки безропотно повиновались. Ацтеки, с берега наблюдавшие за этим унижением, зло насмеялись над ними. С тех пор якобы ацтеки и стали называть тлателольков «крякающими». Продолжая суровую расправу, Ашайакатль приказал разграбить дома тлателольков и в знак покорения города разрушить главный храм Тлателолько. Тело Теконаля, главного зачинщика смуты, было посажено на кол и выставлено у входа в Тлателолько для устрашения. Кстати, в этой войне с тлателольками Несауальпилли участия не принимал, так как ему в это время было лишь 8-9 лет и он находился у власти только около года [37, с. 55-56; 173, с. 157-159; 201, с. 20; 212, т. 4, с. 115; 219, с. 59; 269, с. 17; 288, с. 150; 327, с. 116; 351, т. 2, с. 287; 384, с. 183-197; 396, с. 100].

Все описанные выше события произошли в 5-м году правления Ашайакатля — в 1473 г. («7. дом»). Однако в целом ряде источников (например, в «Легенде о Солнцах», у историка Ф.А.М.Чимальпаина и др.) утверждается, что завоевание Тлателолько, представлявшего, по сути, одно целое с Теночтитланом, было совершено еще при Итцкоатле (по Ф.А.М.Чимальпаину, в год «4. тростник», т.е. в 1431 г.), поскольку Тлателолько славился своим рынком и торговой деятельностью вообще. Покорение его Итцкоатлем и объясняет последующие блестящие военные успехи ацтеков — с одной стороны, использовалась крепкая экономическая база города, с другой — очень часто в дальнейшем завоевания велись с целью установления контроля над торговыми путями или богатыми торговыми центрами Мексики [271, с. 17-20]. Поэтому конфликт с Тлателолько при Ашайакатле был скорее подавлением мятежа, нежели первичным завоеванием [51, с. 125; 231, с. 126].

Насколько эта версия отвечает действительному ходу событий — сказать трудно, однако совершенно очевидны те последствия, которые вытекали из происшедшего. Прежде всего, огромный рынок в Тлателолько был включен в общую экономическую систему Теночтитлана [246, с. 305]. Тлателольки стали платить дань каждые 80 дней, как и все другие зависимые города. Но так как земель у них не было, натуральные взносы были заменены на 20-процентную пошлину со всего, что обменивалось на рынке. Их обязали участвовать в военных действиях — но не воинами, а носильщиками, что считалось большим унижением. Знатным людям из Тлателолько было запрещено носить дорогие одежды, им разрешалось пользоваться только одежаниями, изготовленными из волокон агавы, — обычной одежды простолюдинов [173, с. 160]. Тлателолько был подчинен наместнику из Теночтитлана (военначальнику с высоким чином) [270, с. 6; 351, т. 3, С. 16]. Словом, Тлателолько полностью лишился самостоятельности. Продолжалось такое положение до 1519 г., пока во главе города не был поставлен Куаутемок, который через несколько лет, в самые трагические дни Конкисты, стал вождем антииспанского сопротивления и вошел в историю Мексики как национальный герой.

Одним из самых крупных военных предприятий Ашайакатля стало покорение долины Тoluка (известной под таким названием с испанского периода), располагавшейся у тогдашних западных границ ацтекского государства. Она была населена разными народами — отоми, масауа, окуилтек, матлатцинка и в доколониальное время называлась долиной Матлатцинка⁶³. Располагавшаяся в бассейне р. Лермы, эта долина была известна своим плодородием [51, с. 124-125; 318, с. 44-45]. Тoluка когда-то была частью тепанекского государства Аскапотсалько и, возможно, сохраняла независимость после разгрома Тройственным союзом. Причины внимания ацтеков к тому району коренились, во-первых, в его богатых земельных [231, с. 126], во-вторых, в его соседстве с тарасками (в скором будущем сильнейшим противником Теночтитлана), которых следовало упредить, не дав им объединиться в союз с матлатцинками.

Поводом же для похода на Тoluку могло послужить ее сочувственное отношение к мятежу в Тлателолько. К тому же еще один повод для вмешательства Теночтитлана в дела Тoluки дала она

сама. В 1474 г. возникла «семейная ссора» между двумя местными вождями — Тесосомоком и Чимальтцином, правителями городов Тенансинго и Толуки. Согласно источникам, не поладили между собой их сыновья. В действительности этот конфликт был проявлением внутренней борьбы за контроль в долине Матлатцинка. Правитель Тенансинго (Тенанко) решил заручиться поддержкой Ашайакатля, что ему удалось. Некоторое время спустя Ашайакатль приказал изготовить новый «Камень Солнца» для жертвоприношений, а также украсить и подновить храм Уитсилопочтли. Используя потребность в материалах как предлог, он пошел на обострение отношений с Толоукой. Ашайакатль отправил туда послов с требованием прислать «крепкое дерево» для храма. Матлатцинки Толуки, которые были основным населением района, отказались, и ацтеки сочли это удобным поводом для начала военных действий (1480 г.). Правда, некоторые исследователи датой войны называют 1470 г., что делает этот поход инаугурационной войной [51, с. 124 — 125; 327, с. 114]. Во время одной из битв, когда противник стал отступать, Ашайакатль, также участвовавший в бою, оторвался от своей охраны, на него напал и ранил в бедро один из матлатцинков. Рана, как показало дальнейшее развитие событий, оказалась серьезной и сильно пошатнула здоровье тлатоани. Подоспевшая охрана хотела убить противника тлатоани, но Ашайакатль приказал взять его живым. Однако воин (сохранилось даже его имя: Тлилкуэтцпал — «Черная ящерица»), храбро и умело защищаясь, сумел избежать плена.

Одержав в конце концов верх, ацтеки взяли Толоку, правитель которой капитулировал. Как всегда, победители в знак того, что город покорен, сожгли центральное святилище, а изображение главного божества сбросили с алтаря.

Армия ацтеков вместе с большим числом пленных возвратилась в Теночтитлан как раз к моменту праздника Тлакашипеуалицтли («Ободранная человеческая кожа»). На это кровавое мероприятие были приглашены представители тотонакского г. Семпоалы и ноноалков⁶⁴ г. Киуаитцплана, расположенных на побережье Атлантического океана и Мексиканского залива и еще не завоеванных ацтеками. Престарелый Тлакаэлель настоял на приглашении ноноалков, так как их отказ принять участие в кровавом празднике мог стать удобным поводом для похода на них. Ацтеки, как обычно, послали за правителями этих городов, последние же, понимая ситуацию, хорошо обошлись с ацтекскими послами и приняли приглашение. Однако то, что они увидели, их якобы страшно поразило и потрясло своей жестокостью [51, с. 124-125; 76, с. 85; 173, с. 161-163; 187, с. 13-14; 231, с. 126; 251, с. 41; 327, с. 114; 384, с. 206-223].

Когда этот кровавый спектакль закончился, появился повод для нового. Выполняя приказание Ашайакатля, ремесленники-каменотесы изготовили новый камень-алтарь для жертвоприношений, для освящения которого, в свою очередь, потребовались новые жертвы [173, с. 165; 384, с. 224]⁶⁵. Во всяком случае, новые военные действия, которые предприняли ацтеки у своих западных границ, на этот раз против тарасков, обосновывались именно религиозными мотивами. Действительные же причины коренились в соперничестве тарасков и ацтеков.

Тараски⁶⁶, о которых уже упоминалось в связи с ацтекскими мифами и легендами о переселениях, — древний индейский народ, занимавший территорию Западной Мексики (штаты Мичоакан, Гуанахуато, Герреро, Халиско). Мичоакан («Страна рыб») с давних времен был освоен тарасками и, вне всякого сомнения, являлся центральным районом их расселения. Согласно их собственной легендарной традиции, они переселились на плодородные земли Мичоакана (у оз. Пацкуаро) из своей прародины Сакапу (подобной упоминавшейся выше Чикомосток) под руководством некоего Иретикатаме, ведомые племенным богом Курикавери (тараск. «Большой огонь»). Ученые пока не имеют единого мнения о месте первоначального проживания тарасков, в прошлом полукочевых племен. Одни считают таковым северо-западные области Мексики, другие — юго-восточный район Оахаки; но время появления тарасков в Мичоакане и соседних штатах особых споров не вызывает — послетольтекский период (после XI в.). Район, где они осели, отличался хорошим климатом и разнообразием природных богатств. В XIV -XV вв. индейцы создали там раннегосударственное объединение, охватившее три области, со столицей Цинцунцане (Тинцинцунцане, Кинцинцане) (тараск. «Город колибри») на берегу оз. Пацкуаро⁶⁷. Объединившись, тараски стали грозной силой, способной противостоять захватническим действиям ацтеков. Фанатично защищаясь, тараски укрепляли свое государство, уступавшее в могуществе только ацтекскому. Своего наивысшего расцвета государственное объединение тарасков достигает к концу

XV в. С этого времени начинает нарушаться их несколько изолированное положение: именно к данному периоду относятся следы влияния на них других культурных областей Мексики, а также ацтеков, сапотеков, миштеков. Впрочем, для высокоцивилизованных народов Месоамерики тараски по-прежнему оставались варварским народом. Тараски доколумбовой эпохи, занимавшиеся главным образом сельским хозяйством, известны прекрасными тканями, изделиями из металла (меди), кожи, намного более искусной, чем даже у ацтеков, расписной глиняной посудой.

Их молодое и энергичное государство стало угрожать западным границам ацтеков после того, как последние поставили под свой контроль долину Толуки. Неудивительно, что очередная военная экспедиция Ашайакатля была направлена против тарасков (1478 г.). Армия ацтеков насчитывала (вместе с воинами союзников и подчиненных городов) 24 тыс. человек [173, с. 165]⁶⁸. Специально посланные разведчики донесли, что тарасков на 16 тыс. больше и они лучше вооружены. Соотношение сил было неблагоприятным для ацтеков. И действительно, в последовавшей затем битве, длившейся два дня, с обеих сторон погибло якобы 20 тыс. человек, как знатных, так и простолюдинов [173, с. 166-167; 384, с. 228-231]. Понятно, что приведенные цифры представляются преувеличенными. Особенно упорное сопротивление, предопределившее неудачу похода, ацтеки встретили у деревянных фортификационных сооружений тарасков в районе Глашималойан (совр. Тахимароа, штат Идальго). Впервые ацтеки встретились с врагом, которого они не смогли сокрушить⁶⁹. Не сумев разгромить тарасков, Ашайакатль, чтобы пресечь их возможную экспансию в район Герреро (так как они уже занимали низменные земли Мичоакана в окрестностях р. Бальсас), захватил древнее поселение Остоман (Остума) на северо-востоке названного штата и поставил там специальные пограничные гарнизоны. Что же касается тарасков, то до испанского завоевания они оставались независимыми от ацтеков и Тройственного союза, хотя противоборство с последним не прекращалось.

Отпор, оказанный тарасками, был первым крупным провалом ацтеков после многих лет побед. Однако вскоре после этой неудачи ацтеки взяли в плен «700 человек» в другой битве, и ритуал по случаю освящения нового «Камня Солнца» все-таки состоялся (см. рис. 17).

Мы мало знаем о событиях последних лет правления Ашайакатля. Видимо, крупная военная неудача вызвала неудовольствие верхушки общества. Возможно, это предопределило и его довольно скорую смерть. Согласно официальной истории, когда церемония жертвоприношения, о которой речь шла выше, была завершена, тлатоани заболел, отравившись «запахом крови». Сказались и прежние полученные в боях раны. Чувствуя приближение смерти, Ашайакатль, следуя примеру предшественника, приказал высечь свое изображение на скале Чапультепек рядом с изображением Мотекусомы I Старшего. Это повеление было исполнено под наблюдением Тлакаэллея. Тлатоани, к тому времени совершенно больной, приказал отнести себя к Чапультепеку, чтобы взглянуть на сделанное. Умер он на обратном пути в Теночтитлан [173, с. 174-178; 384, с. 238-244].

В области внутренней политики Ашайакатль в основном придерживался порядков, установившихся при его предшественнике. Следуя практике предыдущих тлатоани, он посылал в покоренные районы специальных сборщиков дани. После ее покорения в долину Толуки были направлены ацтекские колонисты-переселенцы. Кстати, подобные переселения, во многом продиктованные нехваткой земли в Теночтитлане для неуклонно растущего населения, как и во всех аналогичных случаях в истории древних обществ, способствовали разрыву некогда прочных общинных отношений.

Главным же делом Ашайакатля стала война. Тут у него были как успехи (их большинство), так и неудачи. Его можно считать вторым после Мотекусомы I (из его предшественников) ацтекским тлатоани-полководцем. Безусловными успехами Ашайакатля можно считать покорение (или усмирение) своенравного Тлателолько и завоевание долины Толуки. Меньше известно о походе на юг, до перешейка Тёуантепек. Повторив его через несколько лет, он потерпел неудачу: ацтеки были отбиты объединенными силами миштеков и сапотеков [158, с. 190; 228, с. 259; 396, с. 100]. Хотя и с трудом, Ашайакатль овладел населенной тарасками частью нынешнего штата Герреро в районе р. Бальсас, но их государство, располагавшееся в основном в Мичоакане, не было им покорено, что, впрочем, не удалось сделать и будущим тлатоани. Довольно трудно назвать общее число походов Ашайакатля и покоренных им городов и областей; в источниках говорится о 14 [351, т. 2, с. 284] и даже 37 [288, с. 150] «больших и малых завоеваниях». Однако следует иметь в виду, что ацтеки в то

время не только захватывали новые территории, но и умирляли восстания в ранее подчиненных районах. Правление Ашайакатля, как, впрочем, и последующих тлатоани, было отмечено постоянными внутренними волнениями. Ему пришлось подавлять восстание в Куэтлаштли, которую в свое время он, еще совсем юный, вместе с Мотекусомой I покорял.

Враждовали друг с другом и отдельные города-государства. Так, в результате местного конфликта Окуилан был захвачен Куэрнавакой. Выступил против «собственных братьев» г. Шикипилько; восстал против г. Тескоко, члена Тройственного союза, г. Уэшотла [173, с. 173; 231, с. 126; 327, с. 114]. Для контроля над покоренными территориями, а также для защиты границ Ашайакатль создал сеть постоянных гарнизонов в разных районах государства. Наиболее известен факт учреждения пограничных гарнизонов в областях, прилегающих к государству тарасков.

Ашайакатль умер сравнительно молодым человеком, пробыв у власти, по разным данным, 12 [267, с. 128; 288, с. 150], 13 [219, с. 59; 269, с. 17] или 14 лет [228, с. 259]⁷⁰. О нем говорили, что он смел, но высокомерен, его любили женщины (у него было много наложниц и 18 детей), но не любили данники и «вассалы» [288, с. 150]. Его законной женой была Аскашочитль, дочь Несауалькойотля; два их сына — Мотекусомы и Куитлауак в разное время были ацтекскими тлатоани. Его внук, Куаутемок, сын одной из дочерей (ее звали Глилалкапатль), тоже стал тлатоани и национальным героем Мексики. Согласно некоторым сведениям, Ашайакатль был не лишен поэтического дара: есть предположение, что он является автором двух дошедших до нас доиспанских гимнов [258, с. 29].

Тисок — загадочный тлатоани

После смерти Ашайакатля на четвертый день после завершения погребальной церемонии и различных траурных обрядов был провозглашен новый, седьмой тлатоани — Тисок (1481 — 1486) [173, с. 174; 219, с. 59; 228, с. 259-260; 384, с. 245-248]. Это произошло в год «3. кролик» [219, с. 59] (см. рис. 13).

Тисок (или Тисокакатцин, ацт. «нога, окропленная кровью»⁷¹) был старшим братом Ашайакатля. Что представлял собой этот правитель, характер его деятельности, длительность правления — все это достаточно загадочно. Так, неясно, какое время он находился у власти: в источниках и литературе называют 4 [138, с. 455; 173, с. 175; 351, т. 2, с. 284], 5 [231, с. 127; 269, с. 17; 288, с. 151] и 6 лет (Ф.А.М.Чимальпаин). По одной версии, отраженной в документах, Тисок был исключительно храбрым, даже блестящим военным, носившим высший воинский титул еще до получения власти тлатоани и, подобно большинству будущих правителей, входил в высший военный совет, Совет четырех. Став тлатоани, он неукоснительно выполнял установления и законы своих предшественников. Все его любили, и он внушал людям благоговейный страх [288, с. 150-151]. По другой версии, напротив, он был безынициативным, трусливым, малодушным, много времени проводил в бездеятельности и бессмысленном уединении [31, с. 350; 173, с. 180; 212, т. 4, с. 115; 396, с. 100]. В одних источниках говорится, что при нем ацтеки войн не вели [351, т. 2, с. 284], исходя из чего некоторые исследователи называют его самым мирным из всех ацтекских тлатоани [298, с. 242]; в других утверждается, что он завоевал 14 городов (или умирал там восстания) [269, с. 17; 351, с. 150 — 151]. С учетом такой противоречивости сведений о нем и следует рассматривать официальную версию его жизни и деятельности.

Сразу после прихода к власти Тисоку пришлось приложить немало усилий, чтобы показать, что он достоин поста тлатоани: подавить некое восстание и начать новые завоевания. В 1481 г.⁷² он по традиции предпринял инаугурационную войну (с целью захвата пленных для жертвоприношений) против небольшого независимого государства Метцтитлан (совр. Метцтитлан в штате Идальго), располагавшегося на севере от Теночтитлана и населенного в значительной мере отоми. Наиболее подробно этот поход отражен А.Тесосомоком. Из его рассказа можно заключить, что ацтекская армия по большей части состояла из малоопытных, плохо подготовленных воинов. И хотя каждый из ветеранов опекал до трех молодых бойцов, потери ацтеков были велики. К тому же Метцтитлан призвал на помощь своих союзников хуастеков. В итоге ацтеки потеряли 300 человек, а в плен взяли только 40 воинов противника. Похоже, Тисоку пришлось тем самым заплатить за неудачу своего предшественника Ашайакатля, обескровившего армию за несколько лет до этого неудачным походом в Мичоакан. Ацтеки были чрезвычайно обескуражены неудачей, но праздник все-таки состоялся. На

нем присутствовали представители 53 городов и районов Мексики [51, с. 125; 173, с. 129; 327, Д. 117; 384, с. 250-253].

В дальнейшем Тисок, действуя совместно с Несауальпилли, правителем г. Тескоко, захватил район Йаутла (совр. штат Веракрус) [231, с. 127]. Кстати, именно во время правления Тисока Несауальпилли совершил удачный поход в г. Орисаба на побережье Мексиканского залива. Тисок завоевал и г. Йануитлан в Оахаке [231, с. 127; 298, с. 242]. Предпринял он поход и на территорию совр. штата Герреро и против Тлапанекапана («страны тлапанеков»).

Несмотря на все это, во многих источниках (а им вторит и значительное число исследователей) упорно говорится о «слабости Тисока», отсутствии у него «желания принести славу народу», об его неспособности быть «великим человеком».

Тисок умер в 1486 г. («7. кролик»). Есть разные версии о причине его смерти. По одной, ему что-то подсыпали в еду [138, с. 455; 173, с. 180; 185, с. 208; 212, т. 4, с. 115; 228, с. 259; 231, с. 127; 251, с. 42; 327, с. 117; 396, с. 100] и таким образом «помогли умереть» [51, с. 125]; но другой, на него была наведена порча. По данным, собранным раннеколониальным историком Х.Торкемадой, правитель г. Истапалапы, располагавшегося в юго-восточной части Мексиканской долины и давно входившего в сферу влияния Тройственного союза, задумал погубить Тисока и уговорил правителя г. Таско послать нескольких «колдунов» в Теночтитлан. При выходе из своего дворца Тисок был ими «заколдован», на него навели порчу [162, с. 157]. Своеобразный итог всем толкам об обстоятельствах смерти Тисока подводит неоднократно уже упоминавшийся и весьма строгий в оценке деятельности ацтекских правителей историк Ф.А.Иштлильшочитль. Отметив, что в различных источниках мелькают сообщения о тайном убийстве Тисока, в частности — об его отравлении, он подчеркивал: «Но в историях, которые я изучал, ничего такого нет» [228, с. 269].

Таким образом, загадка Тисока остается. Несомненно, что продолжали кипеть какие-то политические страсти, как и во время прихода к власти его брата Ашайакатля. По-видимому, он был устранен своими политическими противниками. Действительно, если придерживаться официальной концепции, то как объяснить сообщения о походах Тисока, о начатом им в 1483 г. строительстве нового главного храма Теночтитлана (законченного при следующем тлатоани) [219, с. 90; 327, с. 117]? Наконец, сохранился и выдающийся памятник древнеацтекского искусства, носящий его имя — «Камень Тисока» (см. рис. 18), обнаруженный во дворе одного из соборов г. Мехико. По боковым сторонам этого гигантского каменного цилиндра изображены, наряду с прочими, походы Тисока в Герреро и Оахаку [162, с. 156-157; 231, с. 127; 327, с. 117].

Как бы то ни было, благодаря стараниям древнеацтекских официальных историков он получил весьма многозначительное прозвище — Тлачитонатиу (ацт. «заходящее солнце»), символизирующее, по их замыслу, закат при нем ацтекского военного могущества.

Тлатоани Ауитсотль и пик ацтекских завоеваний

На четвертый день после смерти Тисока в Теночтитлане собрались члены совета по избранию нового тлатоани. По всей видимости, вопрос о наследовании высшей власти по-прежнему оставался одним из самых больных. Если верить официальному варианту истории, были две возможные кандидатуры — Тлакаэлель и младший брат Тисока и Ашайакатля — Ауитсотль. По сути, оба они могли претендовать на наследование власти по одному и тому же принципу — принципу перехода власти от брата к брату, только Тлакаэлель имел это право как брат Мотекусомы I Старшего, а Ауитсотль — как брат Ашайакатля и Тисока. Видимо, это противостояние поколений и ветвей правящего рода и было причиной всех проблем. Несауальпилли, правитель г. Тескоко, считал, что новым тлатоани должен быть избран Тлакаэлель, а Ауитсотль — наследовать ему. Мнение самого престарелого Тлакаэллея якобы состояло в том, что, напротив, свои права должен реализовать последний из трех законных потомков Мотекусомы I в лице Ауитсотля и только затем это право перейдет к его, Тлакаэллею, потомкам.

Однако, учитывая, что приход к власти нового тлатоани почти всякий раз сопровождался взрывом политических страстей, едва ли можно безоговорочно принять версию о добровольном отказе Тлакаэллея от высшей власти. Косвенным подтверждением этому может служить явно компромиссный характер принятого решения, согласно которому Тлакаэлель объявлялся

«покровителем» Ауитсотля до самой своей смерти, иными словами, сохранял право контроля за действиями нового тлатоани, еще сравнительно молодого и учившегося в храмовой школе военному искусству [173, с. 183-185; 269, с. 17; 384, с. 266-268]. Правда, по другим сообщениям, он уже был фактически главным жрецом племенного бога Уитсилопочтли [318, с. 76].

Важным подтверждением серьезности внутренней борьбы, проходившей тогда, служит то, что, по некоторым сообщениям, после смерти Тисока «трон» в Теночтитлане оставался незанятым два года [269, с. 17]. Отсюда и неясность с хронологией событий: по одним данным, Тисок умер в год «6. дом» и Ауитсотль стал тлатоани в год «7. кролик» [37, с. 57; 219, с. 60], по другим — он был избран в год «1. тростник» [269, с. 17].

Как бы то ни было, по наиболее принятому мнению, в 1486 г. [288.: с. 151] 8-м древнеацтекским тлатоани стал Ауитсотль (ацт. «водяная собака») ⁷³. С именем Ауитсотля (1486-1502) связан важнейший период в истории ацтекского государства. При нем достигла наивысшей степени военная экспансия Теночтитлана. Ауитсотль — один из самых знаменитых ацтекских завоевателей. Его характеризуют даже как «настоящего военного маньяка», «более жадного и безжалостного, нежели испанцы» [399, с. 98]. И действительно, хотя в то время в г. Тескоко продолжал править Несауальпилли, а в г. Тлакопане — Чимальпопока [228, с. 271], соратники Ауитсотля по Тройственному союзу, фактические военные успехи того периода связаны прежде всего с его именем. При нем продолжалось активное укрепление ведущего положения Теночтитлана в Тройственном союзе, окончательно утвердившееся при следующем тлатоани. Главным делом Ауитсотля на протяжении всей его жизни стала война. Продолжая традиции предыдущих тлатоани, он сосредоточился на двух главных направлениях — на юг и на восток, поскольку путь на запад был перекрыт грозными тарасками, успешно отбившимися от ацтеков при Ашайакатле, а области на севере были населены отсталыми племенами, покорение которых не представляло ни экономического, ни политического интереса. К этому следует добавить, что Ауитсотлю, как и почти всем другим тлатоани, приходилось усмирять ранее покоренные земли и народы.

После решения вопроса о тлатоани в соответствии с традицией необходимо было провести инаугурационную войну. В ней впервые в своей жизни должен принимать участие в качестве одного из командующих еще совсем молодой Ауитсотль. В 1486 г. объединенные войска Тройственного союза во главе с новым тлатоани, Несауальпилли и Чимальпопокой предприняли поход на юг, в миштеко-сапотекский район, часть которого (Оахака) была уже почти полностью поставлена ими под контроль ранее. На этот раз были захвачены располагавшиеся южнее города Шикипилько и Куауакан, а также непосредственно соприкасавшиеся территориально с майя Чиापан и Шилотепек (Шалтепек, Хилотепек) (совр. штат Чиapas). На жителей была наложена дань, а также трудовая повинность в виде участия в строительных работах в Теночтитлане, где завершалось возведение нового храма Уитсилопочтли, начатое еще при Тисоке. В боях были захвачены и пленные, использованные для жертвоприношения в день «1. крокодил», когда состоялась официальная церемония инаугурации нового тлатоани [173, с. 186-187; 288, с. 271; 351, т. 2, с. 284; 384, с. 279-280].

Через некоторое время поступили сведения об антиацтекских выступлениях. На этот раз восстали хуастеки (лишь частично завоеванные при Мотекусоме I Старшем), центром которых служил г. Шиукоак (Тциукоак; испанцы называли его Сикоак — поселение, соответствующее, видимо, ныне развалинам Какауатенго в районе Чиконтепек) [162, с. 164; 231, с. 128; 327, с. 118]. Поход ацтеков и их союзников под руководством Ауитсотля был проведен блестяще. Высланный вперед авангард из 1200 человек, выйдя в окрестности Шиукоака, успешно обезвредил охранение, взял город и захватил в плен крупный отряд повстанцев. Затем в районы, населенные восставшими хуастеками, было направлено 200 разведчиков, возможно занимавшихся «психологической обработкой» их вождей. При столкновениях армия Ауитсотля, закаленная и опытная, удачно использовала и эффект внезапности, обеспечивший ей успех в бою. В результате восстание было быстро подавлено, а вожди побежденных в знак покорности преподнесли ацтекам многочисленные подарки. Ауитсотль, как и его предшественник, далее на север не стал продвигаться, поскольку номады-чичимеки, обитавшие на территории современных штатов Тамаулипас и Сан Луис Потоси, на сухих бесплодных землях устья р. Пануко, не представляли интереса для Теночтитлана [327, с. 118].

Возвращаясь после хуастекского похода в Теночтитлан, ацтекская армия вела с собой вереницу пленников. У взрослых хуастеков был обычай прокалывать носовой хрящ (чтобы вставлять

туда украшение), и ацтеки воспользовались этим: их связали вместе веревками за носы (детей и женщин — за шею). Как сообщали источники, плач и стенания пленников, знавших о скорой своей смерти на алтаре, наполняли округу. Когда ацтекская армия достигла Теночтитлана, жители радостно встретили победителей приветственными речами, цветами и угощением — напитком из бобов какао, который обычно могли употреблять лишь представители знати [162, с. 165; 173, с. 189; 228, с. 272; 327, с. 118; 384, с. 292-297]. Пленников, как обычно, распределили по разным районам города, где они под охраной ожидали своего смертного часа — жертвоприношения на алтаре по случаю открытия нового храма в Теночтитлане, строительство (точнее, реконструкция) которого было к тому времени (1487 г. — «8. тростник») как раз завершено. На это кровавое зрелище прибыли не только «вассалы» и союзники ацтеков, но и приглашенные (для чего были направлены специальные послы) правители враждебных Тлашкалы, Уэшотцинко, Чолулы, Мичоакана, Метцтитлана. Согласно источникам, они прибыли тайно, чтобы скрыть от руководимых ими народов свое участие в празднествах закланных врагов — ацтеков. Такие «визиты» были своеобразной формой внешнеполитических связей в период отсутствия открытых военных действий. Жертвоприношение продолжалось четыре дня. За это время было принесено в жертву, согласно источникам, 80 400 человек, что, естественно, никоим образом не соответствует действительности. Тем не менее гости разъехались, как говорится в источниках, напуганные и пораженные увиденным. Сохранился древний памятный знак-монумент (своеобразная стела), созданный в честь освящения главного храма Теночтитлана. Он был обнаружен в г. Мехико уже в испанский период. Стела представляет собой неправильной формы усеченную пирамиду размером 89 x 61 x 30 см; на ней наряду с датой «8. тростник» (т.е. 1487 г.) высечены изображения тлатоани Тисока и Ауитсотля, первый из которых начал строительство (реконструкцию) храма бога Уитсилопочтли, а второй его завершил. Есть рисунок с изображением этой церемонии освящения и в «Кодексе Дурана» («Атласе Дурана» — приложении к его историческому сочинению).

Правители Телеолоапана (располагавшегося у самых границ с тарасками на юго-запад от Теночтитлана) также были приглашены на кровавые празднества, однако не прибыли на них. Данный факт, сообщению хроник, обеспокоил Ауитсотля, увидевшего в этом признак подготовки антиацтекского выступления. Посланные туда разведчики подтвердили, что восстание действительно началось. Дороги в Телеолопан были перекрыты завалами из камней и деревьев. Наиболее активно восставшие провоцировались городами Алауитцтлан и Остоман, располагавшимися на территории восточной части современного штата Герреро⁷⁴. Ауитсотль немедленно собрал свои отряды, включая воинов из Тескоко, Тлакопана, Чалько, Шочимилько и других городов, и выступил в поход. Но к тому времени в лагере противника произошли серьезные изменения. Телеолопан сменил ориентацию и перешел в момент приближения армии Ауитсотля на его сторону. По приказу тлатоани Алауитцтлан и Остоман были разграблены, их население, кроме детей, было уничтожено. Ацтекам в этом помогли жители Телолоапана, которые, видимо, за свое усердие получили прощение (или уменьшение наказания). Согласно хроникам, 40 200 детей в качестве рабов были распределены по всем городам и районам Тройственного союза.

Через полгода после этого похода вожди Тройственного союза — Ауитсотль, Тлакаэлель, правители Тескоко и Тлакопана — собрались на совет, чтобы решить судьбу недавно покоренных западных земель. Запустение этого района, богатого плодородными почвами, явившееся результатом столь жестоких репрессий, было невыгодно Тройственному союзу. Кроме того, оказались обнаженными границы с враждебно настроенными тарасками. Решено было заселить эти земли новыми поселенцами, что и было сделано [51, с. 126; 162, с. 173-176; 164, с. 138; 173, с. 199-202; 384, с. 338-354].

Покорение Телолоапана, Алауитцтлана и Остомана стало началом прорыва Тройственного союза к Тихому океану. После него под контроль ацтеков попал важный сектор у границ с тарасками, Остоман был превращен в ключевой город-крепость в целой серии крепостей, построенных для отражения нападений тарасков, поскольку политика Ауитсотля, как и его предшественника, в отношении этого народа носила оборонительный, а не наступательный характер [162, с. 174, 176, 180]. Используя этот недавно подчиненный район на северо-западе современного штата Герреро как трамплин, Ауитсотль, одержимый идеей достичь Тихоокеанского побережья, оказал поддержку походу своего союзника из г. Тескоко, проведенному, видимо, между 1491 и 1495 гг. Результатом стал серьезный рывок в сторону моря. Под контроль Тройственного союза попала примерно 300-

километровая полоса побережья — от Акапулько⁷⁵ на юге до Сакатулы на севере. Это был богатый район террасового земледелия, славившийся выращиванием хлопка. После его захвата в Теночтитлан ежегодно поставлялось в качестве дани на нужды Тройственного союза до 800 тюков хлопка. Осталась незавоеванной небольшая территория южнее Акапулько, населенная отсталыми племенами йопи, — Йопитцинко, не представлявшая интереса для ацтеков ни в экономическом, ни в политическом плане; к тому же йопи не могли угрожать ацтекским коммуникациям, связывавшим Теночтитлан с югом, поскольку район их расселения находился несколько в стороне от основных дорог и торговых путей [163, с. 180; 228, с. 279 — 281; 327, с. 117-118].

Миштеко-сапотекская Оахака был самым привлекательным для ацтеков районом Мексики. Его отделяли от Теночтитлана более 600 км. Это была гористая область с прекрасными плодородными долинами, откуда кроме сельскохозяйственной продукции вывозили золото и красители. Мотекусома I в свое время завоевал ее северо-западную часть (а может быть, и большую территорию). Что же касается района, окружавшего г. Оахаку, местный центр, то он, вероятнее всего, был завоеван Ауитсотлем уже в первые годы его правления. Подобно тихоокеанской операции, его захват не сводился к разовой военной экспедиции, а стал результатом серии походов, первый из которых был совершен в 1488 или 1489 г., на 3-й или 4-й год правления Ауитсотля. Подчинение других частей этого района (кроме г. Оахака) было закончено, вероятно, только к 1495 г. В своих военных походах Ауитсотль, заслуживший славу одного из наиболее воинственных ацтекских тлатоани, дошел до самого перевалка Теуантепек и оставил там гарнизоны, наиболее значительный из которых располагался в горах в Куилапе (в Оахаке), защищая торговый путь на Теуантепек [327, с. 118]. В этой экспедиции были весьма заинтересованы богатые ацтекские купцы, которые стремились установить контроль над торговыми путями, ведущими в Соконуско и далее к майя Гватемалы. Теуантепек поставлял продукцию и продукты тропического юга, прежде всего какао, перья редких птиц, использовавшиеся в ацтекском ремесленном производстве (скорее, искусстве), золото, хлопок [158, с. 190; 162, с. 181]. Значительную часть населения Теуантепека составляли сапотеки. Какое-то время ацтеки, удовлетворившись экономическим контролем, позволили им сохранять значительную политическую автономию [158, с. 192]. Однако скоро присутствие ацтеков стало вызывать острое недовольство местного населения и местных торговцев. Ацтеки, опираясь на оставленные там гарнизоны, стали буквально навязывать местным жителям в обмен на какао, золото, изделия из него и из драгоценных камней товары, не представлявшие для них интереса [151, с. 182].

В это время главой сапотеков был Косихоеса, последний перед испанским завоеванием значительный деятель этого древнего народа. В 1496 г. сапотеки блокировали торговые пути на юг и убили торговцев из городов Тройственного союза. Узнав об этом, Ауитсотль немедленно организовал карательный поход⁷⁶. Из-за дальности пути в этот раз приказано было не брать пленников. Согласно ацтекофильским источникам, этот поход был хотя и тяжелым, но удачным [158, с. 192; 162, с. 182; 173, с. 202-203; 384, с. 356-369]. По-иному его оценивает тескокофильский историк Ф. А. Иштлильшочитль. Он сообщает, что поход 1496 г. на сапотеков членов Тройственного союза привел к очень большим потерям — как из-за упорного сопротивления противной стороны, так и вследствие голода, от которого страдала ацтекская армия, вынужденная нести с собой съестные припасы на весь чрезвычайно долгий путь (около 500 км) [228, с. 284].

Так или иначе, но этот поход не привел к полному покорению сапотеков. Не желая оставаться марионеткой Тройственного союза, Косихоеса для совместной борьбы пошел на заключение союза с вечными врагами сапотеков — миштеками. О дальнейших событиях сообщает один из раннеколониальных авторов, Ф. Бургоа, работа которого «Географическое описание» является чуть ли не единственным источником по истории сапотеков. Сапотеки и миштеки, объединив силы, создали единую армию. Под руководством Косихоесы она разгромила оставленные ацтеками гарнизоны и отбила Теуантепек [158, с. 194]. Косихоеса основал там отдельное владение Теуантепек, а сам вернулся в сапотекскую столицу Саахилу [341, с. 147]. Согласно сапотекским данным, которые позволяют дать более объективную оценку происходившего, Ауитсотль, узнав о начале выступления Косихоесы, сначала не собирался вновь рисковать своей ослабленной предыдущими походами армией. Однако, получив сообщение о разгромах гарнизонов в Теуантепеке, решил все же «наказать» сапотеков и их союзников.

Между тем сапотеки отступили в горы и укрепились на одном из них, обеспечив себя запасами продовольствия и вооружения (особенно отравленных стрел). Ацтеки, изнуренные длительным переходом, отказались от штурма сапотекских укреплений предпочтя осаду. Однако сапотеки очень умело защищались, производя частые и неожиданные вылазки. В результате ацтекская армия потеряла почти половину воинов убитыми, ранеными и больными. Подкрепления, два-три раза подходившие из Теночтитлана, не изменили хода безуспешной осады. Тогда Ауитсотль решил пойти на мир с Косихоесой, закрепив его браком последнего с самой красивой своей дочерью. Косихоеса сначала не поверил искренности предложений о мире, отказался он и жениться, заявив, что никогда не видел предлагаемой ему в жены девушки. Тогда Ауитсотлю удалось устроить «случайную» встречу своей дочери с Косихоесой в момент купания последнего. Красивая девушка ему очень понравилась. Узнав, что она и есть дочь Ауитсотля, Косихоеса согласился жениться и отправил с этим известием посла к Ауитсотлю. Чтобы тот не совершил подмену, Косихоеса наказал своему посланнику опознать девушку по характерной родинке на руке.

Но и после свадьбы Ауитсотль не отказался от замыслов покорить сапотеков. Однажды, якобы для выяснения, как чувствует себя его дочь, Ауитсотль направил к Косихоесе большой отряд воинов. Однако молодая женщина оказалась верной своему мужу, она предупредила его, и ацтеки, окруженные сотнями хорошо вооруженных сапотекских воинов, были остановлены и отправлены назад [158, с. 195].

В целом, таким образом, походы Ауитсотля против сапотеков проходили с переменным успехом. Такими, довольно неопределенными, отношения между ацтеками и сапотеками сохранились до конца правления Ауитсотля. Покорение их было скорее номинальным, чем фактическим.

Вскоре после походов в Теуантепек умер Тлакаэлель. Ауитсотль приказал, чтобы Тлилпотонки, старший сын Тлакаэля, занял место своего покойного отца вместе с правом на титул (чин) сиуакоатля. Сохранились две версии похорон Тлакаэля, вполне согласующиеся с ацтекской практикой отправления заупокойного культа. По одной, тело Тлакаэля было сожжено, пепел похоронен рядом с прахом ранее умерших тлатоани; по другой, его тело забальзамировали, обрядили в воинские одежды и, усадив в специальные носилки, использовали в дальнейшем как реликвию, способную помогать в военных делах [173, с. 208; 384, с. 378-379].

За несколько лет до своей смерти Ауитсотль принялся за осуществление одного из наиболее важных инженерных проектов в истории ацтекского государства. Как сообщают хроники, он хотел видеть Теночтитлан еще более процветающим, чему мешал явственный недостаток пресной воды, так как построенные при его предшественниках водопроводы, бравшие начало из источников в Чапультепеке, не могли уже эффективно обслуживать постоянно растущее население города. Воды не хватало и для сельскохозяйственных работ. Снижение ее уровня в озере затрудняло даже плавание лодок. Ауитсотль послал двух гонцов в г. Койоакан (находившийся в 10 км с небольшим от Теночтитлана, но в системе Тройственного союза подчинявшийся г. Тлакопану) предупредить местного вождя, что для снабжения столицы будут использованы пять крупных источников, располагавшихся между городами Койоакан и Уитсилопочко [351, т. 2, с. 284]⁷⁷. Правитель Койоакана Тцотцоматцин заверил послов, что подчинится приказу Ауитсотля, однако предупредил, что у мощных источников, о которых шла речь, коварный характер (напор воды в них может резко меняться), вследствие чего их использование может принести беду Теночтитлану. Поэтому он посоветовал по-прежнему довольствоваться водой из Чапультепека. Доклад послов привел Ауитсотля в ярость: данник Тройственного союза посмел давать советы самому тлатоани Теночтитлану! Напрасно приближенные пытались успокоить разгневанного Ауитсотля, утверждая, что намерения у Тцотцоматцина самые хорошие. Тлатоани не успокаивался и приказал двум судьям немедленно отправиться в Койоакан и казнить (удушить) строптивного, по его мнению, Тцотцоматцина, чтобы тем самым преподать хороший урок для других подданных, если они осмелятся давать советы тлатоани или тем более перечить им.

Дальнейшее развитие событий, как оно излагается в источниках, вновь протекает в свойственной ацтекскому мироощущению атмосфере действия сверхъестественных сил. Когда советники и ближайшее окружение тлатоани убедились, что он не намерен отменять свой приказ, что его решение наказать Тцотцоматцина бесповоротно, они, зная вождя Койоакана как очень уважаемого и почитаемого человека, тайно предупредили его, что ему угрожает смертельная опасность. Впрочем,

согласно источникам, поскольку Тцотцоматцин был «колдуном» и «магом», он все уже знал сам. Когда судьи, посланные Ауитсотлем, прибыли в Койоакан и были приведены в дом Тцотцоматцина, они обнаружили там вместо него большого и сильного орла, сидевшего на троне. Испуганные ацтеки кинулись к охране вождя, заявляя, что они обмануты, ибо в помещении Тцотцоматцина нет. Однако стражники заверяли их, что правитель находится у себя. Вновь войдя в комнату с тронном, судьи обнаружили там уже не орла, а свирепого ягуара, бросившегося на них. Насмерть перепуганные, потрясенные выдающимися сверхъестественными способностями Тцотцоматцина, они вернулись в Теночтитлан и доложили обо всем Ауитсотлю.

Серьезно обеспокоившись, тлатоани приказал тем не менее вы-полнить его приказ — раз уж так решено. Вновь ацтекские посланники дважды посетили тронное помещение Тцотцоматцина. Первый раз их встретил бросившийся на пришельцев ужасный змей; второй раз в комнате вспыхнуло пламя. Ацтеки вновь удалились ни с чем. Ауитсотль пришел в совершенную ярость. Он опять послал своих людей, приказав им схватить Тцотцоматцина, передать его в руки судей и казнить, предупредив, что в противном случае Койоакан будет разрушен. Тогда Тцотцоматцин, который очень любил свой город и его жителей, добровольно отдался им в руки, но предостерег, что Теночтитлан в скором времени ждет наводнение и его жители серьезно пострадают. Тем не менее его казнили, а тело сбросили со скалы. В том месте, где оно упало, неожиданно побился ручей.

Когда с непокорным Тцотцоматцином было покончено, Ауитсотль приказал своим союзникам и «вассалам» вместе с жителями самого Теночтитлана заняться строительством дамбы.

Между тем расправа с Тцотцоматцином ацтеками и неацтеками (в частности, жителями Тескоко и Тлакопана) с редким единодушием стала рассматриваться как несправедливая. Жители Койоакана были сильно огорчены смертью своего мудрого вождя, который «любил свой город и был очень хорошим правителем». Вынужденно скрывая свои чувства, они надеялись, что предсказание Тцотцоматцина сбудется и вода отомстит за его смерть.

Лишь Ауитсотль не терзался тревогой и сомнениями и, дождавшись возведения дамбы, приказал пустить воду. Когда она начала поступать в Теночтитлан, был совершен впечатляющий обряд в честь богини воды Чальчиуитликуэ (ацт. «Та, у которой юбка из изумрудов»; цвет драгоценного камня соответствует цвету воды) и бога дождя Тлалока (ацт. «Вино земли», «Сок земли»). Сам Ауитсотль, приветствуя приход воды, бросал в нее свои пожертвования — драгоценности.

На следующий день вода, продолжая прибывать, затопила некоторые сады, затем стала затапливать дома, и жители начали покидать город. Вынужден был спасаться бегством и сам Ауитсотль. Когда он, удрученный случившимся, испросил совета у своего ближайшего союзника, правителя г. Тескоко Несауальпилли, последний заявил, что наводнение — наказание ему за то, что не прислушался к доброму совету покойного Тцотцоматцина. Единственное, что остается тлатоани, — совершить жертвоприношение богам и силам, олицетворяющим воду, и вернуть ее в прежнее русло. Ауитсотль последовал совету Несауальпилли. Кроме обычных жертвоприношений были сброшены в воду и каменные изображения Чальчиуитликуэ и изображения других божеств, покровительствующих воде. Для отвода воды тлатоани приказал построить новый канал, после чего направился в Койоакан, принес покаяние за убийство Тцотцоматцина и назначил на его место сына покойного вождя. Затем он приказал своим союзникам и «вассалам» принять участие в восстановлении Теночтитлана [130, с. 275; 173, с. 209-216; 212, т. 4, с. 115; 384, с. 379-388]. В 1924 г. в г. Мехико был обнаружен каменный монумент (в форме параллелепипеда размером 280 x 80 x 32 см), посвященный освящению в 1499 г. («7. тростник») ⁷⁸ акведука, построенного при Ауитсотле. На нем изображен сам тлатоани в окружении фантастических существ (скорее всего, выполняющих орнаментальную функцию) и выгравирована указанная дата [401, с. 52 — 53].

Вся эта достаточно мрачная легенда, по нашему мнению, — скорее результат мифологического переосмысления реального события — грозного наводнения, которое действительно произошло в год «8. кремень». От него пострадал не только Теночтитлан, но и такие города, как Мишкик, Шочимилько, Куитлауак и др. [137, с. 58].

Последняя, самая значительная военная кампания Ауитсотля (ок. 1500) была связана вновь с югом, перешейком Теуантепек, с жителями которого у ацтеков, как уже говорилось, сложились весьма специфические отношения. Особый интерес как для ацтеков, так и для сапотек представлял

г. Соконуско (Шоконочко; ацт. «Место смоковницы»), который располагался близ современной границы Мексики и Гватемалы и был ключом к Тихоокеанскому побережью и важнейшим торговым центром на стыке районов расселения майя и миштеков и сапотеков. Экономические интересы привели Соконуско, а также города Шолотла и Масатлан к столкновению с более северными соседями, жителями Теуантепека, которых, согласно источникам, презрительно называли «данниками» ацтеков, «лакеями», «трусами», «бабами», поскольку они, пусть почти формально, признали над собой контроль Теночтитлана. В ходе вспыхнувшего конфликта были убиты ацтекские торговцы, что требовало решительной реакции Теночтитлана. Предыдущие походы на Теуантепек были нелегкими, а в предстоящем ожидалось еще более серьезные трудности: один путь туда-обратно составлял более 1200 км. Основные союзники Ауитсотля отказались участвовать в походе: правитель Тлакопана сослался на преклонный возраст, а Несуальпилли из г. Тескоко не захотел быть на вторых ролях. Тогда Ауитсотль единолично возглавил экспедицию.

После очень сложного перехода и пышного приема в Теуантепеке был предпринят рывок на Соконуско. В ходе штурма явно сказалась усталость ацтекских войск, и если бы не военная поддержка Теуантепека, они могли бы потерпеть сокрушительное поражение. В конце концов Ауитсотль пошел на соглашение с вождями Соконуско. Военные действия были прекращены, но ацтекские воины получили своего рода компенсацию за то, что так и не разграбили Соконуско⁷⁹. После этого Ауитсотль продолжил поход и захватил Шолотлу, Масатлан, а также Айтлан (Аутлан, Аутла; ацт. «Земля черепах»), расположенный на ныне гватемальской части Тихоокеанского побережья. Этот район часто называли также Анахуак (ацт. «Страна побережья») [121, с. 76; 177, с. 105-106; 231, с. 128]. После этого жители Соконуско, которые находились в состоянии военного конфликта с майя, жившими на территории современной Гватемалы, предложили Ауитсотлю в союзе с ним завоевать последних. Однако тлатоани отказался, сославшись на то, что его армия слишком утомлена переходом, чтобы предпринять такую экспедицию [162, с. 190-191; 173, с. 216-217; 351, т. 2, с. 284; 384, с. 370-382]. Отметим, что наследник Ауитсотля планировал осуществить это завоевание, и только приход испанцев не позволил осуществиться его намерениям [231, с. 128].

Наконец, следует упомянуть и о периодических конфликтах с Уэшотцинко и Глашкалой, независимыми городами-государствами в непосредственной близости от Теночтитлана. Последнее из таких крупных столкновений (с Уэшотцинко) произошло в 1499 г., как раз перед экспедицией в Соконуско. О нем известно по небольшой легенде, повествующей о воинской доблести одного из военачальников Уэшотцинко. Он играл в мяч (особая ритуальная игра), когда узнал о нападении на город ацтеков. Будучи невооруженным, он тем не менее сражался с такой смелостью и искусством, что убил несколько врагов и захватил их оружие. После битвы его провозгласили правителем Уэшотцинко, но из-за оппозиции некоторых жрецов он был вынужден отказаться от предложенной власти. Позже он участвовал в других битвах с ацтеками, в одной из которых и погиб (якобы был убит по приказанию Ауитсотля).

Ауитсотль умер в 1502 г., через несколько лет после разрушительного наводнения (согласно одному из источников, через четыре года) [351, т. 2, с. 284]. Точные причины его смерти неизвестны⁸⁰. По одной версии, спасаясь во время наводнения, Ауитсотль сильно ударился, долго хворал и умер [130, с. 275; 162, с. 206; 228, с. 292], очевидно от гематомы [318, с. 78]. По другой, он умер во время голодного года [327, с. 118]. По третьей, болезнь Ауитсотля лекари не могли определить и помочь ему. Перед смертью он страшно похудел. Поговаривали, что Ауитсотль был отравлен, когда находился в военной экспедиции в Соконуско. В любом случае его смерть выглядела странной, поскольку он был еще сравнительно молодым человеком и до болезни считался здоровым и душой и телом. Чувствуя приближение своего конца, Ауитсотль приказал высечь свое изображение на скале Чапультепек рядом с образами других тлатоани [173, с. 218; 384, с. 389].

Похороны Ауитсотля были пышными. Во время кремации тела покойного, пышно и богато украшенного, были принесены в жертву, если верить источникам, 200 рабов. Их приносили в жертву, вырывая сердце. В отличие от пленных воинов, рабов убивали не на темалакатле (алтаре), а на каменном барабане (см. рис. 26), откинув их на спину. Тела несчастных и их сердца бросали в костер, где горело тело Ауитсотля. Позже пепел собрали в специальную урну и похоронили у «Камня Солнца» [173, с. 219; 384, с. 389 — 392].

Ауитсотлю как человеку в источниках дается в целом положительная характеристика. О нем говорили, что он не был излишне суров, любил музыку и развлечения, охотно участвовал в многочисленных довольно сложных и обременительных ритуалах [288, с. 151]. Ауитсотль слыл смелым, умным, приветливым человеком, которого в общем любили окружающие [212, т. 4, с. 115]. В одном из источников даже говорится, что он был любим и почитаем в особенности бедными людьми, поскольку якобы делился с ними тем, что добывал во время завоеваний [396, с. 10].

Но что принесло древнеацтекскому обществу его правление? Прежде всего он вошел в историю как завоеватель «номер один» во всей истории ацтеков. О нем можно было бы сказать, что он не слезал с боевого коня, если бы лошади водились в древней Мексике до прихода испанцев. Как отмечал один из современных исследователей, у ацтеков было два великих завоевателя. Первый из них — Мотекусума I, который, получив власть в достаточно зрелом возрасте, в меньшей мере принимал участие непосредственно в военных походах, но как политик и администратор руководил военной активностью Теночтитлана своего времени. Второй, Ауитсотль, напротив, неотделим был от оружия. При его правлении ацтекская военная слава гремела как никогда. Если Мотекусому I можно сравнить с Юлием Цезарем, то Ауитсотля — несомненно, с Александром Македонским [162, с. 159]. Хотя в этом пассаже почему-то не нашлось места для Ашайакатля, тем не менее характеристика близка к истине. При Ауитсотле были поставлены под контроль не подчиненные его предшественниками территории юга Оахаки, Герреро (большая часть, до устья р. Бальсас), Теуантепек [165, с. 195; 231, с. 128; 251, с. 42] и далее на юг, до гватемальского побережья Тихого океана и лана [65, с. 195; 212, т. 4, с. 115; 251, с. 142; 396, с. 101], хуастеки района Веракруса (на северо-восток от Теночтитлана). Вообще же приводится разное число покоренных им мест — 13 [351, т. 2, 284] и более 40 [288, с. 151; 269, с. 17]. Правда, были у Ауитсотля и неудачи. Кроме уже упоминавшихся следует назвать и поражение в районе Тахимароа (район Колима, у западных границ) [231, с. 128].

Ауитсотль был не только знаменитым завоевателем, он много строил, в том числе и храмы. Среди последних прежде всего уже упоминавшийся главный храм Теночтитлана, начатый еще его предшественником Тисоком и заверченный им. Строил он и за пределами столицы. Остатки одного из последних построенных при Ауитсотле храмов находятся на холме у деревни Тепостлан (у г. Куэрнаваки); датирован годом «10. кролик» (1502 г.), последним годом его жизни [162, с. 198]. Конечно же, строительство нового акведука, обеспечившего разросшееся население Теночтитлана водой, принадлежит к важнейшим заслугам Ауитсотля.

Наряду с войнами, которые вел неутомимый Ауитсотль, шла своим чередом хозяйственная и экономическая жизнь. Так, после похода в Теуантепек была произведена ревизия дани, поступавшей в государственные хранилища. Как утверждает источник, богатства, хранившиеся там, невозможно даже вообразить, ибо каждый город и район каждые 80 дней отправлял в Теночтитлан тысячи индейцев-носильщиков, нагруженных всем, что производилось и что закупалось специально для выплаты дани [173, с. 208].

В период правления Ауитсотля перед государством встали проблемы, связанные с активным процессом урбанизации в Мексиканской долине. Считается, что в конце XV в. там было по крайней мере 12 городов с численностью жителей более 10 тыс. человек [92, с. 44]. Растущее городское население требовало все больше продуктов питания. Не случайно важнейшей статьёй в списке дани, получаемой Теночтитланом, было разного вида продовольствие. Обеспечение этих потребностей и составляло одну из важнейших задач войн, какие вел Ауитсотль. Другим способом решения данной проблемы становилось создание колоний вне Мексиканской долины в ранее покоренных и опустошенных после подавления восстаний районах. Однако такая практика находилась еще на первичной стадии своего развития.

В результате завоеваний ацтеков при Ауитсотле и его предшественниках территория государства как бы вытянулась на юг. На северо-западе, в Керерато, в пределы территории тарасков, граница проходила, если применять возможности современного транспорта, всего в пределах двухчасовой поездки от Теночтитлана, а до Толуки, почти пограничного города, — всего лишь чуть больше часа езды; в то же время в противоположном направлении — на юг территория, подвластная ацтекам, простиралась на расстояние, требующее уже более 20 часов езды по современной дороге. На северо-западе Теночтитлану противостояли организованные и грозные тараски Мичоакана, а на юге

народы были менее едины. Этим и объяснялось направление завоеваний (наряду, конечно, с тем, что можно было получить от покоренных народов — хлопок, золото, какао, пряности, перья редких птиц и др.). Конечно, не везде власть ацтеков было одинаково прочной. К примеру, на самом юге (на современной границе с Гватемалой) были оставлены гарнизоны, роль которых состояла не столько в защите границы, сколько в защите торговцев, приходивших сюда из Мексиканской долины и других более северных районов государства. В общем, можно сказать, что власть Тройственного союза ослабевала пропорционально удалению от Теночтитлана.

Словом, то, что оставил Ауитсотль, было своего рода огромным скелетом здания, которое еще необходимо наполнить полнокровными государственными институтами, связями и т.п., соответствующими масштабам территории. И хотя Ауитсотль способствовал своей политикой (особенно военной) укреплению положения Теночтитлана, перед его наследником объективно и остро стояли вопросы реформы государственного управления. Многое теперь зависело от того, кто станет преемником и наследником Ауитсотля — законодатель и реформатор, подобный Мотекусоме I Старшему, или неудачливый полководец (если верить большинству оценок), напоминающий несчастного Тисока?

Мотекусоме II Младший — последний доиспанский тлатоани

Хотя Ауитсотль правил почти два десятка лет, он был еще сравнительно молодым человеком и, умирая, никого не предложил себе в наследники. Среди претендентов на власть тлатоани был Макуилмалинальтцин (или Малинальтцин), старший сын Ашайакатля, шестого тлатоани, бывший к тому же мужем дочери Несауальпилли, правителя г. Тескоко, и известный как страстный вояка. Однако его кандидатуре серьезно противостояли члены совета по избранию тлатоани, которые якобы настаивали на том, чтобы правителем стал человек из жреческой среды. Поэтому предпочтение было отдано его брату Мотекусоме⁸¹, который соответствовал этим требованиям, а Малинальтцин был назван его наследником. Трудно теперь сказать, как на самом деле пришел к власти новый тлатоани, так как его пристрастие к религии могло быть задним числом причислено к достоинствам Мотекусома уже во время его правления. Борьба, видимо, была как всегда сложной, поскольку претендентами выступали чуть ли не полтора десятка сыновей предыдущих тлатоани, не считая братьев последних. Хотя Мотекусоме, действительно, считался наиболее вероятным кандидатом. В итоге совет, в который входили правители г. Тескоко и г. Тлакопана (Несауальпилли и Тотокиуатцин соответственно), наследник Тлакаэллея сиуакоатль Тлилпотонки, а также 12 выборщиков, назвал новым ацтекским правителем именно Мотекусому (см. рис. 13), сына шестого тлатоани Ашайакатля и племянника Ауитсотля [37, с. 59; 173, с. 220; 219, с. 61; 228, с. 305-306; 318, с. 78-79; 327, с. 119; 351, т. 2, с. 284; 384, с. 343-395].

Мотекусоме II Младший (1502 — 1520) был человеком зрелого возраста (ему было далеко за тридцать), имел один из высших военных титулов (тлакатекатля) [288, с. 166]. В одном из источников Мотекусоме II назван самым достойным из всех правителей ацтеков, бывших до него [305, с. 196]. Сохранились положительные отзывы о его уме, поскольку он, готовя себя к жреческому поприщу, много внимания уделял проблемам религии, занимался астрологией [288, с. 166], что по тем временам соответствовало представлению о научных занятиях. Он был верховным жрецом племенного бога ацтеков Уитсилопочтли [228, с. 306]. Рассказывают, что когда Мотекусоме был объявлен тлатоани, он незаметно удалился. Несауальпилли приказал найти нового правителя. Зная Мотекусому как религиозного человека, отправили за ним в храм и действительно обнаружили его там [173, с. 221-222; 384, с. 395].

При таких обстоятельствах началось правление последнего из доиспанских ацтекских тлатоани. Как всегда, сложно с точной датой начала правления: называются и год «10. кролик» (1502) [219, с. 61], и «11. тростник» (1503), и год, когда испанцы овладели островом Куба (1511), и 11-й год после открытия Америки (1492), о чем, впрочем, ацтеки тогда еще не ведали.

Среди первых мероприятий, проведенных Мотекусомой II, выделялись законодательные указы и установления, т.е. мероприятия не военного, а мирного плана. Как и его далекий тезка Мотекусоме I Старший, он провел целую серию системных реформ, отражавших эволюцию, происшедшую в общественных и социально-экономических отношениях. В одном из источников его

деятельность в данной сфере определялась следующим образом: «Он ввел новое законодательство» [288, с. 167], хотя только к законотворчеству в привычном смысле слова эти мероприятия нельзя отнести.

Прежде всего новации коснулись сферы управления страной, причем, видимо, в плане борьбы с теми, кто препятствовал его приходу к власти. Мотекусума приказал, сообщают хроники, сиуакоатлю Тлилпотонки (кстати, приходившемуся ему дядей) устранить от управления всех тех, кто служили его предшественнику, покойному тлатоани Ауитсотлю, даже курьеров и посланников, а также старейшин общин и более мелких объединений жителей. Все они были преданы смерти, что свидетельствует, по нашему мнению, о накале борьбы за власть, которую ему и его сторонникам пришлось выдержать. Официально такая чистка объяснялась тем, что якобы все, попавшие в опалу, были «людьми низкого происхождения», «необразованными», а Мотекусума II желал видеть в управленческой структуре «людей благородных». Таковыми оказались его «родственники», «братья», «сыновья вождей» [173, с. 223; 228, с. 310; 384, с. 399-400], т.е. как раз те, кто составлял его опору. Чистка особенно коснулась Теночтитлана. Не исключено, что, помимо столкновения интересов различных групп верхушки общества, это достаточно радикальное (если не сказать жестокое) мероприятие нового тлатоани представляло собой удар по родовым устоям, не соответствующим уже реалиям жизни ацтекского государства, давно переросшего возможности маленького островного города, каким когда-то был Теночтитлан. Подтверждением этому служит и приказ Мотекусома II о том, чтобы сыновья местных вождей разных частей территории, подконтрольной Тройственному союзу, проходили обучение в Теночтитлане, Тескоко или Тлакопане (а фактически только в Теночтитлане) искусству управления, «обращения с иностранцами» и «правилам хорошего тона», проще, принятым законодательным и морально-этическим нормам.

Кроме того, правителям и вождям провинциальных центров и городов было приказано каждый год в течение определенного времени находиться в Теночтитлане при особе тлатоани. Из среды этой знати была отобрана своеобразная гвардия из 600 воинов (с 3-4 вооруженными слугами каждый), постоянно находившаяся в распоряжении тлатоани [173, с. 223; 384, с. 400-401]. Многие из них, оторванные от своих городов, становились, по сути, заложниками. По планам Мотекусома II они вольно или невольно должны были стать патриотами Теночтитлана, чем нарушались традиционные родовые узы. Обращаясь для сравнения к истории древних обществ Старого Света, нетрудно заметить удивительную схожесть сделанного Мотекусомой с тем, что было в свое время проведено в древней Македонии. Борясь с родовой замкнутостью, Мотекусума II, как и его предшественники, поощрял междинастические связи. Серьезным ударом по родовым традициям стало и фактическое превращение некогда могущественного сиуакоатля в высокопоставленного чиновника, который лишь выполняет указания правителя. Одновременно все более определенными и ясными становились признаки восточной деспотии. Не углубляясь пока в эту проблему (о ней речь идет в гл. 4), отметим лишь очевидную тенденцию к обожествлению правителя [173, с. 223-224; 384, с. 400].

Следуя установившейся традиции, Мотекусума II предпринял инаугурационный поход. Объектом его стал г. Икпатепек, отказавшийся якобы поставить дань для планируемого грандиозного праздника по случаю прихода к власти Мотекусома II [76, с. 87; 173, с. 224; 351, с. 285; 384, с. 403-408].

На церемонию инаугурации были приглашены представители и недружественных государств — Тлашкалы, Уэшотцинко, Чолулы, тарасков Мичоакана. Когда церемония завершилась, им преподнесли подарки, а ацтекские воины сопровождали их на обратном пути до самых границ их владений. Вообще, согласно хроникам, подобные приглашения враждебных лидеров практиковались кроме такого важного события, как инаугурация, еще раза три в течение года — в связи с наиболее важными праздниками. Представители Тройственного союза также бывали в качестве гостей на праздниках в этих государствах, особенно часто в Тлашкале, правда, как говорят источники, тайно, чтобы народ не знал об этом [173, с. 224-226; 384, с. 412-419]. Так довольно своеобразно складывались мирные межгосударственные отношения в древней Мексике. До Мотекусома II такая искусная дипломатическая игра в таких масштабах не практиковалась [384, с. 420].

В завоевательной политике Мотекусума II отличался от своего предшественника Ауитсотля. Длительные и изнурительные военные походы последнего, особенно на юг, не приводили к полной интеграции захваченных территорий в структуру ацтекского государства, что делало завоевания не

вполне завершенными. В отличие от него Мотекусума стремился в первую очередь к абсорбции ранее покоренных территорий, что и было одной из целей описанных выше реформ. Многие из так называемых завоеваний Мотекусумы II были в значительной степени просто «умиротворением» тех мест, что были уже покорены его предшественниками. В том же случае, когда завоевания все-таки велись, они не носили характера молниеносных вторжений, часто практиковавшихся ранее; это были скорее действия, направленные на систематическое и целенаправленное подчинение.

Особенно упорно и настойчиво эта линия проводилась в отношении южных областей, покоренных предыдущими тлатоани. Мероприятия по систематическому подчинению, абсорбции южных районов (прежде всего Оахаки и Теуантепека) начались на второй год правления Мотекусумы II и проводились в течение десяти лет, т.е. практически почти до прихода испанцев. Мотекусума поначалу столкнулся с открытым выступлением, угрожавшим системе связи Теночтитлана с отдаленным Соконуско, покоренным при Ауитсотле. Восстал г. Икпатепек, располагавшийся в Оахаке, довольно крупный центр в этом районе. Приход к власти нового тлатоани, не отличавшегося воинственностью и коварством, породил там надежду вернуть независимость. Инсургенты перебили доступных им ацтеков и их сторонников и начали готовиться к обороне, возводя защитные сооружения. Карательный поход не заставил себя ждать. Его возглавил сам тлатоани. Среди сопровождавших его был и сиуакоатль Тлилпотонки.

В конце первого дня похода Мотекусума II отдал ему совершенно чудовищный приказ — возвратиться в Теночтитлан и обезглавить всех опекунов (воспитателей) своих детей, компаньонов его жен и наложниц, а также других дворцовых женщин и заменить их новыми. Вслед за Тлилпотонки Мотекусума послал соглядатаев, дабы проверить, исполнено ли его повеление. Ему доложили, что все исполнено. Единственное мало-мальски вразумительное объяснение этой дикой акции, даваемое в источнике, сводится к тому, что Мотекусума хотел таким образом проверить, насколько беспрекословно выполняются его приказы. Во всяком случае, даже этот кровавый сюжет может служить свидетельством растущей власти тлатоани. Сиуакоатль же (некогда очень высокий пост) был низведен до роли высокопоставленного исполнителя его приказов.

Подойдя к Икпатепеку, ацтеки ночью сумели незаметно проникнуть в город, после чего с двух сторон обрушились на оборонявшихся. В наказание за бунт город был подвергнут сильному разрушению. Как сообщается в хронике, охватившие Икпатепек пожары сделали его похожим на действующий вулкан. Одержав победу, Мотекусума приказал организовать триумфальное возвращение его воинов, не уступавшее триумфам Ауитсотля. И действительно, если верить источникам, каждый день на всем пути войска до самого Теночтитлана вожди и знать окрестных городов, сопровождаемые простолюдинами, встречали его, нагруженные подарками [173, с. 227 — 228; 351, т. 2, с. 285; 384, с. 403-408].

Стремясь экономически укрепить свою власть, Мотекусума II предпринял шаги для сближения с торговцами Тлателолько, которые считались тогда самыми крупными и влиятельными в стране. Не роняя престижа самовластного тлатоани, он сумел завоевать признательность тлателольков, которых сорок лет назад его отец, тлатоани Ашайакатль, лишил многих привилегий, значительной автономии и обложил данью. Вначале он призвал к себе руководство Тлателолько, представлявшего к тому времени часть Теночтитлана, и объявил, что они не выплатили причитающуюся дань, в частности, не выполнили поставки, необходимые для ведения войн. Напуганные тлателольские торговцы немедленно исполнили требование Мотекусумы II, после чего он смягчился и освободил Тлателолько от некоторых из ограничений, наложенных его отцом, в частности, отменил запрет тлателолькам строить собственные храмы и восстановил их право организовывать (т.е. фактически финансировать) военные походы в нужные для них районы. Правда, так и не было восстановлено самоуправление Тлателолько, и по-прежнему там распоряжался ставленник тлатоани [162, с. 86-87; 173, с. 228]. Важнейшим же последствием этого шага Мотекусумы II стало превращение защиты своих торгово-экономических интересов в важнейшую задачу государства. Их ущемление пресекалось всеми возможными, прежде всего военными, средствами. На юге интерес ацтеков привлекли независимые от Теночтитлана города Тототепек и Кетсальтепек (в Оахаке), известные благодаря добываемым и обрабатываемым там драгоценным камням и металлам. Мотекусума II отправил туда торговцев с предложением обменять их на ацтекские товары (главным образом ткани). Вожди обоих городов отказались иметь дело с посланниками Мотекусумы, заявив,

что не подчиняются ему. Затем торговцы были убиты, а их тела выброшены на берег р. Кетсальтепек на съедение стервятникам. Обнаружив трупы убитых, другие ацтекские купцы сообщили о случившемся Мотекусоме. В 1503 г. он лично возглавил поход в этот район. Ацтекская армия, захватив г. Асиотла, стоявший на ее пути и связанный с Тототеком, затем, форсировав р. Кетсальтепек и преодолев каменные укрепления, взяла оба города. Только при штурме Тототека было захвачено 1300 пленников. Благодаря этой экспедиции Теночтитлан мог рассчитывать на поставки какао, бумаги, прекрасных тканей, драгоценных камней, украшений из перьев редких птиц и т.п. [162, с. 224; 173, с. 229-230; 384, с. 426-434].

Несомненные военные успехи Мотекусома II сопровождались и неблагоприятными событиями, одним из которых был голод 1505 — 1507 гг., вызванный неурожаем в Мексиканской долине. Однако, как и во времена Мотекусома I, он не затронул район, населенный тотонаками, откуда в Теночтитлан стали доставляться продукты. Поэтому это бедствие в ацтекской истории известно как «голод, обошедший страну тотонаков» (ацт. *Netotocacahuicoc*) [228, с. 309]; он породил расхожее выражение «отправляться с тотонаками» [37, с. 61], что означало искать спасения в рабстве у тотонаков. Уходили ацтеки и далеко на юг, в земли майя [83, с. 159; 351, т. 2, с. 284]. Мотекусома II и Несауальпилли открыли государственные склады, стараясь спасти население от голодной смерти [130, с. 135; 228, с. 309]. Сильная засуха и неурожай повторились и в 1513 г. (см. рис. 19, 20).

В 1507 г., который соответствовал году «2. тростник», т.е. завершению очередного 52-летия, был отмечен ацтеками в последний раз в их доиспанской истории праздник «Нового огня» [173, с. 239; 219, с. 61; 384, с. 467-468]. По мнению некоторых специалистов, памятник, известный как «Храм священной войны» (см. рис. 24), обнаруженный в г. Мехико в 1926 г. в месте, где когда-то располагался дворец Мотекусома II (ныне там находится Национальный дворец), был высечен скульпторами и каменотесами именно в это время [294, с. 64]. На нем приведены две даты — «1. кролик» (конец 52-летнего цикла) и «2. тростник» (начало нового исчисления).

Пользуясь неблагоприятной для Теночтитлана ситуацией (голодом), миштекские города Йануитлан и Сосолан (бывшие, вероятно, независимыми) при поддержке строптивного Тототека (на Тихоокеанском побережье) попытались поставить предел продвижению ацтеков на юг. Они пошли на убийство ацтекских купцов, чем фактически поставили себя в состояние войны с Теночтитланом. В 1506 г. туда была направлена армия Тройственного союза (сам Мотекусома, по всей видимости, в данном походе не участвовал), которая захватила Йануитлан и разрушила его до основания, не пожалев даже деревьев. Затем ацтеки подступили к Сосолану, однако обнаружили город пустым. Оказывается, его жители, боясь, что их постигнет судьба соседей, скрылись в горах, прихватив все самое ценное. Найти их ацтекам не удалось. В Теночтитлане на церемонии жертвоприношения взятых в плен воинов Йануитлана присутствовали в качестве гостей и представители «врагов дома» (городов Тлашкалы, Уэшотцинко и Чолулы) [162, с. 224; 173, с. 336; 228, с. 309; 384, с. 441-442].

В 1507 г. во время столкновения с силами Тототека, помогавшего Йануитлану и Сосолану, погибли два видных ацтекских полководца [228, с. 309].

Очередной поход в миштекский район был предпринят в 1511 г. На этот раз его объектом стал г. Тлашиако (Тлачкиауко, штат Оахака), лежавший на важных для ацтеков линиях коммуникаций. Его жители совершили опрометчивый шаг, захватив дань, собранную в других районах для Теночтитлана. Поняв затем пагубность своих действий, они не стали оказывать серьезного сопротивления посланным Тройственным союзом отрядам и согласились выплачивать дань [51, с. 127-128; 162, с. 225].

Борясь за укрепление власти тлатоани и превалирующего положения Теночтитлана в Тройственном союзе, Мотекусома II предпринял нечто вроде религиозной реформы. Он приказал, чтобы на территории главного храма бога ацтеков Уитсилопочтли было построено особое святилище, известное по источникам как Коатеокалли (ацт. *Coateocalli* — «Храм всех богов»), поскольку в нем были собраны идолы племенных богов из различных районов, покоренных ацтеками. Для освящения этого храма, необычного для времени, когда каждый народ, племя, город и даже селение имели своего сверхъестественного покровителя, требовались военнопленные (для жертвоприношения). Поэтому был предпринят поход против восставшего г. Теуктепека (на Тихоокеанском побережье). Удачное расположение (у реки) и четыре линии укреплений не спасли Теуктепек.

Однако во время решающей битвы произошло, согласно легенде, фантастическое событие: защитники города, оказавшиеся в воде, на глазах победителей превращались в рыб и аллигаторов. Ацтеки были очень встревожены, посчитав это дурным предзнаменованием. От себя добавим, что подобные сюжеты с эсхатологическим оттенком характерны для освещения в источниках времени правления Мотекусома II, и с ними мы еще встретимся. Они как бы характеризовали предгрозовую атмосферу периода, непосредственно предшествовавшего испанскому завоеванию и краху ацтекского государства.

Но как бы то ни было, победоносная ацтекская армия доставила в Теночтитлан богатую добычу и военнопленных, что позволило провести намеченную церемонию. Мотекусома II, одетый в одежды верховного жреца, взошел на алтарь «Храма всех богов» и совершил жертвоприношение. Затем он вместе с сиуакоатлем Тлилпотонки направился к камню для жертвоприношений и принял участие в ритуале по случаю победы в Теуктепеке [173, с. 236-237; 384, с. 456-460].

Теуктепек был населен в основном сапотеками, и очередное «умиротворение» его ацтеками не поставило точку в судьбе этого города, да и самих сапOTEKOB. Умный и дальновидный сапOTEKOBский вождь Косихоеса, политический и военный противник предыдущего тлатоани Ауитсотля, продолжал контролировать часть Оахаки и перешейка Теуантепек, сохраняя минимальные союзные отношения с ацтеками. Сложнее у него обстояли дела с прежними союзниками — миштеками, которым он уступил только небольшое поселение Миштекилья у г. Теуантепек. Позже столкновения между ними возобновились: Косихоеса пытался даже изгнать миштеков из Оахаки.

Между тем жена Косихоесы, согласно источникам, при дурных предзнаменованиях (неблагоприятные небесные явления) родила сына, получившего весьма символическое имя — Косихопий (сапOTEKOB. Cosijopí — «Ветер из молний»). СапOTEKOBские жрецы якобы предсказали, что его рождение знаменует скорый конец сапOTEKOB. Как бы то ни было, Косихопий, который рос и воспитывался в Теуктепеке, остался в нем и правителем. Косихоесе, жившему в сапOTEKOBской столице Саахиле, приходилось постоянно бороться с миштеками [158, с. 201] и в то же время вести гибкую дипломатическую игру с ацтеками, чтобы не попасть под их полный контроль. Таково было положение в южных пределах государства Тройственного союза вплоть до прихода испанцев. Главные же для Тройственного союза события в годы правления Мотекусома II протекали не на юге, при всей экономической значимости этого района, а в центре ацтекского государства, в Мексиканской долине и сопредельных территориях. Речь идет о стремлении Теночтитлана наложить руку на небольшие, но отчаянно сопротивлявшиеся независимые города-государства Глашкала, Уэшотцинко и Чолула, представлявшие собой как бы бомбу замедленного действия в самом центре Тройственного союза, а также о непрерывной борьбе (чаще скрытой и искусной) Мотекусома II со своим самым мощным партнером по Тройственному союзу, Несуальпилли, правителем г. Тескоко.

Брат Мотекусома II, Макуилмалинальцин, женатый на дочери Несуальпилли, жил в Тескоко, городе, который после прихода к власти нового тлатоани Теночтитлана все более становился центром антиацтекских настроений. Мотекусома II понимал, что его смерть открывает дорогу к власти в Теночтитлане Макуилмалинальцину. В ход пошло коварство. В 1508 г. тлатоани объявил «цветочную войну» «врагам дома» из г. Уэшотцинко. Тескоканцы, а среди них и Макуилмалинальцин, также были призваны защитить честь Тройственного союза. Возле г. Атлишко войска Тройственного союза встретились с превосходящими силами противника. Там и погиб Макуилмалинальцин, а вместе с ним еще 2800 человек, в большинстве тескоканцы. Ходили слухи, что их смерть — результат секретного соглашения с «врагами дома».

Когда потерпевшие поражение воины Тройственного союза возвратились домой, Мотекусома всячески выказывал свою глубочайшую печаль. Уцелевших воинов не встречали с обычной пышностью, только по погибшим был совершен должный траурный ритуал. По случаю этой неудачной битвы правитель Несуальпилли сочинил скорбную песнь, не преминув обвинить Мотекусома II в вероломстве. Последний, в свою очередь, дабы продемонстрировать свою непричастность к случившемуся, не понизил в должности ряд военачальников и отдельных местных вождей, которые не приняли участия в битве, хотя должны были это сделать. Словом, Мотекусома II довольно умело устранил соперника и даже ослабил авторитет Несуальпилли [173, с. 231-232; 228, с. 309-310], тем самым сделав серьезный шаг к утверждению единоличной власти в Тройственном союзе, Тлакопан, третий член союза, и его глава Тлатлакатцин, полностью подчинились Мотекусоме,

и только Тескоко с 15 подконтрольными ему городами и районами продолжал борьбу против претензий на единовластие тлатоани Теночтитлана.

После смерти Макуилмалинальтцина Несауальпилли, делавший на него ставку, предпринял ряд шагов для реванша. Через несколько месяцев после трагической битвы у Атлишко, в 1508 г., тесть Мотекусомы II, Тесосомок (правитель г. Аскапотсалько), при обстоятельствах не вполне ясных был публично осужден по обвинению в прелюбодеянии, т.е. в преступлении, за которое полагалась смерть. Однако судьи Теночтитлана ограничились его изгнанием из Аскапотсалько и разрушением его дома. Возмущенные столь несправедным решением суда, жители Аскапотсалько сами наказали Тесосомака: ему отрезали кончик носа в знак позора. Несауальпилли также назвал этот судейский вердикт несправедливым. Воины Несауальпилли схватили преступника, задушили его и затем сожгли. Мотекусомы, узнав о случившемся, был взбешен, но ничего не мог поделать, поскольку прелюбодеяние в ацтекском обществе каралось только смертью. После этого по приказанию Несауальпилли был убит и один из любимых племянников Мотекусомы. Разворачивалась своеобразная древнемексиканская вендетта [228, с. 310-311; 318, с. 86, 88-89].

Острота этого момента усиливалась борьбой с «врагами дома», которая переросла в открытую вражду особенно после голода 1505- 1507 гг. (точнее — с 1510 г.). Согласно одному из источников, частота столкновений поражала современников, ибо при предыдущих тлатоани ничего похожего не было. Предполагали даже, что Мотекусомы II сам тайно провоцировал обострение ситуации, «дабы получать пленных для жертвоприношений». Правда, возможно, что и «враги дома» хотели «смирить» гордыню Мотекусомы II и его народа [173, с. 237]; иными словами, к борьбе стремились обе стороны. В источниках сообщается о продолжении ритуальных «цветочных войн», войн-турниров (см., например, [173, с. 237-238; 384, с. 461-464], но фактически эти военные забавы уже переросли в открытое столкновение.

Конечно, «врагам дома» бороться с Тройственным союзом было бы легче, если бы между ними существовало взаимопонимание. Об отсутствии такового говорит конфликт между Уэшотцинко и Тлашкалой, начавшийся в 1504 г. и разгоревшийся не на шутку к 1507 г. В его ходе тлашкальцы учинили потраву маисовых полей своих соседей уэшотцинков. Если же учесть, что это было сделано во время голода, то последствия представить несложно. Тлашкальцы, видимо, не могли простить очевидного стремления уэшотцинков пойти на мир с Тройственным союзом, поскольку бесперспективность противостояния и тем более противоборства с могучим соседом представлялась им очевидной. Кстати, еще при Ауитсотле (в 1499 г.) уэшотцинки просили Теночтитлан защитить их от Тлашкалы, но тогда тлатоани им отказал и даже заключил посланников из Уэшотцинко в тюрьму. В описанных же выше условиях новое обращение уэшотцинков за помощью к Теночтитлану было встречено положительно, так как давало удобный повод для начала открытой борьбы с Тлашкалой.

Это столкновение Тройственного союза с Тлашкалой продолжалась 20 дней, не принеся победу ни одной из сторон. В его ходе в плен был захвачен один из тлашкальских военачальников (отомы по происхождению) — Тлауиколли, отличавшийся удивительной отвагой и воинской доблестью. О его судьбе сохранились два рассказа, существенно различающихся в деталях. Согласно первому, ацтекскому, Мотекусомы II, выразив пленнику свое восхищение, приказал оставить его в живых и выполнять все его желания. Однако через некоторое время Тлауиколли затосковал, вспоминая своих жен и детей, оставленных в Тлашкале. Жрецы и гадатели объяснили Мотекусоме, что видеть пленника в таком состоянии — очень плохой знак. Тогда тлатоани, вразрез с традицией и принятыми правилами воинского этикета, приказал освободить пленника, но не давать ему пищи и одежды. Зная, что дорога домой ему закрыта, Тлауиколли вынужден был стать бродягой и просить милостыню. Наконец, в отчаянии он отправился в Тлателолько, поднялся на вершину храмовой пирамиды и бросился вниз. Таким образом, он принес себя в жертву богам, после чего ему, уже мертвому, были отданы воинские почести.

Во многом другой рассказ приводится в «Истории Тлашкалы» Д. Муньоса Камарго, чьи предки были связаны с Тлашкалой. Согласно его варианту, в частности, Тлауиколли так понравился ацтекам, что они поставили его во главе войска, направлявшегося в Мичоакан, откуда Тлауиколли вернулся с победой. Тогда Мотекусомы II подарил ему свободу, однако воин отказался от нее, так как считал, что его жизнь кончена: он не мог больше воевать за ацтеков, так как они были врагами Тлашкалы, но и домой путь был закрыт, поскольку он воевал на стороне ацтеков. Поэтому он

попросил Мотекусому, чтобы ему разрешили умереть достойной смертью, на что тлатоани дал согласие. После нескольких дней отдыха храбрый Тлауиколли, борясь у ритуального камня практически безоружным с прекрасно вооруженными ацтекскими воинами, ранил и вывел из строя более двух десятков соперников, прежде чем сам был побежден и принесен в жертву богам [50, с. 421; 159, с. 27; 173, с. 239-240; 306, с. 138-140; 384, с. 468-470, 474-478].

На протяжении 1508-1513 гг. у ацтеков было еще несколько столкновений с «врагами дома», в том числе и с уэшотцинками, которые вновь оказались в сфере влияния Тлашкалы [162, с. 230]. Около 1515 г. начинается новая фаза войн с Тлашкалой, поводом для которой послужил очередной переход уэшотцинков на сторону Тройственного союза. В результате ацтеки заняли территорию Уэшотцинко, и многие его жители нашли убежище в Теночтитлане.

На 1515 г. («11. кремень») пришлось важнейшие изменения в судьбе г. Тескоко: умер Несауальпилли [37, с. 59; 228, с. 327]. Об этом правителе, расцвет деятельности которого приходился на эпоху тлатоани Ауитсотля, сложилось мнение, что в отличие от своего отца Несауалькойотля, одного из основателей Тройственного союза, много сделавшего для утверждения и военной и интеллектуальной славы Тескоко, он был больше знаменит своими мирными делами, хотя в юности и занимался военными походами и трусом не считался. Несауальпилли много времени уделял вопросам государственного устройства и законодательства (см. гл. 4), строительству и обустройству в подконтрольной ему части Тройственного союза. О нем сообщалось, что он очень любил разводить сады и парки [162, с. 177]. Вместе с тем именно на его время приходится значительное ослабление роли г. Тескоко в Тройственном союзе. О Несауальпилли говорили, что он был большой «маг» и «колдун», предсказавший незадолго перед своей смертью скорое разрушение всей тогдашней Мексики, иначе говоря — приход испанцев. Он также посоветовал Мотекусоме не ввязываться в новые военные действия с Тлашкалой, ибо их исход для Теночтитлана будет неблагоприятным. Незадолго перед смертью он приказал высечь свое изображение на скале Чапультепек рядом с изображениями других правителей Теночтитлана и Тройственного союза. Умер он естественной смертью, «оставив в печали» жен, детей, наложниц, а также жителей Тескоко [173, с. 216-218; 351, т. 2, с. 288; 384, с. 241]. Шестым правителем г. Тескоко, несмотря на значительное число претендентов, стал его сын Какаматцин⁸², что было не случайно. Дело в том, что он приходился племянником Мотекусоме II, был сыном его сестры [173, с. 249; 215, с. 242; 228, с. 327; 231, с. 86; 313, с. 51-52; 318, с. 129]. Тлатоани Теночтитлана просто оказал давление на Тескоко, продемонстрировав тем самым, кто является истинным хозяином в Тройственном союзе. С таким исходом дела не согласился Иштлильшочитль, один из сыновей Несауальпилли. Он со своими сторонниками перебрался в г. Отомпан (севернее г. Тескоко), поклявшись восстановить права Тескоко, погранные Теночтитланом. К 1517 г. он утвердился в качестве правителя Отомпана, предыдущий правитель которого погиб в бою. Через некоторое время Иштлильшочитль и Какаматцин пришли к соглашению сохранять сложившийся статус-кво [173, с. 249; 215, с. 242; 313, с. 51-52; 327, с. 120]. Таким образом, некогда единая территория, подконтрольная г. Тескоко, оказалась разделенной на две части. Для Мотекусомы II это было бы только на руку, не изменилась трагическая ситуация — не появились испанцы. Из выгодной она стала проигрышной: Иштлильшочитль в свое время пополнил ряды союзников конкистадоров, стремясь получить таким образом (ценой предательства) власть в г. Тескоко.

Однако все это дело будущего, в тот же момент Мотекусоме II был занят другим. Он, желая якобы проверить истинность предсказания Несауальпилли в отношении Тлашкалы, собрал армию и в 1517 г. начал военные действия против нее и присоединившихся к ней Уэшотцинко и, видимо, Чолулы. Битва, происшедшая в местности Ауайокан, не принесла ацтекам большого успеха. Мотекусоме II был страшно разгневан и приказал холодно, без почестей встретить возвратившихся воинов. Но в следующей битве с тлашкальцами было взято в плен много пленников (что было знаком победы), и Мотекусоме II был удовлетворен [50, с. 421-423; 173, с. 241-245]. Было устроено жертвоприношение пленных воинов (тлашкальцев и уэшотцинков) в честь богини Тонатцин (Тоси). Как заверяется в источниках, эти жертвоприношения по жестокости превзошли все, что бывало ранее. Пленных разделили на три группы. Первая была принесена в жертву обычным способом: рассекалась грудь и вырывалось сердце. Вторая прошла через испытание огнем: пленных сначала поджаривали на жаровне и затем уже у полумертвых вырывали из груди сердце. Для третьей группы несчастных у храма богини Тонатцин был построен специальный эшафот со столбами; жертв привязывали к столбу

и затем убивали стрелами. Мотекусوما остался якобы доволен тем, как прошел ритуал. Однако тлашкальцы и уэшотцинки были потрясены жестокостью, ибо они с пленными ацтеками поступали гуманнее. Принято было, чтобы пленник умирал на жертвенном камне не мучительной смертью (ибо это не казнь), а быстро и легко. В отместку за зверства уэшотцинки направили в Теночтитлан лазутчиков, и те ночью сожгли храм злосчастной богини. Считая пожар в храме дурным знаком, Мотекусوما II приказал казнить жрецов, не проявивших необходимой бдительности. Позже, узнав об истинных причинах пожара, он пошел новым походом на «врагов Дома», который оказался сравнительно успешным [173, с. 245-246; 318, с. 90-91].

К 1519 г., т.е. к приходу испанцев, Мотекусوما II, не достигнув своих целей в отношении «врагов дома» военными средствами, начал экономическую блокаду со всех сторон окруженной территорией Тройственного союза Тлашкалы. Ее жители лишились возможности обменивать прекрасный маис, выращиваемый ими, на хлопок, соль и другие товары. По сообщению источников, они вынуждены были научиться извлекать соль из почвы. Всем этим можно объяснить (пусть не понять), почему оставшаяся фактически в одиночестве Тлашкала (Чолула к 1519 г. склонилась на сторону Тройственного союза) приняла сторону конкистадоров.

На вопрос же, почему ацтеки, завоевавшие (или поставившие под контроль) земли, лежащие далеко на юге, так и не справились со своим маленьким, но дерзким соседом, территория которого находилась в самом центре Тройственного союза, исследователи дают диаметрально противоположные ответы. Согласно одним, решающую роль сыграли чисто военные факторы. Даже в 1521 г. (по данным Э. Кортеса и Б. Диаса) тлашкальцы могли предоставить испанцам 30 тыс. воинов. Долина, в которой располагалась Тлашкала, удачно укрыта горами, что существенно облегчает защиту и затрудняет нападение; кроме того, тлашкальцы (по сообщениям Х. Торкемады и Б. Диаса) естественные преграды усилили фортификационными сооружениями. Словом, ацтеки хотели бы, да не могли взять Тлашкалу.

Другая группа исследователей придерживается иной точки зрения: у Теночтитлана не было экономической заинтересованности для захвата Тлашкалы, поскольку потенциальная дань, какую он мог бы получить в таком случае, не шла в сравнение с тем, что давали ранее покоренные районы⁸³. Кроме того, от концентрированного удара по «врагам дома» ацтеков отвлекали непрерывные восстания покоренных, а также противостояние с тарасками Мичоакана на западных границах [50, с. 423 — 427].

По нашему же мнению, этот спор, по сути, беспредметен, судьба Тлашкалы была предreshена, рано или поздно она стала бы частью Тройственного союза. Военные и административные меры, проводимые Мотекусомой II, сконцентрировавшим в своих руках власть, какой раньше не имел ни один тлатоани, делали это практически неизбежным. Только появление испанцев остановило естественный ход вещей.

Заслуги Мотекусомы II в военных делах, расширении территории в источниках определяются по-разному: одни ограничиваются общим утверждением, что он завоевал много земель, до границ Никарагуа и Тегусигальпы [396, с. 101], в других называются 15 покоренных им больших и малых городов [351, т. 2, с. 285], в третьих это число увеличивается до 44 [288, с. 167] или даже 47 [228, с. 17 — 18]. Действительно, к 1519 г. территория, подконтрольная Тройственному союзу, простиралась по всей Центральной Мексике — от Тихоокеанского побережья до Гватемалы и Чиापаса, составляя около трети всей территории нынешней Мексики [327, с. 119] и охватывая почти целиком нынешние штаты Веракрус, Пуэбла, Идальго, Мехико, Морелос, большую часть Герреры и Оахаки, а также побережье Чиापаса [231, с. 130]. Словом, Тройственный союз превосходил по размерам самое крупное из бывших до него государств — тольтекское [82, с. 47]. Оставались независимыми лишь Тлашкала (с Уэшотцинко и Чолулой не вполне все ясно, хотя их также можно считать, несмотря на половинчатую политику в отношении Тройственного союза, независимыми), а также Метцтитлан (на север от Теночтитлана), Йопитцинко и Тототепек (оба на Тихоокеанском побережье), не представлявшие особого интереса для Теночтитлана либо из-за малой цивилизованности, либо вследствие отдаленности и упорного сопротивления. Северные границы государства проходили по линии Симапан — Ошитипан [162, с. 222]. Большая часть западных границ разделяла Тройственный союз и воинственных тарасков Мичоакана.

Для укрепления и утверждения власти ацтеков Мотекусома II, вслед за его предшественниками, укреплял и развивал систему гарнизонов в разных частях государства.

О перспективах военной политики Мотекусома II, не будь она прервана приходом испанцев, мнения различны. Одни исследователи считают, что, как уже отмечалось выше, ацтеки, вне всякого сомнения, проникли бы и в глубь Гватемалы, и на п-ов Юкатан. К таким завоеваниям толкали правителя торговцы, заинтересованные в доступе к южным товарам. Были же завоеваны Соконуско и Айутлан еще при Ауитсотле [162, с. 201]. По мнению других, с определенностью настаивать на таком сценарии нельзя, ибо отношения ацтеков с миштеками и сапотеками были неоднозначными (о чем уже шла речь) и удача не всегда была на стороне Теночтитлана [318, с. 88; 327, с. 120], а для похода на юг, на майя, необходимы более или менее надежные тылы. Пожалуй, единственное, на что мог вполне рассчитывать Теночтитлан, так это на неспособность многочисленного и пестрого населения Оахаки и перешейка Теуантепек как-то объединиться из-за серьезных противоречий между ними (пример тому — непрерывные столкновения между миштеками и сапотеками и непрочные альянсы, какие они заключали друг с другом).

В области хозяйственной деятельности Мотекусома II продолжил лучшие традиции своих предшественников. Он занимался строительством (возведение водопровода-акведука в Чапультепеке в год «1. кремень» [219, с. 61], уделял большое внимание развитию земледелия и особенно торговли, которой он, как считают, покровительствовал (см. гл. 2).

Мы уже останавливались на тех реформах, какие он санкционировал в области социально-политических отношений. Поскольку анализ состояния дел в этой области к 1519 г., т.е. году начала Конкисты, ниже будет предметом особого рассмотрения (см. гл. 3-4), ограничимся пока лишь тем, что подчеркнем дальнейший рост социальной дифференциации, которая в условиях раннего общества приобретала черты замкнутости. Эпоха Мотекусома II — время наибольшего усиления Теночтитлана, эпоха, когда созданный для борьбы с предыдущим гегемоном в Мексиканской долине, тепанекским ранним государством Аскапотсалько, в начале XV в. Тройственный союз превратился, по сути, в державу, контролировавшую гигантскую, по сравнению со всеми предыдущими государствами Мексики, территорию. Мотекусома придал этому государству этнические черты науа. Даже в настоящее время, несмотря на сильное европейское воздействие, влияние науа в Мексике очень значительно [327, с. 119].

Идеологической базой ацтекской государственности при Мотекусоме II, как и в предыдущие периоды, был активно им распространявшийся ацтекский племенной культ. Высказывалось мнение, что Мотекусома намеревался утвердить его от Теуантепека до Пануко и от Гондураса до р. Лерма, т.е. на всей территории, охваченной влиянием Теночтитлана. В соответствии с этой версией Мотекусома II вынашивал идею превратить свое государство, занимавшее Центральное Мексиканское нагорье, из Анауак («Земля науа») в Семанауак («Вся земля науа»), где он, как тлатоани, был бы владыкой и живым богом [318, с. 87 — 88].

Подобное утверждение справедливо лишь отчасти. Действительно, стремление к утверждению единства — важнейший показатель этого древнего государства. Но поиски связующей общегосударственной идеологии протекали не только в направлении распространения культа племенного бога Уитсилочтли. Наметилась и противоположная тенденция — попытка создать единую эффективную государственную религиозную систему в виде суммы всех многообразных культов, существовавших у важнейших народов, составлявших государство Тройственного союза. Создание Коатекалли, «Храма всех богов», — яркий пример тому. Поиски на разных направлениях свидетельствуют, что ацтеки настойчиво пытались разрешить данную проблему. По нашему мнению, в Теночтитлане зрела религиозная реформа, сопоставимая с той, что пытался провести в Египте Эхнатон. Такое предположение основывается на появлении в религиозно-мифологической системе и идеологии ацтеков образа так называемого Ипалнемоа, Ипалнемоани (ацт. *Ipalnemoa*, *Ipalnemoani* — «Тот, благодаря которому все живет»). В религиозных гимнах ацтеков предиспанского периода он представлен как некая дуальная (мужско-женская) творящая сущность, не ассоциирующаяся с каким-то определенным божеством. Наиболее активно этот образ культивировался при последних тескоканских правителях. Остается только гадать, во что бы все это вылилось, не случись испанского завоевания.

Встреча двух миров: индейцы и конкистадоры

Отголоски первых контактов Старого и Нового Света сохранились в раннеколониальных документах в серии так называемых предзнаменований — рассказах о необычных, сверхъестественных явлениях, которые якобы имели место незадолго до прихода испанцев. Наиболее часто в исторических сочинениях и хрониках, в рисунках пиктографических рукописей сообщается о восьми таких предзнаменованиях.

Первое случилось за 10 — 12 лет до прихода испанцев [351, т. 2, с. 291, т. 4, с. 23], иногда называется год «12. дом», или «5. кролик», либо 1510 г. (см., например, [228, с. 313; 351, т. 4, с. 23]). Оно представляло собой гигантский огненный столб, появлявшийся на восточной половине неба сразу после полуночи и державшийся там до первых проблесков зари, озаряя все вокруг своим светом. С восходом солнца он исчезал, чтобы на следующую ночь вновь возникнуть. Так продолжалось якобы в течение целого года [228, с. 313; 351, т. 4, с. 23] или даже четырех лет [351, т. 4, с. 23]. Иногда место огненного столба занимает громадный столб дыма, который особенно хорошо был виден над морем [305, с. 83].

Второе и третье знамения связывались с беспричинным пожаром, якобы вспыхнувшим в храме бога Уитсилопочтли, а также пожаром в храме бога огня Шиутекутли, случившимся от попадания в его крышу очень странной молнии, которая не сопровождалась привычными в таком случае громом и дождем [212, т. 3, с. 174; 351, т. 2, с. 291, т. 4, с. 23].

Четвертым предзнаменованием было появление среди бела дня кометы, состоящей из «трех звезд». Она двигалась на восток, разбрасывая во все стороны искры [351, т. 2, с. 293, т. 4, с. 23; 396, с. 100]. По другому варианту, комета появилась ночью. Ее видел Мотекусоме II, который был крайне напуган этим необычным явлением. Мудрый Несауальпилли, который был в то время еще жив, растолковал правителю Теночтитлана, что это небесное знамение — знак скорой гибели ацтеков [173, с. 247-248].

Пятым предзнаменованием были причинившие много вреда огромные волны на озерах Мексиканской долины, поднявшиеся при полном отсутствии ветра [212, т. 3, с. 174; 351, т. 2, с. 292, т. 4, с. 23].

Шестым зловещим знамением был якобы звучавший ночами таинственный женский голос, горестно причитавший о скорой гибели и разрушениях, ожидающих мексиканские народы [351, т. 2, с. 292, т. 4, с. 23].

Седьмым знаком называли странную черную птицу величиной с журавля с круглым зеркалом на голове. Поймавшие ее охотники принесли диковину Мотекусоме II. Тот сначала увидел в зеркале небо, звезды, затем корабельные мачты в море и вооруженных людей на лошадях. Мотекусоме II обратился за толкованием видения к своим мудрецам, но те ничего не смогли сказать, а сама птица таинственным образом исчезла [351, т. 2, с. 292, т. 4, с. 23; 396, с. 110].

Наконец, восьмым предзнаменованием, которое якобы предшествовало приходу испанцев, было непонятное появление монстров — людей с уродливыми телами, двумя головами и т.п., которые, после того как их доставляли Мотекусоме II, неожиданно и бесследно исчезали [351, т. 2, с. 292, т. 4, с. 23].

В эту же систему сообщений о зловещих знамениях укладывается и фантастический сюжет, согласно которому некий простой земледелец, обрабатывавший поле, неожиданно был схвачен огромным орлом и унесен в пещеру на высокой горе. Направляемый таинственным голосом, земледелец увидел в ней спящего или находящегося в бессознательном состоянии своего правителя Мотекусому. Крестьянину было приказано все тем же таинственным голосом сесть рядом с тлатоани, принять угощение и выкурить трубку. После этого голос стал вещать, что Мотекусоме — это человек, опьяненный гордостью, тщеславием и высокомерием, не чувствующий надвигающейся беды. Чтобы убедиться в «бесчувственности» Мотекусоме, крестьянину было приказано приложить горящую трубку к бедру правителя. Не смея ослушаться, перепуганный крестьянин выполнил то, что от него требовалось, однако Мотекусоме даже не отреагировал на боль. После этого все тот же таинственный голос велел крестьянину после возвращения домой пойти к Мотекусоме и рассказать обо всем, что видел. Тем самым он должен был передать этому ослепленному гордыней человеку, что ацтеков в скором будущем ждет погибель. Затем орел вновь перенес крестьянина на его поле. Явившись, как

ему было приказано, во дворец Мотекусомы, он рассказал тлатоани о том, что с ним случилось. В подтверждение правдивости своих слов крестьянин упомянул и о том, как обжег Мотекусому трубкой. В ответ на это тлатоани рассердился, приказал бросить крестьянина в тюрьму и предать голодной смерти. Однако тотчас же Мотекусوما почувствовал страшную боль в бедре, снять которую лекари смогли только через несколько дней [173, с. 255 — 256; 396, с. 110].

Близки к этим повествованиям и сюжеты о вещих снах, которые снились различным людям в Мексике в то же время. Мотекусوما, прослышав о таких снах, приказал главам общин и семей собирать о них сведения и сообщать ему, даже если они имели неблагоприятный смысл. Во исполнение его приказа ему доложили, что одному старику якобы приснился сон о гибели в огне храма бога Уитсилопочтли, а некоей женщине привиделось, как воды реки ворвались во дворец Мотекусомы и все разрушили. Тлатоани, поняв, что их сны подтверждают более ранние зловещие предзнаменования, решил действовать, но не нашел ничего лучшего, как посадить всех видевших эти пугающие сны в тюрьму, что и было сделано. Несчастные умерли голодной смертью, после чего никто из ацтеков не рассказывал о своих снах. Тогда Мотекусوما решил разузнать о вещих снах в более отдаленных местах, однако и там никто ничего ему не поведал. Мотекусوما приказал и этих ясновидцев посадить в тюрьму и предать голодной смерти, но эти пленники неожиданно и таинственно исчезли. В наказание Мотекусوما повелел разрушить все те города и селения, где они жили [173, с. 258-260].

Еще один сюжет (правда, со значительным христианским влиянием): одному из пленников, которого должны были принести в жертву, якобы явился ангел и сообщил, что жертвоприношения скоро прекратятся, так как ацтекам придет конец. Пленник поведал об этом ацтекам, но они не поверили ему и все равно принесли в жертву [305, с. 83].

В хрониках также рассказывается, как однажды Мотекусوما приказал мастерам (по традиции всех предыдущих тлатоани) изготовить новый камень для жертвоприношений. Резчики и скульпторы нашли подходящую для этих целей глыбу, однако при попытке его сдвинуть камень неожиданно заговорил, предупреждая, что трогают его на свое горе. И действительно, когда камень стали перетаскивать по мосту через реку, мост обрушился и камень упал в воду, увлекая за собой на погибель многих людей. Когда же Мотекусوما приказал, чтобы камень тем не менее извлекли из воды и доставили-таки в Теночтитлан, то его там не оказалось: он таинственным образом вновь оказался на прежнем месте. Мотекусوما якобы лично его осмотрел и затем, обуреваемый страхом и тоской от безысходности, признал, что, очевидно, все эти дурные знамения являются признаками его действительной скорой гибели [173, гл. 66; 384, с. 494-499; 396, с. 100].

Приведенные легенды — только часть повествований о предзнаменованиях, предшествующих приходу испанцев, которые сохранились в раннеколониальных источниках. Хотя в некоторых из них явственно проступает христианское влияние (особенно если запись вел миссионер), это тем не менее не означает, что подобные повествования чужды были древнемексиканским народам. Ведь и в капитальной концепции пяти мировых Солнц, на которой базировалось миропонимание ацтеков, содержатся явственные эсхатологические идеи, а в ее оригинальности усомниться нет оснований. Подобного рода пророческая традиция вообще характерна для древнего общества. Жизнь ацтеков была проста и сурова, поэтому жрецы и маги Теночтитлана чаще предрекали людям голод, страдания, болезнь и смерть, чем радость и благополучие. Христианская эсхатология нашла здесь весьма подходящую почву, и ее идеи в сочетании с древнемексиканскими представлениями о мире позже были ретроспективно перенесены на годы, непосредственно предшествовавшие приходу испанцев, создавая, таким образом, атмосферу трагизма, безысходности и предопределенности.

Как бы то ни было, в 1518 г. («13. кролик») Мотекусوما II впервые получил более или менее определенные сведения о появлении таинственных пришельцев [138, с. 457]. Преодолев страх и растерянность, он отправил к ним послов, по возвращении которых приказал художникам изобразить со слов последних незнакомцев. Когда рисунки были готовы, его жрецы, роясь в кодексах, долго не могли дать трактовку появлению странных пришельцев. Наконец было решено, что Э. Кортес — бог и культурный герой Кетсалькоатль, покинувший Мексику после гибели тольтекской культуры и обещавший вернуться назад в подходящее для этого время [37, с. 68; 173, с. 268-270; 212, т. 3, с. 183; 351, т. 4, с. 25-27]. Однако события в дальнейшем развивались столь стремительно, что Э. Кортес довольно скоро потерял в глазах индейцев ореол божественности, с каким вступил на земли

Тройственного союза. 8 ноября 1519 г. он вошел в Теночтитлан через южную дамбу и южные ворота города. За время пребывания в городе двух с половиной сотен испанцев дружелюбие и любопытство, с каким сначала их встретили индейцы, сменились гневом и ненавистью к жадным до золота и коварным европейцам. Потеряли они уважение и к своему тлатоани Мотекусоме: подвергшийся моральным и физическим истязаниям, он призвал ацтеков смириться, признать власть испанцев. Согласно наиболее распространенной версии, разгневанные жители Теночтитлана забросали его камнями и он от полученных ран умер (в 53-летнем возрасте). После этого ацтеки, лишившись своего тлатоани, решили напасть на испанцев, превратившихся за несколько месяцев пребывания в Теночтитлане в незваных гостей и врагов. Испанцы, узнав об этих планах, решили покинуть город. Э. Кортес раздал солдатам золото, полученное от индейцев за эти несколько месяцев. Ночью 1 июля 1520 г., которую очевидец событий, солдат Б. Диас, не без резона назвал «ночью печали», испанцы покинули Теночтитлан, намереваясь пройти на материк по одной из западных дамб. Однако индейцы разрушили ее в нескольких местах, поэтому испанцам приходилось переправляться вплавь. Под тяжестью груза, а также под градом ацтекских стрел две трети отряда Э. Кортеса погибли.

Ацтеки, изгнавшие испанцев из Теночтитлана, утвердили, в соответствии с правилами, нового тлатоани. Им стал Куитлауака (приходившийся братом покойному Мотекусоме). Однако он находился у власти лишь несколько месяцев (по некоторым данным, четыре), поскольку умер от оспы, занесенной европейцами. Новым и последним независимым ацтекским правителем стал Куаутемок, сын тлатоани Ауитсотля. Именно он продолжил борьбу с чужеземцами.

Между тем Э. Кортес пополнил свой сильно поредевший после «ночи печали» отряд, с тем чтобы предпринять новую атаку на Теночтитлан. Опираясь он также на помощь, полученную от отдельных индейских вождей, врагов и соперников ацтеков. Среди них оказался и глава сапотекос Косихоеса. Напуганный, как Мотекусома II, приходом испанцев, он с самого начала не оказал Э. Кортесу значительного сопротивления. Позже, придя в себя, Косихоеса посчитал, что с помощью испанцев сможет подчинить не только ацтеков, но и своих непосредственных соседей и соперников миштеков, чонталь, михе и др. Нет нужды говорить, сколь наивными были его планы. Как и многие другие индейские вожди, он вынужден был в конце концов креститься и стать подданным испанской короны.

В начале июня 1521 г. (по некоторым данным — 31 мая) Э. Кортес предпринял новую атаку на Теночтитлан. Штурм продолжался больше месяца (по некоторым сведениям — даже 75 дней) и сопровождался систематическим разрушением взятых кварталов города. К середине августа 1521 г. (год «3. дом») Теночтитлан пал. Куаутемок, организовавший сопротивление ацтеков, был захвачен в плен. Он готов был принять смерть. Но испанцы по-прежнему жаждали золота и, пытая его, хотели выведать у ацтекского вождя, где оно спрятано. Однако эти усилия не увенчались успехом. Позже, обвинив Куаутемока в попытке вновь поднять восстание, испанцы казнили его (повесили), а тело сожгли. Через много лет благодарная Мексика, освободившаяся от испанской колониальной зависимости, поставила в лучшем районе своей столицы памятник Куаутемоку, провозгласив его национальным героем.

Началась эпоха колониального захвата и христианизации Мексики.

Глава 2

ХОЗЯЙСТВО, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СИСТЕМА СОБСТВЕННОСТИ

Этнодемографическая характеристика

Ацтекское государство к началу испанского завоевания, как уже отмечалось, простиралось широкой полосой от северного Веракруса на побережье Мексиканского залива и территории современного штата Герреро на Тихоокеанском побережье до перешейка Теуантепек, Гватемалы и Юкатана на юге.

К 1519 г. вся территория государства была разделена на 38 «провинций», которые населяли разные народы. Ядро же государства, основу собственно Тройственного союза составляли народы, жившие в Мексиканской долине и ближайших регионах, т.е. в южной части Центрального Мексиканского нагорья, — ацтеки (мешики), колуа (кулуа), аколоа (акулуа), тепанеки (тепанеки), чалька, шочимилька, мишкик, отоми. Все они (кроме отоми) были носителями языка науатль. Слово «ацтеки» в начальный период истории ассоциируется с собственно этим народом; после же образования Тройственного союза и особенно накануне Конкисты — со всеми народами, составлявшими основу Тройственного союза и жившими преимущественно на территории Мексиканской долины и сопредельных областей. Остальную часть населения государства, его своего рода провинцию, составляли миштеки, сапотеки, тотонаки, отчасти хуастеки (уастеки) и др.¹.

Когда ниже мы употребляем слово «ацтеки» или «древние мексиканцы», то под этим подразумеваются жители не только столицы, г. Теночтитлана, но и тех районов, которые составляли Тройственный союз и внесли в его формирование свою материальную, социальную и духовную долю. И хотя, конечно, этническая индивидуальность народов сохранялась (в том числе и собственно ацтеков), их совместное проживание, возникновение между ними разнообразных связей с большей вариативностью их форм и степени сближения, в рамках молодого и во многом еще переживавшего стадию становления ацтекского государства не могли не породить общие черты культуры, хозяйственных, политических отношений и т.п.

К началу XVI в. подконтрольная Тройственному союзу территория составляла около 200 тыс. кв. км. Вопрос о численности населения остается дискуссионным. Впервые соответствующие расчеты (с использованием раннеколониальных источников, генеалогических списков, данных переписи раннеколониального периода, с учетом особенностей раннеколониальных поселений и т.п.) были приняты в 40-е годы XX в.² Они свидетельствовали о резком падении численности аборигенного населения после Конкисты³, вызванном военными действиями, эпидемиями⁴, непосильным трудом и т.п. Однако расхождения в абсолютных цифрах, приводимых разными авторами, весьма значительны. По одной версии, за 1519 — 1607 гг. население ацтекского государства уменьшилось с 11 млн. до 2 млн. 14 тыс. человек; по другой, более поздней, за 1519 — 1605 гг. — с 25 млн. до 1 млн. 75 тыс. человек [52, с. 4-55; 224, с. 587; 352, с. 88]. В целом оценка численности населения Тройственного союза колеблется от 4 млн. до 25-30 млн. человек (см., например, [52, с. 4; 62, с. 4, 88; 197, с. 11; 222, с. 1; 224, с. 586-589; 380, с. 27-29]⁵.

На территории ацтекского государства можно выделить крупные и компактные ареалы на основе разных признаков — географических, этнических, культурно-исторических и др. Среди таких центров следует назвать Мексиканскую долину. По отдельным подсчетам, ее население за 1350 — 1519 гг. увеличилось с 160 тыс. до 1 млн. человек. Иными словами, в среднем в год оно росло на 10,83%, что для древнего общества весьма показательны. По мнению исследователей, быстрый рост населения стимулировался урбанизацией, интенсификацией как сельского, так и ремесленного производства, политической централизацией [364, с. 140, 144, 147]. Более решительные авторы считают возможным говорить о 1,5-2 млн. [36, с. 39; 121, с. 117], 3-4 млн. [236, с. 24; 352, с. - 81] и даже о 6,4 млн. человек [352, с. 81]. Другими крупными ареалами с компактным расселением жителей были районы долины Куэрнаваки, Толуки (Матлатцинка), Оахаки⁶ и др.

Демографический рост был сопряжен с активной урбанизацией. Согласно данным источников, во всем государстве насчитывалось до 500 крупных поселений (которые не всегда справедливо называют «городами» — при всех скидках на историческую эпоху).

Хотя степень распространения городов в различных частях территории Тройственного союза была весьма неодинаковой (например, ко времени испанского завоевания долина Теотиуакана была менее урбанизирована, чем район г. Тескоко, а северные районы государства практически не имели значительных городских центров), ацтекская культура со всей очевидностью относится к цивилизациям, в которых древний город играл огромную роль. По подсчетам специалистов, к 1519 г. 25% населения Мексиканской долины жило в городах [314, с. 9; 354, с. 151; 363, с. 121]. В городе-государстве Чалько, враждовавшем одно время с Теночтитланом, ситуация была еще более показательной — около 74% его жителей были сконцентрированы в городе (Чалько, Шико, Тлалманалько), а остальные рассредоточены по более чем 50 мелким и мельчайшим поселениям [85, с. 166].

Величина сельских поселений варьировалась в зависимости от характера и типа земледельческой технологии. В низменных районах, где земли больше, преобладали поселения нуклеарно-радиального типа, террасовое же земледелие чаще порождало малонаселенные деревни. Численность жителей в деревне колебалась от нескольких десятков до нескольких сот человек [354, с. 151].

Огромное большинство городов Тройственного союза — сравнительно небольшие по численности поселения (3-6 тыс. жителей). Лишь некоторые из них можно назвать достаточно крупными [354, с. 151; 356, с. 544]. К концу XV в. там было по крайней мере 12 городов с населением более 10 тыс. человек [92, с. 44; 222, с. 16], 5 из них, включая Теночтитлан, — в Мексиканской долине [70, с. 380; 86, с. 192; 88, с. 316; 92, с. 44; 222, с. 20; 276, с. 91; 352, с. 82; 364, с. 140; 380, с. 27-29].

Конечно, урбанизация Мексиканской долины началась не в ацтекский период. Крупнейшим древним городом доацтекской эпохи (классического периода истории Месоамерики) был, например, Теотиуакан, однако именно со времени Тройственного союза стали особенно быстро и в большом числе возникать большие и малые города [364, с. 144].

Крупнейшим по численности населения городом был Теночтитлан, столица Тройственного союза. Согласно источникам, он имел 60 тыс. жителей (см., например, [411, с. 366]. Часть исследователей ориентируются на эту цифру [85, с. 104; 95, с. 490; 354, с. 151]⁷. Однако у других авторов мы находим иные цифры — 100 тыс., 300 тыс. и даже 1 млн. [65, с. 199; 88, с. 316; 121, с. 117; 235, с. 24; 236, с. 210; 276, с. 104; 334, с. 16; 352, с. 182; 354, с. 151] либо косвенные указания типа того, что во время праздника в Теночтитлане собирались до 1 млн. человек [83, с. 150]. В любом случае он был крупнее большинства городов средневековой Европы⁸.

Несмотря на богатство документальных источников, мы не имеем точного плана Теночтитлана. Самая ранняя схема относится к 1628 г. Точные размеры города также неизвестны, ибо на его руинах вырос г. Мехико, а раскопки в городских условиях сильно затруднены. Предполагается, что Теночтитлан имел площадь 12 — 20 кв. км., причем Теночтитлан и Тлателолько к 1519 г. были по сути единым целым (их разделял только канал) [88, с. 316; 92, с. 45; 222, с. 20; 356, с. 535; 380, с. 27 — 29]. В литературе численность жителей Теночтитлана чаще всего определяется в 150-200 тыс. человек. Исходя из этого плотность населения в нем была порядка 12 -17 тыс. человек на 1 кв. км. [356, с. 535], так что, скорее всего, речь идет о своего рода «большом Теночтитлане», включавшем поселения-спутники на мелководной части оз. Тескоко и, соответственно, занимавшем значительно большую площадь.

Вторым по важности городом Тройственного союза и Мексиканской долины был Тескоко. Согласно подсчетам исследователей, население его было 12,5 — 25 тыс. человек [222, с. 14, 24; 314, с. 6 — 7], в источниках же говорится и о 30 тыс. [147, с. 67]. Население всей территории, подконтрольной Тескоко в системе Тройственного союза, составляло около 250 тыс. человек [314, с. 10, 17]. Однако, по нашему мнению, эти цифры существенно завышены, поскольку площадь собственно городского центра Тескоко составляла всего 4,5 кв. км, а тескокского района в целом — около 80 кв. км [222, с. 24]. Другие городские поселения, располагавшиеся там, например Отомпан, Окуруман, по данным Э. Кортеса, имели по 3 — 4 тыс. жителей [156, с. 67].

Третий политический центр и член Тройственного союза, г. Тлакопан (Такуба), находится ныне в черте г. Мехико, а в доиспанский период его и Теночтитлан разделяли всего 6 км пути [92, с. 45; 148, с. 91]. (Кстати, приблизительно такое же расстояние было от Теночтитлана и до таких исторических центров, как Чапультепек и Койоакан.) Определить численность его жителей в доиспанский период сложно, но ясно, что она была меньше, чем в г. Тескоко.

Важным культурным и историческим центром ацтекского государства был г. Толлан (Тула), когда-то столица тольтекской цивилизации. Сомнительно тем не менее, что этот город имел накануне Конкисты население в 60 — 70 тыс. человек (а вместе с окрестным сельским населением — около 180 тыс.), как об этом часто говорится в литературе (см., например, [162, с. 235]. С осторожностью следует относиться и к утверждению, будто в рамках государственной системы Тройственного союза Толлану были подконтрольны судьбы около 500 тыс. человек⁹.

Некогда, еще до возвышения Теночтитлана, Аскапотсалько (располагавшийся от него всего в 2 км) имел, по некоторым данным, 85 тыс. жителей¹⁰; в последующий период их число оставалось примерно таким же. По 25 тыс. (цифра, видимо, оптимальная для большинства крупных городов

ацтекского государства) жило в цветущих островных или прибрежных городах (например, в Чалько, Шочимилько), игравших роль основных центров сельскохозяйственного производства на юге Мексиканской долины [148, с. 96]. По сведениям Э. Кортеса, около 12 -15 тыс. человек составляли население г. Истапалапа (находившегося на его пути в Теночтитлан) и 3 тыс. — г. Мешикальтцинко (там же, в южной части долины) [156, с. 56; 222, с. 113].

Как бы продолжением Мексиканской долины была долина Теотиуакана, занимающая площадь около 600 кв. км. Центр выдающейся культуры, Теотиуакан в Классический период был самым большим городом Месоамерики. Его население в VI в. превышало 200 тыс. человек¹¹. С VIII в. начинается его упадок, однако и в ацтекский период он сохранил значение религиозного центра; его площадь составляла около 18 — 20 кв. км, а население (очевидно, с учетом тяготеющих к нему окрестных поселений) — порядка 100 — 125 тыс. человек [92, с. 44; 222, с. 15-16; 342, с. 51; 353, с. 82; 356, с. 535].

Одним из первых районов за пределами Мексиканской долины, ставшим объектом ацтекской экспансии, была территория нынешнего штата Морелос, располагавшегося к югу от Мексиканской долины. По мнению некоторых исследователей, в этом районе в доиспанский период располагалось около 55 больших и малых поселений, где жили примерно 600 — 850 тыс. человек [32, с. 75 — 76].

Довольно крупным по численности населения городом за пределами Мексиканской долины была Семпоала (11 — 12 тыс. жителей) [411, с. 366]¹².

Урбанизация в древних цивилизациях всегда предполагает полиморфный характер экономики. Таковой она была и в Тройственном союзе, где наряду с земледелием важную роль (а в некоторых местах и решающую) играли охота, рыболовство, собирательство, ремесло; связующим между ними звеном была торговля. В общем виде это можно сказать о любом древнем государстве; конкретика же хозяйствования в ацтекской державе имела много оригинальных и самобытных черт.

Собирательство, охота, рыболовство

Значение собирательства, охоты, рыболовства как видов хозяйственной деятельности в древнем обществе менялось в зависимости от периода, эпохи, но определенную роль они играли всегда. В ранний период истории ацтеков, сразу же после их появления в Мексиканской долине, когда они еще продолжали вести кочевую жизнь, их в большей степени интересовали леса и дичь и в меньшей — земледелие. Иными словами, тогда решающую роль для них играло присваивающее хозяйство. Однако и позже, когда ацтеки стали заниматься земледелием, оно сохранило для них определенное значение. Так, голод при тлатоани Мотекусоме I Старшем был вызван не только неурожаем кукурузы и овощей, но и массовым мором диких животных, птиц, земноводных, которые широко использовались ацтеками в пищу [219, с. 56].

Самым обычным и, традиционным было использование растительных ресурсов, которыми регион был весьма богат. В этом смог убедиться доктор Ф. Эрнандес, личный врач Филиппа II — один из первых европейцев, попавших в Мексику. В 1570 г. он прибыл туда с целью изучения флоры этого района Америки. В языке науа не было слова «ботаника», но соответствующие знания, несомненно, были достаточно широкими: индейцам (по данным Ф. Эрнандеса) были знакомы свойства более тысячи растений (Б. Саагун описал лишь около ста из них).

В источниках есть сведения об использовании индейцами в хозяйстве кедра, кипариса, пальмы и др. Наиболее важными в хозяйственном плане были для них вечнозеленый дуб и различные виды сосны. Первый шел главным образом на изготовление мебели, а вторая — на строительство; из них же делали каноэ. Кедр и сосна использовались при отделке зданий, в частности храмов [173, с. 161; 212, т. 3, с. 212; 351, т. 3, с. 145; 353, с. 293]. Обработка дерева и широкое применение его — характерная черта древнеацтекского хозяйства.

Древесные отходы (сучья, щепы) использовались как топливо — для обогрева домов и приготовления пищи. Заготовкой дров занимались дровосеки, которые предлагали свой товар на рынке. Из дерева делали и древесный уголь, который также продавали [156, с. 73; 351, т. 3, с. 145]. Для очагов использовали и кору деревьев. Один из наиболее авторитетных авторов эпохи испанского завоевания, Б. Диас, писал, что в холодную погоду покои Мотекусомы II обогревались «особыми углями из коры какого-то дерева, горевшего без дыма и с весьма приятным запахом» [14, т. 1, с. 142].

Известно также, что на территории нынешнего штата Морелос жители доиспанского периода использовали древесную кору для этих же целей (в частности, дерева, упоминаемого в испанских источниках под ацтекским названием *amaguavitl*) [342, с. 51]. В ход в быту шли и листья деревьев. Так, в качестве салфетки или подставки использовались красиво обработанные по краям пальмовые листья [152, с. 380].

Местные жители умели добывать растительные смолы, камедь как из сосны, растущей высоко в горах, так и из тропических и субтропических деревьев. Белая смола местного каучуконоса (лат. *Protium coral Eng.*) в застывшем виде находила применение в разных сферах жизни общества. Ф. Л. Гомара, касаясь этой области материальной культуры, писал, что «идолов» индейцы окуривали, сжигая травы, цветы, камедь. Но наилучшим для воскурений считался копал (ацт. *copalli*) двух видов — твердый и желеобразный. Копал первого вида (ацт. *holochcopalli*) на ощупь был мягким, на холоде он твердел; второго вида (ацт. *copalquahuitl*) - напоминал густое масло или жидкую смолу, его даже испанцы использовали как мирру, смешивая с растительными маслами, делали своего рода скипидар. Индейцы изготавливали из такой смолы шарики, их применяли в ритуальных действиях, сжигая для воскурений божествам. Плотные и прочные каучуковые мячи использовались во время ритуальных игр [173, с. 250; 203, с. 257; 212, т. 3, с. 209]. Каучуковый сок жрецы лили в воду во время освящения новой дамбы, построенной при Ауитсотле [173, с. 212]. При работе в шахтах использовали факелы из растительных волокон, смоченных древесной смолой. Иногда, зная свойства смол, при освещении домов использовали смолистые сосновые щепки (ацт. *ocotl*), а также пальмовые или иные факелы, смоченные смолами. Это было не очень удобно, отмечал один из раннеколониальных авторов, добавив, что индейцы прекрасно умели использовать животные жиры, в том числе и в медицинских целях, и для живописи, но не догадались использовать их для освещения [203, с. 247] (см. также [351, т. 3, с. 153-154]. Различные смолы и каучук получали в таком количестве, что ими даже торговали [351, т. 3, с. 150]. Понимающие толк в делах такого рода знали, что добросовестный продавец, в отличие от мошенника, не станет добавлять в смолы смесь типа растертых в порошок зерен маиса или фасоли [351, т. 3, с. 151]. Индейцы умели получать растительный клей (из растения, по-ацтекски называемого *tzacuhtli* — лат. *Epidendrum pastoris*), который обычно использовали для склеивания листов индейской бумаги [34, с. 342]. О размерах потребности в нем говорит то, что он продавался на рынке [351, т. 3, с. 150].

Из семян шалфея (ацт. *chianque*), напоминавшего горчицу или сарагатону, добывали растительное масло, которое шло на технические цели и в пищу, хотя индейцы больше любили жиры животного происхождения [351, т. 3, с. 231-232]. О последних, в частности, упоминает авторитетный Б. Саагун [351, т. 3, с. 142]. Один из них на ацтекском языке назывался *tlaquatzin*.

В месте зарождения первых очагов ацтекской культуры, на озерах Мексиканской долины, огромную роль играл тростник (ацт. *zacatl*). Он использовался в пищу (молодые ростки) и в ремесленном производстве, а также как топливо для очагов. Озера доставляли ацтекам и другие виды съедобных растений, которые, несмотря на их незначительные энергетические ресурсы, занимали важное место в местном рационе. Среди них особенно выделялась (об этом говорят многие источники) водоросль, известная под ацтекским названием *tecuítlatl* (лат. *Spirulina geileri*), богатая протеином. Эта зеленого или иногда пурпурного цвета водоросль быстро разрасталась в соленых водах озер. Она служила основной пищей для перелетных водоплавающих птиц, шла и на стол в специально приготовленном виде. Добывали ее довольно просто: часть озера огораживали и затем собирали водоросли с помощью сетей. На суше из водорослей делали плитки, брикеты, лепешки и затем высушивали. Вкусом они напоминали зеленый сыр, имели пикантный привкус из-за содержащихся в них естественных солей. Как писал один из раннеколониальных авторов, «ели их, как сыр в Кастилии». Такие лепешки из водорослей служили объектом торговли, и, продавали не только на местных рынках, но и далеко за пределами Мексиканской долины (некоторое время и после Конкисты) [201, с. 341; 212, т. 3, с. 231; 222, с. 13; 231, с. 131; 355, с. 287-290].

Рыболовство, еще одна разновидность присваивающего хозяйства, было развито на всех реках и озерах, особенно в Мексиканской долине (см. рис. 36-40). Население абсолютно всех прибрежных или островных поселений оз. Тескоко занималось им, а для некоторых из них оно было даже основным занятием. Так, рыбацким центром считалась Чиконаутла, располагавшаяся на восточном побережье оз. Тескоко. Там жило очень много профессиональных рыбаков. Наиболее успешной

рыбная ловля была там, где впадавшие в озера источники уменьшали соленость воды, например у Сумпанго, Экатепека, Ситлалтепека. Приобщение к рыболовству начиналось очень рано — с семи лет дети обычно уже были с родителями на промысле [137, т. 1, с. 91] (см. рис. 37).

В менее соленой или пресной воде ловили несколько видов рыб, известных по источникам под общим названием «белая рыба» (ацт. *iztacmichin*), достигавших в длину до 20 см; упоминаются и другие виды пресноводных рыб (в частности, ацт. *xohuilin* и *amilotl*). Рыбы, водившиеся по преимуществу в соленой воде озера, были меньше размером [201, с. 339-340; 231, с. 131; 351, т. 3, с. 144].

На открытой воде индейцы ловили рыбу с каноэ, используя сети, крючки, трезубцы, остроги, копья; во время половодья, когда вода выходила из берегов, ловили и руками (см. рис. 36, 38). Закладывались также зачатки рыбоводства (см. рис. 39). Мы не знаем, была ли у ацтеков морская торговля, но морское рыболовство у прибрежных народов, завоеванных Тройственным союзом, было достаточно распространено [130, с. 238].

На рынках рыбу продавали в разных видах: свежей, соленой, копченой; торговали и икрой [156, с. 73; 351, т. 3, с. 144]. В колониальный период испанцы наладили рыболовство на европейский манер, чем нанесли традиционному промыслу индейцев существенный урон [201, с. 341].

В традиционный индейский рацион входили многообразные мелкие животные и даже насекомые: черепахи, лягушки, тритоны, креветки, змеи, раки, улитки, муравьи, ящерицы, langусты, крысы, мыши, саранча, игуаны, личинки насекомых, стрекозы, водяные жуки (ацт. *ахауасатл*) и их личинки (ацт. *аһуаһтли*), которых обычно собирали на листьях тростника и использовали в качестве начинки в пирогах и приправы к лепешкам; насекомые, по-ацтекски называемые *izcauitli*, потреблявшиеся в пищу в виде густой массы червеобразных личинок, личиночный саламандр (ацт. *ахолотл*, лат. *Amblystoma* sp.), около 16 см длиной, напоминавший по вкусу угря. Последний использовался в пищу и в колониальный период, испанцы ели его даже в период поста. Вообще, значительная часть доиспанских видов пищи сохранила свое значение в колониальный период [351, т. 3, с. 144 — 145] (см. также [201, с. 341-343; 212, т. 3, с. 231; 399, с. 94].

Охота (см. рис. 7, 35) накануне Конкисты занимала, очевидно, то же место, что и рыболовство, хотя для некоторых народов, например отоми, она была главным занятием (особенно для горцев), поэтому они почитали «божественные лук и стрелы», приносящие им пищу. Согласно ацтекской мифологии, Солнце вручило первым людям лук и стрелы, чтобы на охоте они добывали себе пропитание, а ему — жертвоприношения [267, с. 123]. Правда, в реальной культовой практике в связи с этим видом деятельности почитались в той или иной форме боги Камаштли и Опочтли. Последнему поклонялись также и рыбаки. Считалось, что некогда, будучи еще человеком, Опочтли изобрел сети для ловли рыбы, силки для птиц, а также иные приспособления для охоты [351, т. 1, с. 64].

Современные исследователи, опираясь на данные раннеколониальных источников, полагают, что продукты животного происхождения в общем рационе питания ацтеков не превышали 1% [152, с. 379; 353, с. 281-287]. На основе этого один из авторов даже приходит к выводу, что охота была главным образом церемониальным занятием ацтекской знати [231, с. 131]. По нашему мнению, это может относиться только к охоте на ягуара. Остальные же животные и птицы были, в большей или меньшей степени, обычным объектом промысла.

Наибольшее значение имела охота на птиц, около 40 видов которых были известны ацтекам [201, с. 341; 351, т. 3, с. 234 — 259]. Наиболее распространенной добычей были утки и гуси, как перелетные (на них охота шла с октября по март), так и «местные». Для охоты на них чаще всего использовали сети. Их навешивали на сваи, вбитые в дно озера. Криками и ударами палок по воде водоплавающих загоняли в ловушки, запутавшихся птиц извлекали из сетей (см. рис. 40). Использовали также дощечки для метания дротиков. Оба эти способа применяли еще и в XX в. [201, с. 342].

Охота на птиц практиковалась повсеместно, особенно, конечно, на озерах в Мексиканской долине. Тепотслан, городок на западном берегу оз. Тескоко, испанцы даже называли «утиным городом». Был свой квартал охотников и в колониальном Мехико. Индейцы продолжали охотиться на птиц, чему испанцы не препятствовали, так как получали, помимо всего прочего, перья для письма. В XVIII в., когда охота была уже европеизирована, в город поступало ежегодно до 1 млн. штук птиц [201, с. 343].

На неводоплавающих птиц, а также кроликов, зайцев, койотов, броненосцев (ацт. *tozan, tuza*), ласок (ацт. *suzatli*), кротов охотились с помощью сетевых ловушек, а также луков со стрелами, духовых ружей, ручных сетей. К оленям обычно подбирались, накинув оленью шкуру, и поражали их стрелами (см. рис. 7).

Были учреждены заповедные охотничьи угодья. Были они, например, у тлатоани Мотекусомы II. Там он обычно охотился в сопровождении свиты, и никто другой не должен был проникать туда для промысла [14, т. 1, с. 149; 212, т. 3, с. 219].

Дичь шла в пищу (например, были очень популярны кукурузные лепешки, которые подавали с мясом). Яйца птиц использовались с незапамятных времен как важнейший источник протеина. Использовалось в ремесле перо птиц, прежде всего отличающиеся особой красотой перья кетсала (ацт. *quetzal*), колибри (ацт. *huitzitzilin*), горлицы (ацт. *cocotli*) и др. [351, т. 3, кн. XI, гл. 2, § 2].

Жиры животного происхождения использовались в медицинских целях [203, с. 247]. Например, для заживления волдырей применялся жир колибри, что, кстати, не в последнюю очередь связано с верой в магические свойства этой особо почитаемой за красоту перьев маленькой птички. Шкуры ягуара считались предметом роскоши и были особой статьей в списке дани, какую выплачивали покоренные народы. Оленьи же, заячьи и иные шкурки, напротив, были довольно обычными и находили широкое применение в ремесле.

Категорическое утверждение, что индейцы не знали домашних животных и птиц до прихода европейцев, не совсем верно, хотя малые масштабы domestikации сомнений не вызывают. Действительно, в доиспанский период вьючных животных не было (из-за отсутствия подходящих диких видов в самой природе), однако в домашнем хозяйстве жителей древней Мексики были представлены индейки (ацт. *huexolotl, cihuatotolin*), 4 — 5 видов перепелов, утки. Для круглогодичного получения перьев для ремесла, а также, видимо, из-за неумения длительно хранить убоину, выловленных диких и домашних птиц содержали вместе [104, с. 181; 118, с. 61; 152, с. 379; 212, т. 3, с. 229; 241, с. 719; 411, с. 360]. Эта практика аналогична той, что была, например, в древнем Египте.

Развитие птицеводства было, очевидно, значительным, поскольку на рынках имелись специальные птичьи ряды; продавались яйца; Упоминается торговля пирогами с яйцом [156, с. 72 — 73; 351, т. 3, с. 147 — 148, 411, с. 360]. На рынках имелись мясные ряды, где торговали тушами не только животных, добытых охотниками, но и местных маленьких без густой шерсти собачек (ацт. *chichi* или *itzcuihtli*, лат. *Canis caribaeus* Linn), мясо которых шло в пищу. Выращивая их, ацтеки прежде кастрировали животных [104, с. 179; 156, с. 73; 201, с. 344; 241, с. 719; 351, т. 3, с. 145]. Индейцы продолжали использовать собак в пищу и некоторое время после Конкисты, хотя делалось это главным образом в связи с праздником (например, крещением ребенка или свадьбой) [201, с. 344]. Говоря о данном обычае, важно иметь в виду, что собака имела большое значение в ацтекском религиозном ритуале как животное для жертвоприношений. Она считалась существом, связанным с подземным миром мертвых.

Пойманных диких животных иногда содержали в особых клетках. Так, птицы самых разных видов были в дворцовом хозяйстве Мотекусомы II, большой штат специальных лиц присматривал за ними, следя за их кормлением, чистотой помещений, здоровьем и правильным размещением по определенным гнездам и насестам. Хотя это хозяйство называлось «дом птиц» (ацт. *totocalli*), по сути, это был зверинец, где содержались также и животные, в том числе такие мощные хищники, как ягуары. Один из конкистадоров, описывая зверинец в своих воспоминаниях, сообщал, что животных кормили не только дичью, домашней птицей, собаками, но и человеческим мясом в случае больших жертвоприношений [14, т. 1, с. 143 — 144]. Это не соответствует действительности, поскольку, как уже отмечалось, ацтекские жертвоприношения носили ритуальный характер, а не характер заурядной человеческой бойни.

Ацтеки занимались и бортничеством, собирая натуральный мед, который затем был широко представлен на рынках [156, с. 73; 212, т. 3, с. 231; 305, с. 86; 411, с. 361], однако, по утверждению одного из авторитетных раннеколониальных авторов, лучший мед собирали все-таки вне пределов древнеацтекского государства, у майя Юкатана [305, с. 86]; возможно, что этот мед ацтеки получали через посредство торговли с ними.

Аграрное производство

Конкистадоры, руководимые Э. Кортесом, были потрясены картиной поразительного обустройства территории и ее ухоженности. Один из участников похода позднее описывал свои первые впечатления от увиденного: «Перед нашим изумленным взором открылись города и деревни, то на берегу озера, то как бы вырастая из самой воды... всюду возвышались башни, храмы, могучие строения из камня то на земле, то на воде... Кругом шли сады, да такие, что не насмотришься... там и тут виднелась зеркальная гладь прудов и прудков... Но теперь от всего этого нет и следа... Все изменилось настолько, что никто этому даже не поверит» [14, т. 1, с. 133].

Действительно, Мексиканская долина, о которой идет речь, представляла в то время район развитого земледелия, о котором можно судить на основе данных исторической и современной этнографии, аэрофотосъемки, археологии (в том числе и ландшафтной), а также раннеколониальных источников как европейского, так и индейского происхождения.

Исследователи справедливо полагают, что обработка земли в разных формах практиковалась там еще до появления ацтеков и они лишь восприняли это занятие, оказавшись способными учениками. Однако дело не сводилось к простому заимствованию: можно сказать, что ацтеки, создавшие самую позднюю в истории Центральной Мексики культуру, не только освоили существовавшую систему земледелия, но и, как увидим, подняли ее на новый уровень [351, т. 3, с. 122 — 123].

Та часть Мексики, где располагались земли Тройственного союза, представляет собой каменистые степи, горные долины с редкими для данных мест дождями (среднегодовая норма осадков — около 750 мм, выпадают они, как правило, в течение около 100 дней). Только в южных, низменных или прибрежных районах (например, Оахака, Табаско, Веракрус), да и то не везде, климат субтропический или даже тропический.

В зависимости от высоты над уровнем моря в Мексике различались (по разным шкалам) три основные сельскохозяйственные зоны: 1) до 800 (или 1000) м; 2) 800-1800 (или 1000-2000) м; 3) 1800 — 2800 (или свыше 2000) м. Для каждой из них ведущими были определенные виды и сорта культурных растений.

Основная часть территории ацтекского государства располагалась в средневысотной зоне субтропического и тропического пояса со средней температурой зимы 12 — 14°, лета — 16 — 20° (показатели средних температур менялись по зонам в зависимости от высоты над уровнем моря).

По сути, все основные формы земледелия, практиковавшиеся ацтеками, можно проследить на примере центра Мексиканской долины, метрополии этого государства, располагавшейся на оконечности Центральноамериканского плато (нынешний центральный район Мексики). Ее размеры: приблизительно 130 км с севера на юг и 60 км с востока на запад¹³. С запада, юга и востока долину окружали отличающиеся высокой сейсмичностью горы вулканического происхождения (наибольшая высота — 4300 м). Самая низкая точка долины лежит на высоте около 2240 м. Уровень среднегорья делает климат достаточно умеренным; снег большую часть года лежит на самых высоких вершинах.

Из других регионов Мексиканской долины в доиспанский период наиболее интенсивно освоенными были Тескоко и Теотиуакан. Из-за расчлененности горного рельефа там, в долине, не возникли значительные озерноречные системы.

Климат Центральной Мексики субтропический, выпадение осадков сезонное — наибольшее их количество приходится на дождливый летний сезон (с мая по октябрь)¹⁴. В некоторые годы дождливый сезон начинался в апреле, достигал апогея в июле-августе, и затем наступал сухой сезон. Конечно, за последние 600 — 700 лет в климате произошли некоторые изменения. Тем не менее, исходя из нынешнего его состояния, можно довольно уверенно предположить, что в рассматриваемый нами период в районе Тескоко, например, осадков выпадало 768 мм в год, а среднегодовая температура равнялась +15,7°¹⁵. Нередки были заморозки, чаще в зимние месяцы, но не исключались они даже в сентябре и мае.

Большая часть Мексиканской долины была покрыта системой сравнительно неглубоких соленых озер. Называвшиеся в доиспанский период часто общим именем «озеро Луны», они занимали в долине около 2800 кв. км (70 x 40 км). Во время дождливого летнего сезона почти треть долины покрывала вода, однако в сухое время года оставалось пять отдельных озер: Сумпанго и Шалтокан на

севере, Тескоко в центре, Чалько и Шочимилько на юге. Соленость этих озер была различной — южные и северные были менее соленые, чем центральное. Как увидим ниже, эта разница в солености и глубине озер имела огромное значение для земледелия.

Раннеколониальные источники единодушно отмечают, что древнеацтекским земледельцам были известны основы представлений о плодородии почвы и способах его повышения. Различая потенциальное (естественное) и эффективное (приобретенное) плодородие земли, древнеацтекское земледелие выделяло четыре наиболее общих типа ее качественных состояний, требующих своих типов культивирования и севооборота: аллювиальная (atoctli); земля, обогащенная перегноем (cuauhtlalli); пустошь (tetlelli); пар (tlalzolli). Кроме этого оно давало и более подробные характеристики почв: земли, возделываемые на месте покинутых жилищ (callalli), обогащенные отходами органического происхождения (tlalauiac), плодородные земли, содержащие незначительное количество песка (xalatoctli). Ацтеки знали и выделяли несколько типов бесплодных земель. Так, содержащая слишком много песка называлась халлалли, значительную долю щелочноземельного субстрата (селитры) — tequizquitl, известковые породы — tlaltenextli, земля, подвергшаяся ветровой эрозии (дефляции), превратившаяся фактически в пыль, — teuhtlalli. Ацтекские земледельцы были знакомы и с другим вариантом разрушения почвы — водной эрозией, а также с заболачиванием. Так, они выделяли земли заболоченные в противоположность влажным и плодородным землям; знали они и понятие «горная земля» (tepecentli) [101, с. 46; 201, с. 300; 351, т. 3, с. 347-348; 355, с. 240].

Характеризуя в самом общем виде эти же земли с точки зрения современной классификации, следует отметить, что до 1/4 территории Мексики (по преимуществу внутренние районы, как раз и совпадающие в основном с территорией ацтекского государства) занимают сероземы и примитивные почвы субтропических пустынь, содержащие 1-3,5% гумуса; в горных областях преобладают серо-коричневые и коричневые почвы (включающие хорошо дренированные плодородные почвы на вулканических пеплах — андосоли), пригодные при орошении для земледелия, а также горно-лесные бурые почвы; всего лишь 5% территории занимают красно-желтые и красные ферраллитные почвы тропиков. Что касается района Мексиканской долины, то, согласно исследованиям, наиболее глубокий и плодородный слой почвы был на юго-западе, он уменьшался и ухудшался в северо-восточном направлении [355, с. 252].

В общем, как справедливо указывали еще раннеколониальные авторы, земли действительно были разные, как трудные для культивации, засушливые [110, с. 143], так и плодородные, позволяющие получать при соблюдении определенной агротехники 2 — 3 урожая в год [152, с. 369].

В зависимости от микроклимата, ландшафта, наличия влаги, обрабатываемой территории, технологических и трудовых навыков, наконец, выращиваемых культур в ацтекской, как и в других ранних земледельческих цивилизациях, использовали две основные системы земледелия — экстенсивную и интенсивную.

В жарких лесных тропических районах, где достаточно осадков и лес быстро восстанавливается, практиковалось (при выращивании прежде всего маиса, главной культуры древних мексиканцев) подсеčno-огневое земледелие. Данная система культивирования, использовавшаяся майя, обстоятельно рассмотрена в отечественной литературе. На определенной территории сжигали лес и на освободившейся земле выращивали маис до тех пор, пока не иссякало естественное плодородие почвы (обычно 2-3 года). Затем участок оставляли и переходили на другой. На старый участок можно было возвратиться лет через 10, когда он покрывался густым подлеском. Эту систему земледелия использовали как в низменных, так и гористых районах. На территории ацтекского государства данная система агротехники использовалась наиболее широко у тотонаков Пуэблы [69, с. 919], на землях, прилежащих к побережью Мексиканского залива и завоеванных при пятом правителе Мотекусоме I Старшем.

Эта система агротехники достаточно эффективная, несмотря на сравнительную простоту. Даже в наши дни, например, в штате Морелос урожай с таких участков в среднем в 2 раза выше, чем при плужном земледелии. У тотонаков урожай достигал уровня сам-100, и земледelec может получать по два урожая в год. При экстенсивном подсеčno-огневом земледелии, по современным данным, на 100 семей у тотонаков требовалось (например, в районе Тахина) 1200 га (для сравнения: у майя района Сан Хосе в Петене — 3200 га) [69, с. 912]. Не случайно во время неурожая (1451-1453)

именно тотонакам, поля которых не пострадали, продавались в рабство многие ацтеки [173, с. 147; 228, с. 205-206; 384, с. 165-168].

Подсечно-огневое земледелие возможно лишь при сравнительно редком населении. Рост плотности населения делает его невозможным. Впрочем, важно и то, что тропические районы, где было прежде всего распространено подсечно-огневое земледелие, заселяли преимущественно майя. В самой же поздней и самой мощной державе древней Мексики эта система не получила широкого распространения. Территорию ацтекского государства составляли по большей части гористые и горные, засушливые и полузасушливые районы, требовавшие максимально эффективных способов эксплуатации земли. Поэтому уже на первых этапах перехода к оседлой жизни ацтеки восприняли от своих исторических предшественников более интенсивные методы землепользования — систему земледелия, предусматривавшую регулярную обработку земель. Как показывают археологические данные, переход к ней произошел в древней Мексике задолго до прихода ацтеков, и не они творцы такой системы¹⁶. Первой среди форм регулярной обработки земли следует назвать мильпу.

Мильпа (ацт. *milpa*) — обычное название маисового поля (хотя могло быть и хлопковое). Однако так обозначали и особую систему земледелия. Традиционно считается, что мильпа — эквивалент подсечно-огневого земледелия. Возможно, это верно применительно к майя, но в большинстве районов, составлявших территорию ацтекского государства, мильповое земледелие представляет собой, по сути, переходную ступень к регулярной землеобработке. В горных районах после двух-трех лет возделывания земли ее по крайней мере на год оставляли под паром (ацт. *tłalzolli*). По данным исследователей, среднее соотношение возделываемых и находившихся под паром земель было 1:3. Период пара мог быть не только сокращен, но и даже исключен вообще, если мильпу дополнить севооборотом, использованием удобрений в виде перегнивших растительных остатков и жнивья [69, с. 910]. Одно из названий мильпы — «сухая мильпа» (ацт. *tonamilpa*) отражает, по-видимому, богарный характер этой системы землепользования.

Довольно обычным для древнеацтекского сельского хозяйства было террасирование, появление которого диктовалось природногео-графическими особенностями территории. В этом случае водная и ветровая эрозия сдерживались укреплением краев участков камнями, земляным валом, посадкой растений с мощной корневой системой, устройством специальных водосливов. В результате проведения таких работ глубина плодородного почвенного слоя на склонах обычно превышала 20 — 30 см. Как показывают археологические данные, к 1519 г. большая часть горных склонов центральной и северной части Мексиканской долины была покрыта сложными, тщательно сработанными террасами. Наиболее известны террасы в районе г. Тескоко. По большей части на них выращивали маис, иногда — при наличии соответствующих условий — и другие культуры. Так, при восьмом ацтекском тлатоани Ауитсотле на Тихоокеанском побережье был покорен обширный район Сакатула, где на основе террасового земледелия выращивали хлопок (оттуда ежегодно поставляли в Теночтитлан в качестве дани до 800 тюков хлопка) [162, с. 180]. Террасы строились и в районе Теотиуакана [248, с. 52], и в Чалько [76, с. 80].

Традиционное мильповое земледелие дополнялось использованием системы калмиль — возделывание на прилегающем к дому участке (ацт. *calmil*) огорода, удобрявшегося хозяйственными отходами и растительными остатками. По современным данным, у тотонаков горной Пуэблы средняя семья возделывала 2 га мильпы и 0,5 га калмиля. Мильпу обрабатывали в течение трех лет и затем оставляли на три года под паром, в то время как огород возделывали непрерывно. Продуктивность калмиля была сравнительно высокой — он обеспечивал от 1/3 до 1/2 части семейных потребностей; калмиль давал урожай в два раза больший, чем мильпа [69, с. 910; 355, с. 146, 240]. Сочетание систем калмиль и усовершенствованной мильпы позволило плотности населения повыситься почти в два раза [355, с. 146].

Мильпа, калмиль и в определенной степени подсечно-огневая система представляли собой основу ацтекского землепользования. При этом все работы проводились с использованием практически единственного орудия труда земледельца — палки-копалки с лопатообразным концом, так называемой уиктли (ацт. *huictli*; в текстах европейских хронистов — *coa*, *poa*). Еще в XVIII в. наиболее бедные индейцы использовали ее (рис. 42)¹⁷.

Однако все отмеченное выше было разновидностями богарного земледелия. Применение же в засушливой или полузасушливой зонах, в каких и располагалась основная территория ацтекского

государства, орошения давало поразительное увеличение урожайности что вело к увеличению плотности населения. По подсчетам, орошение в сочетании с мерами против эрозии почвы могли привести к увеличению урожайности на 50 — 300% (в зависимости от типа и характера ирригации) [69, с. 910].

Древние мексиканцы не были оригинальны в своем благоговейном отношении к воде. И не случайно город (да и поселение вообще) назывался на языке ацтеков словом алтепетль (altepetl), состоящим из сочетания слов atl («вода») и tepetl («гора»), ибо селились они прежде всего у источников, которые действительно сбегали с гор. Однако, как уже отмечалось, природа не баловала Мексику обилением воды. Это обстоятельство порождало проблемы, в частности связанные со справедливым распределением ее запасов. Показателен в данном отношении один из раннеколониальных документов (1577), в котором речь шла о распределении воды снабжавшего г. Койоакан горного источника. В связи с хозяйственным использованием его воды начался ощущаться ее недостаток для жителей города. Возник конфликт, разрешить который помогло только вмешательство суда [293, с. 215 — 219]. Несомненно, что и в доиспанский период они были не редкостью¹⁸.

Искусственное орошение (ацт. amilli — «орошаемая земля») посредством каналов с постоянным или сезонным водостоком, практиковавшееся в древнеацтекском земледелии, роднит его с аналогичными системами Старого Света. Следы доиспанского искусственного орошения зафиксированы в различных регионах ацтекского государства. В центре, в Мексиканской долине, наиболее широко оно применялось в восточной части, прежде всего в районе г. Тескоко, где были подходящие для ирригационного земледелия условия — глубокий почвенный покров, хороший дренаж и достаточная по сравнению с другими регионами обеспеченность водными ресурсами (34 источника, которые, правда, мощными назвать нельзя). И размер территории, и рельеф местности не требовали там строительства сложных гидросистем — они были сравнительно просты и дешевы. До сих пор этот район в окрестностях мексиканской столицы считается сравнительно высокопродуктивной сельскохозяйственной областью [70, с. 381; 125, с. 419; 237, с. 10; 353, с. 252].

В районе Теотиукана, другом древнем аграрном центре, при нерегулярных и относительно незначительных осадках только ирригация могла гарантировать высокий урожай. Неудивительно, что системой ирригации в том или ином виде была охвачена площадь около 50 — 110 кв. км. Использовалась вода (в зависимости от сезона) 80 — 100 источников — родников, ручьев, речек. Аэрофотосъемкой в середине 50-х годов XX в. в гористом районе Маравилья в северо-восточной части региона Теотиуакан были обнаружены остатки древних ирригационных сооружений. Дальнейшие исследования показали, что они ведут свое начало с доацтекских времен, по крайней мере с периода так называемого позднего Теотиуакана (ок. V—VII вв.). Эта небольшая ирригационная система питалась только дождевой водой при редких осадках. Естественные овраги были превращены в своего рода резервуары (бассейновая ирригация) [353, с. 52].

Ирригационные каналы были созданы также в отдельных местах северо-запада (в Куаутиплане, Толлане), востока (Коатепек) и юга (Чалько) Мексиканской долины [76, с. 80; 231, с. 131; 353, с. 253].

За ее границами крупные ирригационные работы велись на территории, соответствующей современному штату Морелос: не зря ведь этот район ацтеки называли обобщенно «орошаемая мильпа» (испанизир. amilpas) [104, с. 183; 342, с. 51].

Славился своей ирригацией и небольшой город-государство Чолула (на территории нынешнего штата Пуэбла) [104, с. 183]. Кстати, после Конкисты испанцы присвоили себе там орошаемые земли, где начали выращивать пшеницу, а индейцам с их традиционной кукурузой осталось надеяться только на дождь [201, с. 310].

Техника сооружения каналов (ацт. arantle — «ров», «канал») была предельно простой: от источника воду отводили с помощью канавы, берега и стенки которой укрепляли камнем, песком, иногда даже каменной кладкой, кустарником, кольями, бревнами; во всяком случае, в одном из источников упоминается «деревянный канал» [37, с. 60]. В 1974 г. на западном берегу оз. Тескоко в профилях двух современных шахт археологи нашли остатки 30 с лишним каналов доиспанского происхождения. Самые ранние из них относятся, по мнению исследователей, к эпохе культуры Теотиуакана, а самые поздние связаны уже с ацтеками. Большинство каналов имело ширину около

1,2-1,4 м и глубину 0,7-1,2 м (лишь два из них имели ширину до 7 м и глубину до 2 м) [355, с. 582-584]. Что касается длины, то сказать об этом что-то определенное трудно, но совершенно очевидно, что ландшафт, да и водные ресурсы не позволяли создавать системы, сравнимые, например, с древневавилонскими.

В то же время особенности природных условий привели инженерную мысль ацтеков к созданию своеобразной ирригационной технологии — чинамповой.

Когда около 1325 г. ацтеки основали свой город на одном из крошечных островов оз. Тескоко, перед ними встали две важнейшие проблемы, от решения которых зависело фактически их выживание, — дефицит земли и пресной воды. Они не просто решили две эти задачи, но и достигли по-своему выдающихся результатов. Ключом к решению и оказались чинампы, используемые на мелководье озер Мексиканской долины. Эта интенсивная система орошаемого земледелия, позволяющая получать урожай вне прямой зависимости от осадков, является в большой степени уникальной и самой совершенной системой ирригации, использовавшейся в древней Мексике в доиспанский период.

Чинампы в самом общем виде — это длинные узкие полоски земли, грядки, платформы или искусственные острова на мелководье пресных водоемов, сооружавшиеся посредством чередующихся слоев земли, дерна, ила и перегнивших растений, окруженные по крайней мере с трех сторон водой. Название происходит от слов *chinamatl* («грядка, окруженная тростником или кольями») и *rap* («на поверхности», или «под» ней). Испанским эквивалентом слову чинампа является камеллон (*camellon*) [85, с. 105; 104, с. 182; 304, с. 467-469; 309, с. 517; 399, с. 97].

На каноэ земледельцы доставляли землю и дерн с материка и бросали их на мелководье, поднимая таким образом высоту чинамп. На поверхности этой платформы помещали плодородный слой ила, добываемый тут же со дна. Обычная высота чинампы (от основания, т.е. дна, до верхушки, выступающей над водой сантиметров на 30) — до 4 м; толщина плодородного слоя — 20-100 см. Размеры искусственных островов колебались в пределах 2,5-10 м в ширину и 3,5-100 м в длину. Однако наиболее удобными для обработки и предпочтительными считались чинампы небольших площадей — в таком случае облегчался как искусственный полив (в случае необходимости), так и увлажнение посредством естественного течения воды между этими грядками. Для защиты от водной эрозии (размыва водой во время дождя) каждая чинампа была укреплена камнем, тростником, сухими стеблями кукурузы, сваями, кольями, вьющимися растениями; часто по краям высаживали ивовые деревья, точнее, ивовые прутья, которые в воде быстро пускали корни.

При чинамповой системе возникала опасность заиливания, поэтому земледельцы должны были постоянно вычерпывать ил из каналов между участками. Обычно его складывали по краям чинампы, увеличивая таким образом последние по площади и высоте, а также освежая, обновляя плодородный слой; время от времени эти искусственные острова перестраивали заново. Во влажный сезон (с мая по октябрь включительно) вода держалась на чинампе, обеспечивая естественным образом достаточную влажность. В конце сухого сезона, когда уровень воды в каналах снижался, чинампы необходимо было подпитывать водой.

Работы по устройству и уходу за чинампами проводились с использованием минимального набора орудий. Кроме каноэ и палки-копалки, согласно данным исторической и современной этнографии, применяли также и инструмент, называвшийся на языке ацтеков *zoquimaitl*. Он представляет собой большой ковш, состоящий из мешка, натянутого на обруч, который в свою очередь прикреплялся к концу шеста до 5 м длиной. Этот инструмент и использовался для полива (в случае засухи), но первоначально предназначался для подъема ила со дна. Не случайно перевод самого названия ковша — «инструмент для ила» [148, с. 93].

В систему чинампового земледелия входило использование грядок, дополненное применением парников, призванных ускорить прорастание семян, а также защитить их нежные ростки от сильных дождей, заморозков, чрезмерных солнечных лучей. В этом случае грядки покрывали слоем сухой травы или высушенных водорослей; часто использовались тростниковые циновки, которые подвешивали над рассадой. По мнению исследователей, грядки вместе с сопутствующими им довольно простыми, но очень целесообразными приемами как защиты растений, так и ускорения их роста составляли «истинную суть земледельческой технологии, основанной на системе чинамп. Без них этот тип агротехники был бы не более эффективен, чем другие» [304, с. 472].

По современным этнографическим данным, грядки (обычно длиной 2-10 м) разбивались в одном и том же месте чинампы. На слой сухих водорослей помещали ил в 6-9 см толщиной¹⁹, с помощью ножа всю грядку делили на квадраты (разной площади в зависимости от выращиваемой культуры; например, до 10 кв. см под кукурузу). В их центрах пальцем или палкой делали лунку, куда и помещали семена. Затем сверху укладывали сухую траву, водоросли или циновки. Рассада перца выращивалась на грядках дольше всех — до 100 дней, лука — до 60 дней, кукурузы — 40 дней, а кориандра — только 20 дней. Когда наступало время пересадки, каждый росток вместе с почвой извлекали из грядки, помещали в корзины (ацт. huascal, cuauhcalli) или носилки (ацт. cuitlaxmacalli) и доставляли на место, предназначенное для посадки. Иногда это приходилось делать на каноэ, что, как и внешний вид чинамп, «выраставших» буквально из воды, возможно, стало причиной распространения у первых европейцев в Мексике легенды о «плавающих садах» древних мексиканцев, которые они якобы, зацепив веревкой, могли перевозить с места на место. Кстати, такое не совсем точное описание и определение чинамп можно встретить и в сравнительно недавно изданных книгах.

Место, предназначавшееся для посадки рассады, также тщательно подготавливали: взрыхляли с помощью копалки, делали лунки, на дно которых укладывали влажный ил. Очень часто и здесь использовалась парниковая технология.

Рассаду высаживали как на новое место в пределах чинампы, так и на побережье, в том числе и на горных склонах. Грядка, с которой снят урожай, тут же готовилась для новой посадки. Тем самым создавалась возможность собирать по несколько урожаев.

Чинампы использовались в разных районах Мексики; в пределах Мексиканской долины они были сосредоточены, в частности, у Теночтитлана. Их создание позволило ацтекам отчасти решить проблему дефицита земли.

С большим трудом, но и не меньшим искусством была решена и проблема пресной воды. Озеро Тескоко, где на острове располагался Теночтитлан, было более глубоким и лежало несколько ниже, чем южные озера Чалько и Шочимилько. В результате этого при подъеме уровня воды возникала опасность затопления чинамп и наводнения в городе вообще, в том числе и водой, поступавшей из Чалько и Шочимилько. Кроме того, озера Мексиканской долины не имели стока, были закрытым бассейном, вследствие чего соленость воды была значительной настолько, что лишь при соблюдении определенных условий становилось возможным земледелие; наиболее соленым по причинам, указанным выше, было оз. Тескоко. Для борьбы с чрезмерной соленостью (и угрозой наводнения) ацтеки построили из земли, щебня, дерна, бревен дамбы, отделившие юго-западный участок оз. Тескоко, где располагался город, от остальной его части. Особенно важную роль играла система дамб, протянувшаяся по направлению север — юг. Считается, что она была построена по проекту и при участии знаменитого Несауалькойотля, правителя Тескоко. Со строительством дамб соленость воды значительно снизилась, но не настолько, чтобы считать положение удовлетворительным. Дело в том, что во избежание сильного напора на дамбы во время подъема воды в дождливый сезон приходилось открывать специальные шлюзы. Последние, кстати, были необходимы и для выхода на открытую воду лодок, выполнявших важные транспортные функции. Возможно также, что ацтеки осознали и опасность эпидемий, связанную с застоявшейся водой и заболачиванием.

Как бы то ни было, более эффективным решением проблемы пресной воды (в том числе и питьевой) оказалось строительство водоканалов, акведука. Наиболее знаменитый из них был проложен при Ауитсотле. Правда, при строительстве были совершены какие-то ошибки, приведшие к наводнению. Но затем все гидросооружения были восстановлены и служили с большой пользой городу и окружающему его району чинампового земледелия. Не случайно Э. Кортес, описывая обстоятельства взятия испанцами Теночтитлана, признавал, что падение города было предопределено сознательным разрушением конкистадорами именно главного акведука. О том, насколько ценилась вода в столице, говорит и тот факт, что ею торговали в доиспанский период как любым товаром.

Вокруг Теночтитлана, имевшего площадь около 12 кв. км, группировались примерно 20 небольших островных чинамповых поселений (общин), размеры которых в настоящее время нельзя определить. Известны лишь названия некоторых из них (например, Ноноалько, Астакалько и др.) [85, с. 107-109]. Кстати, есть мнение, что два соседних города, Теночтитлан и Тлателолько, основанные на соседних островах, слились в один именно благодаря встречному строительству чинамп [304, с. 468].

Обычно к чинампам был привязан дом: на сваи, вбитые в дно, укладывали землю и дерн, создавая таким образом искусственную платформу для строительства жилища.

Самые же знаменитые чинампы в зоне озер Мексиканской долины располагались в районе Чалько-Шочимилько, где 120 кв. км мелководья были превращены в цветущие плодоносные чинампы, занимавшие там в сумме около 9 тыс. га. По всей площади воды и ближайшему побережью были разбросаны многочисленные чинамповые городки, поселения, общины. Расцвету чинампового земледелия именно в данном районе Мексиканской долины способствовал ряд обстоятельств, но главным фактором было пресное мелководье. Излишки воды (как дождевой, так и многочисленных, но маломощных источников, сбегавших с горных склонов) из-за разности уровней озер естественным образом стекали в более северное оз. Тескоко (порождая проблемы для Теночтитлана, как уже отмечалось). Поселенцы в этих местах не страдали от наводнений так, как столичные жители. Защищенные от капризов природы, они не только строили чинампы на мелководье, но и, осушив, обустроили болотистые берега. В результате юг Мексиканской долины стал районом своего рода гарантированного чинампового земледелия. Не случайно ацтеки начали свои завоевания именно с области Чалько-Амекамекан-Шочимилько (в 1375 г.). Этот район стал по сути большим огородом ацтекской столицы, снабжавшим ее продуктами земледелия. Считается, что он мог обеспечить растительной пищей около 100 тыс. человек. Неудивительно, что в поздний период истории ацтекского государства чинампы Чалько-Шочимилько развивались под постоянным государственным контролем [44, с. 660; 70, с. 391; 76, с. 80; 148, с. 93; 304, с. 467; 309, с. 515].

Накануне испанского завоевания одной из «чинамповых столиц» был цветущий г. Шочимилько с населением около 25 тыс. человек. Известны и такие древние островные города, как Куитлауака, Шико. Далеко в воды озер уходили чинампы таких городов, как Мишкик, Уитсилопочко, Истапалапа, и некоторых других [44, с. 653 — 657; 148, с. 96].

Все остальные районы Мексиканской долины, где так или иначе использовалась чинамповая технология (вокруг городов Аскапотсалько, Чапультепек, Попотлан, Шалтокан, Чималуакан), не идут ни в какое сравнение с областью озер Чалько и Шочимилько [44, с. 661; 70, с. 381; 304, с. 469; 309, с. 518]. Как считают исследователи, небольшие чинамповые площади были в долине Толука (вероятно, по берегам протекающей там р. Лермы), в Морелосе, Пуэбле, Глашкале, Идальго [70, с. 910; 248, с. 50].

За пределами ацтекского государства чинампы использовались также тарасками, самым могущественным противником ацтеков, создавшим в доиспанский период на территории нынешнего штата Мичоакан первичное государственное образование [69, с. 910].

Распространение чинамповой технологии по понятным причинам ограничивалось главным образом берегами озер Мексиканской долины. Напоминающая ее система земледелия открыта археологами в Оахаке и в отдельных местах Теотиуакана. Там орошаемое земледелие строилось на использовании близости к поверхности грунтовых вод (1-3 м). Земледельцы выкапывали по сторонам участков длинные каналы, в которых собирались грунтовые воды. Как и в случае с чинампами, участки поливали, используя черпаки и ковши, вследствие чего такая система орошения получила название «черпаковой ирригации». Однако масштабы распространения этого варианта чинамп неизвестны [354, с. 148]. К тому же есть мнение, что расцвет древнего, классического Теотиуакана был связан с активной эксплуатацией чинамп в районе Чалько-Шочимилько, а не с развитием подобной системы у себя [148, с. 96].

Проблема древности и истоков чинамповой аграрной технологии породила среди ученых много споров. Есть предположение, что наиболее близкими к ней по природе являются так называемые тлателес (ацт. испанизир. tlateles) — невысокие искусственные насыпи, обнаруженные археологами на древних берегах или высохшем дне оз. Тескоко и в районе Шалтокан. «Конструкция» тлателес по принципу и технике предвосхитила чинамповую. Исследователи в открытии тлателес в Шалтокане не видят ничего удивительного: там почти пресная вода, и в индейских историях, записанных раннеколониальными авторами, утверждается, что ацтеки-мешики по прибытии в долину первоначально (т.е. до основания Теночтитлана) именно там приобрели первый опыт чинамповой технологии [231, с. 117; 304, с. 467; 309, с. 518]. Сложнее объяснить появление тлателес на оз. Тескоко с его соленой водой еще до строительства дамб. Есть на этот счет два, возможно дополняющих друг друга объяснения. Во-первых, не исключено, что лет за тысячу до прихода испанцев озеро было менее

соленым. Именно поэтому, например, чинампы создавались в районе Чималуакана еще в период культуры классического Теотиуакана. Во-вторых, даже при высокой солености была возможность защитить растения на тлателес. Делали это с помощью особых горшков, остатки которых (в большом количестве — до 90% общего объема находок) обнаружены археологами в структуре тлателес и определены ими как «тескоканская керамика массового производства». Средняя толщина стенок у таких изделий, самое раннее описание которых относится еще к XIX в., — 7 мм, диаметр изделий — 10 — 20 см. Такой тип керамики, напоминающей по форме цветочные горшки, был широко распространен и в ацтекский период истории. Она производилась методом формовки; в качестве модели использовалась профессионально изготовленная керамика, а подсобных средств — веревка и грубая ткань из растительных волокон (поэтому изделия получались пористыми). Часть исследователей считают, что эти сосуды использовались при добыче соли — занятии довольно обычном для живущих среди соленых озер. Другие, однако, высказывают мнение, что наряду с соледобычей эта керамика использовалась в качестве подсобного средства при выращивании сельскохозяйственных культур: до того как были сооружены дамбы (да и позже), она защищала растения от соленой воды, служа своего рода «цветочными горшками» [304, с. 467; 309, с. 515-516, 518, 521].

Чинампы района озер Чалько и Шочимилько — не только самые известные, но и самые ранние²⁰. Впрочем, время их возникновения остается предметом споров. Так, по утверждению одних, чинампы создавались там за 2 тыс. лет до прихода испанцев, т.е. по крайней мере с V в. до н.э.²¹; по мнению других — лишь начиная с X в. или даже XII в. н.э. [44, с. 657; 69, с. 910, 148, с. 90; 304, с. 467]. Однако большинство исследователей считают, что хотя пик использования чинамп приходится на XIII-XV вв., применялись они еще до прихода ацтеков в Мексиканскую долину [44, с. 657-658]. После испанского завоевания гидрография Мексиканской долины сильно изменилась, и к настоящему времени чинамповая аграрная технология сохранилась только в 9 местах, 8 из них практически угасают; возможно, чинампы сохранятся только в Шочимилько, поскольку он является ныне туристским центром [44, с. 658; 148, с. 90]²².

Система чинамп — исключительно интенсивная. При правильном содержании чинампы могут давать два или даже три урожая в год и сохранять плодородие почвенного слоя в течение столетий, не прибегая к пару [148, с. 90; 304, с. 476; 399, с. 97].

Сведений о продуктивности чинамп при ацтеках в документах нет, приходится полагаться на современные данные, согласно которым урожайность достигла 30-40 ц/га [351, с. 148]. Для сравнения приведем показатели урожайности при использовании разных видов аграрной технологии в Теотиуакане: при богарном земледелии — 5 ц/га, при применении орошения — 14 ц/га, на чинампах — 30 ц/га [204, с. 208].

Естественно, что широкое использование чинамп неизбежно влекло за собой повышение плотности населения. Как уже говорилось, при экстенсивном подсечно-огневом земледелии для существования 100 семей требовалось около 1200 га. Иная картина наблюдается при интенсивных системах земледелия: при применении системы калмилль (с учетом только одного урожая в год) 100 семьям необходимо 650 га, при систематическом орошении (два урожая в год) — 86 га, наконец, при использовании чинамп — 70 га [69, с. 912].

По современным стандартам структуры питания 1 га чинампы может обеспечить 15-20 человек. Однако в современном мексиканском сельском хозяйстве чинампа обеспечивает лишь около 1% (крайне редко — до 15%) потребностей ее владельца [85, с. 111-112], что говорит об уменьшении значения этой древней аграрной технологии. Впрочем, в научной литературе есть точка зрения, согласно которой в доиспанский период все виды орошаемого земледелия, включая чинамповое, играли только второстепенную роль по сравнению с остальными формами культивирования земли [394, с. 15]. По нашему мнению, если это и верно, то абсолютно не относится к Мексиканской долине, центру ацтекского государства, а к большинству других его районов.

Рассматривая систему земледелия ацтеков, нельзя не назвать еще один способ повышения эффективности использования земли, отмеченный Н. И. Вавиловым: «Поля... нередко представляют собой как бы сообщество различных культурных растений: фасоль обвивает кукурузу, а между ними растут различного рода тыквы. Смешанная культура является господствующей в древней Мексике, таковой она является в значительной мере... и по сей день» [8, с. 166].

Огромную роль в успехе той или иной земледельческой технологии, использовавшейся там, играли и трудовые навыки, и знание агрокалендаря, и набор тех культур, которые возделывались.

Наиболее почитаемым ацтекским растением был маис (кукуруза). Целая группа ацтекских богов имела отношение к его обожествлению. Кроме уже упоминавшегося Сентеотля к ним относилась Шилонен — «мать молодого маиса». Со страхом и благоговением поклонялись ацтеки и Чикомекоатль — богине-покровительнице всех полезных растений. Индейцы приносили ей в жертву все виды маиса, бобов, перца и т.п., ибо она, согласно их представлениям, была дарительницей всех этих растений человечеству [351, т. 1, с. 114]. Имя богини не случайно означает «семь змей» или «змея с семью головами»: она могла, как хтоническое божество (олицетворением чего была змея), послать на поля и неурожай [174, т. 1, с. 135]. При хорошем же урожае к ней обращались, называя ее уже Чальчиусиуатль — «женщина драгоценного камня». Ацтеки верили, что она была первой женщиной, начавшей печь кукурузные лепешки и готовить другую пищу [351, т. 1, с. 47]. Иными словами, эта богиня — источник как добра, так и зла. Такая противоречивая природа, впрочем, характерна для подавляющего большинства богов древнемексиканского пантеона. Кстати, именно потому, что богиня Чикомекоатль была богиней пищи, число «7» в ацтекском ритуальном календаре всегда считалось счастливым [351, т. 1, с. 47].

С маисом, отношением к нему было связано у ацтеков много суеверий, различных запретов, смысл которых часто просто невозможно объяснить. Использовался он и в значительном числе ритуалов и обрядов. Так, когда маис просыпался на землю, его следовало немедленно до зернышка собрать. Тот же, кто не делал этого, будто бы наносил зернам оскорбление, они могли «пожаловаться богу», «попросить наказать» виновного за пренебрежительное к ним отношение. Не рекомендовалось есть ночью «зеленые» початки кукурузы, в противном случае якобы могли заболеть зубы. Перед тем как бросить маис в горшок для варки, нужно давать знать об этом его «духу», чтобы он «не боялся» [351, т. 2, с. 31, 37]. Короче говоря, обхождение с растением не могло быть фривольным, напротив, оно должно было строго соответствовать традициям и предписаниям.

Зафиксировано в раннеколониальных источниках и широкое использование маисовых зерен и теста в магических, колдовских обрядах. Так, если человек был болен лихорадкой, то для ацтеков первое и наиболее эффективное средство лечения — сделать небольшую собачку из маисового теста и, поместив ее на лист, оставить на тропе. Первый, кто пройдет по ней, унесет «на ногах» своих болезнь, заключенную в фигурке, а больной почувствует значительное облегчение. По расположению зерен маиса, брошенных в сосуд с водой, можно было якобы обнаружить местонахождение утерянной вещи. Индейцы верили также, что аналогичным образом возможно определить, жив или нет по тем или иным причинам отсутствующий в настоящий момент человек (например, находящийся в военной, торговой или иной экспедиции). Для того чтобы узнать, выздоровеет ли больной, прибегали к гаданию, во время которого бросали горсть сырых зерен: если они, падая, становились вертикально, смерть человека считалась очевидной и неизбежной [305, с. 148].

Почитание маиса, осознание его важности в жизни людей было настолько сильно, что в ацтекских космогонических мифах, повествующих о периодических катастрофах, претерпеваемых миром и человеческим родом, в качестве одной из их причин называлось отсутствие у людей хорошей пищи; только в эпоху, когда живут ацтеки, люди приобрели наряду с другими полезными растениями самую драгоценную культуру — маис [351, т. 1, с. 81]. Соответственно, когда случались землетрясения (там довольно обычные), по мнению индейцев являющиеся предвестниками мировой катастрофы (см. рис. 15), они боялись, что «маис исчезнет из амбаров» [305, с. 147].

Не только в мифах, но и в реальной жизни маис был самой важной сельскохозяйственной культурой, выращиваемой практически во всех районах древней Мексики. Само слово «маис», ныне широко используемое в Латинской Америке применительно к кукурузе, не местного происхождения, оно пришло вместе с испанцами, которые, в свою очередь, заимствовали его из языка аборигенов острова Санто-Доминго (Гаити). В Мексике же (впрочем, как в Северной, так и Южной Америке вообще) народы каждой лингвистической группы применяли свое название. В языке науа для обозначения маиса чаще встречались два названия (по крайней мере в раннеколониальных источниках) — *tlaoilli* и *cintli*. Известно более 20 районированных сортов кукурузы, из которых на территории ацтекского государства возделывали преимущественно четыре. В рамках Мексиканской долины и сопредельных территорий земледельцы, да и потребители хорошо знали, что маис,

выращиваемый в Толуке, хотя и был мелкий и твердый, но зато хорошо выдерживал длительное хранение (в колониальный период именно его чаще выращивали для фуража), в то время как, например, маис из Тлашкалы такими свойствами не обладал. Наиболее распространенным сортом маиса, потребляемым в пищу, был «белый маис» (ацт. *iztaz cintli*), выращиваемый преимущественно в районе оз. Чалько; он вызревал за 6 месяцев и мог долго храниться, поэтому неудивительно, что и в колониальный период предпочитался другим сортам. Маис, выращиваемый в Куэрनावаке, вызревал почти в два раза быстрее, чем сорт из Чалько. Если добавить к этому возможность применения ирригации, выращивание овощей, то тогда не таким уж невероятным покажутся утверждения одного из авторитетных раннеколониальных авторов о возможности собирать на одном участке три урожая в год [305, с. 110] (см. также [130, с. 265; 152, с. 373; 167, с. 5; 203, с. 247, 289; 351, т. 3, с. 358]).

Цикл возделывания маиса (и соответствующий сельскохозяйственный календарь) во многих индейских районах не изменился до наших дней. Существовало два таких цикла, исходящих из среднего периода мутации в 6 месяцев, — один для тропиков, где выращивали два урожая в год, и другой для горных районов, где чаще собирали один урожай. В субтропических и тропических районах (например, в Оахаке) в апреле (в преддверии дождливого сезона) земледельцы расчищали участки (подрубали деревья и кустарники, вызывая их высыхание на корню), в конце мая сухостой сжигали и производили сев, который приходился на момент начала дождей (наиболее интенсивных в июле). К ноябрю растения весеннего посева давали урожай. В конце ноября или в декабре поле засеивали второй раз (так называемая сухая мильпа) в преддверии сухого сезона. В горных же районах сеяли в апреле во время слабых дождей, а урожай собирали в сентябре [167, с. 4].

На протяжении всего вегетационного периода растения находились под неусыпным контролем земледельца, которому приходилось бороться не только с возможными засухами и заморозками, но и с отравками (см. рис. 20). Особые сторожа отгоняли птиц и животных, наблюдая за ними из специальных шалашей, устанавливаемых у кромки поля на платформе из высоких свай. После сбора урожая початки доставляли на ток; меньшее количество маиса оставляли для непосредственного потребления в домашнем хозяйстве (обычно зерно хранили в особых сосудах), а большую часть его в неочищенном виде укладывали на хранение в специальных амбарах, сооруженных из жердей и бревен, имевших сверху вход, а снизу специальные вентиляционные отверстия. По раннеколониальным данным, такие амбары содержали 2-6 тыс. фанег маиса (1 фанега = около 55,5 л.) [118, с. 206-207; 130, с. 230-231; 137, т. 1, с. 28; 201, с. 309-310; 351, т. 2, с. 266, 312].

У древних мексиканцев на столе абсолютно преобладали (до 4/5) блюда, в которых так или иначе использовался маис (на каждого жителя приходилось до 16 кг маиса в год из расчета 2000 калорий в день) [204, с. 213]. Многие из них и ныне входят в состав мексиканской национальной кухни. В доиспанский период сухие зерна маиса замачивали на ночь в воде с добавлением извести или золы²³. Утром размягченные зерна тщательно промывали, затем растирали на специальной терке, называвшейся метате (ацт. *metlatl*), до образования влажной массы, атоле (ацт. *atolli*), которую ели как кашу и в горячем, и холодном виде. Из атоле, как кукурузного теста, делали и многие блюда. Его пили как напиток, предварительно разбавив водой (с добавлением меда и специальных трав). Из него пекли хлеб, точнее, лепешки, тортильи (ацт. *tortilla*). Они хороши в горячем виде, но быстро черствеют, поэтому их обычно готовили непосредственно перед подачей на стол. Из атоле пекли пироги, называвшиеся тамаль (ацт. *tamal*). В качестве начинки могли служить мясо птиц, дичь, рыба, а у самых бедных — лягушки и даже личинки насекомых. Обычно пирог делали в виде рулета и, подавая к столу, украшали цветами и зеленью. Иногда тесто вместе с начинкой отваривали в воде, предварительно плотно завернув в листья. Атоле можно было жарить на сковородке, так называемой комаль (ацт. *comalli*), чаще глиняной, реже из камня; к атоле при этом могли добавлять другие компоненты и специи (например, вареные бобы и зелень) (см. рис. 43). Индейцы знали до 11 способов приготовления тортильи и тамали, до 17 — атоле (о чем сообщал уже упоминавшийся Ф. Эрнандес), но такое разнообразие было знакомо, конечно, только очень богатым домам. Использовалось тесто из маисовой муки и при отправлении ритуала, в том числе и заупокойного (в источниках упоминаются специфические ритуальные хлебцы — *papalotlaxcalli* — «хлеб бабочки», где «бабочка» — символ человеческой души) [137, т. 1, с. 89; 152, с. 378-379; 156, с. 73; 173, с. 172; 203, с. 247-248; 351, т. 2, с. 305-306, т. 3, с. 156].

Индейцы умели извлекать из молодых стеблей маиса сок, из которого впоследствии варили искусственный мед. Нежные молодые побеги шли в пищу. Сухие листья служили в качестве обертки при выпечке тамаль и курении табака. Корни растения сжигали, удобряя таким образом почву.

Наряду с маисом в экономике ацтекского государства и общества огромная роль принадлежала агаве (ацт. *metl*). В отличие от маиса, агавы является многолетним растением (насчитывающим, кстати, до 300 видов), и для ее полного вызревания требуется около 10 лет. Она представляет из себя растение с укороченным стеблем и мясистыми, зубчатыми, с колючей верхушкой листьями, располагающимися на нем в виде мощной розетки. Важное свойство агавы — способность выживать при крайне ограниченной влажности; она, не в пример маису, могла вынести не только засуху, но и заморозки, способна расти практически на любой почве. Агаву специально выращивали на участках (обычно высаживая рядами), использовали и дикорастущие виды, поскольку особого ухода она не требовала.

Использование агавы было поистине универсальным, являя собой пример, по сути, безотходной технологии. Из волокон агавы (ацт. *nequen*) делали нити, веревки, циновки, тряпичную обувь, различную оснастку, одежду для низших классов. При строительстве хижин стволы использовали как балки, листья служили своего рода черепицей для крыши; используя особенность строения листьев (напоминающих желобы), их приспособляли в качестве сливных устройств на террасовых земельных участках; сухие листья шли на топливо. Шипы агавы служили в качестве проколов и гвоздей (кстати, детей иногда наказывали уколom такой колочки). Некоторые виды агавы с особенно мощными корнями использовались для борьбы с оползнями и создания живых изгородей. После сжигания сухой агавы оставалась зола, которую применяли в качестве протравителя. На растении водились насекомые, которые шли в пищу. Наконец, из листьев агавы делали индейскую бумагу.

Агаву выращивали также ради ее сока, применение которого в быту было разнообразным. Его получали из сочных листьев растения, достигшего стадии зрелости. В подходящих для этого листьях делали отверстия, подставив емкости, получали сок. По подсчетам, в течение шести месяцев агавы приличных размеров могла дать до 20 арроб сока, а за весь период сбора — до 50 арроб (испанская арроба = 11,5 кг). Сок агавы ацтеки называли «сок земли», «вино земли», поскольку думали, что его дает земля [351, т. 1, с. 57].

Полученный сок агавы можно было пить в свежем виде, использовался он и в местной медицине для лечения язв, ран, болезней мочевого пузыря и др. Специальной термообработкой из сока получали сахар (он выпадал в осадок); жидкость, оставшуюся после отделения сахара, выставляли на солнце, и естественное брожение превращало ее в уксус. Из сока варили темного цвета искусственный мед. Наконец, делали из него специфическое индейское вино. Через сутки свежий сок начинал бродить; чтобы ускорить процесс ферментации, в него добавляли особый корень (ацт. *octli*). перебродивший сок агавы представлял собой легкий алкогольный напиток, получивший название индейского вина, октли (см. рис. 44)²⁴. Если вино делали с соблюдением всех правил, то его обычно называли «белое вино» (ацт. *iztas octli*), отличая его от плохого, «черного вина». «Белое вино» имело терпкий вкус и крепость всего в 4–8°, т.е. было слабее виноградного.

Октли использовался в доиспанские времена в медицине в качестве диуретика. В быту потребление вина строго регламентировалось. По сообщениям исторических хроник и сведениям раннеколониальных авторов, нельзя было пить вино без разрешения жрецов или судей. Строго запрещалось употребление вина беременными женщинами. Появляться навеселе было постыдно для воинов. Одно из распространенных наказаний для пьяниц — их на рынке публично остригали. Вино давали только больным и старикам, а также тем, кто выполнял тяжелую работу, например, перетаскивал деревья или камни. На свадьбах и различных праздниках лицам моложе 30 лет разрешалось пить по две чашки вина. Новорожденного в первые минуты жизни опрыскивали или обтирали вином. У отоми, одного из народов, населявших ацтекское государство, после приготовления сока из агавы выполняли особые магические обряды: сначала брызгали немного сока в огонь, а затем опрыскивали им двери для обеспечения спокойствия и благополучия семьи [212, т. 3, с. 180, т. 4, с. 230–231, 240; 228, с. 107].

С вином у ацтеков были связаны многие мифы. Считалось, что приобретением «веселящего напитка» люди обязаны были высшим силам. Как говорилось в одном из таких мифов, боги решили,

что человеческий род недостаточно восхваляет и превозносит их благодеяния. Для того чтобы «приободрить» людей, научить их «радоваться» жизни на земле и стимулировать почитание богов, они и решили дать им особый напиток. За выполнение этой задачи взялся Кетсалькоатль (в облике бога ветра Экатля). Он «вспомнил» о небесной богине Майяуэль, которую охраняла ее «бабушка» в «Доме Солнца». Бог немедленно направился на небеса и нашел бабушку и внучку спящими. Экатль-Кетсалькоатль разбудил Майяуэль и сказал, что пришел за ней для того, чтобы «принести в мир». На это предложение она откликнулась немедленно, и они спустились вниз, на землю. Как только они прибыли туда, то оба превратились в дерево с двумя ветками, из которых одна соответствовала Экатлю, другая — Майяуэль. Между тем бабушка, проснувшись и не обнаружив внучки, немедленно позвала других богинь, и они все вместе спустились на землю, чтобы разыскать беглянку. Когда они оказались у дерева, обе ветки дрогнули, и старая богиня немедленно «узнала» Ветвь Майяуэль. Она взяла эту ветку, разломала ее и дала каждой богине по куску, чтобы они съели. Но ветвь Экатля осталась нетронутой, и как только богини поднялись на небо, бог вновь принял свой обычный облик. Он собрал кости Майяуэль и зарыл их в землю. Из них выросло растение, из сока которого, согласно этому мифу, индейцы и делали вино, т.е. агава [221, с. 27 — 28].

Майяуэль — богиня, олицетворяющая полезные для человека свойства агавы, но не только их. Она наряду с некоторыми другими богами и богинями так или иначе символизировала плодородие. В древних рукописях и рисунках ее изображали обычно чувственной женщиной, восседающей на агаве. Растения, которые бросали в сок для усиления процесса ферментации или придания ему других специфических свойств, олицетворялись богом Патекатлем. В древнеацтекской религиозно-мифологической системе он считался супругом Майяуэль [144, т. 6, с. 204; 307, с. 69]. Сложную связь этих двух божеств объясняет другой древнеацтекский миф: Майяуэль некогда была вполне земной женщиной, женой земледельца. Однажды утром, придя на поле, она увидела мышь. Обычно Майяуэль убивала мышей, но на этот раз не стала, ибо заметила, что зверек вел себя весьма странно — не убегал, а кружил вокруг нее, как бы дразня. Майяуэль осмотрелась вокруг и увидела, что мышь резвилась потому, что откусывала кусочки агавы. Женщина взяла сока этого растения домой и стала готовить из него напиток. Он якобы так понравился богам, что они в знак благодарности за это сделали Майяуэль богиней [144, т. 6, с. 206].

Напиток из сока агавы символизировал также кролик, поскольку считалось, что пьяный человек чем-то напоминал это животное, беспорядочно прыгающее из стороны в сторону. Когда ацтеки хотели сказать, что человек пьян, они называли определенное число кроликов, отражающее, по их мнению, это состояние. Так, произнося «400 кроликов», они хотели указать тем самым на высшую степень опьянения. В древнеацтекском пантеоне было более десятка богов, так или иначе связанных с пьянящим напитком, но наиболее известен «главный среди богов вина» — бог Ицкитекатль, в честь которого в день «1. кролик» отмечали особый праздник [351, т. 1, с. 75, 324-325].

Агаве продолжала принадлежать большая роль в хозяйстве и после Конкисты, ибо ее плантации активно возделывались и в колониальный период, принося королевской казне значительные доходы²⁵.

Важнейшую часть пищевого рациона жителей ацтекского государства составляли овощи. Среди них первыми следует назвать выращиваемые вплоть до высоты 3 тыс. м над уровнем моря томаты (7- 10 сортов), перец (ацт. *ají* или *chilli*). Число его видов, правда, точно не установлено; следы domestikации перца относятся уже к V — середине III тысячелетия до н.э. За несколько тысячелетий до нашей эры была окультурена фасоль (эквивалентом понятию бобовых в ацтекском языке было слово *auocotli*). Благодаря исключительно высокому содержанию растительных белков она, как и маис, имела первостепенное значение в структуре питания в доиспанский период. Чрезвычайно рационально использовалась и тыква (в районах ближе к Гватемале), особенно такой ее вид, как чайот: в пищу в виде салатов шли молодые побеги и цветки (ацт. *auochquilitl*), незрелые плоды (весом до 500 г) в свежем или вареном виде, семена; особые сорта выращивались для получения широко применявшихся в хозяйстве тыквенных сосудов.

Гораздо меньшее значение (по крайней мере в жизни насельников Мексиканской долины) имели батат, юка (маниока), клубни которых перетирали в муку, пекли, варили, жарили. Две последние культуры в большей степени возделывали южные соседи ацтеков, майя. Зато ацтеки с успехом выращивали (в том числе на чинампах) зелень, в частности амарант (ацт. *huauhtli*), шалфей

(ацт. chia) и многое другое²⁶. Их обычно добавляли в блюда, напитки, кукурузное тесто. Так, из растертых семян шалфея с добавлением маисовой муки делали особый подкрепляющий и освежающий напиток (ацт. chiantzotzolatolli), который был особенно популярен в военных походах: входившие в солдатский паек шалфей и маис разбавляли водой или соком агавы, благо ее везде было в изобилии; использовался шалфей и как медицинское средство [152, с. 379, 382; 156, с. 73; 203, с. 247-248; 351, т. 3, с. 136, 137, 143, 155].

Из раннеколониальных источников известно, что ацтеки культивировали разнообразные фруктовые деревья. У правителей ацтекского государства были даже прекрасные сады и парки, где выращивались растения, привезенные из разных районов Мексики. По описаниям очевидцев, эти сады были тщательно ухожены, широкие аллеи пересекали их из конца в конец. В них росли декоративные растения, кустарники, цветы, лечебные травы, используемые царскими знахарями для опытов, но не было видно овощей, зелени, т.е. того, что шло в пищу, ибо считалось, что негоже здесь иметь то, что продавалось и на рынках; фруктовые деревья и овощи росли от них несколько в стороне [173, с. 149; 212, т. 4, с. 218-219; 305, с. 79]. Царские сады и парки были не только в Теночтитлане, но и в Чапультепеке, Тескоко, Уаштепеке, Куэрनावеке. На склонах горы Тескотцинко в Тескоко по указанию правителя этого города Несауалькойотля был заложен один из таких парков. Прекрасный сад был обустроен в Истапалапе по приказанию Куитлауатцина, будущего наследника Мотекусомы II. Его еще мог видеть в XVI в. Ф. Эрнандес. Но самым знаменитым считался парк в Уаштепеке (в Морелосе), имевший в окружности до 6 миль. Он известен еще со времени тлатоани Мотекусомы I Старшего, но настоящего блеска достигает при Мотекусуме II Младшем. После Конкисты испанцы устроили там что-то вроде лечебницы, от которой ныне сохранились только руины. Насколько известно, современный национальный парк в районе г. Куаутл раскинулся на месте, где когда-то был сад ацтекских правителей [160, с. 96; 247, с. 711; 327, с. 119].

В источниках упоминаются такие деревья субтропического и тропического пояса, плоды которых использовались в пищу, как сапота, мамей, гуайява. Были известны, но имели меньшее значение орехи. В крайних южных районах (в тропической сельве) выращивали пряности — ваниль, корицу. Ацтеки знали до 12 видов пальм (а всего их в Латинской Америке около 1100 видов) [104, с. 180; 203, с. 249; 231, с. 132; 305, с. 85; 351, т. 3, с. 144].

В садах, парках, при храмах выращивали разнообразные цветы, в большинстве своем использовавшиеся в ритуальных целях во время бесчисленных праздников в честь богов. В сознании индейца в отношении к цветам складывались свои, несколько странные с нашей точки зрения представления и правила поведения, бытовые и ритуальные предписания. Так, согласно их древним поверьям, составленный букет можно и нужно было нюхать только с краю, ибо его середина предназначалась божеству. Некоторые цветы вообще нельзя было нюхать и тем более садиться на них, даже случайно, ибо от этого можно было получить геморрой или иную другую крайне неприятную болезнь [351, т. 2, с. 30].

Огромную роль в ацтекской экономике играл хлопок (ацт. ichcatl), основное сырье (вместе с волокном агавы) для изготовления ткани. Важно подчеркнуть, что изделия из него служили в качестве эквивалента в торговом обмене, поскольку денег в привычном для нас смысле слова у индейцев не было. Однако в самой Мексиканской Долине по климатическим условиям хлопок не возделывался. Ближайший район, где выращивался хлопок, находился на территории нынешнего штата Морелос. Эта область в древности не случайно называлась, как уже говорилось, амильпас — «орошаемая мильпа», поскольку там наряду с прочим практиковалось интенсивное возделывание хлопка²⁷. Культивировали хлопок и на Атлантическом побережье, в местах расселения тотонаков и хуастеков, на юго-западе районом выращивания и обработки хлопка был Куаунауак (в бассейне р. Бальсас). Таким образом, основная масса хлопка поступала в Теночтитлан в виде дани или через посредство торгового обмена [36, с. 38; 104, с. 183; 176, с. 175; 201, с. 337; 235, с. 22-23; 305, с. 84; 342, с. 51; 371, с. 24]²⁸.

Это же касается и какао, еще одной важнейшей культуры в структуре древнеацтекского хозяйства. Климат в Мексиканской долине не позволял культивировать какао, не случайно в одном из ранних источников особенно подчеркивалось, что в этом государстве «какао выращивали только в теплых землях» [152, с. 381]²⁹. В целом же какао поступало из районов, лежащих южнее р. Бальсас, опять-таки либо в виде дани и налоговых взносов, либо через торговлю. При ацтеках его выращивали,

согласно документальным свидетельствам и научным данным, в таких центрах, как Соконуско, Куэтлаштан, Уэштепек. Лучший сорт какао произрастал в самом южном из них — Соконуско. Известно, что в Уэштепек стали выращивать какао для Теночтитлана еще при пятом ацтекском правителе Мотекусоме I. В общем, какао выращивали только там, где температура не ниже +21° и уровень осадков не менее 1000 мм в год.

Какао (ацт. *sacahuatl*, бобы какао; это название ацтеки заимствовали, вероятно, у майя, которые какао называли *sasau* или *chasau*), или шоколадное дерево, давало зерна³⁰, которые служили для приготовления особого напитка (напитка богатых, как прямо заявлял один из раннеколонизаторских авторов, поскольку он был доступен не всем), от названия которого (ацт. *chocolatl* происходит слово «шоколад», известное ныне во всем мире. В древности напиток делали, смешивая в определенном соотношении воду, растертые в порошок бобы какао и другие добавки и специи. Полученный состав тщательно перемешивали и подогревали на огне. Качественно, по всем правилам приготовленный напиток обязательно должен иметь на поверхности пену, поэтому его взбивали, переливая из сосуда в сосуд или тщательно перемешивая деревянной, золотой или серебряной взбивалкой. Шоколад отличался исключительной питательностью, что заметили еще древние мексиканцы, потреблявшие его во время трудных переходов и экспедиций. Использовался он ацтеками и как медицинское средство при коликах, кровотечениях, лихорадке [152, с. 381; 203, с. 245, 248; 351, т. 2, с. 308, 451; 411, с. 361]. Практически ни один более или менее значительный религиозный обряд не обходился без использования какао. К примеру, перед совершением кровавого ритуала (см. рис. 17, 64) несчастной жертве наряду с прочим давали шоколадный напиток (ацт. *izracatl*, в котором до этого вымачивали ножи, используемые для осуществления жертвоприношения [173, с. 63 — 64; 176, с. 173-175]. В алтарях, святилищах многочисленных IV богов стояли сосуды с этим дорогим питьем [173, с. 84]. Наиболее крупные бобы какао использовались в доиспанской торговле в качестве эквивалента при обмене. Словом, хотя какао и не являлось «классической» культурой в земледелии Мексиканской долины (как, например, маис, агава, перец и др.), однако в системе экономики оно занимало одно из ведущих мест.

Курение табака индейцами вызвало у испанцев искреннее изумление и любопытство. Но выращивание табака, как и какао, не было традиционным для земледельцев Мексиканской долины: его по преимуществу завозили из более южных районов в виде дани или товара.

Индейцы использовали психотропные свойства табака, а также других растений с аналогичными особенностями (всего в доиспанский период их было известно по крайней мере девять) [278, с. 193 — 196]. Среди них следует указать на особый сорт ядовитого гриба (ацт. *teonanacatl* — «мясо бога»). Поедание его в сыром виде и в определенном количестве вызывало у участников религиозных обрядов (а он потреблялся именно в таких случаях) галлюцинации и видения, которые воспринимались как способ общения с богами. Индейцы знали и использовали психотропные свойства особого вида кактуса (ацт. *peyotl*, лат. *Lophora Williamsii*), доставлявшегося главным образом с территории нынешних штатов Сакатекас и Дуранго. Его добавляли при изготовлении напитков. Пьянящими свойствами обладал отвар полыни и шалфея. Эти и другие растения, которые использовались также и в медицинских целях, как правило, собирались в дикорастущем виде, хотя есть короткие упоминания о возделывании некоторых из них [104, с. 181; 160, с. 98; 173, с. 225; 182, с. 185; 203, с. 248; 306, с. 146].

Следует еще раз подчеркнуть, что все сказанное о древнеацтекском земледелии относится главным образом к центральной части государства — Мексиканской долине.

Формы землевладения

Как известно, формы собственности на землю являются ключом к пониманию многих других вопросов в большинстве древних общественных структур. Обращаясь к ацтекскому государству, можно в который раз убедиться в принципиальной, фундаментальной важности этого социального института. Более того, трудности и сложности, возникающие при изучении системы собственности на землю в древних Обществах Старого Света, в полной мере аналогичны тем, что встают перед исследователями при обращении к истории самого мощного государства Центральной Мексики кануна Конкисты.

Несмотря на безусловный полиморфный характер экономики его общества, за землей сохранялось значение главной ценности. Известно, что в самом общем виде формы землевладения, существовавшие в раннеклассовом обществе, можно разделить на две основные группы: государственные (царские, храмовые) и частно-общинные (общинные, частные) земли. Соотношение этих видов земель зависело от факторов как природных, так и исторических, временных, поэтому в экономике раннеклассового государства могла преобладать либо первая, либо вторая группа. Изучение этого вопроса крайне важно для характеристики древнеацтекского общества.

Не следует, однако, забывать обо всех теоретических сложностях, возникающих при изучении структуры землевладения в древнем мире. Не является исключением в данном отношении и древнеацтекское общество. В зоне Центральной Мексики (включая территорию нынешнего штата Оахака) сложились разнообразные формы собственности на землю: общинная, частная, государственная, включающая царскую, храмовую и служебную. Впрочем, такое разделение можно принять, только признавая его известную условность. В действительности, как увидим, такое разграничение не всегда удается доказать с достаточной определенностью.

Общим названием всей земли государства было «Земля мешиков», т.е. ацтеков (ацт. Mexicatlalli). Ее составляли земли около 500 городов и иных поселений, разделенных на 38 «провинций», административных единиц во главе с местными правителями или «губернаторами», т.е. специально присланными управителями. Это были как земли изначально ацтекские (и их союзников), так сказать земли метрополии, центра, ограниченные главным образом районом Мексиканской долины, так и покоренные, «земли врага» (ацт. yaotlalli), включенные в той или иной степени в территорию Тройственного союза на правах «провинций». Как и в других государствах древневосточного типа, здесь очевидно тяготение земель к определенному городскому центру, что привело к появлению понятия «земля города» (ацт. altepetlalli, от altepetl — «поселение», «город», «территория», «государство»), или «городская мильпа» (ацт. altepemilli). Они не всегда были городскими в собственном смысле слова, а являлись землями, ориентированными на тот или иной город как административный центр, и охватывали тяготеющую к нему сельскую округу. Например, земли г. Тлателолько (превратившегося к моменту Конкисты в один из районов Теночтитлана) назывались «земли Тлателолько» (ацт. Tlatelolcatlalli) [147, с. 60]. Кстати, по аналогии земли народа тарасков Мичоакана назывались «земли мичоаканцев» (ацт. Michoacatlalli) [357, т. 3, с. 348-349]. Но все виды земель замыкались на самой изначальной структуре — общинной. Любые формы землевладения существовали с учетом общины, как ацтекской, так и иноплеменной.

Вопрос об общине и общинниках является узловым при анализе древнего общества. Общинник, костяк и основа ацтекского государства, носил название масеуал (ацт. macehual [ед. ч.], macehualtin [мн. ч.]), откуда происходит и название индейских крестьян колониального периода. Древнеацтекская община — кальпулли (calpulli [ед. ч.], calpultin [мн. ч.] — «объединение домов», «большой дом») — предмет до сих пор не завершившихся споров в американистике. Во многом это объясняется тем, что источники не несут единого представления об общине. В результате одни исследователи (например, уже упоминавшиеся Л. Г. Морган и Дж. Вайян) утверждали, что кальпулли — патрилинейные кланы, где родственные связи превалировали над связями экономическими, хотя полного равенства внутри них уже не было (см. также [65, с. 200; 314, с. 164]. Другие подчеркивали, что кальпулли — очень широкое понятие, и им обозначали разные общественные структуры, начиная с небольших объединений (на той или иной основе) и кончая целыми политико-территориальными единицами. Наиболее же часто в историографии кальпулли трактовалась как земледельческая община — «корпоративная» единица с общинным пользованием землей и коллективной ответственностью за выплату дани [102, с. 37-38; 105, с. 30; 314, с. 168-169]. Наконец, есть своего рода компромиссное мнение, согласно которому ацтекский институт кальпулли не совсем ясен, однако можно предположить существование как мелких общин, основанных на принципе родства, так и более крупных, уже отошедших от такового [139, с. 93].

Вероятно, чисто родовая община как ранняя форма общественного и хозяйственного коллектива уже не существовала в древнеацтекском обществе — хотя бы потому, что там сложилось государство. Соответственно кальпулли должно рассматриваться в плане не столько родственном, сколько соседском, причем родовое и территориальное деление могло частично совпадать, но часто, особенно в городах, не совпадало. И если исходить из возможности применения к ацтекскому

обществу понятия «община азиатского типа», то ясно, что именно она и определяла природу данного общества, приближая его, таким образом, с типологически близкими древневосточными деспотиями. И хотя у ацтеков начали складываться уже городские общины, а у некоторых народов, например отоми, живших главным образом охотой, общины сложились на основе этого вида, хозяйственной деятельности, определяющим типом общины, самыми мощными и многочисленными были именно земледельческие «азиатские» общины-кальпулли.

Древневосточная община, по крайней мере в ее классическом виде обычно ассоциируется в нашем представлении с самыми знаменитыми культурами древнего Востока. Что же касается ацтекской кальпулли, то она как будто не совсем отвечала этим представлениям. Действительно, там не было ирригационных сооружений того масштаба, какие характерны, например, для долин великих рек Старого Света. Сельское хозяйство, ориентированное на выращивание таких культур, как маис, фасоль, тыква и др., функционировало с частичным использованием системы ирригации и такой ее разновидности, как чинампы, соответственно, и трудовая кооперация требовалась в гораздо меньшей степени.

Община древневосточного типа у ацтеков возникла, развивалась, стала важнейшей формой социальной организации на селе и частично в городе под воздействием иных важных факторов. Так, система мельпового земледелия, необходимость расчистки участков требовали поддержания производственных связей, определенного коллективизма. К этому можно добавить охрану посевов и несение коллективных, общинных повинностей.

Рядовые общинники-масеуалы в древнеацтекском обществе держали землю, как считают некоторые, в индивидуальном пользовании в соответствии с числом членов семьи [104, с. 198; 193, с. 90; 213, с. 244; 342, с. 52]. Земля делилась на участки семьями, составлявшими общину. Иными словами, как и положено в азиатской общине с ее известным дуализмом, здесь существовала общинная собственность на землю в сочетании с индивидуальным пользованием.

Земля принадлежащая кальпулли, так и называлась — «земля кальпулли» (ацт. *calpullalli*) [228, с. 170; 302, с. 31; 409, с. 30 и др.]. «Земля кальпулли» состояла из участка для общинных нужд, участка главы кальпулли, который обрабатывался общинниками или иными работниками (о чем речь пойдет ниже), семейных наделов членов общины (ацт. *tlalmilli*). Обработка земли производилась большими семьями (за некоторыми исключениями), поэтому нет оснований соглашаться с утверждением обратного свойства, имевшим место в современной историографии [251, с. 42]. Кроме «земли при жилище» (ацт. *callalli*), т.е. своего рода приусадебного участка, члены общины (согласно раннеколониальным источникам) имели наделы в поле [249, с. 28]. Сведений о размерах участков, какие имели в кальпулли семьи, нет, но, вероятно, общих правил не было, так как земли были разные. Если обратиться к району чинампового земледелия (у оз. Тескоко), то там участок с чинампами обычно занимала большая патриархальная семья, состоящая из представителей трех поколений (родители, их дети и внуки) [88, с. 323]. Каждая семья, вероятно, занимала отдельное помещение в одно или двух-этажном доме. Только после испанского завоевания, разрушившего традиционные семейные модели, и, возможно, в результате невиданных ранее эпидемий стали появляться малые семьи. До Конкисты средняя величина семейной и хозяйственной единицы составляла 10-14 человек (но могла достигать в отдельных случаях и 30 человек). Кстати, очень часто такая семья, жившая в районе озера, занималась не только обработкой чинамп, но и добычей соли, рыбной ловлей, изготовлением циновки и др. [85, с. 107 — 111]. В иных местах подсобный промысел мог быть и другим.

Сами общины различались по числу домохозяйств (семей). Так, в середине XVI в., когда традиционные связи не были еще полностью разрушены, в Молотле (земли Э. Кортеса) насчитывалось 9 общин-кальпулли, в которых было от 1 до 38 домохозяйств (в целом 128 домохозяйств). Там жило 1056 человек, т.е. в среднем 8,2 человека на домохозяйство [101, с. 46]. В Тепотслане (штат Морелос) в 1537 г., по данным раннеколониальной описи, было около 12 062 жителей, разделенных на 2200 домовладений. В общине под названием Тлакатекпан большие семьи преобладали, и в 235 (из 549) ее домовладениях было по две и более родственных пар: из двух пар состояло 185 домовладений, из трех — 41, из четырех — 8, из пяти пар — 1. Эти сведения согласуются с данными в целом по Центральной Мексике раннеколониального периода (1548 г.) — в среднем 2,93 пары на домохозяйство, хотя по городам указанный показатель колебался очень

серьезно — от 0,78 до 5,78 пары на домохозяйство. Сходная картина была в Тескоко, Теотиуакане (в частности, в районе Чиконаутла) [85, с. 173].

В раннеколониальный, как и доиспанский период большая семья со временем неизбежно распадалась на дочерние, после чего из ее отдельных частей (самостоятельных семей) постепенно вновь складывались патриархальные семьи.

Большинство (хотя и не все) сельских общин в собственном смысле слова были небольшими деревушками (часто 2 — 3 дома) или небольшими деревнями, однако отсутствие монументальных архитектурных памятников как важнейших ориентиров при раскопках делает: Очень сложной их современную локализацию археологами. Следы |, одного из поселений в районе деревни Куаналан (в Теотиуакане) Прослеживаются на площади около 20 — 25 га (наиболее плотное ядро — около 10 га). Это позволяет предположить, что оно представляло собой, по сути, целую серию небольших поселений. Во всей же долине Теотиуакана наиболее обычными были сравнительно компактные поселения из 10-40 домов. Находили и отдельные изолированные жилища на склонах. А в районе Тескоко некоторые поселения были так плотно расположены друг к другу, что их границы определить очень трудно. Там, например, обнаружено поселение площадью около 115 га с церемониальным центром, население его составляли, видимо, 600-1200 человек [85, с. 182-183]³¹.

Земли одной общины от другой, участок от участка отделялись рядами камней и посадками агавы. Границы и межи общинных земель тщательно оберегались и в случае необходимости защищались, в том числе и средствами закона. Так, в г. Тескоко один из трех высших советов при правителе наряду с прочим рассматривал и спорные вопросы, связанные с нарушением границ земельных владений [315, т. 1, с. 274].

Земельные наделы нельзя было произвольно отчуждать. Земля была собственностью общины (и ее бога-покровителя), поэтому лишение права на надел кого-нибудь из общинников означало для последнего аннулирование его гражданских прав в общине и фактически статуса независимого свободного человека. Иными словами, право на надел обеспечивалось рождением в семье, принадлежащей к той или иной общине. Если какая-нибудь из семей по тем или иным причинам прекращала свое существование, земля оставалась в общем владении кальпулли, становилась вакантной и распределялась затем среди тех членов общины, которые в ней нуждались, — к примеру, если надел, которым пользовалась та или иная семья, был «не очень хорош», проще — малопродуктивным, или если она численно увеличивалась, или в общине появлялась новая семья. Если член кальпулли покидал общину, то он также терял право на землю. Лишался ее и тот, кто в течение двух лет не обрабатывал надел; оправданием могло быть только малолетство, сиротство, старость, болезнь. Беспокорство по поводу того, чтобы все участки кальпулли обрабатывались, объяснялось довольно просто — община выплачивала государству определенные налоги [228, с. 170; 410, с. 30 — 33, 120 — 122]. У старейшины общины хранилась карта (точнее, кодекс), на которой пиктограммами помечались все общинные земли и наделы отдельных семей (см. рис. 45). Это была по сути «домовая книга» общины, обычная для доиспанского периода, которая применительно к городской общине называлась «граммотой города» (ацт. *altepētlamatl* — букв. «бумага города»). Такая «домовая книга» выполняла, по существу, и роль кадастрового документа. В ней же указывались вакантные, незанятые участки. По мере необходимости на карту вносились изменения, происшедшие в системе распределения земли. В декабре (в ацтекском месяце Панкетсалицтли)³², после уборки урожая и сжигания на полях жнивья, общине вновь приходилось восстанавливать нарушенные межи, и тогда помогали такие «домовые книги». Известно что практика передела земли свойственна общине при отсутствии частной собственности, однако у ацтеков систематические переделы земли не зафиксированы, общинный надел передавался от отца к сыну [84, с. 33; 130, с. 230; 203, с. 222-224; 409, с. 35].

Наряду с участками, предоставляемыми в распоряжение членов кальпулли, и вакантными землями была еще одна часть общинной земли, которая обрабатывалась коллективно. Доходы и урожай с нее предназначались для содержания старейшины кальпулли и уплаты налогов государству³³, поэтому она называлась «земля, предназначенная для выплаты дани» (ацт. *tequitlalli*; от *tequitl* — «дань», «рента») [214, с. 145; 222, с. 130; 228, с. 170; 314, с. 126; 409, с. 114-120].

При определенных обстоятельствах часть земли кальпулли передавалась в аренду, в том числе и членам другой кальпулли. Как сообщает хронист, община делала это для того, чтобы удовлетворить «какие-то свои потребности» [409, с. 31].

Имеется в виду практика, с помощью которой перекладывалась на чужие плечи обработка той части общинной земли, урожай с которой шел на уплату государству податей и ухаживать за которой члены кальпулли должны были коллективно. Плату за аренду, «ренту», составляла, если верить документу, обусловленная договоренностью часть урожая [409, с. 32]. Видимо, использование «арендаторов» в данном случае оказывалось выгоднее, нежели кооперация общинников при обработке коллективного надела.

Какие же причины заставляли членов других кальпулли прибегать к аренде? Если полагаться на документальный материал, то это происходило в ряде случаев: когда арендованная земля была лучше той, что располагала их кальпулли; когда их община не располагала достаточным количеством земли для распределения среди своих членов; когда они «могли работать как на своей, так и на арендованной земле» [104, с. 198; 409, с. 32, 146]. «Арендаторы», о которых здесь идет речь, по-другому называются майеки (ацт. *maueque* [ед. ч. *maue*] — «те, кто имеют руки», т.е. имеют рабочие руки, но не имеют земли; в связи с ними встречается и выражение «рука земли» — *tlalmaitl*, с аналогичным смыслом). Хотя статус их не вполне ясен, некоторые исследователи прямо называют их «батраками».

Ясно, что можно констатировать два момента, свидетельствующих о появлении неравенства: в ацтекской общественной структуре были как общинники, которые по каким-то причинам не имели достаточно земли, так и те, что могли справиться с большим наделом, чем им предлагала собственная община. Все это свидетельствует, что абсолютной замкнутости общины не было. Отвечая на вопрос, как могли сложиться условия, при которых сделалось возможным нарушение социального равновесия, хронист сообщал, что это восходит к «неравенству общин» (в смысле владения землей) еще в XIII в., когда бродячее племя ацтеков появилось в Мексиканской долине. Уже тогда некоторые общины, согласно А. Сорите, получили земли больше, чем другие ввиду того, что были «важнее других» [409, с. 30].

Отвлекаясь от предложенной испанским историком достаточно спорной хронологии (применительно к такому социальному явлению, как неравенство), важно отметить признание в качестве само собой разумеющегося того положения, что внутри ацтекского общества существовали как богатые и сильные общины, так и противоположные им по положению и состоянию. Это с неизбежностью ставило на повестку дня вопрос о частном землевладении. При всем этом, однако, нет оснований утверждать, что процесс дифференциации в общине проходил интенсивно. Напротив, кальпулли защищала себя довольно стойко. Весьма показательным в этом отношении то, что община прибегала к сдаче в аренду земли в самом крайнем случае. Если можно было избежать этого, общинники не позволяли людям другой кальпулли обрабатывать свою землю, что было оправданно, так как возникала опасность нарушения единства общины: создавались условия для смешения кальпулли, перехода из одной общины в другую, ставилась под вопрос неделимость общинной земли. Поэтому если кто-то посторонний обрабатывал землю кальпулли, то члены последней следили за тем, чтобы худшее не случилось.

О том, что подобная опасность была реальной, а не чисто теоретической, свидетельствуют частые конфликты между земледельцами-общинниками на почве защиты земель своей кальпулли. Для того чтобы уменьшить риск, они сдавали — в аренду уже обработанную землю [409, с. 31-32]. Предоставление в аренду обработанного участка имело принципиальное значение, так как если бы это была целина, то обработавший ее чужак получал право на нее в соответствии с традиционным принципом «трудовой собственности». Весьма примечательно и то обстоятельство, что если, например, на Древнем Востоке можно было в большинстве случаев продать общинный участок в счет уплаты долга (пусть даже через формальное утверждение акта купли-продажи общиной или деспотическим государством), то у ацтеков данное событие не могло иметь места. Если член кальпулли не мог выплатить долг, он продавал в рабство членов семьи и самого себя, но никак не общинную землю. Поскольку же нельзя было продавать надел в уплату долга, не могли появиться и ростовщики-землевладельцы (как, к примеру в древнем Вавилоне).

Однако же сказанное лишь замедляло, но не могло остановить процесса формирования условий, расшатывавших монолит общинного землевладения. Просто, как и в других раннеклассовых обществах, глубинная объективная закономерность преломлялась через местные особенности, придающие общеисторическому процессу свою специфику.

Анализ форм землевладения применительно к древнеацтекскому обществу был начат, что вполне закономерно, с рассмотрения вопроса об общинном землевладении. Понять, однако, с достаточной степенью четкости место и значение последнего и тем более дать характеристику данному социуму можно, только обратившись к вопросу о других формах землевладения. Но последнее весьма непросто. Действительно, исследователь, желающий прояснить эту проблему, с одной стороны, встречает в исторических источниках целую систему понятий, связанных с характеристикой определенных форм землевладения (а наличие их, как известно, является очень важным признаком того, что реально сама система землевладения достаточно разнообразна), но, с другой стороны, не совсем грамотная и точная передача в раннеколониальных источниках указанных понятий, вполне понятных для древних мексиканцев, создает немалые трудности. Как справедливо отмечал один из исследователей, система понятий, связанная с ацтекскими формами землевладения, «сложна» и «нередко двусмысленна» [70, с. 381].

С этой неоднозначностью мы сталкиваемся прежде всего тогда, когда речь заходит о царском землевладении. Носителем высшей военной, административной и судебной власти в ацтекском государстве, как уже говорилось, был правитель — тлатоани. Считался он и верховным собственником земли. В самом деле, известно совершенно категорическое утверждение, согласно которому, по крайней мере в эпоху последнего из доиспанских тлатоани, Мотекусомы II, «вся земля» принадлежала этому «великому сеньору»; ему служили все остальные «сеньоры» «этой земли» [381, с. 561].

Однако быть «верховным собственником», к примеру, общинной земли совсем не значит еще быть ее фактическим полным хозяином. Это хорошо известно по древневосточной истории, да и предыдущий анализ общины-кальпулли и общинного землевладения убеждает в том же. Можно со всей определенностью констатировать: в древнеацтекском обществе индивидуальной собственности на землю в том виде, как это было, например, в Риме, не существовало (о каких-либо формах землевладения ниже ни шла речь). У ацтеков право распоряжаться землей принадлежало тлатоани, и он мог передать её тому, кому желал. Но важнейшим принципом его действий в данном вопросе было то, что он обязательно учитывал существующие в обществе традиции, обычаи и нормы. Такое зыбкое равновесие и было в действительности тем, что называется властью восточного деспота в собственном смысле слова. Кстати, касается это не только вопросов землевладения, но и всех иных сторон жизни общества. Как раз на основании именно такого положения и строится утверждение о принадлежности ацтекского общества к «азиатскому типу способа производства».

Документальный материал свидетельствует, что земли, определяемые как собственно «царские», в то же время разделялись на целый ряд видов и категорий, что дает в сумме картину гораздо более сложную. Для того чтобы дать наглядную характеристику тому, может определяться как «царские земли», следует прежде всего остановиться на путях их пополнения.

Первоначально власть ацтеков распространялась на незначительную территорию центральной части Мексиканской долины, главным очником пополнения земельного фонда были земли народов, которые они последовательно и успешно подчиняли на протяжении почти 100 лет. Обычно до 1/3 земель покоренных народов, «земли врага» (ацт. *yaotlalli*), в той или иной форме переходили завоевателям [212, т. 4, с. 113, 228, с. 171], причем большая часть этих земель попадала тлатоани Теночтитлана как носителю верховной власти и служила для «поддержания трона» [78, с. 64; 193, с. 91].

В исторических источниках в избытке представлены подтверждения подобного рода практики. Начало ее связано с именем четвертого тлатоани Итцкоатля, при котором, как уже отмечалось, ацтеки обрели независимость. Уже тогда при разделе земель своих бывших господ, народа тепанеков, главная их часть отошла к тлатоани [31, с. 343; 173, с. 59; 384, с. 57, 61]³⁴. И хотя ради исторической объективности следует признать, что ацтеки делились завоеванным со своими союзниками, существо дела не менялось: тлатоани всегда стоял первым в списке претендентов на новые земли. Политику Итцкоатля продолжили, причем все более успешно, последующие тлатоани.

Итак, тлатоани — первый кандидат на богатства покоренных территорий. На деле захваченная земля могла эксплуатироваться в двух формах. Первоначально в наиболее отдаленных областях ее продолжали обрабатывать так, как было до завоевания, и только доход с нее поступал в руки тех, кому она досталась. Фактически в каждом покоренном районе имелись поля, предназначенные для этих целей, обрабатываемые местным населением [193, с. 121]. Достаточно долго практика колонизации оставалась ограниченной, и отдаленность от метрополии, и прежде всего Теночтитлана, делала более эффективной именно такую форму эксплуатации покоренных окраинных земель. Со временем, однако, особенно если завоеванные земли были близко к центру государства и были достаточно богатыми, они меняли хозяев в прямом смысле, т.е. переходили в руки завоевателей, тлатоани прежде всего.

Показательна в данном отношении судьба района Чалько — Амекамекана. Первоначально это было небольшое независимое государство, располагавшееся в самой плодородной южной части Мексиканской долины в непосредственной близости от Теночтитлана. При пятом тлатоани Мотекусоме I Чалько — Амекамекан был покорен, но серьезных повинностей в пользу ацтеков еще не нес. Но уже при следующем тлатоани, Ашайакатле, в связи с дальнейшим усилением военной мощи ацтеков начинается изъятие ценнейших земель этой части Мексиканской долины. Известно, например, что при нем жители одного из городов района Чалько — Амекамекана, Чималуакана, уже возделывали для ацтеков два маисовых поля [322, с. 260]. А завершился весь процесс тем, что к 1519 г. Чалько-Амекамекан потерял значительную часть своих земель, превратившись в основного поставщика продуктов питания для столицы ацтекского государства.

Другой путь пополнения царского земельного фонда, хотя и не основной, связан с существованием в ацтекском государстве своей, системы наследования. Дело в том, что выморочное имущество, а вместе с ним и земля поступали в царский фонд (или вливались в общинные земли, за что тлатоани получал с общины дань) [203, с. 222; 389, т. 4, с. 333].

По закону земля изменников, предателей, казнокрадов также поступала в распоряжение тлатоани [152, с. 383; 203, с. 252; 228, с. 101; 351, т. 2, с. 312].

Факты покупки наделов для царского земельного фонда не зафиксированы в источниках, что может служить еще одним важным подтверждением того факта, что тлатоани считался верховным собственником земли в Тройственном союзе. Правда, последнее утверждение имеет силу только в том случае, если вообще существовал земельный рынок, о чем, впрочем, речь пойдет ниже.

Общенаучным термином «царское землевладение» в ацтекском государстве обозначалось то, что имело свою, не всегда понятную структуру, выражаемую специфическими терминами. Обратимся прежде всего к сохранившимся в источниках понятиям *tlatocatlalli* и *tlatocamilli*, употребляющимся в сочетании с выражениями *itonal*, *intlacatl*. Последние буквально означают «его судьба», «его жребий» — имеется в виду знак рождения тлатоани по ритуальному календарю, предначертывающий в соответствии с ацтекской астрологией человеческую судьбу. *Tlatocatlalli* или *tlatocamilli* в соединении с *itonal*, *intlacatl* обычно переводится как «земля, предназначенная тлатоани судьбой», «земля, которая появилась в результате удач или успехов тлатоани» [110, с. 148-149; 115, с. 868; 203, с. 170; 314, с. 124]. Понятно, что появление этих земель в царском земельном фонде связано так или иначе с военными победами тлатоани.

Известно, например, что часть земель в районе Теотиуакана, доход с которых предназначался союзнику Теночтитлана, г. Тескоко, называлась в полном соответствии с названными выше понятиями «земля, предназначенная правителю Тескоко» (ацт. *Texcoco tlatocatlalli*) [222, с. 130]. Подобные наделы располагались на лучших землях ацтекского государства. К примеру, в самом начале истории Тройственного союза, когда Теночтитлан и Тескоко еще занимали в нем относительно равное положение, правитель последнего, знаменитый в ацтекской истории Несауалькойотль, имел в каждом подчиненном ему районе участки размером около 1200 вар (1 vara = 83,5 см) [398, с. 123], относящиеся к только что рассмотренному типу земель.

Словом, как будто налицо все признаки того, что тлатоани был полным и абсолютным хозяином названных земель. Не случайно некоторые исследователи считают эти земли даже «родовыми» — собственностью его рода. Однако в некоторых источниках *tlatocatlalli* и *tlatocamilli* в полном соответствии с буквальным значением слов определяются как «земля власти» и «мильпа государства» соответственно (от *tlatoca* — «сеньория», т.е. государство; *tlalli* — «земля», *milli* —

«мильпа») [196, с. 54; 214, с. 147; 335, с. 145; 409, с. 118]. Тем самым как бы подчеркивается предыдущий тезис. К тому же в указанных сообщениях подчеркивается, что тлатоани не располагал правом произвольно распоряжаться данными землями, хотя мог отдать их в «аренду» тому, «кому хотел» [409, с. 118].

По нашему мнению, противоречия здесь нет, поскольку сами «царские земли» в ацтекском государстве делились на виды, четко соответствовавшие целевому назначению получаемых с них доходов. В структуре царского землевладения среди таких целевого назначения земель следует назвать «землю дворца» (ацт. *tecpanlalli*, от *tecpan* — «дворец» и *tlalli* — «земля») [138, с. 438; 228, с. 170]. Доход с нее шел на содержание дворца, «дома сеньора» (ацт. *teccalli*) [409, с. 29] и связанных с ним лиц (обслуживающий персонал, администраторов, по роду своей деятельности привязанных к дворцу, к примеру, разного рода управляющих) [228, с. 170; 389, т. 4, с. 333 — 334]. Индейцы, которые населяли эти земли, назывались «люди, принадлежащие дворцу» или «полагающиеся на дворец» (ацт. *tecpanrouhque*) [228, с. 170]. Однако и в этом случае, и в описанных выше «приписывание» общинников и иных категорий земледельцев к определенным землям, определенным «сеньорам» было не чем иным, как формой расчета за службу в условиях недостаточно развитых товарно-денежных отношений.

На средства, получаемые с «земель дворца», устраивались приемы, разного рода празднества и т.п. На часть урожая с дворцовых земель жили и сами земледельцы, обрабатывавшие их. По-видимому, «земли дворца» располагались недалеко от дворца, на содержание которого они предназначались.

Другую категорию земель в структуре царского землевладения составляла «земля щита» (ацт. *milchimalli*), доход с которой шел на осуществление военных целей, на содержание армии. Называли эти земли также «мильпа, предназначенная для снабжения военных экспедиций» (ацт. *sacalomilpan* или *sacalomilli*) [104, с. 223; 105 с. 25; 118, с. 79; 127, с. 16; 222, с. 130; 257, с. 35; 289, с. 116; 314, с. 131; 358, с. 49]. Согласно одной из исторических хроник [389, т. 4, с. 334], единственная разница между «землей щита» и «мильпой, предназначенной для снабжения военных экспедиций» состояла в том, что маис, выращиваемый на первой, шел на изготовление напитка атоле, а из маисовой муки, получаемой из кукурузы, выращенной на второй, обычно пекли лепешки-тортильи, которые долго хранились и были потому удобны в любом военном походе (см. также [118, с. 79; 184, с. 869]). Эти лепешки в некоторых местах назывались *sacalas* [110, с. 153; 115, с. 869], из чего, видимо, можно вывести еще одну версию происхождения слова *sacalomilpan*. Возможно, что такое формальное разделение земель объяснялось обстоятельствами чисто технологического свойства — потребностями в початках разной степени зрелости.

Наконец, встречается в архивных документах еще одно доиспанское название земель, доходы с которых шли так или иначе на содержание армии, — «земля орлов» (ацт. *quauhtlalli*). «Орлы» (а также «ягуары») — эвфемизмы, обычно использовавшиеся для обозначения воинов, более того, наиболее знатных, отличившихся в бою. «Орлы» и «ягуары» имели в структуре военной организации общества даже свой особый союз, своего рода «орден» (о чем речь пойдет ниже). Трудно сказать что-нибудь детальное для характеристики этого вида земель. Не исключено, что так могли называться все наделы, относящиеся к военному ведомству.

Как бы то ни было, когда при шестом тлатоани Ашайакатле были завоеваны земли в районе Толуки, то победители конфисковали участок размером 800x400 саженой (исп. браса; 1 браса = 1,68 м.), доход с которого поступал на специальные армейские провиантские склады. Подобные хранилища были не только в Толуке, но и по всему государству, ибо в них находился также и неприкосновенный запас продовольствия на случай голода в стране [173, с. 146-147; 212, т. 4, с. 238-239; 351, т. 2, с. 312]. В некоторых районах государства, особенно приграничных, местное население обрабатывало специальные участки также для обеспечения продовольствием располагавшихся там гарнизонов из ацтекских солдат и их союзников [110, с. 148-149; 316, с. 103].

Такое разнообразное, строго целевое назначение «царских земель» наводит некоторых исследователей на мысль, что земли эти не являлись, строго говоря, собственностью тлатоани как частного лица, а были, по существу, государственными землями [115, с. 868; 118, с. 80; 214, с. 147; 398, с. 80]. По нашему мнению, в условиях государства древневосточного типа, к которому принадлежал и Тройственный союз, неверно противопоставлять власть и все, что с ней связано,

правителю-тлатоани, олицетворяющему эту власть. К тому же в любом хозяйстве, в том числе и царском, всегда были какие-то обязательные статьи расходов, в рассмотренных выше случаях связанные с содержанием дворца, армии и пр. Поэтому не имеет никакого смысла увязывать факт подобного деления «царских земель» на различные виды с наличием или отсутствием на них абсолютной власти тлатоани. В принятых ныне классификациях древневосточного землевладения «царские земли» определяются как государственные, что позволяет сделать и примечательную перестановку — определять государственные земли как царские. Показательно, что даже наиболее активные из современных исследователей сторонники идеи превалирования государственной власти в древнеацтекском обществе во всех его сферах вынуждены в конце концов признать, что тлатоани располагал правом «давать землю» «другим сеньорам», отличившимся воинам, храмам, общинам [104, с. 193]. Этим по сути определяется огромная роль тлатоани и царского землевладения в формировании остальных видов землевладения — храмового, частного и, конечно же, служебного.

Поскольку возникновение раннеклассового государства влекло за собой неизбежные расходы, связанные с содержанием аппарата, армии и пр., естественно, вставала проблема средств. Известно, что для ее решения возможны два основных варианта (или их комбинация): в первом государство не создает своего самостоятельного хозяйства (во всяком случае, значительного), а существует главным образом за счет взимания налогов; во втором, напротив, само себя содержит, активно развивая государственный сектор экономики, для чего необходимы очень важные компоненты — определенная традиция и опыт, специальные чиновники. обстоятельное изучение сохранившихся данных позволяет заключить, что в ацтекском государстве сложились условия для второго варианта. Это демонстрируют не только различные виды царского землевладения, рассмотренные выше, но и то явление, что определяется как служебное землевладение.

В условиях раннеклассового общества вознаграждение за службу могло быть главным образом двух видов (или их комбинацией) — натуральное довольствие и земельный надел. В Тройственном союзе имело место их сочетание. Действительно, в связи с недостаточной развитостью товарно-денежных отношений ацтекское государство выделяло тем или иным чиновникам земельные владения, благо непрерывные завоевания предоставляли такую возможность. Эта забота по извлечению натурального довольствия просто-напросто перекладывалась на плечи самих держателей служебных наделов (что, кстати, практиковалось и в древнем Вавилоне эпохи Хаммурапи).

Сами владельцы служебных наделов не занимались хозяйством (за исключением мелких чинов), а использовали труд земледельцев-общинников, т.е. масеуалей и майеков («батраков», «арендаторов»), которые искони жили на этих землях, заставляя их «поставлять пищу и воду» [409, с. 29, 117]. Один из испанских хронистов писал, что такая эксплуатация служебных наделов напоминает энкомьенду [409, с. 28]. От себя добавим — с той большой разницей, которая отделяет испанскую средневековую, феодальную по истокам энкомьенду и раннерабовладельческое хозяйство.

Как правило, преобладало получение хозяином 1/5 доли урожая. Правда, столь низкая выплата может служить показателем уровня эксплуатации, поскольку дополнением к ней были многочисленные другие повинности: выполнение работ по дому, приготовление пищи, доставка топлива, строительные и ремонтные работы, прядение, ткачество, плетение, переноска грузов и др. [213, с. 249; 409, с. 29]. Так строились взаимоотношения с хозяином у жителей земель, прилежащих к его дому. Если же земли располагались в другом районе (иногда достаточно далеко — насколько далеко ацтеки вели завоевания), были разбросанными, то владелец служебного надела не мог действительно контролировать поступление доходов с них. Тогда государство приходило ему на помощь. Оно осуществляло общий контроль за благополучием служебных наделов (наряду с наблюдением за царским сектором) силами своих специальных чиновников — калпишков (ацт. *calpixque* — «хозяин дома урожая»; от *calli* — «дом», *pixque* — «урожай») [137, т. 1, с. 46, 61, 65; 174, т. 2, с. 116; 316, с. — 24; 384, с. 78], особых сборщиков дани и налогов, выплачивая держателям служебных земель лишь полагающуюся долю доходов (в этом случае до 50% урожая) [70, с. 383-384].

Естественно, что служебные наделы (а их появление, как считают, связано с эпохой тлатоани Итцкоатля) были наиболее доступны представителям знати различных «рангов», получавшим соответственно неодинаковый доход с этих земель. Среди лиц, имевших право на служебные наделы, были те, кто выполнял как судебные-административные и хозяйственные, так и военные функции. Соответственно можно говорить о наделах гражданских и военных. В высшей степени

военизированном государстве, каким был Тройственный союз, безусловно, самыми важными считались военные. Впрочем, скорее всего, большинство гражданских чинов (с современной точки зрения) на деле были все теми же военными (например, упомянутые выше калпишки) [173, с. 69-70; 409, с. 28-29, 36].

Из всех гражданских служебных наделов больше всего имеется сведений о землях, которые предназначались лицам, исполнявшим судебные-административные функции. На их основе и можно хоть отчасти воссоздать и охарактеризовать правовые рамки служебного землевладения. Размер участка зависел от должности, сам участок был как бы придатком к ней. Он не передавался по наследству от отца к сыну, а поступал в пользование (вместе с теми, кто на нем работал) тому, кто назначался на данную должность [288, с. 147; 409, с. 51]. Впрочем, обычно служебная земля оставалась в той же семье, ибо тлатоани среди других претендентов на освободившуюся должность чаще отдавал предпочтение сыну покойного [409, с. 29- \$ 30]. Подобная практика в будущем неизбежно привела бы к наследованию служебных участков. В целом положение служебного землевладения в древнеацтекском обществе вполне соответствует известному этапу общеисторического развития.

В структуру государственного землевладения в конечном счете (несмотря на некоторую специфику) входило и храмовое. В укреплении своей религии завоеватели-ацтеки были крайне заинтересованы, ибо она, проповедуя войну как высшую доблесть, а ацтеков — как самых достойных её носителей, идеологически обосновывала политику захватов, которую они проводили на протяжении почти ста лет своей независимой истории. Неудивительно, что при храмах подчас создавались склады оружия [152, с. 394]; во время военных походов в первых рядах всегда шли жрецы с изображениями важнейших ацтекских богов [351, т. 2, с. 316]. Жрецы первыми встречали у ворот столицы ацтекских воинов, возвращающихся из похода [173, с. 44, 100].

Первые сознательные попытки укрепить авторитет храмов и жрецов имели место при втором ацтекском тлатоани Уитсилиуитле, когда Теночтитлан еще находился в подчинении у г. Аскапотсалько [173, с. 44]. Но более четко и последовательно политика поддержки храмов проявилась при четвертом тлатоани, Итцкоатле. Это и понятно, поскольку именно при нем произошло освобождение ацтеков из-под власти Аскапотсалько, начались их завоевания и, следовательно, появились материальные предпосылки для поощрения храмов [173, гл. 9-14]. В результате такой политики к 1519 г., когда на ацтеков обрушилась трагедия Конкисты, храмы имели «свои установленные доходы», для того чтобы «кормить» и «обеспечивать всем необходимым жрецов, которые в них служили» [152, с. 394].

«Доходы» храмов обеспечивались за счет определенных государством постоянных (а также разовых в случае необходимости) разнообразных повинностей, выполняемых специально выделенным для этого населением [316, с. 103]. Обслуживала храм обычно ближайшая округа или община. Так, в Теночтитлане храм бога Уитсилопочтли содержали 6 общин [314, с. 208], а храмы в Тескоко — 15 общин [55, с. 191; 305, с. 394]. В источниках достаточно сообщений о том, как в пользу храмов осуществлялась поставка определенных материалов, сырья. Так, когда пятый тлатоани, Мотекусума I Старший, пожелал построить новый храм Уитсилопочтли, строительные материалы поставляли как его союзники, так и жители покоренных к тому времени территорий [173, с. 92; 384, с. 79]. Словом, среди прочих повинностей, налагаемых победителями-ацтеками, покоренные народы также платили особую «дань для поддержания храмов», «которых было много» [108, с. 278].

Ацтекские храмы, подобно древневавилонским, могли увеличить свои богатства за счет подарков и добровольных пожертвований. Простые общинники-масеуалы, естественно, могли позволить себе только скромные подношения, что же касается ацтекской знати, то она могла, например, пожертвовать храму часть полученной ею дани [409, с. 199-200]. Говоря о структуре храмовой собственности, нельзя не упомянуть и о традиционных для любой церкви доходах в виде религиозных ритуальных пожертвований (пищей, изделиями ремесла) по самым различным поводам (за имянаречение, гадание, предсказание и др.) [351, т. 1, кн. 4, гл. 2, 8, 9]. Так, на рынках были специальные святилища, куда торговавшие делали особые жертвования, каждый своим видом товара во имя благополучия торговли. Все пожертвованное шло на содержание жречества и проведение многочисленных религиозных обрядов [55, с. 191; 174, т. 1, с. 179; 409, с. 194]. В некоторых случаях избранный на высокий пост жрец передавал часть своего имущества в пользу

храма (другая часть оставалась его семье, так как в ацтекском государстве целибата не существовало). Во всяком случае, подобная практика была в соседнем с Теночтитланом городе-государстве Чолула. Известен случай, когда два высших жреца бога Кетсалькоатля после своего утверждения на этих высоких постах поступили именно таким образом [95, с. 488-489]. Было при храмах и собственное ремесленное производство, например, тканей, холста, осуществляемое «монахинями» — девушками и женщинами, на несколько лет переходившими в храм (по разным причинам) [409, с. 120]. Свою долю в развитие храмовой собственности вносили и юноши, которые в течение ряда лет обучались в особых школах, приписанных к храмам. По сообщениям источников, те, кто обслуживал храмы или был приписан к ним, например общинники, были освобождены от уплаты податей и дани [409, с. 120]. Это значит, что храм не имел экономических обязательств перед государством.

Однако как обстояли дела с землей? Известно ведь, что не во всех древневосточного типа государствах храмы обязательно становились обладателями земельной собственности (по крайней мере более или менее значительной). Из источников, связанных с г. Тескоко, известно, что земля у храмов имела и называлась «земля бога» (ацт. *teotlalli* или *teotlapan*). Несомненно таким же было положение и в других местах: как говорится в одном из источников, «индейцы выделили много хорошей земли для обслуживания своей религии» [409, с. 199-200] (см. также [110, с. 149; 228, с. 99-100; 336, с. 133; 411, с. 363]). Кстати, и исследователи с редким единодушием признают реальность храмовой земельной собственности у ацтеков (см., например, [104, с. 223; 118, с. 78, 83; 213, с. 244; 358, с. 49-50]), в отличие от жарких споров, которые они ведут по поводу царского и тем более частного землевладения.

Размеры «земли бога», понятно, напрямую зависели от политики завоеваний. Храмы были разные — общинные, городские, главные национальные и посвященные региональным божествам, центральные и провинциальные и т.п. Наиболее крупные и доходные наделы выделялись, естественно, национальным храмам столицы — Теночтитлана [31, с. 343; 173, с. 59, 72]. Подобная практика вела, вне всякого сомнения, к появлению как богатых, так и бедных храмов. Некоторые из них превращались в настоящих притеснителей округа.

Так, чальки (жители южного побережья оз. Тескоко) жаловались Э. Кортесу, что их полями завладели храмы [14, т. 1, с. 131]. Не исключены и дарения земель храмам знатью, включая, возможно, и Тлатоани [409, с. 199-200]. Но, как и в случае с царскими землями, земельных покупок храмами не зафиксировано.

В отличие от некоторых древневосточных государств, к примеру, Вавилона эпохи Хаммурапи, где хозяйства отдельных храмов удалось организовать в централизованную систему, у ацтеков не сложилось единого управления всем храмовым хозяйством, единой храмовой собственности, хотя попытки создания некоей жреческой иерархии и наблюдались³⁵. Здесь, как и в древней Месопотамии времен Гудеа, земля считалась собственностью того бога, которому был посвящен храм. Однако считать храмы абсолютно самостоятельными в структуре ацтекской системы хозяйства и земельной собственности не приходится — уж очень сильной была взаимосвязь между политикой тлатоани и процветанием храмов. Не случайно один из высших советов при правителе занимался специально вопросами религии и идеологии (и только ими) [228, с. 101-105]. По нашему мнению, есть основания и предпосылки говорить в целом о царской и храмовой земле как царско-храмовой, которая вместе со служебными землями и составляла то, что определяется как государственная земля ацтекского государства.

Самые большие трудности, однако, возникают при анализе частного землевладения в структуре древнеацтекского общества. Это, впрочем, является вопросом вопросов для любого раннеклассового общества. Зарубежная историография предлагает как тезис об отсутствии частной собственности на землю у ацтеков [23, с. 115-119], так и признание ее существования (см., например, [36, с. 34; 222, с. 88; 235, с. 32-33; 314, с. 124-128 и др.] и даже утверждения об ее феодальном характере [122, с. 19]. Последнее, пожалуй, можно считать скорее результатом некритического использования раннеколониальных хроник, авторы которых часто действительно воспринимали ацтекское государство с позиций человека позднефеодального общества.

Одни авторы проводят прямую аналогию между древнеацтекским обществом и Римом [65, с. 198], другие столь же категорически ее отрицают, утверждая, что понятие частной собственности на землю как категории римского права неприменимо к ацтекскому государству кануна Конкисты, ибо,

утверждают они, земли, определяемые некоторыми как частные, на деле были получены взамен за выполнение определенных общественных функций — несение военных, административных и иных служб и повинностей [104, с. 223; 115, с. 874]. Один из представителей последней точки зрения, проанализировав среди прочего оригинальный индейский исторический документ, отметил, что в нем, когда заходила речь о судьбе завоеванных земель, употреблялось выражение «они взяли землю» (ацт. *motlalmasaque*), а не «сделали землю собственностью» (ацт. *motlalaxcatia*) [138, с. 1-68]. Таким образом, считает этот автор, ацтеки не превращали захваченные земли в частную собственность, ибо у них вообще не было частной собственности на землю, они знали лишь право пользования ею. Поэтому можно сказать, что земельная собственность существовала у них только в двух формах — общинной и государственной. При первом виде собственности члены общины работали на себя и на пользу общины, при втором — тлатоани, как глава государства, следуя действующим нормам, передавал права пользования землей храмам, воинам, знати, самому себе. Никто из ацтеков, категорически заключает этот автор, включая самого тлатоани, не мог сказать «это моя земля», ибо земля не была «его», но лишь «для него» [118, с. 81-83].

Фактически в развитие этих идей другой автор утверждает, что для индейцев земля была изначально средством производства, которое держала община или род и в связи с которым предполагалось выполнение определенных функций и обязанностей (именно поэтому индейские представления о статусе той земли, которую они держали, очень близки к понятиям, свойственным феодальной системе держаний, и связанным с этим повинностей). Маловероятно, продолжает он, что аборигенное индейское общество имело какое-либо представление о земельной собственности в духе римского права. Согласно последнему человек, будучи хозяином земли, вправе оставлять ее незанятой, необработанной, право же суверена — только облагать владельцев земли налогом для решения каких-то публичных, общественных проблем. Поэтому когда испанцы ввели понятие «земельная собственность» в духе римского права и законодательства, декларировав кроме всего прочего, что вся земля, не занятая туземцами или не используемая ими, объявлялась вакантной и королевская власть может ее изъять, это послужило причиной многих конфликтов с индейцами [63, с. 270 — 271].

С этими выводами фактически солидарен другой исследователь, утверждавший, что при «азиатском способе производства» частная собственность на землю или не существовала вообще, или имела ограниченное значение. В ацтекском государстве были земли, пользование которыми связывалось с выполнением определенных государственных функций. Их можно было передавать, хотя и с определенными ограничениями (например, разрешалось продавать, но только знатым держателям). Сами владельцы таких земель не занимались аграрным производством, получая лишь определенную часть урожая с полей, обрабатываемых либо общинниками-масауалами, либо «арендаторами». Поэтому можно считать, что «частная земля» в ацтекском государстве — своего рода «ложный феодал» (или «ложный лен») [275, с. 528].

Такой разброс точек зрения по рассматриваемому вопросу понятен: изучение проблем собственности в древнем (да и средневековом) обществе представляет значительные трудности³⁶. Кстати, даже само римское право, на которое ссылаются некоторые исследователи, не оставило точного определения права собственности³⁷. В самом деле, науке порой очень непросто провести линию различия между собственностью и владением (например, в Риме между посессием и доминием), между частным и служебным наделом. В древнеацтекском обществе это осложнялось обстоятельствами подконтрольности (в конечном счете) всей земли тлатоани как верховному собственнику (или общине как фактическому собственнику занимаемой ею земли). И все же в исторических документах есть факты, которые почти бесспорно свидетельствуют о наличии у ацтеков частного землевладения: в них сообщается, что «все сеньоры», как «высшие», так и «низшие», имели свои «родовые земли» [409, с. 14] (см. также [109, с. 153; 110, с. 140; 335, с. 132]).

Важнейшим показателем появления частного землевладения являются сведения о купле-продаже земли. Так, согласно сохранившимся правовым нормам доиспанского периода, если «сын знатного» «продавал» «участок земли», «принадлежащий отцу», то его ожидала смерть [315, т. 1, с. 269]. И хотя в данном случае речь могла идти о мошенничестве (например, попытке продать служебный надел), сам по себе данный факт показателен, ибо содержит определенный намек на существование земельного рынка.

От раннеколониального периода до нас дошли многочисленные документы о купле-продаже земли, причем торговые операции такого рода воспринимались как что-то обычное. Земля в таком случае называлась *tlalcoalli*, что соответствует понятию «земля, приобретенная лично, которую можно продать» [249, с. 28]. В 1523 г., т.е. всего лишь через два года после испанского завоевания, участок земли в Куэрनावакке оценивался в соответствии с ацтекскими традициями торговли в 6 кусков индейских тканей, а несколько лет спустя — уже в 15 кусков. В 1531 г. цена надела в 0,1 га в окрестностях Куаутитлана была еще выше и составляла, по данным ранне-колониальных документов, уже 20 кусков ткани, но с учетом, что она обрабатывается масеуалами-общинниками [90, с. 110] (что соответствовало стоимости раба в доиспанский период). Конечно, цены на участки (да и на дома) в доколониальный период могли быть выше или ниже только что названных, однако то, что зачатки торговли землей были, по нашему мнению, не вызывает сомнения.

Косвенным доказательством существования в доиспанский период традиции частной собственности на землю служит и довольно широко распространенная в раннеколониальный период практика судебных тяжб между потомками индейской знати по поводу древности своих прав на те или иные земли. При этом в подтверждение своих притязаний они обычно прилагали планы землевладений, относящиеся к доколумбову периоду [214, с. 133 — 139]. В таких случаях в раннеколониальных документах нередко использовался индейский эквивалент понятия «земля, полученная по наследству или в результате дарения» — *tlalnemaclli* [249, с. 28]. Более того, в архивах сохранились даже копии древних, доиспанских документов, сообщающих об уступке земли. Известно об одной такой сделке между двумя представителями знати, проживавшими в районе Чалько — Амекамекан.

Этими данными как будто подтверждается существование частного землевладения по крайней мере у верхних слоев ацтекского общества.

Для выяснения того, как появилось частное землевладение, какими были условия и источники его пополнения, необходимо обратиться к общинному землевладению — той глубинной исторической основе, на которой возникало раннеклассовое общество. Как уже отмечалось, кальпулли играла определенную, но отнюдь не решающую роль в постепенном складывании частнособственнического землевладения. Общинная структура была еще слишком сильна для того, чтобы общинная земля могла стать значительным и уж тем более основным источником формирования частного землевладения.

Другим источником возникновения и развития частного сектора в землевладении, как известно из истории других древних обществ, были изменения в структуре государственного земельного фонда — сдвиги, происходившие со служебными наделами. Ацтекское служебное землевладение, практика предоставления наделов и нормы пользования ими вполне укладывались в общеисторические рамки: должность чаще переходила к сыну покойного, что постепенно вело к превращению служебной земли (со временем) в достояние определенной семьи или рода [409, с. 29-30].

И все-таки в условиях непрерывных войн, которые вели ацтеки и их союзники, важнейшим источником образования частного землевладения, как и остальных форм последнего, была «земля врага» — экспроприированные земли побежденных народов. Именно они составляли фонд, откуда черпались дарственные земли, которыми тлатоани награждал своих воинов, а также различных лиц, прославившихся на военном или ином поприще [389, т. 4, с. 333]. Так, во времена четвертого тлатоани, Итцкоатля, после покорения Аскапотсалько, по десять наделов получили тлатоани и его главнокомандующий, по два надела остальные отличившиеся из знати; что касается простых воинов, то они земли не получили, кроме считанных единиц «самых храбрых». Сходная история имела место и после завоевания городов Койоакана и Шочимилько [173, с. 59, 72 и др.; 228, с. 445-446; 384, с. 79 и др.]. И так, уверяет источник, ацтеки поступали всегда, при любом тлатоани, когда покоряли новые земли 131, с. 343].

Есть мнение, что именно с эпохи Итцкоатля в древнеацтекском обществе начала складываться особая земледельческая знать [70, с. 382-383]. По нашему мнению, следует критически отнестись к сообщениям источников о существовании частного землевладения уже в то время. Скорее можно говорить о том, что складывались лишь условия для этого. Данный процесс достиг степени качественного сдвига, вероятно, ко времени Ауитсотля и Мотекусомы II Младшего, когда уже

определенно просматривались классовое расслоение, достаточно развитая государственная система управления, рынок и т.п.

Среди простых людей, общинников, было мало собственников земли [31, с. 343], ее имела главным образом знать, жрецы, богатые купцы и ремесленники. Поэтому все понятия, связанные с частным землевладением, предполагают прежде всего высокий социальный статус собственника. Однако из-за незавершенности процесса классового образования ацтекское общество, как и любое древневосточное, имело некоторые черты кастовости. Это распространялось прежде всего на знать, а затем, в свою очередь, отражалось на категориях, которые использовались при обозначении частного землевладения.

Наиболее часто употребляемое название частных владений — «земля знати» (ацт. *pillalli*) [110, с. 148; 203, с. 222; 228, с. 170; 389, т. 4, с. 333]. Встречается в источниках и другая категория — «земля старинной знати» (ацт. *tespillalli*, от *tespiltin* — «люди знатного происхождения» с высоким титулом *tesuhtli* — «знатный», который обычно получали занимавшие высокий государственный и военный пост). Считалось, что она была получена «за заслуги» [228, с. 170; 314, с. 128; 389; т. 4, с. 333]. По сути, в этих названиях прослеживается разница между родовой и дарственной землей, но и в обоих случаях владельцами выступала преимущественно военная знать, игравшая решающую роль в ацтекском военно-деспотическом государстве.

Для организации систематической и эффективной эксплуатации частных земель, управления ими необходима хотя бы относительная их концентрация. Ничего подобного не было в ацтекском государстве. Как и в случае с царским землевладением, частные земли не представляли единого массива, у одного и того же владельца они могли быть расположены в самых разных местах территории Тройственного союза. Например, знать Куаутитлана после покорения города потеряла часть своих земель, однако, став под ацтекские знамена, ее представители за военные заслуги (если таковые были) вновь стали получать участки, но уже в других местах. Сходным образом обстояло дело и с Теотиуаканом. Подобно другим покоренным районам, Теотиуакан выделил поля, урожай с которых предназначался для выплаты дани в пользу г. Тескоко, которому он подчинялся в рамках Тройственного союза. Правитель же Теотиуакана получал свой доход с участков на других территориях, в частности — в округах самого Тескоко, городов Уэшотла, Коатлинчан и др. Правитель подконтрольного ацтекам г. Куэрнаваки имел 21 участок в разных районах государства, в том числе в столичной округе [222, с. 75, 130; 342, с. 52].

Участки, разбросанные в разных местах, были, понятно, и разных размеров. Владения упомянутого правителя Куэрнаваки не превышали 120 га, размер отдельных его участков колебался от 1 — 2 до 6 — 7 га (два участка ушли под дом и сад) [222, с. 88]. В других архивных источниках раннеколониального периода также упоминаются как минимальные, так и максимальные размеры наделов. Так, в районе Шочимилько наследственные земли имели особые стандартизированные размеры, 400x400 саженой (браса), т.е. около 70 га, что связано с практиковавшейся там системой интенсивного орошаемого земледелия — чинампового [342, с. 52].

В документах судебной тяжбы второй половины XVI в. по поводу прав на землю между потомками правителей г. Тескоко и общинниками, предки которых когда-то, до прихода испанцев, обрабатывали ее, упомянут участок размером 800x360 саженой-браса (около 127 га) [214, с. 133 — 139]. Однако чаще фигурируют парцеллы небольших размеров: 7x20 саженой-браса [383, с. 27 — 29], 20x10, 30x8 саженой-браса [98, с. 373] и т.п.

Тлатоани как частное лицо тоже владел землей — наследственными наделами, а также теми, что присваивались им после завоеваний. Согласно раннеколониальной информации, полученной от членов семьи потомственной индейской знати, связанной с родом Ашайакатля, сам тлатоани располагал «21 именем» и «участками земли в 26 городах». Его предшественник Мотекусума I Старший имел в собственности земли в «32 городах» и «21 имение». Другой информатор, находившийся в родстве с одной из дочерей девятого, последнего доиспанского тлатоани Мотекусумы II Младшего, утверждал в ходе судебного разбирательства, что последний и его законная супруга имели родовую земельную собственность, которой они владели еще до того, как Мотекусума стал правителем ацтеков (напомним, что он пришел к власти в возрасте 35 — 40 лет) [114, с. 870]. Все из тех же архивных источников известно также, что, например, только в районе г. Куэрнаваки Мотекусума II имел 145 га земли, являясь там, таким образом, главным землевладельцем [342, с. 52].

Собственные земли были не только у главы Тройственного союза, но и у его союзников — правителей городов Тескоко и Тлакопана. К примеру, сохранился список из 10 городов, часть земель которых правитель г. Тескоко Несауалькойотль после одного из успешных военных предприятий оставил для себя [227, с. 234].

Конечно, информаторов, собравших все эти сведения, можно заподозрить в неточности, тенденциозности, субъективизме, однако при сравнении с общей территорией государства к моменту Конкисты приводимые ими данные не кажутся столь уж невероятными.

На частную землю распространялось право наследования. В семьях правителей такие права имели как будто и женщины [203, с. 222]. Обычно же наследовал старший сын, которому переходила вместе с тем и обязанность содержать всех остальных членов семьи. Так, Текалко, супруга платоани Мотекусомы II Младшего, владела собственными землями, которые она «либо наследовала, либо купила» [114, с. 870]. Из архивных материалов известно, что когда вождь Теотиуакана, подконтрольного г. Тескоко, женился на дочери Несауалькойотля, правителя последнего, то в качестве приданого он получил земли в 16 разных местах Тройственного союза. Эти участки назывались «земля женщины» (ацт. *cihuatlalli*; от *cihua* — «женщина») [196, с. 55; 249, с. 28]. Из этих земель шесть «обширных имений» имели статус «ее собственности» (ацт. *itlatqui*). Когда он умер, то его старший сын и наследник получил право распоряжаться разными категориями земель, находящимися на территории района Теотиуакана, точнее, обеспечить поступление доходов с них (в источнике перечисляются «земля платоани», «дворцовая земля», «земли правителя Тескоко», «земля, предназначенная для выплаты дани»). Однако земли, которые принадлежали его матери, т.е. «земли женщины», он наследовал лично, как старший сын. Младшие же братья получали свою долю только в «земле знати», которая считалась, как говорилось выше, родовой собственностью [214, с. 131; 222, с. 130; 314, с. 126].

Говоря о системе наследования в древнеацтекском обществе, нельзя не обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что не всегда отец мог передать старшему сыну земли, полученные им самим за какие-то заслуги. Объяснение этому довольно простое и логичное: такую землю платоани давал за заслуги конкретному лицу, и поскольку, например, воинская слава не может наследоваться, то, следовательно, нельзя наследовать и землю [389, т. 4, с. 333]. Соответственно можно говорить, что в ацтекском государстве имела место система пожизненного владения дарственными землями. Впрочем, не исключается и другой вариант: то, что преподносится источниками как частное землевладение, на деле могло оказаться скрытой формой служебного держания.

И все же всякие рассуждения о частном землевладении не станут убедительными до тех пор, пока не будет доказано наличие одного очень важного условия: для того чтобы появилось частное землевладение, необходимо существование свободной рабочей силы, т.е. людей, не имеющих земли. В связи с анализом общинного землевладения уже отмечалось, что в общине происходили непростые, неоднозначные процессы, имевшие следствием первые симптомы ее разложения и даже появление первых безземельных. На частной земле кроме общинников-масеуалей работали и «арендаторы», чаще безземельные, упоминавшиеся ранее майеки (или тлалмаитль), а также особые группы рабов, ставших таковыми в том числе и в результате невыполнения каких-то экономических обязательств. Словом, имело место использование подневольного труда людей свободных, полурабского (в большей степени) и рабского (в зачатке) типа. В таких условиях использовалась как аренда (ацт. *millanehuaiztli*) [409, с. 114-126], так и элементарное принуждение.

Для развития частного землевладения необходим прогресс техники, орудий труда, технологии. В ацтекскую эпоху кардинальных изменений в орудиях труда по сравнению с предыдущим периодом истории Мексики не было (хотя орудия из меди встречались). Ацтеки, однако, довели до высшей степени совершенства высокопродуктивную систему орошаемого земледелия — чинампы. Использование ее в частном хозяйстве давало несомненный эффект.

Частные земли обязательно отмечались «знаками владения», «межевыми знаками» [384, с. 99], за нарушение которых полагалась смерть [227, с. 238]. Они могли быть проданы только другим знатым лицам или купцам [70, с. 381, 383; 275, с. 530; 389, т. 4, с. 333]. Правда, есть мнение что такие ограничения носили скорее номинальный характер, поскольку процесс складывания господствующего слоя далеко еще не завершился, в частности, наряду с родовой набирала силу

военная знать, пополнявшаяся теми, кто возвышался благодаря заслугам на поле боя. По нашему мнению, широкого развития процессы купли-продажи земли у ацтеков еще не получили. Соответствующие операции проводились скорее всего с теми участками, которые находились в метрополии, т.е. в Мексиканской долине. Любопытно провести параллель с древним Вавилоном, где по указу Хаммурапи была запрещена продажа земли (кроме городских участков) и земли на завоеванных территориях в большинстве изымались в пользу царского фонда (с переводом жителей в категорию царских людей). Вероятно, те же процессы и в том же направлении проходили и в ацтекском государстве, но бесспорных доказательств этого нет.

Знать не платила налогов со своих земель [409, с. 36], но в связи с существованием системы даров ее представители много тратили на подношения, подарки тлатоани, особенно когда прибывали ко двору на какие-нибудь торжества или религиозные праздники.

Итак, общинная земля была основной формой землевладения. Кроме нее существовали земли царские, храмовые, служебные и в зачаточном состоянии частные. Некоторые из этих категорий, в свою очередь, делились на более мелкие виды. Границы между названными видами земель не всегда четко просматриваются.

Разные виды земель располагались чересполосно, что на специальных картах-кодексах (кадастрах) (ацт. *alteretl-amatl*) отражалось путем окраски их в разные цвета. К примеру, земли, принадлежавшие общине, окрашивались ярко-желтым цветом, а царские — пурпурным [212, т. 3, с. 370-371; 289, с. 116]. На подобных картах-кодексах содержалась и другая необходимая информация. Пример тому — сделанные в доиспанских традициях раннеколониальные «Кодекс Вергара» и «Кодекс де Санта Мария Асунсьон» (см. рис. 46), связанные с районом г. Тескоко. В них средствами пиктографии описывается качество почвы (ацт. *milcosolli*), приводятся «список членов семьи» владельца участка (ацт. *tlacatlacuiloli*), «реестр семейной собственности» (ацт. *tlahuilmantli*). На подобных кодексах еще в доиспанский период указывали, что лучше выращивать и какой урожай можно взять с участка [147, с. 33; 289, с. 117; 309, с. 275; 400, с. 339].

В то же время полной ясности относительно системы измерения площади участков земли в доиспанский период у нас нет. Чаще можно встретить в документах указания типа «4 участка земли для обработки» [118, с. 207]. В частности и поэтому трудно говорить хотя бы приблизительно о количественном, процентном соотношении между разными категориями земель. В самом деле, при анализе индейских пиктографических кодексов-кадастров можно видеть, что выращивалось на участках, но не всегда ясно, каковы их размеры.

В колониальный период при определении последних использовались в основном две единицы измерений: *мера* и *браса*. Чаще всего обращались к кастильской *мере* (реже — к бургосской и толедской). С ее помощью измеряли также ткани. Браса (сажень) в отличие от меры была менее точной единицей, но чаще считалась равной двум мерам (т.е. 1,68 м, как уже отмечалось).

Что же касается индейцев, то, насколько можно понять, при измерении площадей они использовали в качестве единицы холсты местной ткани определенных размеров; последние также были разные — 55 -75 см и др., чаще до 1 м. Кусок холста в пределах 55 — 75 см называли «нога» (ацт. *senzotl*) или «единица» (ацт. *zotl*). Больше известно относительно ацтекских мер длины, где за основу взяты размеры частей человеческого тела: «положение» [стоя] (ацт. *sennequetzalli*) — около 1,6 м (средний рост человека); «рука» (ацт. *semmatl* — 2,5 м (от подошвы до кончиков пальцев вытянутой руки); сажень или «одна стрела» (ацт. *semmitl* — 1,25 м (от пальцев рук одной вытянутой руки до локтя другой вытянутой руки); «сердце» (ацт. *senyollotli*) — 0,9 м (от линии позвоночника — «сердца» до кончиков пальцев вытянутой руки); «длина руки» (ацт. *semacolli*) — 0,8 м (от плеча до кончиков пальцев вытянутой руки); «подмышка» (ацт. *seniacatl*) — 0,7 м (от подмышки до кончиков пальцев вытянутой руки), с ее помощью кроме всего прочего измеряли хворост, дрова, траву и т.п., т.е. все, что можно взять под мышку; европейские 0,45 м, соответствующие расстоянию от локтя до кончиков пальцев, назывались *semmollicpitli*; 0,3 м, расстояние от локтя до запястья, соответствовало в языке науа слову *semmatzotzopatzli*.

Известны и ацтекские слова, обозначающие инструменты и приспособления для измерения. Так, веревку для измерений (в том числе и земли) называли *tlalmecatl* (а словом *semmecatl* или *mecatl*, по утверждению А. Эрреры, в значении, равном 1 *мере*, обозначали веревку, служившую для измерения хвороста в вязанке; в кодексе «Атлас Дурана» — индейских рисунках, служащих

приложением к работе Д. Дурана, — на листе 6 изображено измерение дороги с ее помощью). Кроме того, известно и название специальной палки для измерения земли — *tlalcuauitl* [37, с. 43; 118, с. 207-223; 212, т. 3, с. 232; 289, с. 117; 389, т. 4, с. 352].

Трудность практического использования описанной индейской системы мер заключается в том, что она не вполне ясно представлена на дошедших до нас земельных кадастрах.

Заключая рассмотрение вопроса о землевладении, следует подчеркнуть, что не у всех народов и не во всех регионах, составлявших государство Тройственного союза, обязательно имелись упомянутые выше формы землевладения (для раннеклассового государства с социально-экономической неоднородностью его областей единообразие такого рода просто невозможно); в одних районах преобладали одни формы землевладения, в других — другие.

Естественно, что после разрушительного вихря безжалостной Конкисты вместе с гибелью древнего государства распалась и система землевладения, на основе которой оно существовало, и только отрывочные, весьма противоречивые сведения в раннеколониальных источниках позволяют реконструировать ее «с большей или меньшей степенью вероятности» [314, с. 127-128], оставляя место для новых дискуссий.

Ремесло

В хозяйственной жизни ацтекского государства ремесленное производство занимало весьма значительное место. Известное развитие получило горнорудное дело. В древней Мексике добывались и использовались около 35 неметаллических минералов и примерно 14 видов руд [265, с. 10]. Среди них следует назвать прежде всего добычу соли (ацт. *iztlatalli*). Ее использовали в пищу и для консервации, служила она и объектом торговли, причем соледобытчики обычно продавали ее перекупщикам, которые затем сбывали потребителям ее с выгодой для себя [351, т. 3, с. 147, 349; 386, с. 565]. Соль входила в список дани, выплачиваемой покоренными племенами Теночтитлану. Так, в знаменитом «Кодексе Мендосы» среди статей дани упоминаются и соляные головы. Б. Саагун отмечал, что такую дань ацтеки получали от жителей «жарких стран» [351, т. 2, с. 312]. К числу последних следует, видимо, отнести и сапотек, Живших на территории нынешнего штата Оахака и частично оказавшихся под контролем Тройственного союза. Там имелись естественные залежи темной соли, однако хорошую, белую соль сапотеки получали в результате торгового обмена с майя Юкатана, а также из своих солеварен на Тихоокеанском побережье у перешейка Теуантепек [386, с. 565].

Важным районом солепроизводства была и Мексиканская долина. Соль там добывали повсеместно, особенно развит был этот промысел на западном и южном побережье Мексиканских озер. Важнейшими центрами соледобычи и солепроизводства были Уитсилопочко, Мешикальтсинко (одновременно и важные центры торговли солью). И в XVI в., уже при испанцах, в Мешикальтцинко, Койоакане, Мишкоаке, Уитсилопочко, Истапалапе, Экатепеке сохранялось это производство и по-прежнему оттуда поступали в торговлю соляные головы [156, с. 57; 201, с. 338].

Добыча соли была профессиональным занятием соледобытчиков (испанизир. *iztatleros*, от ацт. *iztatl* — «соль») [42, с. 38; 309, с. 519]. Ее получали несколькими способами. Самый простой — сбор выкристаллизовавшейся соли (ацт. *tequequite*) на берегу или на обнажившемся во время засухи дне (например, на оз. Тескоко). Иногда собирали почву с высокой концентрацией соли (с обнажившегося дна). Ее промывали, получали концентрированный соляной раствор и выпаривали его. Конечный продукт представлял собой куски сухой темной соли в форме круглых голов размером с булку. Часто применяли выпаривание озерной воды, используя различные технологии (оставшиеся неизменными и в колониальный период). В одном случае специально вырытые пруды или ямы наполняли соленой водой, предоставляя возможность солнцу естественным образом испарять ее. Использовалась и более сложная и совершенная технология. На склоне холма вырывали цилиндрическую яму, на дно которой помещали дренажную трубу, перекрытую фильтром из растительных волокон или сходного материала. Другой конец дренажной трубы выводился наружу над специальным сосудом. Содержащая соль вода, проходя через фильтр, очищалась от различных взвесей и в таком виде попадала в сосуд. Затем его помещали на огонь и выщаривали 2 — 3 часа. Такой способ получения соли можно было наблюдать еще в середине XX в.

По мнению многих исследователей, подчеркивавших, что опираются только на материалы индейского происхождения, так добывали соль и до Конкисты. Дополнительную информацию дают пиктографические рукописи, в частности «Кодекс Мендосы». Дело в том, что одним из центров соледобычи был Иштакалько. В состав пиктограмм этого города, согласно рукописям, входило стилизованное изображение дома и очага, под которым помещен сосуд для выпаривания соли. Тем или иным способом получали соляные головы разного размера, качества, цвета [351, т. 3, с. 147]. В колониальный период добыча соли осталась преимущественно индейским занятием [201, с. 339].

Кроме соли индейцы использовали соду, содержащуюся в золе; мыла, однако, в доиспанский период не знали и не производили, предпочитая париться в банях с помощью веника из кукурузных листьев [201, с. 339]³⁸.

Универсальную роль в ацтекском обществе играл камень, особенно базальт и обсидиан. Первый (камень темного цвета, отличавшийся большой прочностью) использовался при изготовлении орудий, применявшихся для рыхления, размалывания, разглаживания и т.п. В наибольшем количестве базальт добывали в районе Теотиуакана и Темаскалапана [353, с. 293]. Обсидиан, вулканическое стекло (красное, черное, серое, иногда с красивым отливом), по своим свойствам и прочности напоминал гранит. Он использовался при изготовлении большинства орудий труда, но места его добычи были локализованы главным образом в вулканических районах Центральной Мексики. Основные разработки на Мексиканском нагорье и в Мексиканской долине велись в Отумбе, в окрестностях Пачуко (северо-восточная часть Мексиканской долины). Там добывали прекрасный зеленого оттенка обсидиан. Обсидиан был столь прочен, что им даже брились [14, т. 1, с. 143; 132, с. 667; 353, с. 293].

Меньшую роль по сравнению с базальтом и обсидианом играл Кварц, главная добыча которого была сосредоточена в Тепотслане. Добывали и использовали также мрамор, порфир, яшму, «белый камень», «черный с красными прожилками» [212, т. 3, с. 212].

Песок добывали в разных местах, особенно славился доставляемый из районов Тототепека и Кетсальтепека: он отличался тем, что был особенно хорош при шлифовании [173, с. 229 — 230].

Глину копали во многих местах. В районе современного Морелоса по берегам рек добывали глину, которую широко применяли при производстве керамики [342, с. 51]. У Б. Саагуна встречаются упоминания о продаже на рынке прекрасной голубой глины [351, т. 3, с. 157, 343]. Он же сообщал и о торговле селитрой — щелочью, Природной содой [351, т. 3, с. 157]. В ацтекском государстве, пожалуй, лучше всего знали и использовали известняк. Он был достаточно широко распространен. Например, на территории нынешнего Морелоса добывали известняк, который шел преимущественно на строительство храмов [212, т. 3, с. 233; 342, с. 51]. В Мексиканской долине его добывали главным образом в ее северной, горной части. Это подтвердила и раннеколониальная практика, когда известняковые карьеры функционировали в Сумпанго, Ситлалтепеке, Шалтокане, Уэипочтлане, Текишкиаке; кстати, добыча там извести в колониальный период носила даже коммерческий характер. И хотя в 1550 г. известняковые каменоломни были открыты и на юге долины, в Шочимилько, для подавляющей части местных индейцев этот материал остался недоступным. В районах же Коатепека, Чималуакана, Чиколоапы, Колуакана известняковые каменоломни отсутствовали совсем [77, с. 459; 201, с. 335-336].

Разделение труда было достаточно относительным: добывавшие камень в каменоломнях подчас его сами и обтесывали, а мастера-каменотесы могли использоваться и при возведении зданий и сооружений [104, с. 224]. Из известняка получали и известь, которую продавали на рынках либо в измельченном и обожженном виде (ацт. *caçalotetl* — «обожженная»), либо в виде «живой» (гашеной) извести [351, т. 3, с. 143-144]. Продавали также получаемые путем обжига известняка мел и гипс [351, т. 3, с. 157].

Добыча минералов велась и в открытых карьерах, и шахтным способом. Б. Саагун рассказывает о разработке и эксплуатации настоящих шахт в доиспанский период. У него встречаются выражения «*in tepeio*», «*in oztoio*» — «из горы», «из пещеры» (согласно словарю А. Молины, по-ацтекски «сооружать шахту» — *tlallan oztotataca*). Однако эти свидетельства и другие данные, содержащиеся в документах XVI в. (в частности, относящихся к современному штату Герреро), которые также подтверждали факт существования шахт в доиспанский период, не

позволяли решить вопрос о древности горного дела. Необходимы были археологические исследования.

Еще в прошлом веке и даже несколько раньше стали поступать сведения о следах древних горных разработок (например, сообщение А. Гумбольдта). В 1969 г. были проведены археологические исследования в горном районе Сойотла (в Серро де Керетаро). Там были обнаружены многочисленные входы в древние шахтные сооружения. Более интенсивные исследования подтвердили их доиспанское происхождение. Они же показали, что в этих местах наряду с другими минералами добывали киноварь и кальцит. Проведенные раскопки позволяют заключить, что в доиспанский период в Сойотле рыли наклонные шахты, колодцы, галереи и даже «большие залы». Фрагменты керамики и предметы, содержащие детали органического происхождения, свидетельствуют, что эти шахты использовались на протяжении нескольких веков, начиная с IV -III вв. до н. э., т.е. еще со времени ольмекской культуры. Таким образом, начало горного дела в древней Мексике относится еще к дохристианскому периоду (в рамках общей мировой истории) [265, с. 11 — 14].

В 1940 г. в районе р. Бальсас также было идентифицировано некоторое число древних шахт доиспанского происхождения. Добывались там квасцы (которые использовались для выделки кож, крашения) и каолин (высококачественная глина, используемая для производства керамики). Разработка шла как в открытом разрезе, так и в подземных выработках. При разработке в шахтах использовались каменные молоты (из деорита или авдезита, изготовленные методом скола), каменные ступы для размельчения минералов; для извлечения вкраплений в породу применялись инструменты из кости. Исследователи обнаружили кроме этого глиняные черепки, обсидиановые ножи, деревянные клинья, глиняные корыта (точнее, их остатки), фрагменты плетеных корзин, веревки, используемые для подъема сырья вверх, остатки применявшихся для освещения шахт факелов из растительных волокон, смоченных древесной смолой. Наконец, найдены остатки пищи, фрагменты сосудов и изображений божков [265, с. 14-17].

Своего рода пробным камнем, характеризующим уровень развития общества, является, как известно, степень проникновения металла в структуру его хозяйства.

Если горное дело было известно еще в дохристианскую эру, то начало добычи металлических руд относится в Мексике примерно к X в., т.е. еще до образования ацтекского государства. Из письменных и археологических данных явствует, что мексиканские народы знали следующие металлы (представленные в порядке важности): золото, медь, серебро, олово, свинец; ртуть, возможно, была известна, однако не использовалась [265, с. 10, 30]³⁹.

Добыча золота в пределах ацтекского государства велась в основном в районе нынешних штатов Герреро и Оахака (в знаменитой «могиле 7» в Монте Албане, в Оахаке был обнаружен 121 золотой предмет, что подтверждает древность традиции использования здесь золота). На вопрос конкистадоров о местах добычи золота Мотекусом II ответил, что таких районов три: больше всего золота добывали в районе Сакатулы (как он объяснил, в 10-12 днях пути на юг от Теночтитлана), где его получали, промывая золотоносную породу в специальных деревянных лотках; незадолго до прихода испанцев золото стали находить по берегам рек в землях народа хуастеков, т.е. на территории нынешнего штата Веракрус; наконец, обильные месторождения золота были у сапотек, народа, который, однако, не был полностью покорен ацтеками. К картине, нарисованной тлатоани, следует добавить, что достаточно золота было и у тарасков Мичоакана, но они были исконными врагами ацтеков, и получить его от них можно было только путем торговли. В порядке сравнения следует напомнить, что не очень богатыми золотом были и земли майя (за исключением, пожалуй, Чичен-Ицы) [265, с. 30].

Медные рудники (открытые карьеры и шахты) были в Герреро (Серро де Агилар) и на сапотекской территории [73, с. 550], однако больше, чем в других районах Мексики, ее добывали и использовали тараски Мичоакана [265, с. 30], изделия которых высоко ценились в Центральной Мексике⁴⁰.

Б. Саагун писал, что самородное серебро встречалось крайне редко, вследствие чего этот металл очень высоко ценился [351, т. 3, с. 339] (см. также [265, с. 26]. Впрочем, в другом источнике утверждается, что у индейцев было «много серебра» [411, с. 362]. Кстати, в упоминавшейся «могиле 7» из Монте Албаны изделий из серебра было 24 (против 121 из золота). Это, возможно,

свидетельствует, что в доацтекский период истории Мексики серебро реже использовалось в ремесленном производстве⁴¹. Основными районами добычи серебра были территории нынешних штатов Оахака, Идальго и Герреро (в частности, район г. Тлачко или Ташко) [265, с. 20, 30].

Залежи олова имелись в Герреро (то же в районе Тлачко)⁴², и говорят, что Э. Кортес получал его оттуда для производства меди в количестве, вполне достаточном, чтобы позволить себе избавиться от пушек, которые он использовал при осаде Теночтитлана [73, с. 550].

Свинец, столь же редкий, как олово и серебро⁴³, добывали вместе с серебром шахтным способом главным образом в названных выше районах.

Что касается техники обогащения руд и очищения металлов (ацт. *tlachipaualiztli*), то об этом известно не так много, хотя, судя по иллюстрациям из кодексов, древняя Мексика знала свой вариант горна. Так, тараски Мичоакана плавил руду либо в глиняных жаровнях, либо в специальных ямах. Огонь поддерживали, вдувая воздух через трубки, вставленные в отверстия; получаемый (на дне горна) металл подвергали затем повторной (или даже трехкратной) обработке и очищению.

Обработка полученного металла, как и повсюду на Земле, производилась путемковки или литья.

Мастераковки (ацт. *teocuitlatzotzonqui*) молотов в собственном смысле этого слова не имели. Ювелиры, например, используя один камень как молот, а другой как наковальню, получали пластины золота, серебра, меди нужной толщины и размера; из этих заготовок затем делали самые разные предметы. Металлом обрамляли драгоценные и полудрагоценные камни, в частности нефрит, считавшийся у многих мексиканских народов священным [265, с. 25 — 26; 305, с. 98; 308, с. 127; 329, с. 743].

В литейном деле литейщики (ацт. *teucuitlapitzqui* или *tlatlalianime* — «те, кто дают адекватное состояние чему-то») использовали гипсовые формы и классическую технику «потерянного воска» (судя по описаниям различных раннеколониальных авторов, начиная с самого знаменитого из них, Б. Саагуна). Сначала мастер смешивал древесный уголь с глиной и полученный состав высушивал на солнце в течение двух дней. Затем из него с помощью медного скребка изготовлялась форма. Потом мастер занимался воском. Разогрев его, он подмешивал к нему белый копал (для прочности) и профильтровывал. После этого кусок воска раскатывался на плоском камне деревянной скалкой, пока он не становился тонким, «как паутина». Полученная тончайшая пластина кусочком дерева накладывалась на форму, сверху на нее наносился сначала растолченный в порошок древесный уголь, а затем глина, и ее оставляли на два дня сохнуть. Золото (если изделие делалось из него) расплавлялось в плавильном тигле, сделанном обычно из смеси угля и глины; когда оно становилось жидким, его выливали в отверстие, оставленное в форме. Металл постепенно вытеснял растапливавшийся воск, который, в свою очередь, вытекал через нижнее отверстие в форме. Закончив плавку, мастер освобождал готовое изделие от формы и полировал его песком. Затем изделие помещалось в ванну, сделанную из размолотых и разведенных квасцов. После этого вещь обрабатывалась «золотой мазью», которая делалась с использованием «земляной соли» (так в тексте источника). Наконец, изделие во второй раз закаляли и вновь опускали в ванну из квасцов. Благодаря всем этим операциям золото становилось блестящим и приобретало ярко-желтый цвет [351, т. 3, с. 67 — 72].

«Купание» изделия в квасцовой ванне, смазывание его «золотой мазью» и вторичное закаливание необходимы были для очистки золота от примесей⁴⁴. Дело в том, что мексиканское золото содержало много примесей серебра. В современной технологии последние обычно отделяются от золота при помощи сильных кислот, но ацтеки, конечно, не знали и не могли пользоваться таким способом.

Сходным образом выплавлялись ацтеками изделия из серебра или меди; техника закаливания применялась и при производстве орудий труда, например мотыг.

Ацтекские мастера умели делать сплавы, в частности бронзовые, добавляя к меди олово или мышьяк. При этом иногда доля олова или мышьяка достигала 23%, хотя достаточно 5 — 10%. Столь значительные добавки делались для того, чтобы сплав становился блестящим, как золото или серебро.

До недавнего времени высказывались сомнения насчет того, что мексиканцы знали бронзовые сплавы до прихода испанцев [73, №551], однако археологические данные, особенно полученные в середине — второй половине XX в., на этот счет достаточно убедительны. Найдены, в частности,

бубенчики и некоторые другие предметы из бронзы. Такие находки были сделаны, например, в 1957 г. в Телолопане (штат Герреро). Кроме того, об изделиях из олова упоминали и Э. Кортес, и Б. Саагун. Так, Э. Кортес писал, что индейцы использовали кусочки олова как монеты [156, с. 72; 265, с. 18, 22 — 23].

Ацтеки знали медно-серебряные, медно-золотые, золото-серебряные (электрон) сплавы [212, т. 3, с. 229-230; 223, с. 850; 329, 0-743]. Сплавы меди с золотом или серебром, меди с оловом применялись при изготовлении топоров, сверл, долот (зубил) [203, с.246]. Добавки к серебру были незначительными и точно дозированными, по необходимости, поскольку индейские мастера знали, что чисто серебряная вещь будет хрупкой.

О хорошем знакомстве с медью свидетельствует и то, что, познакомившись через испанцев с железом, индейцы стали называть его «черной медью» — в отличие от действительной меди — «красной».

Ацтеки знали технику золочения, паяния⁴⁵, филиграни (возможно, ложной, когда тонкие полоски металла на поверхности являлись результатом отливки, а не напаивания), полирования, чеканки. В последнем случае на чистую отполированную поверхность изделия наносили контур рисунка, по которому затем чеканили с помощью кремневого острия. Мастера умели покрывать отдельные детали тех или иных предметов тонкими металлическими листами [212, т. 3, с. 229-230; 265, с. 26; 305, с. 98; 350, т. 3, с. 67-72].

Среди мастеров по обработке металлов существовала специализация: одни были связаны с обработкой золота и серебра, другие — меди. Золотых и серебряных дел мастера назывались *teucuitlahua* — «те, кто владеет истинным получением металла», или *teucuitlapitzqui* — «тот, кто делает плавку»; работавшие с медью — «тот, кто распоряжается медью» (ацт. *tepuztecac*), или «тот, кто плавит медь» (ацт. *tepuzpitzqui*). Но чаще всего о ювелирах говорили *teucuitlahua*, а о медниках — *tepuztecac* [137, т. 1, с. 89; 265, с. 23 — 24].

В источниках упоминаются самые разные предметы из благородных металлов: фигурки богов, серебряная посуда, золотые цепочки и диадемы с украшениями из камней, а также украшения на обуви, золотые и серебряные браслеты с прикрепленными к ним бубенчиками, золотые бубенчики, прикрепленные к разнообразным жезлам, сосуды для напитков с украшениями в виде фигурок животных, большие и малые жаровни для воскурений из золота и серебра, разнообразные воинские знаки отличия и др. [14, т. 1; с. 137, 140; 173, с. 131, 177-178; 203, с. 257; 212, т. 3, с. 207, 235; 409, с. 362]. Из меди или с использованием отдельных деталей из нее делали топоры, мотыги, кирки, тесла, шила, долота (резцы), паяльные трубки, бубенчики, иглы, наконечники стрел и копий, броши, жезлы, рукоятки, булавки и др. [156, с. 72; 223, с. 832; 265, с. 24; 325, с. 521]. Это перечисление (в соответствии с источниками) дает, как думается, право не согласиться с утверждением, что из металла ацтеки делали главным образом предметы ритуального назначения и что металлообработка не имела большого значения в ацтекской экономике [235, с. 25]. В действительности эта отрасль ремесла достаточно широко снабжала общество орудиями труда, украшениями, предметами ритуального назначения.

Как писал один из испанских конкистадоров, ацтекские золотых дел мастера умели создавать вещи, которые могли возбудить зависть даже их испанских собратьев по ремеслу [14, т. 1, с. 144] (см. также [212, т. 3, с. 29] Эр. Авторы XVI в. рассказывают об искусно сделанных местными мастерами золотых рыбах с серебряной (или золотой) чешуей, птице,двигающей головой и крыльями, обезьяне, забавляющейся игрушкой, и др. [212, т. 3, с. 230; 305, с. 98]. Хотя верить буквально данной информации едва ли стоит (ибо надо будет признать в таком случае в ацтеках замечательных механиков древности), сама по себе она примечательна. Следует напомнить также, что подавляющее большинство как золотых, так и серебряных изделий ацтеков погребло в плавильных печах колониальной Мексики и королевской Испании. Лишь незначительная, даже мизерная часть таких произведений искусства дошла до наших дней. Среди них и прекрасное ацтекское золотое нагрудное украшение весом в четверть килограмма, хранящееся в Эрмитаже, куда оно поступило в середине 20-х годов XX в. из мексиканской коллекции Строгановых (см. [15]).

Ювелирное искусство предполагало использование в работе драгоценных и поделочных камней. Однозначную оценку таким изделиям ацтеков дать трудно: по утверждению одного раннеколониального автора, мексиканцы обрабатывали камни хуже, чем это делалось в Европе в то

же время [212, т. 3, с. 230], по мнению же другого, они, напротив, были удивительно умелыми в шлифовке и обработке камней [14, т. 1, с. 144]. Сохранился перечень основных украшений из камня, которые обычно делали ювелиры: вставки в уши и нижнюю губу из зеленых камней (особенно ценился изумруд), нити нефритовых и бирюзовых бус на запястья [173, с. 212; 305, с. 84].

Искусство инкрустации, которое, очевидно, ведет начало еще от тольтеков, также было известно ацтекским мастерам. Мозаику они делали с использованием бирюзы, яшмы, малахита, обсидиана, пирита, раковин, коралла; в качестве основы применяли дерево, камень, кость [156, с. 72; 231, с. 149]. Мозаику могли составлять и из разных сортов дерева; для инкрустации шло золото и серебро [152, с. 381]. Особенно популярным было инкрустирование оружия и воинских принадлежностей вообще [411, с. 360].

Что касается географии распространения ремесла, связанного с обработкой металлов и камней, то из районов ацтекского государства самыми развитыми в этом отношении были территории нынешних мексиканских штатов Герреро и особенно Оахаки, миштекское и сапотекское население которого по мастерству производства изделий из драгоценных металлов превосходило кого бы то ни было. Из сапотекских городов Оахаки (Ишикайана, Миктлана, Янкуитлана, Тепускулана, Тамасолана, Этлана, Камотлана, Яуитлана, Теокуитлана — ацт. «Место золота») в ацтекскую столицу поступали прекрасные изделия. Поставляли их и поселения юго-восточной части Веракруса, Соконуско [15, с. 211; 73, с. 551]. В Мексиканской долине славились золотых и серебряных дел мастера из г. Аскапотсалько. Некоторое время после завоевания испанцы продолжали называть его «город серебряных кузниц». Изделия из Аскапотсалько входили в список дани, выплачиваемой испанской короне, хотя первое время после Конкисты индейские ремесленники не могли еще иметь европейского горна из-за его дороговизны и продолжали использовать прежнюю технологию [14, т. 1, с. 77, 144; 201, с. 35; 231, с. 149; 305, с. 99].

За пределами ацтекского государства хорошие мастера по части изготовления предметов из меди хозяйственного назначения были в районе Халиско, но особенно славились в этом отношении тараски Мичоакана, соперники ацтеков на протяжении всей их истории. Высокой была репутация и ремесленных изделий из Чолулы. Через рынок, в том числе и между народами, сравнительно богатый выбор изделий из металлов циркулировал по всей территории нынешней Мексики [156, с. 72; 203, с. 287; 351, т. 3, с. 132-133; 411, с. 361]⁴⁶.

Но при всем развитии культуры использования металла главные орудия труда, а также важнейшие детали оружия делались индейцами из камня. Таковой, к примеру, была терка для размельчения маиса (ацт. *metlatl*). Главным камнем считался обсидиан⁴⁷, но использовали и кремний (гагат, черный янтарь), делая кремневые ножи (обычно с деревянной ручкой). Некоторые из таких ножей (скальпелей) использовали при ритуальных жертвоприношениях. Мастер тщательно шлифовал лезвие с обеих сторон, так как знал, что если оно не будет «гладким, как железо» (сравнение европейского раннеколониального автора), то станет крошиться и трескаться. Камень обрабатывали, используя техники скола, сверления, полирования (с помощью песка разные виды камней доводили до зеркального блеска). Камень добывали в каменоломнях с помощью деревянных кольев.

Для строительства применялись земля, адоба (необожженный кирпич, кирпич, высушенный на солнце), обожженный кирпич, камень, песок, известь, дерево (кедр и сосна, особенно при отделке дворцовых и храмовых зданий, для хижин использовали просто шесты и горбыль), солома, стебли агавы.

К строительным профессиям должны быть отнесены каменотесы, каменщики, плотники (см. рис. 49), существование которых зафиксировано в источниках и подтверждено последующими исследованиями; упоминаются даже печники. Каменщики и каменотесы вместе с плотниками, согласно этим данным, составляли основные категории строительных мастеров. При строительных работах одни из них были заняты добычей камня или производством кирпича, другие доставляли из леса материал для деревянных конструкций зданий [104, с. 224; 152, с. 370, 382; 156, с. 72; 173, с. 139, 140, 161; 201, с. 335; 212, т. 3, с. 231-232; 305, с. 98-99; 411, с. 361]. По нашему мнению, такая специализация была, вероятнее всего, только при крупном (государственном, храмовом) строительстве. Именно такая специализация (при одновременной кооперации) имела, например, место при строительстве главного храма Теночтитлана. Источник сообщает, что, отбывая трудовую повинность, представители разных народов и регионов Тройственного союза выполняли разные

функции: одни доставляли строительные материалы (песок, известь и др.), другие занимались собственно строительством, причем за каждым из отрядов были закреплены определенные части, элементы конструкции, стороны пирамиды. За строительством наблюдали специальные должностные лица (ацт. *calmimilocatl*). Эти чиновники, обычные при всяком крупном строительстве (см. рис. 72), должны были добиваться соблюдения основных строительных правил. Так, они обязаны были следить за тем, чтобы при строительстве нового сооружения оно не выпадало из общего плана или представляло опасность другим, соседним сооружениям [196, с. 180].

Гражданское строительство — прежде всего возведение домов. Оно было освящено, как и многое другое в жизни ацтеков, обрядами и поверьями. Так, после возведения дома (что беднякам обычно приходилось делать каждые 10-12 лет) зажигали новый огонь, и если он вспыхивал быстро, то считалось, что жизнь в нем будет спокойной и благополучной; если же плохо, то соответственно несчастливой, трудной [351, т. 2, с. 38]. Обязательным было по завершении строительства жилища устраивать и торжества, чтобы снискать благожелательность «богов жилищ» [212, т. 3, с. 180]. Если случалось, что от стены дома по каким-то причинам отваливалось бревно, то это означало, что в нем кто-нибудь заболеет или умрет [351, т. 2, с. 38].

В доиспанский период дома у ацтеков были разнообразными. Если жилище бедных было скромным, а иногда просто жалким, то у богатых и знатных оно отличалось добротностью и достатком, нередко было построено из камня (известняка). Согласно источникам, каменное строительство началось в Теночтитлане при первом тлатоани, Акамапичтли. Принципы местного строительства, его традиции после Конкисты сохранились, ибо только дома индейской знати (прежде всего касиков, вождей) стали имитировать испанские архитектурные традиции, жилища же рядовых индейцев сохраняли свой прежний доиспанский вид. Одним словом, архитектура жилых зданий была знаком социальной принадлежности.

Дом рядовых общинников — чаще всего однокамерная прямоугольная хижина с небольшим открытым дверным проемом. В Теночтитлане, выросшем на острове, некоторые дома могли иметь два выхода — один на улицу, другой на протоку. Так же строились дома в других островных городах, особенно на юге озер Мексиканской Долины. Большинство жилищ делали из доступных материалов (см. рис. 8). Крыша была низкой и плоской, чаще покрытой листьями агавы на манер черепицы. Жерди, горбыль, солома, агавы, глина для адобы — вот почти повсеместно доступный и потому широко используемый материал. Камень имел меньшее значение. Дело в том, что его укладка требовала извести для раствора, а добывалась она не повсеместно. Поэтому в центральных и горных областях Мексики (т.е. в районах внутренних) дома были как из камня, так и из адобы, в то же время в прибрежных и лесных районах — чаще из адобы или дерева с соломенной крышей. В домах не было вентиляционных отверстий, поэтому в помещении был специфический запах застоявшегося воздуха. Стены обмазывали или оштукатуривали смесью глины (ацт. *tezontli*) и извести. Пол делали из измельченных вулканических пород (ацт. *tepetlatl*). Дома, кроме того, белили, подкрашивали и даже разрисовывали [305, с. 79].

Дом правителя (ацт. *tespan*), естественно, значительно превосходил своими размерами дома обычных жителей. О дворце Мотекусомы II, разрушенном при взятии Теночтитлана конкистадорами, писали, что, не зная расположения помещений в нем, можно было даже заблудиться [305, с. 79; 411, с. 361-362]. То, что испанцы называли дворцом, представляло собой, по сути, комплекс внутренних и внешних дворов и двориков, а также помещений различного назначения. Так, по одному из описаний, дворец Мотекусомы II имел 20 входов (видимо, главных дверей), по которым можно было выйти за пределы дворцового комплекса на прилегающие к дворцовым постройкам территории [212, т. 3, с. 212]. Было правило строить таким образом, чтобы все помещения так или иначе соединялись выходами на один большой патио (внутренний двор, открытое помещение). Таких патио во дворце Мотекусомы II было несколько, и в одном из них находился выход водопровода, оттуда вода поступала по скрытым каналам в другие части дома [212, т. 3, с. 212].

Согласно Ф. А. Иштлильшочитлю, Несауалькойотль, правитель г. Тескоко, имел дворец, где было более 300 разных помещений — залы для судей, военного совета, финансового совета, охраны правителя, послов, оружейных складов, для танцев и музицирования, женская половина [40, с. 30 — 35]. По нашему мнению, полностью верить этой цифре нет оснований, но вот общая структура

построения здания дворца — от покоев до оружейных складов — вполне соответствовала нормам того времени.

Поскольку в процессе завоевания Теночтитлана город был буквально стерт с лица земли, остается только по свидетельствам письменных источников попытаться воссоздать архитектурные принципы ацтеков. Судя по всему, в архитектуре они использовали систему арок, лестниц, в том числе и деревянных [411, с. 362]. Теночтитлан — островной город, поэтому, чтобы избежать сырости, архитекторы и строители поднимали первые этажи до уровня бельэтажа [409, с. 65].

В строительстве и украшении богатых домов и дворцов использовали дорогие материалы типа яшмы, порфира, «белого камня», «черного камня с красными прожилками» (так в источнике); крыши делали, используя кедр, кипарис, пальму, пинию и некоторые другие виды древесины; разнообразный декор включал в себя изображения зооморфных существ [212, т. 3, с. 212]. В холодную погоду помещения дворца обогревались с помощью жаровень, куда помещали угли из коры особого дерева, горевшего без дыма и с весьма приятным запахом. Б. Диас, видевший такую систему отопления в покоях Мотекусомы II, писал, что при этом между правителем и открытым огнем были установлены особые ширмы «из золота» с изображением богов [14, т. 1, с. 142].

Внутреннее убранство помещений, естественно, зависело от их назначения. Стены наиболее важных жилых помещений дворца, залов приемов и т.п. оббивали на манер обоев или ковров богатыми тканями, украшениями с использованием изделий из перьев. Помещение освещали с помощью светильников в виде соснового сучка или щепки (ацт. *ocotl*) [14, т. 1, с. 133; 203, с. 247; 212, т. 3, с. 212].

Кроме дворца правителя в Теночтитлане было много других «богатых домов» местной ацтекской, а также провинциальной знати (представители последней обязаны были в течение определенного времени жить в столице). Кроме того, в городе были различного рода общественные здания, где решались дела жителей определенных кварталов, повторявшие, по всей видимости, архитектурные принципы, характерные для жилых строений.

Специфическим примером ацтекских архитектурных сооружений были так называемые темаскаль (ацт. *temazcal*) — паровые бани (парилки). Они были столь же обычными, как храмы или хижины бедняков, причем сходные бани строят до сих пор, и они мало чем отличаются от древних. Как древние, так и современные темаскаль варьировали в форме и деталях (в зависимости от региона и социального положения ее владельца), но неизменными были и остаются несколько основных принципов их строительства. Темаскаль — низкое строение (в ней нельзя было даже встать в полный рост) с небольшой дверью и очагом. Готовя баню, ее нагревали настолько, что стены накалялись. Затем закрывали дверь и обливали внутри стены водой, вызывая интенсивное испарение. Такими банями-парилками пользовались в целях не только гигиенических, но и медицинских (например, при простуде; полезно было, как считали лекари, не очень жаркую баню принимать и беременным женщинам). Парились, используя связки листьев кукурузы или иных специфических растений. В некоторых случаях, попарившись, обливались холодной водой. Знатные и богатые имели даже специальных банщиков (обычно горбунов или карликов). Темаскаль были и у бедных и у богатых, входили они и в состав дворцового комплекса в качестве необходимого элемента его структуры [94, с. 737-741; 212, т. 3, с. 212].

Дворец правителя находился в центре Теночтитлана, в так называемом дворцово-храмовом комплексе. Еще Э. Кортес отмечал, что в Теночтитлане «много храмов», «домов богов», «зданий очень красивых» [156, с. 74]. Храмы назывались теокалли (ацт. *teocalli* — «дом бога»). Все они строились практически по одному плану и различались лишь размерами. Кроме собственно храмов были и одинокие «часовни», где путешественники могли совершать обряды [152, с. 387-388].

Храмовая территория обычно представляла собой прямоугольной формы двор, размеры которого зависели от масштабов храма и величины поселения, где он возводился. Как сообщается в одном из источников, в больших городах расстояние от одного угла храма до другого соответствовало длине полета стрелы при «выстреле из арбалета», а в малых поселениях — «длине полета стрелы», выпущенной из лука, или еще меньше. Храмовую территорию окружали стеной, чтобы «оградить пространство божества и чтобы храмы почитались еще больше» [305, с. 44 — 45]. Этот высокий забор строили в больших городах, в частности в Теночтитлане, с использованием каменной кладки [152, с. 394]. В центре этого участка сооружали квадратное основание, платформу, опоясанное фундаментом

из камня (чаще известняка), пространство внутри которого заполняли землей и щебнем. О размерах основания главной пирамиды Теночтитлана сведения различны: по одним, расстояние по диагонали составляло 40 брас⁴⁸ [305, с. 45], по другим, длина сторон основания платформы равнялась 150 и 120 шагам [152, с. 384]. Такая платформа-основание поднималась на высоту в два человеческих роста. С трех сторон ее окружали проходы шириной в два шага, с четвертой прокладывали идущую вверх лестницу.

На этой основе возводили следующую платформу меньших размеров и вновь высотой в два человеческих роста, на ней еще одну платформу и т.д., пока лестница, возводимая по одной из сторон ступенчатой пирамиды, достигала длины в 120 — 140 ступеней (иногда, к примеру на пирамиде г. Тескоко, и немного — на 5-6 ступеней — выше). На самой верхней площадке строили помещение алтаря. В малых храмах, посвященных какому-либо определенному божеству, возводили одно здание; в больших же, каким являлся главный храм Теночтитлана, — два, предназначенных для двух главных богов ацтеков — племенного бога войны Уитсилопочтли и бога дождя Тлалоку. Есть сообщение, что высота таких помещений для алтарей достигала 10 — 12 человеческих роста [152, с. 384; 173, с. 139; 305, с. 45; 318, с. 33].

Храмовая территория была обычно связана с почитанием нескольких богов, среди которых, конечно, выделялся какой-то наиболее важный. Именно поэтому внутри храмовой территории кроме наиболее важного центрального храма обычно находились разных масштабов храмы менее значительных богов. Как сообщается в одной из раннеколониальных работ, в Теночтитлане в пределах храмового комплекса было 12 — 15 алтарей для «демонов поменьше», а на территории только главного храма было более 20 «башен» храмов. При каждом из храмов были помещения для жрецов, а также, по возможности, источники воды, «купальни». В подобном помещении главного храма Теночтитлана, согласно источникам, могли без помех разместиться 1000 человек [152, с. 370, 384, 394 — 395; 305, с. 45], хотя, вероятнее всего, имелись в виду общие возможности храмовой территории. При храмах находились также помещения (школы) для юношей и девушек, один-два года обучавшихся в них.

Оформление дворцов и особенно храмов требовало привлечения «скульпторов», мастеров по обработке камня, которые делали статуи многочисленных богов, элементы отделки зданий и т.п. Основные материалы, которые при этом использовались, — базальт, обсидиан, мрамор; в мелкой скульптуре применялись яшма, нефрит и др.

Специфической разновидностью памятников, имеющих отношение к религиозному ритуалу, которые выполняли скульпторы, являлись уже упоминавшиеся темалакатли — камни для жертвоприношений. Они были разных размеров, украшались резьбой, сюжеты которой носили религиозный или военный характер (см. рис. 18, 21). Практически каждый правитель считал нужным не только построить или обновить несколько храмов, но и оставить после себя новый темалакатль. Резчики по камню создавали и тесно связанные с темалакатлем по ритуалу особые каменные чаши — куаушикалли (ацт. *cuauhxicalli* — «орлиная ваза», где орел — символ войны и воина) (см. рис. 22, 23, 25). Обычно именно в эти чаши собирали кровь жертв.

Храмовая территория, как уже отмечалось, обносилась стеной. В Теночтитлане территория главного храма была окружена «высокой стеной» с четырьмя воротами. Во времена Мотекусомы II возле каждого из входов были построены специальные помещения, где находились склады оружия, принадлежавшие охране тлатоани [158, с. 394]. Последнее объяснялось тем, что дворец правителя примыкал к территории главного храма. Последний неоднократно перестраивался и обновлялся (при Ашайакатле, Тисоке, Ауитсотле) [173, с. 186-191; 212, т. 3, с. 233]. В 1521 г. Теночтитлан был разрушен, и начиная со второй половины XVI в. уже велись споры о месте, где находился главный храм. В этом отношении помогла карта Теночтитлана, составленная Э. Кортесом.

Храмов в стране было очень много; в одном Теночтитлане, согласно Б. Саагуну, их насчитывалось более 70. Словом, храмовое строительство было важнейшей частью негражданского строительства. О своем первом впечатлении от соприкосновения с храмами и храмовой архитектурой сообщал один из первых очевидцев и участник Конквисты, солдат армии Кортеса Б. Диас: «Мы вошли в громадные эры, окружавшие главный храм. Каждый из них... окружен двойной стеной, выложен большими гладкими плитами. Всюду величайшая чистота, нигде ни соринки, ни травинки». Лестница в 114 ступеней вела на верх пирамиды, «где... была площадка с несколькими крупными камнями, на

которые кладутся жертвы. Подле стоял громадный истукан, вроде дракона, окруженный столь же отвратительными изваяниями, и весь пол кругом был забрызган еще свежей кровью. Здесь были и часовни с такими же отвратительными идолами. О размерах этого храма скажу еще несколько слов, хотя во многом могу ошибиться... Весь храм, как мне кажется, занимал огромную площадь, на которой могло бы поместиться пять обычных домов. Все здание имело форму пирамиды с усеченной вершиной, на которой помещались башенки с идолами; ступени, идущие уступами, не имели перил... Все жители города должны участвовать в его стройке, жертвуя золото, серебро, драгоценные камни. Каковые дары и клались в фундамент совместно со всевозможными семенами, и все это орошалось кровью множества жертв... Когда уже после завоевания на месте этого храма решили воздвигнуть церковь... и стали для этого разбирать часть храма, то в основании его нашли массу драгоценностей... Следует упомянуть о небольшом здании в виде башни. Вход в нее охранялся двумя разинутыми каменными пастями с огромными клыками, и, воистину, это был вход в адскую пасть: внутри было множество идолов, а в соседнем помещении много посуды для варки жертвенного мяса, всякие ножи и топоры, точно у мясников. Вблизи же были заготовлены штабеля дров, а также водоемы чудесной чистой воды прямо из общего водопровода. Вокруг одного из дворов шли жилища "пап" и прочей храмовой челяди, а в особом большом доме находилось множество знатных девушек в затворе... с особым даже своим небольшим храмом. Впрочем, в Чолуле храм в 120 ступеней, а в Тескоко в 117» [14, т. 1, с. 143, 151-152].

Другой разновидностью архитектуры военно-религиозного назначения были так называемые стадионы для игры в мяч. Это были особой формы сооружения из камня, повторявшие в основном принципы планировки современных стадионов: на двух противоположных сторонах, представлявших собой крутые склоны, располагались скамьи для зрителей; две другие стороны замыкались высокими каменными стенами, к каждой из которых было прикреплено по каменному кольцу (типа баскетбольных) — но не горизонтально, а вертикально. Задача игроков двух противоборствующих команд — забросить каучуковый мяч в кольцо. Гонять, передавать и бить по кольцу можно было только бедром, коленом, плечом. Сама игра имела ритуальный и магический смысл: по некоторым версиям, круглый мяч, перемещавшийся вместе с игроками от одного кольца к другому, символизировал движение солнца от восхода до заката, от заката до восхода. Эта игра была составной частью физической подготовки воинов и была весьма престижна.

Планировка городов ацтеков была традиционной: средоточием являлся главный храм и рынок. Ее можно проследить на примере ацтекской столицы. Теночтитлан, достигавший в окружности 16 км, как и центр предыдущего классического периода истории Мексики — Теотиуакан, был крестообразным в плане, т.е. соответственно разделен на четыре большие части. Каждая из них была ориентирована на определенную сторону света. Перед испанским завоеванием в городе было два главных центра — рынок (в северной части, в Тлателолько) и площадь главного храма вместе с ним самим.

Так как Теночтитлан был островным городом (он находился на расстоянии около 1 км от западного берега оз. Тескоко), попасть в него с материка можно было только по специально построенным искусственным дамбам. Б. Диас, одним из первых вошедший в город вместе с Э. Кортесом и его отрядом, писал, что таких дамб было три и они шли на юг (в Истапалапу), на север (в Тепеаку, одно из многих прибрежных поселений), на запад (в Тлакопан); он же сообщал, что дорога в Истапалапу, «прямая как стрела», была шириной в 8 шагов [14, т. 1, с. 133, 149]. Кстати, именно через Истапалапу испанцы впервые вступили в Теночтитлан в 1519 г., а спешно покидали город, спасаясь, через западную дамбу. К Б. Диасу присоединяются и Т. Мотолиния, и «Анонимный завоеватель», которые сообщали, что в город можно было войти по трем «улицам» — дамбам: западная была длиной в 1/2 лиги (лига = 5,5 км), южная — в 2 лиги, северная — в 1 лигу (в «Анонимном завоевателе» соответственно 2; 1,5 и 1/4 лиги). На восток дороги не было, и там простиралось оз. Тескоко [152, с. 391; 305, с. 81]. Э. Кортес же сообщал, что Теночтитлан имел «4 входа», от которых шли «4 главные дороги» шириной в «2 копья» [156, с. 72]. Такая противоречивость находит отражение и в современных реконструкциях плана Теночтитлана, где указываются как три, так и четыре дамбы. Это разночтение порождено, конечно, не в последнюю очередь и тем, что в процессе штурма Теночтитлана испанцы буквально стерли его с лица земли, а последующее строительство в колониальный период довершило разрушение поверженной столицы.

Согласно источникам, высота дамб в общем достигала «30 и более шагов» и сооружались они из «деревя и земли». Дамбы возводились постепенно, поскольку подъем уровня воды оз. Тескоко угрожал и чинампам и самим жилищам. Одни дамбы служили только для передвижения (такой была, например, южная, соединившая Теночтитлан с побережьем оз. Шочимилько и впервые сооруженная при тлатоани Итцкоатле жителями покоренной им федерации шочимильков; позднее ее неоднократно реконструировали и обновляли). К моменту прихода испанцев она была построена из земли и камня и имела ширину около 3 м. Дамба в нескольких местах прерывалась протоками, обеспечивавшими свободный переток воды из одной части озера в другую и проход для лодок. Эти протоки для прохода пешеходов были перекрыты специально построенными мостами [173, с. 79; 318, с. 19]. Аналогичную роль выполняла и северная дамба. Считается, что обе эти дамбы спроектированы и построены под руководством правителя г. Тескоко и союзника Теночтитлана, «Перикла древней Мексики» — Несауалькойотля. Ему же приписывается проектирование и других дамб.

Кроме тех пешеходных дамб была дамба-акведук, по которой в Теночтитлан поступала пресная вода с материка. Э. Кортес, видевший ее, писал, что по ней было проложено два канала, вымощенных известняком и имевших в ширину два шага и глубину два стадия (1 стадий = около 185 м). Он писал, что «толщина струи» (потока воды) была размером с человеческое тело. Каналы функционировали поочередно (в перекрытом проводили очистку) [156, с. 76]. Эти сведения подтверждал и «Анонимный завоеватель», где говорится, что канал доходил до самого центра города и все жители пользовались водой из него [152, с. 391]. Об этом же писал и официальный испанский историк А. Эррера, добавлявший, что от главного водопровода шли ответвления в разные концы города и даже в отдельные дома знати. По словам А. Эрреры, водопровод состоял из уплотненной земли («камня») и деревянных труб [212, т. 3, с. 224 — 225].

Строительство и обновление акведука как гидротехнического сооружения первостепенной важности велось непрерывно. Источник указывает, что при тлатоани Чимальпопоке тело акведука делали из «земляных блоков», которые на лодке доставляли с материка на место строительства; использовали также столбы, тростник и систему земляных насыпей. Сам канал сначала делали из «глины» («глиняные трубы»). Однако эти «трубы» пропускали воду, и земляная дамба, подпитавшись водой, разрушалась. Поэтому позже водоводный канал облицевали камнем и известняком. Не все тлатоани были удачными строителями. Яркий пример тому — нерасчетливое строительство акведука при Ауитсотле, закончившееся, как уже говорилось, наводнением, вызвавшим разрушение Теночтитлана. Последний раз акведук обновлялся при Мотекусоме II. Воду (как и ныне) брали из нескольких источников в районе Чапультепека на западном побережье оз. Тескоко [14, т. 1, с. 149; 351, т. 2, с. 284].

Теночтитлан сам по себе представлял древнее гидротехническое сооружение, поскольку для благополучия этой древнемексиканской Венеции, стоящей на мелководье оз. Тескоко, необходимо было учитывать уровень воды, регулировать его, очищая малые и большие каналы от ила. Последнее, как уже отмечалось, было необходимо и для того, чтобы лодки могли свободно продвигаться, поскольку это было жизненно важно для развития Теночтитлана как торгового центра. Поскольку лишь центральная, наиболее древняя, часть города располагалась на острове, а большинство домов находилось на освоенном мелководье, основная часть улиц города представляла собой либо просто каналы, где можно было передвигаться только на лодке, либо наполовину каналы, наполовину тротуары. Как писал очевидец, обычной была картина, когда из двух человек, разговаривавших между собой, один шел посуху, второй плыл на лодке [152, с. 391-392; 212, т. 3, с. 224; 305, с. 81-82]. Множество мостов было переброшено через каналы от улицы к улице. Некоторые были столь добротно сделаны, что по ним могла пройти упряжка лошадей [156, с. 72].

Теночтитлан был не единственным городом, соединенным с материком искусственными дамбами. Куитлауак, располагавшийся на границе озер Шочимилько и Чалько, имел выход на север и юг в виде дамб, которые, очевидно, уступали столичным.

В источниках отмечается, что многие города были на удивление удачно распланированы, на самых подходящих местах были площади, храмы, рынки. В этом отношении особенно выделялся (кроме Теночтитлана) южный город Шочимилько [152, с. 370, 390]. Восторги первых европейцев понять можно. Можно объяснить и их изумление величиной ацтекских городов, их многочисленностью, поскольку, как известно, рядовые средневековые города Европы в среднем насчитывали всего

несколько тысяч жителей. В свете всего этого понятны чувства испанского конкистадора Б. Диаса, которые явственно проявляются при описании им своих впечатлений от вида Теночтитлана с вершины пирамиды главного храма: «Все было как на ладони; множество лодок сновало туда и сюда, доставляя людей и продукты в любой дом, а над домами повсюду высились, точно крепости, пирамиды храмов с часовнями и башенками на вершине. Внизу под ними кишел рынок с его многочисленной толпой, и шум его был слышен на далекую округу... Картина была поистине величественная, и мы на нее загляделись...» [14, т. 1, с. 149].

Некоторые из районов государства особенно славились своими мастерами-строителями. Такими были Чималуакан, Коатепек, Тепетлаосток, Такубайя, Койоакан. Кстати, последний славился и дорожными мастерами, занимавшимися обустройством дорог. В раннеколониальный период если какой-нибудь город должен был в соответствии с указаниями властей выделить для строительных работ мастеров и не мог этого сделать, то за помощью обращались именно в Койоакан. В тот же период подтвердили свою добрую репутацию мастера г. Тескоко, прекрасно строившие и дома, и церкви. Хорошими строителями и каменотесами считались и жители г. Аскапотсалько.

Деревообработка в древнеацтекском производстве была на достаточно высоком уровне. На рынке продавались и готовые изделия, и древесина [411, с. 361]. Как уже отмечалось, наиболее доступными и широко используемыми из деревьев были дуб и разные виды сосны.

Плотники (ацт. *quauhxicque tlaxinque* [ед. ч. *quauhxicqui; tlaxinqui* — «мастер по дереву»), ремесло которых входило в число важнейших строительных профессий (в источниках упоминаются даже «хорошие» и «плохие» плотники [351, т. 3, с. 114 — 115], добывали древесину обычно сами, хотя в источниках есть упоминание и о дровосеках [104, с. 224; 118, с. 64; 137, т. 1, с. 89]. Основным орудием у них был топор. Хотя их инструменты в большинстве своем были не из металла (но отдельные медные инструменты — топоры, сверла, долота — все же имелись у некоторых мастеров), ими удавалось прекрасно обрабатывать дерево (см. рис. 49) [203, с. 246; 305, с. 99; 351, т. 3, с. 114–115]. Для скрепления деталей использовались шипы (колючки) агавы, которые были такие острые и прочные, что их можно было вколачивать в дерево как гвозди [203, с. 292].

Столяры чаще всего из дуба делали мебель (столы, стулья, колыбели) [14, т. 1, с. 147], ложки и др. [152, с. 381]. Мебель, правда, использовалась только в самых богатых домах, а в хижинах бедняков все ограничивалось циновками. Простые индейцы и в колониальный период спали без гамаков или кроватей и тем более обходились без столов и стульев [201, с. 336; 353, с. 293]. Стулья или скамьи делались различные (в том числе и со спинкой), но невысокие, не выше 20 см над полом [152, с. 380]; разумеется, немногим выше были и столы [14, т. 1, с. 142]. Вообще же индейская мебель не очень поразила европейцев, они писали даже, например, что ложе Мотекусомы II никак не соответствовало пышности его двора: на циновки или «солому» просто было положено множество одеял [212, т. 3, с. 212]. В общем, эта сторона быта индейцев выглядела следующим образом: бедные спали на «солومه» или циновках, а богатые на более мягких толстых подстилках в виде тюфяков или на одеялах; под голову подкладывали камень, дерево или «связку из листьев пальмы»; в жилище могли быть невысокие стулья, хотя обычно сидели на земле [203, с. 247].

Столяры делали и другие домашние вещи, в частности, встречается упоминание о деревянных сундуках [351, т. 3, с. 147]. В художественном оформлении зданий, возможно, принимали участие и резчики по дереву. Во всяком случае, в одном из источников есть упоминание деревянных фигурок животных, украшавших дворец правителя [212, т. 3, с. 212].

Кораблей в собственном смысле слова индейцы не знали, они делали лишь лодки-каное (вместимостью чаще до 5 человек), которые выдалбливали плотники из цельного дерева (см. рис. 38, 40, 57) [151, с. 292; 203, с. 288].

Хотя ремесло плотников не было редким, считалось тем не менее, что лучшие плотники жили в г. Шочимилько [201, с. 250, 351].

Важным занятием (а для некоторых — профессиональным) было изготовление различных плетеных изделий. Согласно раннеколониальным данным, «многие травы» использовались как материал для плетения [305, с. 100], чаще всего — тростник (ацт. *tule*), из которого делали важнейший предмет обихода — разнообразные циновки (испанизир. *petates*). Циновки у ацтеков бывали разные — как богато и искусно выделанные, так и самые непритязательные по виду. Циновками покрывали пол, на них спали, под ними скрывались от непогоды, используя в качестве грубых накидок.

Особенно славились такие изделия из городов Шалтокан, Сумпанго, Ситлалтепек и некоторых других, в окрестностях которых рос хороший тростник [201, с. 336].

Циновки плели также из скрученных стеблей разных трав, из волокон пальмы [351, т. 3, с. 142]. Особенно тонкие циновки делали из волокон агавы [203, с. 292; 351, т. 3, с. 139-140]. Те же мастера плели корзины разной формы и назначения, а также мешки. Корзины, сделанные из тростника, назывались, по разным данным, либо *petlacalli* (ацт.), либо *chicuites* (испанизир.), а большие корзины с двумя ручками — *otlatompiatli* (ацт.) [49, с. 118; 351, т. 3, кн. 10, с. 146-147, 154]. Не исключено, что эти же мастера делали веники и метлы [351, т. 3, с. 148-149, 150]. В качестве наиболее распространенных инструментов они использовали колючки агавы и костяное шило [118, с. 64].

Мастера, занимавшиеся плетением, были разной квалификации [351, т. 3, с. 134 — 135]. Богом-покровителем ремесленников, изготавливавшим различные изделия из тростника, был один из богов дождя Напатекутли [351, т. 1, с. 70].

Гончары (ацт. *ziquichiuqui*) не знали гончарного круга, но тем не менее достигали неплохих результатов. Они использовали технику глазури, производили как орнаментированную и расписную керамику (чаще всего использовались стилизованные изображения птиц, растений, рыб и др.), так и простые гладкостенные изделия. Собственно ацтекская керамика известна как «ацтекская оранжевая керамика», южнее Теночтитлана (в Малиналько, Тлауике, Шочикалько, Куэрनावаке) изготавливалась и полихромная. По форме и назначению керамика была самой разнообразной — вазы большие и малые; горшки; кувшины с ручкой; глиняные жаровни или сковородки (ацт. *somal* или *somalli*), на которых пекли тортильи; сосуды для хранения продуктов; сосуды для ритуальных целей (воскурения) и др. [118, с. 64; 156, с. 73; 201, с. 350-351; 203, с. 257; 365, с. 175].

Хотя глина, пригодная для производства керамики, была практически везде, признанным центром керамического производства в Мексиканской долине был г. Куаутитлан. Он, а также город-государство Чолула, не подчинявшийся власти Теночтитлана, сохранили эту славу до наших дней [201, с. 350 — 351]. На производстве керамики хозяйственного назначения специализировались такие города, как Койоакан, Тескоко и Теотиуакан [353, с. 298]. Однако лучшую в тогдашней Мексике керамику делали миштеки Оахаки [261, с. 55; 353, с. 298]. И даже в период наивысшего расцвета ацтекского государства лучшая из продававшейся на рынках Теночтитлана керамика была привозной [231, с. 149].

Кожевенное дело было развито хорошо в разных районах Тройственного союза, но самые лучшие кожи выделывались тарасками Мичоакана, т.е. вне границ ацтекского влияния. Тем не менее и то, что делали ацтекские кожевники, удовлетворяло вкусам и потребностям жителей государства. По словам одного из авторитетнейших авторов раннеколониального периода, Т. Мотолини, выделанные ими кожи были не хуже, чем в Кастилии [305, с. 98]. В качестве субстрата использовали отходы человеческой жизнедеятельности, а также квасцы. Мастера умели окрашивать кожи в самые разные цвета. Материалом служили шкуры и мелких животных (типа кроликов), и таких крупных, как олень. В качестве игл (шила) использовали колючки агавы [14, т. 1, с. 150; 203, с. 292].

Из кожи делали самые разные вещи, прежде всего обувь, которую, однако, носили только представители верхних слоев общества. Обувь делали без носка, но с пяткой и каблуком, ремни у такой обуви проходили между пальцев и укреплялись на щиколотке «пуговицей» (так в тексте источника). Обувь по возможности украшали (например, тлатоани носил обувь, сделанную из шкуры ягуара, украшенную золотом) [152, с. 377; 173, с. 178; 351, т. 3, с. 154]. Для предохранения кожаной обуви от влаги ее смазывали растительными маслами. Кроме обуви из кожи делали ремни, приспособления для ношения оружия у пояса или на груди [212, т. 3, с. 231; 351, т. 3, с. 154]. Шкуры использовали как одежду в виде накидок — дорогих и более дешевых (например, тлатоани носил накидку из шкуры ягуара). Шкуры выделывали как сохраняя мех и ворс, так и удаляя их. В источнике есть упоминание и о кожаных мешках [351, т. 3, с. 147, 154].

Важной областью применения особо качественно выделанных кож было использование их как писчего материала при составлении кодексов. Перед нанесением рисунков и пиктограмм лист пергамента обычно покрывали белой краской. На коже написан, в частности, такой индейский кодекс, как «Карта Глотцина».

Хотя наиболее важные сведения фиксировались на пергаменте, основная масса кодексов писалась на индейской бумаге. В источниках приводятся сведения о способах ее получения и материалах, из которых ее изготовляли. Есть упоминание, что ее делали, используя в качестве сырья пальмовые листья, дерево *Castilla elastica* (ацт. *hule*), агаву.

Согласно данным М. де Англера, процесс изготовления бумаги из пальмовых листьев начинался с того, что с них сдирали верхний слой «кожи», имеющий частую сетчатую структуру, и затем, наклеивая кусочки ткани листа один на другой, получали бумагу нужной толщины. В качестве клеящего вещества использовали сок корня особого растения *Epidendrum pastorisil* (ацт. *amatzauhtli*) [203, с. 292; 207, с. 42; 254, с. 695-696; 329, с. 279].

Использовали для получения бумаги и кору (лыко) лесного фигового дерева, индейской смоковницы (лат. *Ficus petiolaris*), у которой доктор Ф. Эрнандес, описавший в 1570 г. процесс изготовления бумаги, насчитал более 12 сортов. Индейцы называли ее матль (ацт. *amatl* или *ataquaitl*), откуда ведет свое происхождение и само название индейской бумаги — аматль. Кстати, из этого же материала делали бумагу и майя. Согласно Ф. Эрнандесу, сначала сырье замачивали в воде на ночь. Утром верхнюю кожуцу полосками сдирали каменными ножами. Затем 5 — 6 таких полос, положенных друг на друга, обрабатывали, ударяя гладким камнем, с тем чтобы получить единый прочный лист. Полученные листы сушили на солнце, выравнивая и сглаживая неровности при помощи камня. Однако поверхность бумаги все равно не получалась идеально гладкой, поэтому перед письмом ее покрывали особым известковым раствором (ацт. *xicaltetl*, который, заполняя поры и неровности, придавал ей чистый белый цвет [54, с. 30; 104, с. 180; 231, с. 143; 254, с. 695-696; 257, с. 28; 329, с. 279-280; 355, с. 291].

Некоторые исследователи считают, что вся бумага делалась только из аматль описанным способом, сведения же о производстве ее из агавы, идущие от Т. Мотолонии (и подхваченные затем, в частности, А. Ботурини, А. Гумбольдтом, У. Прескоттом и даже Э. Зелером), они объявляют ошибочными (см., например, [207]). Однако, по нашему мнению, игнорировать приведенные выше данные касательно иных исходных материалов не следует.

Бумаги требовалось много, поэтому она входила в список дани, выплачиваемой разными районами государства. Бумагу делали везде, но, по-видимому, один из лучших ее сортов поставлял район нынешнего Морелоса [344, с. 51].

Основное назначение бумаги — использование ее в качестве писчего материала для составления кодексов. Обычно узкие полоски бумаги, получаемые при ее производстве, склеивали с помощью густого растительного клея, получаемого, возможно, из *Epidendron pastoris* (ацт. *tzacuhli*), в свитки разной длины. Так, главный ацтекский кодекс доиспанского происхождения — «Бурбонский кодекс» — имеет длину 14 м [231, с. 143]. Для закрепления пиктограмм и рисунков, предохранения их от воздействия сырости бумагу покрывали растительными маслами или животными жирами [203, с. 247; 212, т. 3, с. 231-232].

Много требовалось бумаги и на ритуальные цели. Костюмы и предметы атрибутики участников различных церемоний украшались бумагой. Когда совершали ритуальные жертвоприношения, бумагу окропляли кровью жертвы или жертвователя (если это было ритуальное самоистязание) и затем сжигали (воскуривая угодный богам фимиам). На головы статуй богов и богинь надевали короны из бумаги (ацт. *amacalli* — «дом из бумаги»). Во время погребального обряда на мертвых клали шесть листов бумаги с особыми пиктограммами, которые призваны были помочь выдержать испытания, ожидавшие, согласно религиозно-мифологическим представлениям ацтеков, усопшего в мире мертвых (проскочить между двух гор, которые непрерывно сталкиваются; пройти по тропе, охраняемой огромным змеем; не оказаться в пасти страшного аллигатора Шочитоналя; пересечь восемь пустынь; пройти столько же гор; шестой лист был защитой от невероятно сильного и холодного ветра) [173, с. 212; 203, с. 292; 254, с. 700].

Анализ технологии прядения и ткачества, широко распространенных в древней Мексике, затруднен характером источников. Из-за особенностей климата, а также трагического оборота событий во время Конкисты и раннеколониального периода не сохранился ни один из образцов доиспанской одежды и ни один из образцов ткани [36, с. 35]. В произведениях же искусства (рисунки в кодексах, скульптура) детали процессов прядения и ткачества не отражены. То же самое можно сказать о сообщениях первых европейцев, оставивших лишь отрывочные данные об этой стороне

материальной культуры ацтеков. В результате общую картину древнейшего вида ремесленной деятельности приходится воссоздавать, опираясь на совокупность отрывочных и неполных данных, сообщаемых названными выше источниками, описывающими в большинстве случаев доколониальную технологию, использовавшуюся и некоторое время после испанского завоевания [153, с. 5].

Сырьем для текстильного производства служили хлопок, волокна агавы (испанцы называли их *pequen* или *henequen*, т.е. словом из языка таино), реже волокна пальмы (ацт. *iztol*) [122, с. 39; 153, с. 5, 38].

В источниках почти ничего не говорится о производстве грубых тканей из волокон агавы. Между тем они имели гораздо большее распространение, нежели изделия из хлопка, поскольку ткань из волокон агавы шла на одежду (как мужскую, так и женскую) для основной части населения страны — общинников. После размягчения листьев агавы и извлечения из них волокнистых нитей (которые, понятно, бывали разного качества и толщины) индейцы ткали из них холсты, порой настолько отменного качества, что один из авторов XVI в. сравнил их даже с голландскими [411, с. 361]. Из волокон агавы делали также веревки, пояса, тряпичные сандалии (ацт. *caclli*; совр. *huarache*), а после испанского завоевания и отдельные детали конской сбруи [152, с. 382; 203, с. 292; 305, с. 100].

Хлопок, как уже отмечалось, в Мексиканской долине не возделывался, поэтому либо готовые изделия, либо сырец туда доставляли с юга, и обработка хлопка-сырца велась уже ацтекскими мастерами. Для изготовления нити использовалось веретено (ацт. *tzaualoni*), состоящее из стержня и диска (ацт. *malacatl*). Конец веретена помещали в сосуд, чтобы удобнее было вращать, однако искусные мастерицы могли прядь даже при ходьбе. Диск веретена делали из разных материалов (например, еще в тольтекский период его изготавливали глиняным), часто украшали узорами [137, т. 1, с. 89; 146, с. 6].

Ацтекские ткачихи работали на станках двух типов. Один из них (до сих пор используемый в отдельных местах Мексики) зафиксирован на рисунках кодексов. При его функционировании один конец с основой прикреплялся к поясу ткачихи, а другой — к дереву или столбу. На севере Мексики преимущественно использовался станок другого типа — в виде жесткой рамы определенных размеров. Конечный продукт в обоих случаях представлял собой сравнительно короткий и узкий кусок ткани, который мог использоваться без какой-либо доработки (см. рис. 47, 51).

Несмотря на сравнительную простоту и даже примитивность технологии, индейские ткачи создавали прекрасные ткани, похожие, даже разные по текстуре. Речь идет, прежде всего, об использовании при их изготовлении пуха кроликов и перьев птиц. Кроличий мех либо специально пряли, либо добавляли при прядении хлопковой нити. Использовали пух с брюшка, поэтому он не терял качеств при стирке, сохранял шелковистость; изделия из пуха кролика (ацт. *tochomitl*) были или естественного цвета, или крашенные [152, с. 377-378; 156, с. 5-6; 212, т. 3, с. 228; 305, с. 103]. Один из авторитетных раннеколониальных авторов, еще имевший возможность видеть такие изделия, писал даже, что индейская нить из пуха кролика лучше сделанной в Испании [305, с. 103].

Перья же птиц просто вплетались в ткань в процессе ткачества, при этом в качестве дополнительного орудия использовали иглы (шпы) агавы [152, с. 382; 203, с. 292].

Когда речь заходила о качестве тканей, в источниках упоминалась и вышивка [14, т. 1, с. 144], но, насколько известно, ткань с использованием золотой (и тем более шелковой) нити индейцы стали производить только после испанского завоевания.

Использование тканей ацтеками было весьма разнообразным. Делали (в том числе и на продажу) различные покрывала, простыни, ковры, накидки и пр. [212, т. 3, с. 228; 411, с. 360]. О стенах дворца Мотекусомы II, обитых «обоями из чудесной ткани», писал Б. Диас. Он же сообщал об обтянутой тканью мягкой мебели, которой пользовался тлатоани, о столе, покрытом «тончайшей белой материей». Им же при описании трапезы Мотекусомы II упоминаются полотенца и салфетки [14, т. 1, с. 133, 142] (см. также [152, с. 380]). Особого размера куски хлопковой ткани использовались и как средство обращения в торговле. Но, конечно, главное назначение тканей было связано с изготовлением одежды, которая, надо сказать, не отличалась большим разнообразием и тем более сложностью форм.

Производство одежды у индейцев не включало такие операции, как крой или шитье (кстати, и Старый Свет вплоть до раннего средневековья не знал кроя), так как ацтекские одежды состояли из

несшитых кусков ткани, драпировавших тело в виде набедренных повязок, плащей, накидок, юбок. Иными словами, основу составлял одинарный кусок ткани, разница состояла лишь в его размере, качестве и цене.

В доиспанский период главный элемент мужской одежды составляла набедренная повязка, маштлатль (ацт. *machtlatl*), в развернутом виде напоминающая большой платок; иногда ее дополняли украшениями в виде кисточек. Второй важный элемент мужской одежды — мантия, или накидка (ацт. *milmatl*, *tilma*, *tilmatl*). Накидки варьировали по цвету, качеству, могли иметь кайму, бахрому. Зимой носили накидки, подбитые пером. Состоятельные люди обычно имели 2-3 таких плаща-накидки.

Знать носила одежду из хлопка, низшие слои общества обходились одеждой из волокон агавы. Это объяснялось не только социальными запретами, но и элементарной дороговизной. Впрочем, и ткань из волокна агавы, как уже отмечалось, могла быть выделана с большим мастерством. Нужно отметить также, что одеяния из волокон агавы сохранили обрядовое значение. Так, во время ритуала интронизации тлатоани его облачали в самые дорогие одежды, обувь, украшения, но на плечи ему накидывали плащ из волокон агавы, украшенный золотыми деталями.

Основу женской одежды в доиспанский период составляла рубаха-юбка (ацт. *huipilli*) типа накидки. В зависимости от традиций, материального достатка, а также времени года индейки надевали одновременно 2-4 таких накидки разной длины, в результате на них оказывалось несколько выступающих одна из-под другой юбок, перехваченных иногда специальным кушаком (ацт. *nelpiloni*). Знатные женщины в торжественных случаях надевали особые одеяния (ацт. *quechquemiltl*), известные также тем, что ими обряжали статуи богинь. Впрочем, первый вид одежды предпочитался на юге, в то время как второй — на севере и в горах [152, с. 377; 153, с. 5-6; 201, с. 336-337; 305, с. 103; 351, т. 3, с. 127, 134-135].

Головных уборов обычно не носили (завязывая при этом волосы узлом), но с учетом климата и времени года могли носить головной убор «типа наших шапок из пуха разного цвета», как писал один из раннеколониальных авторов [152, с. 376].

Прядение и ткачество было женским занятием, хотя, как считают некоторые исследователи, не исключительно женским [14, т. 1, с. 144-145; 36, с. 37; 201, с. 337].

Исторически сложилось так, что в ацтекском государстве лучшие ткани производили не там, где рос хлопок. Самые тонкие хлопчато-бумажные ткани производились в г. Тескоко [305, с. 99]. Более простые, но зато более добротные поставлял г. Костатлан (расположенный за пределами Мексиканской долины, на территории нынешнего штата Веракрус) [14, т. 1, с. 145]. При изучении археологами около 600 ацтекских веретен, обнаруженных при раскопках в Мексиканской долине, выяснилось, что только в одном из семи обследованных районов (в окрестностях Шочимилько) большинство из них (78,3%) предназначалось для обработки хлопкового сырья, во всех остальных местах — от 15,2 до 38,5%, остальные же служили для обработки волокон агавы [324, с. 214]. Это еще раз подтверждает, что как сырье агавы была более доступна, нежели хлопок.

Тесно связанной с ткачеством была работа с пером, однако в отдельных видах она превратилась в самостоятельный род деятельности (см. рис. 48). Занятые ею мастера — амантеки (ацт. *amanteca*, *amantecatl*) — достигли больших высот, как заверяли раннеколониальные источники, их изделия красотой превосходили «всякое человеческое воображение» [137, т. 1, с. 89; 411, с. 360]. Действительно, ацтекские изделия из перьев или с их использованием нередко из категории ремесленных по праву попадали в разряд произведений прикладного искусства.

Создание изделий с использованием перьев принадлежит к древним ремеслам не только Мексики, но и Месоамерики в целом. Известно достаточно памятников, где боги или иные персонажи изображены с предметами, изготовленными с использованием пера (см. рис. 1). Наиболее ранние изображения на памятниках искусства изделий из перьев относятся еще к доклассическому периоду истории Месоамерики (пример тому — стела 10 из Каминальхуйю, в Гватемале, датируемая 35 г. до н.э. — 36 г. н.э.; на ней — прекрасное изображение плюмажа). Возможно, что месоамериканский вариант традиции по работе с пером возник именно у майя еще в доклассический период [74, с. 140 — 141] по той хотя бы причине, что в тропиках обитало достаточно птиц с разноцветными перьями. В дальнейшем эта традиция была продолжена сапотеками, миштеками. В пределах Мексиканской долины и сопредельных с ней территорий данное ремесло, граничащее с искусством, было развито далее создателями классической культуры Теотиуакана, в послеклассический период — тольтеками и,

наконец, заняло заметное место в материальной культуре и искусстве ацтеков. Даже в раннеколониальный период, используя перья, создавали изображения святых, украшения для алтарей и т.п. [212, т. 3, с. 229]. Прекрасный пример изделия из перьев, сохранившегося с доиспанских времен, — так называемый плюмаж Мотекусомы II, хранящийся в Венском музее. Изделия из перьев, равно как и отдельно перо, были в ацтекском государстве предметом торговли, объектом дани (см. рис. 51).

Чаще всего использовали перья уток и гусей, как диких, так и специально для этих целей содержащихся [212, т. 3, с. 229; 351, т. 3, с. 155]. Для изготовления более дорогих изделий применялись перья экзотических тропических или просто более редких птиц. Их либо доставляли как трофей или дань, либо получали через посредство торговли из более южных областей нынешней Центральной Америки (преимущественно из районов современного Чиапаса, а также Гватемалы). Среди наиболее ценимых, но потому и наиболее дорогих были зеленые перья кетсаля (ацт. quetzal или quetzaltototl, попугая (ацт. toztli), розовой и серой цапли (ацт. aztatl) и др. [74, с. 124 — 125; 351, т. 3, с. 91-92].

Перо очищали (замачивая) с помощью глины, в результате чего оно становилось «мягким, как хлопок». После этого его использовали непосредственно в производстве тех или иных изделий. Как уже говорилось, перо применяли при изготовлении ткани: его либо добавляли в нить — как хлопковую, так и из агавы (особенно любили ткань из волокна агавы с пером женщины отоми), либо подкладывали при работе на ткацком станке [351, т. 3, с. 155]. Весьма распространено было украшение перьями готовых изделий, к которым перья прикрепляли клеящими веществами (в том числе и с помощью чапопоте).

Нельзя не упомянуть о мозаике из перьев — настоящих живописных полотнах, прекрасных произведениях искусства. Используя разноцветные перья, мастера таким образом изображали животных, цветы, запечатлевали образы правителей и многочисленных богов. Перья составляли часть украшений и атрибутики правителей и статуй богов [14, т. 1, с. 34, 341-342; 153, с. 6-7; 212, т. 3, с. 229; 351, т. 3, с. 82]. Так, один из раннеколониальных авторов, описывая детали ритуального одеяния, связанного с культом богини воды, сообщал, что на ее имперсонатора в ходе церемонии надевали головной убор из перьев белой цапли [173, с. 212]. Перья использовались при изготовлении поясов, украшений для рук, ног и др. [351, т. 3, с. 81]. Особые знаки отличия, сделанные в том числе и руками амантеков, носили воины, прославившиеся в бою. Легко представить, сколь живописно выглядел воин, головной убор и оружие которого были украшены знаками его боевых заслуг. Амантеки делали и различного рода штандарты, под которыми воины шли в бой.

Учитывая огромную роль ритуальной стороны в жизни древне-ацтекского общества, можно предположить, сколь многочисленными и разнообразными были и торжественные или ритуальные одежды, созданные с использованием перьев дорогих или редких птиц. Они имели свои специальные названия: «божественный костюм» (ацт. tequemitl), «костюм из перьев кетсаля» (ацт. quetzalquemitl), «костюм из перьев колибри» (ацт. uitzilicquemitl), «костюм из голубых перьев» (ацт. xiuhtocoquemitl). В такие одеяния обычно облачали статуи богов [351, т. 3, с. 81], но не только их. Многие из таких костюмов вместе со специальными штандартами — головными уборами определенной формы и вида (прикреплявшимися в случае необходимости к спине или плечам) надевали, в частности, воины, жрецы и др. Известно до 12 видов таких головных уборов. Одни из них делались в подражание реальным или мифологическим существам и персонажам (см. рис. 51 и 70, где представлены шлем-убор в форме черепа [ацт. tzitzimitl] и шлем «собачья голова» [ацт. quaxolotl]). Другие сходные головные уборы были более свободными по форме (плюмаж, «сплюснутый из перьев кетсаля» [ацт. quetzapatzactli]; его форма в виде большого гребешка заимствована ацтеками у народов перешейка Теуантепек; считалось, что тлатоани Ауитсотль предпочитал его остальным).

Важным элементом торжественного одеяния были и богато украшенные щиты, на которых выделено до семи видов традиционного орнамента (см. на рис. 51 щит «хуастекский с перьями кетсаля» [ацт. quetzalcoehuо], а также «греческий» [получивший у современных ученых такое название по характеру орнамента], ацтеки его называли quetzalxicalcolihqui; ср. рис. 70). Все эти изделия изготовлялись как в центре (например, в Тлателолько, Петлакалько, Куаутитлане), так и на юге (например, в Точтепеке) [74, с. 120-145; 137, т. 1, л. 52, 67].

Особый предмет для разговора — красители. В Мексике они использовались как органического, так и неорганического происхождения. Один из раннеколониальных авторов писал,

что индейские краски — удивительная вещь: их делали из листьев, цветов, корней и пр. [389, т. 4, с. 349]. О продаже на рынках разнообразных красителей сообщал Б. Саагун [351, т. 3, с. 142], а еще раньше ее наблюдал сам Э. Кортес [156, с. 73]. Краски использовались широко — при окраске тканей, кож, дерева, нанесении рисунка на керамические изделия, при писании (составлении) кодексов и др.

Среди красителей животного происхождения наиболее важной считалась кошениль (интенсивно-красного или темно-малинового цвета), получаемая из высушенных телец насекомых (от их названия происходит и само слово «кошениль»⁴⁹), живущих на кактусе (опунции). Кошениль производили и в Мексиканской долине, и в сопредельных районах Тлашкалы и Пуэблы. Испанское завоевание стимулировало производство, большая часть продукции шла в Испанию. В то время центром производства кошенили стала Оахака [153, с. 6; 201, с. 354; 351, т. 3, с. 341].

Краска желтого цвета органического происхождения («желтый бальзам») носила название ахин (ацт. *axin*)⁵⁰. Ее получали из личинок, живущих на дереве местной породы. Личинок собирали, подогревали на огне, а выделяющуюся при этом массу собирали на лист кукурузы и заворачивали. Ахин использовали и как медицинское средство: он долго сохранял тепло, поэтому путники мазали им ноги, чтобы уберечься от холода, а также чтобы кожа на них не трескалась; мазали губы, чтобы они не обветривались и не трескались; при подагре на больное место клали либо чистый ахин, либо смеси с особой травой (ацт. *colotzicaztli*) [351, т. 3, с. 152].

Краски растительного происхождения гораздо многочисленнее и разнообразнее, а некоторыми из них продолжают пользоваться до сих пор. Один из раннеколониальных авторов писал, что краски индейцы делали также из цветов (лепестков и пыльцы) и когда художник хотел очистить кисть, то просто облизывал ее [305, с. 86]. Из тропических районов доставляли хорошую желтую краску (ацт. *xochipalli*), получаемую из особых цветов и называвшуюся «краска из желтых цветов» [351, т. 3, с. 342]. Из «голубых цветов» получали синюю и голубую краску (ацт. *matlalli*) [351, т. 3, с. 342], а также светло-голубую (ацт. *texotli* или *хоquic*); в такой цвет любили красить одежды [351, т. 3, с. 343]. Для ее получения из тропического растения, называвшегося по-ацтекски *xiuhquilitl*, выжимали сок, который затем выпаривали [351, т. 3, с. 343]. Кстати, в медицинских и гигиенических целях жидким кремом, приготовленным из этого растения, смазывали голову [351, т. 3, с. 154 — 155].

Оранжевую краску получали из семян растения, названного в источнике *achiyotl*. Черную краску (ацт. *tlilli*) получали несколькими способами. Чаще всего ее роль исполнял угольный порошок, получавшийся при сжигании сосны, пальмы. Пальмовый краситель (ацт. *tlillicotl*) приготавливали в особом сосуде (ацт. *tlicomalli*). Использовали его не только как краску или чернила, но и как медицинское средство [351, т. 3, с. 343]. Роль черной краски выполнял и каучук (обычно им мазали лица идолов), и размельченная и размоченная в воде древесина дерева, называвшегося по-ацтекски *uitquauitl*. Краситель из нее получался не очень хорошего качества, и его смешивали с квасцами и другими красителями [351, т. 3, с. 342]. Красный краситель извлекали из некоего бразильского дерева, а также получали, сварив вместе с квасцами и другими добавками листья растущего в жарких районах Мексики кустарника, который ацтеки называли *tezoatl* [351, т. 3, с. 342 — 343].

Из красок неорганического, минерального происхождения использовались составы, получаемые из окиси железа, окиси меди [351, т. 3, с. 142], красная охра (ацт. *tlachichilli*), которой обычно мазали свои лица жрецы во время ритуальных действий (этот цвет означал кровь, а также ассоциировался с огнем и солнцем). Она же использовалась для окраски стен, керамики (придавая приятный оттенок и блеск). Использовалась как краска белая (голубая), а также «черная» глина (ацт. *palli*). Желтую краску получали из особого «желтого камня» (ацт. *tezocacahuatl*), ею особенно часто пользовались художники [173, с. 120; 351, т. 3, с. 142, 343, 349].

Во время раскопок в районе Мексиканского залива археологи часто встречают фигурки из глины, сделанные еще 2 тыс. лет тому назад. Их детали акцентированы, подчеркнуты с помощью черной краски. Первые сообщения о ней содержатся в кодексах и документах XVI в., которые называют ее чапопоте (ацт. *charopote*, *charopotle*). Этим словом обозначали битум, который представляет собой сырую нефть, долгое время находившуюся под воздействием воздуха. Это вязкое пахучее вещество проступало в виде прожилок и комков на поверхности земли (например, на песчанике, известняке). В Мексике чапопоте встречался часто, особенно на побережье Мексиканского залива в районе Тамаулипас. Использование его началось по крайней мере с VI в. до н.э.

Индейцы Мексиканского залива, не зная, естественно, причин и условий появления чапопоте, утверждали, что его «выбрасывает на берег большая вода» как «тину» или «грязь». Они считали, что чапопоте — морского происхождения и его выбросы связаны с фазами луны. Во «Флорентийском кодексе», одном из источников работы Б. Саагуна, представлен индейский рисунок, на котором изображен процесс сбора чапопоте: человек с платком, завязанным в узелок, подбирает руками его куски.

Обилие чапопоте на рынке свидетельствует о том, что он широко использовался ацтеками, хотя точно известно, что они не раскрашивали скульптуры, как это делали жители побережья Мексиканского залива. Только один раз упоминается использование чапопоте в ритуальных целях — во время праздника богини плодородия Чикомекоатль [34, с. 335-337; 188, т. 2, с. 61; 351, т. 3, с. 151].

Наиболее разнообразно чапопоте использовался в медицинских целях. У Б. Саагуна приведен длинный и сложный рецепт приготовления согревающего пластыря, применявшегося при мышечных болях, воспалениях, растяжениях и т.п. [34, с. 338; 351, т. 3, с. 339-341]. Смешивая чапопоте с ахином («желтым бальзамом»), получали эластичную пахучую смолу — чикле (ацт. *chicle*), которую жевали почти повсеместно. Она была своего рода зубной пастой — отбеливала, очищала и укрепляла зубы, уничтожала дурной запах изо рта.

Кстати, такое же название имел и «истинный чикле», жвачка растительного происхождения. Она делалась из смолы особого дерева *chicozapote*, растущего в тропической сельве и давшего название самому составу. Индейцы хорошо различали эти два вида жвачек. Так, в то время как ароматическую смолу из чапопоте намазывали на голову во время головной боли, чикле растительное подобным образом никогда не применялось; но растительное чикле использовали как средство от чесотки. Другой медицинский эффект, приписываемый чикле из чапопоте, — способность вылечивать насморк, от которого, надо сказать, многие страдали в нездоровом климате озерного Теночтитлана. Использовали его и как успокоительное средство⁵¹.

Иногда чикле намазывались для того, чтобы привлечь к себе внимание. Правда, это делали чаще проститутки, реже незамужние девушки, но замужние женщины и вдовы никогда не пользовались чикле публично. Если мужчина намазывался чикле и выходил на народ, то о нем складывалась дурная слава (полового извращения, нечистоплотного человека и т.п.). Использовали чапопоте и в качестве смягчающего средства при курении табака. Изготовители продавцы табака создавали смесь, которая включала различные сорта табака, ароматические растительные добавки (в том числе и лепестков цветов), ваниль, а также особые корни и грибы, обладающие наркотическими свойствами. Эту смесь курили в целях приобретения душевного спокойствия и вызывания приятных ощущений. Чапопоте использовали и в ремесле: так, мозаика прикреплялась к основе с его помощью [34, с. 340-342; 104, с. 180; 351, т. 3, с. 151-153, 342]. Чапопоте смешивали с копалом, поджигали и окуривали образа богов, полагая, что запах дыма им приятен.

Выше уже упоминалось, что обычным явлением было смешивание красок для получения самых разных оттенков. Например, когда в кошениль добавляли немного голубой глины или кукурузной муки, то получали уже несколько смягченный, а не темно-малиновый оригинальный цвет; этот цвет назывался «пепельная кошениль» (ацт. *tlapalnexli*). Известна была «фальшивая кошениль» (когда в нее добавляли высушенные и истолченные листья кактуса-опунции), изготовление ее считалось надувательством [351, т. 3, с. 342]. «Желтый бальзам» (ахин) в смеси с растительным чикле давал состав цвета киновари, имевший собственное название (ацт. *tzictli*); иногда к нему добавляли охру [351, т. 3, с. 342]. Вообще же любимыми цветами у индейцев были желтый и голубой [305, с. 86].

Краски продавали сухими, жидкими, а также в виде лепешек или мелков, которые можно было использовать как карандаш. Так, мелок из краски желтого цвета назывался «тесто из желтых цветов» [351, т. 3, с. 142, 342].

Производство красителей было поставлено на широкую ногу; ими не просто торговали, это было занятием специальных торговцев (ацт. *chquipantlacatl*) [351, т. 3, кн. 10, гл. 21].

Интенсивная военная деятельность государства требовала большого количества оружия, поэтому производство его было важным видом ремесла. Надо иметь в виду, что особенностью ацтекского оружия было то, что оно предназначалось главным образом для самозащиты, а также для взятия врага в плен, а не его убийства в бою [212, т. 4, с. 132]. При изготовлении как защитного, так и наступательного оружия использовались дерево, кожа, ткани, вата, перья, золото, серебро, медь.

Колоще-режущую функцию выполняли камень и кость [152, с. 373; 212, т. 3, с. 218]. При изготовлении оружия широко использовали разнообразные клеи. Иногда мастера добавляли в клей (например, *sacotle*) кровь наземных животных и птиц, а также песок (ацт. *teuxale* — особо прочный по структуре, «жесткий, как алмаз»). Такой клей приклеивал «навечно», и оружие при ударе не рассыпалось и не портилось; им прикрепляли друг к другу все детали оружия [212, т. 2, с. 217-218].

К наступательному оружию у ацтеков относились:

длинное деревянное копье (ацт. *tepuztopilli*) с обсидиановым или медным наконечником;
короткое копье, дротик (ацт. *tlacochtli*) с таким же наконечником, которое метали при помощи специального приспособления (ацт. *atlatl*);
дротик-трезубец (ацт. *tlatzontectli*);
палаши, палица (ацт. *macuahuitl*), наиболее распространенный вид оружия, известный чаще под названием «макана» (слово из языка таино). Он представлял собой гладкий кусок дерева толщиной в три пальца, в верхней, более широкой части которого с двух сторон в бороздки вставлялись обсидиановые лезвия; был и родственный ему вид оружия, в котором лезвия вставлялись не с двух, а с четырех сторон (ацт. *macuahuitzoctli*);
лук (ацт. *tlahuitolli*) с тетивой из сухожилий животных;
стрелы (ацт. *mitl*, *tziuaquimitl*) с наконечниками из обсидиана, кремния, животных или рыбьих костей, хранившиеся обычно в колчане (ацт. *matlauacakki*);
праца (ацт. *tematlatl*);
деревянная дубинка (ацт. *cuauhololli*).

Защитное снаряжение воина составляли:

щит (ацт. *chimalli*) круглой или овальной формы; его делали из бамбука, который подбивали хлопком, покрывали кожей, черепаховыми панцирями, украшали медными, золотыми или серебряными деталями, драгоценными камнями, перьями в соответствии с рангом Владельца и по его желанию. Испанцы сообщали, что некоторые из щитов были столь прочными, что их не пробивал даже выстрел из арбалета, индейские же стрелы были перед ними бессильны;
латы (ацт. *ichcahuipilli*), которые представляли собой подбитую толстым слоем хлопка (в 1,5-2 пальца) рубаху (своего рода ватник); она защищала владельца от копий, стрел, камней. Латы также украшали в зависимости от заслуг владельца перьями и драгоценностями;
одеяние типа туники (ацт. *ehuatl*), длина которого зависела от ранга и социальной принадлежности воина: у простолюдина она была выше колен, у знатных — ниже; рядовым воинам разрешалось носить длинные только в том случае, если необходимо было скрыть следы ран, шрамы;
защитная накидка-плащ из волокон агавы, ее замачивали в жидком маисовом тесте и затем высушивали, отчего она приобретала золотистый цвет и, что самое главное, деревенела, превращаясь в своего рода разновидность панциря;
защитные пластины на ноги (ацт. *cozehuatl*), которые делали из кожи, украшая золотом, серебром, драгоценными камнями и перьями;
шлемы из бамбука или иной древесины, украшаемые столь же богато; их делали в виде голов змей, волков, ягуаров и пр.;
картину завершали специальные знаки отличия воинов, которые прикреплялись к спине: *деревянная палка, жердь, украшенная перьями, лентами* и пр.; они были довольно громоздкими, и поэтому их чаще одевали во время ритуальных церемоний (как, кстати, и шлемы), чем во время боя (см. рис. 51, 66, 67, 70) [14, т. 1, с. 112-113, 143; 36, с. 39, 42; 182, с. 121; 235, с. 156; 298, с. 251; 351, т. 3, с. 81, 134-135, 139-140; 377, с. 156-157].

Мастера-оружейники делали и специальные чучела (из дерева, иногда из камня), необходимые для тренировки воинов [173, с. 152]. Оружие и иные воинские принадлежности были предметом купли-продажи [212, т. 3, с. 232].

О снаряжении ацтекских воинов мы знаем только благодаря рисункам в пиктографических рукописях и сообщениям первых европейцев. Все, что содержало золото, серебро, драгоценные камни, безвозвратно погибло. В музеях Мексики, США, Европы сохранились лишь дротики для метательных дощечек [377, с. 156].

Огромную роль в обрядах и ритуальных церемониях, в том числе связанных с военным делом, играли музыкальные инструменты. Для их изготовления использовались традиционные материалы — дерево, кожа. Больше всего было, видимо, барабанов (ацт. *teponaztli*), которые выдалбливали из цельного куска дерева (особенно выделялось в этом отношении дерево, называвшееся в источниках *tlacuiloacuahuatl* — «сияющее» [118, с. 59-60; 351, т. 3, § 3, с. 285]). Есть упоминание и о большом вертикальном барабане (ацт. *huehuetl*), обтянутом кожей гигантской змеи [14, т. 1, с. 150]; в других случаях кожа могла быть и от других животных. Роль ударных инструментов выполняли и панцири морских черепах. Из них же, а также из различных костей делали трещотки. Тотонаки из Сампоалы (побережье Мексиканского залива) поставляли такие панцири, а также морские раковины, выполнявшие роль духовых инструментов. Широко распространены были глиняные флейты [173, с. 114, 212; 377, с. 157]. Использовали в обрядовых действиях и металлические бубенчики.

И последнее, на чем, вероятно, нужно остановиться, — это приемы получения огня. Его добывали как с помощью кремня, так и путем трения друг о друга двух палок (см., например, рис. 9, 27).

Представленная картина развития ремесла, думается, дает наглядное представление как о достижениях, так и слабостях этого вида производительной деятельности в древней Мексике. Конечно, отсутствие колеса и гончарного круга — серьезный тормоз на пути прогресса ремесла, а значит, и производительных сил общества в целом. Но подобно тому как в древнемексиканском земледелии отсутствие более совершенных орудий труда возмещалось активным развитием и применением наиболее передовых приемов аграрной технологии (использование системы чинамп, удобрений в виде ила, тины, перегнивших корней и стеблей огородных и полевых растений), в ремесле такое отставание компенсировалось высокой для древнего общества концентрацией рабочей силы. Действительно, с ремеслом в той или иной степени (т.е. полностью или частично) было связано почти все население государства.

Некоторые виды ремесленных занятий (производство бумаги, изготовление изделий из перьев, описание кодексов, которое не вполне является ремеслом, хотя и им тоже) зачали с приходом европейцев.

Торговля

Один из очевидцев и непосредственных участников покорения ацтекского государства, испанский конкистадор, солдат армии Э. Кортеса Б. Диас, впервые оказавшись вместе с другими европейцами на главном рынке Теночтитлана, располагавшемся в городском районе Тлателолко, был потрясен и изумлен увиденным: «Сильно мы удивились... громадной массе народа и неслыханным грудам всякого товара и удивительному порядку... Некоторые из нас, побывавшие в Константинополе и даже исходившие всю Италию, уверяли, что нигде они не встречали столь большого и добро устроенного рынка» [14, т. 1, с. 146 — 149] (см. рис. 54).

Информация Б. Диаса — отнюдь не единственная: разнообразные источники испанского и индейского происхождения, данные архивов содержат многочисленные упоминания об ацтекских рынках, которые индейцы называли *tianquiztli*, а европейские авторы *tianquiz* («рынок»). Один из раннеколониальных авторов Т. Мотолиния писал, что если бы индейца спросить, что для него важнее и предпочтительнее — оказаться в раю или на рынке, — то он несомненно высказался бы за последний [305, с. 170]. И тем не менее вопрос о характере и роли торговли у ацтеков является предметом жарких споров в историографии. В ходе полемики высказываются прямо противоположные мнения. Это вполне понятно, ибо ответ на вопрос о степени развития торговли во многом обуславливает определение стадии, достигнутой древнеацтекским обществом накануне Конкисты.

Согласно взглядам некоторых исследователей, предиспанская торговля играла второстепенную роль в экономической структуре общества. Как известно, рассуждают они, торговля

предполагает среди прочих условий существование реальных излишков продукции, а также посредников, торговцев, обеспечивающих движение товара. По их мнению, уровень развития производства у ацтеков был недостаточным для появления прибавочного продукта. Не было и людей, отделенных от производства и занятых только перепродажей различных изделий и продуктов. Обмен продукцией осуществлялся самими производителями, удовлетворяющими таким образом свои житейские потребности. Более того, утверждают сторонники этой точки зрения, обмениваемые непосредственными производителями предметы и продукты не были, собственно говоря, товаром: они были лишь предметами потребления, потребительной стоимостью. Что касается господствующего класса, то он получал свои основные доходы в виде дани, но никак не через торговлю.

Приверженцы концепции неразвитости торговли в древнеацтекском обществе утверждают также, что она служила лишь для обращения предметов потребления (предметов первой необходимости и предметов роскоши для знати), не затрагивая такие важнейшие элементы всякого производства, как земля и труд. Древнеацтекская торговля, говорят они, должна рассматриваться как неразвитая и потому, что была «политически направляема», иными словами, находилась под жестким контролем государства. Доказательство последнего, по их мнению, состоит в том, что государство (в лице правителя или власти на местах) получало торговую пошлину, стремилось фиксировать цены, запрещало торговлю вне установленных мест и т.п.

Стремясь доказать отсутствие развитой торговли, сторонники данного взгляда используют в своих построениях, как ни странно, факт интенсивной урбанизации ацтекского общества накануне прихода испанцев. Если даже торговый обмен и был, говорят они, то он являлся лишь обменом дани, получаемой ацтекским городским населением от покоренных территорий, на продукты питания у сельского населения, а не обменом товарами между группами производителей. Вступая в некоторое противоречие с собственными же утверждениями, эти исследователи полагают, что главная цель древнеацтекской торговли, ее назначение состояли в том, чтобы обеспечить существование, функционирование административных центров государства, прежде всего Теночтитлана, ибо в связи с непрерывными завоеваниями активизировался процесс урбанизации общества, приведшей к тому, что в городе сосредоточилась основная масса военных, не занимавшихся, естественно, производительным трудом [76, с. 73-94; 77, с. 460, 466; 102, с. 27, 32, 54, 56; 189, с. 95-96].

Закономерно возникает вопрос: разве сама по себе урбанизация (разумеется, в масштабах и формах, свойственных древнему обществу) не обуславливает необходимость торговли? Вызывает недоумение также утверждение о неразвитости, вторичности торговли на том основании, что понятие «древнеацтекский рынок» можно употреблять только в смысле «рынок сырья и ремесленных изделий» [102, с. 54]. Но разве не в обеспечении продовольствием, сырьем и ремесленными изделиями состоит одна из задач торговли? Не случайно изложенные выше взгляды на сущность и характер торговли в древнеацтекском обществе встретили резкое возражение подавляющего большинства современных исследователей. В результате один из наиболее активных сторонников идеи неразвитости торговли был вынужден уточнить, что само существование торговли не отрицается, но лишь подчеркивается ее «неинтегрированность» в экономическую структуру общества [104, с. 64]. Надо полагать, что под «неинтегрированностью» следует понимать, что торговля была чем-то не основным, не имеющим решающего значения.

Уязвимость с теоретической точки зрения таких рассуждений очевидна, поэтому неудивительно, что наибольшее число сторонников имеет другой подход, при котором те же самые явления, что предыдущей группой исследователей тракуются как доказательство неразвитости торговли, получают диаметрально противоположную оценку. По их мнению, древнеацтекская торговля представляла собой высокоразвитый и сложный институт, сыгравший решающую роль в увеличении численности населения Мексиканской долины. Ацтекское общество, как высоко урбанизированное, очень зависело от активности обмена, ибо иного пути для удовлетворения потребностей населения не было. Известно, утверждают сторонники этой точки зрения, что городское население, например Теночтитлана, занималось лишь отчасти сельскохозяйственным производством, следовательно, система обеспечения города (уж по крайней мере продуктами питания) сильно зависела от торговли с другими городами и народами. Поэтому, считают они, ошибкой является акцентирование внимания при анализе торговли исключительно на предметах роскоши, ибо таким

образом умяляются масштабы торговли, ее обычность, обыденность. Развитие различных сфер производства делало неизбежным появление разнообразных товаров. Словом, заключают эти исследователи, торговля играла роль главного механизма по обмену, перераспределению всех видов продукции [57, с. 77; 90, с. 98-99; 162, с. 137; 235, с. 63-64; 246, с. 305; 257, с. 24; 274, с. 704; 302, с. 73-77; 313, с. 43, 49-50; 363, с. 110, 112]; и вообще, имело место в полном смысле слова третье общественное разделение труда [350, с. 177; 358, с. 36-41].

По нашему мнению, несмотря на некоторые крайности, например, представления об ацтекской торговле как о развитом институте, чуть ли не вытеснившим натуральное хозяйство, вторая точка зрения ближе к истине, что мы и постараемся показать ниже. С этой целью следует обратиться прежде всего к вопросу о том, что и каким образом стимулировало развитие в Тройственном союзе торговли.

Свою роль сыграло прежде всего объективное усложнение самой экономической структуры древнеацтекского общества, развитие проразделения труда. Многочисленные источники подтверждают, имел место переход к большей специализации в сельском хозяйстве и ремесле, а это делало необходимой торговлю. Так, в одном из раннеколониальных источников, опираясь на информацию доиспанского происхождения, сообщалось, что в «прохладных» районах Мексиканского нагорья хлопок не рос, однако именно там делали прекрасные ткани из сырья, доставляемого из низменных, главным образом прибрежных районов [409, с. 199]. Другой пример — амантеки, изготовители разнообразных изделий из перьев: они работали на материале, доставляемом купцами с юга, из тропиков. В свою очередь, изделия амантеков поступали затем как на внешний, так и на внутренний рынок, обслуживаемый все теми же купцами. Иными словами, была необходимость в торговце как посреднике-поставщике.

Этот капитальный политэкономический момент дополнялся другими, связанными с местной конкретикой, но достаточно важными. Дело в том, что дань, получаемая Теночтитланом, не обеспечивала всех потребностей, порожденных активными процессами урбанизации, которые подрывали основу натурального самообеспечения разными видами продуктов и сырья. Поэтому наряду с военным захватом, грабежом, а потом и систематической данью все большую роль в древнеацтекском обществе играла торговля, особенно к концу XV в. В эпоху, непосредственно предшествующую испанскому завоеванию, в города каждый день поступало большое количество продуктов питания, ремесленных изделий, разнообразного сырья. Согласно одним подсчетам, поставки в счет дани в то время могли обеспечить существование только около 50 тыс. человек, т.е. примерно 1/3 – 1/4 всех жителей Теночтитлана [90, с. 100]. Согласно другим, 150 — 200 тыс. жителей столицы (если принять такую численность населения города) приблизительно 40% необходимых продуктов получали через рынок, а остальное — за счет налогов и дани [363, с. 110-111]. Причем понятно, что подобное соотношение могло быть только в Теночтитлане, центре сосредоточения знати и военных, на долю которых и приходилась основная часть дани с покоренных районов. Даже во втором по значению городе — Тескоко — лишь 10% жителей, или около 20 тыс. человек, могли жить за счет дани [314, с. 18].

Отчасти проясняют ситуацию с торговлей и данные, содержащиеся в «Кодексе Мендосы». Согласно им, только 35% поступлений продукции (5580 т) в Теночтитлан представляли собой дань из внутренних районов Мексиканской долины, тогда как 65% (10 420 т) доставлялись из провинций, расположенных вне Мексиканской долины [137, т. 3, с. 42-48].

Таким образом, очевидно, во-первых, что без торговли было невозможно решить проблему обеспечения всем необходимым население Мексиканской долины, где, по некоторым подсчетам, было сосредоточено до 2 млн. человек. Во-вторых, в пределах долины, бывшей центром ацтекского государства, торговый обмен преобладал над сбором дани, в то время как в связях с отдаленными районами их роли менялись.

Необходимость обмена стимулировалась и потребностями двора ацтекского правителя. Поскольку в Теночтитлан в виде дани поступало иногда не все, что требовалось, или по крайней мере не в достаточном количестве, тлатоани отправлял своих агентов-торговцев обменивать излишки на необходимое двору. Чаще всего такие торговые экспедиции предпринимались в районы Гватемалы, где можно было приобрести различные экзотические товары — перья редких птиц, драгоценные камни и т.д.

Как видим, отношения дани и торговля не исключали друг друга. Более того, необходимость выплаты определенных видов дани, налагаемой на покоренные народы, даже стимулировала развитие торговли. Конечно, как правило, ацтеки требовали дань в виде предметов и продуктов, которые либо производились, либо произрастали на завоеванных землях. Однако к моменту Конкисты в связи с усложнением потребностей завоевателей состав дани становился все более широким и разнообразным, что вынуждало подконтрольное ацтекам население обращаться к рынку, чтобы обменивать свою продукцию на требуемое Теночтитланом. Подчас для этого требовалось налаживать торговые связи с достаточно отдаленными районами. Например, жителям Испатепека приходилось проходить более 140 км, чтобы выменять золотой песок, нефрит; из Тонамека, располагавшегося в низменных, восточных районах ацтекского государства, нужно было отправляться на нагорье специально для того, чтобы купить одежду и недостающее зерно, которые затем в своем региональном центре — г. Тототеке передавались ацтекам в виде дани; то же самое делали жители Пошутлы, обменивая свою медь на хлопок и т.п. [57, с. 79-80; 70, с. 389; 162, с. 137].

Впрочем, по-другому и быть не могло. Традиции торгового обмена как вида хозяйственной деятельности были заложены и развиты задолго до ацтеков, в системе общественной жизни предшествующих высоких цивилизаций; ацтеки только подхватили и продолжили их.

Как и многие явления в жизни древнеацтекского общества, торговля имела свои этапы развития. К сожалению, сведения об этом фрагментарны, и полной картиной мы не располагаем. Известно, что при первом тлатоани, Акамапичтли, особенно активно был организован обмен между этнически родственными городами Теночтитланом и Тлателолько. Тогда это были независимые друг от друга и даже соперничающие центры, оба находившиеся под властью Аскапотсалько [173, гл. 6].

Определенные успехи в области торгового обмена связаны с именем второго тлатоани, Уитсилиуитля. Есть сообщения, что при нем в Теночтитлан приходили купцы с товаром (хлопком, какао-бобами, тропическими плодами) уже из районов, располагавшихся вне Мексиканской долины, в частности, с территории несколько южнее ее, где располагается ныне штат Морелос [173, с. 74]; хлопок доставляли из еще более южного Куаунауака. Хотя есть мнение, что к концу правления Уитсилиуитля основная масса продуктов питания поступала уже через рынок [90, с. 100], к нему нужно отнестись скептически; ацтеки по-прежнему находились в зависимости от Аскапотсалько, а зависимое положение Теночтитлана диктовало, видимо, практику самообеспечения продуктами питания.

До освобождения от власти Аскапотсалько у ацтеков не было и профессиональных торговцев. Однако с эпохи четвертого тлатоани, Итцкоатля, когда они добились независимости и, образовав Тройственный союз вместе с Тескоко и Тлакопаном, начали свои завоевания, появляются и зачатки организованной государственной коммерции. В связи с активным процессом социального расслоения возник спрос на предметы роскоши, украшения. Огромное значение имело и подчинение г. Аскапотсалько, бывшего владыки долины, с его знаменитым рынком работорговли. При Итцкоатле был присоединен и Шочимилько, важнейший район чинампового земледелия во всей Мексиканской долине, что сыграло положительную роль в обеспечении Теночтитлана продуктами питания, которые, естественно, поступали и на рынок.

При Мотекусоме I Старшем был завоеван район Чалько-Амекамекан, входивший вместе с Шочимилько в чинамповую зону Мексиканской долины и также славившийся рынком [173, с. 91-98; 212, т. 4, с. 114]. По сути, Чалько и Шочимилько стали «большим огородом» ацтекской столицы, обеспечивая ее продуктами, в том числе и через рынок.

Огромное значение для развития торговли имел захват при Мотекусоме I Куэтлаштли (Куиштлиауака, как позже называли его испанцы) одного из городов независимой миштекской конфедерации на территории современного штата Оахака. Это был город-государство с крупным рынком, бывший важнейшим пунктом на пути как в остальные районы Оахаки, так и далее на юго-восток в сторону Гватемалы. Область нынешнего штата Оахака (соседнего Герреро также) была известна своими запасами золота, поэтому начатое при Мотекусоме I их завоевание имело большое значение для развития торговли.

При преемнике Мотекусома I, шестом тлатоани Ашайакатле, Тлателолько стал одним из городских районов Теночтитлана, а его знаменитый рынок, так поразивший Б. Диаса, перешел полностью под контроль тлатоани и государственной власти.

При Ауитсотле была окончательно покорена Оахака, откуда кроме золота вывозили и бесценную кошениль. Завоевание открыло дорогу в Теуантепек, а через последний — прямой доступ в Гватемалу. Последнее, очень важное с точки зрения развития торговли завоевание Ауитсотля связано с районом Соконуско. Достаточно отдаленный от Теночтитлана, этот регион к моменту Конкисты превратился в важнейший пункт международной торговли ацтеков на крайнем юге.

Девятому, последнему из доиспанских ацтекских тлатоани Мотекусоме II приписывается покорение Кетсальтепека, где ацтекские торговцы получали особый песок, используемый при обработке камня, индустрии первостепенного значения в хозяйстве доиспанского периода.

Словом, ацтекские завоевания имели своим следствием не только расширение территории государства, но и одновременно с этим упрочение позиций торговли и обмена, чрезвычайно важных для их экономики.

В структуре древнеацтекской торговли можно выделить внутренний и внешний, государственный и частный, мелкий и крупный товарообмен; разнообразным был и список товаров, имевший хождение на рынке.

Как и в других обществах, в ацтекском сложилась система профессиональной торговли, носителями которой были почтеки (ацт. *rochteca*), купцы. Мелкой профессиональной торговлей (ацт. *tlanescuilo*) обычно занимались бродячие торговцы-почтеки, обслуживавшие рядовых жителей [102, с. 57; 351, т. 3, с. 24, с. 149, 154]. В отличие от них крупные профессиональные торговцы, занятые по преимуществу отдаленной внешней торговлей, находились на службе у тлатоани, являясь, по сути, царскими торговыми агентами, подобными, например, древневавилонским тамкарам. Почтеки, как царские торговые агенты, получали товары со складов тлатоани, с тем чтобы продать или обменять их в далеких краях. Более того, их служба приравнивалась к военной, поскольку, отправляясь в торговую экспедицию, они выполняли функции разведчиков, изучавших общественную ситуацию, дороги и т.п. Их также называли остомеки (ацт. *oztomeca*). Убийство остомеков (см. рис. 56) считалось достаточным поводом для начала войны. Однако, как и, например, в гомеровской Греции, в ацтекском государстве сама торговля нередко сочеталась с грабежом и разбоем: не только купеческие караваны были объектом нападения, но при удобном случае сами почтеки могли совершить разбой, ограбление, кражу людей и т.п., что было, по сути, законом той эпохи [351, т. 3, с. 20-21, 28, 30-32].

В торговую экспедицию обычно отправлялись ночью от дома старшего по экспедиции. Груз несли на специальных приспособлениях, носилках-какаштле (ацт. *sacaxtle*) (см. рис. 58)⁵². Хлопок, маис и другие товары переносили в петлакалли (ацт. *petlacalli*) — особых тюках, коробах, сделанных из тростника, покрытого шкурами, что защищало товар как от солнца, так и от дождя. Вес груза тщательно рассчитывали, чтобы донести его, не выбившись из сил. Обычно он не превышал 2 арроб (около 23 кг), но порой достигал и 50 кг, если нести его было нужно на небольшое расстояние. Из-за отсутствия вьючных животных и колесного транспорта в экспедициях должны были принимать участие достаточно большое число носильщиков (см. рис. 59). Тамеме, тламеме (ацт. *tameme*, *tlameme*) — профессиональные носильщики — занимали самые низшие ступени социальной лестницы. Роль носильщиков выполняли иногда и рабы. Для переноски грузов использовали особое приспособление — мекапал (ацт. *tescapal*), крепившееся на лбу (см. рис. 50, 59). Труд носильщиков был очень тяжелым. Караваны за день преодолевали около 5 лиг (1 кастильская лига = 5,5 км), общая же дальность пути доходила до 100 лиг. На озерах — главных транспортных артериях Мексиканской долины — использовались лодки-каное (см. рис. 57), грузы на них доставлялись неизмеримо быстрее, чем с помощью носильщиков [118, с. 110; 121, с. 136 — 137; 274, с. 706, 708; 351, т. 3, с. 45].

Чем больше людей собиралось в торговой экспедиции, тем более безопасным был путь. Поэтому часто в нее вливались и другие группы почтеков, даже торговцы-одиночки, что позволяет говорить о большой пестроте купеческого каравана. В наиболее опасных местах, например приграничных районах, стояли ацтекские гарнизоны, гарантировавшие безопасность торговли. Иногда члены торговой экспедиции защищались и сами. Так, проходя по особо опасным участкам пути, они не только вооружались сами, но и рабам давали средства защиты. Однако чаще, дабы избежать лишних недоразумений и столкновений, проходя по чужой территории, почтеки загодя сообщали, что идут с миром, по торговым делам [116, с. 175 — 178; 305, с. 100; 351, т. 3, с. 28].

Торговые операции, осуществляемые остомеками, были двух видов. В одном случае, бывшем своего рода пережитком древнего обычая обмена подарками между вождями, торговцы, достигнув

пункта назначения, выкладывали перед местным правителем то, что ими получено со складов тлатоани. Так было, например, при торговом обмене между Теночтитланом и Шикаланко при тлатоани Ауитсотле. Торговцы из Теночтитлана предложили тогда правителю Шикаланко ремесленные изделия (золотые вещи, дорогие одежды), получив для тлатоани за них взамен драгоценные камни, перья тропических птиц, морские раковины, панцири морских черепах, шкуры диких животных, какао-бобы и др. Тем самым остомеки в полной мере выполнили роль торговых агентов тлатоани. Доставили они в Шикаланко и товары для простых людей: обсидиановые и медные серьги, кремневые ножи, тыквенные сосуды, кошениль, иглы, пух и шкуры кроликов, душистые травы и пр. Продавались ими и рабы [102, с. 59-60; 351, т. 3, с. 28 — 29]. Разумеется, часть доставленных остомеками товаров принадлежала им самим; иными словами, они, как и тамкары в древнем Вавилоне, совмещали государственную и частную коммерцию. Возвратившись из торговой экспедиции, остомеки давали полный отчет тлатоани.

О результатах экспедиции докладывали они и руководителям купеческих «гильдий», что чрезвычайно важно для характеристики степени развития древнеацтекской торговли. В источниках упоминаются города Мексиканской долины, где были ассоциации («гильдии», точнее, кастовые группы) профессиональных торговцев. Видимо, именно они и считались самыми крупными торговыми центрами — Теночтитлан, Тлателолько, Тескоко, Коатлинчан, Чалько, Остоман, Уитсилопочко, Мишкоак, Аскапотсалько, Тлакопан, Куаутитлан. В торговле, по-видимому, сказывалось влияние организационной структуры Тройственного союза. Так, под контролем Теночтитлана находилось пять городов, в четырех главенствовал Тескоко, три контролировал Тлакопан. Почтеки пяти городов — Теночтитлана, Тлателолько, Аскапотсалько, Куаутитлана и Уитсилопочко — имели право вести внешнюю торговлю (последние три — под контролем Теночтитлана и Тлателолько).

Впрочем, взаимоотношения и соподчиненность этих городов были, видимо, сложнее и запутаннее. Так, Теночтитлан и Тлателолько имели монополию на торговлю тропическими продуктами с Атлантического и Тихоокеанского побережий, для остальных же трех городов внешнеторговый оборот был ограничен прочими товарными статьями. Кроме того, такие центры, как Аскапотсалько и Куаутитлан, имели исключительное право содержать рынки работорговли [57, с. 82; 351, т. 3, с. 28-33; 410, с. 3-4].

Как бы то ни было, к моменту испанского завоевания ацтекская продукция распространилась по всей территории Центральной Мексики, контролируемой Теночтитланом и его союзниками. Во внешней же торговле явственно просматривались направления как приоритетные, так и менее предпочтительные, как, например, северо-запад. Последнее объяснялось тем, что у западных границ ацтекам противостоял их самый мощный враг — тараски Мичоакана. Едва ли такое соседство могло способствовать систематической взаимовыгодной торговле, хотя отнюдь не исключало ее.

Основным же направлением внешних торговых связей считалось южное и юго-восточное. На побережье Мексиканского залива важным пунктом международной торговли был Шикаланко. Отсюда поступали на древнеацтекский рынок какао-бобы, перья тропических и др. Хотя к моменту Конкисты в Шикаланко и отмечались признаки некоторого доминирования ацтеков (там стоял их воинский отряд, населением использовался язык науа), тем не менее район остался в значительной степени нейтральным, являясь своего рода порто-франко в древнемексиканском мире. Наряду с Шикаланко значительную роль в торговле ацтеков с майя играл Соконуско (Анауака Айотлан) на Тихоокеанском побережье. Он был покорен при Ауитсотле и в сравнении с Шикаланко считался, так сказать, более ацтекизированным. Во внутренних областях п-ова Юкатан столь же важным в плане торговли был район Акалан. Имели определенное значение и другие пункты международной торговли южного и юго-восточного направления⁵³.

Начальным пунктом торговых путей так или иначе был Теночтитлан. С ним был связан г. Чиконаутла — важный порт на северо-восточном побережье оз. Тескоко. Через него шла важная дорога из столицы в долину Теотиуакана и далее на восток и юго-восток. Из архивных источников известно, что древний торговый путь между Чиконаутлой и Теночтитланом существовал некоторое время и после испанского завоевания, правда, тогда уже использовался колесный транспорт, поскольку уровень воды в озерах значительно понизился. Основным перевалочным пунктом на пути в центры южной торговли был г. Точтепек (совр. Тучтепек в штате Оахака). После него пути торговых

караванов расходились: одни шли на Тихоокеанское побережье в Соконуско, другие — на Атлантическое в Шикаланко. По-видимому, Соконуско имел связь только с Точтепеком, в то время как остальные центры были связаны и друг с другом [121, с. 135 — 138; 351, т. 2, гл. 2, т. 3, с. 28]. Кстати, после Точтепека торговые караваны превращались в полном смысле слова в военные экспедиции, ибо дальнейший путь был небезопасен. Объяснялось это значительной размытостью юго-восточных и юго-западных границ ацтекского государства (не в пример западным, где линия противостояния тарасков Мичоакана и ацтеков была довольно четкой). Из-за постоянной агрессивности ацтеков партнеры почтеков по внешней торговле всегда с большим опасением относились к их появлению: как правило, за мирным проникновением ацтеков следовало военное подчинение. Поэтому почтекам запрещалось, например, появляться на территории майя, кроме названных выше пунктов международной торговли. Правда, так же поступали и ацтеки, которые не раз вели войны для защиты центров торговли от нападения, жестоко наказывали соседей за разграбление караванов (см. рис. 70).

По мнению ряда исследователей, захватническая направленность ацтекской внешней политики делала невозможным регулярный торговый обмен между Теночтитланом и независимыми городами-государствами Чолула, Тлашкала и Уэшотцинко, представлявшими собой фактически анклав, со всех сторон окруженные территорией Тройственного союза. Это утверждение справедливо лишь отчасти, поскольку отсутствие систематической торговли между ними не означало, что ее не было вообще. Напротив, из Тлашкалы, например, поступали в Тлателолько маис и особенно кошениль, которая считалась лучшей во всей древней Мексике. Между прочим, сама Тлашкала славилась знаменитым рынком (в Осетелолко)⁵⁴.

Что касается структуры внешней торговли в целом, то из экспортируемых ацтеками товаров чаще всего называются рабы (мужчины, женщины, дети), богатые мужские и женские одежды (редко упоминается одежда для простолюдинов), украшения из золота, драгоценных камней, кожа, кроличьи шкурки, медные бубенчики, медные и обсидиановые украшения, иглы, гребни, ножи, охра, кошениль, тыквенные сосуды и др. Наиболее часто упоминаемые ввозимые товары — яркие перья тропических птиц, драгоценные камни, какао-бобы, шкуры редких хищников и др. Таким образом, в противоположность экспорту импортировали главным образом сырье или по крайней мере старались это делать. Важную роль в ацтекском хозяйстве играло золото. То, что оно не часто упоминается, когда речь идет о ввозе, объясняется, видимо, тем, что оно имело обращение преимущественно на внутреннем рынке; извне же оно поступало в виде дани — ацтеки ходили за ним до Коста-Рики [102, с. 59; 121, с. 125-126; 351, т. 3, с. 30-32].

В то время как во внешней торговле господствовали «гильдии» (по существу, кастовые группы) почтеков, во внутренней самыми многочисленными были непрофессиональные торговцы. Мелкая местная торговля у ацтеков не отличалась от того, что имело место в других древних обществах. Она велась по преимуществу предметами первой необходимости — продуктами сельскохозяйственного производства, ремесла, охоты и пр. Так, большую часть торгующих на рынке Тлателолько составляли *tlapamacas*, т.е. те, кто сам производил продукцию (чаще в небольшом количестве) [57, с. 84; 102, с. 56 — 58; 351, т. 3, с. 131 — 137; 363, с. 111 — 112]. Торговлей на местах занимались как «очень бедные», так и «очень богатые», т.е. в нее были вовлечены самые различные слои населения [389, т. 4, с. 351]. Среди торгующих на местных рынках больше всего было женщин [212, т. 3, с. 228].

О масштабах в какой-то степени могут свидетельствовать размеры рынков. В Теночтитлане рыночная площадь при первых тлатоанах находилась перед домом правителя, после же покорения Тлателолько главным стал его рынок, тем более что Теночтитлан и Тлателолько разделял только канал [152, с. 392]. Этот рынок, по и описанию раннеколониального автора, был в три раза больше, чем в Саламанке того времени [411, с. 359]. Кроме главного в столице было еще по меньшей мере три крупных рынка, не считая мелких районных [156, с. 72; 274, с. 702; 389, т. 4, с. 345].

В источниках сообщается, видимо с некоторыми преувеличениями, о многолюдности рынков: в Тлателолько ежедневно — до 20 тыс. человек, а в большие рыночные дни — по 40 — 50 тыс. [152, с. 392], 60 тыс. (Э. Кортес) [156, с. 72] или даже 80 тыс. (А. Суасо) [411, с. 359]. Э. Кортес утверждал, что на рынке враждебной ацтекам Тлашкалы бывало до 30 тыс. человек ежедневно [152, с. 45]. Как бы

то ни было, 24 года спустя после испанского завоевания в г. Тепейакак, не самом крупном, во время больших ярмарок одних только кур продавали не менее 8 тыс. штук [130, с. 235].

Серьезным показателем степени развития торговли является и периодичность ярмарок. На самых важных рынках торговля шла ежедневно, например в Теночтитлане (кстати, до 1533 г. рынок там функционировал по правилам доиспанского периода), Тескоко и др. Однако, как правило, наиболее крупная торговля велась раз в пять дней (т.е. четыре раза в течение 20-дневного ацтекского календарного периода), в дни, связанные с календарными знаками «дом», «кролик», «тростник» и «кремень». Поэтому такие рыночные дни назывались «рынок пяти дней» (ацт. *macuilli tianquiztli*) [174, т. 2, с. 179; 305, с. 177; 389, т. 4, с. 351]. В небольших городах крупные ярмарки устраивались раз в 20 дней, т.е. каждый месяц. Наконец, есть сообщение, по нашему мнению наиболее близкое к истине, согласно которому продуктовые рынки бывали ежедневно, а торговля всем остальным шла в определенные дни [212, т. 3, с. 227].

Понятно, что рядовые мелкие производители (земледельцы, ремесленники) не могли ежедневно отвлекаться для торговли, поэтому для нее и выбирались определенные, наиболее подходящие (в том числе и благоприятные с религиозной точки зрения) дни. Чтобы не мешать взаимной торговле, соседние города устраивали рынки в разное время. Кстати, этим обстоятельством эффективно пользовались бродячие торговцы, планируя свою коммерцию [305, с. 177; 389, т. 4, с. 351].

Согласно хроникам, на рынках продавали все — «от золота и до хвороста» для очага [351, т. 2, с. 177]. На рынке Тлателолько продавали более 120 видов разных товаров [174, т. 2, с. 368; 305, с. 88; 351, т. 2, с. 325-327, т. 3, с. 131-157; 384, с. 343], но самую большую выгоду приносила работорговля, поэтому почтеки-работорговцы считались самыми богатыми среди купцов [351, т. 3, с. 131 — 132]. Э. Кортес писал, что на рынках предлагалась в качестве товара и рабочая сила. Имеется в виду практика найма профессиональных носильщиков-тламема, а также женщин — ткачих, прях (которых можно было пригласить в дом для выполнения определенного заказа) [156, с. 73, 76]. В связи с тем, что данное сообщение относится к раннеколониальному времени, мнения исследователей в его оценке разделились: для одних это лишь эпизод [102, с. 32; 104, с. 226], для других — принятая обычная система [90, с. 109]. По нашему мнению, даже если считать такую практику эпизодической, то и тогда она весьма показательна для характеристики степени развития товарно-денежного начала в древнеацтекском обществе.

Об уровне развития торговли говорит и достаточно далеко зашедшая (для древнего общества) специализация в области обмена. Так, самые знаменитые рынки работорговли в пределах Мексиканской долины находились в Аскапотсалько и Исокане. Украшениями из перьев, а также изделиями из драгоценных камней славилась Чолула, Тескоко был знаменит одеждой, тканями, керамикой, Тепейакак — птицей, Аколман — лучшими в долине собачками, которые шли в пищу или использовались в ритуальных целях [174, т. 2, с. 180-181; 351, т. 3, с. 43].

На рынках особые инспекторы, «управляющие рынками» (ацт. *tianquizco teyacanque*), следили за тем, чтобы торговля не выходила за пределы рынка и каждый товар продавался в определенном ряду; правда, некоторыми продуктами питания, например маисом, можно было торговать и вне границ рынка. Эти строгости объяснялись как социальными, так и религиозными причинами. Во-первых, считалось, что рынок находился под покровительством божества торговли Якатекутли, и боязнь лишиться его заставляла выполнять предписанные правила. Во-вторых, торговля вне рынка запрещалась с целью предотвратить продажу краденого. Чиновники, следившие за порядком на рынке, выявляли продававших ворованное и предавали их суду. Специальный рыночный суд находился тут же в одном из помещений и состоял из 10 — 12 судей⁵⁵ — торговых старейшин (ацт. *rochteca tlatoque*). За воровство на рынке наказывали суровее, чем за аналогичные преступления в других местах: чаще всего приговором была смерть. В-третьих, согласно древнему обычаю (и ацтеки здесь не оригинальны), рынок — особое место, где должен соблюдаться закон мира, тем более что его посещали не только свои, но и чужие. Специальные служители в пределах рыночной площади обеспечивали порядок, прибегая к довольно суровым мерам. Так, известен случай, когда были казнены две женщины, устроившие на рынке скандал [152, с. 392-394; 156, с. 73; 212, т. 3, с. 232; 305, с. 179; 351, т. 1, с. 147, т. 2, с. 325, 327; 389, т. 4, с. 348; 411, с. 361]. Неудивительно, что испанцев поражал порядок на рынках.

Согласно религиозной традиции, правилам торговли ацтеков научил бог и культурный герой Кетсалькоатль (в облике бога ветра Экатля и божественного покровителя торговцев Якатекутли). Поэтому торговля на рынке начиналась и заканчивалась по сигналу барабанных ударов, доносившихся из храма [175, с. 134].

Конкистадоров крайне удивило отсутствие у ацтеков денег в привычном для европейцев виде. Более того, когда испанцы давали индейцам монеты, то те первое время их просто выбрасывали. Иными словами, с металлическими деньгами ацтекское общество было незнакомо. Широко был распространен натуральный обмен; кроме того, у ацтеков, как и во всех молодых цивилизациях на ранних стадиях развития, для торговли использовались «естественные» средства обращения, причем в одних случаях предпочитались одни из них, в других — другие.

Примером простого натурального обмена может служить торговля широко используемым там в пищу перцем. Его охотно меняли на тыкву, свежую рыбу и даже перья птиц, причем до начала сбора местного урожая доставляемый из более южных районов, он стоил дороже [274, с. 704-707].

Наиболее распространенным и первым по времени видом товаров, выполнявшим функцию средства обращения, своего рода денег, были бобы какао. В связи с тем, что древние ацтеки пользовались двадцатеричной системой счета, все «денежные единицы» были кратными 20: 20 зерен (ацт. *roualli*), 400 зерен (ацт. *zontli*, т.е. 20 *roualli*), 8000 зерен (ацт. *xiquipilli*, т.е. 20 *zontli*) и, наконец, 24 000 зерен, соответствующих 1 мере (исп. *carga*) или 2 арробам (23 кг). Из крупных единиц наиболее обиходным и чаще упоминаемым в источниках [156, с. 65; 305, с. 85, 176; 389, т. 4, с. 352; 411, с. 381] был *xiquipilli*, что в переводе означает «кошель». И действительно, он изображался в древних и раннеколониальных пиктографических рукописях в виде богато украшенного кошелька.

Удобство таких единиц стоимости состояло в их легкой делимости (на отдельные бобы, что делало этот вид средства обращения широко употребляемым). В раннеколониальных источниках сообщается, что у Мотекусомы II был «Дом какао», своего рода сокровищница и «банк», в котором в маленьких плетеных корзинах, мешках или тыквенных сосудах хранился большой запас бобов какао. Использование их как вида «денег» продолжалось и некоторое время после Конкисты. Так, Э. Кортес брал их в качестве дани, использовал для расчета со своими солдатами, бобы давали даже в качестве подаяния. И все же нет оснований утверждать, что они были универсальным средством обмена. Цены на какао менялись ежегодно в зависимости от урожая. Сравнительно низкая надежность, своего рода «валютная неустойчивость» какао диктовала необходимость использовать и другие «естественные» средства обращения [121, с. 127; 305, с. 85].

Вторым по важности видом индейских средств товарообмена были особые куски хлопковой ткани (см. рис. 55), которые известны по источникам как куачтли (ацт. *cuachtli*, *quachtli*). Их называли также накидками, ибо они использовались и как один из видов одежды. Поскольку до наших дней не дошло ни одного образца куачтли, точный размер их неизвестен. Одни считают, что они были «большие квадратные» [36, с. 39], другие — что прямоугольной формы стандартных размеров (1,67x0,42 м) [196, с. 176, 178]. Как бы то ни было, в Теночтитлане использовались по крайней мере три вида куачтли, которые оценивались в 65, 80, 100 бобов какао⁵⁶. Считалось, что 20 куачтли составляют груз одного носильщика.

Куачтли упоминаются в одном из раннеколониальных сообщений среди житейских наставлений юной супруге: на пять куачтли она на рынке могла купить продукты для еды, соль, топливо и др. У тлатоани были специальные склады куачтли. Если суд накладывал штраф, то рассчитываться приходилось именно куачтли. Еще в 1531 г. дань, выплачиваемая испанцам индейцами, включала в себя куачтли [61, с. 10; 90, с. 110-111; 176, с. 178; 177, с. 107, 116; 305, с. 175-176]. В качестве средства обращения использовалось золото — россыпью или в особых трубках, сделанных из остова птичьего пера; такие прозрачные трубки имели определенные размеры и, следовательно, представляли собой некую стоимостную единицу [14, т. 1, с. 148; 57, с. 85; 121, с. 127; 130, с. 236]. Есть упоминание и о используемых в тех же ценах золотых нитях [305, с. 176]. Однако очень маловероятно, что на маленьких рынках, где торговали предметами повседневного спроса, золото имело хождение.

Сходным образом использовали и некоторые драгоценные камни, например нефрит [176, с. 179].

Роль «денег» выполняли и специфические изделия из меди — бубенчики и особые, T-образной формы предметы, которые одни исследователи считают ритуальными топорами (так называемые ача) [121, с. 127; 130, с. 236; 350, с. 163], другие — «крючками» [235, с. 59]. Они представляли собой тонкие пластинки длиной в 3-4 пальца [305, с. 176; 389, т. 4, с. 352]. Аналогичные предметы были известны еще в тольтекское время (по сообщению источника, они были длиной в 2 пальца и шириной в 1 палец) [227, с. 57]; археологически зафиксированы они у тарасков и сапотеков. Так как характер назначения «ача» у ацтеков неясен, высказывалось предположение, что именно отсутствие возможности их практического применения позволяет рассматривать их как своего рода монеты [178, с. 179].

Наконец, некоторые исследователи не исключают, что мерилom ценности при определенных обстоятельствах могли выступать рабы и дорогие перья тропических птиц [121, с. 127; 350, с. 163]⁵⁷.

Как уже упоминалось, наибольшее хождение на внутреннем рынке (судя по частоте упоминания в источниках) имели куачтли и бобы какао, причем стоимость последних была ниже. Внешняя же торговля, вероятно всего, была по преимуществу меновой.

Цены на товары, как и на любом нормальном рынке, определялись качеством и размерами (объемами) последних; играли свою роль соотношение спроса и предложения, а также и регулирование цен. Последнее, по-видимому, было делом рук самих торговцев-почтеков, стремившихся якобы предотвратить «обман» в процессе купли-продажи. Никаких данных относительно установления каких-то фиксированных цен государственной властью нет. Косвенным показателем того, что торговля при ацтеках достигла достаточно высокого уровня развития, может, по нашему мнению, служить институт торговой пошлины, о взимании которой сообщают многие источники. Так, Э. Кортес писал, что на рынках были особые «хижины», где сидели «чиновники», собиравшие пошлину [156, с. 76] долей товара либо эквивалентом (бобами какао, куачтли). По вопросу о том, кому шли эти платежи, ясности нет: в одних источниках сообщается, что пошлину присваивали себе власти города [174, т. 2, I -с. 180], в других — что она шла на оплату охраны рынка [212, т. 3., с. 232; 389, т. 4, с. 352], в третьих допускается возможность присвоения ее как местными властями, так и государственным аппаратом тлатоани, что скорее всего [156, с. 76]. Последнее мнение разделяют и некоторые исследователи [130, с. 237; 274, с. 704 -705]. Показательно, что особые торговые сборы сохранились и после Конкисты в виде коллективного рыночного налога (ацт. *tianquiztequitl*) [102, с. 55]. Согласно архивным данным, еще в 1577 г. торговцы выплачивали пошлину бобами какао за каждый рыночный день [222, с. 104]⁵⁸.

До нас дошли отрывочные данные относительно цен на товары, какие имели место на древнеацтекском рынке. Как уже говорилось, за 65 — 100 бобов какао можно было купить одну накидку (в зависимости, конечно, от качества); за 1 куачтли — «лодку питьевой воды» или питаться 18 дней. О ценах на продукты питания в доиспанский период можно судить (хотя бы предположительно) на основании архивных данных раннеколониального периода. Так, согласно одному из документов 1545 г., местные испанские судебные власти установили (как это делали до Конкисты почтеки-торговцы) следующую сетку цен на рынке г. Глашкалы (в бобах какао): 1 яйцо индейки — 3, местный зеленый перец — 2 стручка за 1, цыпленок — 15, петух — 20, небольшой кролик — 30 и т.д. [268, с. 211]. Что касается соотношения испанских и индейских денежных эквивалентов, то известно, что самом начале Конкисты *xiquipilli* оценивалось в 4 -5 песо (в местах возделывания какао) [305, с. 85]⁵⁹. Раб, умеющий петь и танцевать (качества чрезвычайно ценимые, поскольку в древнеацтекском ритуале широко использовались пение и танцы), стоил 40 куачтли, не обладающий такими талантами — 30 куачтли; были рабы и дешевле, в пределах 20 куачтли [305, с. 171; 351, т. 3, с. 43 — 44].

Много споров в историографии древнеацтекского общества вызывает вопрос о том, существовала ли торговля землей: подробнее проблему мы уже рассмотрели в соответствующем разделе. Известно, что в древнем мире торговля всегда так или иначе была связана с ростовщичеством. Ацтеки не были исключением. Б. Саагун, чьи данные являются самыми авторитетными и ценными, упоминает менялу, «знающего толк в золоте и серебре» и действующего на рынке [351, т. 3, с. 134]. Эта информация относится к середине XVI в., и, следовательно, речь, возможно, идет об уже европеизированном представителе древнего и рискованного занятия. Однако, как видели, золото использовалось в качестве средства обращения в доиспанский период, поэтому

фигура менялы едва ли была такой уж экзотической на взгляд коренного населения. Б. Саагун пишет, что у ацтеков была распространена практика накопления богатства в виде куачтли [351, т. 1, с. 326] (см. также [90, с. 110-111]. Состоятельные люди могли ссужать куачтли нуждающимся (обычная для древних обществ практика). Поэтому некоторыми авторами высказано предположение о существовании ростовщичества в ацтекском государстве [90, с. 111; 235, с. 85]. Оно не кажется невероятным, тем более что там существовало долговое рабство, вызываемое, наряду с прочим, невозвратом взятых займы куачтли [174, т. 2, с. 183]. Однако что-нибудь более определенное (например, по части процентов на ссуду) сказать трудно.

Был ли высок престиж торговли? Ответить на этот вопрос следует положительно. Из-за полиморфного характера экономики, недостаточной обеспеченности землей всякое занятие, всякий труд был важен для функционирования общества. Не зря в сохранившихся многочисленных сообщениях, касающихся торговли, нет каких бы то ни было следов уничижительной оценки ее как рода занятий. Напротив, насколько можно судить, положение торговца было предметом зависти.

Разумеется, торговый обмен был неодинаково развит в разных районах страны, однако именно он постепенно создавал экономические скрепы, стягивавшие в одно целое завоеванные ацтеками области. С полным основанием можно утверждать, что для ацтеков тенденция прямого и потому самоубийственного по своим последствиям для судьбы государства паразитирования, грубого выкачивания Теночтитланом различных богатств и ресурсов с покоренных народов и территорий не была господствовавшей. В меру возможностей экономических институтов раннеклассового общества, а значит, и с помощью торговли в том числе, здесь строилось обширное государство, стремившееся (пусть не всегда успешно и отнюдь не бескорыстно) привязать народы Центральной и Южной Мексики к Теночтитлану — столице и сердцу Тройственного союза.

Средства передвижения

Известно, что колесного транспорта древняя Месоамерика и Америка вообще не знали. Если говорить конкретно о Мексике, то в качестве причин обычно называют отсутствие тягловых животных и гористый характер местности. Сложнее дело обстоит с колесом. Ещё с конца XIX в. стали известны благодаря археологическим изысканиям глиняные предметы центральноамериканского происхождения, представляющие собой разной степени сохранности фигурки на колесиках — собак, ягуаров, волков, а также персонажей, не поддающихся точному определению (первые такие сведения связаны с именем Д. Шарне и относятся к 1882 г.). Всего известно около 70 таких предметов. На образцах, найденных во время раскопок в Толлане в 70-х годах нашего века, диаметр колесиков составляет 5-9 см. Такие предметы впервые появились на территории нынешнего штата Веракрус около VI в., а в Центральной Мексике — около X—XI вв. Функции и назначение их остаются неясными, предположений достаточно много: их называли детскими игрушками, частью веретен, ритуальными предметами (в частности, изображения собак символизировали мир мертвых) [118, с. 110; 164, с. 244-245]. Вопрос остается открытым. Однако эти памятники культуры свидетельствуют, что сам принцип колеса индейцам был известен. Это лишний раз подтверждает, что отсутствие колесного транспорта нельзя рассматривать как признак примитивности общества и его материальной культуры.

Как бы то ни было, при отсутствии вьючных животных и колесного транспорта проблемы коммуникаций с большей или меньшей степенью успеха решались использованием лодок, плотов, а также носильщиков.

В Мексиканской долине главной транспортной артерией были озера, поэтому плоты и лодки там были обычным явлением. Плоты делали из плотно связанного тростника, снизу укреплялись полые тыквы. Лодки-каное были без парусов и киля, двигателем служили весла (см. рис. 57). В районе озер Мексиканской долины таких лодок, больших и малых, насчитывалось около 50 тыс. Грузы на лодках, как уже отмечалось, доставлялись на место много быстрее, чем носильщиками [14, т. 1, с. 136; 130, с. 238].

Для удобства пеших путешественников были устроены общественные дороги, которые ремонтировались и охранялись. В ацтекском языке был ряд слов, квалифицирующих дороги: «большая дорога» (ацт. *uchpantli*); «дорога, идущая наискосок» (ацт. *uhpitzactli*); «прямая дорога» (ацт.

ixtlapacuhтли); «тайная дорога» (ацт. ichtacauhtli), где можно было встретить воров и разбойников; «хорошая дорога» (ацт. uhquetzalli) и «дорога поврежденная» (ацт. uhzolli) [116, с. 175-180; 351, т. 3, гл. 12].

Существует мнение, что дороги у ацтеков были вместе с тем не самого лучшего качества и обустройства [116, с. 182]. Нужно, однако, иметь в виду, что при отсутствии колесного транспорта хорошая тропа предпочтительнее мощеной дороги. Последние были главным образом в городах и вели к храмам, дворцам, рынкам [82, с. 7].

Мосты строили деревянные, реже каменные. Подвесные мосты делали из лиан, прикрепляли их хлысты к деревьям на противоположных берегах рек, ручьев, сторонах оврагов и пропастей. В островном городе Шочимилько деревянные мосты в случае необходимости можно было поднять [78, с. 68; 130, с. 238; 148, с. 90, 96].

На наиболее важных дорогах, на перекрестках путей были и постоянные дворы [130, с. 238; 235, с. 65].

Система повинностей

Для осуществления государственной властью своих функций и для обогащения знати в Тройственном союзе сложилась система взимания дани с жителей подконтрольной ему территории. Это была именно система, поскольку была установлена определенная периодичность уплаты, правила сбора и наказаний за невыполнение. Неукоснительность исполнения обязательств по уплате дани, предельная суровость в случае любого нарушения делали даже слабое сетование по частному поводу крайне опасным для местного правителя. Центральная власть была настолько тверда в этом вопросе, что, дабы продемонстрировать свою решимость, могла, по образному выражению индейских информаторов, заставить поставлять человеческие волосы и даже блох и вшей [173, с. 207 — 208; 411, с. 366].

Получение дани было одной из главных целей войны, поэтому чисто грабительские набеги были нехарактерны для внешней политики Тройственного союза: задача состояла в подчинении противника, с тем чтобы получать с него дань. Хотя, конечно, в приграничных районах грабительские набеги не исключались. Формально дань рассматривалась как плата за покровительство.

К моменту Конкисты Тройственный союз получал дань примерно с 500 городов и поселений (иногда называется более точная цифра — 489) [68, с. 169]. Они составляли 38 «провинций», центры которых служили промежуточными пунктами сбора причитающейся дани. Условно их можно сгруппировать в пять географических районов — центр, север, запад, юг, восток. Перечислим эти «провинции».

Центр — Тлателолько (жители которого тоже платили дань, хотя он и являлся фактически частью Теночтитлана), Петлакалько, Аколуакан (куда входил г. Тескоко, а также такие древние города, как Отомпан, Теотиуакан, Пачука), Куаунауак (или Куэрнавака — плодородная земля, богатая хлопком, фруктами, редкими породами деревьев, птиц и др.), Уештепек (Уаштепек); север — Куаутитлан (древний и очень важный район, населенный науа), Ашокопан (или Исмикилпан, населенный отоми), Атотонилько, Уеипочтлан, еще один Атотонилько; запад — Шилотепек (или Хилотепек, населенный главным образом отоми), Тололокан, Окуилан (гористый, не очень приветливый район, жители которого говорили на матлатцинка; область Толуки), Малиналько (важный стратегический и религиозный центр), Шокотитлан (на юге плато Толуки, где жили отоми и масауа), Тепекуакулько (в современном штате Герреро), Сиуатлан (пограничный с Мичоаканом, а значит, с тарасками район, протянувшийся полосой вдоль побережья Тихого океана до Акапулько); юг — Тлачко, Тлаупан (миштецкий район), Тлаукосаутитлан (в современном штате Герреро), Куаутеопан (или Киаутеопан, в Герреро), Йоуалтепек (миштецкая область), Чалько (аграрный центр Мексиканской долины), Тепейакак (или Тепеака, населенный науа, миштеками и чочо-пополока), Коаиштлауака (или Коаиштлауака, миштецкая область между Тототепеком и Теотитланом, религиозным центром миштеков), Койолапан (древняя сапотекская область, включающая их центры Монте-Албан, Митлу, Оахаку), Тлачкиауко, Точтепек (или Тучтепек, богатые земли в зоне тропиков), Шоконочко (самая южная область на перешейке Теуантепек, подконтрольная Тройственному союзу, куда входил юго-запад современного Чиапаса с районами Соконуско и Айотлан, или Айутлан,

граница с Гватемалой); восток — Куауточко (или Уаутуско в современном штате Веракрус), Куэтлаштан (на побережье Мексиканского залива), Тлапакоян (север современного штата Пуэбло, где жили науа и тотонаки), Тлатлаукуитепек (на границе современных штатов Пуэбла и Веракрус), Точпан (или Тушпан в современном Веракрусе), Атлан Шиукоак (или Тсиукоак, населенный преимущественно хуастеками), Ошитипан (аванпост Тройственного союза на р. Пануко) (см. схему 2) [47, с. 13-134; 74, с. 148-149; 137; 286; 305, с. 188-189; 370, с. 23-25].

Независимыми (не платившими дань) оставались Тлашкала, Чолула, Уешотцинко, Теотитлан (все во внутренних районах Тройственного союза) и такие соседние государственные или предгосударственные образования, как Мичоакан, Акапулько, Йопитцинко и др. [111, с. 228]⁶⁰.

Как уже отмечалось, первоначально, когда Тройственный союз во главе с городами-государствами Теночтитланом, Тескоко и Тлакопаном только складывался, было оговорено, что результаты завоеваний, прежде всего дань, будут делиться в зависимости от политического, военного и экономического веса каждого из членов союза, т.е. в пропорции 2:2:1 соответственно. Что касается других городов, которые выступили на стороне Тройственного союза, то они постоянной дани не получали, хотя их отличившиеся воины, вожди и правители периодически награждались богатыми подарками [228, с. 170 — 171]. Кроме того, первоначально учредители Тройственного союза (особенно Теночтитлан и Тескоко) могли самостоятельно вести завоевания, не делясь при этом добычей с остальными членами альянса [228, с. 108].

К 1519 г., когда ситуация существенно изменилась и власть в Тройственном союзе фактически сконцентрировалась в руках Теночтитлана, не могла не претерпеть эволюцию и формула 2:2:1. Так как завоевания теперь велись главным образом под руководством тлатоани Теночтитлана или его полководцев, роль Тескоко и Тлакопана при дележе добычи и дани очень серьезно снизилась, особенно это касается Тлакопана, положение которого как члена триумvirата практически свелось к церемониальному. Такая тенденция представляется совершенно очевидной. Однако в источниках рисуются две разные картины. Согласно работам Т. Мотолинии, Ф. А. Иштлильшочитля, А. Сориты, к эпохе Конквисты в смысле дележа дани ничего не изменилось (см., например, [305, с. 188-199]). В противоположность им Б. Саагун, труд которого — важнейший источник по истории ацтеков, настаивает на том, что во времена Мотекусомы II Младшего вся дань поступала в Теночтитлан и распределялась по воле его тлатоани [351, т. 4, с. 25-26]. Представляется, что многообразный материал исторического и социально-политического плана заставляет согласиться с Б. Саагуном и основная часть дани действительно поступала в Теночтитлан.

До нас дошел (как считают некоторые, даже с доиспанских времен) кодекс, известный как «Список дани», в котором содержится богатая информация о выплате дани Теночтитлану разными городами и областями Тройственного союза. Кроме того, в исторической части «Кодекса Мендосы» приведено описание дани, которое практически повторяет «Список дани» (см. рис. 51)⁶¹. Что касается Тескоко и в еще большей степени Тлакопана, то они к 1519 г. были, скорее всего, промежуточным звеном в сборе дани и лишь по традиции им было позволено собирать ее как бы для своих нужд, отправляя основную часть в Теночтитлан.

Согласно раннеколониальным данным, в тех землях Мексики, где хозяином стал Э. Кортес (да и в других районах также), индейцы несли натуральные повинности (ацт. *tequitl* — «дань») двух видов. Одним из них был налог (ацт. *tlacalaquilli* — обычно переводится как «налог», но буквально означает «то, что содержится в доме»), который обычно выплачивали четыре раза в год (приблизительно через каждые 80 дней). Он выплачивался небольшими кусками индейской хлопчатобумажной ткани (куачтли). Испанцы индейские Ткани не носили (разве только первое время после завоевания, когда связь со Старым Светом была еще затруднена), они использовали их для расчетов с индейцами (которые определенное время продолжали сохранять местные традиции) или как материал для одежды индейцев-рабов. Вторым была «еда» (ацт. *tetlacualtilli* — букв. «кормление», «питание», «пища, которая дается другому») — натуральная повинность в виде определенного количества маиса, какао, перца и т.п. [99, с. 242; 177, с. 116; 196, с. 177; 214, с. 145; 222, с. 130; 299, с. 793; 312, с. 71; 314, с. 100]. В это же время, т.е. с середины XVI в., появляются и особые документы, письменные предписания (исп. *tasacion*), обязывающие индейцев нести повинности, причем не только названные выше натуральные, но и трудовые, как в пользу короны, так и церкви, энкомендеро (колониальных помещиков) и касиков. Примечательно, что такие предписания в первое время

составляли, используя пиктографику (см. рис. 52, 53). Для индейцев такая система сбора налогов и несения трудовых повинностей не была в новинку, так как испанцы лишь приспособили доевропейские традиции к новым условиям (даже содержание на питание работников осуществлялось на основе индейских традиций — по 20 — 25 бобов какао в день на человека) [190, с. 232 — 233; 201, с. 62, 250].

В ацтекской системе эксплуатации покоренных районов различались два вида — дань продукцией и дань службой (трудовая и военная повинность). Для того и для другого вида повинностей устанавливалась определенная периодичность. Она была разной в зависимости от района, народа, обстоятельств, при которых область стала подконтрольна Тройственному союзу, конкретных статей дани или повинностей. В источниках в основном встречаются следующие варианты периодичности: каждые 20 дней (один раз в ацтекский месяц), 80 дней (раз в четыре месяца), два раза в год и, наконец, один раз в год (например, поставки трудоемкой в изготовлении и дорогой военной амуниции). Наиболее типичным был срок в 80 дней (что увязывалось, очевидно, с ритуальным характером числа «80», а также временем созревания некоторых овощей и фруктов). Есть сведения и об иной периодичности [175, с. 117, 207-208; 212, т. 4, с. 236; 336, с. 131; 410, с. 281].

Каждая из областей выплачивала определенную дань прежде всего в соответствии с ее климатическими, географическими особенностями, спецификой экономики, т.е. с учетом того, как отмечают источники, чем она богата [156, с. 77; 212, т. 4, с. 132; 316, с. 25; 351, т. 3, с. 317; 409, с. 121]. Некоторые статьи дани были специфическими для того или иного района (так, морские раковины, использовавшиеся в ремесле и ином производстве, а также как музыкальные инструменты, поставляли тотонаки Семпоалы на побережье Мексиканского залива) [175, с. 114]. При определении конкретного характера дани учитывались и другие факторы. Например, более близко расположенные к Теночтитлану области специализировались в поставках продуктов питания, а более отдаленные — изделий ремесла и продуктов, не требующих условий для хранения. Но многие статьи дани были стандартными, и их выполнение вменялось в обязанности практически всем. Это касается в первую очередь маиса, фасоли, перца, соли, бумаги. Как статья дани упоминаются и рабы [76, с. 88; 173, с. 160; 174, т. 1, с. 271; 336, с. 131; 351, т. 3, с. 312]. Как правило, они предназначались для жертвоприношений по случаю инаугурации, военной победы, освящения храма и т.п. И все же упоминание людей в составе дани — скорее исключение, чем правило. В жертву приносились в подавляющем большинстве случаев иноплеменники, и их поставляли главным образом приграничные районы. Например, одним из немногих районов, поставлявших рабов в качестве дани, была Тепейакак, граничившая с независимыми от Теночтитлана Тлашкалой, Уэшотцинко и Чолулой. Кроме того, есть предположения, что часть рабов (пленников) использовалась и как рабочая сила.

Наименее значимый и, вероятно, поэтому реже упоминаемый в источниках один из основателей Тройственного союза — Тлакопан, осколок разгромленного тепанекского города-государства Аскапотсалько, бывшего некогда гегемоном Мексиканской долины. О получаемой им дани в источниках практически нет сведений. Известно лишь, что с самого начала ему доставалось в два раза меньше, чем двум другим членам Тройственного союза. Тлакопану в лучшие времена подчинялись и были подконтрольны 37 поселений (правда, есть упоминание о 123, но это маловероятно), и из 32 из них (Атотонилько и др.) каждые 80 дней он получал примерно то же, что Теночтитлан и Тескоко.

В первоначальный период существования Тройственного союза, очевидно, часть территорий эксплуатировалась его членами совместно, однако позже и особенно к эпохе Конкисты, как уже отмечалось, политическая роль Тлакопана была сведена практически к нулю, что не могло не отразиться и на объеме получаемой им дани. И все же нельзя не подчеркнуть еще раз, что к моменту Конкисты именно на территории, формально или неформально подконтрольной Тлакопану, располагались три очень крупных древних торговых центра — Аскапотсалько, Куаутитлан и Мишкик. Иными словами, этот район сохранял значение важного коммерческого центра государства [37, с. 65; 222, с. 27-28; 246, с. 91; 287, с. 118-122; 404, с. 131-135, 153].

Та часть дани, какую получал Тескоко, второй член Тройственного союза, лучше освещена в источниках. Встречаются и общие утверждения (исходящие, например, от Х. Помара), что Тескоко получал обильную и разнообразную дань даже из таких отдаленных районов, которые граничат с районом Гватемалы [294, с. 28 — 29], но имеется и более пространная информация. В частности, Ф.

А. Иштлильшочитль, опирающийся на сведения из пиктографических тескоканских рукописей, приводит четыре списка дани, поступавшей в г. Тескоко. Если верить этим сведениям, то еще в первое десятилетие существования Тройственного союза, т.е. с середины XV в., Несауалькойотль, правитель г. Тескоко, вернув свои владения, некогда отнятые у него правителем г. Аскапотсалько Тесосомаком, разделил их на 8 районов, каждый со своим центром, и определил для них периодичность несения повинностей и выплаты дани.

Первый список отражал поступления из тех областей, которые снабжали двор самого правителя. Центрами сбора дани на местах были города Атенко (куда стекалась дань из 11 мест), Тепеполко (из 13 мест), Ашопочко (из 13 мест), Куаутлатсинко (из 27 мест), Ауतेпек (из 8 мест) и, наконец, Тескоко и его ближайшая округа. За каждым из этих районов был закреплен определенный период в году, в течение которого они должны были поставлять необходимые для двора продукты и продукцию: Тескоко и его округе, а также Атенко и Тепеполко выпадало по 70 дней, Куаутлатсинко — 65 дней, Ашопочко и Ауतेпеку — по 45 дней. Причем поставки из Атенко и района Тескоко были существенно большими, чем из других районов, имевших, очевидно, меньшие возможности. Согласно этому списку, общая масса дани выглядела следующим образом:

	Ежедневно	Ежегодно
Маис в зерне (очищенный), tlacopintli (около 68,5 л.)	25	9125
Бобы, tlacopintli	3	1095
Тортильи, штуки	400000	146000000
Корзины с какао (по 8000 бобов каждая)	4	1460
Индейки, штуки	100	36500
Головы соли	20	7300
Большие сетки с длинным горьким перцем	20	7300
Корзины с коротким горьким перцем	20	7300
Корзины с мелким горьким перцем	10	3650
Корзины с томатами	10	3650

Во втором списке приводятся данные о годовой дани, получаемой из «родовых» владений правителя Несауалькойотля, которая шла на содержание лиц, связанных с его двором:

31 600 фанег (фанега = 55,5 л) маиса,
 243 корзины с какао,
 8000 индеек,
 5000 фанег перца трех разных сортов,
 2000 мер (карг? — карг около 23 кг) соли,
 547 010 кусков ткани
 [228, с. 266; 313, с. 54].

В третьем списке из работы Ф. А. Иштлильшочитля — перечень «чинамповой» годовой дани, получаемой из 13 мест Мексиканской долины; назначение ее точно не определено:

100 тюков белых накидок с окантовкой из меха кролика
 (20 в каждом тюке),
 20 тюков «королевских» накидок,
 20 тюков «угловых» накидок,
 2 щита, украшенных перьями,
 неопределенное количество изделий из перьев
 [227, с. 319; 228, с. 196-199; 313, с. 54].

Наконец, в четвертом списке зафиксирована годовая дань, поступавшая из шести районов (но о назначении ее также ничего не сказано):

Куаунауак	86 тыс. предметов (одежда, изделия из драгоценных металлов, камней, перьев, салфетки, цветы для нужд двора и ритуальных действий),
Шиукоак	44 тыс. предметов (одежда, салфетки из индейской ткани, перья, шкуры оленя),
Точпан (Тушпан)	47 645 аналогичных предметов,
Точтепек	120 накидок, 33 тюка с какао, кошенилью, каучуковыми шариками для воскурений, салфетками, изделиями из перьев,
Глаукосаутитлан	разнообразные ценные предметы и изделия,
Толлансинго	600 тюков с накидками и 400 карг фасоли

[228, с. 196-199; 313, с. 54].

От приведенных выше значительно отличаются данные, сообщаемые другим раннеколониальным автором — Х. Торкемадой, что связано не в последнюю очередь с разными источниками информации⁶². По версии Х. Торкемады, во времена Несауалькойотля Тескоко платили дань 29 городов, и она шла на содержание всех, кто был связан с двором. Ее годовой объем составлял:

4 900 300 фанег маиса,
 274 000 какао-бобов (343 корзины по 80 тыс. бобов в каждой),
 7000-8000 индеек,
 неопределенное количество шкур оленей, кроликов, зайцев, тушек перепелов, других птиц,
 3200 фанег горького перца,
 240 фанег мелкого горького перца,
 3200 фанег томатов,
 1600 голов соли,
 неопределенное количество перца, бобов, древесины, различных растений, древесного угля,
 тростниковых циновок,
 около 9 000 000 накидок из хлопка, с использованием перьев, кроличьего меха и других элементов украшений

[40, с. 41; 313, с. 53; 389, с. 167].

Проанализировав приведенные выше списки, некоторые исследователи пришли к выводу, что сообщаемая в них информация не во всем достоверна (хотя оба автора могли пользоваться недоступной нам информацией из уничтоженных впоследствии католическими фанатиками индейских пиктографических списков). Так, по их мнению, явно завышен объем дани маисом в списке Х. Торкемады — на 4 900 300 фанег можно прокормить 900 тыс. человек в год (если исходить из расчета 200 кг на человека), поскольку население Тескоко было намного меньше. Дело объясняется тем, по их предположению, что Х. Торкемада ошибочно увеличил в 20 раз данные по некоторым статьям из-за двадцатеричной системы счета, какой пользовались ацтеки. Правильнее, по мнению этих исследователей, будет цифра, в 20 раз меньшая названной в списке, — 245 015 фанег, достаточных, чтобы прокормить 45 тыс. человек, что ближе к истинному числу жителей г. Тескоко. Поэтому, полагают они, более правдоподобны числа, приводимые Ф. А. Иштлильшочитлем. Согласно первому его списку, в день поставлялось 25 tlacopintlil маиса (или 1100 — 1200 кг); на них можно было прокормить 2200 человек, находившихся при дворе [201, с. 309] (см. также [313, с. 55]).

Один из городов, упомянутых в этом списке, Тепеполко, поставлял 21 875 фанег маиса в год (или около 83 125 кг). Известно, что в середине XVI в. там, по архивным данным, получали по 450 кг маиса с 1 га. Таким образом, для выплаты названной дани требовалось собрать урожай со 170 — 185 га (притом что население в Тепеполко составляло 40 тыс. человек). Соответственно можно считать, что дань для него не была очень обременительной [313, с. 55].

Впрочем, сомнения вызывают не только данные Х. Торкемады. Недостоверным считают эти исследователи и сообщение Ф. А. Иштлильшочитля о ежедневной доставке во дворец Несауалькойотля 400 тыс. тортилий. В середине XX в. среднее потребление тортилий на 1 человека в

день составляло 15 штук. Исходя из этого получим, что при дворе тескокского тлатоани одновременно кормились 26 тыс. человек. Если же исходить из доиспанских стандартов, когда, по данным раннеколониальных источников (в частности, «Кодекса Мендосы» и Х. Помары), дети 13 — 14 лет получали в день 2-4 тортильи, а взрослые, очевидно, в 2 раза больше (4-8 штук), то получается совсем неправдоподобная картина — при дворе правителя г. Тескоко кормилось более 40 тыс. человек, а все население города накануне Конкисты не превышало 12,5 — 25 тыс. Поэтому, считают критически настроенные ученые, и данную цифру (400 тыс. тортилий) нужно уменьшить в 20 раз, равно как и упомянутое обоими авторами число накидок (22 500 и 10 768 штук). Исследователи, считающие ряд цифр в этих списках сильно завышенными, оценивают вместе с тем второй список, приведенный Ф. А. Иштлильшочитлем, как наиболее правдоподобный, поскольку на указанные в нем 31 600 фанег можно прокормить около 6 тыс. человек, что вполне приемлемо для численности придворной челяди [313, с. 56-58].

Приведенные выше рассуждения, в принципе достаточно любопытные, по нашему мнению, не совсем справедливы. Вызывает сомнение само деление данных из списков (довольно произвольное, надо сказать) на те, что нужно или не нужно сокращать в 20 раз. Главное же — ошибочно-прямолинейная трактовка понятия двор (ацт. *tespan*). Вряд ли правомерно понимать его в европейском варианте — придворные и дворцовая обслуга. Более вероятно, что за термином «снабдить двор тлатоани» стояло понимание — «поступить в распоряжение тлатоани». Тогда все приведенные выше рассуждения и о количественной стороне дела теряют смысл, ибо речь идет уже о нуждах не дворца, а всего (или части) государства. Значительные расходы были связаны с содержанием армии. Специальные склады продовольствия для военных нужд формировались в разных местах страны именно на основе дани. Она использовалась на поощрение (в виде подарков) воинов и знати. Дань шла на церемониальные цели, организацию разнообразных праздников. Жертвоприношения, пожертвования на содержание храмов черпались из того же источника. Подарки вежливости посланникам, гостям и т.п. также осуществлялись за счет дани. В периоды засухи или голода из специальных складов нуждающиеся получали продуктовые выдачи, хоть как-то облегчавшие их страдания. Разнообразное строительство (начиная от храмов и кончая дорогами), проведение ирригационных работ хотя и не в полной мере, но обеспечивалось и за счет дани. Она обеспечивала содержание бюрократии и оплату службы различных официальных лиц. Известны случаи, когда некоторая часть дани пошла на оказание поддержки колонистов. Наконец, часть дани использовалась для торговли [56, с. 187; 177, с. 118; 351, т. 3, с. 316, 323; 380, с. 192-193; 388, т. 2, с. 545; 389, т. 4, с. 335; 409, с. 116]. Возможно, именно такое, вполне определенное, вызванное государственными потребностями распределение дани и привело А. Сориту к утверждению, что тлатоани не мог произвольно, по своему усмотрению распоряжаться данью [409, с. 116].

Все сказанное выше в полной мере относится к дани, поступающей в Теночтитлан. Известен приблизительно общий объем, а также «вклад» в него каждой из 38 провинций и даже отдельных городов.

Так, согласно «Списку дани», поступление металлов и изделий из них с территории, совпадавшей с нынешним штатом Герреро, распределялось следующим образом: Тепекуакуилько наряду с прочими объектами дани поставлял «100 медных топоров», Куийатепан — «40 золотых бубенчиков», Тлалпан — «10 золотых слитков» и «20 трубок, заполненных золотым песком» (имеются в виду остовы птичьих перьев) [286, с. 232 — 295]. Согласно «Кодексу Мендосы», Йоуалтепек (располагавшийся на границе нынешних штатов Герреро и Оахака) поставлял «40 золотых дисков», а Тлачкаиауко (в Оахаке) — «20 трубок с золотым песком».

По данным этого же документа, города побережья Мексиканского залива должны были ежегодно поставлять Теночтитлану 16 тыс. каучуковых шариков, использовавшихся прежде всего в ритуальных целях. Теночтитлан и его союзники получали из таких городов, как Истапан, Тостлан, Акакетлатлан, Теошилокан и Ауилислан, 980 тюков с какао (160, 200, 400, 200 и 20 тюков соответственно). Так как в каждом мешке было по 24 тыс. бобов какао, то общий их вес составлял 22543 кг [176, с. 175-177; 180, с. 181; 254, с. 695; 327, с. 279; 364, с. 152]. По подсчетам, ежегодно в Теночтитлан поступало в качестве дани 10 тыс. т маиса, 7800 т бобов, 6600 т перца и несколько меньше меда, соли и др. [380, с. 152]. Только из зоны чинампового земледелия (район Чалько — Шочимилько), по данным того же «Кодекса Мендосы», поступало около 16 555 т различных

продуктов [364, с. 145, 151, 152], что покрывало, как считают некоторые исследователи, половину всех потребностей Теночтитлана [171, с. 108] (хотя есть и другие подсчеты).

Главными районами, производившими и поставлявшими предметы из золота и дорогих камней (маски, ожерелья, и т.п.), были Точтепек, Шоконочко, Куэтлаштла, Точпан, Коаиштлауака и Тепекуакуилько. Кроме того, в Коаиштлауаке, Тототепеке и Куэтлаштлане изготавливали и поставляли в Теночтитлан особые «королевские» знаки отличия из перьев редких птиц (tlalpiloni и quetzallalpiloni). Важнейшими поставщиками перьев птиц были Тлачкауако, Точтепек, Куэтлаштлан, Точпан, Шоконочко; их доставляли как в виде сырья (пучками), так и готовых изделий (к примеру, Куэтлаштлан и Тлачкауако ежегодно обязаны были доставлять в Теночтитлан по 400 пучков перьев).

Почти все провинции поставляли различные типы накидок, изделий из хлопка или волокна агавы, используемые как одежда или ее элементы (имеется в виду женская huipile и мужская maxtla), а также как куачтли. Согласно некоторым подсчетам, основанным на «Списке дани», в Теночтитлан только жители Мексиканской долины поставляли в среднем по 2,6 изделий в год на одного жителя [172, с. 109].

Довольно обычной статьёй дани была и военная амуниция — одежда и щиты прежде всего. По «Списку дани» и «Кодексу Мендосы» можно выделить 12 видов военных костюмов и два основных вида щитов. Особенно важными центрами по производству одежды для воинов были районы Аколуакан, Тлателолько, Петлакалько, Уаштепек, Куаутилан, Атотонилько и Уеипочтлан в центре и на севере государства, Коаиштлауака и Точтепек на юге. Из 38 «провинций» только 8 не поставляли военной одежды и щитов: Малиналько, Сиуатлан, Тепейакак, Койолапан, Шоконочко, Куауточко, Атлан, Ошитипан. Причины этого были разные и конкретные: одни находились слишком далеко от границ с соседними народами, не вполне дружески расположенными по отношению к Теночтитлану, или, напротив, очень близко от них, и снаряжение было нужно на месте; другие, как, например, Малиналько, считались важными религиозными центрами. Тепейакак располагался сравнительно близко к центру, но не поставлял военного снаряжения потому, что находился на границе с Тлашкалой, Уешотцинко, Чолулой с одной стороны и Теотитланом — с другой. Эти же 8 «провинций» не поставляли и щиты.

По подсчетам исследователей, изучавших «Кодекс Мендосы», ежегодную дань, собранную Мотекусомой II Младшим, составляли:

Перья и изделия, где они использовались, птицы	
военные одежды	625
военные «туники»	40
головные уборы	466
знамена	200
щиты	665
пучки перьев	33680
перья в тюках	20
«королевские» символы	2
веера	4
птичьи шкурки	320
живые орлы	2
Одежда	
накидки из хлопка или волокна агавы	123400
мужские набедренные повязки	8000
женские одежды	11200
Продукты земледелия, собирательства	
мешки маиса	28
мешки фасоли	21
мешки шалфея	21
мешки портулака	18

мешки маисовой муки и какао-порошка	160
мешки маисовой муки	160
какао красный в таре (корзины, мешки)	160
какао в таре (корзины, мешки)	820
тюки перца	1600
тюки хлопка	4400
вязанки тростника	16000
тростниковые копыя	32000
вязанки тростника для очага	32000
связки дров	4800
бревна	4800
планки длинные	4800
планки короткие	4800
копал очищенный, упаковки	3200
копал неочищенный, упаковки	6400
смола в кусках	16000
смола в сосудах	100
желтый лак в сосудах	40
мешки кошенили	65
мед из агавы в сосудах	1600
мед пчелиный в сосудах	2200
каучуковые шарики	16000
Ремесленные изделия	
пачки бумаги	32000
чаши, глиняная посуда	1600
тыквенные сосуды	17600
чаши глиняные	800
чаши каменные	800
тростниковые сиденья	8000
тростниковые циновки	8000
Минералы и изделия из них	
маски из бирюзы	10
ожерелье из бирюзы	1
мозаичные диски из бирюзы	2
бирюза россыпью в сосудах	1
бирюза в упаковках	11
ожерелья из нефрита	21
бусы из нефрита	3
губные вставки в золотой оправе	40
смола	44
куски смолы	4
известь в таре	16800
соляные головы	4000
Изделия из металлов	
золотой щит	1
золотые ожерелья	2
золотые диадемы	2
золотые пластинки	10
золотые диски	60
золотой песок в сосудах	60
медные колокольчики	80

медные топоры	560
Прочее	
шкуры оленя	3200
шкуры оцелота	80
морские раковины	1600

[137, с. 87-88] (см. также [235, с. 92; 286, с. 232-294; 294, с. 28; 336, с. 131]).

Еще в раннеколониальный период была предпринята попытка определить стоимость в денежном выражении (естественно, в европейском понимании) дани, получаемой Тройственным союзом. В 1553 г. (т.е. через 30 лет после взятия Теночтитлана испанцами) были опрошены 13 представителей и потомков индейской знати из Куаутитлана, Аскапотсалько и некоторых других городов. Согласно их информации, ежегодно Мотекусума II Младший получал продуктов, изделий ремесла и т.п. на сумму 1 962 450 золотых песо [410, с. 285 — 286]. Относительно этой и других подобных цифр нужно быть осмотрительными, так как цены определялись по европейским стандартам, отнюдь не совпадавшим с представлениями аборигенов. Кроме того, вполне возможно, что индейцы-информаторы сознательно завышали объем дани, дабы продемонстрировать богатство и могущество своего древнего государства. Наконец, не могли не сказаться трудности, связанные с переводом индейских мер веса и объема в европейские.

Действительно, более или менее совпадали испанский карг и индейский tlamamalli (около 23 кг). Однако Б. Диас, например, упоминал, что в раннеколониальный период в ходу были два понятия — «большой карг» и «малый карг» (в два раза меньше), и какой из них равен tlamamalli — не ясно. Еще больше трудностей возникает при сопоставлении европейской и местной систем измерения объемов. Индейцы измеряли продукцию корзинами, коробами, чашами и т.п., т.е. тем, что было под рукой. Была даже мера «лодка» (ацт. acalli), которой определяли количество как неких продуктов, так и воды. Соотношение acalli с европейскими единицами измерения не совсем понятно. Тем не менее от нее произвели меры объема, известные под ацтекскими названиями sencuauhocalli (около 27 л.) и cuauhacaltontli (около 4,54 л.).

Известны и другие меры объема у индейцев, сопоставимые или несопоставимые с европейскими. Так, объем, называемый tlacorintli или tlacompixtli, был примерно равен 1,25 фанеги (фанега = 55,5 л.). Для измерения небольших объемов у индейцев служили: «капля» (ацт. sentlachipinilli или sentlachipintli) — минимальная из всех известных мер, использовалась в медицине; понятием semporolli обозначали количество жидкости, которую мог впитать хлопковый шарик размером с яйцо; «ложка» (ацт. semixcalli, а также эквивалентные ему semacuahuatl, sencumatli, sencuauhumatli), варьирующаяся в зависимости от размера этого предмета; ацтекским словом testal обозначали количество кукурузной муки, необходимое для изготовления одной лепешки-тортильи; наконец, «горсть» (ацт. sentlamapichtli или sentlamatzolli) соответствовала горсти сухого вещества [14, т. 1, с. 63; 117, с. 202-206; 228, с. 168; 389, т. 4, с. 334-336]. Разумеется, в доиспанский период предметы иногда считали просто штуками.

В свете всего сказанного можно заключить, что подсчеты общей стоимости (дани по «Кодексу Мендосы»), проводившиеся, например, в XIX в. (к тому же по тогдашним ценам) и согласно которым она составляла 13 158 552 долл., едва ли справедливы [294, с. 29]. И тем не менее некую общую сравнительную картину из испанских данных можно получить. В середине XVI в. колониальные власти сообщали в Мадрид следующую примечательную информацию, касающуюся экономических возможностей семи районов, управляемых ими [338, с. 114-118]:

	Численность жителей, тыс.	Поставки, тыс. фанег маиса	Оценка в деньгах, золотые песо	Реальные возможности, золотые песо
Уешотсинко	25	8	2700	29337,5
Чолула	25	8	2700	29337,5
Глашкала	50	8	2700	29337,5
Чалько	45	8	2700	52712,5
Тескоко	25	8	2700	29737,5

Шочимилько	20	?	3320	23375
Мехико	20	?	3320	23375
Всего:	-	-	16800	199992

К этому можно добавить, что в Койоакане в конце XVI в. выплата властям составляла в год 4,6 песо на одного человека [262, с. 57 — 74]. Представляется, что при всей их относительности эти данные (касающиеся к тому же только незначительной части земель, некогда составлявших государство Теночтитлана) демонстрируют огромные фискальные возможности Тройственного союза; в их свете очевидно, что сбор значительной дани не плод фантастических измышлений и необузданного воображения.

Дань поступала в специальные хранилища (ацт. *suezcomatl*, которые были как на местах, так и в Теночтитлане. Источники утверждают, что зерна маиса и фасоль могли храниться там до 20 лет. По размерам хранилища делились на «средние» и «большие». В одном амбаре обычно помещалось до 3 т, но упоминаются и хранилища на 250 т. В «Кодексе Мендосы» называются 19 «провинций», которые должны были поставлять продукцию в Мексиканскую долину для 28 хранилищ маиса и 21 — фасоли. Четыре из них (Куаутилан, Аколуакан, Чалько и Петлакалько) обязаны были пополнить 9 житниц маисом и 5 фасолью, причем только Чалько — 6 складов маиса и 2 фасоли. По подсчетам, в 28 хранилищах могли содержаться до 7 тыс. т зерна. Они, очевидно, составляли в какой-то своей части неприкосновенный запас. Все это отчасти объясняет патетическое заключение Д. Дурана, писавшего, что запасы, хранившиеся в таких складах, превышали «всякое воображение» [173, с. 208] (см. также [130, с. 250; 137, т. 1, л. 28; 172, с. 108; 228, с. 266; 351, т. 2, с. 312; 389, т. 4, с. 334].

Как уже отмечалось, кроме дани продукцией народы, подчиненные Тройственным союзом, несли и разнообразные трудовые повинности: выполнение работ по обслуживанию, (особенно это касалось тех, кто жили недалеко от дома правителя; в этом случае данная повинность становилась основной), ремесленных работ (например, прядение, ткачество и др.), участие в строительных работах общегосударственного масштаба, выполнение обязанностей носильщиков (из-за отсутствия тягловых животных носильщиков для транспортировки и перемещения грузов требовалось много). На строительных работах на каком-либо крупном государственном объекте основной единицей организации труда становились рабочие отряды, которые создавались с учетом принадлежности рабочих к той или иной общине, выступавшей как коллективный носитель всех повинностей (это касается общин не только земледельцев, но и ремесленников). Рабочие отряды формировались на тех же принципах, что и военные отряды [212, т. 4, с. 236; 351, т. 2, с. 211-212; 409, с. 122; 410, с. 281-282].

При несении трудовых повинностей, например выполнении строительных работ, тщательно продумывалась организация труда, дабы разумно использовать массу рабочих рук. За ходом строительства следили специальные чиновники. Труд рабочих отрядов был хорошо налажен, и испанцы в раннеколониальный период опирались на эту древнюю систему организации труда (см. рис. 52, 53). Испанское *Памамiento* («вызов», «повестка») «звучало» для индейцев так же, как в свое время указание чиновника тлатоани, предписывающее выполнять трудовую повинность. Ацтекское слово *coatequitl* обозначало те конкретные задачи, какие должны были выполнить община или ее подразделение. Например, в Шочимилько еще в XVI в. общины признавали необходимость выполнять *coatequitl*.

Систематический сбор фиксированной дани — показатель более или менее высокой степени экономической организации и интеграции, однако в Тройственном союзе сохранилась и более архаическая система даров правителю. Они преподносились от имени населения (тех же 38 «провинций») по случаю различных религиозных праздников и торжеств (например, при интронизации Мотекусомы II Младшего в 1502 г. в Теночтитлан со всех концов Тройственного союза прибыли многочисленные носильщики, нагруженные разнообразными подарками). Подарки правителю делали и богатые ацтекские торговцы, зная, формально освобожденная от выплаты дани. Иногда эта практика напоминала обычай взаимного одаривания, но чаще представляла собой систему экстраординарных поборов. Действительно, кроме регулярно собиравшейся дани подконтрольным территориям нередко отдавались приказы по поставке материалов или выполнению работ сверх установленных норм. Это касалось прежде всего обязанности обеспечивать пищей, одеждой и носильщиками армии Тройственного союза народами, по земле которых они проходили. За

невыполнение таких приказов сурово карали [55, с. 188 — 190; 173, с. 102; 174, т. 1, с. 116; 212, т. 4, с. 235; 235, с. 71, 78, 98; 274, с. 708; 384, с. 126, 159-160; 409, с. 114-115, 123; 410, с. 281].

В раннеколониальную эпоху истории Мексики осуществление фискальных функций связывалось со специальными лицами, появление которых, как и во многих иных случаях, относится еще к доиспанскому периоду. Завоеватели использовали древние традиции, сохранив в первое время и их название. Так, по архивным данным середины XVI в., в Молотле, входившей в состав владений Э. Кортеса, чиновник, отвечавший за правильность и своевременность выплаты налогов, назывался «руководитель», «глава» (ацт. *tlayacanqui*) [101, с. 48]. Упоминаются также «сторожа людей» (ацт. *terixqui* от *tequitl* — «дань» и *tlatoa* — «приказывать что-то») [156, с. 17; 214, С- 129; 274, с. 708] и *tequitlato* (испанизированный вариант слова *tequitl*) — отвечающие за сбор дани. Однако самой заметной фигурой в этом отношении, в том числе и в доиспанский период, был калпишки (ацт. *calpixqui* от *calli* — «дом», *pixi* (*pix*) — «охранять», букв. «охранник домов»; вариант перевода: «хозяин дома урожая»: *calli* — «дом», *pixquitl* — «урожай») [78, с. 69; 104, с. 217; 299, с. 798; 351, т. 2, с. 312]. Соответственно район, выплачивающий дань и подконтрольный определенному калпишки, назывался *calpixcauotl* («власть калпишки» или, более правильно, «область власти калпишки») [404, с. 140].

Практика направлять специальных сборщиков дани в покоренные «провинции» началась с середины XV в., с эпохи Мотекусомы I. Видимо, до этого особых чиновников, отвечающих прежде всего за сбор дани, не было, и ее уплатой обычно руководил местный правитель. В 1458 г. Мотекусома I закрепил за собой (и, следовательно, за последующими тлатоани) право лично назначать чиновников по сбору дани (калпишков).

В самом общем виде обязанности последних состояли в информировании от имени ацтекского тлатоани местных правителей относительно размеров и состава дани, требуемой центральной властью [212, т. 4, с. 334]. Они, очевидно, следили и за обработкой общинниками царских земель в том или ином районе. Конкретные же сведения из источников рисуют значительно более пеструю картину обязанностей калпишки. Их называют «хранителями амбаров», распределителями работ, организаторами обработки государственных земель и земель тлатоани (с ежедневной записью о сделанном), ответственными за прокладку дорог, очистку улиц и оросительных каналов, строительство вообще, за сохранность военнопленных (для последних имелись специальные «дома пленников», ацт. *malcalli*), за снабжение войск [104, с. 217; 174, т. 1, с. 116; 214, с. 144; 298, с. 252; 336, с. 131, 133; 351, т. 2, с. 314; 389, т. 4, с. 334; 398, с. 123]. Как сборщики дани, калпишки осуществляли контроль за ее поступлением, которое происходило, однако, чаще непосредственно по указанию местного правителя (что было, очевидно, проще, безопаснее и надежнее). Резиденцией его был «дом калпишки» (ацт. *calpixcacalli*, *calpixcan* или *texancalli*).

На одном из листов «Кодекса Мендосы» изображен «дом общественных работ», где под контролем калпишки (либо его помощника) ремесленники выполняют общественную повинность в соответствии с родом своей профессиональной деятельности. Это противоречит мнению, что сферой деятельности калпишков была только натуральная повинность, а за рабочие отряды отвечали сами местные правители. Калпишки обязаны были следить за тем, чтобы тщательно записывалось сданное в счет дани, при этом воровство или обмен безжалостно карались смертью. У калпишков были специальные помощники (ацт. *suezconpixqui*), ведавшие особо важными зерновыми и вообще продовольственными складами. О роли, которую играли калпишки, говорит тот факт, что сохранились даже имена некоторых из них. Так, в тескоканском районе Тройственного союза сборщика дани в Атенко при правителе Несауалькойтле звали Точтли, в Тепеполко — Кошкош, в Акатепеке — Куаутлаколотль и т.д. [40, с. 41; 228, с. 102; 398, с. 121]. Хотя, как отмечалось, калпишки действовали через местных правителей и вождей, они опирались на авторитет Теночтитлана, а также, что важно, военную поддержку в виде многочисленных ацтекских опорных пунктов или гарнизонов, разбросанных по всей территории Тройственного союза. Калпишки имели особые знаки отличия — жезл в одной руке и веер в другой [389, т. 4, с. 334]. Хотя их власть не была безграничной, оскорбление и тем более убийство калпишков наказывалось смертью и разрушением домов виновных [212, т. 4, с. 231; 228, с. 103 — 104; 316, с. 24]. Б. Диас сообщал, что тотонаки Семпоалы жаловались Э. Кортесу на ацтекских сборщиков дани, которые грабили их, силой уводили женщин, всячески бесчинствовали [14, т. 1, с. 61].

Этнически калпишки должны быть и были ацтеками. С вопросом же об их социальной принадлежности есть трудности. В раннеколониальный период они не были обязательно (даже наверняка) представителями индейской знати. Из этого некоторые авторы делают вывод, что таким же было положение и до Конкисты [214, с. 134, 143]. Однако другие считают, что в доиспанский период большинство калпишков были все же представителями ацтекской знати [92, с. 58 — 59], незнатный мог получить эту должность в исключительном случае, в виде самого высокого вознаграждения. Калпишки, как и все должностные лица в Тройственном союзе, считались принадлежащими к военному сословию. Из документальных материалов следует, что эта должность наследовалась.

За службу калпишки получали вознаграждение в разной форме. Любопытно, что когда Мотекусума II прослышал о приходе испанцев, то он направил к Э. Кортесу послов с предложением дать ему доходную «провинцию» с правом собирать дань [235, с. 89]. Вознаграждением для калпишки мог служить надел, обрабатываемый местными земледельцами, доход с которого он получал⁶³. Кроме доходов со служебного надела калпишки получали вознаграждение предметами ремесла (из запасов, формирующихся на основе дани), а также подарки разового характера по случаю религиозных праздников или иных торжеств [174, т. 1, с. 321; 235, с. 89; 384, с. 260].

Ниже калпишков был уже фактически уровень общинного управления. Над ними же были своего рода старшие калпишки (ацт. *hueycalpixque* — «уважаемый калпишки», «старый калпишки», «великий калпишки»). Обычно они находились в центральных городах и в Теночтитлане, в то время как калпишки были распродоточены по пунктам их службы.

Около 1462 г., во времена Мотекусома I, учреждается еще один чин — петлакалкатль (ацт. *petlacalcatl* — «хозяин циновки», от *petlatl* — «циновка», *calli* — «дом», *tlacatl* — «хозяин»; вариант перевода — «хозяин сундуков»; «циновка» ассоциировалась в сознании индейцев с понятием «власть») [137, т. 1, с. 63-65]. Не все ясно с его функциями: предполагается, что он стоял выше по положению, чем калпишки любого ранга. Петлакалкатль, как и они, отвечал за регулярность поступления дани (поэтому А. Тесосомок определяет его как «главного калпишки»), координируя систему ее сбора. Есть также мнение, что «уважаемый калпишки» (*hueycalpixque*) отвечал за непрерывность и правильность поступлений текущей дани, а «хозяин циновки» (*petlacalcatl*) за ее сохранность [275, с. 537]. Поэтому при дворе тлатоани имелись как калпишки, так и петлакалкатль. Их резиденцией был «дом сундуков» (ацт. *petlacatl*, одновременно соответствующий понятию «склад» [351, т. 2, с. 312]. Согласно иной трактовке, калпишки — просто сборщики дани на местах, петлакалкатли — «главные администраторы», стоящие над ними; при общей схеме поступления дани «община — региональный центр — Теночтитлан» необходимы были чиновники, контролировавшие ту часть дани, что оставалась в местных хранилищах (включая гарнизонные военные склады).

Особая тема — система взимания дани внутри определенных социальных групп населения. Поскольку вопросы о социальной и политической структуре будут рассматриваться ниже, здесь ограничимся лишь общими соображениями. Прежде всего, основными плательщиками дани были общинники (как земледельцы, так и ремесленники). Что касается конкретных норм обложения, то они проблематичны. Некоторые исследователи считают, что повинности распространялись на всех, кроме больных и стариков (согласно А. Сорите, каждого в 6-7 лет записывали для этого в специальный реестр) [95, с. 486; 104, с. 199; 235, с. 98; 274, с. 707]. И тем не менее был ли этот сбор подушным или поземельным, неясно. Одни источники утверждают, что до прихода испанцев индейцы не знали подушного налога [409, с. 121] и община выплачивала поземельный налог [409, с. 284]. Правитель обычно определял объем дани району в целом, а раскладка производилась на местах [409, с. 122]. Иными словами, государство не раскладывало дань подушно, община, например, платила в целом [212, т. 4, с. 235]. По мнению других исследователей, действовала именно практика подушного взимания платежей в государственную казну [203, с. 222; 316, с. 24]. Очевидно, оба принципа на деле сочетались, иначе становится непонятной и нелогичной персональная ответственность каждого члена общины за выплату дани. Известно, что недоимщиков калпишки могли продать в рабство [316, с. 25; 389, т. 4, с. 335] или даже предать смерти. Так, за невыплату дани был убит правитель Куитлауаки и его сыновья [37, с. 61]. Государству отдавали 1/3 всего, что производилось (это сближало ставки дани и платы «арендаторов» — майеков) [212, т. 3, с. 221; 316, с. 24].

Как уже отмечалось, общинники иногда выделяли в структуре общинного надела специальные участки, урожай с которых и предназначался для выплаты дани. Для живших невдалеке от дворца правителя повинности могли корректироваться — увеличиваться трудовые и уменьшаться натуральные. Это касалось, например, общинников Теночтитлана и его окрестностей [212, т. 3, с. 223], чьи рабочие руки требовались и для обслуживания тлатоани и его двора, и для выполнения многих работ в этом самом большом городе Тройственного союза. При этом общественные работы могли быть даже ненормированными. Разумеется, нормы обложения жителей Мексиканской долины и остальных территорий могли быть различными, поэтому нельзя утверждать, что представленная картина характерна для любого места в государстве ацтеков.

Ремесленники, как и земледельцы-общинники, выплачивали дань «продуктами своего труда» [336, с. 131; 409, с. 122] из расчета все той же одной трети [212, т. 3, с. 221; 316, с. 24].

Торговцы, находившиеся на государственной службе у тлатоани, были освобождены от повинностей, налагаемых на земледельцев и ремесленников. Однако им приходилось выплачивать государству различного рода торговые пошлины, по мнению некоторых исследователей, довольно значительные [235, с. 71]. Обычно с них взимали 1/3 выручки от торговых операций [56, с. 188; 65, с. 199; 102, с. 33; 110, с. 198; 185, с. 216-217; 409, с. 115-116]. Некоторая часть наиболее крупных купцов, имевших связи со знатью и выполнявших особенно важные поручения тлатоани (например, функции посланников, разведчиков, личных торговых агентов), могла освободиться от выплат.

Никакой дани не платила знать, жрецы, рабы; «арендаторы» — майеки рассчитывались с теми, кому принадлежала земля, которую они обрабатывали [409, с. 29, 36, 120]. В качестве поощрения за храбрость простым воинам из общинников наряду с прочим могло быть даровано освобождение от выплаты дани [175, с. 115].

Наконец, если говорить об общем объеме дани, налагаемой на тот или иной район, то нужно отметить, что меньше платили те, кто оказывал Теночтитлану наименьшее сопротивление. Упорствовавшим в непокорности, напротив, назначалась большая дань, а восставшим она увеличивалась в два раза.

Рассмотренный материал, как кажется, ясно свидетельствует, о наличии у ацтеков системы сбора дани в собственном смысле слова. Получаемые в результате нее продукты и изделия поступали не с земельных участков тлатоани, они не являлись делом рук и мастерства ремесленников, работавших на дворец (хотя включение их в общий объем дани вполне вероятно). Это были именно отчисления государству. В пользу такой оценки говорит и существование товарных пошлин, а также их упорядочивание, о чем речь шла выше.

Разработанная система сбора дани, более или менее четкая в плане сроков и объемов, способствовала упорядочиванию экономической структуры Тройственного союза, регулированию его потребностей, а значит, его устойчивости. Она активизировала торговлю и обмен между разными районами с целью восполнения недостающих изделий и продуктов. Все это вело к модификации и экономической и отчасти традиционной общественной структуры в тех районах, что стали частью Тройственного союза. Хотя местные правители и вожди сохраняли большую власть в своих владениях, вместе с тем они постепенно вовлекались в общую бюрократическую систему государства как ее составная часть. Тем более что на местах почти постоянно присутствовали калпишки как представители центра. В результате в конце XV — начале XVI в. в Центральной Мексике произошел переход от системы автономных городов-государств или племенных структур к их объединению под верховенством Теночтитлана.

Глава 3

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕАЦТЕКСКОГО ОБЩЕСТВА

Как уже отмечалось, вновь открытый, неведомый ранее мир Старый Свет увидел глазами первых очевидцев, испанских конкистадоров и католических миссионеров, которые, в свою очередь, восприняли его исходя из представлений привычного им европейского феодального общества, основанного на принципе вассалитета: на вершине социальной лестницы стоял правитель, ниже —

военная знать разных рангов, обладающая соответствующим статусом и привилегиями и живущая образом жизни, свойственным тому, что вели феодалы; простой народ, как и положено, был вне системы вассальной зависимости и не имел, таким образом, ни прав, ни привилегий. Европейцы были ошеломлены и не скрывали своего изумления и восхищения очевидными культурными достижениями этого общества, как не скрывали они и резкого неприятия практики ритуальных человеческих жертвоприношений, описывая которые, впрочем, очень часто и очень многое преувеличивали, не всегда понимая также их реальное место в общей системе жизни местных жителей.

Но по мере того как аппетиты, порожденные колониальным грабежом, нарастали, возникла необходимость оправдания их, и потому стали довольно обычными утверждения прямо противоположного свойства, общий смысл которых сводился к тому, что индейцы — это общество кровавых дикарей, недостойных жалости. Такие взгляды, однако, встретили решительное возражение у части раннеколониальных деятелей и историков, среди которых были и потомки некогда правивших индейских династий, прошедшие школу европейской науки. Они старались защитить индейцев от физического уничтожения, доказывая, что при всех, как говорили тогда, «дьявольских заблуждениях» аборигены способны добиваться как интеллектуальных, так и общественных достижений, равнозначных европейским [227-229; 288; 384; 385; 388; 389 и др.].

По сути, эти два основных подхода (с некоторыми вариациями) просуществовали, конкурируя друг с другом, до второй половины XIX в., когда Л. Г. Морган в своей классической работе «Древнее общество», основываясь на разработанной им эволюционной теории, определил ацтекское общество кануна Конкисты как соответствующее по стадии своего развития позднеродовой военной демократии, на которой стояло, к примеру, общество ирокезов и индейцев пуэбло [23, гл. 7]. Слишком увлеченный стройностью своей теории, уверовавший в её универсальность, знакомый достаточно поверхностно с материалами о древнеацтекском обществе, выдающийся ученый серьезно ошибся. Моргановская конструкция социальной структуры ацтекского общества не встретила поддержки среди американистов, напротив, она породила активную и аргументированную критику. Особенно решительно возражали мексиканские ученые, прекрасно знавшие оригинальный материал, как письменный, так и в виде сохранившихся памятников материальной культуры и искусства. Своими многочисленными работами, а также изданием архивных источников раннеколониального периода (в том числе и индейского происхождения) они наглядно показали несоответствие реалий древнеацтекского общества с тем, как оно представлено в концепции Л. Г. Моргана. Неудивительно, что лишь незначительная часть авторов (главным образом англоязычных) разделяли его взгляды.

С начала XX в. в историографии древнеацтекского общества мало что принципиально нового было добавлено к тому, что уже было сделано в смысле общей оценки его социальной структуры. Так, до сих пор встречаются сторонники тезиса о формировании зачатков феодализма в социальной организации ацтеков [251, с. 39 — 57; 358, с. 1-83; 391, с. 785 — 788], а в одном из подобных сочинений древнеацтекское общество определяется как «квазифеодализм» [318, с. 38]. Предпринимались попытки анализа социальной структуры ацтеков и с позиций психоанализа, где она раскладывалась с учетом классических фрейдистских дефиниций «Оно», «Я», «Сверх-Я» и где классы и социальные группы попадали в категорию «Я» [166, с. 219 — 220]. Имеется в арсенале историографии и необычный вариант использования физической теории и терминологии применительно к социальным явлениям, социальной структуре прежде всего¹. Однако показательно, что серьезных попыток возродить моргановский взгляд на древнеацтекское общество в чистом виде не намечается, не считая работы Дж. Вайяна, появившейся в 30-х годах [7]².

В исследованиях по древнеацтекской социальной тематике последних 20-30 лет представлен самый широкий диапазон мнений — от общих утверждений о том, что небольшая часть господствующего класса эксплуатировала большинство остального населения [40, с. 40], до более или менее обстоятельных разработок проблемы.

Есть исследователи, которые выделяют в древнеацтекской общественной структуре главным образом «знать» и «простых людей» («плебеев») [214, с. 130; 222, с. 21]. Но большинство авторов видят в нем четыре [56, с. 180; 126, с. 280; 292, с. 34], пять [36, с. 34], семь [193, с. 89; 236, с. 115] и даже девять [380, с. 133-134] социально-классовых групп.

Наиболее часто ацтекское общество делят на знать, общинников, торговцев, ремесленников, безземельных и рабов, определяя их как «корпоративно-клановые группы» [40, с. 40; 105, с. 30; 118, с.

105; 214, с. 130]. Принадлежность к таким группам была наследственной, хотя внутри каждой из них, в свою очередь, имела дифференциация [56, с. 180; 105, с. 29; 251, с. 44; 380, с. 133-134].

Возникает естественный вопрос относительно признаков, которыми руководствуются авторы, определяя сущность тех или иных классов или социальных групп. Единообразие здесь отсутствует. Некоторые исследователи общность происхождения дополняют и социальным признаком общности интересов [105, с. 29; 348, с. 67; 366, с. 70], при этом если знать была корпоративной клановой группой, потому что ей принадлежала власть в обществе, то общинники были корпоративной группой на основе другого признака — держания корпоративного права на землю общины [105, с. 29]. Знать и общинник — это два основных класса, имевших разные связи со средствами производства: первая владела землей, которую при определенных условиях обрабатывали вторые [214, с. 130]. Однако куда же отнести в таком случае торговцев и ремесленников? Ответ чаще один: знать и общинники — основные социальные классы, а торговцы и ремесленники являются лишь промежуточными группами [56, с. 180; 105, с. 28-29; 391, с. 781-782] (вариант: только торговцы — промежуточный слой, а ремесленники — это общинники [251, с. 44]). По сути, в данном случае в качестве признака для выделения социально-классовой группы признается также вид и характер деятельности, разделение труда вообще. Впрочем, чрезмерно последовательное использование признака «характер труда» привело одного из авторов к выводу, что особую, т.е. отдельную и достаточно большую, социальную группу составляли древнеацтекские носильщики [380, с. 134], а другого — что представители бюрократического аппарата являлись особым слоем, входившим вместе с ремесленниками и торговцами в промежуточный между знатью и общинниками класс [319, с. 781-782].

Выдвигалась и идея, согласно которой в качестве важнейшего признака, определяющего класс, было наследование или ненаследование социального статуса. Например, рабский статус не наследовался в этом обществе, значит, рабов не следует считать обладающими в полном смысле слова признаками самостоятельного класса [380, с. 134].

Понимая, что, основываясь только на понятии «закрытые корпоративные группы», невозможно объяснить сложный спектр общественных взаимоотношений, зарубежные исследователи применяют при выявлении механизма взаимодействия разных социальных классов и групп, реконструкции всей общественной картины известные теории социальной стратификации и социальной мобильности. По их мнению, в ацтекском обществе члены каждого сословия, страты, клана, группы, как бы их ни назвать, имели различные права собственности, различные обязанности в плане выплаты дани, различные политические права и др. Но в то же время имела место и социальная мобильность, выражающаяся как в возможности приобретения прав и обязанностей той или иной страты, так и потере их при определенных обстоятельствах («вертикальная мобильность») — Страты были неодинаковыми по значению и численности, по степени замкнутости. Главными из них были знать и общинники [105, с. 28; 222, с. 21], торговцы и ремесленники представляли собой промежуточный слой, в который могли также входить военные и административные чины; на самом низу находились рабы [105, с. 28]. В общем, по мнению сторонников этой теории, положение человека в древнеацтекском обществе наиболее полно соответствовало понятию «состояние», определяющему всю совокупность его экономических, политических, общественных функций [104, с. 191-192].

При всей неоднозначности и спорности предлагаемых идей необходимо отметить, что большинство исследователей рассматривают ацтекское общество как неэгалитарное, которое нельзя рассматривать в понятиях, свойственных позднепереходному строю. Древнеацтекская Мексика — это общество, где сложилось определенное разделение труда и, следовательно, определенная социальная дифференциация [213, с. 244]. Равным образом ошибочно проводить аналогии между ним и, например, античным обществом, в частности Римом [115, с. 874] (хотя попытки трактовать древнеацтекский мир через призму античности продолжают [304, с. 260]).

Для исследователей очевидно, что в пределах ацтекского государства в целом (включая все покоренные территории) существовали различные системы социальных отношений и эксплуатации [193, с. 91], разные формы зависимости — как политической, так и личной [105, с. 31].

Знать светская и военная

Структура ацтекской знати на протяжении около ста лет независимого существования государства претерпела известную эволюцию. При всей свойственной авторам дошедших до нас индейских письменных памятников тенденции к некоторой модернизации событий далекого прошлого можно все же выделить определенные этапы, которые характеризуют становление и развитие этой социальной группы.

В первый период (многое в котором носит легендарно-мифологический характер) ацтеки представляли собой малое этническое образование — племя, сохранившее, что вполне естественно и закономерно, черты родового состояния вплоть до прибытия в Мексиканскую долину.

Следующий этап — от основания Теночтитлана (ок. 1325) и до прихода к власти первого ацтекского тлатоани, Акамапичтли. В это время вся территория, занимаемая ацтеками, ограничивалась лишь пределами г. Теночтитлана, жители которого, объединенные в общины, управлялись родовой аристократией — «традиционной элитой», как определяет ее один из исследователей [348, с. 66].

Положение ацтеков, позже других осевших в Мексиканской долине, было непростым: окруженные со всех сторон уже довольно прочно укрепившимися и теснившими их племенами, они не могли не оказаться в конце концов в зависимости от них. Поменяв нескольких «хозяев», ацтеки в конце концов попали в зависимость от города-государства Аскапотсалько. В столь неблагоприятных условиях традиционная родовая аристократия вынуждена была признать необходимость концентрации власти в руках обычного для народов науа вождя-правителя — тлатоани. Таковым и стал Акамапичтли.

Важно отметить, что он не был выходцем из рядов старой родовой аристократии и пришел к власти посредством избрания — принципа, сохранившегося (формально) вплоть до Конкисты. Согласно официальной исторической традиции, каждая из ацтекских общин (а их было, по некоторым утверждениям, в то время уже 20) дала в жены Акамапичтли своих девушек. Их потомство составило со временем многочисленный слой новой аристократии. Эта официальная версия дала основание некоторым исследователям утверждать, что вся новая знать — потомки Акамапичтли [95, с. 486; 105, с. 30; 118, с. 108, 133; 319, с. 17]. По нашему мнению, это неверно, так как новая (знать пополнялась за счет не только представителей рода тлатоани, (Но и выходцев из разных слоев общества, пожалованных правителем за те или иные заслуги.

Новая знать не была землевладельческой (поскольку лишней земли просто не было) и не могла в этом отношении составить конкуренцию старой родовой аристократии.

При преемниках Акамапичтли, правителях Уитсилиуитле и Чимальпопоке, ацтеки начали борьбу за свою независимость. Своего апогея она достигает при тлатоани Итцкоатле, завершившись успехом и созданием Тройственного союза. Одновременно в древнеацтекском обществе происходили и другие важные изменения: в экономике — активное развитие разделения труда и специализации, в социально-политической структуре — ослабление традиционных родо-племенных общинных связей, соответственно — уменьшение роли родовой аристократии, постепенная замена институтов родо-племенного строя государственными. В связи с началом ацтекских завоеваний происходит заметная милитаризация общества, способствующая созданию условий для начала формирования особенно активного слоя военной (даже военно-землевладельческой) знати. Действительно, начиная с побед над Аскапотсалько появилась возможность наделения доходами с новых земель отличившихся в военных действиях представителей знати. По мнению некоторых исследователей, со времени Итцкоатля происходит постепенное (не без конфликтов) сближение интересов новой и старой знати [70, с. 382, 386; 222, с. 93]. Усиление централизации и военной мощи несло знати ощутимые выгоды, и господствующие слои стали отождествлять свои интересы скорее с сильным правителем (а в дальнейшем, после Итцкоатля, правили именно такие тлатоани), который обеспечивал им привилегии и богатства, нежели с традиционными структурами власти в виде родовых институтов. Консолидация знати, в свою очередь, обеспечивала ей контроль над тлатоани, а также над функционерами в той или иной структуре власти. Для закрепления господствующего положения правящей элиты при Итцкоатле были утверждены «титулы знатности». Как уже говорилось, их было 21; четыре самых высших получали члены рода тлатоани, из числа которых выбирали очередного правителя.

При преемнике Итцкоатля, тлатоани Мотекусоме I Старшем, было продолжено правовое оформление положения знати: сословные преимущества получили выражение в одежде, специальным

распоряжением в ранг знатных разрешалось зачислять внебрачных детей знатных мужчин, чем значительно расширялся состав верхушки общества, что было необходимо в условиях непрерывных военных действий, требующих все большей численности командного состава.

В условиях борьбы за укрепление власти тлатоани, с одной стороны, и внедрения принципа династийного наследования этой власти — с другой, происходило формирование политических группировок знати, обеспечивавших поддержку того или иного кандидата. Часто скрытая, порой очень напряженная борьба группировок внутри господствующего класса иногда принимала явственные формы, например, когда при выборах наследником Мотекусомы I тлатоани Ашайакатля часть знати пыталась противопоставить ему другого кандидата (но безуспешно).

Не всякий тлатоани был угоден для тех или иных кланов знати. Например, преемник Ашайакатля тлатоани Тисок был устранен одной из группировок физически.

В годы правления его преемника, тлатоани Ауитсотля, наивысшего размаха достигли военные завоевания Теночтитлана. Естественно поэтому, что его эпоха была крайне благоприятной для военной знати, которая к моменту Конкисты предстает в высокой степени иерархизованной.

Ко времени правления последнего из ацтекских доиспанских тлатоани, Мотекусомы II Младшего, оформляются основные черты государства восточной деспотии, что потребовало от него проведения ряда реформ, затронувших интересы и положение знати, особенно родовой. Так, проводя реформу управления, он решительно заменил старые кадры новыми, казня неугодных. В известных нам источниках говорится, что таким образом Мотекусомы II просто хотел заменить «неблагородных» (по его мнению) вождей на «благородных» [173, с. 223], фактически это была атака на принцип местничества и расправа группировки победившей знати, сплотившейся вокруг тлатоани, над своими противниками.

В итоге недолгого политического и социально-экономического развития ацтекского государства к моменту Конкисты сформировалось несколько групп знати, занимавших неодинаковое положение в обществе.

Первую, наиболее высокую категорию составляли тетеуктин (ацт. *tecuhtli* — «сеньор», «господин», мн. ч. *teteuctin*). Насколько можно судить по сохранившейся информации, за определенные льготы и вознаграждение они несли в течение всей жизни военную и гражданскую службу. В эту же категорию входил ацтекский правитель-тлатоани, хотя и был по правовому статусу выше всех, а также некоторые (наиболее лояльные к Теночтитлану) местные правители и вожди. Соответственно слой тетеуктин дробился на многочисленные «разные ранги» [104, с. 193; 409, с. 28-29].

Вторую категорию составляли пипилтин (ацт. *pilli* — «сын»; мн. ч. *pipiltin*). Это были люди, «знатные по происхождению», «знатные по рождению» [228, с. 170; 409, с. 36]. В нее входили представители знати, которые по тем или иным причинам не имели или пока еще не получили должность. Тем не менее они вследствие безусловной принадлежности к знати определялись как «сыновья» знатных родов. В зависимости от ранга, занимаемого представителями их рода (отцами прежде всего), пипилтин также делились на категории: выделялись «сыновья тлатоани» (ацт. *tlatocapilli* или *tlacopiltzin* — «сыновья правителей») и «внуки правителей» (ацт. *pipiltzintli*). Остальные представители этой группы знати определялись официально как «идальго», «сыновья знати», если использовать европейскую средневековую классификацию, используемую в работе одного из раннеколониальных авторов (ацт. *tepilli* или *tequiuac* — «сын господина») [409, с. 36].

И тетеуктин и пипилтин являлись знатью по рождению. Понятно, что вторая группа намного многочисленней первой. Стать текутли мог не всякий пилли. Реальное положение каждого из них зависело как от происхождения, так и от личных качеств; со временем любой из них мог войти в состав тетеуктин, если тлатоани за заслуги дарует ему титул текутли, который обычно получали высокие чиновники, военная знать, правители городов. Получивший определенный чин (в древнем обществе — почти всегда универсальный, военный) характеризовался в плане не только классовой принадлежности, но и занимаемого им поста. Так как вторая группа знати была наиболее многочисленной, то словом «пипилтин» или «текилтин» (ацт. *tecpilitin* — «люди знатного происхождения») обычно определяется в источниках знать вообще в противоположность простолюдинам, общинникам. Примечательно в данной связи, что во время ритуала интронизации очередного тлатоани, когда произносились различного рода наставления, напутственную речь

произносил «старейшина знати» (ацт. huey pilli — досл. «старый сын знатного», т.е. старейший и наиболее уважаемый из знатных людей) [75, с. 228 — 229; 351, т. 2, гл. 9-16].

Более низкую ступень в структуре господствующего класса занимала знать по пожалованию. Дело в том, что простые люди в исключительных случаях могли возвыситься (за военные заслуги прежде всего и главным образом). Пожалованный из воинов мог получить право сбора податей с определенной земли и быть назначенным на некую должность. Но в отличие от представителей знати и по рождению, он не имел права носить особые украшения, что было привилегией только родовой знати. Хотя потомки пожалованного оставались в составе знати, однако занимали в ней второстепенное положение: ацтеки резонно полагали, что в отличие от родовитости доблесть не передается по наследству. Знатным по пожалованию мог стать представитель общинников, ремесленников, торговцев.

Согласно источникам, существовало и региональное разделение знати, кстати, вообще характерное для древних обществ. Одно дело — знать Теночтитлана, другое — ближайших союзников (прежде всего из Тескоко и Тлакопана) и совсем особый разговор — знать покоренных народов. Как и всякие завоеватели, ацтеки уничтожали, изгоняли или принуждали к бегству наиболее авторитетных представителей знати покоряемых ими районов. Так было в самом начале их завоеваний, так случалось нередко и в последующие годы. Но кроме открытого принуждения и силового давления источники зафиксировали и поиски путей мирного утверждения влияния и власти Тройственного союза. Действуя избирательно (в зависимости от конкретной ситуации), Теночтитлан стремился по мере покорения тех или иных народов или районов сохранить угодных местных правителей, давая им разную степень самостоятельности, иногда жалую титулы, земли, богатые подарки. Ацтекские тлатоани иногда проявляли политическую гибкость, освобождая от дани лояльных к ним местных вождей. Имели место и некоторые другие приемы и принципы организации взаимоотношений Теночтитлана с местной знатью, однако и региональное, и этническое разграничение среди знати к моменту Конкисты полностью не было ликвидировано, несмотря на обнадеживающие тенденции к сближению.

В зависимости от ранга и статуса знатного его владение («дом») определялось по-разному. «Дом знатного» (ацт. pilcalli) было общим названием; когда хотели подчеркнуть древность рода, употребляли понятие «древний дом», «старинный дом» (ацт. huescalli); владение представителя военной знати и одновременно его резиденция назывались «дом военачальника» (ацт. yaotequihuacalli), во всяком случае, именно так было в Тлашкале и Уэшотцинко [104, с. 195 — 196].

В Тройственном союзе состояние войны было естественным, в первую очередь, понятно, для знати — костяка и командного состава войска. Каждый ацтек и тем более выходец из знатной семьи предназначался судьбой для привычного ратного дела. Даже ритуалы по случаю рождения мальчика наряду с прочим предполагали вручение младенцу игрушечных лука и стрел [351, т. 2, с. 206]; дальнейший процесс его социализации в еще большей степени проходил под знаком войны. Сыновья богатых и знатных жили в доме родителей до 15 лет. Затем они поступали в калмекак (ацт. calmecac — «в рядах домов», т.е. «находящийся среди домов») — специальную школу для детей знати, располагавшуюся при храме, где их кроме обучения военному делу знакомили с правилами составления и толкования кодексов, ораторским искусством, религиозной и эпической традицией, основами управления, историей, важнейшими религиозно-идеологическими установками. Словом, они получали знания, необходимые для того, чтобы в будущем успешно управлять обществом как гражданские и военные руководители. В калмекак юноши оставались 4 — 5 лет. По достижении 20-летнего возраста они признавались равноправными членами слоя знати, могли заводить семью и рассчитывать на высокий пост, в том числе и жреческий [70, с. 386; 95, с. 485; 298, с. 243; 351, т. 2, с. 211-215; 372, с. 37].

Если же знатный юноша не отличался успехами в калмекак, его могли отдать в другую школу — школу воинов, где обычно обучались дети простолюдинов, так называемую телпочалли (ацт. telpochcalli — «дом юношей»). В отличие от калмекак, покровителем которых был бог и культурный герой Кетсалькоатль, в телпочалли господствовал дух бога войны Тескатлипоки. Другими его эвфемизмами было имена Телпочтли (ацт. Telpochtli — «юноша») и Йаотль (ацт. Yaotl — «воин»), что объясняет и происхождение традиционного названия самых юных слушателей данного заведения — телпочтонтли (ацт. telpochtontli) [298, с. 243; 351, т. 1, с. 299].

Телпочкалли были в каждой общине или квартале городского поселения. Там юноши получали лишь зачатки светских и религиозных знаний, но зато основательную военную подготовку. Новобранцы обычно проводили в телпочкалли круглые сутки (только питались дома). Жизнь их протекала между военными занятиями и выполнением различных хозяйственных работ при храме, а также участием в простейших религиозных обрядах. Нравы в этом типе заведения отличались большей свободой, чем в калмекак. Пребывание в телпочкалли, которые также называли «домом холостяков», не исключало, например, возможности иметь наложниц и любовниц (ацт. *auhanime*). Несмотря на то что знатные юноши учились и в калмекак, и в телпочкалли, между воспитанниками обоих заведений существовало традиционное противостояние, а в один из месяцев года (Атемостли) устраивали даже специальные потасовки и стычки. Из телпочкалли, как и из калмекак, юноши выходили около 20 лет от роду. По ее окончании знатный мог сделать хорошую военную карьеру, не в пример юношам из простых семей, которых ждала по преимуществу судьба рядовых воинов [173, с. 152]. Образно говоря, знатные и простолюдины, входя в одну общую дверь телпочкалли, покидали это заведение по-разному: одни через парадный, другие через черный ход.

В то время как за духовное развитие юношей отвечали жрецы, их военным воспитанием занимались опытные воины. Они назывались «командиры холостяков» (ацт. *teachcahuacan*) и возглавляли отряды из молодых воинов. Но прежде чем заслужить такое право, сами эти солдаты должны были пройти большую жизненную школу (и военную в том числе). Такие воины отличались и по внешнему виду, который менялся в соответствии с тем, как менялось их общественное положение.

До 10 лет мальчик обычно считался ребенком и носил короткие волосы. С 10 лет их начинали отпускать. Копну волос ацтеки сопоставляли с гривой койота, поэтому подростков 10-15-летнего возраста обычно сравнивали с этим животным (ацт. *moscuxpaltin*). Поступив в одну из школ, они продолжали носить эту прическу до тех пор, пока не выказывали доблести воина. Воинская же доблесть для любого, как знатного, так и простолюдина, заключалась в том, чтобы, во-первых, не попасть в плен к врагу и, во-вторых, самому захватить пленника (см. рис. 66). Если юноша, побывав несколько раз в бою, не пленил ни одного противника, его называли в насмешку «недостойный, имеющий космы койота» (ацт. *сuexpalchicaspal*). Его положение менялось с первыми успехами. Если ему удавалось пленить противника, его называли «молодой воин, который взял в плен» (ацт. *telpochtli yaqui tlamani*). Это давало право носить хлопчатобумажную одежду желтого цвета с определенного типа украшениями. Когда новый тлатоани брал своего первого пленного, устраивался очень большой праздник. Если воин брал в плен двоих, то, согласно «Кодексу Мендосы», награждался накидкой с оранжевой каймой (ацт. *tilma*) и военным костюмом, украшенным перьями (ацт. *сuextlan*). За захват в плен троих врагов отличившийся получал особую воинскую одежду, известную как «костюм бабочки». Такой воин уже имел право на командирскую должность и мог стать учителем-наставником в телпочкалли или калмекак. Захват четырех пленников позволял носить особую прическу, состоящую из завязанных высоким узлом на макушке длинных волос (ацт. *temillotl* — «каменная башня»). Она была уже признаком того, что обладатель ее — военачальник (ацт. *mexicatl* или *tolnaucacatl*). Кроме особых богатых одежд (ацт. *pacazminqui*) он надевал также во время ритуальных торжеств особую маску-шлем в виде головы ягуара. Воин, взявший в плен 5-6 человек, получал еще более богатый костюм (ацт. *хоролли*). Красную накидку с белой полосой (или сочетанием красного с белым) получали самые знатные и достойные воины, в том числе и сам тлатоани (см. рис. 63, 66, 70).

Определение степени заслуг зависело не только от числа взятых в плен, но и от происхождения пленников. Если воин брал в плен 6-10 хуастеков, то он имел право называться «военначальником». Но захват даже пяти пленников из враждебных ацтекам городов-государств, таких, как Атлишко, Уэшотцинко, Тлилиукитепек, поднимал героя на такое же положение. Этих воинов называли «орлы, которые руководят» (ацт. *quahuacame*, где орел — символ воина).

Воин, заслуживший самых высоких наград, назывался «тот, кто выполнил долг», «выполнивший службу» (ацт. *tequihua*). Так же обычно называли самых храбрых из бойцов. Во всяком случае, данное определение было принято в г. Тескоко. Там среди прочих привилегий такой воин получал право сидеть (на циновке) во время совещания командиров, проходившего в так называемом «Доме орла» (ацт. *Quauhcalli*) или «Доме воинов, выполнивших свой долг» (ацт. *Tequihuacalli*). Из числа самых знатных и достойных бойцов состоял и военный совет государства.

Именно эти люди с высшими воинскими заслугами, как знатные по рождению, так и пожалованные, получали военные и гражданские должности, хотя последнее деление условно для древнего общества. Важно, однако, еще раз подчеркнуть, что существовали сословные ограничения в порядке продвижения по службе. Для воинов-простолюдинов, прославившихся военными подвигами, фактически пределом была должность экзекутора, «исполнителя приказов» (ацт. *achcasauhtin*) при тлатоани. Для знатных по рождению таких ограничений не существовало. Правда, самые высокие чины были зарезервированы все же за членами семьи тлатоани и его ближайшим окружением. Военные заслуги отмечались присуждением соответствующих чинов и рангов на специально обставленных военно-религиозных церемониях.

Воины различались между собой и по происхождению, и по заслугам, и по возрасту. Это нашло свое отражение в возникновении их различных объединений — «орденов», восходящих, очевидно, своими истоками еще к мужским союзам.

Среди подобных союзов выделялся «орден стриженных» (ацт. *quaquachtlin, quachic*). Он объединял отборную часть воинов с титулом «выполнивших долг» (т.е. *tequihua*); для того чтобы стать членом этого «ордена», нужно было иметь по крайней мере 20 официально признанных подвигов. Таких воинов называли также «отоми» — по имени народа, который в представлениях ацтеков был хотя и храбрым, но недостаточно культурным, даже диким [137, т. 3, л. 64]. «Стриженные», или «отоми», считались самыми бесстрашными и безжалостными. Во время битвы они находились в арьергарде, составляли наиболее опытные, стойкие, ударные части, призванные обеспечивать в случае необходимости отступление войска. «Стриженные» отличались от остальных внешним видом, в частности, они оставляли на голове только одну прядь над левым ухом, которую связывали цветной лентой. Обычно «отоми» также разрисовывали одну половину лица голубым, другую красным или желтым цветом. Несмотря на воинские заслуги, они высоких постов не занимали: препятствием этому служило их незнатное происхождение. На них не распространялась и такая привилегия, как право посещать дворец тлатоани [188, с. 52; 328, с. 323; 351, т. 2, с. 140; 384, с. 400].

Почетное место в обществе занимали «старые орлы» (ацт. *cuauhuhuetque*), воины-ветераны. Являясь наиболее опытными из командиров, «старые орлы» выполняли различные нестандартные или неожиданные задания в период военных действий; они же ведали ритуалом захоронения погибших воинов, обязаны были оповещать в случае смерти его вдову и семью. По утверждению Б. Лас Касаса, погибшего воина обычно сжигали и из похода приносили пепел и одну из его стрел. Она служила основой для изготовления особого изображения (куклы) погибшего воина. После четырех дней общих заупокойных ритуальных действий, включавших наряду с прочим пение религиозных гимнов и исполнение специальных танцев, изображение, символизировавшее покойного, сжигали и пеплом посыпали его родственников. Весь заупокойный обряд в целом продолжался 80 дней, по истечении которых пепел мертвого наконец предавали земле. Семья покойного получала через «старых орлов» особые знаки от имени тлатоани, чем утверждалось признание заслуг погибшего. Все верили при этом, что души погибших воинов превращались в свиту Солнца.

Среди мужских союзов были объединения, основанные как на знатности происхождения, так и на военных заслугах. К последним относился прежде всего союз «знатных воинов» (ацт. *cuauhpilli*). По внешнему виду его члены отличались тем, что могли носить косу, заплетенную около ушей. В их вооружение входил щит белого цвета, на котором в качестве отличительного знака прикреплялись пять пучков (шариков) из перьев. Такие воины имели право не только носить хлопчатобумажную одежду, но и ходить обутыми во дворце тлатоани, присутствовать на его пирах, пить пьянящие напитки, иметь по 2-3 наложницы, но, главное, как и вся ацтекская знать, они были свободны от выплаты дани, могли распоряжаться своим имуществом (в том числе и землей), передавать его по наследству.

Особый статус имела, очевидно, охрана (гвардия) тлатоани. Составлявшие ее молодые представители знати имели свои знаки отличия. На голове у них было по 2-4 зеленых или голубых пера, прикрепленных вертикально (в отличие от других воинов, обычно носивших их свободно висящими вниз) [173]. С украшенной перьями головной повязки сзади свешивались (касаясь спины) особые кисточки (или шарики): последних было столько, сколько подвигов совершил их обладатель [173, с. 204].

Но особенно знаменитыми и наиболее известными были два «рыцарских ордена» (как обычно их называют, следуя источникам, в литературе) — «воинов-орлов» и «воинов-ягуаров». Названия «орел» и «ягуар», самых гордых и независимых созданий, известных древним мексиканцам, были перенесены на них не случайно, так как с ними связывалась целая система военно-религиозных идей и действий — уже упоминавшихся представлений о мировых эпохах, или Солнцах, практика «цветочных войн». Эти «рыцари» были знатного происхождения (достаточно сказать, что к ним, по утверждению раннеколониального автора Х. Акосты, принадлежал и сам тлатоани), выходцы из низших слоев общества среди них были редкостью [31, с. 314; 173, с. 186]. Они обладали всеми привилегиями знати по рождению [173, с. 122]. Воины этого ордена имели своих богов покровителей — у «воинов-орлов» им был Уитсилопочтли, у «воинов-ягуаров» — Тескатлипока. «Рыцари Солнца», как их еще называли, имели специфические отличительные знаки: в то время как «воины-ягуары» носили накидки из шкур животных, «воины-орлы» использовали разнообразные украшения из перьев. Все они были уже женатыми людьми. У них было специальное помещение, где на алтаре помещался образ Солнца (в виде стилизованной бабочки), - «Дом орлов». Два раза в год, в марте и декабре, когда наступал день «4. движение» по местной системе календарного исчисления, «орлы» и «ягуары» отмечали особенно торжественные праздники в честь Солнца, устраивая наряду с прочим ритуальные бои друг с другом (см. рис. 67), символизировавшие борьбу Солнца и света («орлы») с мраком и темнотой («ягуары»; как животное, ведущее по преимуществу ночной образ жизни, ягуар вполне подходил для этой символической роли) [173, с. 186-191].

Ацтекское государство не имело настоящей профессиональной армии, и большую ее часть составляло народное ополчение, в которое в случае необходимости призывались все взрослые мужчины (кроме рабов) в возрасте до 50 лет. Однако большая часть военной знати, охарактеризованная выше, составляла в определенном смысле ее профессиональный костяк. Молодые люди из телпочкалли и калмекак объединялись в группы по 4 человека, находившиеся под присмотром опытных воинов, имевших титул «отоми». Следующим, более крупным объединением была, очевидно, группа в 20 человек. Она входила в военную единицу, состоящую из членов одной общины-кальпулли. Так как численность самих кальпулли была разной, то и выставляли они неодинаковое число воинов — 100-400 человек. Во главе этой войсковой единицы стоял представитель местной родовой знати. В городских общинах военные единицы строились на основе принципа места жительства. Собственно, правила военного строительства были те же, что и при составлении отрядов для выполнения общественных работ — рабочих отрядов. Есть упоминание и о более крупной военной единице в 8 тыс. человек, что, видимо, связано с особенностями древнеацтекской системы счета.

Но вероятнее всего, именно родовой и племенной принцип были основными, и едва ли численность того или иного отряда скрупулезно подгоняли под величину соответствующей войсковой единицы. Так, согласно «Хронике X» (а следовательно, и опирающимся на нее работам А. Тесосомака, Д. Дурана и «Кодексу Рамиреса»), ацтекская армия, точнее, армия Тройственного союза определенно строилась на основе племенного и этнического признака. Состояла она из следующих основных контингентов: пять формирований обычно были из Мексиканской долины (из ацтеков, тепанеков, аколуа, чалька, шочимилька), шесть образовывали жители городов Колуакан, Истапалапа, Мешикальтцинко, Уитсилопочко (где жили куитлауаки и мишкики). Армейское вооружение (кроме именного, полученного воинами за заслуги) хранилось в специальных складах, которые имелись при каждой общине [152, с. 394; 201, с. 22; 334, с. 16; 384, с. 361; 403, с. 211].

Определяя различие в военной организации двух таких крупнейших древнеамериканских государств, как государства инков и ацтеков, один из исследователей заключил, что в то время как армия в Куско состояла в том числе и из представителей завоеванных народов, у ацтеков она комплектовалась из членов Тройственного союза, а использование военного потенциала покоренных народов было ограниченным [236, с. 207 — 210]. Этот вывод в основном справедлив. Именно в силу такого положения создавались условия для укрепления в Теночтитлане позиций военных и военной знати прежде всего для появления в собственном смысле слова профессиональных воинов [352, с. 152]. Но и покоренные народы периодически привлекались к военным действиям, особенно если последние как-то затрагивали интересы этих народов или проходили в непосредственной близости от их земель.

Что касается общей численности войска Тройственного союза, то источники называют разные цифры — от 100 тыс. [222, с. 30] до 150-200 тыс. человек [235, с. 160; 318, с. 87; 398, с. 87-88; 403, с. 30].

Воины были почитаемы в обществе, и наилучшим пожеланием для мужчины было стать хорошим бойцом и взять как можно больше пленников. Не случайно с военным занятием связан и ряд древнеацтекских суеверий. Например, не рекомендовалось класть ноги на камни очага, так как человек от этого якобы терял способность хорошо бегать и мог стать легкой добычей врага. Верили также, что воин, съевший подгоревшую кашу, будет плохо стрелять из лука, [351, т. 2, с. 31].

Словом, военные представляли в ацтекском обществе значительную силу, способную оказать влияние не только на исход сражений. Как уже отмечалось, в государствах древнего мира, к какому принадлежало и ацтекское, военный был универсальной личностью, на которую возлагались и гражданские функции — он составлял неотъемлемую часть государственной структуры управления. Как и в других древних обществах, в ацтекском накопление богатства не было самоцелью для знати, важнее было продемонстрировать его, подтвердив таким образом свою знатность, зажиточность, значимость. Поэтому обычно знать устраивала роскошные пиры по самым разным случаям — рождение, брак, разнообразные праздники в течение года, тризны по случаю погребения и др. Особенно славились пиры, устраиваемые правителями-тлатоани, к которым следует добавить и триумфы — пышные мероприятия по случаю военных побед.

Размер вознаграждения (в виде доходов с земли или богатого подарка), официальное признание зависели от знатности, военных и гражданских заслуг. Это вело к соперничеству внутри знати, что было порой выгодно тлатоани, борющимся с местничеством и родовыми устоями.

Таким образом, если суммировать всю известную нам информацию о месте и роли знати в ацтекском обществе, то можно сказать, что в доиспанский период она занимала несомненно господствующее положение, обусловленное руководством в военных делах, контролем над землей и работниками на ней, наследуемостью статуса знатности (в большинстве случаев), получением дани и руководящей ролью в управлении государством.

О численности знати в доиспанский период судить не очень просто, тем не менее попытки таких подсчетов были предприняты. Считается, что после падения г. Аскапотсалько, т.е. во время создания Тройственного союза, господствующий слой составлял около 10% населения [70, с. 384], накануне испанского завоевания его доля равнялась 5-14% [213, с. 247].

Жречество

Как и во всяком раннеклассовом обществе, огромную роль у ацтеков играли храмы, которых только в Теночтитлане насчитывалось более 70, больших и малых, а в целом в государстве — около 40 тыс. «Не было числа идолам Мексики», только у самих ацтеков почиталось около 2 тыс. богов [203, с. 259; 212, т. 3, с. 236]. Естественно предположить, что вся эта многочисленная армия богов нуждалась в изрядной доле внимания со стороны людей. И действительно, каждое из божеств было связано с определенным днем в ритуальном и сельскохозяйственном календаре, и такой день был прежде всего временем выполнения определенного обряда (см. рис. 60-62, 65). Нередко они были многодневными и накладывались один на другой. Участие в праздниках и обрядах служило признаком гражданственности и носило обязательный характер [180, с. 185]. Естественно, что главными действующими лицами в них были жрецы.

Люди никогда не предпринимали ни большого, ни малого дела, не посоветовавшись прежде со жрецами [212, т. 3, с. 232], которые, пользуясь своим положением, обличали любые недостатки и неправильные действия сородичей. Если же последние не исправлялись, то жрецы угрожали божьей карой, предсказывая за несправедное поведение чаще всего такие несчастья, как голод, повальные болезни, смерть и т.п.

По мнению С. Тоскано, к моменту Конкисты власть жречества была ослабленной [391, с. 789], однако большинство исследователей считают, что жрецы наряду с военными к тому времени играли решающую роль. Поэтому ацтекское государство было по сути своей военно-теократическим [292, с. 32]. Особенно возросла роль храмов при Мотекусоме II Младшем, возможно потому, что он стал тлатоани (в возрасте около 40 лет), уже будучи жрецом самого высокого ранга [105, с. 28; 372, с. 59].

Есть предположение, что Мотекусома II видел путь укрепления своей власти в усилении жречества, поэтому он всячески покровительствовал последнему, способствуя в данной связи и росту храмового землевладения [318, с. 83].

Действительно, через всю историю ацтеков прослеживается активная роль жречества. Так, еще в период миграции, согласно их мифологизированной истории, во главе ацтеков, вышедших из прародины Ацтлана и направлявшихся на поиски земли, обещанной их племенным богом Уитилопочтли, стояли четыре жреца — теомаме, «внимающие богу» (ацт. *teomame*; по другой версии перевода — «носильщики бога»), с которыми бог общался во время их сна [92, с. 52; 105, с. 28]. Жрецы были главными идеологами ацтекского общества, выполняя в случае необходимости «социальный заказ». Так случилось, например, при тлатоани Итцкоатле, когда по его приказу была переписана история: древние рукописи сожжены, а вместо них жрецами составлены новые, в которых история народов Мексиканской долины была пересмотрена в угоду ацтекским приоритетам.

Социальный состав жречества не был однородным: высшие ступени занимали представители знати, однако низовые этажи могли заполнять и заполняли «плебеи», для которых жреческое занятие являлось одним из путей социального продвижения (наряду с возможностью карьеры в военной и торговой сферах). Поэтому нельзя говорить о жречестве как едином и даже отдельном слое, что пытаются утверждать отдельные авторы [380, с. 130-131].

Из неоднородности жреческого сословия естественно вытекало различное положение, обязанности, права и привилегии его представителей, хотя эти моменты в сохранившихся источниках не всегда четко отражены. На положение и роль жрецов влияли ряд факторов, в том числе и этническая принадлежность: одно дело ацтекское жречество и другое — представители религиозного культа покоренных народов. С этой точки зрения ясно прослеживались две тенденции: с одной стороны, очевидны были попытки создания единого культа (в виде уже упоминавшегося Храма Всех Богов); с другой — намечающаяся подчиненность местных богов богам метрополии, поскольку жрецы покоренных народов должны были периодически отправляться в Теночтитлан, чтобы поклоняться ацтекским божествам. Место и роль жреца зависели и от того, с каким из многочисленных богов он был связан, ибо сами боги в условиях господства политеизма были неравнозначны по рангу: одно дело всесильный племенной бог и другое — бог-покровитель небольшой общины.

Клир делился, как бы мы теперь определили, на черное и белое жречество. Представители первого обязаны были соблюдать целибат (потому и наказывались жестоко, если их уличали в связях с женщинами). Об этих жрецах в источниках сообщается, что они никогда не обрезали волос и не причесывались, имели неопрятный внешний вид. Они считались если не своего рода святыми, то во всяком случае избранными богами. Большинство же жрецов соблюдали правила гигиены, следили за собой, имели семьи и ничем не напоминали первых [156, с. 74; 173, с. 111; 203, с. 256].

В храме были как временные служители, так и те, для которых пребывание в храме было основным делом жизни. Временные служители — своего рода послушники, обучавшиеся в калмекак и выполнявшие в храме некоторые обязанности. Их положение и обязанности обуславливались временностью пребывания в калмекак, и поэтому не всякий из них имел право приблизиться к алтарю. Естественно, что ведущими были постоянные, или профессиональные, жрецы, образ жизни и обязанности которых определялись уже рангом, местом в жреческой иерархии. Большинство жрецов (кроме тех, соблюдали целибат) жили с семьей, в храм они приходили для выполнения церемоний. Эти жрецы назывались обычно текипане (ацт. *tequipane* — «тот, кто имеет службу»).

Что касается иерархии жрецов, то она была довольно сложной, и специалисты до конца не разобрались в ней до сих пор. Общим названием жрецов было тламакацке (ацт. *tlamacazque*, мн.ч. *tlamacazqui* — «совершенный человек»). Самых высших иерархов обычно называли Топильтцин (ацт. *Topiltzin* — «Отец», «Наш Господин»). Иногда они получали также и титул Кетсалькоатль («Пернатая змея»), имя бога и культурного героя, считавшегося прототипом всех жрецов, их покровителем [104, с. 283; 113, с. 82; 173, с. 100-101]. Но вообще, как говорится в одном из источников, каждый район государства имел свои собственные названия жрецов [173, с. 101].

Представлению, что религиозная иерархия напрямую не зависела от светской [173, с. 34], т.е. не входила в нее и имела самостоятельное значение, противоречат данные источников. Для древнего общества типично, что жреческий титул носили и лица, стоявшие на определенной ступени светской

власти. Так, ближайший советник тлатоани, его помощник и военачальник, второй человек в государстве носил титул Сиуакоатль («Женщина-змея»), соответствующий имени одной древней богини [173, с. 208]. Считается, что во главе всех жрецов, прежде всего Теночтитлана, стоял именно Сиуакоатль³. Следующие за ним два высших религиозных чина были связаны с важнейшими богами ацтеков — племенным Уитсилопочтли и богом дождя Тлалоком, и носили соответственно титулы Кетсалькоатль Тотек тламакацки (ацт. Quetzalcoatl Totec tlamacazqui — «жрец-Кетсалькоатль Нашего Господина») и Кетсалькоатль Тлалок тламакацки (ацт. Quetzalcoatl Tlaloc tlamacazqui — «жрец-Кетсалькоатль Тлалока»). Считается, что по своему фактическому положению оба жреца играли одинаково важную роль, однако эти титулы не были наследственными и должности выборными [275, с. 537; 351, т. 1, с. 307-308]. Любопытно, что не только в Теночтитлане, но и в городах Чолула, Семпоала, Тенайука эти два жреца также были главными [113, с. 82]. В г. Тескоко, втором по важности в ацтекском государстве, верховный жрец племенного бога тескокандцев Кетсалькоатля также возглавлял жреческую иерархию. Назначение на этот пост производил правитель г. Тескоко после тщательного отбора (кандидатами были обычно его многочисленные братья). Хотя этот иерарх занимал высокое положение и его пост считался пожизненным, однако при необходимости тот же правитель мог его сместить. Носитель такого титула соблюдал celibat, за нарушение которого жестоко наказывался [314, с. 149 — 150].

Ближайшим помощником высших жреческих чинов в Теночтитлане (Сиуакоатля и двух главных богов Уитсилопочтли и Тлалока) был Мешикатеоуатцин (ацт. Mexicateohuatzin). Видимо, фактически именно он наблюдал за состоянием религиозных дел как в провинциях, так и в центре, в Теночтитлане [222, с. 22; 372, с. 37]. В свою очередь, его помощниками были жрецы, известные как Уитцнауак Теоуатцин (ацт. Huitznahuac Teohuatzin) и Текпантеоуатцин (ацт. Tecpanteohuatzin). В их обязанности входил, очевидно, контроль за ходом обучения молодежи в калмекак и телпочкалли [113, с. 83].

Учителя-жрецы (особенно и по преимуществу в калмекак, школах для знати) также были иерархизованы и, прежде чем стать таковыми, проходили ряд последовательных ступеней карьеры. Юноша, только что вступивший в заведение, фактически послушник, назывался тламакацтотон (ацт. tlamacaztoton — «самый маленький жрец») [95, с. 487; 113, с. 83]; он и его товарищи-одногодки выполняли в основном хозяйственные функции, прежде всего по содержанию храмов в чистоте. Молодые жрецы, стоящие на ступень выше, назывались общим именем тламакацке, т.е. так же, как вообще жреческое сословие. Они были организованы в определенные группы для выполнения тех или иных ритуальных действий или обрядов (например, в строго определенный момент ударами в барабаны, которые находились в храмах, отмечать время суток, что требовало круглосуточного бодрствования). Они ходили и в походы вместе с воинами, набираясь боевого опыта и даже получая военные поощрения, если их заслуживали. Еще выше по положению были тленамакацке (ацт. tlenamacazque, ед.ч. tlenamacazqui — «податель огня», от tlemaitl — «огненная рука», жаровня для воскурений), занимавшиеся, судя по их названию, выполнением очень важных частей ритуала. Из них, в свою очередь, выбирались два главных жреца-учителя в калмекак — кекетцалькоа (ацт. quequetzalcoa — «пернатые змеи»), жрецы богов Уитсилопочтли, Тлалока, Кетсалькоатля [104, с. 283].

Как видим, профессиональные жрецы имели особые названия и в связи с выполнением определенной роли в том или ином ритуальном действии. Так, тлапикшатцином (ацт. tlapixcatzin — «цензор-хранитель») назывался жрец, который отвечал за изучение и точность исполнения гимнов во время церемониала; «главный управитель хора» имел сложное имя, в котором отражалась необычная символика древнеацтекской религии — «змея из маленького перламутра» (ацт. ercohua tepictoton); особые жрецы — «певцы» (ацт. cuicanime) пели религиозные гимны [104, с. 283; 196, с. 182]. Особым уважением пользовались жрецы, известные по источникам как чачальмека (ацт. chachalmeca), происходившие из г. Чалько (чем и определялось их название). Титул чачальмека, в отличие от других жреческих рангов, передавался от отца к сыну по принципу первородства. Именно чачальмека осуществляли наиболее важные религиозные обряды — зажжение Нового огня, производимое каждые 52 года по завершении древнеацтекского календарного цикла, сложный ритуал важнейшего в пантеоне бога дождя Тлалока, сопровождавшийся кровавыми жертвоприношениями [175, с. 91; 240, с. 42-47]. Чачальмека принадлежали к жреческой элите (ацт. cuacuacuiltin или cuahuehuetque). Они обычно были старыми, заслуженными, уважаемыми людьми, поэтому как жрецов их обычно

называли «образы богов» (ацт. *tecuacuiltin* — «образ бога»; это понятие следует отличать от ацт. *ixiptla* — «образ», слова, каким обозначали жертву-имперсонатора определенного бога во время религиозного ритуала — см. рис. 64) [372, с. 58].

Выполняя очень важные религиозные функции, жрецы были также носителями и хранителями знаний. Они обучали своих учеников устно или используя особого типа раннее письмо, с помощью которого фиксировались исторические, генеалогические, обрядовые и другие сведения, знакомство с которыми было необходимо будущим представителям господствующих слоев. Эти знания носили элитарный характер, и под угрозой наказания запрещалось посвящать в них простых людей [203, с. 256].

Очень важную роль играли жрецы-астрологи, с которыми обычно советовались и правители, задумав какое-либо важное дело, государственное мероприятие, и родители, давая имя ребенку или назначая день свадьбы своих отпрысков и т.п. Для своих рекомендаций астрологи обращались к особым гадательным книгам-кодексам, строившимся в соответствии с 260-дневным ритуальным календарем. Они назывались «рукопись книги дней» (ацт. *tonalamatl* — досл. «бумага книги дней») (см. рис. 60 — 62, 65); поэтому жрецы, которые интерпретировали знаки дней в указанных книгах применительно к конкретному человеку, получили название тональпоуке (ацт. *tonalprouhque*, ед.ч. *tonalprouhqui*) [113, с. 66; 217, с. 206; 351, т. 1, гл. 2, 8, 9; 372, с. 57, 59]. Среди этой категории жрецов были и те, которые занимались наблюдением за звездами — звездочеты (ацт. *tlaciuhque*). Жрецы выполняли и роль лекарей (ацт. *titici*, *ticitl*, *teratiani* — «знахари», «маги»), которые, в свою очередь, имели до 40 специализаций. Кстати, считалось, что в противоположность им были и люди, занимавшиеся вредоносной магией (ацт. *tlatlacatecolo*); верили индейцы и в способность некоторых людей быть оборотнями (ацт. *nahualli*), в историческом разделе нашей работы мы уже встречались с наиболее ярким примером подобного рода верований (см. эпизод с Тцотцоматцином, правителем г. Койоакана).

Разнообразные жреческие титулы присваивались постепенно; информация о том, как это происходило, крайне скудна, хотя есть предположение, что новые назначения совершались каждые пять лет [95, с. 487-488; 104, с. 204 -283]. Продвижение по жреческой лестнице было связано с правом и необходимостью носить соответствующие знаки отличия, в том числе и в одежде. Интересный пример подъема по жреческой лестнице с одновременным изменением в стиле одежды сохранился в связи с Чолулой, городом-государством, соперничавшим с Теночтитланом. Там продвижение вверх к высшим жреческим чинам (культу бога Кетсалькоатля) отмечалось правом носить накидки особого цвета (в Чолуле была принята 4-летняя периодичность). Сначала жрец носил черный плащ, затем черный с красной каймой и, наконец, красный плащ-накидку [95, с. 489].

Хотя основная масса жрецов происходила из знати и обычно обучалась в калмекак, известно упоминание о специальном заведении для подготовки к профессиональной жреческой деятельности — гламакацкалли (ацт. *tlamacazcacalli* — «дом гламакацке», т.е. «дом жрецов»). Там происходило обучение высшим премудростям и будущих правителей [173, с. 112 — 113].

Не исключалось включение в жреческую среду и женщин. Жрица по имени Чимальман фигурирует наряду с мужчинами-жрецами бога Уитсилопочтли в многочисленных повествованиях ацтеков, описывающих их странствия до того, как они поселились в Мексиканской долине. Жрицы-воспитательницы при храме бога Уитсилопочтли в Теночтитлане обучали девочек в женской школе-телпочкалли. Воспитанницы, поступавшие туда в возрасте 12 — 13 лет, находились все время при храме, за исключением ночи, которую проводили дома. Этих девочек называли «девами покаяния» или «сестрами Уитсилопочтли»; они вели примерно такую же жизнь, что и юноши в своих калмекак и телпочкалли, включая разную хозяйственную работу вплоть до ткачества. Девочки-воспитанницы носили белую без украшений одежду, волосы при поступлении обрезали, но затем отпускали. Через год они покидали школу и могли выходить замуж [31, с. 241-242; 175, с. 83-86; 203, с. 238; 212, т. 4, с. 121; 351, т. 2, с. 219].

Девочки из знатных семей получали образование в женской калмекак при храме бога Кетсалькоатля, покровителя этого типа школ. Там под покровительством и руководством главной воспитательницы, «старшей монахини» из қақауилтин (ацт. *quaquacuiltin* — «те, у которых определенным образом обрезаны волосы»), над воспитанницей перед статуей бога Кетсалькоатля совершался особый обряд, означавший, что на время пребывания в школе она находится под его

покровительством [351, т. 2, с. 211-213]. Хотя в некоторых источниках этих девочек, а также их воспитательниц и наставниц часто называют «монахинями» (ацт. *cihuatlamacazqui* — «совершенная женщина», т.е. жрица) [203, с. 238], в действительности они не имеют ничего общего с этим христианским институтом, так как подавляющее большинство «монахинь» не поступали туда на всю жизнь. Все эти женщины и девушки разных возрастов давали обет служения на 1-3 года (иногда на больший срок), надеясь на содействие богов в избавлении от болезней, нужды, бесплодия и т.п. По истечении срока они могли беспрепятственно возвращаться домой [305, с. 39; 351, т. 2, с. 211], хотя, конечно, имели право остаться и навсегда (поэтому среди «монахинь» — наставниц встречались очень старые женщины). Наиболее опытные и знающие из «монахинь» и были воспитательницами и наставницами.

Жрецы имели свои каналы влияния на власть. Они занимались образованием будущих тлатоани. Жрецы высшего ранга принимали участие в утверждении на власть нового правителя, без них не проходил ритуал его интронизации. Во время последнего новому тлатоани не только делались традиционные в таком случае наставления (пожелания мудрости, смелости, верности богам и т.п.), но и, очевидно, излагалось свое видение актуальных на тот момент государственных проблем. Эту речь-наставление обычно произносил «старейшина жрецов» (ацт. *huey tlenamacac*) [351, т. 2, гл. 9 — 16]. Высшие представители жречества вместе с верхушкой знати входили в особый государственный совет, во главе которого стоял тлатоани или (в его отсутствие) Сиуакоатль. На его заседаниях решались жизненно важные вопросы.

Жрецы имели право на поощрение за воинские заслуги. Так, если «выполнившими долг» (ацт. *tequihuaque*) обобщенно называли храбрых воинов, то представители жреческого сословия, заслужившие такую же честь, назывались по аналогии «жрецы, выполнившие долг» (ацт. *tamacazquetequihuaque*) [137, т. 1, с. 65].

Таким образом, весь представленный выше материал, по нашему мнению, свидетельствует, что в экономическом и социально-политическом отношении храмы и собственно жречество были самостоятельны настолько, что могли в случае необходимости формировать (и формировали) политику государства.

Сложным является вопрос о численности жречества. Ф. Х. Клавихеро, один из историков XVIII в., писал об одном миллионе [130, с. 260; 289, с. 54]. Однако куда вернее будет ограничиться утверждением, что так как храмы были разные, то и клир они имели неодинаковый — от 4-5 до 40 человек каждый [314, с. 149].

Торговцы

Важной чертой ацтекской истории был рост экономического и социально-политического влияния торговцев. Исходя из этого очевидного факта, выдвигались предположения, что они обладали в обществе значительным весом и привилегиями [177, с. 118; 185, с. 216-217; 193, с. 90; 257, с. 24; 275, с. 532; 405, с. 1], возможно, такими же, как и у военной знати [292, с. 40-41], или даже большими, чем у знати вообще [257, с. 30]. Один из исследователей решился на рискованное сравнение роли торговцев в древнеацтекском обществе со значением буржуазии в европейской истории [257, с. 31].

Относительно того, к какому общественному слою следует отнести ацтекских торговцев, мнения весьма разнообразны: одни относят торговцев к одной группе с воинами [185, с. 215], другие считают их (как и ремесленников) фактически государственными служащими, чиновниками [65, с. 199; 380, с. 131], третьи совершенно не согласны ни с теми, ни с другими, выдвигая взамен тезис, согласно которому торговцы представляли собой совершенно новый класс, не имели никакого желания уравнивать свое положение с военными, ибо их главная цель — накопление богатства, и купцы стали бы главным классом в обществе, не случись испанское завоевание [257, с. 30; 370, с. 64]. Довольно широко распространено мнение, что торговцы (и ремесленники) были неким промежуточным слоем между знатью и общинниками. Известна и точка зрения, согласно которой торговцев следует рассматривать не по социальному, а по этническому признаку [105, с. 28-29; 118, с. 106]. В частности, выдвигалась идея, что торговцы — потомки пришлого населения, прибывшего в Мексиканскую долину с побережья Мексиканского залива [235, с. 81]. Своеобразным симбиозом

последней и предыдущих концепций является утверждение, согласно которому торговцы принадлежали по своему социальному положению к общинникам и в более ранний период были организованы в общины по этническому признаку, однако к XV в. представляли собой уже совершенно интегрированный в древнеацтекское общество социальный сектор [257, с. 30]. Наконец, есть и совершенно компромиссная точка зрения: торговцы были еще только формирующимся классом и, значит, не вполне ясным с точки зрения существа своей природы [56, с. 188; 118, с. 134].

В этом разное взглядов и подходов отражена действительная неоднозначность положения торговцев в древнеацтекском обществе. Анализируя фрагментарные сведения, сохранившиеся в источниках относительно места и роли торговцев в тот или иной исторический период, можно выявить реальную тенденцию роста их влияния в обществе вместе с развитием и укреплением ацтекского государства. Их роль постепенно возрастала с тех первых торговых операций которые осуществляли жители Теночтитлана сначала с городом-соседом Тлателолько, а затем и окружающими городами Мексиканской долины. Собственно же профессиональное купечество, находящееся прежде всего на службе у тлатоани, появляется у ацтеков лишь после образования Тройственного союза. В процессе дальнейших завоеваний создавались благоприятные условия для развития и совершенствования торговли, усложнения ее структуры, расслоения среди торговцев. В результате к эпохе Конкисты в ацтекском государстве купцы в самом деле представляли собой довольно серьезную силу, вели торговлю в той или иной форме, в тех или иных масштабах по всей Центральной Америке, а ацтекские тлатоани награждали наиболее богатых и влиятельных из них значительными привилегиями.

Можно согласиться с утверждением, что наиболее весомым и благоприятным было положение торговцев при тлатоани Ауитсотле, который использовал их услуги для военной экспансии к перешейку Теуантепек, где были богатые рынки. Сами торговцы, чтобы установить контроль над богатой южной торговлей, были инициаторами походов и фактически финансировали эти экспедиции [158, с. 190 — 192]. Оценки же их положения при последнем тлатоани, Мотекусоме II Младшем, диаметрально противоположны: он проводил тактику обуздания слишком возвысившихся торговцев [275, с. 538]; этот тлатоани, напротив, всячески поощрял их [318, с. 86 — 87], из чего делался вывод, что развитие ацтекского государства проходило последовательно через стадию решающей роли общины и общинников, затем жречества, военных, а к моменту Конкисты в нем отчетливо просматривалось явное главенство купцов [70, с. 388; 82, с. 8 — 9].

Чтобы яснее представить социальное положение и роль торговцев, можно и должно охарактеризовать их как с точки зрения места в обществе, так и внутренней организации этой социальной группы. Торговля в древнеацтекском обществе, как видели, была различной — внутренней и внешней, государственной и частной, крупной и мелкой. В ней участвовали как торговцы-профессионалы, так и люди, для которых она не являлась основным занятием. Как уже указывалось, традиционным названием древнеацтекских торговцев было «почтеки» (ед.ч. *pochtecatl*, мн.ч. *rochteca* — «люди из Почтлана»; Почтлан — «место сейбы [сушаили, капок, хлопковое дерево, Ceibe Pentandra]» — один из районов Теночтитлана, где жили торговцы) [351, т. 3, с. 24]. По своему положению профессиональные торговцы фактически приравнивались к военному сословию, а их служба у тлатоани — соответственно к военной. Действительно, как уже отмечалось, выполняя свои коммерческие задачи, отправляясь в торговые экспедиции, почтеки выполняли одновременно роль разведчиков, шпионов, изучали ситуацию в том или ином районе, еще независимом от ацтеков; при необходимости они выполняли и роль послов.

При этом схема была часто одна и та же. Обычно накануне определенной ацтекской военной кампании в тот или иной независимый район проникали почтеки; занимаясь торговлей, они изучали местный язык, находили и намечали наиболее подходящие пути и подходы для военных соединений. Этот маневр был хорошо известен, поэтому очень часто почтеки становились жертвами расправы со стороны местных жителей (см. рис. 56), которые наивно полагали, что таким суровым образом предотвратят нападение ацтеков. Однако для ацтеков расправа над торговцами была одним из законных, с их точки зрения, поводов для развязывания военных действий. По понятным причинам торговые экспедиции носили военизированный характер, а руководящие ими купцы-разведчики выступали фактически как военачальники [351, т. 3, с. 30 — 31].

Однако целевая установка у воинов и торговцев была различной — одни стремились к успеху на коммерческой стезе, другие жаждали военных заслуг и привилегий [185, с. 216 — 217]. Более то, положение купцов, особенно наиболее богатых, не было безопасным не только во время торговых экспедиций, но и внутри собственной страны, поскольку в Теночтитлане острое соперничество между торговцами и военными было постоянным. Сохранились даже смутные упоминания о том, что при Мотекусуме I Старшем некая группа купцов была «ошибочно обвинена» в преступлении и казнена. Показательно, что их имущество было использовано в качестве фонда для награждения военных. Некоторые даже считают, что известный конфликт между Тлателолько и Теночтитланом, о котором упоминалось, был порожден столкновением политических интересов военных и торговцев [185, с. 214]. Только при Ауитсотле, а затем и Мотекусуме II Младшем проблема их взаимоотношений отчасти была решена. Неудивительно в свете сказанного выше, что купцы предпочитали держать в секрете данные о размерах своих богатств. Как говорится в одном из источников, они не искали славы, известности, старались держаться скромно, опасаясь возможных посягательств на их имущество [314, с. 156]. Однако в тех случаях, когда ритуал либо какие-то общественного значения мероприятия требовали выполнения гражданского долга, общего разделения бремени расходов, торговцы делали взносы, пожертвования по разряду военных чинов [314, с. 157].

Как уже говорилось, ряд городов ацтекского государства считались наиболее крупными торговыми центрами. К ним, понятно, относился и Теночтитлан. В столице имелись преимущественно торговые районы. Так, в северо-западном районе Теночтитлана, называвшемся Куэпопан, располагались шесть социально-религиозных, территориально-родственных объединений, общин, каждая со своим церемониальным центром: Почтлан, Ауачтлан, Атлауако, Акшотла, Тепетитлан, Итстукло. Они строили взаимоотношения на основе иерархической структуры: два из них, Почтлан и Акшотла, имели более высокий статус, нежели остальные четыре.

Профессиональные купцы были объединены в закрытые наследственные группы, которые иногда называют «гильдиями» [102, с. 34; 5, с. 76; 334, с. 16; 352, с. 152; 356, с. 535]. Подобная замкнутость требовалась для сохранения своих профессиональных тайн, социальных привилегий и соблюдения специфических религиозных обрядов. Относительно структуры этих групп известно, что ее члены обычно принадлежали к одному и тому же роду, исключения бывали крайне редко [257, с. 39]. Во главе этих клановых групп («гильдий») стояли старейшины — купеческие вожди, руководители. Почтлан был резиденцией старейшины всех почтеков (ацт. *pochtecatlaitotlac*), а другой район столицы, Акшотлан, — старейшины остомеков (ацт. *axotecatli*). Это были самые искушенные в своем деле люди, самые опытные и уважаемые почтеки. Наряду с ними пользовались большим уважением старые купцы (ацт. *pochtecatlatoque* или *pochtecahuehuetque* — «старые купцы»). Они участвовали в наиболее важных церемониях и обрядах, имели те же привилегии и авторитет, что и всякие почтенные и знающие люди, например старейшины, старейшие члены земледельческой общины (ацт. *calpulhuehuetque*) или старые и храбрые воины-ветераны (ацт. *cuauhuehuetque*). Структура управления была продумана настолько, что на период военных действий торговцы имели собственного выборного военного руководителя (ацт. *quaroialatzin*).

Поскольку профессиональная торговля носила характер закрытого занятия, наследовавшегося в рамках семьи и лишь в редких случаях переходившего к иным лицам, естественно, возникала проблема профессиональной подготовки молодого поколения, постижения секретов профессии. Традиционное обучение детей торговцев обычно проходило в тепчкalli, школе для простоллюдинов, однако наиболее богатые и заслуженные могли отдавать детей в калмекак, школы знати. Что касается собственно профессионального обучения, то сыновья торговцев начинали его с участия в караванах почтеков. До того как совершить свою первую торговую экспедицию, юные претенденты назывались «молодые почтеки» (ацт. *pochtecatelporochtin*) или «молодые остомеки» (ацт. *oztomecatelporochtin*). После успешного завершения первого путешествия они получали название «ученики» (ацт. *tlazcaltin*). Этим заканчивался своего рода испытательный срок, и они становились полноправными членами клана и могли завести семью.

Экономическую основу благосостояния почтеков составляли, естественно, прежде всего доходы от торговли, поскольку они занимались наряду с государственной торговлей и частной, сочетая эти формы деятельности. Среди наиболее выгодных товаров считались предметы роскоши — различные украшения, богатые одежды, оружие, поэтому коммерческий успех очень серьезно зависел

от уровня потребностей древнеацтекской знати. В силу этого наиболее богатыми были купцы, занимавшиеся торговлей с югом, откуда в основном и поступали эти изделия. К числу богатых принадлежали и работорговцы (ацт. *tesohuani*). Эти почтеки чаще всего были царскими, поскольку значительная часть рабов поступала в распоряжение государства. Судя по сообщениям источников, складывались зачатки посреднической торговли и, возможно, появились довольно состоятельные купцы-посредники. Естественно, что особым расположением у власти пользовались царские купцы, находившиеся на службе у тлатоани в роли торговых агентов. За это они вознаграждались, как воины и знать земельными участками, входившими в категорию земель, которые некоторые исследователи определяют как частные [359, с. 30, 35]. Полученные наделы почтеки предпочитали отдавать арендаторам, поскольку сами обычно надолго были заняты в торговых экспедициях и систематически обрабатывать их не могли [314, с. 139; 409, с. 115-116].

Имущество торговцев юридически приравнивалось к имуществу знати, поэтому обе социальные группы могли продавать друг другу землю. В то время как рядовые общинники платили дань «плодами земли», купцы от такой дани были освобождены, однако делали выплаты в другой форме — поставляли тлатоани тот товар, каким вели торговлю, делали дорогие подарки [409, с. 115-116, 123]. Делалось это не индивидуально — самый старый и уважаемый из почтеков преподносил дары от имени всего торгового клана [409, с. 147]. В свете сказанного естественно заключить, что хотя торговое сословие не было единым и рядом с богатыми почтеками существовали мелкие торговцы, в целом общины купцов были, конечно, состоятельнее других, прежде всего общин земледельческих, а также ремесленных.

Наиболее удачливые из почтеков поднимались по социальной лестнице довольно высоко, они могли быть допущены ко двору тлатоани, как заслуженные воины награждены знаками отличия [351, т. 3, с. 37]. В г. Тескоко представитель самых богатых из них входил в своеобразный финансовый (казначейский) совет при местном правителе [227, с. 326]. Государство обеспечивало защиту торговцев вне пределов страны и, как уже указывалось, объявляло войну или жестоко наказывало тех, кто убивал купцов [351, т. 2, с. 272]. Почтеки пользовались и своим особым сословным судом, что в ацтекском государстве рассматривалось как большая привилегия.

У торговцев были свои профессиональные религиозные праздники, обряды и церемониал⁴. Они особенно чтили бога Кетсалькоатля в одной из его многих ипостасей — в облике бога Якатекутли — как покровителя торговли. Ритуальные обряды поклонения этому божеству использовались и во время торговых экспедиций. Каждый почтек нес особый черный посох, который олицетворял бога-покровителя торговцев Якатекутли: стремясь заручиться его поддержкой, они надеялись с помощью данного божества избежать опасностей. Когда наступало время ночлега, почтеки складывали вместе эти посохи-реликвии и совершали специальный религиозный обряд, состоящий в том числе и из ритуального самоистязания — жертвования божеству своей крови, извлекаемой с помощью уколов колючкой агавы [351, т. 3, гл. 6]. Имели они и стационарные большие и малые храмы в его честь, в том числе на рынках. Наиболее богатые из купцов жертвовали Якатекутли не только предметы своей торговли, собственную кровь, но и рабов, которых в отличие от воинов покупали на рынках. И в дни общеацтекских праздников торговцы обычно не забывали своего покровителя.

Ацтеки считали, что календарный знак «13. змей» и соответственно день, на который он выпадал, особенно благоприятен для торгового дела, поэтому они отмечали его особыми ритуалами. Во время торговой экспедиции, т.е. находясь в пути, в день «1. обезьяна» совершали обряды в честь особых «богинь женщин» (ацт. *cihuateteo*) — богинь перекрестков дорог. Согласно поверьям, они представляли собой души женщин, умерших при родах. Считалось, что их смерть — жертва Солнцу, поэтому они входили в его свиту и сопровождали от зенита до заката. После этого богини спускались на землю и на дорогах могли причинять неприятности путешественникам. Для умиловления богинь им делали жертвоприношения на перекрестках дорог, где имелись их небольшие алтари. Практиковали торговцы и свои магические приемы. Так, когда торговля тканями шла не очень бойко, купец на ночь клал между ними два стручка перца, приговаривая, что дает им «поесть», с тем чтобы на другой день выгодно продать [351, т. 1, с. 35].

Ремесленники

Материалы из сохранившихся источников, рассмотренные в научной литературе, позволяют сделать вывод, что ряд черт сближали ремесленников в древнеацтекском обществе по их положению с почтеками, тогда как некоторые другие черты — с рядовыми общинниками.

Согласно уже упоминавшейся теории социальной стратификации и социальной мобильности, ремесленники были в древнеацтекском обществе промежуточным слоем или стратой: они могли при определенных условиях подняться выше по социальной лестнице, т.е. быть причисленными к верхушке общества, но в основной своей массе тяготели к общинникам. Это вносило, по мнению сторонников такого взгляда, некоторый «элемент неопределенности» в положение ремесленников [105, с. 28 — 29].

Есть в литературе и точка зрения, согласно которой представителей некоторых ремесленных профессий в ацтекском государстве следует рассматривать не по их социальной принадлежности (т.е. относить к знати или общинникам), а по этническому признаку [118, с. 106]. Это касается, например, золотых дел мастеров, которых называют представителями то миштеков, то тольтеков, но никак не ацтеков [70, с. 388; 105, с. 28-29; 380, с. 176-177]. Но можно ли считать справедливой попытку связать возникновение ремесленного производства, а значит, второго общественного разделения труда, не с объективными общественными, а со специфическими этническими процессами? Известен, правда, и несколько смягченный вариант данной точки зрения: что к XV в. ремесленники представляли собой социальную группу, уже интегрированную в ацтекское общество и не являющуюся, таким образом, этнически замкнутой [257, с. 30].

При определении социального положения ремесленников выдвигался и тезис, что их следует считать (уже независимо от этнических корней) государственными служащими, зависящими от системы государственных заказов [380, с. 131]. Возникает, однако, возражение: разве место в структуре хозяйства (не касаясь пока вопроса, насколько вообще правомерно сведение всего древнеацтекского ремесла к государственному по преимуществу) снимает сам вопрос о социально-классовой сущности ремесленных групп населения?

В отличие от знати или торговцев, изменение положения и роли ремесленников в древнеацтекском обществе проследить практически невозможно. Мы можем только констатировать фактическую ситуацию, сложившуюся накануне Конкисты. Все известные археологические и письменные данные свидетельствуют о высоком развитии ремесла, вполне коррелирующем с активной урбанизацией общества в ацтекский период истории Центральной Америки.

Для того чтобы ремесленное производство стало самостоятельным видом общественного производства, оно должно достигнуть уровня, при котором у ремесленника появляется возможность обеспечить свою семью, для чего требуется определенный круг потребителей результатов его труда. Согласно подсчетам исследователей, скептически оценивающих степень и уровень специализации и самоокупаемости ремесла, в древней Мексике в целом (а не только у ацтеков) такие условия отсутствовали. Так, мастер по производству обсидиановых лезвий, лишь частично занятый своим ремеслом, чтобы окупить свой труд, работать эффективно, должен был обеспечивать потребности в своих лезвиях 952 семей, работая при этом в течение 100 дней; гончар за это же время — 26 семей и др. Если тот же мастер по изготовлению обсидиановых лезвий станет жить только ремеслом, то он должен будет обеспечить уже 2372 семьи (из расчета 0,1 обсидианового лезвия на одного человека и с учетом патриархального характера древнеацтекской семьи). Принимая во внимание степень технологического развития этого вида ремесла (да и других тоже), можно заключить, что физически такая интенсивность труда не под силу человеку. Вывод: только «правлящий класс», имеющий достаточно продуктов (прежде всего маиса), мог выменивать изделия ремесла, однако сам-то «правлящий класс» не был многочисленным. Для того чтобы ремесленное производство было полностью специализированным видом деятельности, т.е. переросло стадию производства изделий для непосредственного потребления производителем, должен быть достигнут такой уровень технологии и эффективности, когда представители разных социальных слоев могли приобретать их. Но как раз этого не было в высоких культурах Месоамерики [356, с. 541-542].

По нашему мнению, такие подсчеты (даже если приведенные цифры справедливы) отнюдь не адекватны реальной ситуации в ацтекском обществе. Действительно, натуральный характер хозяйства как важнейшая черта всякого раннеклассового общества сохранялся, однако самостоятельную роль

ремесла и, значит, ремесленников отрицать, безусловно, нельзя. Вместе с торговлей ремесло свидетельствует о складывании в древнеацтекском обществе второго общественного разделения труда. Что же касается узости рынка для ремесла, то он действительно был таковым для предметов роскоши, но ведь и сами они ценились выше рядовых изделий.

Общим названием ремесленников традиционно считается слово «тольтека» (ацт. *tolteca*), которое есть не что иное, как название народа, создавшего в древней Мексике высокую культуру еще до прихода ацтеков и родственных им племен: ацтекские ремесленники действительно ценили и развивали глубоко почитаемую тольтекскую культуру; название легендарного народа служило синонимом понятия «мастер своего дела». Кроме того, еще в правление Несауалькойотля целые группы ремесленников г. Тескоко считались на самом деле тольтеками по происхождению.

Хотя рядовые индейцы обычно производили все самое необходимое для существования в рамках домашнего хозяйства, это не препятствовало складыванию профессионального ремесла. В конце XV — начале XVI в. в ремесле, как и в экономике в целом, происходило усиление специализации. По источникам можно проследить наличие нескольких десятков различных ремесленных занятий (Ф.А. Иштлильшочитль называет их более 30, а Б. Саагун — около 50). Знаем мы о различных ремеслах и благодаря сохранившимся спискам дани, которую выплачивали Теночтитлану — жители разных районов государства. Это мастера по обработке дерева, камня, ткачи, гончары, оружейники, изготовители циновок, ювелиры, мастера по изготовлению изделий из перьев и др. Упоминаются даже «цирюльники» (на рынках), которые мыли и брили головы. Естественно, что наиболее распространенными были профессии, связанные с производством предметов массового потребления. Поэтому большинство ремесленников составляли гончары, корзинщики, ткачи и др. К числу редких и престижных относились золотых дел мастера, скульпторы. Они, а также цветочники, табачники и некоторые другие ограничивали свою деятельность главным образом храмом или дворцом, где изделия их рук требовались для осуществления пышных и многозначных ритуальных обрядов. Некоторые ремесла были по преимуществу женскими. К таким относилось, например, ткачество. Кстати, труд ткачих считался трудоемким и утомительным, поэтому, как сообщает один из авторов XVI в., почти у всех у них было плохое телосложение и дурной цвет лица [351, т. 1, с. 321] (см. также [137, т. 1, с. 89; 156, с. 73; 212, т. 3, с. 232; 227, с. 326; 228, с. 237; 286, с. 60; 305, с. 98; 351, т. 3, с. 5 и сл.; 410, с. 163].

Вообще же престиж ремесла в древнеацтекском обществе был высок [410, с. 142], что само по себе достаточно серьезный момент при освещении положения в обществе профессиональных ремесленников. Они делились на две основные группы: 1) ремесленники, работавшие на рынок; они либо сами торговали своими изделиями, либо прибегали к услугам торговцев, — профессионалов; 2) ремесленники, работавшие при дворце тлатоани, при дворах местных правителей, при храмах. Мы не знаем соотношения по масштабам ремесла государственного и частного. Однако по крайней мере в двух кварталах (в Теночтитлане — в Амантле и Тлателолько) жили амантеки (мастера по изготовлению изделий из перьев, которые работали на дворец). Описывая их работу, Б. Саагун писал, что среди них были «работающие на дому» (ацт. *calla amanteca*) и работавшие в счет налоговых сборов (ацт. *calpixcan amanteca*), по нашему мнению, очевидно, под руководством и контролем государственных чиновников-калпишков, о чем говорит первая часть их ацтекского названия. Можно думать, что сходное деление было и у других ремесленников. Сырье, видимо, они получали в зависимости от того, к какой категории принадлежали: добывали сами, покупали на рынке или получали от дворца.

Подобно торговцам, профессиональные ремесленники сочетали выполнение обязательных государственных работ с производством части предметов на рынок, причем среди наиболее прибыльных было производство предметов роскоши. Женщины во всех семьях пряли и ткали не только потому, что нужно было обеспечить семью, но и в силу того, что ткань входила в список дани, выплачиваемой тлатоани. Все это стимулировало производство, и в источниках XVI в. отмечается, что женщины обычно производили ткани, одежду и другие изделия в количестве большем, чем требовалось семье или для выплаты дани, от которой ремесленники не освобождались; часть изделий поступала на рынок. В особенно выгодном положении было дворцовое ремесло, связанное с производством тканей. Во дворце использовалось самое лучшее сырье, а также труд женщин, свободных от иных трудоемких домашних дел. Ткачеством в этом случае занимались жены и

многочисленные наложницы. Свое ремесленное производство было и при храмах, хотя известно о нем крайне мало, главным образом о прядении и ткачестве. Отличные ткани производили уже упоминавшиеся «монахини» — чаще знатные девушки, 1 — 3 года находившиеся в специальной школе при храме [14, т. 1, с. 144-145]. Они изготовляли ткани и изделия из хлопка или волокон агавы в количестве, достаточном для удовлетворения нужд храма и даже сверх того [305, с. 39].

Таким образом, хотя трудно определить по каждому конкретному виду ремесла, до каких пределов специализированная чисто ремесленная деятельность занимала полное время ремесленников, однако, учитывая стадию развития общества, можно предположить, что большая их часть сочетала ремесло с сельским хозяйством, обеспечивая себя многими необходимыми продуктами потребления. Но в главных городских центрах, несомненно, были ремесленники, занятые по преимуществу своим профессиональным делом; в особенности это касается тех, кто работал на дворец или рынок. В этом случае они либо получали продукты в обмен на изделия своего ремесла, либо их участки в поле обрабатывали другие люди (рабы, свободные и зависимые люди на особых условиях или по приказу тлатоани). Известен случай, когда тлатоани Мотекусума II Младший рассчитался с ремесленниками за их изделия двумя рабами, которые должны были обрабатывать их землю [118, с. 92; 235, с. 52; 385, с. 500].

Ремесленники определенных видов занятий, профессий обычно проживали компактно, определенными «слободами», т.е. районами в городах, образуя общины, хотя надо признать, что о социальной стороне жизни ремесленников нам известно крайне мало. Считается, что впервые компактное расселение ремесленников началось при Мотекусуме I Старшем и что первыми в этом отношении были именно амантеки. Так было не только в Теночтитлане, но и в г. Тескоко, который разделялся на 30 городских общин, жители которых специализировались на определенном виде ремесла или сочетании его с земледелием. В доиспанский период в Шочимилько, одной из аграрных столиц Мексиканской долины, также зафиксировано расселение ремесленников по определенным общинам (например, каменотесы и плотники жили в районе Тепетенчи) [201, с. 351].

Общины ремесленников были различными — одни более замкнутыми (например, золотых дел мастера жили по сути эндогамными группами), другие (чаще) более открытыми. Объясняется это довольно просто — мастера скрывали свои секреты, и чем сложнее было ремесло, тем менее доступно оно было непосвященным и чаще замыкалось в рамках одной семейной или родственной группы, порождая элементы кастовости и клановости. Здесь нет ничего удивительного или специфического, вспомним хотя бы во многом аналогичное положение ремесленников в древней Индии. Была еще одна причина некоторой замкнутости отдельных ремесленных профессий — бедные обучали детей своему ремеслу (начиная нередко с 5 — 7 лет), потому что так было проще, а не вследствие того, что нельзя было обучать какому-то другому [203, с. 237].

Так как в отличие от почтеков-торговцев ремесленники обязаны были выплачивать дань и жили отдельными общинами, на основе последних обычно и составлялись рабочие отряды для выполнения специфических профессиональных задач в рамках трудовой повинности. Особенно это касается плотников и иных строителей, привлекавшихся для осуществления ирригационного строительства, возведения новых или ремонта старых зданий и сооружений. В некоторых случаях мастера-ремесленники могли быть приглашены на дом для выполнения определенной работы. Это касается, например, ткачих, которые на рынках предлагали свой труд в наем. Не исключено, что состоятельные ремесленники могли привлекать таких людей в качестве своих помощников.

Древнеацтекские ремесленники имели своих богов и свои обряды. Например, покровительницей прядения и ткачества считалась богиня Шочикетсаль, которая, согласно мифологии, была первой женщиной, начавшей прясть и ткать [143, т. 6, с. 130]. Мастера, работавшие с металлом, почитали своим покровителем и патроном бога огня Шипе-Тотека⁵. Знак «цветок» в ацтекском календаре считался знаком-символом «художников» и ремесленников; тем, кто рождался в день «7. цветок», жрецы-астрологи предсказывали именно такую профессиональную судьбу. В этот день ремесленники отмечали наиболее важный свой праздник, которому предшествовали пост и воздержание в течение 20-80 дней [175, с. 403; 351, т. 1, гл. 2, 7]. Когда ремесленник заканчивал свой земной путь, во время погребального обряда рядом с ним укладывали орудия его труда [152, с. 398].

Хотя, например, в г. Тескоко имел место особый совет по «музыке, искусствам и наукам», нет достоверных данных, что ремесленники имели свои профессиональные суды подобно торговцам.

Поэтому совершенно естественным будет заключить, что, кроме, пожалуй, наиболее богатых и потому привилегированных ремесленников, основная их масса, не в пример почтекам, оставалась социально нединамичной, т.е. сохраняла свой довольно скромный статус и входила составной частью в общинную структуру, о которой пойдет речь ниже.

Община и общинники

Как уже отмечалось, «кальпулли» традиционно переводится как «группа домов», «объединение домов» или «большой дом». Основания для этого есть — не только лингвистические, но и исторические. Кальпулли действительно восходят к древним ацтекским родам — «домам». Во всяком случае, именно по этому признаку расселялись ацтеки по «кварталам» Теночтитлана после его основания. Следовательно, можно согласиться с утверждением, что кальпулли — это «древний род, который издревле владеет землей» [372, с. 28-29; 409, с. 30]. Каково же было первоначальное число таких кальпулли-родов? Данные исторических документов на этот счет противоречивы: в период странствий ацтеков, а также в момент основания Теночтитлана оно определяется в 4, 7, 15 и даже 20 [173, с. 40; 302, с. 31; 334, с. 16; 358, с. 14; 384, с. 315]. Это лишний раз демонстрирует всю сложность проблемы кальпулли. Но как бы то ни было, совершенно очевидно, что в начальный период господство родовых отношений было определяющим. Естественно также, что в дальнейшем, когда происходил активный процесс образования государства, кальпулли сохранили некоторые патриархальные элементы, в частности, и к эпохе Конкисты по-прежнему носили родовые названия.

В так называемый додинастический период (т.е. до 1372 г.) каждая кальпулли была самоуправляемой, контролируемой родовой знатью, поскольку развитой центральной власти просто не существовало. С приходом к власти тлатоани Акамапичтли (в 1372 г.) началось утверждение новой знати и постепенное ослабление роли родовых вождей кальпулли. Особенно усилились эти процессы со времени тлатоани Итцкоатля (с 1427 г.). С укреплением центральной политической власти родовые институты (в лице прежде всего вождей кальпулли) постепенно приобретают черты местного самоуправления, по словам одного из исследователей, своего рода «церковного совета», отвечающего за местные дела [70, с. 386]: они регулировали распределение земель кальпулли и сбор дани с ее членов. Как и во многих древних обществах новая знать, центральная власть постепенно превратила родовую верхушку практически в свое низовое подразделение, оставив ей контроль над общинной структурой. На фоне интенсивных и непрерывных завоеваний при последующих ацтекских правителях в структуре власти начали четко проявляться тенденции к централизму. Неудивительно, что ко времени Конкисты и последнего тлатоани Мотекусома II Младшего административно-территориальные и хозяйственные функции кальпулли явно превалировали над тем, что оставалось в ней от родовых институтов. Между кальпулли возникли серьезные различия как по внутренней структуре, так и по месту в обществе при сохранении в них по-прежнему ключевой роли господствующих родов.

Решительное наступление на родовые институты предпринял Мотекусома II Младший. Он провел административную реформу, осуществление которой лучше известно на примере Теночтитлана. Правитель заменил всех «древних вождей» на верных ему людей и разделил город на четыре (или большее число) района. Его мероприятия встретили известное сопротивление, и трудно сказать, как развивались бы далее эти процессы, не появившись испанцы. Не известно, насколько эти преобразования коснулись местных общин в провинции, скорее всего, они продолжали жить своими собственными законами.

Из-за недостатка информации внутренняя структура кальпулли никогда не была для исследователей до конца вполне понятной [352, с. 153].

Во главе кальпулли стоял вождь, кальпуллек (ацт. *calpullec*). Он обязательно должен был принадлежать к данной кальпулли, а также быть «знатным», т.е. иметь достаточный авторитет, чтобы отстаивать интересы общины перед государством и другими кальпулли. Кальпуллек был лицом, занимающимся вопросами хозяйства, отвечающим за сбор дани и выполнение трудовых повинностей, налагаемых на кальпулли государством. Ведал он и соблюдением ритуалов, отвечал за выполнение обрядов, сам принимал в них непосредственное участие. Так, когда воины возвращались из похода, старейшины общины наносили церемониальные визиты к каждому из них, начиная с командиров, и

получая за это угощения и подарки. Кальпуллек был одним из главных действующих лиц и при поминальном ритуале по случаю гибели воинов в бою [173, с. 171 -173; 409, с. 34-35, 201].

Государство, по-видимому, ничего, касающегося общинных дел (и особенно судьбы общинной земли), не предпринимало без согласия и официальной поддержки кальпуллека. Хотя формально этот пост не был наследственным (кальпуллек избирался главами родов и фамилий), фактически же он часто доставался сыновьям или родственникам умершего главы общины. Это обеспечивало сохранение власти в кальпулли в руках определенной семьи. Таким образом, господство родовой верхушки, по крайней мере в большинстве кальпулли, прослеживается вполне определенно.

Каждая кальпулли была разделена на группы домов (семей). В источниках чаще называются объединения в 20-100 домов. В порядке сравнения можно сказать, что в близком по политической и социальной структуре, но враждебном ацтекам городе-государстве Тлашкала также были объединения общинников в 20, 60, 100 домов. У ацтеков это деление было продиктовано прежде всего необходимостью упорядочивания и организации несения военных и трудовых повинностей. Однако эти же подразделения общины с успехом использовались для организации управления общиной вообще. Во главе их стояли ответственные лица общинного уровня — главы 20 семей (ацт. *centecpanrixque*), 60 семей (ацт. *etecpanrixcauotl*), 100 семей (ацт. *macuiltecanrixcauotl*), своеобразных ацтекских центурий. Разумеется, наиболее крупных подразделений (например, в 100 семей) могло и не быть, если община была небольшой.

Эти лица, вероятно, непосредственно подчинялись кальпуллеку и входили в традиционный для общинного института совет общины, с которым, очевидно, структурно был связан и совет старейшин. Во главе последнего стоял особый глава (ацт. *teachcauh*), а составляли его «старейшины кальпулли» (ацт. *calpulhuehutque*), т.е. наиболее старые и уважаемые люди, которым, кстати, отводилась важная роль и в церемониале, а не только в решении определенных управленческих задач. Эти люди играли ту же роль в общине, что и в структуре армии уже упоминавшиеся старые солдаты (ацт. *cuauhuetque* — «старые орлы») или старейшие торговцы (ацт. *rochtecahuehuetque*) в торговых кланах.

В системе управления кальпулли играла свою роль и сходка всех полноправных членов общины, которая, очевидно, вместе с советом общины и советом старейшин выполняла функции общинного суда, где разрешались не очень сложные внутренние конфликты. Обычно председательствовал кальпуллек, а ему ассистировали старейшины общины и некоторые другие лица из управления.

Общинники могли участвовать в местном управлении только на общинном уровне. Что же касается кальпуллека, то он осуществлял связь с другими кальпулли и с государством. В этом качестве он участвовал в особом верховном совете в Теночтитлане, где председательствовал тлатоани. Присутствовал кальпуллек и на официальной церемонии интронизации нового тлатоани.

Члены кальпулли (скорее, видимо, ближайшее окружение кальпуллека) часто собирались в его доме, чтобы обсуждать различные общинные проблемы, например, вопросы выплаты налога и дани, устройства празднеств и т.п. Надо сказать, что подобные обсуждения были накладными для кальпуллека, потому что ему полагалось устраивать угощение за свой счет. Это, кстати, — одно из проявлений сохранявшихся родовых традиций в жизни древнеацтекской общины [409, с. 35].

Хотя государство фактически использовало общинную верхушку как низшее звено своей структуры управления, кальпулли оставалась автономной единицей, слабо связанной с политической жизнью государства. Нельзя поэтому утверждать, что кальпулли была гражданской общиной, члены которой, как известно, сочетали право на землю с политическими правами в рамках государства (ср. античный мир), а не только в узких пределах общины. Но тем не менее община представляла собой, как и в других обществах древневосточного типа, бастион, защищавший интересы масеуалов-общинников от деспотической центральной власти.

Каждая община имела своего горнего покровителя, «бога кальпулли» (ацт. *calpulteotl*) [410, с. 110]. Храмы кальпулли, если верить изображениям в пиктографических кодексах (см., например, «Флорентийский кодекс», кн. 2, рис. 5), не были, подобно общенациональным, большими, величественными сооружениями. Это были просто обычные дома (более напоминающие хижины) на низкой платформе. Они, как правило, находились внутри территории, окруженной невысокой стеной;

рядом с общинным храмом, как правило, стояли другие дома-хижины, предназначенные для осуществления всеобщинных мероприятий. Особая роль среди них принадлежала «общинному дому» (ацт. *calpulco*), который предназначался для проведения некоторых церемоний, разного рода встреч, собраний и т.п. Очевидно, «на балансе» общины и общинного храма были также помещения для телпочкалли, «школ юношей», также находившихся на храмовой территории. Кстати, надзор за состоянием дел по воспитанию и подготовке юношей в телпочкалли входил в компетенцию кальпуллека и совета общины; непосредственно воспитанием занимались жрецы и опытные солдаты.

В ацтекской общине-кальпулли действовал принцип взаимопомощи, хотя и в определенных пределах. Община могла помогать некоторое время своим несостоятельным членам (больным, сиротам и т.п.). Нередко помощь оказывалась на первых порах и молодым семьям, например, материально поддерживался бедный жених [212, т. 4, с. 232].

На масеуалов-общинников приходилась выплата и самой значительной части дани, прежде всего в виде продуктов земледелия, а также простейших изделий ремесла, которые производились в домашнем натуральном хозяйстве; к этому следует добавить несение трудовых и воинских повинностей.

В жизни кальпулли противоречиво сочетались традиционные моменты и веяния нового. Так, в источнике утверждается, с одной стороны, что «не могло быть никакой речи» о переходе из одной кальпулли в другую «по желанию», ибо существовал закон, по которому человек должен жить там, где жили его «родители» и «предки» [410, с. 128]; а с другой стороны, в нем же сообщается, что в «каждой кальпулли были разные по занятиям люди», к примеру торговцы [409, с. 115]. Ясно, что к началу Конкисты внутри общины совершенно определенно складывалась некая социальная дифференциация.

Верхушка кальпулли стала составной низовой частью знати, которая в условиях древневосточного типа общества не могла выйти за рамки общинной структуры. Рядовые общинники-масеуалы при некоторых обстоятельствах могли подняться до уровня знати, например за военные заслуги, хотя их отличие от знати по рождению всегда сохранялось. При благоприятных обстоятельствах общинник мог в качестве вознаграждения за заслуги получить определенный административный пост за пределами общины. Так, есть мнение, что некоторые из чиновников, занимавшихся сбором дани, уже упоминавшиеся неоднократно калпишки, могли быть незнатного происхождения. Некоторые из общинников в г. Тескоко, как сообщал историк Х. Помар, не будучи знатными, имели средства, достаточные для того, чтобы содержать больше одной жены и передавать свое имущество детям. Х. Торкемада утверждал, что в городах обычно были группы людей, которые образовывали как бы среднюю ступень между знатью и «очень простыми людьми» [103, с. 66; 104, с. 195; 118, с. 107; 214, с. 130; 389, т. 2, с. 185-186].

Статус общин-кальпулли был неодинаков. Сказанное выше по преимуществу относится к ацтекской сельской общине, которая находилась в привилегированном положении по сравнению с общинами остальных этнических групп, составлявших население государства. Отчасти о политических привилегиях ацтекской кальпулли говорит, к примеру, то, что старейшины общин покоренных ацтеками народов проходили утверждение в вышестоящих инстанциях [409, с. 201], в то время как верхушка кальпулли господствующего этноса была избавлена от этого. Для древнего общества такое правовое разграничение между народами вообще характерно. Существовало, кроме того, различие между общинами городскими и сельскими земледельческими. В первых же исключалось сочетание уже двух занятий — ремеслом и земледелием, что было в конце концов одним из путей формирования общин ремесленников и торговцев.

По данным раннеколониальных источников, во второй половине XVI в. в Куаутитлане, в районе Мексиканской долины, 57,7% населения имело древний статус масеуалов [339, с. 123]. Что же касается доиспанского периода, то, согласно некоторым подсчетам, в обществе в целом масеуалы составляли до 90% населения, хотя в отдельных районах ситуация могла быть несколько иной [105, с. 31]. О масеуалах говорили поэтому как о «хвосте» и «крыльях» тлатоани-правителя (ацт. *cuitlapilli*, *atlapalli*), сравнивая последнего с орлом. Часть общинников-масеуалов при определенных обстоятельствах приобретала статус майеков.

Среди исследователей нет единогласия относительно сущности этой социальной группы. Одни акцентируют внимание на недостаточности сведений об их положении [235, с. 142; 371, с. 38]. Другие считают майеков «крепостными», «сервами» или «рабами», труд которых использовался всеми, кто имел права на землю [115, с. 871; 166, с. 222; 193, с. 90; 213, с. 249-250; 289, с. 61; 314, с. 138; 318, с. 17; 342, с. 52; 352, с. 153; 380, с. 131]. Третьи видят в них, по сути, масеуалов, ибо положение обеих социальных групп, по их мнению, было фактически одинаковым [339, с. 122]. Четвертые полагают, что майеки — особая категория неграждан, земледельцев без общинного надела, отличавшаяся, однако, от собственно рабов [371, с. 38]. Пятые считают, что, возможно, майеки когда-то имели землю, но потеряли ее в результате военных захватов ацтеков, т.е. являлись земледельцами иного этнического происхождения, нежели ацтеки; они обрабатывали для ацтекской знати те самые земли, которые когда-то принадлежали их общине и им как общинникам [56, с. 186; 65, с. 200; 118, с. 114 — 117; 318, с. 17]. Это могли быть и индейцы (неацтеки), которые покинули свои земли в результате войн или иных политических потрясений с тем, чтобы передать себя под покровительство ацтекского тлатоани [371, с. 38].

Рассматривая вопрос в историческом плане (отчасти под влиянием описанных выше точек зрения), отдельные исследователи считают, что изначально те, кто определяются в литературе как майеки, были обычными свободными членами общины-кальпулли [318, с. 92]; однако после образования Тройственного союза и начала завоеваний создались условия для появления этой новой социальной категории, причем, естественно, сначала только в пределах Мексиканской долины, а затем, по мере расширения завоеваний, и вне ее. Прежние общинники, оставаясь на их общинном наделе, переходили на положение майеков. Ко времени тлатоани Ашайакатля земледельцы-общинники могли лишиться прав на землю, причем это коснулось ацтекских масеуалов, а не только неацтеков. Таких безземельных людей (но не рабов) уже могли посылать за пределы исконной территории на новое местожительство в качестве колонистов. Так было, например, при выводе ацтеков-масеуалов в долину Толуки, в результате чего они потеряли связь со своей прежней кальпулли [318, с. 93].

С нашей точки зрения, все сказанное выше с разных сторон отражает реальное положение этой специфической, если не несколько загадочной группы населения ацтекского государства. Для полноты картины важно подчеркнуть, что о майеках говорится практически лишь в одном источнике; в других же, когда речь идет о масеуалах-общинниках, майеки не упоминаются. Имеется в виду широко используемое в настоящей работе сочинение испанского раннеколониального автора А. Сориты [409; 410]. Правда, упомянуто о майеках в одном из принадлежащих М. Кортесу, сыну Э. Кортеса, писем, которое он направил испанскому королю, а также в записях судебных дел, связанных с именами М. Кортеса, того же А. Сориты, который силой обстоятельств председательствовал при их рассмотрении [213, с. 254]. Но в любом случае именно работа А. Сориты — основной источник по майекам. В ней сообщается, что они были земледельцами, которые обрабатывали «чужую землю» [409, с. 117] (см. также [127, с. 19], — не случайно само слово «майеки» (мн.ч. *maeque*, ед.ч. *mae*), как уже отмечалось, переводится как «те, кто имеют руки», т.е. являются хозяевами только собственных рук [193, с. 89].

Появление майеков как социальной категории было результатом как сложных процессов имущественной дифференциации общины, появления частного владения, так и завоевательной политики ацтеков. По нашему мнению, наиболее интенсивно и масштабно превращалась в майеков часть общинников в районах, покоренных ацтеками, поскольку тлатоани очень часто награждали своих воинов землями вместе с земледельцами, обрабатывающими их. И хотя последние не становились рабами, статус их понижался, и поэтому считать их в полном смысле слова масеуалами-общинниками не приходится.

Многочисленные военные действия, подавление бесконечных антиацтекских выступлений в покоренных районах приводили к насильственному разрушению традиционных общинных структур, порождали передвижения больших людских масс. Спасаясь, некоторые из них вынуждены были селиться в новых местах. Например, когда ацтеки подчинили Чалько, многие из его жителей бежали в Уэшотцинко, где и обосновались [215, с. 248]. Правда, Уэшотцинко — город-государство, соперничавшее с ацтеками, однако аналогия в данном случае (как и во многих других) абсолютно

корректна. Потерявшие связь с общиной, в ряде случаев просто уничтоженной, бывшие масеуалы оказывались перед необходимостью за определенную долю урожая обрабатывать чужие, общинные или частные, наделы (у богатых купцов, знати). Они становились «арендаторами-данниками» [409, с. 199; 215, с. 249-250; 352, с. 153; 410, с. 199]; часто их называли также «рука земли» (ацт. *tlalmaitl*). Правда, в одном из документов, относящихся к общине Яутепек (штат Морелос) и датированных концом 1530-х годов, т.е. временем, крайне близким к Конкисте, «арендаторы» — майеки назывались иным термином — *tequinanamique* [98, с. 375-376; 213, с. 255].

Особенности положения майеков, их отличие как от общинников-масеуалов, так и рабов явно вырисовываются при рассмотрении суммы выполняемых ими обязательств. Все выплаты они делали не верховному правителю и государству, как масеуалы, но только своему хозяину [409, с. 29, 117]. Рента-дань, которую они платили, составляла часть урожая, варьировавшуюся в зависимости от числа майеков и их договора с хозяином [173, с. 72; 212, т. 3, с. 221; 409, с. 30, 117] — от 1/3 [212, т. 3, с. 221] до 1/5 [213, с. 245]. Майеки выполняли и различные повинности, хозяйственные работы — участвовали в заготовке и доставке хозяину топлива, воды, ремесленных работах и др. [409, с. 29, 117]. Они, не в пример масеуалам, были свободны от общественных работ в пользу государства и тлатоани, однако воинская повинность на них распространялась [409, с. 117].

Майекам приходилось, видимо, жить бок о бок с масеуалами, но само собой разумеется, что никаких прав на общинную землю и участие в жизни кальпулли они не имели, хотя, конечно, масеуалы и майеки могли оказаться рядом при выполнении каждым своих обязательств по отношению к знати [213, с. 251; 235, с. 142; 342, с. 52]. Майеки не могли своевольно покидать свои наделы. Это, однако, объясняется, по нашему мнению, не сходством со средневековым крепостным правом, как полагают некоторые [380, с. 131], а тем, что система взаимных обязательств связывала хозяина и арендатора. Основной массе майеков, вчерашним общинникам, жить без земли было невыносимо, они держались за нее и в случае смерти хозяина обычно переходили под покровительство (патронат) наследника. Нам не кажется поэтому натяжкой утверждение автора одного раннеколониального источника, что обычно хозяин не создавал для майеков тяжелых условий, дабы они не «поднимались против него» [409, с. 121]. Нет также свидетельств, что хозяин имел право юрисдикции в отношении майеков, т.е. он не мог насильно удерживать или наказывать их.

Кстати, на основании этих данных был выдвинут тезис, согласно которому разница между майеками и масеуалами стала очевидной только после испанского завоевания (так, общинники платили дань испанской короне, а майеки нет); поэтому именно тогда, точнее, в середине XVI в., и появляется само понятие «майеки». До прихода же европейцев, с этой точки зрения, такого специального разграничения не существовало, поскольку майеки отличались от общинников-масеуалов только в некоторых деталях пользования землей, объектом выплаты дани (государство или частное лицо), местом проживания [213, с. 254]. На эти утверждения возникает совершенно естественное возражение: разве так уж не важны вопросы, где жил, кому делал выплаты, какие имел права на пользование землей человек раннеклассового общества? Насколько известно, это важнейшие, принципиальные моменты, определяющие его положение в обществе. Да, майеки не были рабами, но не являлись и масеуалами, защищаемыми общинной структурой. К тому же определенная часть майеков оказалась и вне важнейшего в древнем обществе родового или племенного культа. Не придавать этому значения при анализе положения майеков нельзя.

Те из майеков, которые по тем или иным причинам не попадали в арендаторы, а также получающие недостаточные для жизни доходы, могли пополнить ряды ремесленников, наняться в торговые караваны в качестве носильщиков (ацт. *tlameme*, *tameme*, ед.ч. *tlamama*) [156, с. 73; 351, т. 3, с. 14; 411, с. 361]. Впрочем, эту роль, как уже говорилось, могли выполнять и масеуалы-общинники в порядке общественной повинности.

Нельзя с точностью сказать, какова была доля майеков в общей массе населения. Один из исследователей даже утверждает, что процессы перераспределения земли были столь активны, что к моменту Конкисты майеки составляли до 1/3 всего населения [318, с. 93]. Однако эта цифра отражает, очевидно, ситуацию раннеколониального периода (1548 г.), когда на Мексиканском нагорье майеки составляли до 35% населения [155, с. 74]. Поэтому, видимо, правильнее будет согласиться с мнением, что в целом майеков (и рабов, кстати) было меньше, чем масеуалов, однако на частной земле знати

они были преобладающими. Во всяком случае, именно такая картина наблюдалась на территории, соответствующей нынешнему штату Морелос [342, с. 52].

Майеки, как особая социальная группа, пережили испанское завоевание и с несколько измененным статусом продолжали обрабатывать земли новых хозяев. В раннеколониальных источниках они известны под названием *terrazgueros* [115, с. 872].

Рабы

Нижний уровень древнеацтекской социальной структуры составляли рабы. Вопрос о характере рабства в этом обществе принадлежит к числу весьма непростых. Действительно, хотя все исследователи, опираясь на материалы источников, сходятся на том, что положение рабов в обществе было наихудшим [105, с. 29], определение их конкретного места, роли, стадии рабовладения породило диаметрально противоположные мнения.

Так, по одним взглядам, рабы никогда не играли решающей роли в жизни ацтекского государства, ибо были заняты в основном в домашнем хозяйстве или предназначались в качестве жертв в кровавом ритуале. Поэтому способ общественного производства, господствовавший там, достаточно далек от рабовладельческого [380, с. 131]. По мнению сторонников этой точки зрения, рабы не играли существенной роли в классовой структуре ацтекского общества, ибо их социальный статус не наследовался [113; 115; 380, с. 131].

Другие ученые, напротив, считают, что рабство в Тройственном союзе было широко распространено и играло значительную роль [63, с. 271; 121, с. 129; 371, с. 36]. Некоторые из них полагают, что статус раба у ацтеков был таким же, как в греко-римском мире [371, с. 37], где, как известно, раб был низведен до положения «говорящей вещи». Другие утверждают прямо противоположное — что нет оснований для проведения аналогии с античным миром, ибо раб в древнеацтекском обществе не рассматривался «говорящим орудием», и применительно к нему нельзя использовать понятие «вещь». Более того, раб считался юридическим лицом, не зависел полностью от хозяина, рабство носило договорный характер [302, с. 120; 314, с. 140] и предполагало лишь служение хозяину и ограничивалось определенным сроком [64, с. 26; 130, с. 220]. Есть, конечно, и более осторожный подход к проблеме. Склонные к нему авторы подчеркивают ее сложность. В частности, они полагают, что, хотя ранние испанские хронисты и историки обычно переводили слово *tlacohtli* (мн.ч. *tlacohtin*, *tlatlacotin*) как «раб», данное слово нередко используется ими и применительно к другим категориям населения, таким, как военнопленные, которые не были рабами в собственном смысле слова, а иногда и в связи с майеками. Нельзя поэтому утверждать, полагают они, что все ссылки на «рабов» в раннеколониальных источниках обязательно касаются этого класса [104, с. 199; 193, с. 90; 213, с. 256; 371, с. 36, 63].

Надо сказать, что на необычность и нетрадиционность ацтекского рабства справедливо указывали еще в XVI — XVII вв. первые европейские хронисты и историки, сравнивая его с аналогичным явлением в Старом Свете (см., например, [305, с. 170; 203, с. 249; 305, с. 170; 389, т. 4, с. 356]. В действительности, как увидим ниже, были в ацтекском рабстве черты и общие и специфические.

Практически все известные индейские и европейские авторы эпохи первых десятилетий испанского владычества отмечали существование у ацтеков такой социальной группы, как рабы. В пользу того, что рабство было достаточно обычным и привычным явлением, говорит и факт упоминания о нем в гадательном календаре. Так, лицам, родившимся под знаком «оцелот» и «кролик», угрожала опасность попасть в рабство при неблагоприятном стечении обстоятельств [175, с. 399-404; 351, т. 1, с. 320]. У ацтеков был и ряд суеверных примет, так или иначе ассоциирующихся с опасностью стать рабом (например, крики некоторых птиц, неясные звуки в горах и т.п.) [351, т. 2, с. 43 — 65]. О привычности рабства как явления социальной жизни древнеацтекского общества говорит также то, что рабы входили в список дани, поставляемой покоренными народами [64, с. 36; 173, с. 160]. Так, согласно сообщению Б. Диаса, правитель г. Семпоалы жаловался Э. Кортесу, что каждый год ацтеки требовали от них «много сыновей и дочерей для жертвоприношений и для работы на их полях и в домах» [14, т. 1, с. 64; 235, с. 96-97]. Наконец, известные нам источники говорят о широко

распространенной торговле рабами и о высоком положении торговцев рабами среди других категорий купцов.

У ацтеков, насколько известно, не было принято клеймение рабов, однако роль клейма выполнял особый деревянный ошейник-ярмо (ацт. *cuauhcozcatl*) с небольшими бубенчиками, сквозь который проходил прут около 1 м длины, — атрибут достаточно неудобный, но зато заметный (см. рис. 54, 69). Рабов обычно и различали по ярму, само ношение которого было настоящим наказанием (хотя, как увидим ниже, на рабов не всегда его надевали). Никто, кроме хозяина, не мог снять с раба ярмо [203, с. 250-251; 213, с. 255; 314, с. 140; 389, т. 4, с. 360]. В связи со специальными знаками рабства нельзя пройти мимо сообщения Х. Торкемады, согласно которому обычно индейцы прокалывали уши для того, чтобы носить украшения, и если кто-то из них становился рабом, то в знак этого ему разрывали мочку ушей [64, с. 69; 389, т. 4, гл. 16-17].

Рынок работорговли по законам ацтекского государства — это уже ступень в системе рабства, за которой начиналась практически абсолютная зависимость раба от хозяина. Этому этапу предшествовали другие, отражавшие разные стадии зависимого состояния. Каковы же были те обстоятельства, которые приводили в неволю ранее свободных людей? Какими были источники рабства? Они довольно традиционны, об одном уже шла речь — долговое рабство.

Сведения о нем разнообразны — от общей констатации, что рабами могли стать люди нуждающиеся [203, с. 250], до конкретных рассказов, как это случалось. Частным случаем возникновения долговой кабалы называется, например, невозврат взятых в долг накидок (куачтли). Если вспомнить, что куачтли выполняли роль денег, средства обмена, то станет ясно, что в данном случае имеет место невыплата долга, а она — первейший путь в рабство [65, с. 59; 118, с. 122; 166, с. 225-226].

Довольно широко была распространена, судя по источникам, самопродажа в рабство, а также продажа членов семьи. Патриархальная семья являлась, таким образом, одним из каналов пополнения армии рабов. Основными причинами этого были долги или голод. Голод, вызванный неурожаем, был в древней Мексике нередким явлением, но иногда он приобретал как бы общенациональный характер. Эти трагические годы зафиксированы индейскими историческими хрониками. Одно из наиболее ранних подобных бедствий приходится на год «7. кролик» при тлатоани Итцкоатле (ок. 1435) [37, с. 49]. При его преемнике, пятом тлатоани Мотекусоме I Старшем, вследствие неурожая разразился еще один страшный голод (датируется он по-разному: 1450 или 1454-1456 гг.) [174, т. 2, с. 241-244; 228, с. 205 — 206; 384, с. 167]. В годы правления последнего из доиспанских тлатоани, Мотекусомы II Младшего, было по крайней мере два таких крупных несчастья — недород, засуха и, как следствие, голод 1505-1507 гг. (см. рис. 19) и 1513 г. [228, с. 308; 351, т. 2, с. 23 — 24]. И хотя власти старались смягчить последствия бедствия, используя неприкосновенный запас из государственных складов (например, при Мотекусоме I), ситуация в стране была, безусловно, трагической. Один из наиболее значительных хронистов XVI в., Б. Саагун, рисует ее следующим образом: «Когда случался... голод... многие бедняки, мужчины и женщины, продавались в качестве рабов, а покупали их богатые, у которых были... большие запасы продуктов... бедняки продавали не только самих себя, но также... своих детей и весь свой род» [351, т. 2, с. 269] (см. также [203, с. 250; 351, т. 2, с. 309]. Как писал другой автор, уже индейского происхождения, Ф. А. Тесосомок, в периоды голода, чтобы избежать смерти, люди «отдавали себя за алмуд (около 4,5 л. — В. Б.) маиса» торговцам и те продавали их [384, с. 167]. Наконец, и историк XVI в. Д. Дуран сообщал, что родители продавали своих детей «сеньорам», чтобы они смогли спастись [173, с. 147]. В такие смутные времена продажа несчастных осуществлялась не только в близлежащие районы (например, в чинамповые области Чалько, Мишкик, Куитлауака), но и на чужбину. Так, в 1454 — 1456 гг. трагедией ацтекских общинников воспользовались тотонаки — народ, хотя и являющийся данником ацтеков, но достаточно чужой [174, т. 2, с. 241-244; 351, т. 2, с. 23 — 24; 384, с. 167-170].

В это же время создавались условия для формирования скрытых форм рабства, напоминающих «оживление» по среднеассирийским частнопроводным документам, т.е. закабаление без открытого приобретения рабского состояния. О его существовании можно отчасти судить по данным первых лет колониального периода. Так, описи домовладений в Тепотслане и Яутепеке (нынешний штат Морелос) свидетельствуют, что в период 1530-х годов ряд таких домовладений включали и людей, не связанных с главой семьи, хозяином, узами родства. Такие люди назывались

«сирота», «бедный человек» (ацт. *icnotlacatl* или, что характерно и более выразительно, «поддерживаемый», «вскармливаемый» (ацт. *nenqui*), «живущий благодаря ему», т.е. хозяину (ацт. *iyupal nemi*). Насколько можно судить по данным документа, их отличали от собственно рабов (т.е. *tlacohtin*). Эти «сироты» получали поддержку со стороны главы домохозяйства в обмен на работу в данном владении, чаще в качестве слуг. Кроме них у некоторых хозяев имелись зависимые от их хозяйств (ацт. *ytech poui*) — «те, кто помогают платить дань» (ацт. *tequinanamique*). Это были как родственники, так и неродственники хозяина. Они арендовали землю у владельца, отдавая взамен часть урожая и выполняя другие работы [99, с. 241; 213, с. 257-259]. Хотя данная информация относится к первым десятилетиям колониального периода, однако в отражаемых ею порядках можно видеть влияние не только европейских форм землевладения, но и доиспанских, в частности пережитки аборигенного рабства и остатки института майеков-арендаторов.

Трагизм положения людей, попавших в экстремальные условия голода, только подчеркивается сообщениями источников о том, что некоторые, уже заложившие себя, пытались сделать это вторично. В источниках подобные действия квалифицируются как «хитрость», «ловкость» [305, с. 173; 389, т. 4, с. 356], в действительности же речь идет, понятно, об их отчаянных попытках спасти себя и членов своей семьи.

В большой степени самобытность ацтекской рабовладельческой системы проявлялась в сочетании собственно рабства и его скрытых форм. Дело в том, что в рабство в зависимости от ситуации попадали иногда не все члены семьи, и в таком случае она могла состоять как из свободных, так и рабов. Это давало возможность при необходимости свободному члену семьи заменить несвободного (например, если последний женился), т.е. поменяться с ним социальным положением. Подобные операции имели большой экономический смысл, поскольку с хозяином заключалась новая сделка о переходе в рабство нового члена бедной семьи, в результате чего последняя получала некоторую дополнительную плату. Переход в рабство в таком случае предполагал публичную церемонию в присутствии 4 свидетелей — очень уважаемых людей. Фактическое осуществление этого закона приводило к возникновению особого типа рабства, которое называлось «старинная повинность», «старинное рабство» (ацт. *huehutlatlacolli*). Суть его состояла в том, что семья должника обязана была постоянно предоставлять раба в распоряжение хозяина, и в том случае, если работник умирал, его должен заменить другой. Это право хозяин терял только в том случае, если раб умирал в его доме (т.е., очевидно, по его вине). Возможно, также именно по данной причине последние, сохраняя свой статус, не жили в доме рабовладельца, а приходили туда только для работы. Правда, в источниках указывается, что такие рабы ценились очень дорого [203, с. 250; 305, с. 173; 389, т. 4, с. 356, 358-359]. Но самым показательным было то, что если кто-то из семьи, зависимой от рабовладельца, заводил собственную, он не освобождался тем самым от обязательств по отношению к хозяину. Более того, каждый из членов его новой семьи становился потенциальным рабом [203, с. 250; 305, с. 173]. В результате рабовладелец и его наследники расширяли свои права на все большее число семей, хотя формально первая из них, попавшая в кабалу, и не состояла полностью из рабов.

Еще одним путем обращения в рабство было судебное решение. В рабство по решению суда отдавали за невыплату дани, внесение которой было долгом и ацтекских общинников, и покоренных народов. Если в положенное время дань не выплачивалась, должника помещали в тюрьму, назначив определенный срок. Когда и после этого она не вносилась, должника судили, и он становился рабом [64, с. 59; 118, с. 122; 235, с. 90; 316, с. 25]. Некоторые авторы этот источник рабства считают основным [166, с. 225; 232, с. 99; 371, с. 36]. Через суд в рабство попадали пьяницы, бездельники, чрезмерно увлекающиеся азартными играми. Власти не поощряли образ жизни, вызывающий дестабилизацию, поэтому суровость кары понятна [181, с. 277; 203, с. 250; 351, т. 2, с. 268; 389, т. 4, с. 356]. В источнике упоминается о продаже родителями в рабство своих «нерадивых детей» [410, с. 139], что, очевидно, сходно с судебным наказанием люмпенов. Судебным решением обращались в рабство за некоторые преступления против прав собственности, убийство кормильца семьи (при определенных условиях), государственную измену.

Наконец, исследователи называют в качестве источника пополнения рабского контингента «злоупотребления знати» своими правами в отношении общинников. В первые годы раннеколониального периода, по данным документов того времени, индейские касики передавали испанцам в качестве рабов свободных общинников-масеуалов и последние подчинялись приказам

своих вождей [64, с. 59-60]. По нашему мнению, нечто подобное было возможно (при отсутствии достаточной юридической защиты общинников) и в доколониальный период.

В общем, что касается источников ацтекского рабовладения, то они мало отличались от традиционных. Гораздо больше необычного в сравнении, например, с классическим рабством было в правовом статусе ацтекских рабов. Так, не в пример классическим рабовладельческим системам Старого Света рабы не рассматривались как скот или вещь, могли иметь жилище, жен, детей. Хозяин не имел права на имущество, принадлежащее рабу и его семье. Дети рабов рождались свободными. Дани рабы не платили. Раба нельзя было продать или убить просто по желанию хозяина. Допускались браки между рабами (рабынями) и хозяином (хозяйкой). Есть сведения, что мужчина, вступивший в связь с рабыней, становился рабом хозяина рабыни, «хотя некоторые отвергали это, поскольку было достаточно случаев женитьбы между рабами и хозяевами, правда, по специальному разрешению» [203, с. 250]. Если кто-нибудь совращал рабыню и она умирала, то виновный становился рабом, но если она рожала, приобретал свободу [315, с. 269, 260, 275]. Ясно, что здесь действовал закон эквивалентной замены. Иногда рабыни могли подняться высоко. Например, тлатоани Итцкоатль был внебрачным сыном правителя Акамапичтли и рабыни (пленной) [173, с. 51; 212, т. 4, с. 112]. Рабы могли владеть своими рабами, которые работали на них, и хозяин не имел права этому препятствовать [305, с. 58; 389, т. 4, с. 360]. Словом, по заверению одного из хронистов, «рабство не было таким тяжелым, чтобы... из-за него... убежали» [305, с. 58].

Следует, однако, подчеркнуть, что все только что описанное распространялось на определенные категории рабов. Те же из них, которые были «нерадивыми» или «склонными к побегу», «вразумлялись». Сначала хозяин раба в присутствии 4 свидетелей трижды предупреждал такого раба, склоняя к «труду и послушанию». Если и после этого раб продолжал «лениться и бунтовать», ему надевали на шею ярмо и могли продать на одном из ближайших рынков (как уже отмечалось, все операции, связанные с продажей рабов, выполняли обычно купцы). Если и после второй продажи (о ней обычно громко оповещали купцы) раб продолжал «бунтовать», его могли продать для принесения в жертву; однако, как утверждал хронист, таких рабов все же редко использовали для жертвоприношений [305, с. 58]. Раба (или рабыню), умеющего хорошо петь или танцевать, человека мастерового или просто красивого, знатные и богатые также предпочитали использовать в своем доме как прислугу, а не приносить в жертву [351, т. 1, с. 69].

Любопытно, что у ацтеков был особый день в году («1. смерть»), когда хозяева боялись дурно обращаться со своими рабами; все, кто имел рабов, за день перед этим снимали с них ярмо, выпускали из карцера (если те провинились). В день «1. смерть» рабов не наказывали, не бранили, им даже подносили подарки. Считалось, что на хозяина, который нарушит этот обычай, обрушится гнев бога Тескатлипоки, который, как думали, был покровителем рабов и наказывал за жестокое обращение с ними [351, т. 1, с. 332].

Среди правил и законов, по которым ацтекский раб мог получить свободу, следует отметить как традиционные для любого рабовладельческого государства, так и специфические ацтекские. Из первых — возможность выкупить раба, предоставляемая родителям и родственникам. Произойти это могло даже через много лет после продажи в рабство. Так, если кого-то ребенком продали в рабство, а он, став взрослым, узнавал, что был продан незаконно, то, выплатив положенное за себя, мог обрести свободу [64, с. 73; 315, с. 269; 389, т. 4, с. 357]. Но, как писал Б. Саагун, для подавляющего числа рабов путь выкупа на свободу был малодоступен. Столь же редкой была и возможность получить свободу, вступив в брак со свободным членом общества [64, с. 74; 174, т. 1, с. 185-186], или освобождение по завещанию хозяина [64, с. 71; 305, с. 174].

Из специфически ацтекских обычаев, связанных с освобождением, примечательны следующие. Если раб, приведенный для продажи, убежал и границу рынка пересекал раньше своего хозяина, то он получал свободу. Опасаясь подобных побегов, рабов обычно приводили на рынок крепко связанными друг с другом в цепочку. Если во время преследования хозяином убежавшего раба кто-нибудь преграждал путь владельцу, хватал его за руку, т.е. всячески мешал, он становился рабом, а раб свободным. Но так как это условие знали все находящиеся на рынке, то подобного рода освобождение случалось, как сообщает хронист, не чаще одного раза в год [174, т. 1, с. 186; 314, с. 140]. Раб мог искать защиту во дворце, доме крупного должностного лица, и в данном случае единственным, кто мог этому препятствовать, был его хозяин [203, с. 251; 315, с. 274; 389, т. 4, с. 361].

И все же, несмотря на некоторое своеобразие приведенных правил, они по характеру своего осуществления и реализации напоминают древнегреческое право на убежище в храмах и у алтарей; можно также видеть элементы архаического слоя гражданского права — символики руки и действия.

Как уже отмечалось, смерть раба в доме хозяина прекращала семейное рабство (замещение другим членом семьи) [351, т. 1, с. 353]. По некоторым данным, в особые дни года «несправедливо обращенные в рабство» освобождались [64, с. 73].

Юридически освобождение из рабства оформлялось специальной церемонией. Освобождаемый раб предстал перед собранием «сеньоров», которые снимали ярмо и, омыв ему ноги и голову, надевали новую одежду [64, с. 75; 174, т. 1, с. 186]. Б. Саагун, приводя аналогичную информацию о ритуале освобождения, писал, что церемония «омовения» проходила в особом источнике [351, т. 1, с. 353].

Лишь немногие из рабов возвращались на свободу. Практически же, как писал Б. Саагун, оказавшись в рабстве, «они становились рабами навсегда и говорили, что рабство... не имело перспективы закончиться» [351, т. 2, с. 269]. Действительно, для подавляющего числа рабов их неволя оказывалась достаточно длительной, если не постоянной. Какая же жизненная перспектива была им уготована? Что входило в функции, обязанности рабов в период между их обращением в рабство и маловероятным освобождением?

Использование рабского труда носило обычный характер. Рабы выполняли самую различную работу в доме своего хозяина. Они также переносили тяжести, обрабатывали посевы, собирали урожай на полях и т.п. [36, с. 35; 64, с. 32, 33; 121, с. 129; 232, с. 98; 409, с. 202], особенно те, кто был в «старинном рабстве» [389, т. 4, с. 358-359]. Так как покоренные народы часть своих земель обрабатывали специально для выплаты дани ацтекам, то рабы под охраной и присмотром местных жителей обрабатывали эти участки [409, с. 146]. Возможно, что труд рабов использовался и для обработки земель профессиональных ремесленников, о чем уже говорилось. Согласно параллельным материалам по истории хуастеков (живших северо-восточнее Теночтитлана), в домах богатых и знатных «имелись рабы, как мужчины, так и женщины, которые делали для них ткани и выполняли большую часть службы по дому» [410, с. 279]. Рабы также могли торговать на рынке, как это изображено на оригинальном индейском рисунке (см. рис. 54). Иногда ацтеки во время военных походов брали с собой рабов в качестве носильщиков [235, с. 144]. Хозяин мог направить рабов в качестве носильщиков в купеческие караваны (своего рода пекулий). Все, заработанное в таком случае рабом, поступало, согласно утверждению в источнике, хозяину [36, с. 35; 232, с. 98; 235, с. 144; 305, с. 174]; однако, по нашему мнению, какая-то заинтересованность раба в данном случае не исключалась.

Рабыни чаще были служанками. Известно, что во время похода Э. Кортеса на Теночтитлан на всем пути следования индейские вожди предлагали ему служанок-рабынь. Например, в Тлалманалько ему дали сразу восьмерых. Среди многих рабынь, полученных Э. Кортесом, самой знаменитой стала Малинче, девушка родом из города-государства Тлашкалы, с которым ацтеки находились в непрерывных военных столкновениях. Она была захвачена ацтеками во время одного из таких боев.

Не исключено, что отдельных рабынь могли заставить заниматься проституцией, в частности обслуживать молодых людей из телпочкалли. Проститутки отличались и по манерам поведения, и по внешнему виду. Они носили особые одежды и, чтобы привлечь к себе внимание, обычно намазывали лицо специальной мазью (ацт. *tzictli*). Они ходили по рынкам, улицам, всевозможным людным местам, лязгая зубами, «как кастаньетами» [351, т. 3, с. 152].

Определенные категории рабов были ставкой в азартных играх, пари. Рабы использовались как элемент платежа при возмещении убытков, например в виде возмещения стоимости убежавшего раба [64, с. 38; 174, т. 2, с. 224; 351, т. 2, с. 320].

Нельзя, однако, не заметить, что при всем том общем, что характерно для древнеацтекского рабства, у него отсутствовал как будто важнейший для этого социального института источник пополнения рабов — военнопленные. Действительно, первоисточники ясно и определенно свидетельствуют, что все пленные, захваченные в бою, приносились в жертву богам и не становились рабами [203, с. 249]. Военнопленные (ацт. *malli*) не имели, таким образом, никакого значения в системе рабовладения [118, с. 124; 351, т. 2, с. 314], и считать их рабами не следует [64, с. 105; 289, с. 85]. Одной из общих причин, затрудняющих использование труда пленников, по утверждению

некоторых исследователей, был низкий уровень развития техники, делавший нерациональным для хозяина этот труд, как и вообще труд рабов [30, с. 799]. Другой причиной, препятствующей эксплуатации военнопленных в качестве рабочей силы, было то, что они не являлись, как, например, в древнем Риме, собственностью тех, кто взял их в плен, а предназначались для коллективных жертвоприношений [64, с. 105; 302, с. 59]. Таким образом, хозяин не мог распоряжаться добычей по собственному усмотрению.

Действительно, военнопленных нельзя считать рабами в собственном смысле слова. Они не отвечали критериям рабов, принятым у ацтеков. Эти люди оказались в неволе не как несостоятельные должники, не в результате продажи; они не имели ни прав, ни имущества, ни семьи, ни хозяина. Это с одной стороны. Но с другой, быть принесенным в жертву богам для самих военнопленных теоретически означало честь, а не позор, по крайней мере согласно тогдашним официальным воззрениям. И с несчастными обращались не как со скотом, а как с людьми, достойными уважения. Далее, нужно иметь в виду, что вопреки фантастическим представлениям о бесчисленных жертвах кровавого ритуала, погибали на алтаре главным образом знатные пленники. Они предназначались для гладиаторских жертвоприношений по случаю интронизации нового тлатоани, крупного религиозного праздника (например, Тлакашипеулицтли) [174, т. 2, с. 348]. Военнопленных никогда не выкупали, не дарили, не продавали. За пленников воины-победители получали вознаграждение (подарок от правителя, военный чин и т.п.). Для знатного военнопленного немислимо было возвращение домой (например, в результате побега), ибо там его просто не приняли бы.

Что же касается простых людей, гражданского населения вообще, то они чаще всего (даже в подавляющем своем большинстве) выпадали из круга военнопленных. По отношению к гражданскому населению противной стороны победители поступали столь же обычно и закономерно, как и во многих государствах древнего мира: покоренные области облагались данью. В случае восстания побежденных ацтеки применяли карательные меры. Д. Дуран пишет, что во времена правления тлатоани Ауитсотля при подавлении восстания в одном из районов государства ацтеки пощадили только «юношей и девушек, мальчиков и девочек... которых распределили по всем провинциям и городам... Мексики» [174, т. 2, с. 348]. По сути, это была массовая депортация. Переселенных превращали либо в майеков-арендаторов, либо в рабов⁶.

Впрочем, нужно признать, что у ацтеков в принципе не исключалась возможность использования отдельных представителей гражданского населения (а также трижды проданных рабов) в качестве жертв, тем более что спрос на такой «товар» был постоянным. Покупали их торговцы: профессия лишала их возможности брать пленных, а жертвоприношения они должны были делать (особенно во время праздника Панкетсалицтли⁷). Купленных для жертвы несчастных называли «омытые» (ацт. *tlaaltitlin*) — словом, специфический смысл которого символизировал их трагическую судьбу [351, т. 1, с. 69, т. 3, с. 43]. Торговцы, покупавшие пленников для жертвоприношения (обычно в Аскапотсалько, знаменитом своим рынком работоторговли), получали название «банщиков» (ацт. *tealtiani*), ибо предполагалось ритуальное обмывание жертвы перед жертвоприношением [305, с. 58; 351, т. 1, с. 69].

Поскольку ацтекский ритуал требовал жертв на протяжении всего года, определенному числу пленников в течение некоторого времени сохранялась жизнь. Их содержали в больших деревянных клетях (ацт. *malcalli*) [118, с. 124; 314, т. 3, гл. 4; 351, т. 1, с. 68-69].

Соратник Э. Кортеса, солдат Б. Диас, писал, что они в Тлашкале натыкались много раз на сооружения в виде клетей, в которых содержалось множество индейцев, мужчин, женщин и детей, которых предназначали для жертвоприношений [14, т. 1, с. 114]. За них отвечали сторожа, а также калпишки — чиновники, ведавшие сбором дани [351, т. 1, с. 60]. Если пленник убегал, то охранник, как сообщается в источнике, возмещал его стоимость [305, с. 160].

Иными словами, практика принесения в жертву рабов и пленных имела свои границы, регулировалась определенными правилами и нормами, и можно с уверенностью сказать, что она затрагивала только очень небольшой процент индейских рабов [63, с. 271 — 272; 389, т. 4, с. 361]. Выше отмечалось, что купцы покупали рабов для жертвоприношения во время своих праздников. Они заставляли несчастных принимать участие в имитации «гладиаторских» боев (рис. 32).

Но, что примечательно (и отчасти сходно с римскими боями), даже если раб был побежден, хозяин мог его вновь выкупить, в противном случае побежденный становился жертвой [351, т. 3, с. 43,

53]. Не следует также забывать, характеризуя ацтекский кровавый ритуал, что в жертву приносились не только рабы, но и свободные, в частности жрецы (для выполнения своих жреческих функций в потустороннем мире) во время похорон тлатоани [141, с. 77]. Нельзя не учитывать, наконец, что практика умерщвления пленников (т.е. необязательно обращение их в рабов) была широко распространена в древнем мире — от Китая эпохи Шан-Инь до государства Саргонидов.

В соответствии с традиционным представлением о рабстве можно считать древнее общество рабовладельческим при наличии там рабовладельческой эксплуатации, т.е. эксплуатации за счет прямого, внеэкономического принуждения непосредственных производителей, лишенных собственности на средства производства, принадлежащих частным лицам, которые их и наказывали (а не государство), не имевших права жаловаться на своих владельцев или искать убежища в храмах и иных, приравненных к ним местах. Подходит ли в полной мере такая характеристика к только что описанному положению тех, кого мы определили как «ацтекских рабов»? Очевидно, нет. Ацтекские рабы в основной своей массе могут быть причислены к категории населения, которая определяется как «подневольные работники рабского типа». Только меньшая часть рабов могла быть отнесена к собственно рабам древневосточного типа. Действительно, как и в древнем Старом Свете, степень зависимости от хозяина была неодинаковой, вследствие чего существовали и различные категории рабов: от находящихся в полной власти рабовладельца (их можно было даже проиграть в азартной игре или пожертвовать богам) до тех, кто владели имуществом, имели семьи и ведение дел с которыми требовало от рабовладельца, хотя и в идеальном варианте, знания и соблюдения соответствующих законов и правил; т.е. были рабы, сохранявшие некоторые элементы правоспособности. Кроме того, нужно учесть, что этнический и культурный состав их был достаточно пестрым.

Несомненно, рабы выражали недовольство своим положением и протестовали против него. И хотя в имеющихся в распоряжении исследователей источниках не сохранилось сообщений о выступлениях¹ рабов, нет никаких сомнений в том, что такие выступления имели место, вливаясь в ту бесконечную цепь недовольств и волнений по поводу власти ацтеков, о которых в избытке сообщают хронисты и историки. В противном случае не было бы необходимости одному из последних доиспанских правителей г. Тескоко, знаменитому Несауальпилли, издавать в 1505 г. специальный указ, по которому аннулировались долги семей, приводившие к возникновению «старинного рабства». Такие же указы были изданы и тлатоани Мотекусомой II Младшим [228, с. 298; 371, с. 36; 389, т. 4, с. 359]. Не исключено, что массовое аннулирование долгов (например, государству) провозглашали и по случаю интронизации нового тлатоани, хотя документальных свидетельств этого нет.

Были и другие формы ограничения долгового рабства, заключающиеся в отсрочке выплаты долга. Невыплативший полагающуюся дань помещался на определенное время в тюрьму и становился рабом только в том случае, если по истечении срока не рассчитывался с обязательствами [316, с. 25]. Знатным должникам, разорившимся в результате злоупотребления азартными играми, предоставлялась годовая отсрочка, прежде чем их делали рабами [203, с. 250; 351, т. 2, с. 269]. Непрерывным атакам со стороны хозяев подвергалось и традиционное положение, в соответствии с которым дети ацтекских рабов считались свободными. Видимо, нарушения этого закона были настолько частыми, а сопротивление рабов столь сильным, что появился указ, запрещающий продавать в неволю детей рабов, чтобы, как писал историк, они «пользовались естественной свободой, которую им дал бог» [228, с. 298].

В целом проблема рабовладения у ацтеков, конечно, далека от своего полного разрешения. В частности, неизвестна численность рабов вообще и различных их категорий. Раннеколониальные авторы, не располагая достоверной информацией, чаще писали просто, что рабов было «много» (Э. Кортес, А. Сорита). Т. Мотолония спорил с Б. Лас Касасом, писавшим о 3-4 млн. рабов, и подчеркивал, что эта цифра относится к состоянию дел в колониальный период [64, с. 29 — 31, 106 — 109]. Есть и другие сведения по раннеколониальному периоду, которые хоть как-то смогут прояснить картину. Так, согласно документам, из 3100 жителей общины Тлакатекпан (в Тепотслане) в конце 1530-х годов было только 45 рабов (включая их жен и детей) [213, с. 256 — 257]. В 1548 г. в Новой Испании, одной из частей колониальной Мексики, из 7,2 млн. жителей индейцев-рабов всех возрастов было 50 тыс. [155, с. 74]. В то же время там зафиксированы и скрытые формы рабства в виде уже

упоминавшегося варианта древневосточного «оживления» [213, с. 257-259]. В целом же число рабов (или людей подневольного рабского типа) в раннеколониальной Мексике разные авторы насчитывают от 200 тыс. до 3 млн. [58, с. 193]. Следует подчеркнуть, что и в раннеколониальный период, когда ацтекское рабство было уже «европеизировано», работорговлей продолжали заниматься и индейские купцы. Почтеки платили за рабов золотом и перьями дорогих птиц, перепродавая их затем испанцам, нуждавшимся в рабочей силе. Мало изменились и другие элементы работорговли, в частности, рабов приводили на рынок все в том же «языческом» ярме-ошейнике [58, с. 193].

Поскольку достоверных данных относительно численности рабов в доколониальный период не существует, отдельные авторы выдвигали вполне резонное предположение, что соотношение численности рабов, майеков и масеуалов-общинников не было в пользу первых. В сельских районах (где господствовала община-кальпулли) рабов насчитывалось меньше, чем в городских центрах, где они занимали значительное место в хозяйстве знати [213, с. 256 — 257; 342, с. 52]. Своеобразная реализация элементов рабовладения при сохранении большой роли труда общинников, а также майеков — все это составляло ту эффективно действующую основу общества, которая со временем могла бы стать базой для перерастания в феодальную систему. С учетом всего сказанного можно полагать, что нет никаких оснований для «упреков» в «несовершенстве» ацтекской системы рабовладения. Впрочем, маловероятна и возможность превращения ее в «классический» вариант, не будь развитие ацтекского общества прервано испанцами.

Глава 4 **АЦТЕКСКОЕ ГОСУДАРСТВО:** **СТРУКТУРА ВЛАСТИ, УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВО**

Для определения сущности общества, и древнеацтекского в том числе, большое значение имеют, как известно, вопросы, связанные с его политической структурой. В литературе они дискутируются довольно активно. Прежде всего исследователи отмечают, что, поскольку история возникновения этого государства совпадает с появлением общественного неравенства, а в древнеацтекском обществе оно уже имелось, не может быть и речи, следовательно, о сходстве и тем более идентичности его с догосударственной федерацией ирокезов, на чем настаивал Л. Г. Морган и некоторые из его последователей. Эти авторы также подчеркивают, что такие признаки государства, как территориально-административное устройство, там наличествовали [197, с. 9]. Поэтому ацтекская Мексика была «государственно-организованным обществом» [213, с. 244].

Если тот факт, что древнеацтекское общество достигло уровня государственной организации, является практически общепризнанным в современной литературе, то конкретное осмысление сущности государства породило большое разнообразие мнений. Так, дается несколько определений исторического типа ацтекского государства, вытекающих из того, как рассматривается сущность социальной структуры данного общества. Как уже отмечалось, первые европейцы увидели открытый ими новый мир глазами человека феодальной Европы. Соответственно и политическая структура ацтекского государства рисовалась ими по аналогии с феодальной: «военная» и «теократизированная аристократия», связанная друг с другом сложными иерархическими отношениями и зависимостями, напоминала феодальных сеньоров. Многочисленные военные действия, которые вел Тройственный союз в XV в., привели к появлению верховного сюзерена, которого европейцы назвали «императором», а его государство — «империей». Что касается простого народа, то он в этом государстве права политического голоса не имел. Представители данной концепции считают, что такая политико-государственная система сложилась там сразу после обретения ацтеками независимости и образования Тройственного союза (т.е. около 1430 г.) [115, с. 863-878; 391, с. 778-787].

Сторонникам феодальной модели древнеацтекского государства противостоит гораздо более многочисленная группа исследователей, сравнивающих его с рабовладельческим историческим типом, причем в двух основных вариантах — античном и древневосточном.

Первый вариант сформировался в раннеколониальное время, когда некоторые авторы, в том числе и отдельные религиозные деятели, движимые гуманистическими принципами, в

противоположность мнению, а главное, деятельности своих коллег-фанатиков, яростно уничтожавших остатки, как они считали, «сатанинской», языческой культуры, пытались показать, что аборигенное население создало и продемонстрировало миру интеллектуальные и общественные достижения, равные созданному в древних обществах Старого Света. Они считали, что ацтекский период — такая же классическая древность, какой для Европы был античный мир. Надо сказать, что такой взгляд был особенно популярен в период антиколониальной борьбы, когда отдельные деятели считали даже, что необходимо реставрировать некоторые элементы политической организации доиспанского периода. И до сих пор эта концепция, несмотря на критику, остается популярной, особенно среди мексиканских ученых, и находятся авторы, которые полагают, что при наличии каких-то естественных отличительных признаков ацтекское государство может быть сравнимо с Римской империей [65, с. 198].

Очень распространенным является тезис о принципиальной аналогичности Тройственного союза и древневосточных политических структур типа Вавилона, Ирана и особенно Ассирии. Ацтеки в таком случае прямо определяются как «ассирийцы Нового Света» [75, с. 253; 237, с. 4; 380, с. 133; 399, с. 96, 100], а их государственная политика — как напоминающая в некоторых своих чертах новоассирийскую стратегию и тактику.

С такими взглядами тесно связаны споры о характере и силе власти правителя, форме государственного устройства, политическом режиме у ацтеков. Здесь также сложились две диаметрально противоположные концепции, сторонники которых одинаково многочисленны. Для тех, кто считает, что ацтекское государство было «империей», совершенно естественно утверждать, что в ней существовала монархическая власть, точнее, «военно-теократическая» монархия типа восточной деспотии, как определял ее в XIX в. мексиканский историк А. Чаверо [75, с. 253; 126, с. 264; 251, с. 42-43; 276, с. 80; 289, с. 36; 292, с. 38; 304, с. 140; 380, с. 133]. Более скептически настроенные авторы считают, что не может быть и речи об «империи» в собственном смысле этого слова, подобной Римской, древнеиранской или даже инкской. Ацтекское государство, по их мнению, — федерация городов-государств Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана; оно — скорее альянс племен для сбора дани, чем империя, ибо ему, например, «не хватало сильной организации и тщательно разработанной системы накопления, развитой... в Перу империей инков» [162, с. 93] (см. также [92, с. 37, 43; 371, с. 23]. В Тройственном союзе они видят федерацию, которая основывалась на наличии общих военно-политических интересов, прежде всего обороны и нападения, а также на необходимости сбора дани [162, с. 110], и ни на чем более, так как во всех других отношениях члены федерации были автономны [104, с. 189].

Возникает совершенно естественный вопрос: разве эти два столь существенных показателя не говорят сами по себе о достаточно прочной политической структуре? Разве для их осуществления нет необходимости в концентрации власти? Как бы то ни было, сторонники федеративного устройства ацтекского общества в соответствии со своими утверждениями считают, что и власть его правителя не может считаться деспотической, поскольку была под контролем «народа» [185, с. 208]. В том же русле лежат и утверждения, что ацтекское государство — «смесь демократии и олигархии» [371, с. 37], что на подконтрольной ему территории скорее доминировало его влияние, чем было создано собственно государственное устройство [65, с. 200]¹.

Даже такой краткий обзор мнений свидетельствует о сложности проблемы политической структуры древнеацтекского общества и ее сущности. При всей разногласии для большинства исследователей очевидно, что эта государственная система управления обществом сложилась в результате синтеза собственных традиций и тех норм, которые существовали в Мексиканской долине еще до появления там ацтеков.

Если исходить из факта существования у ацтеков государственно-организованного общества, то следует доказать и наличие тех основных признаков, которые характеризуют его как таковое.

Тлатоани и высший уровень власти и управления

Материалы, которыми располагают исследователи, наводят на мысль, что у ацтеков складывался тип государства, сопоставимый с древневосточными деспотиями Старого Света. Традиционно считается, что причины консолидации деспотической власти на древнем Востоке, в

частности в Месопотамии, Египте, были связаны с необходимостью упорядочивания контроля за состоянием системы ирригации [275, с. 536; 381, с. 561; 409, с. 27]. Между тем хорошо известно, что в Мексиканской долине не было развитой системы ирригации, аналогичной, например, месопотамской, хотя как таковая она существовала в разных районах и функционировала весьма эффективно. И все же это не означает, что в таком случае нет никаких оснований говорить о складывании в ацтекском государстве элементов восточной деспотии, как утверждают некоторые исследователи (см., например, [314, с. 43-61]². Дело в том, что есть еще одно условие для появления, формирования деспотического государства — активная завоевательная политика. Ярчайший пример подобного пути формирования дает все тот же древний Восток в лице Ассирии Новоассирийского периода³. Как кажется, нет никакой натяжки в утверждении, что в ацтекском обществе сложилась деспотия восточного типа со всеми вытекающими отсюда последствиями, поскольку активная военная экспансия ацтеков не подлежит сомнению.

Известно, что основные черты восточной деспотии включают наряду с прочим обожествление личности царя, его неограниченную власть. В представлениях подданных сама личность царя была олицетворением верховной власти. В древнеацтекском обществе на вершине социальной лестницы и вершине власти стоял правитель-тлатоани, который, подобно восточным деспотам, имел верховную административную, военную и религиозную власть. Поэтому он обладал рядом высших титулов: его называли «Великий правитель» (ацт. Huey tlatoani), «Господин людей» (ацт. Tlacatecuhtli), «Великий вождь» (ацт. Hueyhueytecuhtli) [104, с. 192; 196, с. 180; 222, с. 21].

Из внешних признаков, характеризующих власть тлатоани и наиболее явно бросающихся в глаза, следует назвать его обожествление (или по крайней мере наличие такой тенденции). Особенно сильно она стала проявляться при последних тлатоани. Авторитетные хронисты XVI в., описывая положение и роль в древнеацтекском обществе его последнего правителя, Мотекусома II Младшего, отмечали, что даже чисто внешне обхождение с ним напоминало восточно-деспотический церемониал. Есть многочисленные описания придворного церемониала с его продуманной процедурой, персоналом и т.п. (см., например, [14, т. 1, с. 140]). Еще со времени Мотекусома I Старшего тлатоани перестали появляться на людях без особой необходимости. Каждый его такой выход приобретал характер исключительного события. Когда тлатоани покидал пределы своего дворца, то его обязательно сопровождала свита и охрана из представителей знати. Обычно тлатоани несли в закрытых носилках; если ему приходилось идти пешком, его путь устилали богато украшенными циновками. О приближении правителя Теночтитлана оповещали звуки раковин, выполнявших роль труб, и все находившиеся в тот момент на его пути должны были выказывать ему глубокое почтение и покорность — сгибаться в поклоне, падать на колени. Нельзя было даже поднимать глаза: считалось, что, посмотрев в лицо тлатоани, можно накликать несчастье; более того, что встретившийся с ним взглядом может умереть. По представлениям ацтеков, отражавшим характерное для них образное восприятие мира, от личности тлатоани исходила опасность, сравнимая с опасностью от соседства со «скорпионом», рядом с ним простой смертный чувствовал себя так, как если бы он оказался в «крапиве». (Напомним в данной связи о представлениях древних египтян: нельзя было произносить имя фараона, дабы не навести на него и на самого себя порчу.)

Неудивительно поэтому, что, когда испанцы спросили одного из индейцев, как выглядел Мотекусома II, тот ответил, что никогда его не видел, и привел изложенное выше объяснение. О том же говорил и информатор Э. Кортеса, добавивший, что ему, «рабу» тлатоани, не положено его видеть [31, с. 357; 32, с. 80-81; 137, т. 1, с. 41; 156, с. 78; 173, с. 204, 224; 305, с. 79-80; 316, с. 22-23; 409, с. 17]. С тлатоани связывали множество эвфемизмов. В одной из книг фундаментальной работы миссионера XVI в. Б. Саагуна содержатся поучения тлатоани своему сыну о том, каким он должен быть в глазах своих подданных — «драгоценным камнем», «сердцем гор» (т.е. символизировать твердость), «сердцем народа» и т.п. [351, т. 2, с. 66-121, 136-151]⁴. С целью особенно подчеркнуть уважение, почтение к имени тлатоани добавляли частицу «тцин», придающей ему еще и значение «высококочный» — например, «Мотекусоматцин».

В период, предшествующий Конкисте, тлатоани являлся лицом почти божественным, окруженным религиозным почитанием. Известно, что на древнем Востоке присоединение к титулатуре царя имени божества, различных специфических определений означает введение

его официального культа при жизни. Что касается ацтекского тлатоани, то с его персоной ассоциировались важнейшие религиозно-идеологические принципы общественного сознания данного общества. Подчеркивая его связь с самыми могущественными силами, говорили, что Солнце и Земля — «его отец и мать». Представления, согласно которым управление государством увязывалось с общим мировым, космическим порядком, помещали тлатоани в центр земной системы управления, являвшейся частью всеобщего божественного порядка. Правитель обязан был обеспечить жизнь земную (отсюда его обязанность блюсти аграрный культ, а также вера в то, что он способен, например, вызвать дождь), следить за движением солнца (поэтому он обязан был заниматься астрономией и астрологией). Появление на свет, жизнь, правление и смерть тлатоани — весь этот цикл сравнивался с движением Солнца. Он считался символом неразрывного единства ныне живущих людей и их предков, а его связь с подданными ассоциировалась с деревом, под тенью которого они могли укрыться. Правитель жил во дворце, примыкавшем к главному храму, где он появлялся во время религиозных церемоний. При Мотекусоме II, когда дело шло к открытому обожествлению тлатоани, его дворец назывался «Дом бога». Когда правитель умирал, его останки украшали атрибутами главных ацтекских богов, а погребальный ритуал был построен таким образом, чтобы всячески подчеркнуть богоподобность покойного, при этом ему в жертву приносили и людей. Кровь одних несчастных была жертвой богам, в то время как другие принимали смерть, чтобы служить тлатоани в потустороннем мире так же, как это они делали при жизни; последнее касается, например, рабов и жрецов [173, с. 177-178]⁵.

В полной аналогии с широко распространенной в древнем мире практикой увековечивания памяти правителей ацтеки, продолжая традицию, существовавшую в Месоамерике до них начиная с эпохи Мотекусомы I Старшего, стали высекать на скале у г. Чапультепек изображения своих тлатоани (правда, есть упоминание, что это пытался делать еще его предшественник, тлатоани Итццоатль).

В свете всего того, что было сказано относительно обожествления тлатоани, становится понятным, почему большинство исследователей считают, что в его руках была сосредоточена фактическая высшая религиозная власть [276, с. 80; 372, с. 33]. И действительно, исторические источники подтверждают это. Так, когда в 1486 г. был избран тлатоани Ауитсотль, то он к этому времени считался верховным жрецом главного племенного бога ацтеков — Уитсилопочтли. То же самое имело место при вступлении на власть Мотекусомы II Младшего в 1502 г. Такой высокий жреческий сан тлатоани получал по праву, поскольку для того, чтобы быть компетентным в религиозных вопросах (да и не только в них), он, как представитель знати, проходил особый курс подготовки при храмовой школе⁶.

Как восточный деспот, ацтекский тлатоани имел неограниченную власть, но, разумеется, только в пределах, когда она не противоречила интересам светской, военной и жреческой знати, выразителем интересов которой он был. Власть его считалась пожизненной, устранить тлатоани можно было только физически.

В то же время вызывает большой интерес специфическая система передачи власти правителя. В городах Тескоко и Тлакопан, входивших в Тройственный союз, власть местного правителя передавалась по наследству — от отца к сыну, в Теночтитлане же дело обстояло сложнее: власть сохранялась в рамках семьи, но переходила не к сыну, а к брату покойного тлатоани. Иными словами, в Мексиканской долине действовали две системы наследования власти — по прямой (от отца к сыну; кстати, именно она была почти повсеместной) и по боковой линии (от брата к брату, что имело место как раз в Теночтитлане).

Важно отметить, что фратеральный принцип наследования власти тлатоани у ацтеков утвердился лишь со времени, когда они добились независимости, т.е. только с эпохи четвертого тлатоани Итццоатля. Второй же и третий правители в Теночтитлане (Уитсилиуитль и Чимальпопока) наследовали власть как сыновья умершего тлатоани.

В одном из источников формирование фратеральной системы наследования власти в Теночтитлане объяснялось тем, что она более справедлива: являясь сыновьями одного и того же отца, все братья имели равные права наследования [409, с. 14]. Поэтому, пока все братья покойного не побудут у власти, его сыновья не имеют на нее прав. По сути, в Теночтитлане сложилась система наследования, при которой власть передавалась от отца к старшему сыну, а затем поочередно ко всем живым родным братьям последнего; т.е. какое-то время наследование осуществлялось в рамках

только одного поколения. Изменение системы наследования в Теночтитлане от прямой (отец-сын) к боковой (брат-брат) коренилось в особом статусе его как фактического главы Тройственного союза. Правитель его выступал как глава не только ацтеков, но и всего союза, поэтому должен был удовлетворять определенным требованиям. Кроме того, в эпоху Итцкоатля, когда эта система сложилась, она была проявлением компромисса между двумя соперничающими группами знати, претендовавшими на власть, о чем уже говорилось. В результате такого компромисса возникла не только фратеральная система наследования, но и появилась должность второго лица в государстве — сиуакоатля.

Таким образом, по указанным причинам у ацтеков сложилось наследование власти не по прямой, а по боковой линии в рамках большой семьи. Власть передавалась от брата к брату в порядке их старшинства по нисходящей линии; с важной оговоркой — претендент должен быть достойным власти по своим личным качествам. Это правило соблюдалось даже тогда, когда у покойного тлатоани имелись сыновья, вполне способные править государством. И только когда список братьев исчерпывался (например, уже никого не оставалось в живых), наступало время наследования власти племянниками, т.е. сыновьями правителей предыдущего поколения [409, с. 14]. Таков наиболее общий принцип наследования, однако источники позволяют конкретизировать воплощение его в жизнь.

Когда у покойного тлатоани не было братьев, достойных править, вступал в силу принцип наследования власти сыном, точнее, старшим сыном первой, главной (т.е. законной) жены. Если он не отвечал требованиям, предъявляемым к правителю, например был честолюбивым, то, даже если предыдущий правитель сам на него указывал, тлатоани избирался из числа других сыновей, но предпочтение отдавалось опять-таки сыновьям главной жены. Когда правитель не видел среди своих сыновей достойного наследника, он выбирал его среди своих внуков, причем внуки от сыновей предпочитались внукам от дочерей, но и в этом случае внуки по линии его главной жены имели преимущества. Если правитель не имел сыновей или внуков, способных править, то тлатоани выбирали наиболее подходящего из других родственников. Титул и права тлатоани никогда не могли получить дочери или жены⁷. Тлатоани никогда не мог стать простолудин, масеуал: правитель всегда принадлежал к теккалли (ацт. *teccalli* — «знатный дом»).

Может сложиться впечатление, что такая система наследования была довольно запутанной, однако на деле все было логично и фактически сводилось на практике к правлению одной семьи — потомков первого тлатоани Акамапичтли (вплоть до Куаутемока). Представители этой правящей династии-семьи назывались «правлящая линия», «правлящий род» (ацт. *tlatocatlacamecayotl*) [95, с. 491]. Таким образом, сыновья того или иного правителя-тлатоани, которые назывались официально «сыновьями правителя» (ацт. *tlacopipiltzin*) — в отличие от просто «сыновей знати» (ацт. *tecquiuc*), как уже отмечалось выше, могли иметь свои земли и майеков, их обрабатывавших, высокие чины, но не всегда имели возможность дожить до того момента, когда до них дойдет очередь стать тлатоани [409, с. 17].

Сохранявшийся институт выборов нового правителя не был совсем уже пустой формальностью. Если претендент, который имел право наследовать, показывал себя человеком недостойным, его не допускали к власти, даже если он был официальным наследником и креатурой покойного правителя. Кроме того, если тлатоани по каким-то причинам не указывал наследника, то «лорды» и «водители» сами могли назвать наследника с учетом описанного выше порядка [351, т. 2, с. 321-322]. Предусмотрены были и многие другие моменты. Особенности правил наследования вели к тому, что новый тлатоани, как правило, был зрелым человеком. Существовала и официальная возрастная граница (30 лет), только перейдя которую он мог считаться самовластным правителем. Если же новый тлатоани был молод, ему назначали опекуна из числа родственников или же, когда среди таковых не было подходящей кандидатуры, на этот пост избирали кого-нибудь из наиболее важных лиц в государстве. Так было, например, во время прихода к власти тлатоани Ауитсотля, когда Тлакаэлель стал при нем регентом. Если опекун был родственником «несовершеннолетнего» тлатоани, то он правил до своей смерти, и лишь после этого наследник брал власть в свои руки. Опекун-неродственник терял власть, когда наследник достигал требуемого возраста, т.е. 30 лет, оставаясь советником, консультантом при тлатоани [289, с. 38; 393, с. 31; 409, с. 27].

Из-за специфики системы наследования у ацтеков некоторые ученые называли ее «неопределенной». Более того, подобная «неопределенность» была якобы чревата опасностью жесткого противостояния в моменты междоусобицы [348, с. 75-78]. Хотя полностью отрицать приведенные соображения нельзя, однако, несмотря на всевозможные превратности, сопровождавшие приход к власти нового тлатоани (в историческом разделе уже шла об этом речь), все 11 ацтекских правителей, как уже отмечалось, были представителями одного и того же рода и наследовали по тем правилам, которые были приняты. К кануну Конквисты в Теночтитлане сложилась достаточно прочная и тщательно продуманная система наследования, обеспечивавшая преемственность власти в рамках одной семьи: наследовали либо родные братья покойного, либо его родные племянники⁸.

Во всех случаях тлатоани назначал своего преемника в соответствии с существующими правилами. Правда, подтверждался его выбор через специальную процедуру, являющуюся фактически юридическим закреплением мнения, желания, права тлатоани. В соответствии с требованием института восточной деспотии новый тлатоани проходил сложный ритуал интронизации. Обычно в течение нескольких дней страна ждала официального решения вопроса о том, кто будет новым тлатоани [409, с. 15]. Чаще это становилось известным на четвертый день после смерти предыдущего правителя [173, с. 149]. После этого начиналась длительная процедура интронизации, утверждения тлатоани у власти, состоящая из целого ряда действий, обрядов, мероприятий, в которых он участвовал. Интронизация представляла собой совокупность процедур светских, военных и религиозных, посредством которых новый правитель мог продемонстрировать свои качества и способности. Считается, что официально такой порядок ввел реформатор, политический и военный деятель Тлакаэзель [318, с. 31], хотя сама идея восходит еще к тольтекской культуре [75, с. 229-230], предшественнице ацтекской. Это было еще одним проявлением непрерывности месоамериканской культурной традиции.

Вновь избранный тлатоани поднимался в храм племенного бога Уитсилопочтли, где ему вручали одежды и украшения, соответствующие его новому статусу; его тело смазывали священным бальзамом. Одновременно жрец Уитсилопочтли обращался к новому тлатоани с напутственной речью, пожеланиями, наставлениями, используя при этом эвфемизмы, упомянутые выше. По завершении этой части ритуала тлатоани выражал благодарность за полученные добрые советы и спускался вниз, где его ждали представители высшей знати, и принимал знаки внимания от них — как словесные, так и вещественные в виде богатых украшений и одежд, преподносимых ему [409, с. 17].

Затем тлатоани направлялся в специальное помещение на территории храма, расположенное у основания храмовой пирамиды. Оно; называлось «дом благородных мужчин» (ацт. *tlacateco*, *tlacochcalco*), очевидно потому, что Уитсилопочтли считался покровителем воинов. Тлатоани находился там неотлучно в течение 4 дней, действия его были строго регламентированы: он соблюдал пост, сопровождаемый молитвами, обращаемыми к богам [409, с. 17], ел один раз в день, два раза в сутки (днем и ночью) совершал омовение в специальном бассейне, вследствие чего этот ритуал получил название «омовение ног» (ацт. *motlatocara*). Данный обряд имел определенный магический смысл, скорее всего связанный с аграрным культом, поскольку тлатоани совершал одновременно жертвоприношение богу дождя Тлалоку [203, с. 226]. Все 4 дня новый тлатоани не имел права спать, поэтому находившаяся при нем охрана тормозила его, могла даже колоть острыми колючками агавы, если видела, что он готов уснуть. Этот обряд имел несколько наивное объяснение: бодрствование означало, что в будущем тлатоани должен быть бдительным, всегда находиться на посту, следя за своей страной и подданными.

Через 4 дня он покидал «дом благородных мужчин» и в сопровождении пышной процессии из знати направлялся во дворец. По пути, однако, тлатоани подвергался новому испытанию: его всячески «порицали», «хулили», награждали тычками. Так испытывали его терпение — качество характера, крайне необходимое правителю. Примечательно, что он должен не поднимать глаз, не оглядываться на обидчиков, чтобы не иметь позднее повода мстить им [409, с. 17 — 18].

После этого наступала следующая часть ритуала — облачение нового тлатоани. Насколько известно из источников, данную процедуру возглавлял правитель г. Тескоко, второго важнейшего члена Тройственного союза, а помогал ему правитель г. Тлакопан, третьего союзника Теночтитлана. Кстати, когда наступала пора конфирмации новых правителей Тескоко и Тлакопана, то ту же роль выполнял тлатоани Теночтитлана [173, с. 174; 409, с. 27]. На нового тлатоани надевали специальное

облачение: голову его венчала золотая диадема, украшенная нефритом, священным камнем, особо почитаемым у центральноамериканских народов и символизирующим своим зеленым цветом воду и растительность, т.е. плодородие; кусочек нефрита вдевали в специальное отверстие в носовом хряще; в уши вдевали серьги из золота, украшенные также нефритом, на ноги и руки надевали золотые браслеты с бубенчиками; затем следовала обувь, изготовленная из шкуры ягуара, и украшенный золотом плащ из волокон агавы (обычно тлатоани носил дорогую одежду из хлопка, однако в данном случае ритуал требовал облачаться в плащ, изготовленный из материала, используемого обычно бедняками). Во время процедуры облачения нового тлатоани произносились речи (согласно одному из источников — восемь). Набор ораторов отражал всю философию управления. Речи-поучения, речи-наставления звучали из уст верховного жреца, старейшины знати и старейшины судей. Затем следовали верноподданнические речи от имени общинников-масеуалов и граждан города. На все происходящее новый тлатоани реагировал благосклонно.

Потом тлатоани усаживали на «трон правителя» (ацт. *tlatocapalli* или *cuauhicpalli* — «трон орла и ягуара»)⁹. Знатные воины брали его на плечи и несли на вершину храмовой пирамиды, где ставили рядом с изображением Уитсилопочтли. Затем тлатоани вручали острую кость ягуара, с помощью которой он, проколов уши и икры, жертвовал божеству свою кровь. Когда эта часть ритуала завершалась, они переносили его к «Камню Солнца». Там новый правитель ацтеков опять совершал ритуальное самоистязание, а также приносил в жертву (обезглавливая) перепелов. Затем он воскуривал фимиам на все четыре направления света. В процедуру входило и посещение особой темной комнаты, помещения, где содержался идол богини Сиуакоатль¹⁰ и многих других богов. Оно называлось Тлиллан (ацт. *Tlillan* — «темнота», «мрак»). Там он опять жертвовал свою кровь и после этого вновь окуривал все помещение и святилище фимиамом [173, с. 178-179, 204; 351, т. 2, гл. 9-16].

По завершении этих важнейших обрядов тлатоани становился в собственном смысле слова священной особой [203, с. 226]. Однако, по данным некоторых источников, и после этого ритуал интронизации не заканчивался. По одним сообщениям, новый тлатоани находился при храме в течение 80 дней [173, с. 178], по другим — даже до двух лет [409, с. 18], хотя сам он уже официально считался тлатоани и правил как таковой [173, с. 178]. Неким завершением ритуала интронизации был специальный праздник, для проведения которого астрологи выбирали специальный день с благоприятным знаком [305, гл. 10; 351, т. 1, с. 324; 409, с. 18]. На этом празднике присутствовали правители покоренных и подчиненных городов и районов, а также гости из независимых областей и государств. Согласно источникам (о чем уже шла речь выше), свое вступление на престол новый тлатоани обязательно должен был отметить успешным военным походом, с тем чтобы часть богатой добычи затем пожертвовать богам, в первую очередь Уитсилопочтли. Занимая престол, новый тлатоани особо клялся защитить храм племенного бога ацтеков, и одной из его главных миссий считалось обеспечение процветания этого храма. Если учесть, что для ацтеков война была достаточно обычным делом, то устроить особый поход для нового тлатоани не составляло труда.

Вторым по важности человеком в государстве был одно время носитель титула «сиуакоатль». Сиуакоатль (ацт. *Cihuacoatl* — «женщина-змея») — хтоническое божество, богиня-покровительница Колуакана и одновременно титул ее главного жреца. Первый тлатоани в Теночтитлане — Акамапичтли — был выходцем из Колуакана. С ним вместе в ацтекском пантеоне появилась и эта богиня, а жречество пополнилось обслуживающими ее жрецами. В силу исторических обстоятельств после образования Тройственного союза титулу «сиуакоатль» наряду с чисто жреческими признаками стали присущи и определенные военные и светские черты. Оформление этого поста в правящей иерархии было связано с началом социального расслоения, появлением тенденции к усилению роли Теночтитлана в Тройственном союзе, формированием фратеральной системы наследования власти тлатоани. В результате упорной борьбы за власть между двумя наиболее сильными ветвями семьи тлатоани и появился светский пост «сиуакоатль», носитель которого считался правой рукой тлатоани. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что жрецом богини Сиуакоатль был в то время выдающийся персонаж ацтекской истории Тлакаэлель, которого часто (но не всегда справедливо) называют отцом всех преобразований в этом обществе на протяжении многих десятилетий XV в. Так сложились обстоятельства, что ему и его потомкам достался пост лишь второго человека в государстве, который, однако, наследовался по прямой, от отца к сыну, и, таким образом, оставался в рамках одной семьи.

Хотя довольно традиционно сиуакоатля называют вторым человеком в государстве, определенная часть исследователей скептически относится к столь высокой оценке этого поста. Неисключено, по их мнению, что источники, наиболее полно характеризующие роль и значение сиуакоатля [140; 141; 172-175; 384; 385], восходят к общему документу (ныне утерянному), автором которого мог быть потомок Тлакаэллея или по крайней мере кто-то из родственно с ним связанных лиц. В других же источниках место и роль сиуакоатля практически не отражены. С нашей точки зрения, даже если и имеется доля справедливого в этих рассуждениях, появление в принципе поста, связанного с такими функциями и положением, каким являлся сиуакоатль, не исключено. Определенные аналогии дает мировая история: так, у Хаммурапи был постоянный главный советник, которому он мог делегировать в случае необходимости часть своих властных полномочий. Поэтому нет никаких оснований отрицать саму возможность существования такого поста и в ацтекском государстве.

Сиуакоатль считался чем-то вроде «вице-короля», как заметил один из исследователей [222, с. 21] (точнее, видимо, «вице-тлатоани»): он выполнял функции тлатоани, когда тот отсутствовал (например, был в походе), когда после смерти правителя новый еще не получил власть (в пределах нескольких дней), проводил совет по выборам (в соответствии с описанными выше правилами наследования) нового тлатоани, занимался распределением норм дани и контролем за ее сбором, мог, как и тлатоани, приговорить к смерти. Словом, в его руках была сосредоточена весьма значительная хозяйственная, юридическая и административная власть. Хотя в делах, связанных с религиозным культом, тлатоани выполнял важнейшую роль, участвуя непосредственно в самых важных обрядах, повседневный контроль за храмами осуществлял именно сиуакоатль. Являясь одним из первых лиц в государстве, сиуакоатль имел редкую бытовую привилегию — ходить во дворце тлатоани в обуви (всем остальным это было запрещено). Он, как и тлатоани, считался находящимся под особым покровительством божественных сил. Словом, если верить одному из источников, сиуакоатль — это «грандиозное имя, завещанное богами» [173, с. 208], а его носитель, согласно выводам одного из исследователей, был тем же в ацтекском государстве, кем считался «великий визирь» на Востоке [65, с. 200].

Однако объем полномочий, прав и привилегий у сиуакоатля был непостоянным. Наиболее широкими и полными они были при первом сиуакоатле — Тлакаэлле. Его же потомки и наследники в лице Тлилпотонки, Тлакаэллея II и Тлакотцина постепенно и неумолимо отодвигались в тень властью тлатоани, их наследственный титул со временем терял то величие, какое он имел при Тлакаэлле. Правда, Тлакотцина, сиуакоатля Мотекусомы II в период испанского завоевания, называют «военачальником», «управителем» [173, с. 222], но он вряд ли мог по властным полномочиям хоть в какой-то степени конкурировать с тлатоани. Есть даже мнение, что к эпохе Конкисты тлатоани оставил сиуакоатлю лишь некоторые гражданские функции [251, с. 43], вследствие чего последний играл лишь второстепенную роль [403, с. 220]. И хотя в 1528 г., уже после разрушения Теночтитлана испанцами, конкистадоры и сделали последнего сиуакоатля — Тлакотцина — ацтекским тлатоани, это было уже вне традиций: семья сиуакоатля не могла претендовать на власть тлатоани.

Наряду с сиуакоатлем к высшему уровню власти принадлежал Совет четырех, получивший такое название в литературе по числу членов. Он состоял из высших военных чинов; появление его обычно связывают с именем тлатоани Итцкоатля и временем формирования Тройственного союза. Перечень воинских званий и чинов, какие имели члены Совета четырех, в источниках приводится по-разному. Чаще называются тлачоккалкатль, тлакатекатль, есуауакатль, тлилланкалки. Первые два упоминаются почти во всех источниках, а два последних — реже [137, т. 1, с. 96; 173, с. 72; 351, т. 2, с. 316].

Определенно высшими военными чинами называются тлакатекатль и тлачоккалкатль. Титул «тлакатекатль» (ацт. *tlaccatecatl*, от *tlacatl* — «человек» и *tequi* — «бить», «ударять»); предполагаемый перевод — «человек-боец») носил обычно всякий будущий тлатоани, начиная с эпохи правителя Чимальюпоки. Известно, что его имели Мотекусомы I Старший, Тисок. Пожалуй, более высокого военного чина просто и не было, и тлакатекатль соответствовал, таким образом, понятию высшего командира.

Тлакочкалкатль (ацт. *tlacochcalcatl*, от *tlacochtli* — «движущееся копье», «дротик» и *calli* — «дом»; предполагаемый перевод — «глава дома дротиков», «тот, кто из дома дротиков») отвечал за состояние вооружения и наличие его в достаточном количестве. Следует сказать, что именно тлакочкалкатль (а не тлакатекатль) был главнокомандующим и председателем высшего совета при тлатоани [328, С. 325]. Согласно авторитетному источнику XVI в., у тлатоани было два высших командира — тлакатекатль и тлакочкалкатль; первый был из незнатных, а второй — из знатных воинов [351, т. 2, с. 110]. Но это противоречит высказанному ранее, а именно что тлакатекатль — это чин, который носил будущий тлатоани. Согласно же другим источникам, титул тлакатекатля носили целый ряд представителей ацтекской знати¹¹. Кроме того, четвертый правитель Теночтитлана, Итцкоатль, в момент избрания его тлатоани носил оба титула — тлакатекатль и тлакочкалкатль (правда, мать у него была рабыней); его брат Мотекусума I Старший тоже носил титул тлакатекатля [328, с. 324; 384, с. 132]. Относительно титулов Мотекусумы II Младшего до избрания его тлатоани источники не единодушны: по данным Ф. А. М. Чимальпаина, он имел чин тлакатекатля, согласно же А. Тесосомоку — тлакочкалкатля [328, с. 325]. Иными словами, знатный мог быть тлакатекатлем. В свете всего изложенного нам остается предположить, что обязанности и положение тлакатекатля и тлакочкалкатля претерпевали известную трансформацию за время от Мотекусумы I до Мотекусумы II¹². Утверждение же, согласно которому носитель титула «тлакочкалкатль» обязательно должен быть из знати, очевидно, связано с тем, что первоначально таковой выбирался (делегировался) от одного из древних родов (ветви общины), упоминаемого еще в легендах о переселении из Ацтлана¹³.

Титул и чин «тлакатекатля» носил и сиуакоатль Тлакаэлель. Известно также, что после подавления восстания в Тлателолько (при тлатоани Ашайакатле) там был поставлен правитель с титулом тлакочкалкатль, который происходил из семьи Ашайакатля.

Вся информация, которой мы располагаем, позволяет предположить, что, вероятно, чины (титулы) «тлакатекатль» и «тлакочкалкатль» получали несколько человек, но не всякий из них становился тлатоани. Например, Сака, брат Мотекусумы I, носил титул тлакатекатля, но тлатоани не стал. Вместе с тем ясно, что в Совет четырех может входить только тот, кто удостоился этих титулов.

К титулам «тлакатекатль» и «тлакочкалкатль» имели отношение два небольших храма (или особых помещения) во дворе храма Уитсилопочтли, называемые соответственно Тлакатоко (ацт. *Tlacatecco* — «храм тлакатекатля») и Тлакочкалко (ацт. *Tlacochcalco* — «храм тлакочкалкатля»). Туда приводили жрецы вновь избранного Советом четырех тлатоани для четырехдневного обряда, описанного выше. По завершении его нового правителя сопровождали во дворец члены Совета четырех.

Немного меньше информации о двух других постах-титулах членов Совета четырех — есуауакатле и тлиланкалки.

Есуауакатль (ацт. *yezhuahuacatl*, от *eztli* — «кровь» и *huahuaca* — «царапать», «ранить»; приблизительный перевод — «проливающий кровь») и тлиланкалки (ацт. *tlillancalqui*, от *tlilli* — «сажа», «чернота» и *calli* — «дом»; приблизительный перевод — «хозяин дома мрака», титул, связанный с культом божества темноты) упоминаются как члены Совета четырех А. Тесосомоком и Д. Дураном [173, с. 71 — 72; 328, с. 3, 5; 384, с. 57-58] наряду с тлакатекатлем и тлакочкалкатлем. В другом же важном источнике, «Кодексе Мендосы», двумя членами Совета четырех названы не есуауакатль и тлиланкалки, а уитцнауатль и тикокиауакатль (ацт. *huitznahuatl* и *ticocyahuacatl*) [137, т. 1, с. 95; 328, с. 315]. Однако что-нибудь определенное о существовании этих постов-титулов сказать трудно (см. рис. 70).

Следует сказать, что члены Совета четырех получали, кроме того, и титул текутли (ацт. *tecuhitli* — «господин»). Эти четыре высших чина носили специальные одеяния, волосы завязывали на макушке особым узлом (прическа смелого воина — ацт. *temilotl* — «каменная колонна») (см. рис. 70). Согласно иконографии носителей высших титулов, приведенной в «Кодексе Мендосы», два первых персонажа (тлакатекатль и тлакочкалкатль) заметно превосходили богатством одеяний и разного рода воинских девизов двух других (в этом источнике они названы, как уже указывалось, уитцнауатль и тикокиауакатль).

В Совет четырех входили ближайшие родственники тлатоани. Так было начиная с Итцкоатля. Они составляли круг его ближайших советников. Никакого серьезного дела тлатоани не предпринимал, не обсудив его с ними. Состоявший членом Совета четырех потенциальный

претендент на власть тлатоани, заняв место умершего правителя, назначал на освободившееся место кого-то из своих ближайших родственников¹⁴. Иными словами, право членства в Совете четырех постоянно сохранялось за семьей правителя. Таким образом, и в данном случае не выдерживался принцип прямого наследования от отца к сыну. Такая структура самого близкого к тлатоани органа, выполнявшего при нем совещательные функции, создавала возможность взаимного бдительного контроля его членов друг за другом и способствовала устранению возможной попытки узурпации власти.

Важнейшей функцией Совета четырех были выборы (определение) нового тлатоани (с учетом правил и норм наследования власти, о которых говорилось выше). Именно Совет четырех, к которому по такому поводу присоединялся сиуакоатль, называл официально имя нового тлатоани. И хотя по случаю выборов правителя созывался своего рода большой совет государства (куда входили высшие военные чины, вожди, главные жрецы и старейшины), этот орган лишь формально утверждал решение Совета четырех. Впрочем, есть сведения, что на большом совете проводилось даже голосование [409, с. 14], но картины это не меняет. Процедура таких выборов, как выразился один из исследователей, была лишь подтверждением того, что было решено в «задних покоях» [348, с. 76]. Что же касается народного собрания (которое, как известно из мировой истории, состояло из воинов), то его роль в этом процессе была совершенно пассивной. Так, сообщается, что при выборах самого первого тлатоани, Акамапичтли, «простые люди стояли в стороне» и ждали решения влиятельных в то время родовых вождей и старейшин. Так же было и при утверждении второго правителя, тлатоани Уитсилиуитля [173, с. 40; 391, с. 788]. И хотя в другом месте того же источника утверждается, что, например, Мотекусому I Старшего избирали как «лорды», так и «простые люди» [173, с. 87], это существа дела не меняет: роль народа оставалась пассивной. Общинники могли участвовать (хотя, конечно, не все в равной мере) в местном управлении на общинном уровне, но, как правило, никогда не были представлены на более высоких уровнях управления, тем более — при определении тлатоани. Этот важнейший вопрос решался узким кругом представителей семьи тлатоани, занимавших важнейшие посты в государстве, а именно Советом четырех. Считается, что такая практика сложилась со времени тлатоани Итцкоатля. Во всяком случае, это утверждение совпадает с данными «Кодекса Рамиреса», а также Д. Дурана и А. Тесосомака. В более ранний период (во времена первых трех правителей) нового тлатоани называли старейшины, военные вожди и жрецы.

Следует отметить, что ко времени Мотекусомы II функции Совета четырех в значительной мере перешли к военному совету. Во дворце тлатоани, в особом помещении, называвшемся Текиуакакали (ацт. Tequihuacacalli — «дом командиров») или Куаукалли (ацт. Cuauhcalli — «дом орла»; орел символизировал войну и воина), заседали высшие командиры, рассматривая все, что было связано с войной, а также некоторые наиболее важные дела, касающиеся судьбы государства. Председателем этого совета был высший командир с чином тлакочкакатль [104, с. 217; 137, т. 1, рис. 68, 69; 289, с. 49; 314, с. 151, 162; 351, т. 2, с. 311; 398, с. 125].

Когда речь заходит об ацтекском государстве, то нельзя обойтись без того, чтобы не рассмотреть принципиальный вопрос о роли членов Тройственного союза — Теночтитлана, Тесококо и Тлакопана — в его структуре.

Первоначально после образования Тройственного союза каждый из его членов сохранял определенную власть над подконтрольной ему территорией. Сохранилась и древняя титулатура правителей этих трех составных частей союза (точнее, сохранились древнейшие титулы, которые они имели еще до образования Тройственного союза): правитель тепанеков Тлакопана носил титул тепанекатль текутли (ацт. tepanecatli tecuhtli — «господин тепанеков»); правитель Тесококо — чичимекатль текутли или аколоуа текутли (ацт. chichimecatli tecuhtli — «господин чичимеков»; такой титул носил еще легендарный вождь Шолотль, который стоял во главе предков тескоканцев, вошедших в древнемексиканскую историю под именем чичимеков; ацт. acolua tecuhtli — «господин аколоуа», где аколоуа — название тескоканцев как народа в исторических документах); а правитель Теночтитлана — колуа текутли (ацт. colua tecuhtli — «правитель», «господин колуа», от названия народов, населявших западное побережье оз. Тесококо, где властвовали ацтеки), что служит еще одним подтверждением того, что истоки правящей династии ацтеков, идущей от тлатоани Акамапичтли, — в Колюакане, столице колуа.

Однако позже, когда к эпохе Конкисты главной политической и военной силой в Тройственном союзе стали ацтеки, изменилось и существо союза. Это дало повод некоторым исследователям считать, что само название «Тройственный союз» не совсем подходило для государства ацтеков перед испанским завоеванием [403, с. 189]. Центром сосредоточения власти стал Теночтитлан, а главным субъектом власти — тлатоани, носивший, как указывалось, титул «Великого тлатоани». Сравнение его с титулом «колуа текутли» демонстрирует отчетливо разрыв с родовой традицией и определенной этнической принадлежностью: «Великий тлатоани» считался уже правителем не только колуа. И эвфемизмы, которые упоминались выше, при характеристике поста тлатоани, также подтверждают этот разрыв с узорегиональным характером власти. Это не значит, понятно, что произошло полное упразднение всей прежней структуры управления, основывающейся на идее Тройственного союза. Она сохранилась и служила своеобразным дополнением и оформлением власти восточного деспота в лице тлатоани.

Следует добавить, что роль двоих союзников Теночтитлана никогда не была одинаковой. Тескоко занимал сначала достаточно прочное положение в Тройственном союзе, хотя, по сведениям источников, никогда не превосходил своей мощью Теночтитлан. В канун же Конкисты его сила настолько уменьшилась, что тлатоани Мотекусума II, как уже говорилось выше, после смерти Несауалькойотля, правителя г. Тескоко, сделал новым вождем тескокандцев вопреки их желанию своего ставленника, что вызвало в городе раскол и сыграло отрицательную роль в судьбе самих ацтеков, когда пришли испанцы.

Политические же позиции другого члена Тройственного союза, Тлакопана, с самого начала были слабыми. Даже в завоеваниях, важнейшей стороне деятельности государства Тройственного союза, он играл наименьшую роль, выполняя интендантские функции. Как видели выше, добычи и дани он получал соответственно вдвое меньше, чем Тескоко и Теночтитлан [409, с. 89]. Безусловно, такое положение Тлакопана было связано с особыми обстоятельствами превращения его в члена Тройственного союза. Этот город-государство представлял собой, по сути, политическую организацию остатков побежденных тепанеков. Их центром Тлакопан стал лишь в рамках Тройственного союза (ранее эту роль выполнял г. Аскапотсалько). Поэтому, кстати, известны хорошо лишь четыре правителя Тлакопана, находившиеся у власти только со времени основания Тройственного союза, причем все они, возможно, были родственно связанными с Теночтитланом и правили с одобрения его тлатоани¹⁵. В «Анналах Куаутитлана» достаточно описаний постоянного вмешательства Теночтитлана в дела Тлакопана.

О реальных политических взаимоотношениях, сложившихся в Тройственном союзе, говорит и тот факт, что официальное утверждение новых правителей Тескоко и Тлакопана делалось тлатоани Теночтитлана, причем приход их к власти должен был соответствовать праву и обычаям, в противном случае он мог быть объявлен недействительным [410, с. 91]. В то же время Тескоко и тем более Тлакопан не имели ощутимого влияния при избрании нового тлатоани Теночтитлана. Реальный выбор делали Совет четырех и сиуакоатль, хотя официальная процедура требовала, чтобы все трое правителей взаимно признавали друг друга [410, с. 91]. К моменту Конкисты многие официальные церемонии потеряли свой первоначальный смысл и приобрели чисто символический или ритуальный характер. Например, правители Тескоко и Тлакопана принимали участие в ритуале интронизации нового тлатоани. Правителю Тескоко полагалось надевать во время ритуала диадему на голову нового тлатоани, давать ему напутствия в виде особых торжественных поучений [173, с. 178].

Нельзя, по нашему мнению, согласиться с тезисом, согласно которому накануне испанского завоевания высшая власть в Тройственном союзе принадлежала совету правителей трех основных городов, его членов-устроителей, поочередно собиравшихся в каждом из них [104, с. 218].

Реальная власть в альянсе была в руках тлатоани, Совета четырех и сиуакоатля. Хотя, конечно, сохранились многие традиции, которые сложились с момента образования Тройственного союза: во всех особо важных ритуальных церемониях (прежде всего при избрании нового тлатоани) принимали участие правители трех городов; периодически, один раз в 80 дней, т.е. в четыре древнеацтекских месяца, они собирались в Теночтитлане для обсуждения и согласования важных дел и планов. На такие совещания правители Тескоко и Тлакопана прибывали вместе со своим окружением, вождами меньшего ранга, что в целом было, видимо, зрелищем достаточно внушительным.

Формально Тройственный союз ненадолго пережил приход испанцев: он закончил свое существование в 1525 г., когда во время похода Э. Кортеса в Гондурас он повесил тогдашних правителей всех трех городов — Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана.

Итак, верхушку пирамиды власти составляли тлатоани, сиуакоатль и Совет четырех. Именно они реально руководили всеми другими органами государственной власти, призванными решать военные, религиозные, экономические, юридические и иные задачи.

Территориальная структура и управление покоренными народами

Территориальное деление населения — необходимое условие существования и функционирования государственной власти. Территориальная структура обеспечивает связь органов власти с населением в центре и на местах. Как же обстояли в этом отношении дела в Тройственном союзе?

Прежде всего следует выразить согласие с мнением, что система управления там эволюционировала [403, с. 192]. Понятие «государство» как политический феномен в языке науа появилось не сразу. Сначала использовалось (да и потом тоже применялось) слово «тлака» (ацт. *tłaca* — «люди») как обозначение определенной этнической группы, но без связи с каким-либо типом политической структуры [104, с. 205]. Представление о группе людей, организованных территориально, обозначалось словом «алтепетль» (ацт. *altepetl*, от *atl* — «вода» и *tepetl* — «гора»; связано с тем, что поселение обычно возникало у источника), которое соответствовало слову «город». Город, где имелся храм, а также рынок, был центром тяготения жителей окрестных земель. Ясно, что по значимости города были различными. Важнейшие из них, выделявшиеся степенью своего могущества, определялись как *hueyaltepetl* — «большой город», «великий город». Это были уже города-государства. До образования Тройственного союза Мексиканская долина в конце XIII — начале XIV в. была разделена между более чем 50 автономных городов-государств. Город-государство — главный уровень политической организации Послеклассического периода истории древней Мексики [366, с. 72].

Хотя руководство таких городов-государств могло быть в отдельных случаях коллективным (например, в Тлашкале), однако в большинстве из них во главе находился правитель, носивший древний титул тлатоани [352, с. 152]. Ему подчинялись вожди меньшего уровня власти; вместе со знатью (пипилтин) они составляли господствующий слой этих обществ и их руководство. Такое отдельное небольшое государство носило название тлатокайотль (ацт. *tłocayotl* — «власть тлатоани»). В испанских раннеколониальных источниках эти небольшие локальные государства называли «сеньории» или «республики» (в соответствии с политическими представлениями в Европе того времени).

Реально самостоятельность и независимость сохраняли лишь некоторые из таких государств, а большинство со временем вступали друг с другом в коалиции, союзы (из 3-4 членов — городов-государств), доминировавшие на большей или меньшей территории. Эти альянсы известны как уэитлатокайотль (ацт. *hueytlacayotl* — «большая власть тлатоани» или, как обычно переводится, «большое государство»). Они создавались как для взаимопомощи и защиты, так и для агрессии против соседей. Всего к концу XIV в. в Мексиканской долине сложилось 8 таких конфедераций, лиг или государств-уэитлатокайотль, совпадавших с этническими территориями: союзы ацтеков (теночков или мешиков), тепанеков, аколуга тескоканцев, чалька, шочимилька, колуа (кулуа), куитлауака (коитлауака), мишчик. Все эти союзы, несмотря на столкновения и противоборство, объединяли религиозно-мифологические представления об общем происхождении и исходе из некоей единой прародины. Чувствуя и признавая себя достаточно близко этнически, их руководители находили способы устраивать и междинастические браки.

Название «уэитлатокайотль» в полной мере было применимо и к союзу, созданному позже г. Аскапотсалько, и к Тройственному союзу в самом начале его существования. Этот период в истории политической эволюции Мексиканской долины завершился в 1436 г., когда было сломлено упорное сопротивление конфедерации чалька, последней не входившей до тех пор в сферу влияния Тройственного союза. Заключительная фаза эволюции территориально-политического деления государства Тройственного союза связана с периодом 1463 — 1519 гг., когда сложился новый тип

государственного управления и устройства. В нем можно выделить с точки зрения территориальной интеграции несколько уровней, роль и значение которых были различными.

Самый широкий и общий уровень такой интеграции — собственно государство Тройственный союз. В политико-территориальном отношении, как уже отмечалось, к 1519 г. ацтекское государство было разделено на 38 частей, которые вслед за источниками исследователи обычно называют «провинциями». В свою очередь, они были разделены на около 500 более мелких подразделений с центрами в городах и поселениях, самый низший уровень составляли общины. Границы всех этих структур, вероятно, более или менее соответствовали тому положению, что было до их включения в состав Тройственного союза. Существенным изменением было появление на местах публичной власти, внешней по отношению к данной территории, в лице представителя Теночтитлана, хотя такая власть проявляла себя по-разному и оказывала неодинаковое влияние в тех или иных конкретных районах.

Второй уровень образовывали те структуры, которые в момент создания Тройственного союза были отражением политических и территориальных интересов его учредителей — Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана. На этом уровне официальное распределение сфер политического влияния с точки зрения территориальной было таким: Теночтитлан имел влияние на территории, располагавшиеся на севере и юге Мексиканской долины, это была так называемая Мишикатлалли (ацт. Mexicatlalli — «земля мешиков», т.е. ацтеков); Тескоко — на востоке, Тлакопан — на западе. Однако, как уже отмечалось, к 1519 г. реальная структура Тройственного союза существенно изменилась, и даже в Мексиканской долине невозможно проследить жесткого деления власти между Теночтитланом, Тескоко и Тлакопаном. На самом деле население Мексиканской долины было разделено по-прежнему с учетом этнических признаков, но все территории были подотчетны уже только Теночтитлану как центру государства. По-этому Тройственный союз уже по праву можно было назвать Мешикайотль (ацт. Mexicayotl — «власть мешиков», «территория, где распространена власть мешиков»), и Теночтитлан для руководства различными районами связывался не с Тескоко и Тлакопаном, а непосредственно с центрами этих территорий, роль которых выполняли определенные города-алтепетль. Подобные территориальные единицы и образовывали третий уровень государственного устройства Тройственного союза. Они соответствовали тому, что некогда было независимым городом-государством или областью отдельных племен и народов. Это были своего рода провинции ацтекского государства. Город с тяготеющей к нему округой был базовой единицей территориального деления ацтекского государства. Главные города, служившие центрами таких территорий (ибо кроме них были и другие города), т.е. те, которые испанцы обычно именовали «столица», «главный город», на языке науа назывались тлайакатль (ацт. tlayacatl, от uacatl — «нос» или «острие», в смысле «ведущий», «идущий впереди») вместо более древнего «уэиалтепетль», обозначавшего город-государство. Во главе такого города, как центра определенной территории, стоял свой глава, правитель, который в рамках структуры ацтекского государства носил титул «текутли» (ацт. tecuhtl — «господин»). Ранее такие вожди считались тлатоани своих независимых городов-государств. Текутли был представителем военной знати местного происхождения. Иными словами, древние независимые тлатоани превратились в некотором отношении в чиновников высокого ранга в рамках структуры государственного управления Тройственного союза.

Однако такая характеристика структуры управления на данном уровне является лишь общей и даже обобщенной. В действительности и политика, и государственный контроль со стороны Теночтитлана и Тройственного союза в отношении этих провинциальных территорий, а конкретнее — новых покоренных земель и населяющих их народов, были различными. Конкретика в каждом случае определялась сложившейся ситуацией. Применялись как открытое принуждение, так и разнообразные способы сближения мирным путем. Иными словами, Прямое давление сочеталось с гибкими формами «мягкого» принуждения. Все зависело от того, как конкретно были присоединены земли, кто был противником, каково экономическое значение новых территорий, насколько близко они располагались к центру, к Мексиканской долине.

Анализ различных сведений приводит к мысли, что, как это ни выглядит удивительным (особенно в свете традиционных представлений об аморфности «ацтекской империи»), ацтеки и Тройственный союз на деле использовали хорошо известный принцип *divide et impera* — «разделяй и властвуй». Применение этого принципа в политике Тройственного союза было отмечено еще

раннеколониальными авторами и зафиксировано в источниках. Принцип «разделяй и властвуй», ставивший, как известно, разные районы и народы в неравное по отношению к центру положение, а значит, и порождавший между ними раздоры, проявлялся в политике Тройственного союза сразу же по овладении той или иной территорией. Так, если «народ сдавался без сопротивления», то в его обязанности по отношению к Теночтитлану входила только выплата дани, налагаемой победителями. Более того, в иных случаях это была даже не дань, а система даров, какие обычно преподносили тлатоани Теночтитлана представители этих земель [381, с. 561, 562]. По отношению к покоренным народам и местной знати проводилась своего рода политика патроната, покровительства. Тройственный союз старался, где только было возможно, наладить спокойные отношения с покоренными. Он мог даже сохранить прежних правителей, оставив им их земли, административную и гражданскую власть; не затрагивались обычаи завоеванного народа [229, с. 44; 410, с. 112-113]. В этом случае за «покровительство» со стороны Тройственного союза покоренная территория и должна была платить дань. Теночтитлан практиковал отказ от сбора дани в определенные периоды времени, награждение трофеями правителей земель недавно покоренных, если они принимали участие в военных действиях на стороне Тройственного союза.

История последнего дает достаточно примеров применения такой политики. Например, в первый период существования Тройственного союза, после падения Аскапотсалько, Несауалькойотль, правитель г. Тескоко и один из учредителей альянса, возвратил владения и власть местным вождям, отобранные у них в свое время правителями Аскапотсалько, и, таким образом, заручился их поддержкой. После покорения г. Шочимилько, одного из самых богатых аграрных центров Мексиканской долины, тлатоани Итцкоатль не разрешил его грабить, хотя воинов Тройственного союза ожидала очень богатая добыча. Вождь Шочимилько тогда же был приглашен участвовать в новых завоеваниях [173, с. 79; 384, с. 197-202]. Тяжелая дань, наложенная на г. Чалько после его покорения ацтеками, не была собрана в трудном 1507 г. [384, с. 462]. Сходная политика проводилась и в отношении г. Тлателолько [384, с. 464]. Местные правители выполняли роль советников и военных вождей при тлатоани. И правители 14 подвластных Тескоко городов располагали такими же правами.

Конечно, такое положение было не у всех вновь покоренных земель, особенно в случае их упорного сопротивления или, что хуже, восстания против власти Тройственного союза. Покорив упорно сопротивлявшийся район или подавив восстание, победители «отбирали правителей и чиновников, которые станут управлять провинцией, но не из местных, а из тех, кто их завоевал» [351, т. 2, с. 317]. Утверждался военный правитель, который назывался куаутлато (ацт. *cuauhtlatō* — «правитель-орел», где орел — один из символов принадлежности его носителя к военным). Так, после подавления восстания в Тлателолько при Ашайакатле в 1473 г. там был утвержден правитель из Теночтитлана с титулом тлакочкакатль из семьи самого тлатоани. Однако в некоторых местах в зависимости от конкретных обстоятельств куаутлато назначались в качестве военных «губернаторов» наряду с местными правителями, сохранившими свое место [104, с. 207]. К тому же вследствие давних междинастических связей между отдельными городами-государствами вновь назначенный «губернатор» нередко находился в родстве с местными вождями. Для пресечения восстания, а также для охраны рубежей от нападений ставились военные гарнизоны, особенно активно при Мотекусоме II. Содержались гарнизоны за счет местных средств: либо выделялись специальные поля, урожай с которых шел гарнизону, либо с жителей собиралась определенная часть урожая.

Тяжелее были экономические и политические последствия для районов, усмиренных после восстания. Вновь покоренных называли обычно *tequitintlacote* — «выплачивающие дань, как рабы» [152, с. 371; 381, с. 592]. К ним направляли управляющего и сборщика налогов, и хотя «покоренные сеньоры» сохраняли возможность «приказывать» своим людям, сами они полностью подчинялись Теночтитлану [381, с. 592]. Усмиренные восставшие ставились в положение, близкое к рабскому: они «с восхода и до захода солнца работали там, где им приказывали» и если «что-нибудь находили в их доме», все отбирали сборщики налогов [381, с. 591].

В том случае, если восстание сопровождалось особенно упорным сопротивлением и интересам Тройственного союза наносился особенно тяжелый урон, ацтеки действовали более сурово и беспощадно: вождя восставших приговаривали к смерти, его жену и детей доставляли в Теночтитлан как пленников, его подданных, захваченных в бою, приносили в жертву, главный город сжигали [137,

т. 1, I С. 95]. Кроме казней могли последовать и увеличение дани, и отмена для знати сословных привилегий, очень важных в раннеклассовом обществе. Так, когда в 1473 г. возмутился г. Тлателолько, его знати после подавления восстания в качестве наказания было запрещено носить дорогие одежды из хлопка, она могла пользоваться одеждой только из волокон агавы, как люди самого низкого происхождения [173, с. 160]. Кроме того, тлателольки, город которых фактически слился с Теночтитланом, должны были платить дань каждые 80 дней, как и все покоренные народы. Рынок, которым славился Тлателолько, был включен в общую экономическую структуру Теночтитлана.

Типичным примером политики Тройственного союза в отношении к восставшим может служить расправа над г. Тепейакак. Располагавшийся в юго-восточной части Центрального нагорья, на важнейшем пути в богатые южные районы и на побережье, он имел большое значение. Его жители, недовольные властью Теночтитлана и необходимостью платить дань, восстали. Быстро усмиривший их Мотекусома I подверг значительному разрушению не только Тепейакак, но и сотрудничавшие с ним города Куаутинчан и Акатцинко. После этого на восставших была наложена двойная дань, а знать была доставлена во дворец Мотекусома I, где прошла процедура «поедания земли» (особая форма клятвы, состоявшая в том, что дающий ее касался пальцем земли и своих губ), которая закрепляла ее зависимое от Теночтитлана положение. Кстати, подобная церемония имела место всякий раз, когда подавлялись особенно упорные восстания (см. рис. 70, 71).

В результате такой достаточно умелой политики Тройственного союза создавался своеобразный баланс местного и центрального управления, совершенно необходимый для эффективного функционирования государства. В итоге почти все региональные структуры представляли собой наследие ранее независимых этнических групп и их союзов. Многие местные правители, сохранившие большинство своих прав, продолжали считать себя владыками в собственных землях. Испанцы, понятно, не могли не заметить это. Такие автономные образования в рамках Тройственного союза в раннеколониальных источниках назывались либо «сеньории», либо «республики». В данном свете естественно и появление многочисленных раннеколониальных «списков правителей» (ацт. *tlatocaamatl*) различных районов ацтекского государства, и многочисленные тяжбы между потомками этих правителей о границах владений на основе еще доиспанских традиций.

Дворы местных правителей в миниатюре повторяли двор тлатоани Теночтитлана, хотя передача власти очередному вождю проходила в соответствии с локальными, региональными традициями, а не копировала порядок наследования, принятый в Теночтитлане. Весьма примечательна в указанном плане информация Т. Мотолинии. Он писал, характеризуя особенности наследования в разных районах, что когда какой-нибудь «сеньор» умирал и на власть претендовал его старший сын, ему необязательно отдавали предпочтение: год и больше присматривались («ждали»), чтобы наглядно увидеть, каков он будет в качестве правителя, ибо «в древности» во многих местах «сеньоров» избирали, ища наилучшего, поэтому и «управление было хорошее» [305, с. 165] (см. также [410, с. 91]. Правда, надо иметь в виду, подобные «выборы» могли в реальности представлять собой акт чисто формального утверждения решения, принятого в соответствии с существующими правилами наследования (как это было в Теночтитлане). Так, в городах Аскапотсалько, Шочимилько, Тулансинго и некоторых других верховная власть передавалась от отца к сыну. В одном из документов 1532 г., содержащем ответы на вопрос относительно системы управления в доиспанский период, говорится, что «правило и порядок» наследования «сеньорий» трудно однозначно определить, так как были разные «обычаи». «Сеньор» мог назначить наследником младшего сына, имея других, способных править, если, например, этот сын был от «более знатной жены». Наиболее же типичным было наследование самым способным из сыновей, если только не имел на это право брат покойного. Если покойный в свое время не назначал наследника, знать сама его избирала [408, с. 511]. Иными словами, и у местных правителей круг претендентов на власть ограничивался сыновьями и братьями, как и в Теночтитлане [212, т. 4, с. 230].

Тлатоани Теночтитлана обычно не вмешивался в дела наследования власти, за исключением особо важных случаев и особо важных районов (вспомним хотя бы вмешательство Мотекусома II Младшего в избрание нового правителя г. Тескоко после смерти Несауальпилли). Однако новые правители большинства подконтрольных Тройственному союзу районов должны были получить

официальное утверждение в Теночтитлане. Этот акт призван был засвидетельствовать как то, что новый правитель пришел к власти на законных основаниях (в противном случае утверждение могло и не последовать) [55, с. 231-232; 410, с. 91], так и признание им своей зависимости от Теночтитлана. В упомянутом выше документе 1532 г. отмечалось, что подобно тому, как до прихода испанцев местные правители утверждались в Теночтитлане, так и «ныне» (т.е. в 1532 г.) индейские касики обращаются за тем же к представителям испанской колониальной администрации [408, с. 511]. Церемония, символизирующая приход к власти местного вождя, повторяла, хотя и с меньшей пышностью, ритуал интронизации тлатоани Теночтитлана.

Показателем зависимости местных правителей от Теночтитлана было и то, что либо они сами, либо их сыновья определенное время должны были проводить в столице при дворе тлатоани. Как отмечалось в источниках, все «сеньоры», подчиненные Теночтитлану (кроме «сеньора» г. Тескоко), имели в этом городе свои дома, в которых жили «подолгу» [156, с. 75; 305, с. 81-82]. Такое пребывание в Теночтитлане было, по сути, формой заложничества, хотя, как уже отмечалось выше, сыновья вождей могли приобщиться там к высшим мудростям (религиозным, светским, военным), которые могла предложить столица — средоточие всего самого знаменательного в Тройственном союзе. Из их числа при Мотекусоме II Младшем была создана почетная «гвардия» из 600 человек (с 3-4 слугами каждый). Все они жили частично за свой счет (помимо получаемого при дворе). Местные правители обязаны были присутствовать в Теночтитлане при самых важных событиях: при похоронах тлатоани, разнообразных торжествах, например по случаю интронизации нового правителя Тройственного союза, военной победы и других мероприятиях аналогичного свойства.

Важной обязанностью локальных вождей было, как уже указывалось, участие отрядов воинов из их районов в военных действиях на стороне Теночтитлана, т.е. несение военных повинностей. Благодаря этому Тройственный союз мог выставить войско до 150 — 200 тыс. человек (включая, видимо, и носильщиков). Очевидно, местные силы призывались не во всякий поход, а только в наиболее важные. Интересно в этом же отношении замечание Б. Саагуна, писавшего, что воины покоренных народов шли в «самых последних рядах» [351, т. 2, с. 316, 317]. Вероятно, центральная власть им не очень доверяла, костяк же ацтекской армии составляли профессиональные воины.

Таким образом, Теночтитлан не стремился упразднить или аннексировать мелкие «сеньории», лишить их правителей и знать власти, когда они смирялись перед силой оружия Тройственного союза. Отстранение от власти, а тем более казнь правителей происходили только тогда, когда для этого имелись очень веские причины. Местные правители, продолжавшие считаться вождями собственных народов, были одновременно и частью административного аппарата государства Тройственного союза. В одних случаях их власть в своем районе была почти полной, в других — из Теночтитлана направлялись специальные «губернаторы», а также сборщики налогов, роль которых постепенно все более повышалась.

Следующий, более низкий уровень управления составлял город, который в истории Мексиканской долины претерпел значительную эволюцию. Если, например, при тольтеках и ранее город был прежде всего религиозным центром¹⁶, то позже он становится центром и социально-политическим, которому подчинялась связанная с ним округа не только на основе религиозного почитания, но и при решении общих социально-экономических и политических проблем.

Сам город, особенно крупный, имел свою структуру и состоял из нескольких частей, соответствующих накануне Конкисты административным единицам. Проследить развитие городской структуры можно прежде всего на примере Теночтитлана. Когда ацтеки только прибыли в долину, они делились на 7 родовых общин-кальпулли. Около 1345 г., т.е. вскоре после основания Теночтитлана, насчитывалось уже 15 — 20 кальпулли, а к моменту испанского завоевания в городе с населением 150 — 200 тыс. человек было уже 60 — 100 общин (по разным данным). Таким образом, происходило совершенно очевидное увеличение и населения, и числа общин (в том числе и посредством их дробления), в которые оно было объединено. Одновременно с этим утверждался и развивался другой принцип разделения города — территориально-административный, учитывающий наличие общин-кальпулли и во многом опирающийся на них.

В этом отношении наиболее общим членением Теночтитлана было разделение его на две исторические части — Теночтитлан и Тлателолько. Собственно Теночтитлан, в свою очередь, делился

прежде всего на четыре района (Теопанлака и Мойотла на юге и Куэпопан и Атсакуалко на севере)¹⁷. Каждое из этих подразделений имело свой административный центр и храмовые комплексы.

Следующий, низовой уровень административного деления — общины-кальпулли. В источниках и научной литературе используется также понятие «квартал» (ацт. chinamitl, tlaxilacalli). Анализ употребления обоих терминов — «кальпулли» и «квартал» — показывает, что под «кальпулли» обычно понималась традиционная община, в то время как «квартал» использовался как понятие, характеризующее территориальную принадлежность. Это значит, что жители города, являясь членами определенной общины-кальпулли, жили в «квартале» чаще того же названия, что и община-кальпулли. Таким образом, «квартал» — единица внутренней административной территориальной организации, в то время как «кальпулли» — определенные традиционные общины, члены которых связаны в том числе и выполнением общих религиозных ритуалов. Следовательно, этими терминами обозначались разные стороны одного и того же социального явления — общины, в том ее виде, в каком она существовала накануне Конкисты. Каждый из кварталов имел определенную автономию в хозяйственных делах, внутреннем управлении, религиозных вопросах. Являясь хозяйственной единицей, квартал нес ответственность за выполнение повинностей перед государством и сохранение в нем порядка. Элементы автономии были и в военных делах — каждая из общин-кварталов располагала своим арсеналом, а мужчины, жившие на ее территории, составляли отдельную войсковую единицу.

Другие города имели сходное структурное деление, хотя, конечно, Теночтитлан — особый случай и по численности населения, и по той политической роли, какую он играл в государстве. Тескоко, второй по значимости город в Тройственном союзе, состоял из 6 «кварталов»¹⁸, которые, в свою очередь, делились на 30 более мелких единиц. Шочимилько делился на 18 общин — «кварталов», имеющих собственные названия (они, в свою очередь, — на 26 более мелких единиц); Амекамекан — на 6, Куаутитлан — на 4; Койоакан состоял из двух районов, которые, в свою очередь, делились на 32 общины — «квартала»; в древнем Теотиуакане было 7 общин — «кварталов», в Тулансинго — 2 и т.д. [96, с. 90; 222, с. 24]¹⁹.

Как уже указывалось, община в ацтекском государстве утрачивала замкнутый характер; особенно активно этот процесс проходил в городах. Например, в период наивысшего подъема Аскапотсалько там был район, населенный ацтеками (мешиками), получивший соответствующее название — Мешикапан (ацт. Mexicasapan — «место, где живут мешики»). Формирование его, кстати, началось еще при знаменитом правителе Тесосомоке. В г. Тескоко также был ацтекский квартал и, кроме того, шесть кварталов, где жили потомки тольтеков (таковыми, во всяком случае, они себя считали), а также отоми (выходцы, в частности, из г. Глашипана).

Еще более значительное нарушение однородности этнического состава населения было в Теночтитлане. В нем, в частности, жили ювелиры, считавшие себя выходцами из Шочимилько; о переселенцах из г. Куаукетчаоллан, живших в районе главного рынка города, в Тлателолько, упоминает Б. Саагун. Причины нарушения моноэтничности в том же Теночтитлане различны. Так, как уже говорилось, правители, знать покоренных районов обязаны были часть времени проводить при дворе тлатоани и, следовательно, иметь свои дома. Часть иноэтничных жителей могла оказаться в Теночтитлане, потому что в свое время нашла там себе убежище. Например, группа жителей Уэшотцинко при Мотекусоме II Младшем получила право жить в Теночтитлане после очередного обострения отношений между Уэшотцинко и Глашкалой. Это случилось незадолго перед Конкистой. Но некоторая неацтекская часть жителей была интегрирована в структуру Теночтитлана с очень давних времен. Это касается, например, колуа. Ацтеки имели с ними давние матримониальные связи, еще со времени основания Теночтитлана и выдвижения рода правителей-тлатоани. Когда же для жителей Колуакана начались тяжелые времена, они нашли убежище в Теночтитлане, получив право поселиться в одном из его южных районов. Наконец, в период наибольшего политического расцвета Теночтитлана, совпадающий с кануном Конкисты, его ежедневно посещали сотни и тысячи представителей разных народов — торговцы, носильщики, приносящие в столицу дань со всех концов Тройственного союза, и командующие ими чиновники, воины из разных районов, отбывающие воинскую повинность, и др.

Ясно, что управление полиэтничной структурой должно было отличаться и отличалось от управления традиционной общиной-кальпулли. И действительно, новые поселенцы Теночтитлана,

неацтеки, нередко получали статус «людей дворца» (ацт. *tescrauhque*) и считались обязанными податями непосредственно тлатоани.

Наконец, последний уровень, местный в структуре управления, занимала община-кальпулли, о которой речь уже шла выше.

Говоря о функционировании государства Тройственного союза, нельзя обойти проблему переселения народов и колонизации. Вопрос о роли, месте и объеме данных процессов дискутируется, и в литературе можно встретить если не противоположные, то по крайней мере неравнозначные их оценки. Так, есть мнение, что имели место массовые переселения целых народов, что было одной из форм и наказания, и предупреждения восстаний [327, с. 114]. Завоеванное население могло быть переселено из одной части Тройственного союза в другую, что затрудняло возможности новых бунтов [105, с. 33]. На опустошенных, а иногда и просто свободных землях Теночтитлан основывал свои колонии и в виде особых гарнизонов. Эти колонии-гарнизоны управлялись непосредственно из Теночтитлана и были подконтрольны высшим военным чинам — тлакатекальлю и тлакочкальлю. Наиболее важные колонии были в Толуке (Маглатцинка), Остомане (нынешний штат Герреро) и Оахаке (ныне одноименный город в штате Оахака). Создание колоний, согласно источникам, происходило при разных правителях. Наиболее известные шаги такого рода были предприняты при Ауитсотле, восьмом ацтекском тлатоани, когда в состав переселенцев входили представители населения из всех районов, подконтрольных Теночтитлану, или, говоря словами источника, «подчиненных мексиканской короне» [384, с. 350]. Местом такого переселения стали Остоман и Алаушгглан (штат Герреро, у границ с землями тарасков). Для переселения было отобрано 9 тыс. семей из всех районов государства; их разделили на три группы по 3 тыс. семей в каждой. Переселение продолжалось четыре месяца, и все это время местные жители снабжали новоселов всем необходимым, предоставляли им ночлег в пути. Каждую семью переселенцев обслуживали 5 — 6 носильщиков, которые помогали в транспортировке вещей. Переселенцев ожидали после того, как они окажутся на месте, и другие льготы (правда, в большей степени они касались их руководителей и вождей): колонисты в течение 5 лет продолжали получать доход со своей земли в местах своего первоначального проживания (если там у них был участок), эти их земли обрабатывали оставшиеся общинники; кроме того, в течение двух лет каждые шесть месяцев переселенцы получали бесплатно одежду (каждой семье по 25 единиц), а также разовые подарки от тлатоани. Колонисты должны были не только нести гарнизонную службу, но и заниматься земледелием, выращивая главным образом какао, для возделывания которого на новом месте были вполне подходящие условия [173, с. 201-202; 384, с. 350 — 353]. Колонистов из Тройственного союза селили и в местах близ торговых путей, ведущих, в частности, в Табаско и на Юкатан.

Некоторые ученые скептически оценивают и масштабы, и перспективы таких переселений. Они считают, что в отличие, например, от государства инков (с которым обычно сравнивают Тройственный союз) практика переселений у ацтеков имела гораздо меньшие масштабы и не носила систематического характера. Как правило, по их мнению, посылали лишь сборщиков дани как постоянных поселенцев в те или иные районы, покоренные Теночтитланом [162, с. 176; 236, с. 207].

По нашему мнению, если бы Тройственный союз преследовал чисто военно-политические цели, то подобный скепсис, возможно, и был бы оправдан. Однако перед Теночтитланом стояли и социально-экономические задачи, в частности, необходимо было решать наряду с прочим и демографическую проблему, обусловленную быстрым ростом населения в Мексиканской долине. Одним из методов ее решения и была практика переселений. Разумеется, такие переселения, как то, о котором речь шла выше (9 тыс. семей), не снимали проблемы, но это могло быть только началом длительного проведения последовательной политики, опробованием способов решения проблем.

Кроме того, практика переселений и колонизации способствовала унификации государственных структур, так как среди районов с местным традиционным управлением возникали структуры, подотчетные не местным властям, а далекому Теночтитлану. Местное население забывалось пришлым, нарушалась прежняя этническая замкнутость тех или иных неацтекских районов — все это увеличивало политическое влияние центра.

Таким образом, управление и структура власти в Тройственном союзе базировались на делении на ряд уровней, каждый из которых имел собственную внутреннюю организацию, основанную в конечном счете на существовании общины как основной ячейки общества.

Государство, осуществляя свои функции, опиралось на данную систему. Дуализм государственных и традиционных структур — органическая черта системы управления в Тройственном союзе. Этот путь развития и укрепления государства был наиболее эффективен во всех отношениях, вследствие чего считать такую политику проявлением слабости или аморфности власти Тройственного союза не корректно.

Обычное право и правоотношения

От некоторых древневосточных цивилизаций (вавилонской, ассирийской) дошли до наших дней судебники, а также образцы частнопроводных документов (контракты, решения судов и т.п.), которые позволяют увидеть, как законодательство реализовывалось на практике. Мы не можем того же сказать о праве и правоотношениях в Тройственном союзе, так как судебники и документы деловой практики доиспанских времен до нас не дошли. Однако в копиях доиспанских кодексов, сделанных в раннеколониальный период, в сообщениях европейских и индейских авторов того времени содержатся сведения, рисующие достаточно наглядно картину состояния дел в этой сфере жизни древнеацтекского общества. Эти данные позволяют проанализировать правоотношения в древнеацтекском обществе, показать, в какой степени они приобрели те общезначимые признаки, которые характерны для права раннеклассовых структур вообще, выяснить, были ли правовые нормы, декларировавшиеся в обществе, действующими или лишь благими пожеланиями.

В источниках содержатся сведения о законодательных актах и установлениях самого различного характера. Так, через 70 лет после основания Теночтитлана начал свое правление первый из известных ацтекских реформаторов, платоани Уитсилиуитль [173, с. 44]. Его продолжателем был Мотекусома I Старший, который выработал «мудрые законы» и «сурово наказывал за отступление от них» [31, с. 349; 137, т. 1, с. 31; 173, гл. 26]. Наконец, и самый последний из доиспанских ацтекских правителей, Мотекусома II Младший, также занимался законодательством [173, гл. 53; 384, гл. 83]. Но одна из наиболее интересных страниц в истории права Тройственного союза связана, безусловно, с именами правителей г. Тескоко — Несауалькойотлем и его сыном Несауальпилли. Первый из них известен как правитель, обнародовавший «80 законов», его называют даже «Соломоном древнеацтекского государства» [398, с. 127]. Несауалькойотль не разработал эти законы, а просто обобщил существовавшую до него практику. Соблюдение этих законов было обязательно для всех, и, согласно источникам, Несауалькойотль требовал, чтобы его сыновья знали их на память [228, с. 98]. Законодательство тескоканских правителей оказало влияние на аналогичную деятельность владык Теночтитлана, в частности на Мотекусому II, хотя у ацтеков были и свои правовые традиции.

Понятие «закон» имело в языке науа эквивалент в виде слова «науатилли» (ацт. *nahuatilli*, очевидно, от глагола *nahuatillalia* — «провозглашать что-нибудь», и, таким образом, буквально означало «провозглашать что-нибудь в полный голос») [314, с. 243].

Известно, что право обусловлено экономической и политической структурой общества, его культурным развитием, влиянием различных идеологических факторов. Не является в этом отношении исключением и древнеацтекское право. Каковы же основные черты этой правовой системы, вытекающие из перечисленных факторов?

Первой формой выражения правовой нормы является обычай, и, знакомясь с образцами и примерами древнеацтекской соционормативной культуры, мы прежде всего имеем дело с данным слоем. Это вполне закономерно, так как известно, что в раннеклассовый период государство первоначально главным образом закрепляло обязательность стихийно складывавшихся обычаев, вследствие чего они из мононормы родового общества превращались в юридическую норму, обычное право. И уж если в римском правосознании отсутствовало строгое различие между обычным правом и законом и, напротив, существовала их принципиальная интеграция в единой системе права²⁰, то в менее развитой структуре правоотношений она тем более очевидна. Ее можно проследить, в частности, на примере первобытной религии, оказывавшей большое влияние на формирование норм раннего права. Нередко нарушение религиозных установлений рассматривалось как преступление в собственном смысле слова: считалось, что преступление в таком случае совершается не только перед людьми, но и перед богами. Соответственно определенные представления и правила поведения, восходящие к родовому обществу, приобретали правовой характер, а отклонение от них считалось

преступлением. Так, пережитки первобытных суеверий можно увидеть в практике запрета под страхом смерти женщине носить мужскую одежду и украшения и, наоборот, мужчине — женские одеяния и предметы [203, с. 252; 305, с. 165]. Правда, по мнению одного из раннеколониальных авторов, это было формой борьбы с половыми извращениями [288, с. 34; 289, с. 68]. По тем же причинам сурово каралось «чародейство». Дело в том, что в этом обществе, сознание которого было насквозь религиозным, наполненным верой в воздействие сверхъестественных сил, кроме «истинных магов», или знахарей (ацт. *titicí* — «знахари»), выделяли и «псевдомагов», которых считали злейшими врагами людей. Поэтому человека, заподозренного в колдовстве и тем принесшего якобы «зло городу», предавали смерти [289, с. 67; 315, т. 1, с. 271]. Приведенные примеры — не единственные проявления обычного права.

Судя по источникам, ацтекское государство уже выполняло и свою конститутивную роль, вводя и санкционируя правовые нормы, стоящие вне границ обычного права и отражающие эпоху раннеклассовых отношений. Нормы традиционного обычного права, базировавшегося на принципах родовых отношений, во многом уже не отвечали новым условиям: в значительной степени иными стали сама община (во многих районах вместо родовой появилась соседская), семья (наряду с архаической формировалась семья индивидуальная), государство уже брало на себя часть функций, которые ранее выполняла только родовая община. Все это делало объективно необходимым появление новых общественных норм в виде законов, соблюдение которых было обязательным. Конечно же, не приходится говорить о дифференциации видов права: хорошо известно, что рабовладельческое право (за исключением разве что древнеримского) не знало ее. Скорее это было своего рода «совокупное право», где гражданские, уголовные, международные и т.д. нормы существовали только в форме зачатков. Однако такое «совокупное право» все же было в состоянии регулировать соответствующие отношения в обществе.

Одной из важных задач права в Тройственном союзе было регулирование брачно-семейных отношений. Древнеацтекские брачно-семейные нормы регламентировали многообразие межличностных отношений: от элементарного определения прав и обязанностей членов семьи до защиты общепринятых моральных ее устоев, мало отличаясь, таким образом, от правовых положений в этой же области в других ранних обществах.

Возникновение семьи утверждал ритуал брака, процедура заключения которого была в равной степени актом и религиозным и юридическим. К парам, жившим без прохождения соответствующего брачного церемониала, в обществе по-иному относились и даже по-другому называли.

Наиболее подходящий брачный возраст — 20-22 года (юноши) и 15-18 лет (девушки). Брачная церемония состояла из серии церемоний, в которых участвовали друзья и родственники брачащихся, хотя есть упоминание и о жреце, благословляющем ложе супругов. Наиболее полное и подробное описание церемониала, связанного с браком, содержится у Б. Саагуна. Согласно его информации, когда юноша достигал брачного возраста, совместное решение родственников о необходимости женитьбы доводилось не только до него самого, но и до его руководителей-учителей в телпочкалли. Последним родители преподносили специальные подарки. Затем наступало время выбора невесты. Для этого использовался и общий семейный совет, и помощь посредниц-свах, чтобы уладить необходимые формальности с родителями невесты, и консультации с жрецом-астрологом, чтобы определить наиболее благоприятный день для свадебной церемонии. В назначенный день начинался свадебный праздник со многими характерными обрядами. Прежде всего, все приглашенные на него дарили молодоженам подарки; процедура протекала у очага, что было связано с культом божества огня и домашнего очага Шиутекутли (или Уэуэтеотля — «Старого бога»).

Позже в тот же день невесту купали и украшали ее настолько, насколько позволяли средства. Потом девушку усаживали на циновку у очага, где она выслушивала многочисленные советы мудрых стариков и старух. Ближе к вечеру, на закате, прибывали родители жениха в сопровождении своих родственников и друзей. Невеста усаживалась на коленях на большой кусок прочной ткани, который потом вместе с ней, взвалив на плечи, процессия с зажженными пальмовыми факелами доставляла в дом жениха. Невесту усаживали у очага слева от мужа, и родители с той и с другой стороны обменивались взаимными подарками (что было, несомненно, формой приданого и брачных даров). После этого свахи («исполнительницы брака», по Б. Саагуну) связывали края одежд новобрачным и отправляли их в отдельную комнату или помещение, где они оставались вдвоем три дня. Все это

время свахи охраняли их днем и ночью. На четвертый день молодожены покидали свое убежище. Несмотря на то что в церемонии не участвовал ни жрец, ни какое-либо должностное лицо, только таким образом заключенный брак считался законным. Однако, так как подобная свадьба требовала немалых расходов, простые люди обычно ограничивались получением согласия невесты [289, с. 92-96; 351, т. 1, с. 137-138].

У простых людей брак строился по принципу моногамии, но для состоятельных допускалась и полигамия. Эти ограничения не носили социального характера: жен и женщин каждый мог иметь столько, сколько способен был содержать. Наличие множества наложниц и нескольких жен у тлатоани имело и политический смысл — брачные связи правителя, как и во всех обществах такого типа, были формой организации политических связей. Наложницы могли быть и незнатного происхождения. Согласно источникам, у Ашайакатля было «много жен» и 18 детей, у Мотекусомы II — две жены и тысячи наложниц, у правителя г. Тескоко Несауальпилли — «две тысячи» наложниц, но только от 40 из них он имел детей.

Конечно, совсем необязательно верить в «тысячи» (такие утверждения ничуть не хвастливее библейских, связанных с Соломоном). Однако информация такого рода — непроверяемое свидетельство наличия многоженства.

Среди множества жен у тлатоани, местных правителей, да и просто богатых была главная жена, находившаяся в особом положении в доме и семье. Брак с ней заключался «достойным образом», т.е. с соблюдением всего необходимого церемониала. Такие жены назывались «сосватанная женщина» (ацт. *sihuatlantli*) или, что то же самое, «законная жена»; именно ее сын становился наследником. Женщины, взятые в семью без такого брачного церемониала, считались находящимися на более низком положении и определялись как «сожительницы» (ацт. *mecatli*). Правда, не всегда фактическое положение некоторых из таких сожительниц было принижено. Например, Несауалькойотль от своей законной жены, племянницы тлатоани Тисока, имел 11 детей, но, как это нередко бывало, он предпочитал наложниц. Его фавориткой была женщина, известная как «дама из Толлана». Она не отличалась знатностью (дочь купца), но была необычайно умна, занималась даже поэзией. Если учесть что сам Несауальпилли вошел в ацтекскую историю как поэт, законодатель, мудрец, то понять это его пристрастие можно.

Следы полигамии можно проследить по архивным данным XVI в., в частности, относящихся к району Молотла (совр. штат Морелос). Несмотря на то что там после испанского завоевания утвердился церковный брак, у наиболее состоятельных представителей индейской знати тем не менее кроме законных (с точки зрения христианских норм) жен, обитавших в доме мужа, были другие женщины, считавшиеся также женами, но жившие вместе с детьми отдельно [101, с. 48].

Довольно широкое распространение конкубината потребовало выработки целой системы норм, связанных с ним. Если с наложницей, родившей детей, брак так и не заключался, она могла возвратиться в семью родителей, после чего мужчина терял на нее все права. Иногда наложницу брали в семью на особых условиях, например, для того, чтобы она родила сына. Когда ребенок рождался, родители наложницы могли требовать от мужчины либо официально оформить брак, либо отпустить ее, так как условие (рождение ребенка) выполнено [273, с. 806; 410, с. 133].

В том случае, если мужчина собирался выделить наследство кому-то из детей, рожденных от наложницы, обязательным условием было заключение брака.

Анализируя круг брачных партнеров, можно прийти к выводу, что браки заключались как в рамках одного рода, так и вне его, исключая браки между родителями и детьми, родными братьями и сестрами. Инцест был категорически запрещен и наказывался смертью: виновного вешали. Есть сообщение, что сыновья могли наследовать жен своего покойного отца (кроме родной матери), но это противоречит другой информации, восходящей к Т. Мотolini, согласно которой старший сын мог «наследовать» некоторых жен своего отца (исключая свою мать), но в районах, окружающих Теночтитлан и Тескоко, подобная практика считалась аморальной, противоестественной и противозаконной. Т. Мотолиния подчеркивал, что был незаконным и брак между родителями и детьми, свекром и невесткой, тещей и зятем, отчимом и падчерицей, мачехой и пасынком [305, с. 164; 314, с. 173; 389, т. 2, с. 418-420].

Ацтеки практиковали левират (женитьба на жене покойного брата), но сорората не зафиксировано [104, с. 200; 305, с. 164; 314, с. 173].

Очень немного известно о системе брачных отношений среди масеуалов-общинников, гораздо меньше, чем об аналогичном явлении среди знати. Совершенно очевидно, что преобладали браки между представителями одного и того же социального слоя масеуалов, допускалась и полигамия, если позволяли средства. Как и у знатных, наиболее престижными были браки, заключенные официально. Браки заключались как внутри общины, так и вне ее.

Наиболее характерная черта брачно-семейных отношений в древнеацтекском обществе — безграничная власть отца и мужа. Так как семья была патриархальной, отец считался полным хозяином жизни и смерти ее членов. Наиболее ярко это проявлялось в существовании патриархального рабства со всеми его характерными признаками. После смерти отца его права переходили старшему сыну [203, с. 222].

В полном соответствии с нормами древнего патриархального брака у ацтеков активно защищались привилегии мужчины и мужа. Неудивительно, что в источниках много говорится относительно преступлений, затронувших семейные устои. Так, в ранний период второй тескоканский правитель Нопальтцин (XIII в.) ввел «законы, касающиеся прелюбодеяния»: обоим виновных убивали стрелами. Позднее форму наказания разнообразили, хотя расплатой за супружескую измену по-прежнему оставалась смерть [203, с. 252; 228, с. 54; 273, с. 806]. Любовников часто забивали камнями (см. рис. 80) [410, с. 130]. Иногда несчастных связывали, клали на землю и расплющивали головы тяжелыми камнями [305, с. 164; 314, с. 257]. Виновных также нередко бросали связанными в реку [174, с. 132], забивали до смерти палками, вешали [305, с. 164]. Применяли и «квалифицированные» формы казни: мужчину заживо зажаривали, опрыскивая при этом водой, а женщину вешали (см. рис. 79) [228, с. 101 — 102]. Но наиболее распространенной формой казни оставалось забивание камнями.

Приговоры приводились в исполнение чаще публично: виновных приводили связанными на площадь и все присутствующие бросали в них камни. «Бросали камней больше, чем у них было волос на голове», — отмечает хронист [305, с. 164], добавляя, что жертвы не очень страдали, так как им старались попасть в висок. И хотя он настаивает, что «зверства не имели места среди... аборигенов», сказанное выше наглядно демонстрирует архаические черты патриархальной жестокости. Почти во всех приведенных случаях приговор предельно прост — смерть, только в разных вариантах. Несомненно, такое брачно-семейное право в общих чертах близко древневосточному, особенно среднеассирийскому.

Как же осуществлялось правовое регулирование при подобных преступлениях на практике? Если прелюбодеи заставал муж, то любовников до смерти забивали камнями, а трупы выбрасывали на съедение диким зверям [228, с. 101; 305, с. 164; 315, т. 1, с. 271]. Если же женщина только подозревалась, то муж должен был представить доказательства, причем допускалась попытка ее и любовника [228, с. 101; 305, с. 164; 315, т. 1, с. 271]. Преступников, видимо, на это время изолировали (см. рис. 78) [49, с. 120]. И только в случае признания в преступной связи любовники приговаривались к смерти. Опынение не служило оправданием прелюбодеяния. Таким образом, право самосуда, берущее начало в обычном праве, у ацтеков строго регламентировано: оно применялось лишь к лицам, застигнутым на месте преступления. Правда, если оскорбленная сторона простила, то наказание не применялось. Так, в Теотиуакане любовников передавали на два дня родственникам пострадавшей стороны, и если пострадавшая сторона (видимо, муж прежде всего) простила женщину, то она возвращалась к мужу [314, с. 258].

Выше мы приводили драматический пример наказания за прелюбодеяние одного из ближайших сторонников Мотекусомы II — правителя г. Аскапотсалько Тесосомака. Сначала его в обход закона просто изгнали из города и разрушили его дом. Однако затем, неудовлетворенные этим, сами жители Аскапотсалько отрезали ему кончик носа в знак позора. Дело закончилось в конце концов тем, что он был задушен, а тело его сожжено [228, с. 310 — 311].

Впрочем, только связь с замужней женщиной рассматривалась как прелюбодеяние, связь же даже женатого мужчины с незамужней женщиной не считалась адюльтером, супружеской изменой. Соответственно, существовала и проституция, несмотря на строгость морали в ацтекском обществе. Имелись специальные дома, называвшиеся «дома радости» (ацт. *cuicoyan*), где жили проститутки, или, как их называли, «вызывающие радость» (ацт. *auhuianime*). Правда, в г. Тескоко как будто был издан указ, запрещающий проституцию и предполагавший даже казнь виновных в его нарушении [203, с. 252].

Жестоко и необычно каралось сводничество: преступнику поджигали волосы на голове, что считалось чрезвычайно позорным [289, с. 63; 410, с. 136-138].

Разводы были редки, но если случались, то судьи сначала пытались примирить стороны, используя моральное давление. Когда же супруги проявляли твердое намерение расторгнуть брак, судьи осуществляли развод [137, т. 1, с. 96; 410, с. 125]. Юридическими основаниями для развода были разница в характерах, плохое обращение со стороны мужа, бесплодие. В случае развода сыновья оставались с отцом, дочери с матерью, а виновная сторона теряла половину имущества, поскольку при разделе каждый получал свою долю в соответствии с тем, сколько вносил при заключении брака. Вдова могла второй раз выйти замуж, однако при условии, что новый муж не был более низкого происхождения, чем покойный. Кроме того, если имелся маленький ребенок, то она могла рассчитывать на новое замужество лишь по достижении им 4-летнего возраста (поскольку матери иногда кормили детей до 4 лет) [289, с. 97].

Важнейший институт любой системы права — право собственности. В условиях же раннеклассового общества важнейшая задача государства — закрепление отношений собственности, сложившихся на данном этапе. В источниках достаточно сведений, подтверждающих это направление развития права — формирование своего рода имущественного права: от общего запрета захватывать и пользоваться чужой собственностью до более или менее обстоятельного перечисления всех возможных случаев покушения на нее как недопустимых и наказуемых. Так, один из первых тескоканских правителей Нопальцин (годы правления 1232 — 1263) ввел некоторые новые правовые нормы, часть которых касалась охоты. По этим законам никто не мог под страхом смерти «разводить огонь в поле или горах, если не было на то разрешения», а также охотиться. Под угрозой «лишиться лука и стрел» нельзя было брать дичь, попавшую в «чужие сети». Наконец, он определил и «границы охоты», которые нельзя было нарушать под угрозой смерти [228, с. 54].

Словом, в древнеацтекском обществе противоправное завладение чужим имуществом, посягательство на собственность рассматривалось как деликт и влекло за собой наказание. Вообще к вора́м относились с особым презрением. Наряду с прочим это было связано с тем, что в древнеацтекском жилище двери и окна не запирались [203, с. 247].

Примеры наказания за воровство прекрасно иллюстрируют рисунки индейской пиктографической рукописи «Картины Кинатцина» («Кодекс Кинатцина», см. рис. 74 — 76) [49, с. 117 — 119]. Общеисторической чертой раннего права была суровость наказания за воровство, и ацтекские законы вполне укладываются в эти характерные рамки. Однако важно подчеркнуть и наличие, пусть слабой, тенденции определить зависимость репрессивных мер от характера преступления, его частоты и последствий, т.е. исходить из признака размера причиненного ущерба. Примером может служить эволюция наказаний за воровство агавы и маиса, занимавших важное место в древнемексиканской материальной культуре. Первоначально каралось смертью любое воровство маиса, даже «в размере семи початков» [228, с. 102]. Как не вспомнить в данной связи законодательство Драконта в Аттике. Потом, однако, было установлено, что только кража 20 и более початков влекла за собой в качестве наказания смерть, другие же случаи завершались возмещением ущерба, обычно куатчли [289, с. 70; 315, т. 1, с. 270]. И наконец, в качестве кары за воровство маиса была введена практика обращения в рабство [152, с. 383; 315, т. 1, с. 275].

За кражу агавы в размере до «20 единиц» вор расплачивался с потерпевшим куатчли, но если наказуемый не имел возможности выплатить определенную по суду сумму или брал агавы больше, чем «20 единиц», то становился рабом [315, т. 1, с. 269]. Совершивший кражу маиса, одежды или птицы становился рабом того, кому причинил ущерб, если не мог возместить урон. Если же, будучи рабом, он вновь занимался кражами, то его казнили или приносили в жертву [203, с. 249, 250]. Если кража, совершенная вором в частном доме, была невелика и самому жилищу не причинялся вред, то вор становился рабом того, кто был им обворован. Но при нанесении ущерба дому вора казнили [228, с. 102]. В источниках упоминается и иной вариант этой нормы: вор, совершивший серьезную кражу в храмах или домах знати (в тексте: «домах сеньоров»), во время которой наносился ущерб помещению, на первый раз обращался в рабство; при повторном совершении аналогичного действия его казнили [305, с. 165]. Уличенный в многократном воровстве делался рабом пострадавшего, но если последний отказывался иметь его рабом, то преступника продавали, чтобы выплатить пострадавшему стоимость украденного [227, с. 239]. Примечателен закон, обнародованный Мотекусомой I Старшим и бывший

своего рода обобщением всему сказанному выше: если стоимость похищенного не была значительной, то вора продавали за цену, соответствующую размеру украденного; за значительную же кражу виновного предавали смерти [172, гл. 26] (см. также [315, т. 1, с. 273, 274]). Аналогичные нормы были и в «восьмидесяти законах» Несауалькойотля, где наказанием в последнем случае было повешение (или удушение) [228, с. 188] (см. также [305, с. 165]).

На только что приведенных примерах можно проследить противостояние раннеклассового права, защищающего имущественные интересы, и наиболее архаического слоя права — так называемой символики руки и действия, имеющей истоки еще в родовом строе, по которой захват вещи ведет к фактическому владению ею. Пережитком правовой архаики является и действие закона эквивалентного возмездия в виде продажи вора за цену, соответствующую размеру причиненного ущерба [141, с. 56; 152, с. 383]. В русле защиты имущественных интересов следует рассматривать и норму, в соответствии с которой намеренное, умышленное причинение ущерба (например, потравка маисового поля) наказывалось смертью [228, с. 54; 315, т. 1, с. 270]. Нельзя не подчеркнуть, наконец, еще одно важное обстоятельство: убийство как наказание за покушение на собственность оговаривалось, чем ограничивалась самочинная расправа (право убить вора на месте преступления, допускаемое обычным правом) и, таким образом, укреплялась государственная система правосудия.

В древнеацтекской соционормативной структуре известное место постепенно стало занимать то, что в науке определяется как вещное право. К примеру, укравший рыболовную сеть или лодку и уличенный в этом оплачивал их стоимость, а если не мог это сделать, становился рабом. Та же участь ждала того, кто вовремя не вернет взятые в долг куачтли [315, т. 1, с. 269].

Привязанность правовых норм к конкретным прецедентам позволяет говорить о казуальном характере древнеацтекского права, что вполне укладывается в общеисторические рамки. Отсюда и специфический шаблонный характер формулировок: «если кто-то совершит то-то, за это подвергается такому-то наказанию». И если бы имел место ацтекский судебник, то он представлял бы собой более или менее пространный список конкретных случаев и ничем, таким образом, не отличался бы от других ранних юридических памятников.

О неразвитости ацтекской системы судопроизводства и самих норм свидетельствует и суровость наказания за нарушение норм права собственности. Так, жестоко наказывался разбой на дорогах: виновного публично забивали камнями [289, с. 65; 315, т. 1, с. 270, 271]. Впрочем, известен и другой вариант: преступника на первый раз обращали в раба и лишь вторично провинившегося убивали [203, с. 252]. Еще более беспощаден был закон к воровству на рынке: вора публично забивали (палками или камнями) прямо на рынке специальные служители [228, с. 102; 289, с. 69; 315, т. 1, с. 270, 273]. Это было, видимо, наряду с прочим связано с особой заинтересованностью государства в развитии товарного обмена, что требовало обеспечить торговцам определенные гарантии. Сурово наказывался и тот, кто захватывал военную добычу другого [289, с. 69; 298, с. 260; 315, т. 1, с. 272]. Предавали смерти тех, кто носил украденные воинские украшения и знаки отличия, поскольку они давались за особые заслуги [203, с. 255]. Если из-под стражи по нерадивости охраны убежал пленник, захваченный в бою, то по закону хозяин пленника получал в возмещение «рабыню и некоторые ценные вещи», причем расплачивалась вся община, к которой принадлежал провинившийся охранник, — вина одного из членов общины рассматривалась как ее общая вина [305, с. 160].

Важнейшими вопросами в системе права являются те, что связаны с имущественными проблемами и проблемами наследования. Анализируя архивные частнопровольные документы раннеколониального периода, имеющие отношение к регулированию этих проблем среди индейцев, исследователи выделили наличие специальных понятий, связанных с правом собственности (например, *auac[qui]cuillir* — «никто не может отнять это у него»; встречаются и понятия «распределение» — *[qui]matasa*, «разделение» — *[qui]hexeloa* — имущества) [249, с. 28]. Но эти документы отражают порядки раннеколониального периода, и неясно, насколько они применимы к доиспанскому времени.

Сами по себе имущественные проблемы, связанные с браком (брачные дары, наследование и т.п.), естественно, возникали и в доиспанском обществе. К сожалению, в нашем распоряжении не так много данных, чтобы мы могли нарисовать достаточно подробную картину решения этих вопросов в ту эпоху, однако некоторые наиболее общие принципы и нормы выделить возможно.

Прежде всего следует отметить преимущество в данных вопросах мужчины перед женщиной. Сыновья фактически становились полноправными лишь после смерти отца (что говорит также об их зависимости от патриарха семьи), в том числе и в имущественных делах. Но не все сыновья одного отца были равноправны, они имели разный статус: различали законного сына (от законной жены) (ацт. *tlazopilli* — «драгоценный сын») и от любовницы (наложницы), который назывался просто «сын дома» (ацт. *calrampilli*). Так, у Несауалькойотля, правителя г. Тескоко, было якобы 117 детей (60 сыновей и 57 дочерей), но законных сыновей было только двое, из которых один, Несауальпилли, и стал его наследником. Не следует забывать и о сословных различиях. Так, молодые представители знати-пипилтин имели разные ранги в зависимости от положения отцов: сын тлатоани назывался тлатокапилли (ацт. *tlatocapilli* — «сын тлатоани»), сын текутли, т.е. знатного должностного лица или местного вождя, правителя, — текпилли (ацт. *tecpilli* — «сын текутли») [40, с. 37, 44; 93, с. 43; 409, с. 28 — 36]. Сыновья от законной жены считались предпочтительными наследниками [152, с. 397; 302, с. 118], а из них особыми правами пользовался «первородный» (ацт. *tlacapan*) [264, с. 23]. Все остальные дети, в том числе и от наложниц, признавались отцом как таковые, однако оказывались на положении опекаемых своими «законными» братьями. Кстати, поэтому и высоких постов они достигали крайне редко [104, с. 196].

Как отмечалось в источнике, «есть много способов наследования в Новой Испании» и «велика разница между знатью и простыми людьми» в этом отношении [203, с. 222]. Можно добавить, что местные особенности играли при этом не последнюю роль.

Сохранившиеся материалы позволяют заключить, что у ацтеков практиковались два вида наследования — по закону и по завещанию. Как уже отмечалось, движимое и недвижимое имущество обычно наследовал старший сын законной жены и поддерживал всех остальных своих братьев и племянников; он же отвечал за выплату дани, полагающуюся на его семью [203, с. 222]. По данной причине, кстати, в доме всегда было «много народа». Делалось все это для того, чтобы не подвергать разделу, дроблению имущество семьи, прежде всего землю. Характеризуя неоднозначность такой практики, хронист писал, что хотя это и разумно, но «порождает несогласие» внутри семьи. Поэтому в некоторых районах отцу наследовали все сыновья и каждый получал свою долю. Когда не было наследников-сыновей, наследовали братья или племянники. Когда не было и их, имущество поступало в распоряжение «сеньора» или города, после чего оно, особенно право пользования землей, передавалось в распоряжение жителей того поселения или города, к каким эта земля территориально принадлежала [104, с. 200; 203, с. 222; 289, с. 102]. Иными словами, вступали в силу законы общинного землевладения. Если кто-то умирал, не назначив наследника, то его определял правитель [203, с. 222; 289, с. 103].

Хотя в таком авторитетном источнике, как работа Т. Мотолини, утверждается, что «завещания» (т.е. их формальное составление) не были в обычае в «этой земле» и просто по закону наследовал старший сын [235, с. 6; 307, с. 164], в последнее время отдельные исследователи склоняются к мысли, что завещание как проявление и форма документального закрепления прав конкретных лиц (иногда, может быть, даже вопреки традиционным правилам и нормам) имело место в Тройственном союзе. Косвенным доказательством этого, по их мнению, являются встречающиеся в источниках сообщения, согласно которым в доиспанский период составлялись документы, включающие списки городов и указание границ их земель, границ владений народов, генеалогии тех или иных родов. Во всяком случае, после испанского завоевания индейцами очень легко и быстро была воспринята соответствующая европейская юридическая традиция. Уже в первом словаре, изданном в 1555 г. («Словарь Молина»), встречается целая группа специфических понятий, имеющих отношение к рассматриваемому вопросу: «делать завещание» (ацт. *nimiquiznahuatla* — букв. «указание смерти»), «завещание» (ацт. *nemequiznenahuatiliztli* — букв. «процедура указывать другому накануне смерти»), «завещатель» (ацт. *tomiquiznahuatiqui* — букв. «тот, кто приказывает накануне смерти»). Большинство раннеколониальных завещаний были сделаны теми индейцами, которые происходили из древних знатных семей [264, с. 17].

Закон был беспощаден к тем, кто «не берег завещанное отцами» [49, с. 119; 228, с. 102; 315, т. 1, с. 273]. Если сын знатного продавал участок, принадлежащий отцу, то его казнили, а если сын простолюдина делал то же самое, то его обращали в раба [317, т. 1, с. 274]. Если кто-то незаконно продавал или закладывал чужую землю, взятую в аренду, его обращали в раба; за нарушение

(уничтожение) же межей наказывали смертью [292, с. 47; 317, т. 1, с. 273, 274]. Такое соотношение наказаний кажется совершенно парадоксальным с нашей точки зрения. Однако именно оно в наибольшей степени соответствует тогдашним представлениям. В самом деле, продажа или заклад чужого надела (мошенничество) в условиях только начинающегося процесса формирования частноземледельческих отношений не представляли еще такой опасности, как нарушение гораздо более привычных норм общинного землевладения; купля-продажа земли была еще редка и, судя по приведенной правовой норме, еще недостаточно обобщена с правовой точки зрения. В то же время правила общинного землевладения представлялись незыблемыми, капитальными. Если человек продавал участок дважды, то первый покупатель сохранял право на нее, второй не получал ничего, а мошенник наказывался. По наиболее общей норме всякий человек, кем бы он ни был, присвоивший землю, ему не принадлежащую, подлежал казни (через удушение) [289, с. 47; 315, т. 1, с. 237, 239]. Кстати, наличие таких норм лучше всего доказывает существование элементов частного владения в структуре ацтекской системы собственности.

Существовал у ацтеков и институт опекунства, поскольку известно, что «сурово наказывались нерадивые опекуны» [315, т. 1, с. 273].

Остается спорным вопрос о том, обладали ли правом наследования женщины. Еще в конце XIX в. А. Бандельер утверждал, что такого права у них не было, а А. Чаверо придерживался прямо противоположного взгляда. По его мнению, наследовать могли все, ибо существовало равенство членов семьи. Этот спор не завершен до сих пор. Он связан с тем, что некоторые авторы исходят из сравнения прав женщин и мужчин, тогда как нужно просто выявить, какими правами обладали женщины. Об имущественных правах женщины нам известно, что она имела приданое (брачный дар), которым и распоряжалась в рамках норм, определенных законами. В приданое могла входить даже недвижимость, о чем уже шла речь. Кроме того, непосредственное отношение к правам женщины имеет сосуществование в ацтекском государстве в отдельных случаях двух линий наследования — мужской и женской. Последнее касалось богатых и знатных женщин. Подобное сосуществование двух линий наследования было удивительным для европейцев, исходивших по преимуществу из патрилинейности при рассмотрении вопросов наследования. Свое собственное имущество (земля, дома) имели, например, жены тлатоани Мотекусомы I, Мотекусомы II. Текалко, супруга последнего, владела собственными землями, которые либо получила по наследству, либо купила [115, с. 870; 403, с. 192]. Правитель г. Теотиуакана, подконтрольного г. Тескоко, был женат на одной из дочерей правителя последнего, Несауалькойотля. Он получил в приданое земли, доходы с которых предназначались в ее распоряжение. Эти земли по указу Несауалькойотля мог наследовать только ее сын (старший). Дуализм агнатного (отцовского) и когнатного (материнского) принципов родства служил показателем сильного влияния материнского рода.

Для защиты имущественных интересов в торговле действовали особые нормы, составляющие, так сказать, «торговое» право. Можно, несмотря на скудность и отрывочность данных в источниках, проследить зачатки обязательственного права (при найме, обмене, купле-продаже и т.п.). Купля-продажа могла производиться за наличный расчет и в рассрочку, с соблюдением формальностей и без соблюдения таковых, например наличия свидетелей. Покупатель имел право вернуть купленную вещь и получить уплаченную цену. Известен прецедент, когда некто продал рабыню, но через некоторое время решил расторгнуть эту торговую сделку, что и было сделано [315, т. 1, с. 269]. Практиковались и комиссионные сделки; выше, в разделе о торговле, говорилось, что одни купцы поручали другим продать свой товар [351, т. 3, с. 26]. Известны контракты об аренде земли и найме носильщиков или иных работников, осуществлявшемся обычно на рынках. Надежность контрактов обеспечивалась приглашением свидетелей. Более раннее обязательство имело преимущество перед более поздним. Обязательства передавались наследникам, и в случае их невыполнения мог последовать арест имущества самого должника или его наследников. Практиковался залог (заклад), особенно для того, чтобы гарантировать заем (ссуду), при этом, как утверждает одним из источников, проценты на ссуду не начислялись (т.е. ростовщичества не было) [410, с. 135]. Однако, если исходить из сообщения другого источника, оно не исключалось [351, т. 1, с. 326]. За нарушение торговых правил и норм предполагалась уголовная ответственность. Фальсификация мер наказывалась смертью [243, с. 78-102; 289, с. 66; 315, т. 1, с. 269-273]²¹ как и торговля ворованным. Нельзя было торговать за пределами рынка [49, с. 117; 235, с. 61; 351, т. 2, с. 327], что объяснялось как стремлением

предотвратить торговлю ворованным и мошенничество, так и желанием заручиться покровительством божества торговли [174, т. 1, с. 179; 305, с. 179; 351, т. 2, с. 327].

Убийство как наиболее тяжкое преступление, как правило, каралось смертью [203, с. 252]. За аборт и лекарь и беременная женщина приговаривались к смерти как убийцы [305, с. 164]. В случае намеренного отравления казнили не только убийцу, но и того, кто обеспечил его ядом [305, с. 164]. Из сказанного явствует, что ацтекскому правосознанию было знакомо понятие соучастия в преступлении. Смерть ждала и мужа, убившего неверную жену, так как в этом случае он присваивал себе права, которые принадлежали только суду. За убийство кормильца семьи виновный приговаривался к смертной казни. Однако вдова убитого могла освободить убийцу от смерти, сделав его рабом своих детей [227, с. 238; 315, т. 1, с. 250, 270, 273], или, как уточняется в одном из источников, убийцу делали «вечным рабом» семьи или родственников убитого [141, с. 55].

«Плавающая» амплитуда наказаний была и в отношении тех, кто занимался хищением свободных детей с целью продажи их в рабство. Наказывались все, кто так или иначе были причастны к преступлению. По одной версии, соучастники преступления просто становились рабами; один доставался тому, кому они хотели продать свободного человека (в порядке возмещения убытков), другой — тому, кто раскрыл преступление или предотвратил его, третий — родителям ребенка [227, с. 237; 289, с. 71]. Впрочем, в г. Тескоко расправа с похитителями была гораздо более суровой — их казнили [227, с. 237]. Появление такой нормы косвенно свидетельствует, по-видимому, о том, что кража и продажа в рабство свободных жителей, будучи весьма доходным занятием, получили достаточно широкое распространение.

Среди правонарушений, сурово каравшихся, следует назвать пьянство. Пьяницы считались потерей для общества, поэтому только достигшие 50 [315, т. 1, с. 274] или даже 70 лет [137, т. 1, с. 98] могли свободно потреблять хмельные напитки, причем, в строго определенном количестве. Категорически было запрещено пить во время военных походов [203, с. 254]. Нарушающих наказывали различными способами, пьяниц не назначали ни на какую должность [410, с. 132], а должностные лица лишались своего поста, если имелись доказательства их пристрастия к выпивке [315, т. 1, с. 274]. Приотягчающих обстоятельства виновных публично стригли на рынке и разрушали их дома, «показывая тем самым, что им нет места среди других людей» [305, с. 167; 410, с. 132]. В особых случаях за пьянство полагалась смерть. Та же участь ждала уличенного в пристрастии к вину жреца [227, с. 238]. Молодых людей, попавшихся на пьянстве, наказывали в школе палками [354, т. 1, с. 302].

Общественное спокойствие тщательно охранялось, и нарушение его строго наказывалось. Ссора, а также умышленное нанесение телесных повреждений также считались преступлением. Виновного заключали в тюрьму, а затем в наказание обязывали возместить ущерб пострадавшему (например, за порванную одежду), а также содержать его до полного выздоровления. За ссору на рынке, который был местом, где должен был царить полный порядок, ибо там бывали торговцы из других городов, виновные наказывались суровее. Так, в назидание другим по указанию правителя г. Тескоко была казнена некая женщина, которая устроила публичный скандал и нанесла телесные повреждения другой [289, с. 69; 305, с. 166]. Если ссора возникала из-за конфликта по поводу землевладения, то вне зависимости от знатности ссорящихся им вешали на шею початки маиса в знак позора и выводили на рынок [227, с. 237].

Как и всякое право в древнем мире, оно у ацтеков охраняло интересы государства и правителя. За предательство, измену интересам страны и правителя полагались суровые наказания. Наиболее тяжело карался заговор с целью захвата власти: зачинщиков ожидала смерть (их разрывали на куски или забивали палками) [203, с. 252; 228, с. 101; 315, т. 1, с. 273, 274]. По некоторым данным, тело казненного изменника, кроме того, сажали на кол [173, с. 159]. Сохранилось сообщение об одном из сыновей Несауалькойотля, которого заподозрили в желании сместить собственного отца, судили по всей строгости закона и казнили [40, с. 44]. Наказание ожидало и родственников виновного. Если они догадывались о предательстве, но не сообщили об этом, их имущество конфисковывалось в пользу правителя, а самих делали рабами [228, с. 101; 302, с. 116-117; 351, т. 2, с. 312] вплоть до «четвертого» или даже «пятого колена» [288, с. 101; 315, т. 1, с. 273, 274]. По некоторым данным, родственников могли даже казнить [152, с. 383; 203, с. 250]. Таким образом, существовала коллективная

ответственность, прежде всего членов семьи, за преступления сородичей, своего рода круговая порука.

Мучительной смерти предавали дезертиров (по завершении которой труп оскверняли, расчленив его) и тех, кто укрывал их [227, с. 237, 238]. В целях защиты государственных интересов наказывали и тех, кто распускал тревожные слухи и провоцировал панику [227, с. 238].

Воин, который выдал неприятелю военные тайны и планы, наказывался как предатель, и очень сурово: ему отрезали губы, нос, уши, отрубали руки до локтя и ноги до щиколоток; кроме того, делали известным факт его предательства повсеместно; его родные обращались в рабство [203, с. 254].

Стали появляться и нормы, регламентирующие межгосударственные и межплеменные отношения: формулировки посланий, церемония приема послов, гостей, объявление войны, способы ее ведения, режим плена и т.п. Формой поддержания мирных отношений было приглашение на праздники, церемонии интронизации новых тлатоани, погребальные обряды по случаю смерти правителей и т.п.

В этом случае приглашенным гарантировалась безопасность, всяческое уважение; их поселяли в особой части дворца, называвшейся Коакалли (ацт. Coacalli — «Дом приглашенных») [104, с. 218; 351, т. 2, с. 313]. Если приглашались в Теночтитлан представители наиболее серьезных соперников ацтеков (например, тлашкальцы), то это старались держать в тайне (чтобы, как утверждает в источнике, народ не узнал об этом и не нарушил закон гостеприимства) [173, с. 176]. Для регулирования межгосударственных отношений служил и институт «послов» (ацт. titlani, titlantin) [197, с. 17]. Согласно правилам, плохое обращение с ними и тем более убийство рассматривалось как законный повод к войне; эти же правила распространялись на торговцев и сборщиков дани [173, с. 202; 212, т. 4, с. 231; 228, с. 103-104].

Процедура объявления войны противнику также проходила по определенным правилам: противнику посылались специфические знаки войны — щит, лук и стрелы, а также особая черная мазь, которой смазывали покойников, что делало ее символом войны, смерти; Что касается режима плена, то он не допускал изощренных пыток: если пленному воину суждено было умереть, то смерть не должна быть мучительной. Нарушение ацтеками этого правила при Мотекусоме II, когда они проявили изуверство в отношении пленных, вызвало глубочайший гнев и возмущение их традиционных противников — тлашкальцев и уэшотцинков. Кстати, даже для расправы с восставшими, проявившими непокорность народами Тройственный союз выработал определенную последовательность действий. Когда какой-нибудь местный правитель выказывал неповиновение, то сначала посылали судей, чтобы публично его осудить. И даже если оказывалось, что восстание приняло массовый характер, то, лишь исчерпав все возможные мирные средства, Теночтитлан переходил к карательным действиям. Разумеется, не все эти правила и не всегда соблюдались, ибо жизнь и конкретное развитие событий были сложнее. Тем не менее примеры соблюдения таких правил зафиксированы как в работах раннеколониальных авторов и хрониках, так и пиктографических рукописях (см. рис. 70, 71) [173, с. 64; 289, с. 74; 315, т. 1, с. 272; 318, с. 25; 410, с. 134].

Существовали и зачатки своего рода административного права, что проявлялось, в частности, в наказании чиновников, допускавших злоупотребления при выполнении возложенных на них обязанностей. Так, если становилось известно, что кто-то из сборщиков дани присвоил себе часть налоговых поступлений или заставил население заплатить больше, чем полагалось, то казнокрада и обманщика-вымогателя бросали в тюрьму, а затем, по расследовании, казнили. Члены его семьи лишались имущества (как незаконно нажитого), которое переходило в собственность правителя [203, с. 222; 228, с. 105; 289, с. 67; 351, т. 2, с. 312].

Понятно, что эта юридическая норма приводилась в действие не всегда (хотя бы из-за несовершенства системы финансового контроля), однако тот факт, что она зафиксирована в историческом документе, достаточно показателен. Он свидетельствует, что государственная власть предпринимала последовательные шаги по укреплению своего контроля за делами на местах, по созданию прочной административной структуры, управленческого аппарата. Напомним в данной связи, что еще при Мотекусоме I (ок. 1462) была учреждена должность петлакалкатля, призванного помимо прочего осуществлять контроль за калпишками от имени правителя [78, с. 69].

В истории Тройственного союза известен случай применения суровых мер в отношении родни тлакочкалкатля Теуктлеуакатцина (не сумевшего обеспечить безопасность тлатоани Чимальпопоки, в результате чего последний был убит): хотя он покончил с собой, признав вину, его родственники все равно были низведены до положения простолюдинов-масеуалов, причем это наказание было наложено на всех, независимо от заслуг кого-либо из них. Это означало и определенное ограничение в правах, поскольку они в древне-ацтекском обществе носили сословно-классовый характер.

Как и везде в древнем мире, у ацтеков отсутствовал принцип равенства всех перед законом; напротив, круг правоспособности и ответственности зависел от социальной принадлежности виновного и пострадавшего. Так, по закону, если свободный человек напоит другого свободного и тот умрет, виновного ожидала смерть под палками. Однако если жертвой оказывался несвободный, то преступника обращали в рабство [305, т. 1, с. 270, 271]. Иными словами, убийство свободного каралось смертью, убийство несвободного — превращением виновного в раба. В этом явственно выступает воздействие обычного права, его принципа эквивалентного возмездия, талиона. Он применялся только к свободным, которые выступают как субъекты права. Что же касается рабов, несвободных, считавшихся лишь объектами права, то нанесенный им ущерб мог породить только вещный иск. Превращение свободного в раба означало для него потерю состояния правосубъектности.

Понятно, что и свободные по ацтекскому праву, носившему очевидный сословный характер, отнюдь не были равны перед законом: к разным категориям свободных применялись неодинаковые нормы. Так, наказание за одно и то же преступление против права собственности у разных категорий свободного населения было различным. Например, если сын знатного без разрешения отца «продавал его землю» или «проматывал отцовское имущество», то его тайно вешали; за аналогичный проступок сына простолюдина обращали в рабство [315, т. 1, с. 269]. Виновного в нарушении супружеской верности знатного казнили в тюрьме [315, т. 1, с. 271], после чего тело хоронили в общем с почетом: надевали обычные в таком случае погребальные одеяния и украшения и сжигали [228, с. 101; 305, с. 164]. Если сводничество наносило позор семье знатного, то сводник предавался смерти [305, с. 160]. Особые нормы регулировали жизнь жречества. Жреца, виновного в связи с женщиной, тайно забивали палками, имущество конфисковывали, а дом разрушали. Казни подлежали все, кто был причастен к этому преступлению. Жреца, уличенного в противоестественных склонностях, заживо сжигали [289, с. 70; 315, т. 1, с. 271].

Разное толкование по отношению к различным сословиям имел и закон, карающий за пьянство. Пьяного жреца убивали; молодого человека незнатного происхождения приводили в школу и там наказывали палками в присутствии других юношей [315, т. 1, с. 274], знатного же юношу били тайно [351, т. 1, с. 302]. Юношам из простых семей, посещавшим телпочкалли, разрешалось иметь любовниц, а знатным, обучающимся в калмекак, это было запрещено [289, с. 70].

Среди правовых норм — запрещение под страхом смерти всем, кроме «знатных и вождей», строить дом с двумя этажами [173, с. 132]. Это, впрочем, может объясняться тем, что строительство требовало соблюдения определенных правил для обеспечения безопасности соседних домов; построить же добротный дом мог, конечно, только богатый человек.

Выше отмечалось, что община не должна была принимать соплеменника, побывавшего в неприятельском плену. Со временем этот обычай приобрел характер закона и даже привел к формированию своего рода кодекса чести для верхов военной знати: если сбежавший из плена был человеком «низкого происхождения», то ему не угрожало изгнание из общины и семьи, знатного же убивали сами соотечественники, родственники [305, с. 160]. Подчеркнутая суровость этой и некоторых других, рассмотренных выше правовых норм применительно к знати — явление, широко известное в истории. Тем самым вырабатывалась специфическая сословная мораль, призванная способствовать выделению знати в особый слой и ее консолидации.

Нормативно закреплялись сословные различия также в одежде и прическе, которые со времени Мотекусомы I Старшего носили в соответствии с сословной принадлежностью и должностью. По этим предписаниям только тлатоани мог носить «золотую диадему», только тлатоани и его ближайший советник сиуакоатль могли ходить во дворце в обуви; нарушителей данных правил ожидала смерть. Особые одежды и знаки отличия выделяли разных представителей знати; только знатные могли носить одежду из хлопка [173, с. 127-131; 289, с. 70]. Даже воинам-простолюдинам под

страхом смерти запрещалось надевать такую одежду; им предписывалось носить одежду из волокон агавы, длиною не ниже колен (исключения, как уже говорилось, допускались лишь в случае, когда нужно было скрывать шрамы от ран на ногах). Запрещалось носить и чужие знаки отличия или украшения. Появление их у простолюдина и бедняка порождало подозрение в воровстве и наказывалось по нормам, карающим за кражу. В качестве наказания за какой-то проступок знатым могли запретить носить богатые одежды и обязать носить одежду бедных, что было знаком наказания — низведения до уровня простолюдинов. Знатым должны были носить длинные волосы, по которым их отличали от рядовых граждан [104, с. 194; 173, с. 160; 228, с. 101; 305, с. 160; 315, т. 1, с. 270].

Сословно-классовый характер ацтекской судебной-правовой практики проявлялся в наличии и функционировании особых сословных судов.

Представлять любую систему права невозможно без рассмотрения вопросов судопроизводства. Что касается данного ацтекского института, то в нем, несомненно, имели место как «горизонтальные» правовые связи, когда те или иные дела решались заинтересованными лицами без участия государства (например, общинные суды, профессиональные суды купцов), так и «вертикальные» правоотношения, когда решения принимали государственные органы или должностные лица.

По нашему мнению (а это логически вытекает из всего представленного выше материала), «горизонтальные» правовые связи строились на использовании сохранившихся общинных структур — общинного собрания, совета старейшин, авторитета главы общины, глав родов и т.п.; свою роль играли и жрецы общинного храма, поскольку в их руках было безотказное оружие — апелляция к гневу божества. Это был своего рода коллегиальный суд общины без участия профессиональных судей в собственном смысле слова. Подсудными этому коллегиальному суду были члены данной общины. По всей видимости, при вынесении решений руководствовались скорее обычаем, местными условиями, чем законодательными положениями. Надо полагать, что в присутствии членов такого общинного суда не только рассматривались спорные дела, но и заключались мелкие сделки.

При несогласии одной или обеих сторон с решением общинного суда, а также когда тяжба происходила между лицами, принадлежащими к разным общинам, социальным группам или сословиям, дело рассматривалось уже в рамках «вертикальных» правоотношений и связей, т.е. судами более высокой инстанции.

В связи с тем, что государство Тройственный союз представляло собой формально конфедерацию Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана, каждый из его членов имел определенные границы юрисдикции, связанные с первоначальным разделением сфер влияния. Кроме того, в покоренных районах ацтеки сохраняли у прежних правителей определенную правовую власть, понятно, не угрожающую их власти и контролю.

В судопроизводстве трех основных составляющих Тройственного союза, под контролем которых так или иначе находились все остальные районы государства, имелось много общего, особенно у Теночтитлана и Тескоко. Своего рода судами низшей инстанции были суды на местах, которые рассматривали только незначительные дела и те преступления, очевидность которых была легко доказуема. Они, видимо, и решали основную массу дел рядовых жителей, опираясь при этом на законы, установленные государством, а не только на обычай.

Э. Кортес, описывая Теночтитлан, отмечал, что на главной рыночной площади было особое помещение — «здание суда», где заседали 10-12 судей. Они рассматривали всевозможные преступления, которые совершались на этом рынке, и отдавали приказания особым служителям наказывать виновных, ибо в их руках была сосредоточена и исполнительная власть [156, с. 73]. Известна и организация низшего звена судопроизводства г. Тескоко (см. рис. 81): подвластные ему районы делились на 6 частей, на каждую из которых приходилось по два судьи, решавших местные конфликты [305, с. 164].

Общим названием судебного чиновника, судьи, было куаутли (ацт. *cuauhtli*) [314, с. 77]. Судьи обычно начинали свою работу на рассвете и завершали ее на закате с перерывом в середине дня [305, с. 163]. Суды имели своих «писцов» (ацт. *amatlacuilo* — «тот, кто рисует на бумаге»), точнее, художников, которые с помощью пиктографики фиксировали существо дела, имена тяжущихся, вынесенные приговоры [203, с. 251; 305, с. 164; 410, с. 125]. Рисунки из «Карты Кинатцина»

(«Кодекса Кинатцина») являются раннеколониальными копиями такого типа документов (см. рис. 74-81).

Судебные чиновники получали от правителя содержание в виде служебного земельного надела, на котором работали майеки в качестве «арендаторов», так как они «возделывали чужую землю» и выплачивали хозяину определенную часть урожая. Формально сыновья судей не имели права на землю, считавшуюся должностным владением, но, вероятно, происходило фактическое наследование, поскольку должность отца получал сын. Каждые 80 дней правитель одаривал судей (тканями, зернами какао, маисом и др.) в соответствии с «качеством службы и достоинствами». Размер таких даров не был фиксирован и в каждом конкретном случае зависел от указаний правителя [228, с. 105; 305, с. 163; 410, с. 125].

В идеале судьи не должны были брать никаких подношений и подарков от своих клиентов (он не зависел от обязательного судебного сбора), не делать различия между богатыми и бедными в ходе рассмотрения дел. В том случае, если судья отступал от этих правил, хотя бы в малости, его сначала ожидал своего рода профессиональный суд (суд чести, суд коллег). Если же и после этого виновный продолжал нарушать «образ жизни судьи», его стригли, «что считалось очень позорным», и отстраняли от должности [203, с. 252; 305, с. 163]. Судейский обман наказывался по принципу талиона, хотя в некоторых случаях (когда провинность, была незначительной) прибегали к понижению в должности. В наиболее вопиющих случаях (причастность к особо суровому несправедливому приговору, подкуп, неверное информирование правителя о деле) судью ожидала смерть [203, с. 252; 315, т. 1, с. 273]. У Б. Саагуна сохранился даже поименный список нескольких судей из Тлателолко, осужденных на смерть за несправедливый суд²² [351, т. 2, с. 310].

Обучение судебному искусству проводилось, что называется, «из рук в руки»: будущие судьи обучались непосредственно, присутствуя при рассмотрении тех или иных дел [137, т. 1, с. 96 — 97]. Однако на серьезные судейские должности назначали только тех, кто окончил калмекак, школы для обучения знати.

Имели место и зачатки своего рода «процессуального права», определявшего процедуру решения конфликта. В соответствии с ним самосуд не допускался. Сошлемся на уже упоминавшуюся норму: если муж убивал жену, даже виновную в супружеской измене, его казнили, так как он тем самым присваивал себе право, принадлежащее суду [305, с. 164; 315, т. 1, с. 271]. Юридическая процедура дознания, расследования у ацтеков была сходной с древними правовыми регуляциями у других народов. Заводилось дело, пиктограммами фиксировалась его суть. В штат судебных работников входили глашатай (ацт. *tequitlatoque*), судебный пристав (ацт. *achcauhtli*), судебные исполнители (ацт. *topilli*), которые в источниках на испанский манер называли альгвасилами. Подсудимые могли защищаться сами или защитниками-адвокатами (ацт. *tepanlatoani* — «тот, кто говорит за другого»); в работе суда принимали участие и специальные обвинители, прокуроры (ацт. *tlanemiliani*). Основными факторами для вынесения приговора были свидетельское показание, чистосердечное признание, результаты расследования, очная ставка. Вполне допустимо предположить, что показания подкреплялись устной клятвой перед жрецом, судом или должностным лицом (как это было первоначально в древнем Египте).

Широко использовалась практика привлечения свидетелей. Так, если нужда заставляла родителей продавать своих детей, то законность этой сделки должна была быть подтверждена четырьмя свидетелями [93, с. 33, 38; 203, с. 249; 251; 314, с. 77; 398, с. 126]. Применялась в древнеацтекском суде и «клятва перед богом», столь типичная для всего раннего судопроизводства «клятва землей». Она состояла в «поедании земли»: приносящие клятву касались пальцем сначала земли, а затем языка. Кстати, напомним, что «поедание земли» у алтаря бога Уитсилопочтли было формой клятвы ацтекскому тлатоани со стороны покоренных правителей [173, с. 207; 203, с. 252; 305, с. 163]. Клевета, лжесвидетельство, подкуп судей и свидетелей рассматривались как преступление. Злостная публичная клевета наказывалась смертью [141, с. 56; 227, с. 238-239; 289, с. 65]. Лжесвидетельство наказывалось по принципу талиона — тем же наказанием, какое получил бы оговоренный [289, с. 66]. Согласно введенным при Мотекусоме I законам, под влиянием которых, вероятно, и сформировались эти нормы, говорить заведомую неправду тлатоани, а также наговаривать «друг на друга» категорически запрещалось тем, кто его окружал, особенно молодым знатым воинам, составлявшим его гвардию. После дознания виновных могли приговорить к

сожжению заживо или умерщвлению с помощью стрел [173, с. 223]. При определении судом наказания имел значение возраст (особенно если речь шла о воровстве), поскольку лица моложе 10 лет, видимо, считались недееспособными [289, с. 72].

В идеале дознание и последующий суд должны иметь место в случае как самой тривиальной драки, так и серьезного преступления. Поэтому источники сохранили примеры и того и другого. Отмечается, что индейцы в общем-то были «миролюбивыми и вражда между ними была редкой». Так как оружия они не носили (за исключением периода военных действий), ущерб при ссорах ограничивался разбитыми лицами и разорванными одеждами. Суд после дознания заключал в тюрьму обидчика, который платил за лечение пострадавшего и возмещал ущерб (например, стоимость разорванной одежды) [305, с. 166]. Наложённый судом штраф обычно выплачивался куачтли.

За казнокрадство сборщика дани бросали в специальную клеть, сделанную из толстых бревен, где он находился в ожидании смерти. Так же поступали и с несправедливыми судьями. Все имущество преступников конфисковывалось, как несправедливо нажитое [351, т. 2, с. 310, 312]. Тюрьмы представляли собой либо тесные клетки, уже упоминавшиеся выше (см. рис. 78), либо низкие, сырые и темные помещения, призванные устрашать тех, кто в них попадал (cuahcalli для совершивших тяжкие преступления и teipiloan для менее опасных преступников) [203, с. 252; 292, с. 51; 305, с. 167].

Приведение смертного приговора в исполнение проводилось по особым правилам (даже по совсем негромким делам); как и во всем древнем мире, местом казни была рыночная площадь. У покорителя ацтеков Э. Кортеса сохранилось описание одной из экзекуций — казнь индейца, укравшего золотую монету. Вора привели на рынок к специальному камню, «лобному месту», громко оповестили всех присутствующих о вине осужденного, а затем забили палками [156, с. 46]. В некоторых случаях после казни преступника его имущество передавалось судебному исполнителю, что, видимо, означало право палача на вещи казненного [228, с. 237, 238]. Не исключено, что приведение в исполнение приговора осуществлялось в строго определенные дни ацтекского календаря. Во всяком случае, известно, что, например, в день «4. ветер», считавшийся индифферентным в религиозно-магическом плане, казнили осужденных за нарушение супружеской верности, а также освобождали из тюрьмы невиновных [351, т. 1, с. 335].

В системе наказаний, как уже упоминалось, использовались как простая, так и квалифицированная формы казни (последняя, не в пример первой, предполагала тяжелую, мучительную смерть). Выше приводились примеры «квалифицированной» казни: когда (по одной из исторических версий) Маштла, правитель Аскапотсалько, решив расправиться с тлатоани Чимальпопокой, подозревавшимся в пособничестве бунту, приказал бросить его в клеть, морить голодом и затем удушить; или когда Мотекусоме II, разгневанный на жрецов, из-за халатности которых возник пожар в главном храме Теночтитлана, повелел посадить их в узкие низкие клетки, где нельзя было ни лежать, ни стоять, а пол был утыкан острыми лезвиями из обсидиана, и предать голодной смерти.

Превентивные меры (задержание) были необходимы, когда из-за сложности дела оно передавалось в суд более высокой инстанции [203, с. 251; 305, с. 164; 410, с. 130]. Одна из важнейших функций судов высокой инстанции состояла в том, что благодаря им реализовался принцип сословности в судопроизводстве. В документах сохранилось достаточно сообщений о существовании одних судов для знатных, других — для простых людей [315, т. 1, с. 274]. Так, известно, что правитель подконтрольного г. Тескоко города Аколман мог рассматривать дела общинников, но не имел права судить знатных: дела последних рассматривались только в г. Тескоко [314, с. 157-158].

Правители городов — членов Тройственного союза обладали высшей компетентностью в юридической системе своего региона. Особенно много материалов в данном плане относительно городов Теночтитлан и Тескоко. Например, в г. Тескоко функционировали несколько судов высшей инстанции. Их появление, а также наивысший расцвет связан с деятельностью Несауалькотля, который в целях улучшения управления образовал четыре особых совета, во главе которых стояли его сыновья. Эти советы наряду с прочим выполняли и роль судов высшей инстанции.

Один из этих советов занимался вопросами наук (астрономии и астрологии, хронологии, пиктографики, истории и др.), религии, музыки, образования, искусства, т.е. проблемами, связанными с интеллектуальным и духовным состоянием общества. Поэтому в компетенцию данного совета входил контроль за состоянием обучения в «домах юношей» (калмекак и телпочкалли), а его члены

выступали и в роли экзаменаторов. К ведению этого совета относились вопросы, связанные с жречеством, в частности упорядочиванием его структуры. Он был и высшим судом для жрецов самого высокого ранга. Юридически данному совету подчинялись торговцы, а также ремесленники, которых привлекали к ответственности за некачественную работу.

Он же рассматривал дела «колдунов» и «магов». Словом, это был высший суд для жречества, ремесленников и всех тех представителей знати, сферой деятельности которых были искусство или наука. Членов этого совета назначал правитель г. Тескоко. Их число не было точно фиксированным, и правитель вводил в состав совета тех, кого считал достойным этого. Совет по наукам и искусствам был также своего рода художественным салоном, где собирались, чтобы насладиться поэзией, послушать умное наставление, провести награждение тех, кто наиболее отличился в делах, входящих в его компетенцию. При Несауалькойотле во главе этого совета стоял его сын Шочикетцальтцин [40, с. 36; 228, с. 187; 314, с. 150-151; 398, с. 125, 127].

Другой совет («казначейский») ведал вопросами, связанными с регулированием поставок дани, а также был высшей юридической инстанцией для чиновников, отвечавших за это. Он состоял из высших представителей данного рода администраторов, а также торговцев, занимавшихся главным образом внешней торговлей, т.е. как из представителей знати, так и богатых простолюдинов. Численный состав его неясен. Возможно, что он включал представителей всех 15 районов, подконтрольных г. Тескоко. Совет собирался ежедневно. При Несауалькойотле во главе финансового совета стоял его сын Екууэуэтцин [228, с. 177-178; 314, с. 155; 398, с. 125; 127].

Третий совет и одновременно суд — военный — имел не меньшее значение, чем предыдущий. Во главе его стоял военачальник с титулом тлакоchteкутли. Он был обязательно родственником правителя г. Тескоко, а во времена Несауалькойотля это был его сын — Акапиопилтцин. Высокое положение занимал в этом совете и правитель древнего г. Теотиуакан, имевший титул тлакочкакатль. В совет входили 15 профессиональных военных, представлявших разные, подконтрольные тескоканцам части ацтекского государства; кроме того, упоминаются трое «горожан», вероятно, представлявших общины г. Тескоко. Военный совет функционировал только в случае оперативной необходимости или для выполнения судебных функций в отношении провинившихся воинов. Умереть по приговору суда было чрезвычайно позорным для воина [40, с. 36; 228, с. 178; 314, с. 151-152; 398, с. 124, 125, 127].

Четвертый — высший законодательный и судебный совет г. Тескоко состоял из председателя и 22 членов, из которых четыре были представителями знати, четыре — из «горожан» (избранники от общины г. Тескоко), а остальные 14 были делегированы районами, подконтрольными г. Тескоко в рамках Тройственного союза. Председателем этого совета, как и всех других, был родственник правителя г. Тескоко; во времена Несауалькойотля его возглавлял один из сыновей последнего — Ичантлатоуэколтцин. В этом совете рассматривались как гражданские, так и уголовные дела, решения по которым не были приняты (в силу сложности или если они не подпадали под юрисдикцию других органов). Поэтому спектр рассматриваемых им дел был широк — от обвинений в измене и до половых преступлений. Считалось, что юрисдикция этого совета распространялась на членов других советов, если они совершали преступления. К этому следует добавить, что этот совет рассматривал и общие вопросы, связанные с законодательством [40, с. 36; 228, с. 187-189; 314, с. 15, 162; 398, с. 124].

Описывая дворец правителя г. Тескоко, его потомок, индейский раннеколониальный историк Ф. А. Иштгильшочитль, сообщал, опираясь на хроники и кодексы, что этот верховный совет занимал несколько помещений в восточной части дворца. В двух помещениях раздельно (видимо, для ускорения рассмотрения дел) заседали представители всех 14 подконтрольных г. Тескоко районов. Несомненное влияние на их решения оказывал «суд правителя», зал которого находился в той же части дворца. Этот зал служил своего рода помещением для аудиенций, там делались важные государственные сообщения, а также рассматривались самые сложные судебные дела. Наконец, имелся еще один, особый зал, так называемый Теоикпалпан (ацт. Теоисралпан — «трибунал бога», «божий суд»). В нем на самом почетном месте находился особый трон, на котором лежало оружие (богато украшенный щит, лук, золотая стрела), череп и некоторые другие священные реликвии и предметы; отдельно стоял и трон правителя. В том случае, когда совет выносил смертный приговор, члены его шли в зал «трибунала бога», где правитель, положив правую руку на череп, а левую на золотую стрелу, утверждал его [228, с. 175-177; 398, с. 126-127].

Главы всех четырех советов имели специальное помещение, связанное дверью с покоями правителя, и они имели право и даже были обязаны в случае необходимости заходить к нему за советом или приказом [228, с. 178].

Все дела рассматривались не дольше 80 дней (четыре древнемексиканских месяца по 20 дней). Местные суды давали отчет правителю г. Тескоко и верховному совету через каждые 12 дней [410, с. 130].

Даже если в деталях Ф. А. Иштлильшочитль и ошибался, общие принципы судопроизводства им изложены верно. Это подтверждает материал, содержащийся в работе самого большого авторитета в области древнеацтекской истории и культуры Б. Саагуна, в той ее части, где он описывает высшие судебные инстанции в Теночтитлане.

Другое помещение во дворце тлатоани занимал Текпилкалли (ацт. *Texpilcalli* — «дом сыновей знати»). Б. Саагун, приводящий со слов информаторов-индейцев сведения о нем, не дает подробного описания деятельности и функции этого совета или собрания знатных, ограничившись утверждением, что ему были подсудны знатные, совершившие прелюбодеяния [104, с. 217; 275, с. 537; 351, т. 2, с. 310].

В большей степени судебные функции имел совет, называвшийся Теккалли или Теккалко (ацт. *Texcalli*, *Texcalco* — «дом знати»). В нем заседали судьи, рассматривавшие наиболее сложные гражданские дела простолюдинов [104, с. 215; 275, с. 537; 351, т. 2, с. 310, 318].

Еще более высоким судом был Тлакшитлан (ацт. *Tlacxitlan* — «у ног [?]»). В его состав входили 13 знатнейших лиц, имевших высокий титул текутли, с которыми тлатоани советовался по наиболее важным правовым вопросам. Этот совет считался высшим судом знати и мог приговорить виновного к смерти [104, с. 215; 275, с. 537; 351, т. 2, с. 318].

При главном храме Теночтитлана находился центр жречества, где обычно выносились приговоры тем жрецам, которые нарушали сословные правила или совершали преступления. Во главе этого суда стоял жрец самого высокого ранга (ацт. *teotecuhtli*; от *teotle* — «бог», *tecuhtli* — «господин»). Кстати, жрецы в своих храмах могли вершить суд над людьми, которые обслуживали святилище, жрецами низшего ранга и послушниками [93, с. 27; 104, с. 217; 314, с. 150].

Казначейский совет занимался контролем за состоянием сбора дани и давал об этом отчет тлатоани. Он имел специальное помещение во дворце — калпишкакалли (ацт. *calpixcacalli* — «дом калпишковых», т.е. сборщиков дани). Именно этот совет рассматривал дела казнокрадов или нерадивых чиновников [93, с. 27; 351, т. 2, с. 312-313].

Со структурой военного совета был, видимо, связан Ачкакаукалли (ацт. *Achcacauhcalli* — «дом главных»), т.е. резиденция ачкакаутинов (ацт. *achcacauhtin*), чиновников незнатного происхождения, выполнявших роль экзекуторов, приводивших в исполнение приговоры [104, с. 217; 351, т. 2, с. 311].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что огромной властью (особенно первое время после введения этой должности и чина) играл сиуакоатль — фактически второе лицо в государстве. Он, как и тлатоани, мог вынести смертный приговор [276, с. 81; 391, с. 789]. Сиуакоатль возглавлял состоявший из 12 судей высший юридический орган — Тлакшитлан, который рассматривал наиболее сложные дела [203, с. 251; 275, с. 537].

Наконец, высшей юридической инстанцией был тлатоани. Ему принадлежало последнее и окончательное слово при рассмотрении наиболее важных и сложных дел. Он считался «хозяином жизни» и мог как приговорить к смерти, так и дать свободу. Каждые 10-12 дней он рассматривал наиболее сложные дела, поступающие из Тлакшитлана, и в присутствии членов этого совета принимал решения, которые касались не только знатных, но и простолюдинов. Члены семьи самого тлатоани не были подотчетны и подвластны никому, кроме самого правителя [137, т. 1, с. 97; 314, с. 159]. Таким же было положение и в г. Тескоко, где имелся свой «суд дворца», выносивший наказания за пьянство, адюльтер, другие преступления (см. рис. 73) [228, с. 178-179].

Итак, многое в структуре суда в Теночтитлане и Тескоко перекликалось, хотя в Теночтитлане она была более сложной и разнообразной (что обуславливалось масштабами подконтрольной ему территории). Система судопроизводства, с одной стороны, составляла одну из тех немногих сфер, где каждый член Тройственного союза сохранял независимость вплоть до Конкисты. Однако, с другой стороны, к моменту испанского завоевания в связи с общим ослаблением политической роли Тескоко

и тем более Тлакопана и увеличением власти Теночтитлана у судов двух первых явно преобладали черты провинциальных, местных инстанций, в то время как высшие юридические инстанции в Теночтитлане приобретали всегосударственный характер.

В ацтекской юрисдикции довольно отчетливо просматриваются две параллельные тенденции. Как и во всяком государстве с явными признаками восточной деспотии, происходит усиление власти центра в лице тлатоани, выражавшееся, в частности, в стремлении выработать и внедрить в жизнь единые формы судопроизводства во всей стране. В Тройственном союзе была довольно типичная для древне-восточного общества судебная организация. Суд не всегда был отделен от администрации, и правитель — высший судья в государстве. Судебно-административный аппарат был заполнен представителями господствующей верхушки. В высших инстанциях судьи были людьми «благородными», чаще назначаемыми по признаку родства с правителем.

Что же касается сущности права, то, по нашему мнению, в ацтекских этико-правовых нормах переплелись законы писанные и неписанные, санкционированные государством и рожденные еще эпохой родового коллективизма. Иными словами, институт правоотношений в древнеацтекском обществе был принципиально таким же, как в «классических» странах древнего Востока. Этико-правовые нормы, а не просто право и составляли основу соционормативной структуры ацтекского государства. Аналогичной по природе была и система управления в нем, опирающаяся на диалектический синтез догосударственных и раннегосударственных институтов и структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свое время великий французский философ и правовед Ш. Монтескье удивительно спокойно и трезво оценил древнеацтекское общество, включая и отталкивающие стороны его жизни: «В различных религиях содержится много местных законов. Когда Монтесума так настойчиво утверждал, что религия испанцев хороша для испанцев, а мексиканская хороша для Мексики, он не говорил ничего нелепого, потому что действительно, мексиканские законодатели не могли не принять во внимание того, что ранее было установлено природой» [22, с. 544]. Многое из того, что было сказано выше о Тройственном союзе, служит подтверждением этих слов.

Однако почему в рассматриваемое нами время произошло возвышение именно ацтеков, поселившихся в Мексиканской долине, а не других народов, этнически и культурно близких им и живших в Морелосе, Пуэбле или любом ином районе древней Мексики? Вряд ли это было результатом воздействия какого-то одного фактора, как и все серьезные исторические повороты, этот также был обусловлен целым комплексом взаимосвязанных и взаимовлияющих факторов. Мексиканская долина была более населенной, а в определенные периоды истории и более цивилизованной, чем иные области Мексики. Политические, экономические и демографические процессы там проходили гораздо активнее, чем в ряде соседних районов. Возвышение Мексиканской долины было, таким образом, в значительной степени закономерным, в то время как выход на первый план именно ацтеков можно считать лишь частным проявлением такой закономерности. Подъему ацтеков способствовало и выгодное географическое положение их главного города, Теночтитлана. Этот островной город-крепость при отсутствии в Мексике значительно развитых (хотя бы в сравнении со Старым Светом) сухопутных средств доставки сыграл в возвышении ацтеков огромную роль: они в полной мере воспользовались лишь выгодами его стратегически удобного расположения в центре пересечения кратчайших водных путей между противоположными частями долины не только в экономическом (в частности, для развития торговли), но и военно-политическом плане (не только опираясь на силу оружия, но и, особенно в первоначальный период, используя противоречия между более сильными соседями, поселившимися в долине ранее). Не последнюю роль сыграли религиозно-идеологические моменты, столь важные для древнего общества, а также активное восприятие и развитие местных богатых культурных достижений и традиций. Все эти исходные посылки с образованием Тройственного союза получили дальнейшее развитие и стали базой для последующего развития данной цивилизации, которая при всех ее естественноисторически ограниченных достижениях занимает свое законное место в ряду выдающихся культур не только древней Америки, но и человечества в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Л. Спенсер считал, например, что число «семь» — чисто символическое, не отражающее какой-либо реальности. Сходные мифы были в Гватемале и Перу [373, с. 123]. Это число у ацтеков действительно считалось магическим и входило, к примеру, в состав имени богини Чикомекоатль («Семь змей»), богини маиса. Календарные дни, сочетавшиеся с числом «семь», считались благоприятными [351, т. 1, с. 333].

² Во всяком случае, именно так представлена Чикомосток в версии мифа, приведенной Ф. А. М. Чимальпаином в его «Втором сообщении» [247, с. 416].

³ Согласно источникам, все эти этнонимы имеют разное происхождение: одни берут начало от названия местности, другие — от имен богов, третьи — от имен вождей и т.п., «ибо таков обычай у индейцев»: шочимилька — «народ цветущих садов», чалька — «люди нефрита», тепанеки/тепанеки — «те, кто живут у камней», тлашкальцы/тлашкальтеки — «народ маиса» [140, с. 68-70; 160, с. 59; 329, с. 100-101].

⁴ Этимология слова «Ацтлан» («Астлан») дискуссионна. Известны следующие основные варианты: *az-tatl* — «белая цапля» или «место цапли»; *aztapilli* — «белый тростник»; *azcatl* — «муравей» [173, с. 14-15; 231, с. 115]. Есть, далее, версия, согласно которой в центре Ацтлана якобы находился храм бога Уитсилочтли, где последний был представлен держащим в руках белый цветок, называемый *aztaxochitl* [384, с. 223]. Еще один вариант: в Ацтлане росло очень большое и красивое растение *azquauitl*, откуда происходит название *Az (quauitl) tlan* — «рядом с деревом *azquauitl*» (версия Ф. А. М. Чимальпаина). Есть, наконец, мнение, что слово «Ацтлан» не переводимо и его значение можно передать только приблизительно [182, с. 77 — 79]. Сами ацтеки предпочитали называть себя мешиками [231, с. 115].

⁵ Весьма склонные к календарным подсчетам и летосчислению, ацтеки даже подсчитали, что в Ацтлане они жили якобы 1014 лет. Эту цифру назвал Ф. А. М. Чимальпаин (см. [247, с. 407 — 418]).

Традиция иметь собственные представления о прародине у народов Мексики была очень развита. Так, если ограничиться только знаменитыми тольтеками, предшественниками ацтеков в Мексиканской долине, то они считали прародиной так называемый Теоколуакан («Божественная гора с загнутой вершиной») [182, с. 202; 219, с. 31]. Ацтеки, желая приобщиться к высокой культуре своих предшественников, иногда свою прародину называли Ацтлан-Теоколуакан [178, с. 37].

⁶ Некоторые ученые, основываясь на мифах о прародине, а также на очевидном факте неаборигенности ацтеков, пытаются выяснить географическое положение Ацтлана. Как и в случае с этимологией этого названия, называется несколько вариантов: бассейн р. Лермы; устье р. Сантьяго (где в XVI в. находился Сан Филипп Астлан); район Найарита (остров в лагуне Мешикальтитлан); район оз. Паццуаро [231, с. 115; 329, с. 100]; Гуанахуато [399, с. 92]; где-то в районе современных штатов Сонора и Синалоа [126, гл. 2]; Халиско [160, с. 58]. По нашему мнению, прав К. Дюверже, считающий бессмысленными поиски Ацтлана, так как он является обобщенным мифологическим символом жизни ацтеков до их прихода в свое время в Мексиканскую долину [182, с. 77]. Кстати, этот вопрос фактически был решен самими ацтеками еще в доиспанский период. Как сообщают источники группы «Хроники X» (А. Тесосомок, Д. Дуран, «Кодекс Рамиреса»), пятый правитель ацтеков Мотекусума I Старший якобы направил специальную экспедицию из своих мудрецов на поиски Ацтлана. Она закончилась безрезультатно, что укрепило его в мысли, что прародина — это идеальный образ [173, с. 135-139; 206, с. 313]. Единственное, что реально в этом представлении, — северное направление. То же самое относится и к вопросу с Чикомосток. Локализовать его столь же трудно, точнее, невозможно, как и Ацтлан [178, с. 41]. Хотя на карте Мексики и есть пункт под названием Чикомосток (археологический центр, получивший название от одноименной деревни, расположенной в южной части штата Сакатекас), никаких пещер там не обнаружено [187, с. 4]. Точно так же не имеет смысла, как делают иные исследователи, связывать прародину Теоколуакан с реальным Колуаканом [160, с. 58]. И Ацтлан, и Чикомосток, и Теоколуакан являются идеальными, синкретическими обобщенными мифологемами.

⁷ О числе этих народов и этнических групп сведения источников расходятся: в «Истории мексиканцев по их рисункам», у Ф. А. М. Чимальпаина (в «Третьем сообщении») и в «Кодексе Теллериано-Ременсио говорится о 7, 8, 9, а в «Анналах Тлателолько» приводится список из 15 этнических групп [39, с. 31-32].

⁸ Согласно Х. Торкемаде, Ф. А. М. Чимальпаину, «Кодексу Аскатитлан», «Кодексу Ботурини», это были трое мужчин (Куаукоатль, Апанекатль, Тескакоатль) и одна женщина-жрица (Чимальман) (см. рис. 5, 6). В других источниках иногда называются иные имена (см. [206, с. 343; 261, с. 12]).

⁹ Показателем отсутствия единой системы летосчисления (в данном случае в ее проекции на мифические времена) служит и отсутствие единообразия в датах начала исхода. Год «1. кремень» — официально утвержденный вариант, который повторяется в подавляющем большинстве индейских документов и в сочинениях раннеколониальных авторов. Однако сохранились версии, где называется иная дата — год «1. тростник» и день «1. крокодил» [219, с. 31; 288, с. 124].

¹⁰ Когда самобытную систему летосчисления после Конквисты попытались синхронизировать с европейской, то это создало значительные трудности, в том числе и по причинам, указанным в примеч. 9. К примеру, в разных источниках начало переселения датируется 820 г., 1111 г. [231, с. 115] и 1116 г. [160, с. 59].

¹¹ Некоторые исследователи пытаются на основе легенд и мифов о переселении воссоздать тот путь, по которому следовали ацтеки. По одной из таких реконструкций, выйдя из Ацтлана, ацтеки сначала оказались в районе Халиско, затем, следуя по течению р. Лермы, дошли до Гуанахуато и Мичоакана [231, с. 115].

¹² Согласно Ф. А. М. Чимальпаину, ацтеки прибыли в Толлан в 1144 г. («3. кремень») [404, с. 125]. По другим версиям год «3. кремень» соответствует 1196 г. [160, с. 59].

¹³ Тольтеки принадлежали (как и ацтеки) к науа. В VIII в. н.э. они пришли с севера в Центральную Мексику. В Мексиканской долине они непосредственно наследовали культурные достижения более ранней культуры Теотиуакан (период III-VII вв.). В IX в. тольтеки создали большое по тем временам государство с центром в Толлане (совр. г. Тула). Тольтеки достигли высокого уровня материальной культуры в земледелии (выращивание маиса, бобовых, томатов, хлопка и др.) и ремесле (ткачество, керамика и др.). В области религии они знамениты культом бога Кетсалькоатля, воспринятого позже другими народами Мексики. Около X в. их отряды покорили отдельные районы майя на п-ове Юкатан и в Гватемале и создали там города-государства, наиболее знаменитыми из которых были Чичен-Ица, Ушмаль, Ишимче, Майяпан. В XII в. конец их господству положили вторгшиеся несколько ранее в Мексиканскую долину чичимеки. К моменту прихода испанцев тольтеки окончательно ассимилировались, поэтому в хрониках и произведениях раннеколониальных авторов выглядели народом скорее легендарным. Сведения о тольтеках, а также о более ранних высоких культурах Мексики можно почерпнуть в работах В. И. Гуляева, Р. В. Кинжалова и Ю. В. Кнорозова. Наиболее полное из зарубежных исследований по тольтекской культуре — работа Н. Девиса [163] (нашу рецензию на нее см. в журнале «Советская этнография», 1980, № 2, с. 182-184).

¹⁴ Версия Ф. А. М. Чимальпаина (см. [404, с. 124]).

¹⁵ Есть, правда, мнение, что отоми, напротив, прибыли позже других народов. Доказательство тому (по мнению сторонников этой точки зрения) их статус наименее культурного народа Мексиканской долины, утвердившийся как в ацтекский, так и раннеколониальный период [201, с. 10].

¹⁶ Проблема классификации современных индейских языков вообще и центральноамериканских в частности необычайно сложна. Существующие системы классификации отличаются разночтениями и противоречивостью. Тем более сложно определить языковую принадлежность индейских этнических групп в анализируемую нами эпоху. Так, судя по специальным исследованиям, тепанеки говорили и на матлатцинка (родственном, очевидно, отоми), и на науатль [276, с. 57].

¹⁷ Ныне — деревня Сан Бортоло де Тенайука в 10 км северо-западнее г. Мехико [286, с. 25]. По мнению одних исследователей, Тенайука основана чичимеками, другие считают, что тепанеками, третьи — теми и другими вместе. Позже свою лепту внесли и ацтеки. Памятники старины хорошо сохранились и удачно реставрированы. Главная достопримечательность — двойная пирамида ацтекского времени, связанная с культом Солнца. Размеры ее основания — 68x76 м; большая 70-ступенчатая лестница, украшенная скульптурой в виде голов фантастических змей, дополняет пирамиду. Тенайука известна также благодаря так называемому тцомпантли

(ацт. *tzompatlí*) — весьма специфическому сооружению из черепов, а точнее, своеобразной гробнице, где помещались черепа принесенных в жертву (см. [187, с. 91]).

¹⁸ С последовательностью событий, их хронологией и местом действия, а также действующими лицами в этот период очень много неясного. Так, согласно Ф. А. М. Чимальпаину, описанные события имели место на сто с лишним лет раньше, в 1029 г. Именно в этом году Уэмак погиб в Синкалко в результате конфликта с Топильтцином-Кетсалькоатлем из Толлана. Но уже через несколько лет, в 1040 г., начался закат и самих тольтеков. Топильтцин-Кетсалькоатль в год «1. тростник» (1051) покинул Толлан [247, с. 415-416].

¹⁹ Миштеки жили и живут ныне на территории штатов Оахака, Герреро, Пуэбла по крайней мере с X в. до н.э. (о них см. далее по тексту).

²⁰ Очевидно, этот ритуал был известен ацтекам задолго до прихода в Мексиканскую долину и, как считают некоторые исследователи, был заимствован у народа хуастеков (уастеков), живших на территории современных штатов Веракрус и Тамаулипас и родственных по языку майя.

Тонатцин являлась божеством материнства и плодородия, в том или ином виде почитавшимся всеми народами Мексиканского нагорья еще с Доклассического периода, т.е. задолго до появления ацтеков. После Конкисты индейцы почитали ее в облике Девы Марии Гваделупской, покровительницы Мексики.

²¹ Подробнее анализ этого представления см. [2; 3].

²² Год основания Теночтитлана согласно некоторым источникам:

Ф. А. Иштлильшочитль — 1194

Т. Мотолиния — 1300

«Анналы Куаутитлана» — 1318?

Д. Дуран — 1318

Х. Товар — 1318

А. Теве — 1321

«История мексиканцев по их рисункам» — 1323

Х. Мендиета — 1324

«Кодекс Мендосы» — 1324

Ф. А. М. Чимальпаин — 1326, 1325

А. Тесосомок — 1325

«Анналы Тлателолько» — 1325

«Кодекс Обен» — 1364

«Ватиканский кодекс 3738А [Риос]» — 1369

«Кодекс Аскатитлан» — 1377

²³ Согласно данным «Кодекса из Учипана» — рукописи отомы XVII в. (см. [182, с. 126]).

²⁴ Например, название «Куаутитлан» ведет свое происхождение от более древнего названия этого города, данное отомы, — *Antza*. Согласно Ж. Сустелю, перевод названий отомы на ацтекский (науатль) был систематическим и представлял собой своего рода «науализацию» (см. [182, с. 126]).

²⁵ К приведенным версиям этимологии «Мехико» следует добавить еще два варианта. Согласно первому, название «Мехико» состоит из двух составных частей: *Mexi-u-co*, что позволяет перевести его как «в месте *Mexitli*», т.е. главного храма, в котором находился алтарь племенного бога Меши (одно из имен Уитсилопочтли) [280, с. 13]. Согласно второму, «Мехико» следует трактовать как *Me-xi-ci*, что буквально означает: *co* (u) — «место», *xi* — «середина», «центр», *me[tl]* — «агава» (растение, имевшее огромное значение в экономике ацтекского государства); получается — «в месте агавы» [160, с. 60; 182, с. 125]. Высказывалось также мнение, что названия «Теночтитлан» и «Мехико» взаимосвязаны: у чичимеков в период их странствий был вождь Мишкоатль, известный также как их племенной бог, ацтекский же вождь Теноч был якобы его сыном [206, с. 348].

²⁶ Согласно «Кодексу Рамиреса», символом Мехико были можжевельник и белая ива, которую ацтеки тоже видели в месте основания города. На плохо сохранившейся странице малоизвестного «Кодекса Севиль» (*Codice Saville*) есть фрагменты изображения этих белых ив, но там же есть дата, значительно более поздняя, чем год основания Теночтитлана, — 1425 г. [160, с. 60].

²⁷ Подводя своего рода итог рассказу о природе и существовании миграционных процессов, следует отметить, что ацтекские повествования об исходе из прародины Ацтлана («ацтлановая миграция») являются частью общей чичимекской «миграционной темы». Для источников показательны единодушие относительно порядка прихода в Мексиканскую долину новых поселенцев: первая волна связана с чичимеками, вторая — с многочисленными науаговорящими племенами, прибывавшими тремя волнами на протяжении XII — XIII вв. Подтверждается это и археологически и лингвистически.

По мнению североамериканских лингвистов, место происхождения языка науатль (группа науа юто-ацтекской семьи языков) может быть отнесено к Северной Мексике или юго-западным районам США. Носители этого языка могли впервые проникнуть в Центральную Мексику в конце I тысячелетия н.э. Некоторые исследователи (М. Ко, В. Хименес Морено) считают, что науа был языком народов и цивилизаций Теотиуакана, культуры Классического периода. Однако, по мнению большинства современных исследователей, этот язык появился в Мексиканской долине и в Центральной Мексике только после падения Теотиуакана (VII-VIII вв.). Поэтому только в тольтекском Толлане (в ранний Послеклассический период) говорили на науа. Возможно, что в тольтекской столице Толлане языком науатль пользовались наряду с языком отоми и, может быть, другими языками (см. [353, т. 3, кн. 10]). В тот период продолжалось проникновение с севера науаговорящих племен. Но основной их поток связан, видимо, именно с «ацтлановой миграцией». Предания переселенцев о миграции служили неотъемлемым элементом этнической идентичности.

Приведенные выше лингвистические данные подтверждаются сведениями археологии. Ученые искали археологические следы самых разных событий, описанных в исторических хрониках науа, но большинство этих попыток оказались бесплодными из-за фрагментарности археологических данных и противоречивости хронологии в сохранившихся легендах о миграции. В настоящее время есть только четыре региона в пределах Центральной Мексики, где археологическая хронология Послеклассического периода является достаточно разработанной, — Толлан, бассейн озер Долины, Малиналько и западный Морелос. В других районах Центральной Мексики археологическая периодизация Послеклассического периода является либо еще не разработанной (Тлашкала, Чолула), либо спорной (долина Толуки). Те археологические данные, которые определенно можно связать с «ацтлановой миграцией» (например, в районе Толлана), представляют собой керамику с черной орнаментовкой на оранжевой основе (из-за характера и цвета местной глины). Это не значит, что «ацтлановые мигранты» принесли с собой этот этот керамики: они могли заимствовать ее, однако несомненно, что создавалась она именно ими.

В целом все районы Центральной Мексики южнее Толлана с 1150 по 1519 г. связываются с ацтекской оранжевой керамикой. Правда, в Малиналько (гористый район юго-западнее Мексиканской долины, отделяющий долину Толуки от Морелоса) доминировала полихромная керамика. Известна она также в Глауике (1200-1519), Морелосе, Куэрнавака и Шочимилько (1200-1519) [365, с. 175, 179-180].

²⁸ Точную дату, как и во многих других случаях, определить невозможно, так как по другим источникам он умер либо в 1375 г. («13. тростник») [137, т. 1, с. 22], либо в год «4. кролик» [219, с. 51], либо (согласно «Седьмому сообщению» Ф. А. М. Чимальпаина) в 1363 г. («1. тростник») — после 38 лет военного правления и 65 лет общего правления, либо (по «Третьему сообщению» этого же автора) в 1368 г. («6. кремь») — после 44 лет военного правления. Согласно «Седьмому сообщению», Теночтитлан после смерти Теноча в течение пяти лет оставался без вождя [179, с. 267 — 268].

²⁹ Правда, в другом источнике сообщается, что Иланкуэитль была тескоканского происхождения [37, с. 31]. Есть версия, что она была значительно старше Акамапичтли и детей они не имели. Согласно другому варианту, Иланкуэитль была матерью Акамапичтли и, по сути, первое время была соправительницей [162, с. 42]. Наконец, есть утверждение, что она была его теткой [407, с. 19].

³⁰ По данным «Кодекса Аскатитлана» [133, с. 117-118], Акамапичтли стал тлатоани в год «7. кремь» (1382). Эта дата очень близка моменту, когда, согласно «Анналам Куаутитлана», умерла Иланкуэитль («7. тростник», или 1383 г.) [37, с. 31]. Согласно «Кодексу Мендосы», Акамапичтли начал выполнять функции сиуакоатля в год «1. кремь» (1376), а тлатоани — в год «8. тростник» (1383) [28, т. 1, с. 31]. Таким образом, «Кодекс Мендосы» соединяет две версии данного события в одну, согласно которой начало правления Акамапичтли было и в 1376, и в 1383 г. В третьей группе источников («Анналы Тлателолько» «Флорентийский кодекс», «Кодекс Товара», сочинения А. Тесосомока, Ф. А. М. Чимальпаина) упоминается самая ранняя дата — около 1366 г. Возможно, это год, в котором будущий основатель династии прибыл в Теночтитлан, но еще не выполнял определенных управленческих функций. Не исключено, что он был вождем одной из общин г. Теночтитлана, известной под названием Чалман, поскольку, по некоторым данным, его отец Опочтин был жрецом этой общины [407, с. 22 — 23].

- ³¹ Нет полной ясности как со сроками правления Акамапичтли, так и с годом его смерти. По одним источникам, он умер в год «2. тростник» [37, с. 34], по другим — в год «8. кремень» [138, с. 443], по третьим — в год «12. тростник» [219, с. 52 — 53]. Согласно сведениям, которые передал раннеколониальный историк Д. Дуран, Акамапичтли правил 40 лет и умер, таким образом, в 60-летнем возрасте [173, с. 34].
- ³² Согласно официальным ацтекским представлениям, генеалогия Итцкоатля восходила к мистическим временам. Считалось, что он приходился внуком одному из вождей эпохи миграции (Куаутлекетца) [276, с. 70]. В первой части пиктографической рукописи «Кодекс на кресте» [136] приведено изображение интронизации Уитсилиуитля (см. [35, с. 37]).
- ³³ По-видимому, и на этот раз смена тлатоани сопровождалась внутренней борьбой. Есть сообщение, что после смерти Уитсилиуитля в год «1. кремень» в течение четырех лет в Теночтитлане не было правителя и только в год «1. тростник» тлатоани был избран Чимальпопока [219, с. 54]. По другим данным, основанным на иных системах хронологии, это случилось в год «3. дом» (1417) [138, с. 444; 269, с. 16; 288, с. 149]. Есть версия, согласно которой Чимальпопока — младший брат Уитсилиуитля [37, с. 35]. Эту неясность как бы подтверждает и Х. Мендиета: по одним данным, сообщал он, Чимальпопока был сыном Уитсилиуитля, по другим — его младшим братом [288, с. 149]. Но в любом случае верно то, что в этот раз тлатоани стал Чимальпопока.
- ³⁴ В свете только что сказанного есть основания критически подойти к бесстрастному утверждению одного из раннеколониальных авторов, что при Иштлильшочитле, третьем правителе г. Тескоко, ничего особенного не произошло [251, т. 2, с. 288].
- ³⁵ Есть также версия, что ответственность за убийство лежит на жителях г. Колуакана. Но это не меняет существа дела. Вместе с Чимальпопокой был убит якобы и ацтекский наместник Колуакана, управлявший им после его покорения [288, с. 149].
- ³⁶ Койот в древнеацтекских представлениях и пиктографии символизировал понятие «воздержание» (ацт. *nezahualli*) [119, с. 190, 191].
- ³⁷ Хотя большинство источников называет датой падения Аскапотсалько 1428 г., однако есть упоминание и более позднего срока — 1430 г. («3. кролик»).
- ³⁸ По данным Мексиканского кодекса № 23 -24», Маштла погиб в 1429 г. [138, с. 449]. Согласно хронике Тлателолько, это случилось раньше, в 1428 г. («1. кремень») [219, с. 55].
- ³⁹ Интересно, что после испанского завоевания название г. Куитлауака было изменено (совр. Сан Педро Тлауак, южнее г. Мехико), поскольку включало в оригинале составляющую «куи» (ацт. «человеческие потроха»), что считалось неблагозвучным для уха европейцев.
- ⁴⁰ Тлашкальцы обосновались на данной территории около 1328 г. В Тлашкале символом стала цапля, якобы указавшая место для первоначального поселения. Своему городу, основанному ими у Осетелолко, испанцы дали древнее название Тласкала (Тлашкала).
- ⁴¹ Есть версия, что Ицкоатль правил 14 лет [351, т. 2, с. 284], 19 лет (т.е. умер в 1445 г.) [173, с. 84]. По традиционному календарю даты также называются разные: «12. тростник» [219, с. 56], «13. кремень» [37, с. 50], «1 дом» [138, с. 449]. Но наиболее правдоподобна дата, соответствующая 1440 г.
- ⁴² Эту девушку звали Миауашиуитль, и женился на ней Уитсилиуитль около 1396 г. [367, с. 41].
- ⁴³ Сомнительно, что между Итцкоатлем и Мотекусомой и далее не было трений из-за претензий последнего на власть тлатоани. Сохранились смутные упоминания о том, что около 1437 г., т.е. за три года до смерти Итцкоатля, Мотекусомо оказался в тюрьме, из которой ему удалось освободиться [138, с. 450].
- ⁴⁴ По данным «Мексиканского кодекса № 23-24», он стал тлатоани в 1441 г. («1. дом») [138, с. 450].
- ⁴⁵ Имя Мотекусомы I Старшего (ацт. *Motechuhcoma Ilhuicamina*) расшифровывается следующим образом: *sosoma* — «который гневается»; *tecuhtli* — «благородный», «знатный»; *ilhuicatl* — «в сторону неба»; *mina* — «бросающий копье» [138, с. 450].

- ⁴⁶ Если исходить из предположения, что Несауалькойотль родился в 1402 г. («1. кролик») [138, с. 443].
- ⁴⁷ Эта форма жертвоприношений (ацт. tlascaliztli) была распространена и у других народов Центральной Мексики доколумбова периода.
- ⁴⁸ Тотонаки жили в местах (совр. штаты Веракрус и Пуэбла), где когда-то была распространена знаменитая культура ольмеков (XIV - III вв. до н.э.). Семпоала (совр. штат Веракрус) — центр культуры тотонаков (ок. 1250-1521), испытавшей воздействие ацтекской культуры (особенно в храмовой архитектуре). Крупный центр археологических исследований и раскопок. Тахин (штат Веракрус, в окрестностях Роза Рика) — другой центр тотонакской культуры, археологи выделяют «культуру Тахина». На территории примерно 60 га расположено значительное число археологических памятников тотонаков. Наиболее знаменитый из них — «Храм с нишами» (18-метровое сооружение, в стенах которого было 365 ниш для фигурок идолов). Наибольший расцвет «культуры Тахина» пришелся на X -XII вв. Культура тотонаков знаменита также глиняными фигурками персонажей со смеющимися лицами или загадочной улыбкой (см. [15а; 187, с. 8]).
- ⁴⁹ О хуастеках см. также примеч. 20 к данной главе.
- ⁵⁰ Предположительно, его путь лежал через Толлансинго, Акашочитла, Уачинанго, Вилья Хуарес, т.е. по тем местам, где ныне проходит современное шоссе Тушпан — Пачука [231, с. 123].
- ⁵¹ О миштеках см. также примеч. 19 к данной главе.
- ⁵² Подробнее о миштеках и сапотеках см. [8а].
- ⁵³ Такие Камни Солнца», «орлиные вазы» и т.п. создавались и после смерти Мотекусомы I, при последующих тлатоани (см., например, рис. 18, 22, 24, 26).
- ⁵⁴ Согласно «Кодексу Рамиреса», Мотекусомы I ввел традицию инаугурационных войн. Именно такой якобы была война против Чалько. Однако ни Д. Дуран, ни А. Тесосомок, подробно ее описывающие, этой детали не упоминают. К тому же война с Чалько началась через несколько лет после прихода Мотекусомы I к власти, и, согласно как официальной версии, так и описанию Ф. А. М. Чимальпаина (отражающему трактовку чальков), поводом для нее послужил отказ поставить материалы для реконструкции храма Уитсилопочтли в Теночтитлане [51, с. 123].
- ⁵⁵ Прекрасное изображение праздника Нового огня» приведено в «Кодексе Хол». Согласно «Кодексу Обена», ацтеки начали счет 52-летию в 1143 г. по христианскому летосчислению, тогда праздник 52-летия при Мотекусоме I был в 1351 г. (см. также [137, т. 1, с. 22]).
- ⁵⁶ Умер он в год «3. дом»; согласно другим версиям, он правил 29 лет и умер в год «2. кремень» (1468) [219, с. 59] или в конце года «2. кре-мень» — начале года «3. дом» [37, с. 55].
- ⁵⁷ В первой части пиктографического Кодекса на кресте» говорится о его рождении [35, с. 37]. Имя «Ашайакатль» (ацт. Ахауасатль) составлено из двух слов: хауасатль — «лицо» и атль — «вода» [138, с. 452]. Иначе говоря, Ахауасатль (или Ахауасатзин) буквально означает «водяное лицо». Впрочем, это имя, возможно, восходит к названию «болотной мухи», личинки которой (ацт. ахуауахтли) ацтеки употребляли в пищу [119, с. 190].
- ⁵⁸ Согласно «Истории Тлателолько», Ашайакатль стал тлатоани в год «3. дом», а Икеуатцин был убит в год «6. кремень», т.е. через три года [219, с. 59]. Об этих же событиях сообщается в «Третьем» и «Седьмом сообщении» Ф. А. М. Чимальпаина.
- ⁵⁹ Согласно источникам, на которые опирался Б. Саагун, он правил 71 год [351, т. 2, с. 288].
- ⁶⁰ Несуальпилли родился в 8-й день 16-го месяца (ацт. Atemoztli — «падение воды») ацтекского календаря [175, с. 461], который по христианскому летосчислению соответствовал 1 января 1465 г. [228, с. 229]. Таким образом, в момент избрания его тлатоани ему было 7 лет. «Несауальпилли» (ацт. Nezahualpilli — это вариант имени Несауалькойотля с заменой coyotle (койот) на pilli — «благородный», «знатный» [119, с. 190].
- ⁶¹ Согласно иной версии, она была дочерью Теконаля [37, с. 107].

⁶² Сведения о том, что конфликт между Теночтитланом и Тлателолько произошел на 9-м году правления Мокиуиштли, не согласуются с утверждением другого происхождения, согласно которому Мокиуиштли правил всего семь лет [219, с. 59].

⁶³ Матлатцинки жили в Толуке, Теотенанко, Тенансинго, Малиналько, Окуилане и др. Эти населенные пункты существуют до сих пор на северо-востоке от г. Мехико.

Масауа — один из самых древних народов Мексики (относятся по языку к отомангской макросемье) — первоначально занимали Мексиканскую долину. В середине XIV в. они были оттеснены племенами науа в горные районы на границе нынешних штатов Мехико и Мичоакан. Такие поселения, как Шикотитлан, Шикипилко, Шилотепек (ацт. Xicotitlan, Xiquipilco, Xilotepec), созданные ими, до сих пор имеются на карте Мексики [76, с. 85].

⁶⁴ Ацтеки, подобно многим древним народам, относились к своим соседям с предубеждением, о чем свидетельствуют некоторые этнонимы, используемые ацтеками Теночтитлана по отношению к другим народам: «ноноалки» — «немые»; «пополоки» — «варвары», «свирепы»; «чонталь» — «чужие», «иностранцы», «говорящие на странном языке»; хуастеков (уастеков) они считали пьяницами и извращенцами, отоми — грубыми и невежественными и т.п.

⁶⁵ Неизвестно, идет ли здесь речь о знаменитом «Камне Солнца» (см. рис. 22). Многие исследователи считают, что он был сделан именно при Ашайакатле в 1479 г. (или в 1481 г. [327, с. 11]) и дата «13. тростник» в верхней части монолита означает год его изготовления [231, с. 127; 315, т. 1, с. 176]. Однако, например, Э. Зелер, один из самых знаменитых исследователей мексиканской древности, работавший в конце XIX — начале XX в. и неоднократно обращавшийся к данной теме, считал (опираясь на письменные версии мифа о Солнце) «13. тростник» датой не изготовления Камня, а рождения Солнца пятого мирового периода [361, т. 4, с. 45-52].

⁶⁶ Самоназвание тарасков — пурепеча. Тарасками их стали называть, как обычно считают, в эпоху Конкисты. Завоеватели брали индейских женщин в жены (или наложницы), поэтому индейцы называли их «tarascue» — «зять». Испанцы же думали, что это — самоназвание народа [189, с. 9]. Язык тарасков не могут отнести ни к одной из групп индейских языков, этнические связи с другими народами у них четко не прослеживаются. По последним классификациям их языки выделены в отдельную семью.

⁶⁷ Тцинтцунтцан (Цинцунцан, Tzintzuntzan) находится на территории штата Мичоакан. Самые знаменитые памятники доиспанского периода там — пять ступенчатых Т-образных пирамид («якаты»; тараск. uacata) округлой формы, использовавшихся в качестве платформы как для храмов, так и для дворца властителя [187, с. 12].

⁶⁸ По другим данным — 30 тыс. 200 человек [394, с. 227].

⁶⁹ Согласно одному из источников, данный поход на тарасков имел место в 1470 г. («4. кролик») [138, с. 452]; ту же дату назвали информаторы индейскому историку Ф. А. М. Чимальпаину. Однако большинство исследователей вслед за большинством источников считают, что эта война произошла через четыре года после похода на Толуку [162, с. 146; 231, с. 126].

⁷⁰ Как и во многих других случаях, в источниках называются разные даты его смерти: 1476, 1479, 1481, 1483 гг. [138, с. 455; 219, с. 59].

⁷¹ Среди приемов ритуального самоистязания, практиковавшихся ацтеками, важное место занимало прокалывание до крови колючками агавы бедер, ног, ушей, рук и др. Кровь собирали с помощью полос индейской бумаги и сжигали перед алтарем, что должно было означать жертвоприношение крови определенному божеству. В пиктограмму имени «Тисока» входит нога со следами проколов (ацт. Tezoc) [120, с. 190].

⁷² По другим данным, эта война была в 1485 г. («6. дом») [138, с. 445].

⁷³ Тисок не оставил после себя «законных детей», так как не имел «законной жены» [228, с. 260]. Ауитсотля называли также Ауитсонцин (ацт. Ahuitzontzin). Это имя происходило от слов ahuitzotl или ahuitzote, которыми обозначали «водяную собаку» — небольшое животное темной окраски типа нутрии [119, с. 190; 327, с. 117; 384, с. 269].

⁷⁴ Населенные пункты Телолопан, Остоман, Алауитцтлан до сих пор существуют на территории современного штата Герреро [384, с. 345]. К примеру, Телолопан ныне представляет собой деревню [163, с. 173]. В древности они входили в состав миштекского региона [164, с. 138].

⁷⁵ Акапулько — ныне город в штате Герреро.

⁷⁶ По другим версиям этот поход был предпринят в 1495 г. согласно «Кодексу Теллериано-Ременсис» [158, с. 192 — 193] или 1497 г. (согласно Ф. А. М. Чимальпаину).

⁷⁷ По данным Б. Саагуна, названия этих источников — Акуэкуэшкатль, Глилатль, Уитсилатль, Шочкоатль, Коатль [351, т. 2, с. 284]. В Чапультепеке было четыре источника (Acachinanco, Xoloxco, Ahuitzilan, Arahualiztlan) [401, с. 54].

⁷⁸ В «Анналах Куаутитлана» назван не только год («7. тростник»), но и день («4. ягуар») [37, с. 58].

Еще одно проявление отсутствия единообразия в системе летосчисления в Мексиканской долине и в сопредельных районах: в «Истории Тлателолько» датой строительства акведука назван следующий год — «8. тростник» [219, с. 60].

Согласно Ф. А. М. Чимальпаину, Ауитсотль советовался по поводу строительства этого нового водовода с астрологом по имени Куэкуэш (ацт. Суесуех), поэтому акведук назвали Акуэкуэшкатль («вода Куэкуэша») [228, с. 291].

⁷⁹ По одной из версий, этот поход в Соконуско был предпринят много раньше — в 1486 г. [121, с. 141].

⁸⁰ Спорна и датировка его смерти: в источниках называются разные годы — «10. кремь» (т.е. через два года после наводнения) [219, с. 61] и «11. тростник» [37, с. 59].

⁸¹ При характеристике семейного положения Ашайакатля отмечалось, что его женой и, следовательно, матерью Мотекусомы II была дочь Несауалькойотля, правителя г. Тескоко. Однако по данным «Кодекса № 23 — 24», она была из г. Истапалапа (или Иштапалапа), который располагался на южном берегу оз. Тескоко [38, с. 457] (ср. [228, с. 206]).

⁸² Ацтекским словом *sacamatzin* обозначали небольшие кукурузные початки, которые обычно растут рядом с крупными, развитыми [119, с. 190].

⁸³ Странники противоположной точки зрения не без основания возражают: в Тлашкале выращивался лучший в Центральной Мексике маис, а Чолула была одним из самых крупных торговых центров.

Глава 2

¹ Считается, что в доиспанский период на территории всей Мексики использовалось 125 индейских языков и наречий. Наиболее крупные языковые группы, интересующие нас: отоми (отоми, пополока, миштеки, сапотечи), майя (хуастеки, тотонаки), науа (ацт. *nahuatl* — «гармоничный», «ласкающий ухо») — язык ацтеков, один из самых распространенных, на нем говорили, например, и жители враждебного ацтекам города-государства Тлашкала. В настоящее время используется только 46 индейских языков (по данным на 1967 г.) [52, с. 17-19, 24].

² Первым это сделал Дж. Кублер (1942 г.), достаточно осторожный в своих подсчетах. Его опыт использовали чуть позже С. Ф. Кук и У. Бероу (впервые в 1948 г.), представители «школы Беркли» (по названию университета в Калифорнии).

³ Исследователи расходятся при определении лишь его степени. По мнению одних, за 30 лет оно составило почти 80% [334, с. 23], другие же считают, что за 50 лет (1519-1568) оно не превысило 59-66% [314, с. 8] (см. также [154; 155; 352]).

⁴ Наиболее известна эпидемия 1545-1548 гг. (ацт. *socoliztli*) [274, с. 710]. Для сравнения отметим, что в Европе в результате эпидемии чумы в 1380 г. население сократилось с 73 млн. до 43 млн. человек [224, с. 590].

⁵ У. Сандерс проделан детальный анализ всех этих подсчетов; вывод — большинство цифр неприемлемо, ибо, по мнению автора, сведения из основной части раннеколониальных документов недостаточно корректны. У. Сандерс было предложено учитывать не только раннеколониальную демографическую статистику, но и археологические, а также экологические данные (в последнем случае — учет производственных возможностей вмещающего ландшафта). Исходя из этих посылок У. Сандерс считает, что численность населения всей Центральной Мексики в 1519 г. равнялась 11 млн. 400 тыс. человек [355, с. 81] (см. также [65, с. 200]).

⁶ Население Оахаки было многоэтничным и в определенной степени показательным для Мексики в целом. Оно состояло из миштеков и сапотеков, которые расселились вплоть до перешейка Теуантепек, где соприкасались с хуаве; на север от них жили ацтеки; в свою очередь, на юг от последних — масатеки-пополоки, на восток — чинантеки (расселившиеся вплоть до Веракруса); на восток от сапотеков жили михе-соке; наконец, чонталь населяли горные и прибрежные районы тихоокеанского региона в области Уаутепек. Миштеки и сапотеки составляли естественный мост от цивилизации ацтеков к цивилизации майя.

⁷ Точнее, отдельные авторы и очевидцы говорят о «60 тыс. домов» (см., например, [212, т. 3, с. 223]).

⁸ Кстати, согласно подсчетам, г. Куско имел население 100-200 тыс. человек [236, с. 120].

Для сравнения: население Венеции, одного из крупнейших городов средневековья, составляло около 200 тыс. человек. В период расцвета средневековья средняя численность жителей городов Европы была 2-3 тыс. человек. Неудивительно, что первые европейцы были потрясены многолюдностью Теночтитлана.

⁹ По некоторым подсчетам, в 1520 г. в Толлане жило 300 тыс. человек (к 1568 г. их оставалось только 45 тыс.) [404, с. 149].

¹⁰ Мы не разделяем мнение, согласно которому в 1520 г. население Аскапотсалько составляло 400 тыс. человек [404, с. 148-149].

¹¹ Называются 320 тыс. человек [352, с. 82].

¹² Основываясь на представлениях о современном городе, У. Сандерс высказала идею, что в древней Мексике нужно различать понятия «город» и «сити». Город — это поселение с числом жителей 3-10 тыс., из которых более 75% заняты только сельским хозяйством. Сити — это поселение с числом жителей более 10 тыс., из них земледелием заняты только 25% (остальные — ремеслом, торговлей, административным регулированием, военным делом и т.п.) (о дискуссии по этому вопросу см. [85, с. 166]). Развитие этой идеи, связанное с определением реальной численности населения (что при нынешней базе источников вряд ли осуществимо), представляется проблематичным. К тому же древний город — иное по природе явление, чем город современный.

¹³ По другим данным, 120x70 км [222, с. 13], 180x60 км [77, с. 460], 6 тыс. кв. миль [148, с. 92].

¹⁴ На него приходилось $\frac{2}{3}$ годовой нормы осадков [77, с. 46].

¹⁵ Сейчас средняя температура января в Мехико — +12°, июля — +16°, самого теплого месяца, апреля, — +18°.

¹⁶ Это произошло в конце так называемого Среднего Формативного или в Поздний Формативный период (около VII - III вв. до н.э.).

¹⁷ Есть мнение, что название «соа» происходит от ацтекского «coatl» («змея»); вытянутая в длину, она действительно вызывает ассоциации с палкой. Кроме того, образ змеи, переосмысленный древним сознанием, связывался с землей, плодородием, вследствие чего он находит отражение и в фаллическом культе; см., например, изображение бога кукурузы Сентеотля в «Бурбонском кодексе» (л. 30) [167, с. 4].

¹⁸ В раннеколониальный период право на воду можно было купить и продать [402, с. 79 — 80]. О трудностях в обеспечении водой в то время см. [201, с. 347].

¹⁹ Исп. *almaciga* («мастика») — смесь ила с землей, используемая для устройства грядки [304, с. 473].

²⁰ На начало 70-х годов археологами там были обнаружены и обследованы примерно 50 остатков жилищ земледельцев [44, с. 657].

- ²¹ Вообще постоянные поселения земледельцев возникли в районе Чалько-Шочимилько еще во II тысячелетии до н.э. [148, с. 92].
- ²² По данным на начало 60-х годов [44, с. 653; 148, с. 90; 399, с. 72].
- ²³ С помощью таких добавок в продукте повышалось содержание кальция [201, с. 310].
- ²⁴ Как утверждает один из раннеколониальных историков, слово «пульке», которое часто используется применительно к этому напитку, не местного происхождения, а заимствовано испанцами у индейцев-араукан, которые пулси называли всякий напиток, содержащий алкоголь [130, с. 267]. Происхождение этого слова связывают и с жителями Кубы, Панамы, Перу; испанские конкистадоры лишь занесли его в Мексику [180, с. 95 — 96]. Свое объяснение дает и Б. Саагун, чья работа является важнейшим источником по истории и культуре древней Мексики: в то время как октли делали из сока агавы, пульке получали из смеси воды, меда и средств, ускоряющих и усиливающих ферментацию [351, т. 1, с. 57, 363].
- ²⁵ Так, в 1774 г. в столицу было завезено более 2 млн. арроб крепких алкогольных напитков, изготовленных на основе сока агавы и продававшихся в специальных лавках (пулькериях) [130, с. 267; 201, с. 317]. Правда, после испанского завоевания из сока стали делать напитки покрепче (мескаль — крепостью около 20°, текилу — водку на основе перегона пульке) [201, с. 317].
- ²⁶ По раннеколониальным источникам известны более 40 видов зелени, так или иначе использовавшихся в доиспанский период [351, т. 3, с. 295 — 299].
- ²⁷ После покорения ацтекского государства Морелос вошел в состав территории, предоставленной в распоряжение Э. Кортеса.
- ²⁸ Б. Саагун, говоря о хлопке, отмечал, что лучший выращивали «на орошаемых землях», «на востоке», «на западе в районе Уейтлалпан» и «в районе, который называется Куауичкатль» [351, т. 3, с. 141].
- ²⁹ См. также: *Кинжалов Р. В.* Мифы о происхождении какао у народов Месоамерики. — Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979, с. 119-132.
- ³⁰ Ацтеки использовали преимущественно четыре сорта какао, оригинальные названия которых сохранились (см., например, [67, с. 225; 176, с. 158]).
- ³¹ Анализируя археологический материал из Теуакана (Пуэбла), относящийся к восьмивековому периоду (700-1520), исследователь Р. Мак Нейш разделил местные поселения на следующие типы: соледобывающие поселки, деревушки, деревни, города, сити; некоторые из них были со следами укреплений и, таким образом, могли рассматриваться, с его точки зрения, как гарнизонные поселения (см. также примеч. 12 к данной главе).
- ³² От ацт. Panquetzaliztli — «подъем знамени»; праздник в честь племенного бога ацтеков Уитсилопочтли (6-25 декабря) [176, с. 455].
- ³³ Ср. «колодезную» систему в древнем Китае.
- ³⁴ Ср. с аналогичной практикой у древних римлян «царского периода» (*Маяк И. Л.* Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983, с. 211). Строго говоря, на Мексиканском нагорье подобная практика имела место и до ацтеков, они лишь более успешно ее продолжили.
- ³⁵ Жрецы при Хаммурапи назывались «рабы царя» (а не «рабы бога»), царь сам назначал жрецов и хозяйственных администраторов, которые обязаны были перед ним отчитываться. В Тройственном союзе подобная тенденция была выражена не так ярко и касалась только высших жреческих постов.
- ³⁶ См., например: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. М., 1986, с. 190.
- ³⁷ См.: *Новицкий И. В.* Основы римского гражданского права. М., 1972, с. 112. Впрочем, есть противоположное мнение, согласно которому «классическое римское право четко разграничивало собственность и владение»

(Корсунский А. Р. Сельское население Поздней Римской империи. — История крестьянства в Европе. Т. 1. М., 1985, с. 65).

³⁸ Кроме соды индейцы знали и селитру (ацт. *tequizquitlalli* — «земля, содержащая селитру») [351, т. 3, с. 348].

В раннеколониальный период местные жители использовали их для изготовления мыла, но первоначально главным образом для испанцев. Добыча селитры в XVI в. для этих целей, а также для крашения велась в районе оз. Тескоко (в частности, его северной части, известной как оз. Шалтокан). Индейцы же по-прежнему предпочитали париться в бане, а для стирки использовали природные материалы (например, ацт. *amol*, *amoli*) [201, с. 339].

³⁹ Ацтеки использовали киноварь, которая, являясь минералом сульфидов, была основой для получения ртути.

⁴⁰ В Мичоакане есть даже селение, называемое Тепусчиукан — «Место, где добывается медь» [265, с. 20].

⁴¹ После испанского завоевания технология добычи серебра революционизировалась, вследствие чего ситуация изменилась и золото стало более редким и дорогим.

⁴² Олово там обнаружено при раскопках древних шахт в середине 50-х годов XX в. [265, с. 22]. Ацтекское название слова (*amochitl*) происходит от *atl* — «вода» и *mochitl* — «пена» и означает, по Б. Саагуну, что-то вроде «водяного пара». Это название символично и, по-видимому, свидетельствует о том, что, как и серебро, олово в доиспанский период было редким и дорогим [265, с. 18-19].

⁴³ Название свинца (ацт. *temeztli*) происходит от *tetl* — «камень» и *metztli* — «луна» и означает, таким образом, «лунный камень» [265, с. 19]. Дело в том, что у ацтеков (да и у других народов древней Мексики) золото и серебро ассоциировались с Солнцем и Луной соответственно (серебро, например, считалось экскрементами Луны).

⁴⁴ Сходный метод удаления серебряных примесей при помощи глины и соли практиковался на японском монетном дворе еще во второй половине прошлого века [15, с. 215].

⁴⁵ Знакомство с паянием в доиспанский период пока достоверно не доказано, несмотря на соответствующие указания Б. Саагуна и Т. Мотolini; во всяком случае, образцы его не известны. Для производства ложной филигранны широко использовались нити, покрытые воском [15, с. 216].

⁴⁶ В то время как в Южной Америке, в некоторых центрах на побережье Перу, начало обработки золота относится к середине I тысячелетия до н.э., а меди в северных районах Эквадора — к I в. н.э., в древней Мексике такого типа индустрия возникла лишь в VIII-X вв. Известны две основные точки зрения об истоках металлургии в древней Мексике. По мнению А. Касо, разделяемому многими исследователями, Месоамерика познакомилась с металлом (в форме бронзовых орудий) благодаря Центральной Америке (Коста-Рике и Панаме), где обработка металлов была известна уже в VI — VII вв. Другая точка зрения состоит в том, что металлургия была «экспортирована» в Мексику прямо из Колумбии, Эквадора и Перу морскими путями, минуя промежуточные пункты (Коста-Рику или Панаму). Есть, однако, мнение и как бы примиряющее обе точки зрения. Признавая, что Колумбия, Эквадор, Перу — это районы Южной Америки, давшие начало металлургии и металлообработке в Новом Свете, его сторонники признают реальными оба пути: панамское и коста-риканское влияние прослеживается в сходстве техники в предметах, обнаруженных в Оахаке и на Юкатане, а в Западной Мексике предметы, встречавшиеся от Герреро до Синалоа, по технике напоминают эквадорские. Наиболее древним изделием из золота, найденным на территории Центральной Мексики, является золотой чеканный диск из Тешмилинкана (Герреро), относящийся, по мнению большинства исследователей, к тольтекскому периоду [15, с. 206; 223, с. 832-833, 849; 265, с. 17; 308, с. 127-128; 325, с. 534].

⁴⁷ По сообщению прессы, некоторые современные американские хирурги предлагают в будущем перейти к обсидиановым скальпелям, которые, по их утверждению, в 500 раз надежнее стальных.

⁴⁸ 1 браса (морская сажень) равна 1,678 м.

⁴⁹ Цвет этот назывался «кровь смоковницы» (ацт. *mocheztli*), поскольку, согласно Б. Саагуну, именно на ней водилось насекомое, называемое по-ацтекски *sochinilla* [351, т. 3, с. 341]. Конечно же, имеется в виду кактус опунция.

- ⁵⁰ Другое название — *hoaxin*. От него происходит топоним Оахин — место в Уэштепеке (или Уэстепеке), где находился один из самых знаменитых парков Мотекусомы II Младшего [241, с. 715].
- ⁵¹ Как это ни странно, но один из самых известных индейских медицинских кодексов, «Кодекс Бодли», не содержит упоминания о чапопоте в качестве медицинского средства. Впрочем, в этом памятнике говорится главным образом об индейских лекарственных средствах растительного происхождения (иногда со ссылками на добавки неорганического и животного происхождения).
- ⁵² Такие носилки использовали и при похоронах [351, т. 3, с. 33].
- ⁵³ Параллельный материал по майя см.: *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, с. 251; *Гуляев В. И.* О характере торговли у древних майя. — Советская этнография. 1976, № 1, с. 58 — 71.
- ⁵⁴ В Тлашкале, в частности, можно было купить и маис из Мичоакана [90, с. 106; 351, т. 3, с. 66].
- ⁵⁵ Разумеется, членов суда могло быть и меньше, например четверо [411, с. 361].
- ⁵⁶ Известны по меньшей мере три названия накидок: *cuachtli*, *tecuachtli*, *patolcuachtli*. Видимо, *cuachtli* было общим их обозначением; *tecuachtli*, очевидно, уступали в размерах *patolcuachtli*, поскольку первое переводится как «салфетка для губ» (т.е. небольших размеров); все они входили в список дани, выплачиваемой Теночтитлану, а также испанцам после их прихода в Мексику [196, с. 176, 178].
- ⁵⁷ В своем последнем письме к Карлу V Э. Кортес упоминает некие «предметы из олова» [121, с. 127; 350, с. 164]. Однако, по мнению одного из ранних исследователей древнемексиканских культур, Ф. Х. Клавихеро, речь шла о печатях [130, с. 236].
- ⁵⁸ Не совсем ясно, в чьи руки попадали пошлинные сборы. Одни исследователи (опираясь на источники) считают, что они шли альгвасилу (судебному исполнителю), который затем выделял определенные доли касику (200 зерен какао) (слово «кастик» заимствовано из языка индейцев Антильских островов; оно служило для обозначения индейских вождей в раннеколониальный период) и некоторым колониальным чиновникам (400 зерен). Другие полагают, что вся сумма поступала в распоряжение «губернатора» («управителя») на муниципальные нужды; наконец, третьи — что все платежи шли касику [222, с. 104].
- ⁵⁹ Зерна какао служили мерой стоимости и в раннеколониальный период; они шли по ценности после золотых и серебряных монет. Каждое зерно оценивалось в 1/2 марчето [152, с. 380 — 381], или в 1 сентаво: марчето — небольшая медная монета с изображением св. Марка, равнялась 2 сентаво; сентаво — сотая часть песо.
- ⁶⁰ Большое значение для Тройственного союза имели его отношения с Мичоаканом, Тлашкалой, Уэшотцинко, Чолулой. Связи с остальными территориями, названными в данном источнике, принципиальной роли не играли; некоторые из них, согласно этому же документу, находились в конфедеративных связях с Теночтитланом [111, с. 228]. Теотитлан — современный Теотитлан в Оахаке (исп. *Teotitlan del Valle*), Йопитцинко — территория на побережье Тихого океана, населенная племенами йопи; Акапулько (совр. Акапулько) находился на границе с Йопитцинго, также на Тихоокеанском побережье. Кроме них следует назвать Тототепек (южнее Йопитцинго) и Матлатцинко (у северо-восточных границ Тройственного союза, частично населенный хуастеками).
- ⁶¹ Лист 1 «Списка дани» соответствует листу 17 в «Кодексе Мендосы», лист 2 — листу 18 и т.д.
- ⁶² В то время как Ф. А. Иштлильшочитль пользовался информацией из так называемых «королевских списков Тескоко» (см. [227р, X. Торкемада опирался на иной источник (имеются в виду данные, которые он получил от потомка Несауалькойотля, индейского автора Э. Пиментеля) [313, с. 53].
- ⁶³ Вопрос о служебном землевладении рассматривался выше. В порядке добавления и сравнения можно привести любопытные цифры из аналогичной области хозяйства в древнем Вавилоне эпохи Хаммурапи: на содержание главного жреца одного из храмов Лагаша выделялось 36 га, надзирателя рабочего отряда — 15 га, рабочего отряда из 300 человек — менее 2,5 га (История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983, с. 272).

¹ Имеются в виду идеи современного французского ученого-американиста К. Дюверже, согласно которым каждый класс и даже каждый человек имеет свою «энергию». Следствием социальных потрясений является общественная «энтропия», т.е. определенная мера «беспорядка». По его мнению, главной целью древнеацтекского общества было не допустить появления «энтропии» (см. [180-182]).

² В. В. Струве, написавший предисловие к русскому переводу книги, повторил те же ошибки.

³ Точнее, Тлилпотонки Сиуакоатль (ацт. Tlilpotonqui Cihuacoatl — «некто в черном и в перьях, женщина-змея»; имеется в виду украшение из перьев специальной формы, указывающее на высокое положение). Сиуакоатль — одна из главных богинь городов Шочимилько и Колуакана, заимствованная ацтеками. Это имя носил и главный служитель данной богини (традиционное древнее представление о жреце как воплощении божества, которому он служил).

⁴ Например, с районом Ауачтлан («Место росы», «Росистое место») было связано божество Чиконкиауитль («7. дождь») и боганя Чалмекасиуатль («Женщина чалмеков», т.е. богиня торговок), с Тепетитланом («На склоне горы») — Кочиметль («Сонная агава», очевидно, как-то связано с напитками из сока агавы) и др. [405, с. 6].

⁵ Праздник в его честь — Тлакашипеуалицтли — проводился в период от 22 февраля до 14 марта по христианскому календарю.

⁶ В соседнем с ацтекским государстве тарасков (в Мичоакане) захваченных в результате войны простолюдинов превращали в государственных рабов [64, с. 103].

⁷ См. примеч. 41 к гл. 2.

Глава 4

¹ Историографию вопроса см. также в работах [59, с. 674; 304, с. 258].

² Имеется в виду наиболее примечательная и к тому же ясно и открыто выраженная позиция Дж. Оффнера. Он решительно возражает таким исследователям, как У. Сандерс, П. Карраско, Б. Прайс и др., считающим возможным и оправданным применение формулировок типа «восточный деспотизм», «азиатский способ производства» в отношении ацтекского общества и его политической организации на том основании, что у ацтеков не существовало значительной частной собственности на землю, имел место контроль над экономикой (в частности, в торговле) и, наконец, ирригация играла важную консолидирующую роль в судьбе этого государства. По мнению же Дж. Оффнера, эти теоретические посылки являются «фальшивыми», «неверными» по крайней мере в отношении такого важного члена Тройственного союза, как Тескоко: там ирригация никогда не играла той роли, какую ей хотят приписать, «повсеместно» развивалась «частная собственность на землю», «руководство Тескоко» не осуществляло контроля над экономикой (в частности, торговля действовала свободно, и именно она была главным каналом, по которому происходило продвижение предметов потребления от производителя к потребителю) [313, с. 43 — 61].

³ Кстати, прошедшая несколько лет назад дискуссия о проблемах возникновения государства на страницах «Вестника древней истории» подтверждает этот тезис применительно и к древней Индии (см.: *Вишасин А. А.* О государственности в древней Индии. — ВДИ. 1990, № 1, с. 99-101).

⁴ Эти «поучения» и «наставления» являются удивительной параллелью древнеегипетскому «Поучению гераклеопольского царя своему сыну Мерикара».

⁵ Кстати, отдельные наиболее выдающиеся деятели и действующие лица древнеацтекской истории также изображаются как имеющие особые связи с богами. Таким представлен в источниках, в частности, легендарный Несауалькойотль [40, с. 9].

⁶ У тарасков Мичоакана их правитель считался земным проводником бога огня и войны Курикавери. Он считался высшим не только военным, но и религиозным авторитетом [189, с. 11 — 12].

⁷ Единственный не вполне понятный случай в истории ацтеков связан с обстоятельствами прихода к власти тлатоани Ашайакатля (см. гл. 1).

⁸ Отметим для сравнения, что в Мичоакане еще при жизни и будучи в добром здравии правитель назначал своего наследника (обычно сына или внука), который, находясь при нем, выполнял некоторые функции, готовясь, таким образом, к выполнению обязанностей правителя.

⁹ Диадема (ацт. *xihutzontli* или *copilli*, а также трон появляются в пиктографических рукописях в связи с изображениями тлатоани начиная с Итцкоатля. Вместе с носовым украшением-втулкой они были важнейшими символами власти тлатоани [119, с. 190; 130, с. 77].

¹⁰ См. примеч. 4 к гл. 3.

¹¹ При Мотекусоме I титул тлакатекатля носил правитель Куаутитлана, а также брат главы этого города [188, с. 71; 328, с. 325].

¹² При Мотекусоме I эти два титула еще не считались очень высокими (по сравнению с тем, чем они стали в последующие периоды истории ацтеков). Тогда их могли получить храбрые воины, взявшие в плен определенное число врагов из Глашкалы или Уэшотцинко, поскольку победа над последними особенно ценилась [188, с. 88; 328, с. 321-322; 384, с. 153].

¹³ Согласно мифам об исходе из «Семи пещер», одна из семи общин, пребывавших на прародине Ацтлане, называлась Тласочкальса. Не исключено, что и титул *tlasochcalcatl* как-то с этим связан [328, с. 325; 384, с. 8].

¹⁴ Любопытно, что эта практика чем-то напоминала сходную традицию в древнем Эламе.

¹⁵ Тотокиуатцин (1431-1470), Чимальтопокатцин (1470-1490), Тотокиуатцин II (1490-1519), Тетлепанкетцанитцин (1519-1521).

¹⁶ За пределами Мексиканской долины город как прежде всего религиозный центр знали майя Классического периода.

¹⁷ Есть предположение, что деление столицы на четыре части связано с мистическими основами мировосприятия ацтеков: как и многие древнемексиканские народы, они придавали особое значение четырем сторонам света.

¹⁸ Мешикапан, Колуакан, Уитенауак, Текпан, Тлаилотлакан, Чимальпан [222, с. 24; 228, с. 73-75].

¹⁹ Следует подчеркнуть, что часть этой информации почерпнута из раннеколониальных источников и, следовательно, отражает состояние дел на тот период.

²⁰ См. Культура древнего Рима. Т. 2. М., 1985, с. 18.

²¹ В древнем Вавилоне также были законы, направленные против мошенничества и обмана на рынке (см.: Законы Хаммурапи, § 94, 100).

²² Кстати это еще одно доказательство того, что в доиспанский период средствами пиктографики и иероглифики успешно фиксировали все необходимые сведения; в противном случае трудно объяснить сохранность таких, казалось, очень частных сведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афанасьев В. Л.* Нарративные источники по истории открытия и завоевания Нового Света. — От Аляски до Огненной Земли. М., 1967.
2. *Баглай В. Е.* Природа, боги и человек в древнемексиканской мифологии. — Латинская Америка. 1977, № 4.
3. *Баглай В. Е.* Эволюция представления о Солнцах в древнеацтекской мифологии. — Советская этнография. 1977, № 4.
4. *Баглай В. Е.* К вопросу о характере рабства у древних ацтеков. — Вестник древней истории. 1981, № 3.

5. Баглай В. Е. Система земледелия в древнеацтекском обществе. — Природа. 1989, №11.
6. Баглай В. Е. Социально-классовая структура древнеацтекского общества. — Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М., 1993.
7. Вайян Дж. История ацтеков (пер. с англ.). М., 1949.
8. Вавилов Н. И. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения. — Избранные труды. Т. 2, М., 1960.
- 8а. Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Месоамерики. М., 1972.
9. Гуляев В. И. По следам конкистадоров. М., 1976.
10. Гуляев В. И. Города-государства майя. М., 1979.
11. Гуляев В. И. Город и общество в Центральной Мексике накануне Конкисты. — Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
12. Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799-1804 гг. Т. 1. М., 1969.
13. Дидро Д. Избранные произведения. М., 1951.
14. Диас Б. — Егоров Д. Н. Записки солдата Берналя Диаза. Т. 1, 2. М. — Л., 1924-1925.
15. Кинжалов Р. В. Ацтекское золотое нагрудное украшение. К вопросу о ювелирном искусстве древней Мексики. — Сборник МАЭ. Т. XIX. Л., 1960.
- 15а. Кинжалов Р. В. Искусство древней Америки. М., 1962.
16. Кинжалов Р. В. Искусство племен нахуа на Мексиканском плоскогорье в XIV-XVI вв. — Сборник МАЭ. Т. XXI. Л., 1963.
17. Кинжалов Р. В. Культура древних майя. Л., 1971.
18. Кинжалов Р. В., Белов А. Падение Теночтитлана. Л., 1956.
19. Лас Касас Б. История Индий. Л., 1968.
20. Латинская Америка. Т. 1, 2. М., 1979, 1982.
21. Леон-Порталья М. Философия нагуа. М., 1961.
22. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
23. Морган Л. Г. Древнее общество. М., 1935.
24. Народы Америки. Т. 2. М., 1959.
25. Паркс Г. История Мексики (пер. с англ.). М., 1949.
26. Прескотт В. Завоевание Мексики Эрнандо Кортесом (пер. с англ.). Т. 1, 2. М., 1886.
27. Фиске Д. Открытие Америки. М., 1892.
28. Солис-и-Рибандейра А. де. Антона Солиса история о покорении Мексики. Т.1, 2. СПб., 1789.
29. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
30. Фрейзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
31. Acosta J. Historia natural moral de la Nueva Espania. Buenos Aires, 1962.
32. Aguilar F. Relacion breve de la conquista de la Nueva Espania. Mexico, 1977.
33. Aguilar G.F. La medicina. - Mexico prehispanico. Mexico, 1946.
34. Aguilera Algunos datos sobre el chapopote en las fuentes documentales del siglo XVI. - ECN. Vol. 14, 1980.
35. Alcina Franch J. Fuentes indigenas de Mexico. Madrid, 1956.
36. Anavalt P. Costume and Control: Aztec Sanctuary Laws. - A. Vol. 33, 1980, № 1.
37. Anales de Cuauhtitlan. - Codice Chimalpopoca. Mexico, 1945.
38. Anales mexicanos. Mexico, 1949.
39. Anales de Tlatelolco. - Mengin E. Unos anales historicos de la nacion mexicana. Die manuscrits mexicains Nr 22-bis del Bibl. Nat. de Paris. — Corpus Codicum Americanorum Medii Aevi. Vol. 2. Copenhagen, 1945.
40. Anaya Sarmiento R. Nezahualcoyotl. Mexico, 1966.
41. Anderson A.J.O. Materiales colorantes prehispanicos. — ECN. Vol. 4, 1963.
42. Apenes O. The Primitive Salt Production of the Lake Texcoco, Mexico. - E. Vol.
43. Armillas P. Notas sobre sistemas de cultivo en Mesoamerica. - AINAH. Vol. 3, Mexico, 1949.
44. Armillas P. Gardens in Swamps. Archaeological Research Verifies Historical Data on Aztec Land Reclamation in the Valley of Mexico. — S. Vol. 174, 1971, № 4010.
45. Aveni A.F., Calnek E.E., Hartung H. Mith, Environment, and the Orientation of the Templo Mayor of Tenochtitlan. - AA. Vol. 53, 1988, № 2.
46. Ballesteros Gaibrois M. Atlas culturas americas. — Las raices de America. Madrid, 1968.
47. Barlow R.H. La fundacion de la Triple Alianza (1427-1433).- AINAH. Vol. 33, 1949.
48. Barlow R.H. The Extent of the Empire of Culhua Mexica. Berkley and Los Angeles, 1949.
49. Barlow R.H. Una nueva lamina del Mapa Quinatzin. — JSA (n.s.). Vol. 39, 1950.
50. Barry I. The Aztec «Flowery War»: a Geopolitical Explanation. - JAR. Vol. 39, 1989, № 4.
51. Barry I. Aztec Warfare; Goals and Battlefield Comportment. — Ethn. Vol. 22, 1983, № 2.
52. Baudot G. Les lettres precolombiennes. Toulouse, 1976.

53. *Baudot G.* La perception historica del drama demografica de Mexico en el siglo XVI. - QC. 1981, № 1.
54. *Beaumont P.* Cronica de Michoacan. Vol. 2. Mexico, 1932.
55. *Berdan F.F.* La organizacion del tributo en el imperio azteca. — ECN. Vol. 12, 1976.
56. *Berdan F.F.* Replicacion de principios de intercambio en la sociedad mexicana; de la a la religión. — Economía política e ideología en el México prehispánico. Mexico, 1978.
57. *Berdan F.F.* Tres formas de intercambio en la economía azteca. — Economía política e ideología en el México prehispánico. Mexico, 1978.
58. *Berthe J.-P.* Aspects de l'esclavage des indiens en Nouvelle-Espagne pendant la première moitié du 16 siècle. - JSA (n.s). Vol. 54, 1965, № 2.
59. *Blanton R., Feinman G.* The Mesoamerican World System. - AAn Vol. 86, 1984, № 3.
60. *Boban E.* Documents pour servir à l'histoire du Mexique. Vol. 1, 2. P., 1891.
61. *Borah W., Cook S.F.* Price Trends of some Basic Commodities in Central Mexico, 1531-1570. Berkeley-Los Angeles, 1958.
62. *Borah W., Cook S.F.* The Aboriginal Population of Central Mexico on the Eve of Spanish Conquest. Berkeley — Los Angeles, 1963.
63. *Borah W.* The Spanish and Indian Law: New Spain. - The Inca and Aztec States, 1400-1800. Anthropology and History. NY., 1982.
64. *Bosch Garcha* La esclavitud prehispánica entre los aztecas. Mexico, 1944.
65. *Bosch Gimpera P.* La América prehispánica. Barcelona, 1978.
66. *Boturini B.L.* Idea de una nueva historia general de la América septentrional. Madrid, 1746.
67. *Brandt L.* Cacaoatl: Zum Gebrauch des Kakaos im vorspanischen Mexiko. - Alt. Bd. 32, 1986, H. 4.
68. *Bray W.* The City State in Central Mexico at the Time of the Spanish Conquest. - JLAS. 1972, № 4(2).
69. *Bray W.* Land-use, Settlement Pattern and Politics in Prehispanic Middle America: a Review. - Man, Settlement and Urbanism. L., 1972.
70. *Bray W.* Civilizing the Aztecs. - The Evolution of Social Systems. Pittsburg, 1978.
71. *Brinton D.G.* American Heremys. Philadelphia, 1882.
72. *Brinton D.G.* Rig Veda Americanus. - LAAL. Vol. 8, 1890.
73. *Brinton G.P.* The Metal Industry of Aztecs. - AAn. Vol. 27, 1925, № 4.
74. *Broda J.* El tributo en trajes guerreros la estructura del sistema tributario mexicana. — Economía política e ideología en el México prehispánico Mexico, 1978.
75. *Broda J.* Relaciones políticas ritualizadas; el ritual como expresión de una ideología. — Economía política e ideología en el México prehispánico Mexico, 1978.
76. *Broda J.* Aspectos socio-económicos e ideológicos de la expansión del Estado Mexicano. — Economía sociedad en los Andes Mesoamérica Madrid, 1979.
77. *Brumfiel E.M.* Specialization, Market Exchange and the Aztec State A View from Huexotla. - CA. Vol. 21, 1980, № 4.
78. *Brumfiel E.M.* Aztec Statemaking: Ecology, Structure and the Origin of the State. — Statemaking and Social Movements. Ann Arbor, 1984.
79. *Brumfiel E.M.* Consumption and Politics at Aztec Huexotla - AAn Vol. 89, 1987, № 3.
80. *Burland CA.* The Picture Books of Ancient Mexico - NH Vol 60 1951, № 4.
81. *Burland A.* Magic Book from Mexico. L., 1953.
82. *Burland A.* The Gods of Mexico. N.Y., 1967.
83. *Burland A.* Montezuma: Lord of the Aztecs. L., 1973
84. *Calaza J.* Codex Zempoala. Lille, Hidalgo, 1982.
85. *Calnek E.E.* Settlement Pattern and Chinampa Agriculture at Tenochtitlan. - AA. Vol. 37, 1972, № 1.
86. *Calnek E.E.* The Localization of the Sixteenth Century Map Called the Maguey Plan. - AA. Vol. 38, 1973, № 2.
87. *Calnek E.E.* The Historical Validity of Codex Xolotl - AA Vol 38 1973, № 4.
88. *Calnek E.E.* The Internal Structure of Cities in America: Precolumbian Cities; the Case of Tenochtitlan. - Urbanization in the Americas from its Beginnings to the Present. Mouton, 1978.
89. *Calnek E.E.* The City-state in the Basin of Mexico; Late Prehispanic Period. - Urbanization in the Americas from its Beginnings to the Present. Mouton, 1978.
90. *Calnek E.E.* El sistema de mercado en Tenochtitlan. - Economía política e ideología en el México prehispánico. Mexico, 1978.
91. *Calnek E.E.* The Analysis of Prehispanic Central Mexican Historical Texts. - ECN. Vol. 13, 1978.
92. *Calnek E.E.* Patterns of Empire Formation in the Valley of Mexico, Late Postclassic Period, 1200-1521. - The Inca and Aztec States, 1400-1800. Anthropology and History. N.Y., 1982.
93. *Caranca Trujillo R.* La organización social de los antiguos mexicanos. Mexico, 1966.
94. *Carrasco P.* El temazcal. — México prehispánico. Mexico, 1946.

95. Carrasco P. The Civil-religious Hierarchy in Mesoamerican Communities; Pre-spanish Background and Colonial Development. — AAn. Vol. 63, 1961, № 3.
96. Carrasco P. Los caciques chichimecas de Tulancingo. — ECN. Vol. 4, 1963.
97. Carrasco P. Sobre algunos terminos de parentesco en el nahuatl clasico. - ECN. Vol. 6, 1966.
98. Carrasco P. Las clases sociales en el Mexico antiguo. — International Amerikanistenkongress, 38. Bd. 2. Stuttgart-Milnchen, 1970.
99. Carrasco P. La casa la hacienda de un señor Tlalhuica. — ECN. Vol. 10, 1972.
100. Carrasco P. Sucesion alianzas matrimoniales en la dinastia Teotihuacana. - ECN. Vol. 11, 1974.
101. Carrasco P. The Joint Family in Ancient Mexico; The Case of Molotla. — Essays on Mexican Kinship. Pittsburg, 1976.
102. Carrasco P. La economia del Mexico prehispanica. — Economia politica e ideologia en el Mexico prehispanico. Mexico, 1978.
103. Carrasco P. Comment on Offner. - AA. Vol. 46, 1981, № 1.
104. Carrasco P. La sociedad mexicana antes de la conquista. — Historia general de Mexico. Vol. 1. Mexico, 1981.
105. Carrasco P. The Political Economy of the Aztec and Inca States. — The Inca and Aztec States, 1400-1800. Anthropology and History. N.Y., 1982.
106. Carreri G. Le Mexique a la fin du XVII siecle. P., 1968.
107. Carta de Fray Francisco de Guzman a S.M., Tolula, 10 de marzo de 1551. — Documentos ineditos del siglo XVI para la historia de Mexico. Mexico, 1975.
108. Carta de Fray Nicolas de Witte a un ilustrissimo Señor. Meztitlan. 21 agosto de 1554. — Documentos ineditos de Mexico. Mexico, 1975.
109. Carta del licenciado Altamirano a su Majestat. - ECN. Vol. 7, 1967.
110. Carta de Pedro de Ahumada para la Real Audiencia de Mexico, 1559. — ECN. Vol. 7, 1967.
111. Carta parecer de Fray Toribio de Motolinia de Fray Diego de Olarte a Don Luis de Velasco el primo. Cholula, 27 agosto de 1554. — Documentos ineditos del siglo XVI para la historia de Mexico. Mexico, 1975.
112. Caso A. La religion de las aztecas. Mexico, 1945.
113. Caso A. El pueblo del Sol. Mexico, 1953.
114. Caso A. Representaciones de hongos en los codices. — ECN. Vol. 4, 1963.
115. Caso A. Land Tenure among the Ancient Mexicans. — AAn. Vol. 65, 1963, № 4.
116. Castillo F.V.M. Caminos del mundo nahuatl. - ECN. Vol. 8, 1969.
117. Castillo F.V.M. La casa la hacienda de un señor Tlalhuica. — ECN. Vol. 10, 1972.
118. Castillo F.V.M. Estructura economica de la sociedad mexicana. Mexico, 1972b.
119. Castillo F.V.M. Relacion Tepepulca de los señores de Mexico-Tenochtitlan de Acolhuacan. - ECN. Vol. 11, 1974.
120. Castillo F.V.M. Aspectos economicos en las fuentes de tradicion indigena. Uso aprovechamiento historiografico. — ECN. Vol. 12, 1976.
121. Chapman A.M. Port and Trade Enclaves in Aztec and Maya Civilizations. - Trade and Market in Early Empires. Glencoe, 1957.
122. Chapman A.M. Raices consecuencias de la guerra de los aztecas contra los tepanecas de Azcapotzalco. — Ac An. Vol. 1, epoca 2, 1959.
123. Charencey H. de. Des couleurs considerees comme symboles des points de l'horizon chez les peuples du Nouveau-Monde. — ASPH. Vol. 8, 1877, № 3.
124. Charencey H. de. Noms des points de l'espace dans divers dialects americains. - ASPH. 1899, № 7.
125. Charlton Th.H. Texcoco Region Archaeology and the Codex Xolotl. - AA. Vol. 38, 1973, № 4.
126. Chavero A. Mexico a traves de los siglos. Mexico, 1940.
127. Chevalier F. La formation des grands domaines au Mexique. Terre et societe aux XVI-XVII siecles. P., 1952.
128. Chimalpdhin F.A. Diferentes historias originales de los reynos de Culhuacan Mexico, de otras provincias. Hamburg, 1950.
129. The Chronicles of Michoacan. University of Oklahoma Press, 1970.
130. Clavijero F.J. Historia antigua de Mexico. Mexico, 1974.
131. Cline C.F. The Chronology of the Conquest; Synchronologies in Codex Telleriano-Remensis and Sahagun. - JSA. Vol. 62, 1973.
132. Cobeana R.H., M., Perri E. etc. Obsidian Trade at San Lorenzo Tenochtitlan, Mexico. - S. Vol. 174, 1971, № 4010.
133. Codex Azcatitlan. - Barlow R. El Codice Azcatitlan. - JSA (n.s.). Vol. 38, 1949.
134. Codex Boturini. — Radin P. The Sources and Authenticity of the History of the Ancient Mexicans. - UCPAE. Vol. 17, № 1. Berkeley-Los Angeles, 1920.
135. Codex Cozcatzin. — Boban E. Documents pour servir a l'histoire du Mexique. Vol. 2. P., 1891.

136. Codex en Croix. — *Boban E.* Documents pour servir a l'histoire du Mexique. Vol. 1. P., 1891.
137. Codex Mendoza. - *Mendoza A. de.* Codex Mendoza. Vol. 1-3. Oxf., 1938.
138. Codex mexicanus № 23 — 24 (Histoire mexicaine du 1575). — *Mengin E.* Commentaire du Codex mexicanus № 23 — 24 de la Bibliotheque Nationale de Paris. - JSA (n.s.). Vol. 41, fasc. 2, 1952.
139. Codex proces de Cuauhtitlan 8 avril 1568. — *Galarza J.* Codex process de Cuauhtitlan 8 avril 1568. Manuscrit pictographique de la Biblio theque Nationale de Paris. VI
140. Codex Ramirez. — *Radin P.* The Sources and Authenticity of the History of the Ancient Mexicans. - UCPAAE. Vol. 17, 1920, № 1.
141. Codex Ramirez. — Mito s indigenes. Mexico, 1964.
142. *Galarza J.* Codex San Andres (juridiction de Cuauhtitlan). Manuscrit pictographique du Musee de l'Homme de Paris (II). — JSA (n.s.). Vol. 52, 1963.
143. Codex Telleriano-Remensis. — *Kingsborough E.K.* Antiquities of Mexico. Vol. 1, 6. L., 1831-1848.
144. Codex Vaticanus 3738A (Rios). — *Kingsborough E.K.* Antiquities of Mexico. Vol. 2, 6. L., 1831-1848.
145. Codex Vergara. - *Boban E.* Documents pour servir a l'histoire du Mexique. Vol. 1. P., 1891.
146. Codex Xo1otl. - *Dibble Ch.E.* Codice Xo1otl. Mexico, 1951.
147. Codex de Zempoala. - *Galarza J.* Codex Zempoala. Lille, 1982.
148. Coe M. The Chinampas of Mexico. - SA. Vol. 211, 1964, № 1.
149. *Colston S.* The «Historia mexicana» and Duran's Historia. - JSA. Vol. 62, 1973.
150. *Comas J.* El craneo supuestamente atribuido a Moctezuma II. - ECN. Vol. 7, 1967.
151. The Conquest of Mexico. 1968.
152. El Conquistador andnimo. Relacion de algunas cosas de Nueva Espania de la gran ciudad de Temestitlan-Mexico; escrita por un compafiero de Hernan Cortes. — Colecion de documentos para la historia de Mexico. Mexico, 1971.
153. *Cook L.de.* La indumentaria el ar te textil prehispanica. — AM. Vol. 13, 1966, № 77/78.
154. *Cook S.F.* The Interrelation of Population, Food Supply, and Building in the Pre-conquest Central Mexico. — A. Vol. 13, 1947.
155. *Cook S.F., Borah W.* The Indian Population of Central Mexico in 1548. Berkeley-Los Angeles, 1960.
156. *Cortes H.* Cartas documentas. Mexico, 1963.
157. *Couch Ch.* Images of the Common Man in the Codex Borbonicus. — ECN. Vol. 17, 1984.
158. *Covarrubias M.* Mexico South. N.Y., 1947.
159. *Cuellar Bernal R.* Tlaxcala a traves de los siglos. Mexico, 1968.
160. *Cuevas M.* Historia de la nacion mexicana. Mexico, 1940.
161. *Dahlgren de Jordan B.* La mixteca: su cultura e historia prehispanicas. Mexico, 1966.
162. *Davies* The Aztecs. A History. L., 1973.
163. *Davies* The Toltecs. Until the Fall of Tula. Norman, 1977.
164. *Dehouve D.* Dos relatos sobre migraciones nahuas en el estado de Guerrero. - ECN. Vol. 12, 1976.
165. *Del Pino F.* Los Reinos de Mejico Cuzco en la obra del P.Acosta. — Economia sociedad en los Andes Mesoamerica. Madrid, 1979.
166. *Del Rio A.E.* Bases psicodinamicas de la cultura azteca. Mexico, 1973.
167. *Delgado A.* El maiz en la cultura prehispanica. - AM. Vol. 7, 1962, № 40.
168. *Diekl R.A., Mandeville M.D.* Tula and Wheeled Animal Effigies in Mesoamerica. - An. Vol. 61, 1987, № 232.
169. *Dieseldorf E.P.* The Aztec Calendar Stone and its Significance. - Proceedings of Twenty-third International Congress of Americanists. N.Y., 1930.
170. Disposicion testamentaria de Miguel Ocoma, que tiene su casa en San Francisco Atempan (hacia 1577). - ECN. Vol. 12, 1976.
171. *Drennan R.D.* Long-distance Movement of Goods in the Mesoamerican Formative and Classic. - AA. Vol. 49, 1984, № 1.
172. *Drennan R.D.* Long-distance Transport Costs in the Prehispanic Mesoamerica. - AAn. Vol. 86, 1984, № 1.
173. *Duran D.* Aztecs. The History of the Indies of New Spain. N.Y., 1964.
174. *Duran D.* Historia de las Indias de Nueva Espana islas de la Tierra-Firme. Vol. 1, 2. Mexico, 1967.
175. *Duran D.* Book of the Gods and Rites and Ancient Calendar. Norman, 1971.
176. *Durand-Forest J. de.* El cacao entre los aztecas. - ECN. Vol. 7, 1967.
177. *Durand-Forest J. de.* Cambios economicos moneda entre los aztecas. - ECN. Vol. 9, 1971.
178. *Durand-Forest J. de.* Los grupos chalcas sus divinidades segtin Chimalpain. - ECN. Vol. 11, 1974.
179. *Durand-Forest J. de.* Sistema de fechamiento en Chimalpahin. - ECN. Vol. 12, 1976.
180. *Duverger Ch.* L'esprit du jeu chez les azteques. P., 1978.
181. *Duverger Ch.* «La fleur letale»; economie du sacrifice azteque. P., 1979.

182. *Duverger Ch.* L'origine des azteques. P., 1983.
183. *Ekholm G.F.* Ancient Mexico and Central America. N.Y., 1970.
184. *Elzey W.* The Nahuatl Myths of the Sun: History and Cosmology in Prehispanic Mexican Religions. Vol. 23, 1976, № 2.
185. *Erdheim M.* Transformaciones de la ideología mexicana en realidad social. — Economía política e ideología en el México prehispánico. Mexico, 1978.
186. Estas son leyes que tenían los indios de Nueva España. — *Orozco Berra M.* Historia antigua de la Conquista de México. Vol. 1. Mexico, 1880.
187. *Fay G.F.* A Guide to Archaeological Sites in Mexico. Arkansas, 1960.
188. Florentine Codex. Vol. 1-8. N.Y., 1950-1954.
189. *Foster G.M.* Empire's Children. The People of Tzintzuntzan. Mexico, 1948.
190. *Gage Th.* Thomas Gage's Travels in the New World. Norman, 1958.
191. *Galarza J.* Liste-catalogue des sources pour l'étude de l'ethnologie dans l'ancien Mexique (maya excepté) au Musée de l'Homme. — JSA (n.s.). Vol. 19, 1960.
192. *Galvan J.R.G.* Posible esquema de las «Diferentes historias originales» de Chimalpahin. - ECN. Vol. 12, 1976.
193. *García Ahoveros J.M.* La fuerza de trabajo del indígena americano en las épocas prehispánica virreinal. — QC. 1982, № 3.
194. *García-Quintana J.* El Huehuetlatolli — antigua palabra — como fuente para la historia sociocultural de los nahuas. — ECN. Vol. 12, 1976.
195. *Gardner B.* A Structural and Semantic Analysis of Classical Nahuatl Kinship Terminology. - ECN. Vol. 12, 1982.
196. *Garibay A.M.K.* Vida económica de Tenochtitlan. Mexico, 1961.
197. *Garibay A.M.K.* Relaciones internacionales en los pueblos de la meseta de Anahuac. - ECN. Vol. 3, 1962.
198. *Garibay A.M.K.* Historia de la literatura nahuatl. Vol. 1, 2. Mexico, 1971.
199. Genealogía de los reyes de Azcapotzalco. — Anales Tlatelolco. Mexico, 1948.
200. *Gerhard P.* A Method of Reconstructing Precolumbian Political Boundaries in the Central Mexico. - JSA (n.s.). Vol. 58, 1970.
201. *Gibson Ch.* The Aztecs under Spanish Rule. A History of Indians of the Valley of Mexico, 1519-1810. Stanford, 1964.
202. *Gledhill J.* The Transformation of Asiatic Formations; the Case of Late Prehispanic Mesoamerica. — Marxist Perspectives in Archaeology. Cambridge, 1984.
203. *Gomara F.L.* Historia de la Conquista de México. Vol. 2. Mexico, 1943.
204. *Gorenflo L., Gale* Population and Productivity in the Teotihuacan Valley; Changing Patterns of Spatial Association in Prehispanic Central Mexico. - JAA. Vol. 5, 1986, № 3.
205. *Gosner K.* Las élites indígenas en los Altos de Chiapas (1524-1724). - HM. Vol. 33, 1984, № 4.
206. *Graulich M.* Las peregrinaciones aztecas el ciclo de Mixcoatl. — ECN. Vol. 11, 1974.
207. *Hagen V.W.* The Aztec and Maya Papermakers. N.Y., 1944.
208. *Hartwig V.* Tecali — Versuche der Rekonstruktion vorspanischer sozialer Verhältnisse im Gebiet Puebla (Mexiko). - JMV. Bd. 36, 1985.
209. *Harvey H.R.* Household and Family Structure in Early Colonial Tepetlaoztoc. An Analysis of the Cydic Santa María de Asunción. - ECN. Vol. 18, 1986.
210. *Heleritz H.* America. Land der Inka, Maya und Azteken. Wien, 1965.
211. *Hernández E.E.* Die Arbeit und die Azteken. Versuch einer Wirtschaftssoziologischen Analyse der Arbeit bei den Azteken und ihrer Eingliederung in wirtschaftliche Kategorien. Köln, 1964.
212. *Herrera A.* Historia general de los hechos de los castellanos, en las Islas, Tierra-firme de el Mar Oceano. Vol. 3, 4. Buenos Aires, 1945.
213. *Hicks F.* Dependent Labor in Prehispanic Mexico. - ECN. Vol. 11, 1974.
214. *Hicks F.* Los calpixque de Nezahualcoyotl. - ECN. Vol. 13, 1978.
215. *Hicks F.* La posición de Temascalapan en la Triple Alianza. — ECN. Vol. 17, 1984.
216. *Highwater J.* Rediscovering Ancient Mexico City. - A. 1982, January/February.
217. *Hinz E.* Aspectos sociales del calendario de 260 días en Mesoamérica. Información de procedencia a mexicana, siglo XVI. — ECN, Vol. 14, 1980.
218. Historia de los mexicanos por sus pinturas. — Nueva colección de documentos para la historia de México. Vol. 3. Mexico, 1891.
219. Historia de Tlatelolco desde los tiempos más remotos. — Anales de Tlatelolco. Mexico, 1948.
220. Historia tolteca-chichimeca. — *Mengin E.* Historia tolteca-chichimeca. — Corpus Codicum Americanorum Medii Aevi. Vol. 1. Copenhagen, 1942.
221. L'histoire du Mexique. Manuscrit français inédit du XVI siècle. — JSA (n.s.). Vol. 11, 1905, № 1.
222. *Hodge M.G.* Aztec City-states. Ann Arbor, 1984.

223. *Hosier D.* Ancient West Mexican Metallurgy; South and Central American Origins and West Mexican Transformation. — AAn. Vol. 90, 1988, № 4.
224. *Houdaille L.* La population de l'Amérique avant Christophe Colomb. — P. Vol. 41, 1986, № 3.
225. *Humboldt A.* Vues de Cordilleres et monuments des peuples indigènes de l'Amérique. Vol. 1, 2. P., 1816.
226. *Hunt E.M., Nash J.* Local and Territorial Units. — Handbook of Middle American Indians. Vol. 6. Austin, 1967.
227. *Ixtlilxchitl F.A.* Relaciones (Obras completas, vol. 1). Mexico, 1891.
228. *Ixtlilxchitl F.A.* Historia chichimeca (Obras completas, vol. 2). Mexico, 1892.
229. *Ixtlilxchitl F.A.* Obras completas. Mexico, 1977.
230. Información sobre los tributes, que los indios pagaban a Moctezuma. — *Zorita A.* The Lords of New Spain (append.) L., 1965.
231. *Jimenez Moreno W., Miranda J., Fernandez M.T.* Historia de Mexico. Mexico 1971.
232. *Jimenez Rueda J.* Historia de cultura en Mexico. El mundo prehispánico. Mexico, 1958.
233. *Joyce Th.A.* Mexican Archaeology. L., 1914.
234. *Joyce Th.A.* Maya and Mexican Art. L., 1927.
235. *Katz F.* Situación social economía de los aztecas durante los siglos XV y XVI. Mexico, 1966.
236. *Katz F.* Comparison of some Aspects of the Evolution of Cuzco and Tenochtitlan. — Urbanization in the Americas from its Beginnings to the Present. The Hague, Mouton, 1978.
237. *Keen B.* The Aztec Images in Western Thought. New Jersey, 1971.
238. *Kellog S.* La supervivencia cultural de los indígenas en Mexico central desde 1521 hasta 1600; una nueva interpretación. - M. Vol. 8, 1984.
239. *Kingsborough E.K.* Antiquities of Mexico. Vol. 1-9. Mexico, 1831-1848.
240. *Klein C.F.* Dioses de la lluvia sacerdotes ofrendadores del fuego? Un estudio socio-político de algunas representaciones mexicas del dios Tlaloc. - ECN. Vol. 17, 1984.
241. *Koerdell M.M.* La botánica. — Mexico prehispánico. Mexico, 1946.
242. *Koerdell M.M.* La zoología. — Mexico prehispánico. Mexico, 1946.
243. *Kohler J.* Das Recht der Azteken. - ZVR. Bd. 11, 1895.
244. *Krickeberg W.* Altmexicanische Kulturen.
245. *Krickeberg W., Trimborn H., etc.* Precolumbian American Religion N.Y., 1968.
246. *Kurtz D. V.* Strategies of Legitimation and the Aztec State. — Ethn Vol. 23, 1984, № 4.
247. *Kutcher G.* Le «Memorial breve» de Chimalpain, un manuscrit mexicain inédit de la Bibliothèque Nationale de Paris. — Actes du XXVII Congrès International des américanistes. P., 1947.
248. *Lameiras B.B. de.* La estrategia geopolítica de los estados del altiplano mesoamericano; Teotihuacan, Tula, los chichimecas los mexicas. — Economía sociedad en los Andes Mesoamérica. Madrid, 1979.
249. *Langacker R. W.* Types and Conventions of Colonial Nahuatl Documentation. — *Anderson A. J.O., Berdan F., Lockhart J.* Beyond the Codices; the Nahuatl View of Colonial Mexico. Berkeley, 1976.
250. *Leander B.* Mestizaje ecológico en Mexico (algunas frutas, legumbres semillas). - JSA (n.s.). Vol. 59, 1970.
251. *Lehman H.* Las culturas precolombinas. Buenos Aires, 1984.
252. *Lehman W.* Les peintures mixteco-zapotecas et quelques documents apparentes. - JSA (n.s.). Vol. 2, 1905, № 2.
253. *Lehman W.* Die «Historia de los reynos de Colhuacan de Mexico». — ZE. Heft IV, V, 1906.
254. *Lens H.* El papel precortesiano. — Mexico prehispánico. Mexico, 1946.
255. *Leon Gama A.* Descripción histórica cronológica de dos piedras... Mexico, 1792.
256. *Leon-Portilla A.H. de.* Un primerísimo de análisis etimológico de toponimias otros vocablos nahuas en 1520-1523. - ECN. Vol. 18, 1986.
257. *Leon-Portilla M.* La institución cultural del comercio prehispánico. — ECN. Vol. 3, 1962.
258. *Leon-Portilla M.* Axayacatl, poeta señor de Tenochtitlan. - ECN Vol. 6, 1966.
259. *Leon-Portilla M.* El proceso de aculturación de los chichimecas de Xoíotl. - ECN. Vol. 7, 1967.
260. *Leon-Portilla M.* La institución de familia nahuatl prehispánica — CAM. Vol. 154, 1976, № 5.
261. *Leon-Portilla M.* Precolumbian literatures of Mexico. Norman, 1969.
262. *Leon-Portilla M.* Codice Coyoacan - nomina de tributes, siglo XVI — ECN. Vol. 9, 1971.
263. *Leon-Portilla M.* Textos históricos literarios en lenguas indígenas. — Historia de Mexico. Vol. 2. Barcelona, 1974.
264. *Leon-Portilla M.* El libro inédito de los testamentos indígenas de Culhuacan. Su significación como testimonio histórico. — ECN. Vol. 12, 1976.
265. *Leon-Portilla M.* Minería metalurgia en el Mexico antiguo. — La minería en Mexico; estudios sobre su desarrollo histórico. Mexico, 1978.
266. *Leon-Portilla M.* Los nombres de lugar en nahuatl. Su morfología glífica. - ECN. Vol. 15, 1982.
267. Leyenda de los Soles. - Codice Chimalpopoca. Mexico, 1945.

268. List of Market Prices Established by Judge, Tlaxcala, 1545. - *Anderson A.J.O., Berdan F., Lockhart J.* Beyond the Codices; the Nahuatl View of Colonial Mexico. P. 208-213. Berkeley, 1976.
269. Lista de los reyes de Tenochtitlan. - *Anales de Tlatelolco.* Mexico, 1948.
270. Lista de los reyes de Tlatelolco. - *Anales de Tlatelolco.* Mexico, 1948.
271. *Litvak King J.* Las relaciones entre Mexico Tlatelolco antes de la conquista de Axayacatl. Problemática de la expansión mexicana. - *ECN.* Vol. 9, 1971.
272. *Lockhart J.* Some Nahuatl Concepts in Postconquest Guise. - *HEI.* Vol. 6, 1985, № 4.
273. *Lomeli-Quirarte J.* Condición social de la mujer. - Mexico prehispánico. Mexico, 1946.
274. *Long-Solis J.* El abastecimiento de Chile en el mercado de la ciudad Mexico-Tenochtitlan en el siglo XVI. - *HM.* Vol. 34, 1985, № 4.
275. *Lopez-Austin A.* Organización política en el altiplano central de Mexico durante el Postclásico. - *HM.* Vol. 23. Mexico, 1974.
276. *Lopez Austin A.* Tarascos mexicanos. Mexico, 1981.
277. *Lothrop S.K.* Treasures of Ancient America. Geneva, 1964.
278. *Lozoya X.* Sobre la investigación de las plantas psicotrópicas en las antiguas culturas indígenas de Mexico. — *ECN.* Vol. 16, 1983.
279. *Macazaga Ordofio* El templo mayor. Mexico, 1981.
280. *MacCurdy G.G.* An Aztec «Calendar Stone» in Yale University Museum. - *AA.* Vol. 12, 1910, N° 14.
281. Mapa de Tepechpan. — *Boban E.* Documents pour servir à l'histoire du Mexique. Vol. 1. P., 1891.
282. Mapa Quinatzin. — *Boban E.* Documents pour servir à l'histoire du Mexique. Vol. 1. P., 1891.
283. *Martinez Aranco F.* El lago de Nezahualcoyotl. Santiago de Cuba, 1960.
284. *Martinez J.L.* Geronimo de Mendieta. - *ECN.* Vol. 14, 1980.
285. *Martinez Marin C.* Historiografía de la migración mexicana. — *ECN.* Vol. 12, 1976.
286. Matrícula de tributos. Comentarios, paleografía versión. — *Historia de Mexico.* Vol. 2. Barcelona, 1974.
287. Memorial de los pueblos sujetos al señorío de Tlacupán, de los que tributaban a Mexico, Tezcucó Tlacupán (sin fecha). — *Paso Troncoso F.* (ed.). Epistolario de Nueva España. Vol. 14. Mexico, 1940.
288. *Mendieta G.* Historia eclesiástica indiana. Mexico, 1870.
289. *Mendieta y Nunez L.* El derecho precolonial. Mexico, 1961.
290. *Mendizabal M.O.* La distribución geográfica de la sal. — Mexico prehispánico. Mexico, 1946.
291. *Millon R.* Irrigation Systems in the Valley of Teotihuacán. — *AA.* Vol. 23, part 1, 1957.
292. *Mijetti S.P.* Los Aztecas (sus instituciones). Montevideo, 1931.
293. Minutes of Viceroyal Deliberation Concerning Aqueducts and Water Distribution in the Coyoacán Region, 1554. — *Anderson A.S.O., Berdan F., Lockhart J.* Beyond the Codices: the Nahuatl View of Colonial Mexico. Berkeley, 1976.
294. *Miranda J.* El tributario indígena en la Nueva España durante el siglo XVI. Mexico, 1952.
295. *Miranda J.* La propiedad comunal de la tierra la cohesión social de los pueblos indígenas. - *CAM.* 1966, № 6.
296. *Molina A. de.* Arte de la lengua mexicana castellana. Madrid, 1945.
297. *Molina A. de.* Vocabulario de la lengua mexicana. Mexico, 1966.
298. *Monjards-Ruiz J.* Panorama general de la guerra entre los aztecas. - *ECN.* Vol. 12, 1976.
299. *Monzon A.* La educación. - Mexico prehispánico. Mexico, 1946.
300. *Monzon A.* La organización social de los aztecas. — Mexico pre-hispánico. Mexico, 1946.
301. *Moreno M.* La organización jurídica de los tribunales. — Mexico pre-hispánico. Mexico, 1946.
302. *Moreno M.* La organización política social de los aztecas. Mexico, 1964.
303. *Moreno Toscano A.* Geografía económica de Mexico. Mexico, 1968.
304. *Moriarty J.R.* The Pre-Conquest Aztec State. A Comparison between Progressive Evolutionist and other Historical Interpretations. — *ECN.* Vol. 8, 1969.
305. *Motolinia T.B.* Memoriales. Madrid, 1970.
306. *Mutloz Camargo D.* Historia de Tlaxcala. Mexico, 1948.
307. *Nicholson I.* Mexican and Central American Mythology. L., 1967.
308. *Noguera E.* La metalurgia en Mesoamérica. - *CAM.* Vol. 25, 1966, № 4.
309. *Nunley P.* A Hypothesis Concerning the Relationship between Texcoco Fabric-marked Pottery, Tlatelolco, and Chinampa Agriculture. — *AA.* Vol. 32, 1967, № 4.
310. *Nuttall Z.* The Fundamental Principles of Old and New World Civilization. Cambridge (Mass.), 1901.
311. *Offner J.A.* Aztec Political Numerology and Human Sacrifice: the Ideological Ramifications of the Number Six. - *JLAL.* Vol. 6, 1980, № 2.
312. *Offner J.A.* On Carrasco's Use of Theoretical «First Principles». — *AA.* Vol. 46, 1981, № 1.
313. *Offner J.A.* On the Inapplicability of «Oriental Despotism» and «Asiatic Mode of Production» to the Aztecs of Texcoco. - *AA.* Vol. 46, 1981, № 1.

314. *Offner J.A.* Law and Politics in Aztec Texcoco. Cambridge University Press, 1983.
315. *Orozco Berra M.* Historia antigua de la conquista de Mexico. Vol. 1-4. Mexico, 1880.
316. *Oviedo G.F.* Sucesos dialogo de la nueva Espana. Mexico, 1946.
317. *Oviedo G.F.* Sumario de la natural historia de las Indias. Mexico — Buenos Aires, 1950.
318. *Padden R.C.* The Humming-bird and the Hawk. Conquest and Sovereignty in the Valley of Mexico. Ohio State University Press, 1977.
319. *Palasio F.L.* Interpretacion de la Piedra del Calendario. Mexico, 1924.
320. *Palm E.W.* Tenochtitlan la ciudad ideal de Durer - JSA (n.s.). Vol. 40, 1951.
321. El Parecer colectivo de 1532 sobre la perpetuidad la poblacion de Nueva Espana. — *Zavala S.* El parecer colectivo de 1532 sobre la perpetuidad poblacion de Nueva Espana. - HM. Vol. 33, 1984, № 4.
322. Parecer de fray Domingo de la Anunciacion sobre el modo que tenian de tributar los indios en tiempo de la gentilidad. — Chimalhuacan, cabecera de la provincia de Chalco a 20 de septiembre de 1554. — *Paso Troncoso F.* (ed.). Epistolario de Nueva Espana. Vol. 7, Mexico, 1940.
323. Parecer de la Orden de San Augustin sobre los senores tributes de los Indios, 1554. - ECN. Vol. 7, 1967.
324. *Parsons M.N.* The Distribution of the Late Postclassic Spindle Whorls in the Valley of Mexico. - AA. Vol. 40, 1975, № 2, pt. 2.
325. *Pendergast D.M.* Metal Artifact in Prehispanic Mesoamerica. — AA. Vol. 27, 1962, № 4.
326. *Peter G.* Estudios sobre la psicología azteca. - AMNAHE. Epoca 4a, vol. 4, 1926, № 3.
327. *Peterson F.A.* Le Mexique precolombien. P., 1976.
328. *Piho V.* Tlacatecutli, Tlacohtecutli, Tlacatecatl Tlacohtcalatl. - ECN. Vol. 10, 1972.
329. *Pollard H P.* The Political Economy of Prehispanic Tarascan Metallurgy. - AA. Vol. 52, 1987, № 4.
330. *Poo P. de.* History of America before Columbus. Vol. 1, 2. L., 1900.
331. *Prem H.J.* Milpa hacienda. Tenencia de la tierra indigena espanola en la cuenca del Alto Atoyac, Puebla, Mexico (1520-1560). Wiesbaden, 1978.
332. *Prem H.J.* Las fechas calendaricas completas en los textos de Ixtlilxochitl. - ECN. Vol. 16, 1983.
333. *Radin P.* The Sources and Authenticity of the History of the Ancient Mexicans. - UCFAAE. Vol. 17, 1920, № 1.
334. *Reich J.R.* Colonial America. Prentice-Hall, 1984.
335. Relacion anonima, describiendo la divisiyon que tenian los indios en sus tierras en tiempo de Moctezuma el orden que tenian en la Sucesion de las mismas (sin fecha). — *Paso Troncoso F.* (ed.). Epistolario de Nueva Espana. Vol. 14. Mexico, 1940.
336. Relacion anonima sobre tributes otros asuntos de Indias. — ECN. Vol. 7, 1967.
337. Relacion de Bartolome de Zarate vecino regidor de Mexico sobre historia de Nueva Espana. 1544. — *Paso Troncoso F.* (ed.). Epistolario de Nueva Espana. Vol. 4. Mexico, 1939.
338. Relacion de lo que tributaban algunos pueblos de Nueva Espana, de lo que podian tributar gente que habia en ellos (sin fecha). — *Paso Troncoso F.* (ed.). Epistolario de Nueva Espana. Vol. 14. Mexico, 1940.
339. *Reyes Garcia L.* Cuauhtinchan del signo XII al XVI; formacion desarrollo historico de un senorio de prehispanico. Wiesbaden, 1977.
340. *Reyes Garcia L.* Documentos de Toluca en la obra de Zorita. — ECN. Vol. 14, 1980.
341. *Richard C.G.* Monograph on Ornament on Zapotec Funerary Urns. — JSA (n.s.). Vol. 30, 1938.
342. *Riley G.M.* El prototipo de la hacienda en el centro de Mexico; un caso del siglo XVI. — Haciendas, latifundias plantaciones en America Latina. Mexico, 1975.
343. *Robertson D.* Mexican Manuscript Painting of the Early Colonial Period. The Metropolitan Schools. New Haven, 1959.
344. *Romero Galvan J.R.* Las fuentes de las diferentes historias originales del Chimalpahin. - JSA. Vol. 64, 1977.
345. *Romero Galvan J.R.* Dos atestaciones en la obra de Chimalpahin. — ECN. Vol. 13, 1978.
346. *Romerovargas I.I.* Organizacion politica de los pueblos de Anahuac, Mexico. Mexico, 1957.
347. *Rounds J.* The Role of the Tecuhtli in Ancient Aztec Society. — Eth. Vol. 24, 1979, № 4.
348. *Rounds J.* Dynastic Succession and the Centralization of Power in Tenochtitlan. — The Inca and Aztec States, 1400—1800. Anthropology and History. N.Y., 1982.
349. *Ruz Lhuiller A.* La estructura indigena. — Mexico prehispanico. Mexico, 1946.
350. *Sachse U.* Das Marktwesen bei den Azteca. - WZUR. Jg. 14, Hf. 1-2, 1965.
351. *Sahagun B.* Historia general de las cosas de Nueva Espana. Vol. 1—4. Mexico, 1956.
352. *Sanders W.T.* The Population of Central Mexican Symbiotic Region, the Basin of Mexico, and the Teotihuacan Valley in the Sixteenth Century. - The Native Population of the Americas in 1492. Wisconsin, 1976.
353. *Sanders W.Parsons J.R., Santley R.S.* The Basin of Mexico: Ecological Process in the Evolution of Civilization. N.Y., 1979.
354. *Sanders W.T., Price B.J.* Mesoamerica: the Evolution of a Civilization. Ch. 8. N.Y., 1968.

355. *Sanders W.T., Santley R.S.* A Prehispanic Irrigation System Near Santa Clara Xalostoc in the Basin of Mexico. - AA. Vol. 42, 1977, № 4.
356. *Sanders W., Webster D.* The Mesoamerican Urban Tradition. - AAn. Vol. 90, 1988, № 3.
357. *Schedell G.* Medicine in Mexico. From Aztec Herbs to Betatrons. Austin, 1968.
358. *Schlenther U.* Bodenbesitzverhältnisse und Tribute bei den Inka und Azteca. Mit einer sprachlichen Analyse und dem Vergleich der sozialen, ökonomischen und politischen Verhältnisse. — EAZ. Heft 1, 1975.
359. *Sejourne L.* Burning Water. Thought and Religion in Ancient Mexico. N.Y., 1957.
360. *Sejourne L.* Arqueología del valle de Mexico. Mexico, 1970.
361. *Seler E.* Gesammelte Abhandlungen zur Americanischen Sprach- und Altertumskunde. Vol. 1-5. Graz, 1960-1961.
362. *Simeon R.* Dictionnaire de la langue nahuatl ou mexicaine. Graz, 1963.
363. *Smith M.E.* The Aztec Marketing System and Settlement Pattern in the Valley of Mexico: a Central Place Analysis. - AA. Vol. 44, 1979, № 1.
364. *Smith M.E.* El desarrollo económico la expansión del imperio mexica; una perspectiva sistémica. — ECN. Vol. 16, 1983.
365. *Smith M.E.* The Aztlan migrations of Nahuatl Chronicles: myths or history? - Eth. Vol. 31, 1984, № 3.
366. *Smith M.E.* The Role of Social Stratification in the Aztec Empire; a View from the Provinces. - AAn. Vol. 88, 1986, № 1.
367. *Smith M.E.* The Expansion of the Aztec Empire: a Case of Study in the Correlation of Diachronic Archaeological and Ethnohistorical Data. — AA. Vol. 52, 1987, № 1.
368. *Soustelle J.* La pensée cosmologique des anciens mexicains. P., 1940.
369. *Soustelle J.* Observations sur le symbolisme du nombre cinq chez les anciens mexicains. — Actes du XXVIII Congrès International des américanistes. P., 1948.
370. *Soustelle J.* La vie quotidienne des azteques à la veille de la conquête espagnole. P., 1955.
371. *Soustelle J.* Les azteques. P., 1970.
372. *Soustelle J.* El universo de los aztecas. Mexico, 1982.
373. *Spence L.* The Myths of Mexico and Peru. L., 1913.
374. *Spence L.* The Religion of Ancient Mexico. L., 1945.
375. *Spence L.* The Outlines of Mythology. L., 1961.
376. *Spinden H.S.* Sun Worship. Wash., 1940.
377. *Sullivan Th.D.* The Arms and Insignia of Mexico. - ECN. Vol. 10, 1972.
378. *Sullivan Th.D.* Tlatolani and Tlatocayotl in the Sahagun manuscripts. — ECN. Vol. 14, 1980.
379. Suplemento de la genealogía de los reyes de Azcapotzalco. — Anales de Tlatelolco. Mexico, 1948.
380. *Taboada Terdn A.* Mesoamerica: de su origen al modo de producción asiático. Quito, 1982.
381. *Tapia A.* Relación hecha por el señor Andrés de Tapia sobre la conquista de Mexico. — Colección de documentos para la historia de Mexico. Vol. 2. Mexico, 1971.
382. Tasaciones de tributes de la ciudad de Tezcucó su provincia. Mexico, 26 de septiembre de 1544 se tasaron después en 30 de agosto de 1556. — *Paso Troncoso (ed.)*. Epistolario de Nueva España. Vol. 4. Mexico, 1939.
383. Testamento de Juan Rafael Tlacochealcátl. Culhuacán, 12 de enero de 1581. - ECN. Vol. 12, 1976.
384. *Tezozomoc A.* Crónica mexicana. Mexico, 1943.
385. *Tezozomoc A.* Crónica mexicayotl. Mexico, 1949.
386. *Thierner-Sachse U. von.* Die sozialökonomischen Verhältnisse bei den Zapoteca zur Zeit der spanischen Eroberung Mexicos. — EAZ. Jg. 26, 1985, H. 3.
387. *Thierner-Sachse U. von.* Salzgewinnung und Salzhandel bei den Zapoteca Sudmexikos in vorsepanischer Zeit. - EAZ. Jg. 28, 1987, H. 4.
388. *Torquemada J.* Los veinte i un libros rituales i monarquía indiana. Vol. 1-3. Madrid, 1723.
389. *Torquemada J.* Monarquía indiana. Vol. 1—4. Mexico, 1977.
390. *Toscano S.* Arte precolombino de Mexico de la América central. Mexico, 1944.
391. *Toscano S.* La organización social de los aztecas. — Mexico prehispanico. Mexico, 1946.
392. *Tovar J.* The Tovar Calendar. New Haven, 1951.
393. Tratado del principado nobleza del pueblo de San Juan Teotihuacán. — *Guzman E.* Un manuscrito de la colección Boturini que trata de los antiguos señores de Teotihuacán. — E. Vol. 3, 1938, № 4 — 5.
394. *Trautmann W.* Formen der Landnutzung im präkolonialen Mexiko. — JGSWGL. Bd. 10, 1973.
395. *Umberger E.* El trono de Moctezuma. - ECN. Vol. 17, 1984.
396. *Vázquez de Espinosa A.* Descripción de la Nueva España en el siglo XVII. Mexico, 1944.
397. *Veytia M.F.* Los calendarios mexicanos. Mexico, 1957.
398. *Vigil J.M.* Nezahualcoyotl, el rey poeta. Mexico, 1957.
399. *White J.M.* Cortes and the Downfall of the Aztec Empire. A Study in Conflict of Culture. L., 1971.
400. *Williams B.J., Harvey H.R.* Content, Provenience and Significance of the Codex Vergara and the Codice de

- Santa Maria Asunsion. — AA. Vol. 63, 1988, № 2.
401. *Wiske Ch.* Escultura imperialista mexicana: el monumento del Acuecuexcatl de Ahuitzotl. - ECN. Vol. 17, 1984.
402. *Wobeser G. von.* La formacion de la hacienda en la colonial. El uso de la tierra el agua. Mexico, 1983.
403. *Zantwijk R.A.M. von.* Principios organizadores de los mexicas, una introduccion al estudio del sistema interno del regimen azteca. — ECN. Vol. 4, 1963.
404. *Zantwijk R.A.M. von.* La estructura gubernamental del estado de Tlacupan (1430-1320). - ECN. Vol. 8, 1969.
405. *Zantwijk R.A.M. von.* Las organizaciones social-economicos religiosas de las mercaderes. - BEL. Vol. 10, 1970.
406. *Zantwijk R.A.M. von.* Iquehuacatzin, un drama real azteca. — ECN. Vol. 13, 1978.
407. *Zantwijk R.A.M. von.* La introbincion de Acamapichtli de Tenochtitlan las caracteristicas de su gobierno. — ECN. Vol. 15, 1982.
408. *Zavala S.* Hernan Cortes ante la justificacion de su conquista de Tenochtitlan. - RUY. a. 26. 1984, № 149.
409. *Zorita A.* Breve sumaria Relacion de los señores de la Nueva Espana Mexico, 1942.
410. *Zorita A.* The Lords of New Spain. L., 1965.
411. *Zuazo A.* Carta del licenciado Alonso Zuazo al padre Fray Luis de Figueroa, prior de Mejorada. — Coleccion de documentos para la historia de Mexico. Vol. 1. Mexico, 1971.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Чикомосток («Семь пещер») — мифическая пещера, связанная с прародиной ацтеков. Среди сцен повседневной жизни, изображенных на рисунке, обращает не себя внимание фигурка мужчины в шкуре дикого животного, добывающего огонь (верхний правый угол). Богатая одежда воинов, украшенная перьями, оружие в их руках (в нижней части рисунка) соответствуют доиспанской традиции.

(MS. Mexicains de la Bibliotheque Nationale).

Рис. 2. Жизнь в Ацтлане. На рисунке в соответствии с представлениями о прародине изображен остров с высокой горой. Среди разбросанных по нему домов выделяется ступенчатая пирамида с храмом наверху. Достоверно представлен внешний облик ацтеков, их традиционная одежда, оружие доиспанского периода.

(Codice Azcatitlan).

Рис. 3. Исход из Ацтлана и путь в Колуакан в год «1. текпатль» («1. кремь») по древнеацтекскому календарю (дата указана в квадратной рамке). В левой части рисунка представлен Ацтлан (название передано пиктограммой в виде соединенных вместе знаков «стрела» и «вода», на вершине ступенчатой пирамиды). Переправу предков ацтеков с острова на сушу символизирует гребец на лодке. В гроте Колуакана («Гора с загнутой вершиной») показан алтарь племенного бога ацтеков Уитсилопочтли (голова в маске колибри); он дает наставления своему народу, что переда но с помощью «завитков» (так называемые «знаки речи»). В правой части 1 рисунка изображены иероглифы — пиктограммы названий 8 племен (в связке с фигурами вождей), сопровождавших (в соответствии с легендарно-мифологической традицией) древних ацтеков в начальный период их переселения (сверху вниз): матлатцинка, тепанека, чичимека, малиналька, Куитлауака, шочимилька, чалька, уэшотцинка.

(Codex Boturini).

Рис. 4. Вариант изображения исхода из прародины (ср. рис. 3). Кроме названий восьми племен, горы, даты «1. текпатль» в верхнем ряду слева изображен храм, символизирующий ацтекское племя, а в нижнем показаны вожди и другие персонажи, связанные с этой религиозно-мифологической традицией.

(Codice Azcatitlan).

Рис. 5. Фотокопия фрагмента пиктографической рукописи (ср. рис. 6). Четыре фигурки справа («носильщики бога») символизируют отделение ацтеков от остальных мигрирующих племен: отныне, согласно религиозно-мифологической традиции, ацтеков ждет судьба избранного богом Уитсилопочтли народа.

(Codex Boturini).

Рис. 6. Фрагмент рукописи. На рисунке — отдельные сцены, связанные с отделением ацтеков от других племен в период переселения. Во время остановки на ночлег (знак «звездное небо» в самом верху рисунка) и трапезы (см. центральную сцену) неожиданно сломалось большое дерево, под которым находился временный алтарь Уитсилопочтли, что было расценено как дурной знак. В правом нижнем углу показано, как бог Уитсилопочтли отдает приказание ацтекским жрецам вместе с народом отделиться от остальных племен. На верхнем рисунке в правой части фрагмента изображен момент, когда ацтекский вождь (слева) сообщает это приказание бога одному из представителей восьми племен (вождю куитлауака); последний огорчен настолько, что плачет.

(Codex Boturini).

Рис. 7. Повседневная жизнь индейцев-охотников периода легендарного переселения. Рисунок отличается высокой точностью деталей; он позволяет познакомиться с характерными представителями флоры и фауны,

экипировкой воинов-охотников (круглые щиты, острые копья, сандалии, одеяния); достоверно изображены и женские персонажи (длинные одежды, специфические прически с двумя «рожками» на лбу). (Codice Azcatitlan).

Рис. 8. Фрагмент пиктографической рукописи. На рисунке — повседневные занятия переселенцев во время короткой остановки: одна женщина растирает семена на метате (зернотерке) с помощью метлапилли (скалки), другая, изображенная со спины (рисунок не завершен), строит жилище; мужчина направляется к реке за водой. (Codice Azcatitlan).

Рис. 9. Фрагмент пиктографической рукописи: изображение странствий ацтеков на пути из прародины Ацтлана в Мексиканскую долину. (Codex Boturini).

Рис. 10. Два фрагмента пиктографической рукописи, отражающей отдельные моменты истории г. Колуакана (в период примерно 1344-1374 гг.), соперника г. Аскапотсалько. (Mapa de Terexchan).

Рис. 11. Фрагмент пиктографической рукописи: события в Мексиканской долине периода 1385-1399 гг. (годы «10. дом» — «11. тростник»), когда в Теночтитлане у власти находились тлатоани Акамапичтли и Уитсилиуитль, а в г. Аскапотсалько, которому они подчинялись, — Тесосомак. На рисунке показано разрушение г. Колуакана по приказу Тесосомака. (Codex Telleriano-Remensis).

Рис. 12. Страница пиктографической рукописи, иллюстрирующая политическую историю г. Тескоко в конце XIV в. Этим документом пользовался историк Ф. А. Иштлильшочитль, описывая прошлое своих далеких предков, представителей правящей династии Тескоко. (Codex Xolotl).

Рис. 13. Традиционное изображение древнеацтекских тлатоани с пиктограммами их имен; верхний ряд (слева направо): 1) Акамапичтли, 2) Уитсилиуитль, 3) Чимальпопока, 4) Итцкоатль; средний ряд (слева направо): 5) Ашайакатль, 6) Мотекусума I (в действительности Ашайакатль был шестым по счету правителем и правил позже Мотекусумы I). 7) Тисок; нижний ряд (слева направо): 8) Ауитсотль, 9) Мотекусума II Младший, 10) Куитлауак, 11) Куаутемок.

Даже по иконографии можно проследить различную роль тлатоани в начальный (первые три правителя) и в следующие периоды истории, когда Теночтитлан становится независимым: начиная с Итцкоатля они изображены сидящими на троне с диадемой на голове и особым носовым украшением — атрибутами власти и могущества.

Рис. 14. Разрушенный храм с языками пламени, выбивающимися из-под крыши, — традиционное изображение в пиктографических рукописях взятия вражеских поселений. В данном случае отражен захват г. Теочиапана (пиктограмма слева). (Codex Mendoza).

Рис. 15. Обозначение в пиктографических рукописях с помощью особого знака «движение» (внизу) землетрясения, случившегося в год «2. кремень» (1468 г.) в период правления Мотекусумы I Старшего. (Codex Telleriano-Remensis).

Рис. 16. Страница древнеацтекской рукописи, иллюстрирующая 12 лет правления тлатоани Ашайакатля (годы «4. кролик» — «2. дом»). (Codex Mendoza).

Рис. 17. Жертвоприношение на камне-алтаре. (Codex Duran).

Рис. 18. «Камень Тисока».

Рис. 19. Фрагмент раннеколониальной исторической рукописи. Традиционными средствами индейской пиктографии живописуются последствия неурожая и голода в 1505-1507 гг. (годы «13. дом», «1. кролик», «2. тростник» — в левой части фрагмента): тело умершего с голода человека, уводимый в рабство мужчина; в соответствии с древними поверьями, стихийному бедствию предшествовало появление в небе кометы. (Codice de 1576).

Рис. 20. Уничтожение урожая грызунами в 1506 г. (Codex Telleriano-Remensis).

Рис. 21. «Календарный камень» («Камень Солнца»).

Рис. 22. Календарный камень со знаками пяти мировых эпох из Музея Йельского университета.

Рис. 23. Боковые стороны каушикалли («орлиная ваза») — сосуд для жертвоприношений — с датами мировых периодов.

Рис. 24. «Храм священной войны» (базальтовая модель).

Рис. 25. Каушикалли с символом пятого Солнца «4. движение».

Рис. 26. Дата «4. движение» на ритуальном барабане.

- Рис. 27.* Традиционное изображение в ацтекских пиктографических рукописях завершения 52-летнего цикла, отмечаемое знаком зажжения нового огня.
(Codex Vaticanus 3738A).
- Рис. 28.* Первый мировой период, или «Солнце Воды», под покровительством богини Чальчиуитликуэ. Внизу — один из представителей исчезнувшего рода гигантов согласно древнеацтекской религиозно-мифологической традиции.
(Codex Vaticanus 3738A).
- Рис. 29.* Второй мировой период, или «Солнце Ветра», под покровительством бога Кетсалькоатля.
(Codex Vaticanus 3738A).
- Рис. 30.* Третий мировой период, или «Солнце Огня», под покровительством бога огня Шиутекутли.
(Codex Vaticanus 3738A).
- Рис. 31.* Четвертый мировой период под покровительством богини цветов Шочикетсаль.
(Codex Vaticanus 3738A).
- Рис. 32.* Пленник на темалакатле, камне для ритуальных жертвоприношений.
(Atlas Duran).
- Рис. 33.* Фрагмент страницы ритуальной рукописи: бог солнца Тонатлиу с характерным украшением в виде расходящихся лучей.
(Codex Vaticanus 3738A).
- Рис. 34.* Страница пиктографической рукописи: в форме креста представлен 52-летний отрезок истории г. Тескоко и Мексики.
(Codex en Croix).
- Рис. 35.* Фрагмент индейской пиктографической рукописи. На рисунке — момент охоты. Кроме лука и стрел изображена сетка-рюкзак для хранения и транспортировки добычи.
(Codex Boturini).
- Рис. 36.* Мифологический персонаж, занятый рыболовством.
(Codex Bordgia).
- Рис. 37.* Передача навыков рыбацкого занятия от отца к сыну.
(Codex Mendoza).
- Рис. 38.* Ловля рыбы сачком с использованием лодки.
(Codex Mendoza).
- Рис. 39.* Рыбопитомники (огороженные участки озера).
(Codice Azcatitlan).
- Рис. 40.* Лист из индейского пиктографического документа. На рисунке — ацтекские рыбаки за работой. Хорошо видны используемые ими орудия труда — лодки, сачки, крючки, остроги.
(Codice Azcatitlan).
- Рис. 41.* Пиктографическое изображение земли в виде возделанного поля.
(Codex Vaticanus 3738A).
- Рис. 42.* Индейский рисунок из раннеколониальной рукописи; обработка земли с помощью палки-копалки.
(Codex de Huamantla).
- Рис. 43.* Изготовление тортильи. На оригинальном индейском рисунке представлена вся основная кухонная утварь: зернотерка, сосуды для пищи и питья.
(Codex Mendoza).
- Рис. 44.* Изготовление напитков из сока агавы. Слева обозначена дата — «7. тростник».
(Codex Boturini).
- Рис. 45.* Копия нижней левой стороны так называемого «Плана на бумаге из агавы». На ней видно, что 6-8 участков-чинамп принадлежат каждой семье: профиль главы семьи и его имя, изображенное пиктограммой (с расшифровкой латиницей), указаны над каждым домом. Улицы обозначены прямой лентой со следами ног; плотина отмечена изображением каменных блоков разных размеров и форм; все остальное пространство покрыто водой.
[86, с. 191].
- Рис. 46.* Примеры оформления кадастров в раннеколониальный период с использованием традиционных средств индейской пиктографики.
[361, т. 1, с. 261].
- Рис. 47.* Обучение ткачеству. Мать наставляет дочь, которая работает за станком простейшей конструкции.
(Codex Mendoza).
- Рис. 48.* Мастер по изготовлению изделий из перьев обучает ремеслу своего сына.
(Codex Mendoza).
- Рис. 49.* Плотник за работой.
(Codex Mendoza).

- Рис. 50.* Строительство храма в Тлателолько. Переноска строительных материалов осуществляется с помощью мекапаль.
(Codice Azcatitlan).
- Рис. 51.* Образец оригинального ацтекского реестра дани. В колонке слева (сверху вниз) пиктограммы названий городов; справа указаны предметы дани, которые они должны поставлять Теночтитлану: разнообразные ткани-накидки, мешки с перцем, тюки хлопка, военные и парадные одежды.
(Codex Mendoza).
- Рис. 52.* Фрагмент индейской пиктографической рукописи: повинности жителей Сан-Андрес перед колониальной администрацией г. Теночтитлана-Мехико.
(Codex San Andres).
- Рис. 53.* Изображение в раннеколониальной рукописи традиционными средствами пиктографии выполнения индейцами повинностей в пользу испанских властей.
(Codice de Otlazpan).
- Рис. 54.* Оригинальный индейский рисунок раннеколониального периода, изображен уголок знаменитого рынка в Тлателолько.
(Codex Duran).
- Рис. 55.* Фрагмент индейской исторической пиктографической рукописи. На рисунке — обмен хлопковой ткани на тортильи. Торговая операция осуществляется в г. Калтенко, сложная пиктограмма названия которого представлена слева, за спиной женщины-торговки.
(Codex Xolotl).
- Рис. 56.* Убийство торговца и его носильщиков; в верхней части рисунка изображены груз с товаром (справа) и знаки отличия купца.
(Codex Mendoza).
- Рис. 57.* Транспортировка груза на лодке; справа — традиционное пиктографическое изображение храма, символизирующее город.
(Codex Mendoza).
- Рис. 58.* Приспособление для транспортировки грузов.
(Lienzo de Tlaxcala).
- Рис. 59.* Переноска груза носильщиком.
(Codex Mendoza).
- Рис. 60.* Изображение периодов человеческой жизни в мексиканской пиктографической рукописи в виде подъема в гору и спуска с нее.
(Codex Vaticanus 3738A).
- Рис. 61.* Страница из ритуального раздела ацтекской пиктографической рукописи.
(Codex Vaticanus 3738A).
- Рис. 62.* Страница из раннеколониальной копии ацтекского астрологического календаря.
(Florintine Codex).
- Рис. 63.* Представитель знати (пилли). Такую длинную богатую одежду могли носить только представители верхушки общества.
(Codex Mendoza).
- Рис. 64.* Страница раннеколониальной рукописи. На рисунке — древнеацтекские жрецы, исполняющие кровавый обряд.
(Codex Tudela).
- Рис. 65.* Страница копии древнеацтекской рукописи, дающая представление о 260-дневном ритуальном календаре.
(Codex Telleriano-Remensis).
- Рис. 66.* Пленник (малли) и пленивший его. В руках победителя богато украшенный щит, за спиной знак воинского отличия.
(Codex Mendoza).
- Рис. 67.* Турниры-состязания между «орденами» (военными союзами) воинов — «орлов» и воинов — «ягуаров». Обе группы отличает специфическая экипировка, воспроизведенная этнографически точно.
(Florintine Codex).
- Рис. 68.* Традиционное изображение должностного лица с характерными знаками отличия.
(Codex Mendoza).
- Рис. 69.* Рабы с ярмом на шее.
(Codex Mendoza).
- Рис. 70.* Страница пиктографической рукописи, иллюстрирующая политику ацтекского государства в покоренных областях.
(Codex Mendoza).

- Рис. 71.* На фрагменте пиктографической рукописи — эпизоды, связанные с политикой ацтекского государства по отношению к жителям восставших районов.
(Codex Mendoza).
- Рис. 72.* Чиновник, наблюдающий за работами по содержанию храмов, дорог, мостов, оросительных каналов.
(Codex Mendoza).
- Рис. 73.* Управление и суд в ацтекском государстве.
(Codex Mendoza).
- Рис. 74.* Мужчина и женщина ночью (на это указывают четыре «ока звезд») заняты воровством. Сопровождающая рисунок пояснительная надпись латиницей на языке науатль объясняет, что воровство происходит на рынке. Такое преступление наказывалось смертью, на что указывает безличная фигура справа.
(Codex Quinatzin).
- Рис. 75.* Вор обшаривает короб из тростника. За такое преступление вора приговаривали к смерти.
(Codex Quinatzin).
- Рис. 76.* На фрагменте пиктографической рукописи — вор, обирающий ночью спящих в доме хозяев. Его добыча — дорогие перья, ткань и короб с золотыми изделиями (как гласит надпись, расшифровывающая содержание рисунка). За такое преступление полагалась смерть.
(Codex Quinatzin).
- Рис. 77.* Представленный здесь фрагмент пиктографической рукописи является пример своего рода морально-правового наставления и вместе с сопровождающей его расшифровкой латиницей может рассматриваться как притча о плохом (справа) и хорошем (слева) сыне.
(Codex Quinatzin).
- Рис. 78.* На рисунке представлены заключенные в тюрьму («клеть») мужчина и женщина, уличенные в нарушении супружеской верности.
(Codex Quinatzin).
- Рис. 79.* На картинке — наказание за супружескую измену. В то время как женщину наказывали удушением (?), мужчину ожидала мучительная смерть у костра; чтобы усилить страдания и продлить их, несчастного обливали водой.
(Codex Quinatzin).
- Рис. 80.* Наиболее типичное наказание за супружескую измену — забивание камнями.
(Codex Quinatzin).
- Рис. 81.* Суд в г. Тескоко во времена правителя Несауальпилли. Судья (он изображен сидящим в своей резиденции) объявляет свое решение мужчине и женщине. Внизу — мужчина, казненный по приговору суда.
(Codex Quinatzin).

Файл является скан-копией книги В.Е.БАГЛАЙ «АЦТЕКИ: ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ» (Доколониальный период);
Файл не содержит иллюстрации, список сокращений, указатель имен, указатель региональных этнических и географических названий;
Редактор Меньшиков В.Б., М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 432 с.: ил., схемы, тираж 1000 экз.;
OCR – Sam, 2006 (<http://mesoamerica.narod.ru/aztec.html>).

Файл предоставлен Вам бесплатно, только для ознакомления и без дальнейшего распространения;
Предоставивший Вам файл не преследует своей целью коммерческую выгоду и не несёт ответственности за дальнейшее использование скан-копии.